А. ФИНН-ЕНОТАЕВСКИЙ

КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ

(1890—1917 г.г.)

ТОМ ПЕРВЫЙ

ВТОРОЕ ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ
ИЗДАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

ФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКФ СССР
МОСКВА 1925

Ленинградский Гублит № 15374. Зак. № 1370. Тираж. 5070 экз. 24³/₈ печ. л.
Типо-Литография „Красный Печатник". Ленинград, Международный пр., 75

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вышедшая весной 1911 года книга автора: „Современное Хозяйство России", охватывавшая период 1890—1910 г. г., давно разошлась. Поступавшие к нему за время революции с различных сторон предложения переиздать эту книгу он отклонял, считая, что предварительно должна быть сделана работа, охватывающая последующие годы, включая и революционный период. Для оценки последнего не настал, однако, еще момент. Настойчивые советы друзей пойти навстречу потребности учащихся в такой книге побудили автора разрешить дилемму путем дополнения прежнего издания исследованием периода, предшествовавшего войне (1910—1914 г.), и военного хозяйства до февральской революции.

Механически это сделать нельзя было. Автору скоро стало ясно, что ему нужно переработать и предыдущее изложение, чтобы поставить его в органическую связь с анализом последующих годов. Самый план книги изменился: центр тяжести был уже не в прогнозе грядущего, на основе прошлого и текущего, а в оценке прошедшего. Жизнь — „этот пробный камень диалектики" — здесь уже решила, насколько теоретические предпосылки и основные выводы автора были правильны. С другой стороны, автор за прошедшие 15 лет чему-нибудь и научился: не прекращавшаяся работа его в сфере чистой теории — автор не переставал следить за движением мировой экономической мысли, — как и постоянные наблюдения его за ходом мирового и, в частности, нашего хозяйства, не могли не расширить его горизонта. Это естественно должно было сказаться и на ряде дополнений и изменений в теоретической части прежней работы, — он ограничился при этом самыми необходимыми изменениями, — а также и на более полном освещении различных сторон нашей хозяйственной жизни. Основные положения его прежнего исследования все же испытание выдержали.... Впрочем, этот вопрос лучше рассмотреть во втором томе, когда можно будет подвести общий итог работе. Однако некоторые замечания, которые бы осветили теоретическую позицию и отношение автора

к революционной практике последнего десятилетия, он считает необходимым сделать уже здесь.

С начала 90-х годов для автора не подлежало сомнению, что победа над царским режимом будет достигнута лишь благодаря все большему революционизированию нашего промышленного пролетариата, который является прямым преемником и наследником нашей героической революционной интеллигенции 70 и 80-х годов. Это он и высказал в 1896 году в написанном им адресе по поводу двадцатипятилетия со дня провозглашения Парижской Коммуны, адресе, посланном тогда французским рабочим рабочими Москвы. С начала 900-х годов для автора все более становилось ясным, что и крестьянство призвано у нас играть революционную роль. Это он неоднократно высказывал в ряде работ до революции 1905 года и, между прочим, в предисловии к переводу „Крестьянской войны" Энгельса, где взгляду Лассаля на крестьянское движение в Германии XVI века, как на движение „фактически реакционное", автор противопоставил взгляд Маркса и Энгельса, что оно и в 1525, и в 1848 году было там революционным и по существу, добавив, что таким оно должно быть при существующих условиях и у нас. То же самое автор развивал и при исследовании аграрного вопроса у нас, и при выработке аграрной программы для союзника нашего пролетариата — крестьянства (см. его статьи в „Соврем. Мире" за 1905 г., изд. отдельной книжкой: „Аграрный вопрос и С. Д." (1906 г.)

Такой взгляд на рабочее и крестьянское движение у нас сближал автора с левым революционном крылом марксизма. Но и тогда его отдаляло существенное разногласие во взгляде на нашу буржуазно-демократическую по существу революцию 1905 г.; автор не смотрел на нее, как на пролог к пролетарской, в смысле непосредственного перехода к социалистическому переустройству общества, что он и высказал в „Современном Мире" в конце 1905 г.

В своей работе „Современное хозяйство России", где автор проанализировал и экономические начала революции 1905 г., и ход нашей экономической жизни после нее, он установил, что движение нашего народного хозяйства, начиная с освобождения крестьян, определяется двумя процессами: прогрессивным европейским развитием промышленного капитализма, и регрессивным азиатским, выражающемся в сохранении докапиталистических, включая и феодальные, хозяйственных отношений, сопровождаемых ростовщически-ссудным и купечески-кулацким капиталами и отсталым политическим режимом. В противоположность народникам он видел причину нашей экономической, политической и вообще общественной отсталости не „в искуственном насаждении" у нас частного капиталистического производства, а наоборот в наших „самобытных", на деле свойственных азиатским странам, экономических условиях, обусловливающих и слабость промышленного капитала. Оба эти процесса, созидания и разрушения, обостряя внутренния противоречия до крайности, действуют у нас революционно... На основании такого диагноза автор и выставил тогда прогноз, что, если условия не изменятся, нас в недалеком будущем ждет революция, гораздо более сильная, чем 1905 года.

Вопреки мнению ревизионистов и ликвидаторов того времени он утверждал, что и в этой грядущей революции „не исключена возможность пассивной поддержки со стороны буржуазии—особенно средней—пролетариата в его подъеме против полуабсолютистского режима, не исключена возможность, что буржуазия на первых порах примет, как и в 1905 году, участие в общенациональном движении, в подъеме широких масс пролетариата, крестьянства и городской бедноты против господства бюрократии, феодалов и юнкеров. А к такому подъему масс скорее всего приводит весь современный экономический и политический ход вещей" (503 стр.). То же и в заключительной главе, где указывается, что общенациональный характер грядущей революции не определится участием или неучастием в ней буржуазии, „а подъемом пролетариата, промышленного и сельского, вместе с крестьянской и городской беднотой. В нем примет участие громадное большинство нации" (522 стр.)...

„Разногласий нет"—сказал автору летом 1911 года Ленин, приветствовавший тогда вместе со своими ближайшими сотрудниками появление книги „Соврем. Хоз. России". Все же они были. Взгляд автора на грядущую революцию, как на доведение до конца начал, выдвинутых революцией 1905 года, какую бы политическую форму она ни приняла, — конечно, если социалистическая революция на Западе не изменит мировой атмосферы,— оставался в силе...

Война обострила разногласия... Пораженческой теории автор противопоставил позицию оборончества, но не в смысле Гейне, Давида или Вандервельде, а Жореса. Свободное самостоятельное экономическое развитие страны — это необходимое условие ее политического и социального развития, развития в ней демократии и материального созревания для социализма. Марк-

сизм не отвергает государственно-национальной точки зрения. Национальные хозяйственные интересы — интересы развития производительных сил данной страны — имеют для него первенствующее значение. Национальная, государственная, сфера — это центр приложения сил для достижения интернациональной победы пролетариата. Поскольку данная страна борется за свое освобождение или защищает свою государственную независимость, она имеет историческое, т.-е. действительное законное право на Nationalkrieg — национальную войну, как народ всегда имеет право на civil war, гражданскую войну, пока в ней существует классовое господство. Эту мысль он и выразил в статье „Памяти Жореса" („Соврем. Мир", сентябрь 1914 г.), и с этой целью он процитировал там следующее очень характерное место из речи Жореса во французском парламенте в 1895 году.

„Если гроза, наконец, разразится, если правительства Европы своей непредусмотрительностью, или своим эгоизмом, подвергнут мир возмутительному испытанию, то какое положение займет пролетариат, в чем будет состоять его долг? Двойная обязанность возникнет перед ним. Среди разразившейся бури он должен будет путем величайших усилий способствовать возникновению нового социального строя. И в то же время должен будет зорко следить за тем, чтобы не поплатиться за катастрофу, вызванную непредусмотрительностью власть имущих, необходимой социальной независимостью, целостью родины"... Двойная задача: революция и оборона! И в отличие от тех, которые, потеряв во время войны способность ко всякой правильной ориентировке, все чаяния и надежды связывали с той или иной внешней ориентацией и не видели, что центр тяжести во внутренней, автор в статье „Причины мировой войны" — в октябре того же 1914 г. — писал: „Европейская пролетарская революция имеет своим противовесом всю империалистическую Европу, а не одну лишь оффициальную и буржуазную Россию" (157 стр.) „Не на империалистическую буржуазную Европу возлагает русский народ свои надежды, а на производительные силы своей страны, на развитие своих внутренних классовых противоречий. И больше, чем от Англии, Германии и Франции, освобождение Персии, Турции, и Китая зависит от судеб внутреннего политического развития России"... (стр. 160). Совершенно ясно, что позиция автора не имела ничего общего ни с примирением, хотя бы на время войны, с царским режимом, ни с какой либо апологией империалистической войны, что обычно и связывается у нас с оборончеством...

Изложенная точка зрения на войну находила у автора все больше подкрепления в анализе военного хозяйства. Вопреки катедр-социалистическим увериниям à la проф. Яффе и маниловщине многих социалистов, не только ревизионистов, что война развивает в хозяйстве социалистические начала, создает новые высшие организационные хозяйственные формы, автор в начале 1916 года в своих статьях „Судьбы капитализма и мировая война" указывал: „Сколько бы война ни продолжалась, для всякого беспристрастного исследователя не может не быть ясным, что ни одного из коренных противоречий буржуазного хозяйства, вызвавших ее, она не устранит, ни одной из основных социальных задач, стоящих перед человечеством, она не разрешит"... („Соврем. Мир" январь 1916 г.). Он указывал, что новые формы, о которых столько кричат, это формы военного государственного капитализма, а не социализма; ограниченный, противоречивый, общественный фундамент производства не только остался, но все суживается... Ни при каком другом экономическом строе не наблюдается такого роста социальных контрастов, как при военном. И чем дальше, тем больше обостряются внутри самого капитала противоречия между движением сокращающегося производительного и все расширяющегося денежного — фиктивного — капитала... При таких условиях, писал он, „катастрофический характер движения получает большую вероятность". И это особенно в стране, „где азиатские формы хозяйства и политической жизни продолжают действовать, где сила приспособления оказалась слабее и дезорганизационные процессы, вызванные войной, оказались сильнее", т.-е. в России (там же, февраль 1916 г.).

Этот рост регрессивных процессов во время войны, усиливавшийся вместе с распространением обреченного у нас на банкротство бюрократического государственного регулирования хозяйства и по мере расширения денежно-фиктивного капитала за счет слабого промышленного, и придал развитию экономических противоречий у нас односторонний характер, что и привело не только к политической революции, но и к социальному перевороту...

Когда вышла книга: „Современное Хозяйство России", она встретила не только радушный прием в среде социалистов — со стороны Плеханова, Ленина, Розы Люксембург, „Die Neue Zeit" и др., — но и лестную критику в лагере политических противников: достаточно указать на отзывы проф. А. Кауфмана

в „Речи“ и В. В. Воронцова в „Вестнике Европы“ за 1911 год. Такую же благоприятную оценку эта работа нашла в свое время и в академической среде: в отзывах профессоров: Исаева, Бернацкого, М. И. Боголепова, Буковецкого и др... И такой прием, оказанный книге, автор приписывает прежде всего *методу*, которому он следовал при анализе нашей экономической жизни.

Чуждый всяких „новейших“ течений, будь то прагматистов, телеологов, идиографов, эмпириков-статистиков, философов действия или др., автор считает теорию *закономерности* экономических явлений научно бесспорной. Задача исследователя установить *внутреннюю* связь явлений, вскрыть внутренний, движущийся в *противоречиях*, процесс, определить тенденцию, основную линию направления, в перекрещивающихся между собой движениях различных и все усложняющихся моментов экономической жизни, подчиненных своим законам. Это и значит дать *объективно научный*, обязательный для всех, анализ действительности...

Такая объективность не имеет ничего общего с „объективным“ объяснением явлений, одинаково все и всех оправдывающим. Социальная жизнь движется в противоречиях; в этом стихийном процессе идет борьба классов, и установление результирующей линии движения не устраняет, конечно, оценки ее с точки зрения интересов того или другого класса, идеологом которого считает себя автор. Но и при этом следует считаться не с субъективными желаниями, а с объективными возможностями.

В классовом строе приходится ставить вопрос так: условия господства *какого* класса способны при данном состоянии материальных и живых производительных сил общества удовлетворить лучше всего потребности громадного большинства его, условия господства какого класса при данном ходе вещей больше всего соответствуют, как *основной* закон существования общества...

Конечно, не только отдельные лица, группы или партии, но и целые классы могут ошибаться в оценке положения и в соответствующих своих действиях: так, например, наши бывшие помещики и наша бывшая финансовая аристократия несомненно рвут на себе волосы за свою прошлую политическую близорукость... Правильна или ошибочна была данная классовая оценка решает в последней инстанции своим дальнейшим ходом сама жизнь..

Февраль 1925 г. *А. Финн-Енотаевский.*

ВВЕДЕНИЕ К „СОВРЕМЕННОМУ ХОЗЯЙСТВУ РОССИИ“.

С 1861 года наша экономическая жизнь обнаруживает два самостоятельных процесса. С одной стороны шло развитие промышленного капитализма, процесс в конечном счете прогрессивный, увеличивавший производительные силы страны, создававший новые общественные классы с новыми потребностями. С другой стороны, в силу сохранения у нас остатков крепостнического и феодального строя, в силу полуазиатского характера нашего политического режима, шел процесс регрессивный в деревне, шло раззорение массового крестьянского хозяйства, совершалась экспроприация широких слоев крестьянства. Оба эти процесса действовали и продолжают до сих пор действовать друг на друга, обостряя противоречие между старыми и новыми хозяйственными формами, усиливая антагонизм между старыми и новыми классами. В то время как марксисты, прокладывая себе в 90-х годах дорогу в нашей общественной атмосфере, постоянно подчеркивали прогрессивный характер первого, капиталистического, процесса и в пылу полемики с народниками подчас игнорировали второй, отрицательный, процесс, делавший особенно трудным и болезненным развитие у нас промышленного капитализма, народники видели лишь один регрессивный процесс в нашем хозяйстве, и все беды приписывали „насаждавшемуся искусственно“ капитализму... Жизнь безжалостно разбивала все экономические теории народников, однако они до сих пор отстаивают свои старые позиции и продолжают толковать о самобытных путях хозяйственного развития России.

Когда вопрос о том, идет или не идет Россия по пути капитализма, был сдан, наконец, в архив, народниками была выдвинута теория об отличительном характере нашего капитализма, который, в противовес западно-европейскому, играет лишь отрицательную роль и никакой исторической „миссии“, в смысле переходной стадии к социализму, у нас выполнить не может. Этот взгляд защищался особенно ярко Николаем—оном, и опубликованные в 1908 г. письма Ф. Энгельса к нему представляют в этом отношении глубокий интерес. Энгельс, не принимавший в начале 90-х годов участия в открытой полемике русских марксистов с их противниками и отклонявший—по излагаемым им в одном из писем причинам—усиленные просьбы с различных сторон вмешаться в спор, стоял, как теперь явствует из его полемики с Н-оном, решительно на стороне „псевдомарксистов“, как называли тогда русских с.-д. народники. В этих письмах, поражающих своей глубиной и ясностью понимания наших эко-

номических условий, дается блестящая критика романтических и утопических взглядов народников. Энгельс совершенно определенно подчеркивает и историческую неизбежность развития у нас капитализма, и прогрессивность этого явления. Он постоянно указывает на аналогичность совершающегося у нас капиталистического процесса с таковым на Западе, и народническому пессимизму противопоставляет оптимистический, защищавшийся всегда с.-д., взгляд насчет тождества исторической роли капитала у нас и на Западе.

Мы обращаем здесь внимание на эти письма, так как они до сих пор сохраняют для нас всю свою силу. Народничество все еще достаточно живо у нас. Мнение Туган-Барановского, что основные разногласия между народниками и марксистами теперь исчезли и споры между ними решительно утрачивают свой смысл, является ошибочным. Взгляд на роль капитализма в России остался у народников прежний. С другой стороны неверно утверждение Туган-Барановского, что марксисты проникнись многими народническими экономическими идеями. („Речь" от 15 января 1910 г.). Взгляды марксистов на крестьянское хозяйство, кустарную промышленность и вообще на современный ход экономического развития России остаются, как и прежде, существенно отличными от народнических... Так, В. В. по поводу промышленного кризиса 1900—1902 г.г. писал: „Догматическое учение неомарксизма (т.-е. рос. социал-демократии. *А. Ф.-Е.*) быстро теряет власть над умами, а беспочвенность новейших успехов индустриализма сделалась, повидимому, совершенно очевидной даже для оффициальных его апологетов... В первом десятилетии XX века мы возвращаемся таким образом к той самой постановке вопроса экономического развития России, какая была завещана своим преемникам поколением семидесятых годов прошлого столетия" [1]. И как раньше, так и в настоящий момент он видит все спасение в повороте к государственному социализму. То же самое и г. Пешехонов. Указав в 1903 г. на бесцельность насаждения у нас капитализма, он в 1905 г., обосновывая свою аграрную программу, писал: „Если в сфере земледельческого производства упрочится трудовое хозяйство, то этим до известной степени будет предрешено направление и всей остальной народнохозяйственной жизни. Другими словами: мы надеемся, что крестьянское трудовое хозяйство послужит исходной точкой и надежной опорой для переустройства всей социальной жизни на трудовых началах... Западная Европа, худо ли, хорошо ли, решила земельную проблему обращением земли в личную собственность. Для нас идти этим путем невозможно: нам нужно повернуть в сторону собственности государственной"... Мы все еще стоим „на распутьи" — говорили в то время г. Пешехонов и его единомышленники — и мы вольны избирать себе самобытный, а не капиталистический путь экономического развития: „Активное состояние нашего крестьянства в эту критическую эпоху народной жизни несомненно может и историю заставить свернуть с проторенной дороги" [1])... Наконец, яркой иллюстрацией нынешних народнических взглядов может служить книга г. Зака: „Промышленный капитализм в России", вышедшая в 1908 г.

[1]) „Народное Хозяйство", Октябрь 1902 г. 182—188 стр. И в заседании В. Э. Общества (20 октября 1910 г.) В. В., полемизируя с Туган-Барановским по поводу современного состояния промышленности, заявил, что он остается на той же позиции, на которой стоял 30 лет тому назад.

„Капитализм рассматривается у нас, как нечто неизбежное," — пишет г. Зак. — „однако опыт 90-х годов заставляет проверить этот взгляд..." Было время, когда промышленный капитал выполнял определенную историческую роль, роль положительную. Но теперь эта пора прошла повсюду. „Уместны были споры, нужен ли капиталистический котел, или при тех или иных условиях возможны другие пути, ведущие к социализму"; такие споры были уместны раньше, но не теперь, когда капитализм стал и на Западе фактором регрессивным и когда он к нам явился уже „не как фактор освобождения, а как фактор закрепощения производительных сил страны". Перед капитализмом — рассуждает г. Зак—все более и более вырастает дилемма: или быть уничтоженным и таким образом открыть путь для дальнейшего развития производительных сил страны, или продолжать существовать и тем самым обречь данную страну на нищету и упадок культуры. В старых капиталистических странах капитал накопил много энергии для борьбы за свое самосохранение, в молодых странах такой энергии у него нет, и его крушение тем легче и ближе. „Мы видели" — продолжает он, — „что в России промышленный капитал бессилен был защищать себя даже при поддержке старого режима. Очевидно, при народовластии, когда в общем итоге в краю угла будут стоять интересы если не народных масс, в тесном смысле, то интересы государственного целого,—капитализму и вовсе нечего будет думать о своей самозащите. Таким образом, оправдаются давнишние ожидания, что Россия, как страна со слабым развитием и ничтожным прошлым промышленного капитализма, будет в рядах авангарда борцов за его уничтожение"...

Для всякого, кто хоть мало-мальски следит за экономической жизнью Запада, ясно до очевидности, что капитализм там далеко еще не отжил свой век, не превратился в фактор регрессивный. Наоборот, он захватывает все больше и больше областей, обнаруживает небывалый прогресс техники, содействует еще дальнейшему развитию производительных сил и расширению производства. Кто станет утверждать, что национальное богатство старых капиталистических стран падает? Однако, нам незачем долго останавливаться на опровержении этой по меньшей мере странной теории г. Зака. Насколько растет капиталистическое производство в мировом хозяйстве, видно хотя бы

[1]) „Русское Богатство", № 6 за 1903: „Последний ученый труд русского правоверного марксиста", стр. 136 и № 8 за 1905 г. стр. 115—121.

на примере добычи чугуна, этого характерного продукта для развития производительных сил. С 1900 по 1907 г. мировое производство чугуна возросло на 45%, при чем в С. Штатах в 1907 г. было произведено столько, сколько в 1891 г. на всем земном шаре. Или другое характерное для капитализма производство: хлопчато-бумажное. Оно растет как в старых, так и в молодых капиталистических странах. Особенно сильно оно выросло за период подъема 1904—1907 г.г. в Англии, С. Штатах и Италии. В пятилетие 1891—1895 г.г. среднее ежегодное мировое потребление хлопка равнялось 2,3 миллиардам килогр., в 1901—1905 г.г.—3.1, и даже в застойном 1908 г.—3,7 м. Число веретен возрастало за последнее десятилетие ежегодно на 4—5 миллионов... Но здесь нас интересует, главным образом, Россия. Что состояние нашего промышленного капитализма за период 1900—1908 г.г. было печальное, что вообще наша экономическая жизнь находится в критическом положении, это верно. Пессимизм г. Зака и его единомышленников вполне понятен. Даже бюрократия до прошлого года не могла отрицать нашего тяжелого экономического и финансового положения. Об этом говорили и наши часто сменяющиеся министры торговли и промышленности, об этом писал и г. Литвинов-Фалинский в своей книге „Наше экономическое положение и задачи будущего“ изд. в 1908 г., в этом неоднократно признавался и г. Коковцев... Но стоило в 1909 г. появиться хорошему урожаю, который улучшил положение наших государственных финансов, как бюрократия сразу забыла о своем недавнем пессимизме, и из уст г. Коковцова полились хвалебные речи в честь мудрой политики правительства, и в частности министерства финансов, благодаря которой страна уже вышла на путь экономического и в особенности финансового благополучия... Недовольно нынешним экономическим положением и наше „объединенное дворянство“; это выразилось, между прочим, и в книге г. Гурко: „Наше государственное и народное хозяйство“ (изд. 1909 г.). Г.г. дворяне связывают экономический подъем страны в будущем со своим нераздельным господством над народом. Г.г. феодалы при этом забывают, что их-то господство—вместе с господством бюрократии—и привело страну к современному состоянию... Наконец, не перестает жаловаться на тяжелое положение промышленности и торговли „Совет съездов“ наших промышленников. Об этом постоянно писала за последние годы „Промышленность и Торговля“, орган нашей крупной буржуазии. И на IV съезде представителей торговли и промышленности (в ноябре 1909 г.) была принята резолюция, в которой указывалось, что „при крайне угнетенном состоянии в стране сельского хозяйства, промышленности и торговли государственные финансы в настоящее время достигли удовлетворительного положения“. Наша крупная буржуазия также не теряет надежды на лучшие времена, но они, по ее мнению, наступят лишь в том случае, если наше „конституционное“ правительство будет слушаться советов ее „Совета съездов“.

Мы, конечно, меньше всего ждем действительного экономического подъема страны от совместного хозяйничанья нашей бюрократии, феодалов с юнкерами и крупной буржуазии. Но мы не разделяем и мечтаний г. Зака и других народников, которые думают, что стоит у нас наступить народовластию, хотя бы по форме, как откроется путь к организации „народной промышленности“—переходной стадии к социализму. Прежде всего и „народовластие“ определяется своим содержанием, а не формой. И „народовластие“ может быть также враждебно интересам „народных масс“. Но даже наступи у нас демократическое „народовластие“, оно при настоящих экономических условиях послужит лишь средством для быстрого развития буржуазного хозяйства, для широкого развития капитализма. И в этом мы не видим беды: это было бы несомненно экономическим прогрессом. И в этом отношении русские марксисты до сих пор стояли и продолжают стоять на той точке зрения, на которой стоял и Энгельс, который доказывал Николай-ону, что при настоящих условиях мирового хозяйства развитие производительных сил страны может идти только путем капитализма, и что для народнического пессимизма на счет будущности русского капитализма нет достаточных оснований. Энгельс, конечно, знал и признавал, что условия для развития капитализма в России очень тяжелы, и что это развитие связано с большими страданиями в виду существования громадного класса крестьянства. „При всем том“, писал он, „мне все же кажется, что вы (Николай-он) смотрите на дело мрачнее, чем может быть оправдано фактами. Несомненно, что переход от первобытного земельного коммунизма к капиталистическому индустриализму не может произойти без ужасного перелома внутри общества, без исчезновения целых классов и их превращения в другие классы, а какие громадные страдания, какая растрата человеческих жизней и производительных сил необходимо предполагается такими переменами, это мы видели уже—хотя и в меньшем масштабе—в истории Западной Европы. Но от этого еще очень далеко до полной гибели великого и высокоодаренного народа. Быстрое возрастание народонаселения, к которому вы так привыкли, может приостановиться; беззаботное обезлесение, в соединении с экспроприацией старых помещиков, так же, как и крестьян, может причинить колоссальную растрату производительных сил; и все же после всего этого население более чем в сто миллионов душ достигнет в конце концов очень значительный отечественный рынок для очень почетной крупной промышленности; и у вас, как в других местах, дело кончится тем, что вещи придут понемногу в равновесие,—конечно, если капитализм продержится достаточно долго в самой З. Европе“... И указывая на разрушение общины—на которую народники возлагали столько надежд—он говорит: „Но с другой стороны капитализм открывает новые перспективы и новые надежды. Посмотрите на то, что он сделал и делает на

Западе. Великая нация, подобная вашей, переживет всякий кризис. Не существует ни одного великого исторического бедствия, которое не уравновешивалось и не вознаграждалось бы каким-либо историческим прогрессом. Только modus operandi постоянно изменяется. Que les destinées s'accomplissent!" (Письмо от 17 октября 1893 г. Подчеркнуто нами. *А. Ф.-Е.*).

С тех пор, как эти поразительные строки были написаны, прошло семнадцать лет. За это время мы пережили политическую бурю, появлением которой мы обязаны, главным образом, развитию у нас промышленного капитализма. Русская революция, которая обнаружила такую ширь и такой размах, которая открывала такие широкие перспективы борьбе пролетариата на Западе, которая всколыхнула весь восточный мир, обязана была этим той роли, которая выпала в ней на долю промышленного пролетариата, этого детища нашего капитализма. И когда видишь политические результаты, достигнутые столь неслыханными жертвами, видишь тяжелое материальное положение широких слоев городской и деревенской бедноты, вспоминаешь крупнейшие неурожаи в 1906—1908 гг., промышленный застой 1900—1908 гг., то становится понятным появление вновь вопроса о судьбах нашего экономического развития. Но это далеко еще до оправдания старых или обновленных народнических взглядов и еще менее оправдывает политический индифферентизм последних лет. В обществе, основанном на антагонизме классов, „история"—говорит Маркс словами Жорж Занд—„ставит вопрос только так: борьба или смерть..." В современном обществе творческие силы для борьбы создаются движением к а п и т а л и з м а, и перед нами, поэтому, вопрос: каковы ближайшие перспективы нашего капитализма, какие изменения произошли в нашей экономической жизни под влиянием революции и контр-революции, какие перемены произошли и происходят в нашем классовом строении...

Март 1911 г. *А. Ф.-Е.*

ОТДЕЛ I.

Теория рынков.

1.

Во второй половине 90-х годов в нашей экономической литературе происходила, как известно, оживленная полемика между народниками и марксистами, и в лагере самих маркистов, по вопросу о роли рынков в капиталистическом хозяйстве. Народники, защищая положение, что капитализм в России встречает на своем пути непреодолимые препятствия в малых, и притом все с о к р а щ а ю щ и х с я, размерах внутреннего рынка и в отсутствии внешнего, которого нет надежды завоевать, создали свою теорию рынков—теорию сокращающегося личного потребления,—по которой капитализм в данной стране может развиваться лишь на основе в н е ш н е г о рынка. В противоположность им числившиеся тогда в рядах легального марксизма Туган-Барановский и Булгаков, а за ними и другие, выдвинули свою теорию—теорию производительного потребления,—по которой капитализм н и в к а к о м в н е ш н е м рынке не нуждается и всегда сам создает для себя д о с т а т о ч н ы й рынок. Обе эти теории ошибочны и противоречат теории Маркса. В свое время мы подробно рассмотрели их [1]). Если мы считаем нужным и здесь обратить внимание на вопросы о рынках и кризисах, то по следующим соображениям.

Вопрос о развитии нашего капитализма — предмет нашего исследования—тесно связан с вопросом о рынках. Без правильной теории рынков и кризисов нельзя уяснить себе сущности совершавшегося у нас экономического процесса. Если теория народников потеряла свой кредит, то теория рынков и кризисов Туган-Барановского все еще пользуется у нас весом и в марксистских кругах. Со времени появления его „Промышленных кризисов" на немецком языке (в 1900 г.), он стал известен и на Западе. В заграничной марксистской литературе его считают одним из самых значительных теоретиков „ревизионизма" (Каутский); его теорией кризисов критика там много занималась в связи с наступившим в 1907 г. общим кризисом. (См., например статьи Hilferding'a, Boudin'a и др. в „Neue Zeit"

[1]) См. наши статьи: „Научное Обозрение" 1901 г. № 8: „Теория кризисов" и „Очерки реалист. мировоззрения" изд. 1903 г.: „Промышленный капитализм в России за 1893—1902 г.г.".

за 1908 г.). С другой стороны у Туган-Барановского заграницей много последователей среди буржуазных экономистов. „В Германии у него появилась целая школа...“ — рекомендовал Туган-Барановского своим соотечественникам и француз Жак Лескюр во введении к своей книге „Общие и периодические промышленные кризисы“:—„он имеет своими последователями очень известных экономистов; ограничиваясь главными из них, можно назвать Шпильгофа, Поле, Эйленбурга, Шмоллера... Труд о кризисах Туган-Барановского является самым оригинальным и самым значительным произведением во всей экономической литературе настоящего времени“ и т. д. В 1908 г. книга Лескюра появилась и в русском переводе, и по поводу нее М. В. Бернацкий писал: „Лучшим теоретиком данного вопроса был и остается русский ученый—проф. Туган-Барановский, сумевший из отдельных фрагментов в трудах Маркса и Энгельса создать теорию, наиболее глубоко и научно разрешающую жгучий вопрос о кризисах; проф. Туган-Барановский совершенно справедливо и считается главой целого научного направления в интересующем нас цикле вопросов“ („Совр. Мир“, июнь 1909 г.). И, наконец, в вышедших в 1909 г. „Основах полит. экономии“ Туган-Барановский вновь выдвинул свою теорию рынков и кризисов и рассказывает об ее мировых успехах. Со всем этим приходилось считаться в 1910 г., — приходится считаться и сейчас; и мы тем охотнее возвратились тогда к теории рынков и кризисов, что появившиеся в 1905—1910 г.г. „Theorien über den Mehrwert“ Маркса подтвердили правильность нашей позиции по отношению к Туган-Барановскому, доказали всю ошибочность его „новейшей“ теории, которая отнюдь не является дальнейшим развитием и дополнением теории Маркса, а лишь „открывает“ и развивает давно опровергнутые Марксом положения Сея-Рикардо.

Что касается теории народников, то даже В. В., один из творцов ее, не защищал ее в 900-х годах в прежнем виде. В брошюре „Производство и потребление в капит. обществах“, вышедшей в 1907 г., и он делает некоторые шаги вперед. Правда, В. В. этого не сознает и не видит противоречий между взглядами, изложенными в ней и в его „Очерках теорет. экономии“; более того, он считает взгляды „Очерков“ основными, а этой брошюры „дополнениями“, тем не менее это не изменяет факта, что теория рынков народников похоронена, и ее ничем не воскресишь. И мы предоставили бы ей мирно спать в гробу, если бы Туган-Барановский не вытащил ее в своих „Основах etc.“ вновь на свет и не задался бы целью смешать ее с теорией ортодоксального марксизма, чтобы таким путем показать, во-первых, ошибочность последней теории и, во-вторых, представить свою теорию, как дальнейший логический шаг в развитии теории Маркса. С другой стороны, там, где противоречия между теорией Маркса и теорией Туган-Барановского слишком уже очевидны, наш профессор нисколько не смущается, чтобы заявить, что „воззрения Маркса на проблему рынка не были вполне ясны, повидимому, ему самому, и он нередко высказывался по данному вопросу в духе Сисмонди“. Таким образом здесь уже не взгляды школы ортодоксального марксизма, а самого Маркса отождествляются с народническими, которые, как известно, являются по своему существу сисмондистскими. Это в свое время доказал В. Ильин (Ленин). Нам приходится, поэтому, хотя бы в нескольких словах показать различие между теорией народников и теорией Маркса. Мы убедимся, таким образом, в полной неосновательности утверждений Туган-Барановского, и вместе с тем теория Маркса предстанет пред нами еще в более полном свете.

2.

В основе народнической теории рынков лежит, как известно, анализ товарной ценности, данный Ад. Смитом. Его положение, что вся товарная ценность в конце-концов разлагается на заработную плату, прибыль и ренту, послужило исходным пунктом для утверждения западно-европейских экономистов до Маркса, а наших народников, по иронии судьбы, после него, что потребители—личные—в последнем счете должны оплатить валовую ценность валового продукта производителям.

Так, для В. В., как и для Южакова, вся трудность в деле общественного распределения продукта сводилась к тому, что на внутреннем рынке — состоящем из рабочих и капиталистов — по самому характеру капиталистического производства весь прибавочный продукт, вся прибавочная ценность не может быть оплачена личным потребителем. Поэтому часть ее должна быть потреблена иностранцами, чтобы капитал мог расти. Отсюда у него необходимость внешнего рынка.

Точно так же и Николай — он ошибочно утверждает, что „реализация прибавочной ценности совершается только продуктами одного рода производства, именно того, который занимается изготовлением предметов личного потребления“. И он, подобно В. В., не видел постоянного капитала при анализе „вновь произведенного годичного продукта“. И он заявляет: „Как отдельный фабрикант, как капиталист не может просуществовать и дня, если его рынок ограничен только предметами потребностей его рабочих и его собственных, точно так же не может удовлетвориться одним своим собственным внутренним рынком и развивающаяся капиталистическая нация“ („Очерки пореформенного хозяйства“, 204 — 205 стр.).

Николай — он здесь забывает, что капиталистический рынок состоит не из одних только предметов личного потребления. И он, как и В. В., упускает из виду, что на ряду с личным существует и растет производительное потребление, что цель капиталистов в накоплении, в увеличении капитала... „Продукт капиталистических наций“ (c + v + m) должен превосходить по своей ценности ту, которая вновь произведена (v + m) и может быть потреблена „всем занятым промышленным

населением", ибо иначе как мог бы возмещаться постоянный общественный капитал, уже не говоря о постоянном его увеличении? Внешний рынок народников не разрешает ни вопроса о реализации всей прибавочной ценности, ни вопроса о реализации постоянной капитальной ценности. Последнего вопроса г.г. народники, как и классическая политическая экономия, даже себе и не ставили.

Своим анализом процесса воспроизводства всего общественного капитала, данным во II и III томах „Капитала", Маркс впервые разрешил важнейший вопрос о реализации и о возмещении постоянной капитальной ценности годичного продукта. Расчленив весь общественный капитал на два класса: 1-й—производители средств производства—и 2-й—производители средств потребления,—что не гипотеза, как говорят некоторые критики, а выражение действительного общественного факта—он показал, что реализация постоянной части капитала происходит отчасти таким путем, что постоянная часть капитала возмещается in natura или обменом между самими капиталистами I класса—процесс, к которому личные потребители не имеют непосредственного отношения,—отчасти же таким путем, что постоянная часть капитала, входящая во II класс, потребляется в натуральной форме рабочими и капиталистами I, а произведенные средства производства в этом классе, их доходы, потребляются производительно капиталистами II. Далее, он показал, как при расширяющемся производстве часть прибавочной ценности, которая превращается в капитал, реализуется и распределяется отчасти in natura, или обменом непосредственно между капиталистами I класса—процесс, к которому личный потребитель опять-таки не имеет прямого отношения,—отчасти обращением между классом I и II и, наконец, отчасти в самом II классе. Таким решением задачи Маркс рельефно показал роль производительного потребления в капиталистическом производстве; выяснил, что уже самый факт, что часть общественного прибавочного продукта должна действовать производительно, как капитал, показывает, что она не может быть потреблена, лично, в виде дохода; доказал, наконец, всю ошибочность господствовавшего со времен Ад. Смита взгляда, что „личные потребители должны оплатить всю ценность валового продукта производителям". Этим самым была доказана ошибочность и всех выводов из этого взгляда, рухнула и теория рынков нашей народническо-экономической школы... Перейдем теперь к теории рынков Туган-Барановского и сопоставим с ней теорию Маркса.

3.

Классическая политическая экономия, стремившаяся проникнуть в глубь явлений, избрала—в противоположность меркантилистам, исследовавшим лишь поверхностные явления капиталистического обращения,—предметом своих исследований самый

процесс производства капитала. В основу своего анализа движения общественного капитала она поставила поэтому исключительно форму движения производительного капитала.

Однако формула движения производительного капитала П—П показывает лишь периодическое возобновление функции этого капитала, который, как и денежный капитал, является лишь отдельной фазой во всем процессе круговращения общественного промышленного капитала, о котором только и может итти речь при анализе всего общественного воспроизводства и обращения. Формула П—П ничего не говорит о том, что цель капиталистического производства—возрастание ценности, увеличение капитала, обогащение для обогащения. Вот почему выбор этой формулы привел классическую экономическую школу к неверному изображению капиталистического производства, как производства, имеющего своей целью само производство. Вот почему она не видела никаких других границ расширению производства, кроме размера производительных сил, не видела тех постоянных препятствий, которые ставятся капиталистическому производству его узкой целью: „увеличением ценности наличного капитала".

Ад. Смит, Рикардо, а за ними Милль и другие, различали производительное потребление от непроизводительного и считали первое характерным для капиталистического накопления. В этом одна из их заслуг. Но их ошибка состояла в том, что они игнорировали постоянный капитал и считали капитализацией прибавочной ценности исключительно обращение ее в переменный капитал, т.-е. обмен ее на добавочную рабочую силу. Этим самым производительное потребление ошибочно отождествлялось ими с личным потреблением производительных рабочих. Из этого самого вытекал у них ошибочный вывод, что производительное потребление вызывает само по себе соответствующий рост личного.

Далее, поверхностный анализ формы движения производительного капитала не позволял классикам, а еще более вульгарным экономистам видеть, что „замена товара товаром, обусловленная производством прибавочной ценности, есть нечто совершенно иное, чем обмен продуктов при посредстве денег" (Маркс). И именно их непониманием специфических особенностей обмена в капиталистическом хозяйстве, отличительного характера общественного распределения продукта в нем, непониманием особого свойства буржуазного хозяйства, где „границей производства является прибыль капиталистов", и объясняется, почему Рикардо, Милль, в особенности же школа Сея-Бастиа, утверждали, что общее товарное перепроизводство, избыточное производство, вообще невозможно.

Казалось бы, что после того, как Маркс в своих трех томах „Капитала" вскрыл воочию все противоречия современного производства, не может быть места утверждению, что „границы производству полагаются только размерами производительных

сил, которыми располагает нация, что никаких внешних границ для расширения производства, кроме недостатка производительных сил, не существует". А между тем именно это и утверждал Туган-Барановский, и при том он решался заявлять, что это стоит в полном соответствии с позднейшими, самыми „зрелыми" воззрениями Маркса.

В своем обзоре истории теорий рынков Туган-Барановский нам рассказывает, что Сисмонди, Рикардо, Сей и Маркс считали одинаково „потребительный спрос границей рынка". Что это, непонимание? Вульгарные экономисты отождествляли капиталистическое товарное обращение с простым, видели цель капиталистического производства в личном потреблении, в том, чтобы производить возможно больше потребительных ценностей для обмена на другие потребительные ценности. Поэтому-то производство и было у них безгранично... Сисмонди сходился с Рикардо лишь в игнорировании постоянного капитала. Но для него производительное потребление и личное не были тождественны. Он подметил противоречие капиталистического хозяйства, состоящее в тенденции уменьшить переменный капитал, хотя и неверно формулировал это противоречие. У него поэтому получилась теория сокращения личного потребления, и в этом была у него граница производства. Рикардо же и классики, как мы выше уже подчеркнули, не различали личного потребления от производительного: производство у них было для производства, границ для производства у них не было.

У Маркса же, как мы убедимся в этом, цель и граница капиталистического производства в прибыли, в возрастании капитальной ценности... Зачем Туган-Барановскому понадобилось сваливать такие разнородные теории в одну кучу? Очень просто: чтобы показать оригинальность своей теории рынков, состоящей в формуле: производство ради производства. Но ведь это-то утверждали классики. Правда, наш профессор узнал от Маркса ошибку классиков, узнал, что производительное потребление и личное не одно и то же. Как же тогда быть с формулой классиков: производство ради производства? Ведь она теряет тогда почву! Очень просто — решил тогда Туган-Барановский — нужно лишь заявить, „что ее исходный пункт — тезис относительно необходимой связи между размером рынка и размером потребительного спроса неверен", и формула спасена. Это и сделал наш ученый, в этом и состоит „открытие" Туган-Барановского. Таким путем опровергается и теория Сисмонди, а следовательно и теория „школы Маркса, принявшей, по словам Туган-Барановского, теорию рынка Сисмонди" (706 стр.). Сделать „нечто подобное, конечно, не было под силу школе Сея-Рикардо, как не под силу и господствующей политической экономии, так как вся она стояла и стоит на этом тезисе" — гордо заявляет Туган-Барановский.

„В наших работах: „Промышленные кризисы" и „Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England" — говорит Т.-Барановский — „читатель найдет доказательство тезиса, который

может казаться парадоксом, гласящего, что в капиталистическом хозяйстве не потребление управляет производством, а производство потреблением, и что общественное производство при пропорциональном распределении его само создает себе спрос" („Очерки etc", 1903 г. 165 стр.). „Выводы, к которым я пришел", — писал Т.-Барановский в 1898 году, — „явились развитием теории классической школы политической экономии о невозможности общего товарного перепроизводства и основаны на замечательном анализе воспроизводства и обращения, данного Марксом в двух главах II тома „Капитала". То же самое слышим мы от него и в 1909 году... Но если Т.-Барановский признает тут свое родство с буржуазной экономией, то этого нельзя было сказать в свое время о Булгакове, защищавшем ту же теорию рынков. В своей книге „О рынках" он подверг критике теоретиков „невозможности общего товарного производства", отметил также ошибки учения о рынках противоположной школы (фон-Кирхмана и др.) и пришел в конце концов к тем же выводам, что и Т.-Барановский, „пришел" — как говорит — „на основании изучения анализа общественного воспроизводства Маркса". Рассмотрим поэтому вопрос поближе.

4.

Во II-м томе „Капитала" Маркс дал анализ процесса воспроизводства лишь с чисто формальной стороны, т.-е. предполагая, что все условия, необходимые для реализации и возмещения товарного продукта в сфере обращения, соответственно наперед даны. Он не мог дать во II томе теории рынков потому, что для этого ему нужно было бы раньше исследовать так называемое „общественное потребление", которое регулирует принцип спроса. А это „общественное потребление" зависит, по его словам, от взаимного экономического отношения различных классов, от отношения всей прибавочной ценности к заработной плате и, далее, от отношения различных частей, на которые распадается прибавочная ценность, т.-е. прибыли, процента, поземельной ренты, налогов и пр. (Das Kapital. III B. 1 Th. S. 160). А это могло быть исследовано только в III томе. Задача, которую Маркс поставил себе прежде всего в третьем отделе II тома, была: показать, каким образом происходит реализация постоянного капитала, его возмещение и расширение. Это он и выполнил. Во всем II томе рассматриваются лишь формы, которые проходит капитал на различных стадиях своего развития. Но „реальные отношения, в которых происходит действительный процесс производства, там не развиты". Товары там продаются по ценностям, чего в действительности нет. Не приняты там во внимание „конкуренция капиталов, кредит, действительный состав общества, который вовсе не состоит только из классов рабочих и индустриальных капиталистов: где таким образом потребители не тождественны с произво-

дителями, и первая категория значительно больше, чем вторая, а потому тот способ, каким они расходуют свои доходы, и размеры последних вносят очень большие изменения в экономический строй и специально в процессе обращения и воспроизводства капитала". (Theorien über d. Mehrwert II B. 2 Th. S. 264 Подчеркнуто мною. *А. Ф.-Е.*).

Не поняв, таким образом, о чем у Маркса во II томе идет речь, Т.-Барановский и утверждал, что „анализ Маркса не что иное, как более ясное и законченное выражение того же самого, что довольно неудачно старался доказать Милль", и что выводы его, Т.-Барановского, взятые у Сея и Милля, „с логической неизбежностью вытекают из замечательного анализа Маркса". Теперь, когда имеются Theorien über den Mehrwert, не подлежит больше сомнению, что Маркс не мог разделять взгляды Т.-Барановского и не мог бы согласиться с „выводами" последнего. Если нужны еще доказательства, то вот они:

„Принятый Рикардо", — пишет Маркс — „в сущности принадлежащий Миллю, взгляд бестолкового Сея, что никакое перепроизводство или, по крайней мере, никакое общее переполнение (glut) рынка невозможно, покоится на положении, что продукты обмениваются на продукты или, как это мы имеем у Джемса Милля, на „метафизическом равенстве продавцов и покупателей"; это дальше было развито в положение о спросе, определяемом только самим производством („открытие" Туган-Барановского!) или о тождестве спроса и предложения". („Theorien" etc. II B. 251,264 s). Маркс, таким образом, знал „выводы" Туган-Барановского и в тех самых выражениях, в которых последний 50 лет спустя о них поведал миру. И Маркс рассмотрел эти „выводы" со всех сторон. Он подробно остановился и на „пропорциональном распределении производства", на которое ссылается Туган-Барановский, и показал все непонимание этого вопроса экономистами-классиками, а тем более вульгарными экономистами á la Сей. Не понимали сущности пропорциональности и диспропорциональности производства в современном строе и наши ревизионисты. Мы еще будем иметь случай рассмотреть этот пункт, когда будем говорить о перепроизводстве в главе о кризисах. Здесь заметим лишь, что Маркс доказывает неизбежность общего перепроизводства именно в силу характера самого капиталистического ведения хозяйства. Пропорциональность здесь результат диспропорциональности. Чем достигается пропорциональность? Конкуренцией, т.-е. отношением спроса и предложения. Что же, эта конкуренция висит в воздухе? Нет. Она регулируется в последней инстанции „общественными потребностями". Именно последними определяется в конце концов распределение производства по различным отраслям. А у Туган-Барановского „пропорциональность" сама по себе и общественное потребление само по себе. Если бы была пропорциональность, то не было бы перепроизводства! Но пропорциональность — случайность в капиталистическом хозяйстве: оно идет не по плану, а стихийно. „Общественные

потребности" действуют за спиной производителей, post factum, но они остаются базисом производства, базисом и „пропорциональности". Общее перепроизводство вытекает именно из условий капиталистического производства товаров и реализации их ценностей на рынке.

Альфой и омегой теории рынков Т.-Барановского и Булгакова является то, что капиталистическое производство имеет целью само производство, а потому оно и безгранично. Это неверно. Его цель — прибыль. Последнее они сами неоднократно повторяли, сами справедливо упрекали народников в игнорировании этого факта, но в конце-концов оказывается, что они сами плохо поняли все его значение. Что в капиталистическом строе производство обгоняет потребление, что оно не руководится данным спросом, — это несомненно. В противоположность докапиталистическим способам производства здесь не только спрос вызывает предложение, но предложение — спрос. Но производительное потребление в капиталистическом строе само по себе безгранично, личное же — в силу антагонистических условий распределения и самой цели капитала — ограничено. Спрашивается: существует ли между производительным и личным потреблением внутренняя связь? Т.-Барановский и его последователи отвечают: нет, не существует.

„При пропорциональном распределении национального производства", — говорит Т.-Барановский, — „предложение товаров всегда балансируется спросом, как бы ни изменялась сумма народного дохода и как бы ни сокращалось народное потребление" [1])... Но так ли это на самом деле? Разве этот постоянный рост производительного потребления, это постоянное накопление орудий производства совершается an und für sich, вовсе не сообразуясь с общественными потребностями в них, с количеством этих потребностей? Производительное потребление совершается потому, что оно создает ценности; но это возможно только потому, что это потребление соответствует общественной потребности в нем, в последней инстанции — общественному личному потреблению. Производительное потребление без личного — бессмыслица с общественной точки зрения. Туган-Барановский и др. не понимают того, что капитализм — лишь определенная историческая система общественного производства. И антагонистичность этой системы, на что ссылается Туган-Барановский, не уничтожает в ней действия естественных законов. Эти последние имеют силу и в ней, а не только в хозяйствах „гармонического типа", в которых наш профессор только и признает действие потребления. („Основы" etc, 705 стр.). „Законы природы", — писал Марке своему другу д-ру Кугель-

[1]) Т.-Барановский „Капит. и рынок", 1898 г. стр. 120; его же „Очерки" etc. 1903 г., стр. 166 — 168. То же самое и Булгаков: „капиталист. производство способно к неограничному расширению, несмотря и даже вопреки сокращению потребления. („О рынках" стр. 161 и 167. Подчеркнуто везде нами. *А. Ф.-Е.*).

ману, — „вообще не могут быть устранены. В различных исторических состояниях может изменяться только форма, какую принимает действие этих законов. Определенная форма общественного производства нимало не устраняет необходимости распределения общественного труда в известных пропорциях — соответственно различным массам потребностей; она может изменить только форму ее проявления. В обществе, где связующим элементом общественного труда является частный обмен индивидуальных продуктов труда, — меновая ценность этих продуктов и есть та форма, в которой проявляется это пропорциональное разделение труда"... [1]).

Рост одного производительного потребления без соответствующего роста личного бесполезен для капитала... Это — логика простого „здравого смысла" и ровно ничего не доказывает, заявляет нам Туган-Барановский. Он не видит важного значения потребительной ценности в капиталистическом хозяйстве, на что неоднократно указывает Маркс [2]). Наш профессор считает меновую ценность вообще независимой от потребительной. Это неверно. Именно при процессе общественного воспроизводства капитала потребительная ценность и проявляет свою силу, хотя и за спиной производителей. Количество производимых потребительных ценностей играет здесь роль. Расширение производства средств производства требует соответствующего расширения „общественных потребностей" в них, что в конце концов определяется расширением личного потребления. Нет этого — созданная ценность не может быть реализована, она теряет свою потребительную ценность, а с ней и меновую, она перестает быть ценностью вообще. Средства производства — капитал — не только не могут служить тогда для дальнейшего создания ценностей, но они сами лишаются значительной доли своей ценности... Все это бросается в глаза во время кризисов с их эпидемическим падением цен на товары, о чем подробно в другом месте.

Логика „здравого смысла" здесь оказывается правой: ее подтверждает логика фактов.

[1]) Письмо было написано по поводу I тома „Капитала" в 1868 г. („Die Neue Zeit", 1902, II. B. № 7). Отметим еще здесь, что по поводу своего „анализа" во II томе Маркс писал в III томе: „Между постоянным капиталом и постоянным (даже оставляя в стороне ускоренное накопление) происходит, как мы видели (II том III отд.), постоянное обращение, которое на первых порах постольку независимо от индивидуального потребления, поскольку оно никогда не входит в последнее, но оно в конце-концов им ограничено, так как производство постоянного капитала никогда не совершается ради него самого, но только потому, что его больше потребляется в сферах производства, продукты которых входят в индивидуальное потребление" (III. B, I Th. 289).

[2]) „При исследовании прибавочной ценности, как таковой, натуральная форма продукта, следовательно прибавочного продукта, безразлична. При исследовании действительного процесса воспроизводства она становится важной отчасти для понимания его форм, отчасти из-за влияния, которое оказывает производство предметов роскоши и пр. на процесс воспроизводства". („Theorien" etc III Bd. S. 298).

Капиталистическому производству несомненно присуще стремление неограниченно развивать свои производительные силы. Но цель производства — сохранение существующей капитальной ценности и создание прибавочной ценности — эта ограниченная цель стоит всегда поперек дороги расширяющемуся производству. Вот этого-то не видят наши критики. Они ошибочно считают эту цель безграничной. Зомбарт так и говорит: „Увеличение прибыли и стремление к ней практически безграничны, и потому нет никаких границ для производства ни в смысле количества, ни качества". Совершенно верно, что потребность капитала в самовозрастании ненасытна и что стремление к прибыли у него безгранично. Но на практике увеличение прибыли встречает препятствия в антагонистических общественных условиях потребления. А потому эта цель и само капиталистическое производство ограничены.

В капиталистическом строе производительное потребление растет, вследствие присущей ему замены переменного капитала постоянным; растут в нормальных условиях средства производства, представляющие основной капитал. „Капиталистический способ производства характеризуется главным образом не только относительным, но и абсолютным ростом богатства в этой форме". (Маркс). Растет, далее, количество средств производства, составляющих оборотный капитал. Но вместе с тем растет и личное потребление. Капиталистическое производство предметов личного потребления растет не только потому, что все отрасли национального хозяйства превращаются мало-по-малу в товарные производства, что развивается денежное хозяйство, а с этим расширяется покупательная способность населения. Оно растет и в силу роста населения, разделения труда, возникновения новых профессий. Оно растет и потому, что создаются новые продукты. Появляются новые потребности, и прежние, бывшие лишь достоянием немногих, становятся предметами необходимости для масс. Минимум заработной платы определяется не только физическим минимумом, но и общественными историческими условиями. Ведь буржуазные экономисты все уши прожужжали о росте заработной платы, забывая при этом, что она может абсолютно возрасти, но относительно упасть, т.-е. сравнительно с благосостоянием капиталистов и других господствующих классов, сравнительно с развитием национального богатства. Стоит только изучить довоенную статистику различных производств, чтобы убедиться в росте производства предметов личного потребления. Мы привели в предисловии вескольз данные о росте, например, хлопчатобумажной промышленности на мировом рынке. Вспомним рост производства предметов сельского хозяйства в сфере производств предметов потребления. Если в данной стране — например, Англии — и растет сильнее производство средств производства, то в другой — более молодой капиталистически — производство предметов личного потребления. При существующих условиях международного обмена следует принять во внимание мировое хозяйство в целом, так как

в различных странах развиваются сильнее различные производства соответственно не только естественным, но и историческим условиям данных стран.

Тысячу раз правы те, которые считают необходимым условием развития капитализма рост личного потребления. Вопреки Туган-Барановскому и др., сумма национального дохода, „национальное потребление", должно расти [1]). Каутский совершенно основательно указывает на роскошь капиталистов, на расточительность моды, на рост милитаризма. В капиталистическом строе существует ряд непроизводительных классов, с которыми капиталисты-производители делятся значительною частью своей прибавочной ценности. Это — весь финансовый и купеческий мир с его капиталистами и рабочими, землевладельцы, рантье различных сортов, лица свободных профессий, государственная машина, находящаяся в услужении у капитала. Эти непроизводительные классы, включая сюда весь класс капиталистов, представляют обширный, все расширяющийся рынок. Расширяя на основах самого капиталистического производства общественное потребление, они тем самым раздвигают пределы, в которых может двигаться и расти капитал.

5.

Рикардо отрицал — последовательно со своей точки зрения, но ошибочно по существу — необходимость расширения рынка с расширением производства и с ростом капитала. Он думал, что всякий капитал может найти выгодное приложение в данной стране и что нет, поэтому, никакой необходимости во внешних рынках. Это и повторяет школа Туган-Барановского.

„Выводы Т.-Барановского сводятся к тому, что капиталистическая форма производства не требует внешних рынков, расширение производства само по себе создает непрерывно расширяющийся рынок, и степень этого расширения зависит от наличности производительных сил. Внешний рынок требуется лишь настолько, насколько в страну ввозятся товаров иноземного происхождения. Мы", — подвергнув разбору „схемы" Т.-Баран., показал, что если бы последний продолжил свои „вычисления", то увидел бы, что „уже после шести лет потребление всего общества должно было бы удвоиться, то же самое и потребление рабочих, чтобы не наступило перепроизводство... Дальнейшие вычисления показали бы Т.-Баран., что сумма ценностей средств потребления, произведенная в течение года, возрастает точно в таком же отношении, как и сумма ценностей орудий производства. Сумма средств потребления возрастает еще скорее, чем сумма их ценностей, если одновременно возрастает и производительность труда, что соответствует именно действительности..." („Krisentheorien", Die Neue Zeit, 1902).

[1]) „Учение Сея-Рикардо теоретически совершенно правильно; если бы противники его дали себе труд рассчитать на цифрах, каким образом распределяются товары в капит. хозяйстве, то они легко бы поняли, что отрицание этого учения заключает в себе логическое противоречие", говорит Туган-Барановский („Пром. кризисы" 1 изд., 427 стр. „Очерки", 168 стр.). К. Каутский,

писал г. Булгаков, — „считаем эти положения безусловно правильными" („О рынках", 158 стр.). Народники, как мы уже указывали, объявляли, что капиталистическое производство в каждой стране необходимо требует, чтобы капиталисты всегда делились частью своего прибавочного продукта с иностранцами, что только при потреблении ее последними, первые могут богатеть. Это, конечно, ошибочно. Г. Булгаков поинтересовался узнать, что в действительности происходит с прибавочным продуктом на внешнем рынке, и пришел к выводу, что „в международной торговле происходит обмен эквивалентов, и потому внешний рынок вовсе не представляет каких-либо удобств для помещения прибавочной ценности... Благодаря внешнему рынку не устраняется прибавочная ценность, наоборот, она снова появляется лишь в преобразованном виде". Этим, мол, гордиев узел, завещанный капиталистическими условиями, только еще сильнее запутывается (l. c. 183 — 184 стр.). Наш критик не видит, что внешний рынок тем-то и важен для капитала данной страны, что он реализует по ценности и по потребительной ценности излишек его товаров, излишек, который при данных условиях является дома бесполезным, что внешний рынок сохраняет этим общественную потребительную ценность этого излишка, а вместе с тем и меновую. Именно в том, что прибавочная ценность „не устранилась", а явилась „в преобразованном виде", именно в том, что на внешнем рынке товар был превращен в деньги, и тем капитал получил возможность к дальнейшему движению, — вся суть дела. Это-то и требуется от внешней торговли.

Эти экономисты не видят, что сущность внешнего рынка в том, что он расширенный рынок, что он открывает противоречиям капиталистического производства больший простор. Под напором постоянного развития производительных сил национальный рынок должен все более и более раздвигаться. Но каким образом это может произойти, чтобы существующая и создаваемая ценность и сверхценность при этом не пострадали, чтобы не пришлось для этого поплатиться частью ее для увеличения потребительного фонда вообще и в частности рабочих, чтобы не нужно было пожертвовать при этом существующей нормой прибыли, этим жизненным нервом, двигателем и регулятором капитала? Капитал и разрешает эту задачу тем, что переходит национальные границы. Национальный капитал получает, таким образом, возможность развивать свои производительные силы, продолжать возрастать в своей ценности на базисе расширенного общественного потребления. Этот расширенный за пределы данной страны рынок — внешний рынок — углубляет, в свою очередь, внутренний. Национальный капитал покоится тогда на интернациональном потреблении, на интернациональном рынке.

В. Ильин (Ленин), в противоположность Туган-Барановскому и Булгакову, признает внутреннюю необходимость капиталистического хозяйства во внешнем рынке, но утверждает, что „вопрос

о внешнем рынке не имеет ничего общего с вопросом о реализации" (см. его „Экономические этюды", а также „Развитие капитализма в России", 2 изд., 1908 г., стр. 27—29 и 468—469). Это абсолютно неверно. Внешний рынок по существу не отличается от внутреннего. Связь же последнего с вопросом о реализации нечего и доказывать. Марке достаточно выяснил, что производство ценностей — лишь одна сторона капиталистического процесса производства; существует еще и другая — реализация ценностей [1]). Весь процесс воспроизводства капитала требует единства процесса производства и процесса обращения, которые разъединены и по месту, и по времени и различны по существу. В то время, как производство товаров и ценностей само по себе ограничено лишь размерами производительных сил, реализация ценностей ограничена „пропорциональностью различных отраслей производств и потребительной способностью общества". Последняя в свою очередь ограничена антагонистическими отношениями распределения продукта и, далее, стремлением к накоплению со стороны капиталистов. В. Ильин говорит, что „внешний рынок необходим, потому что капиталистическому производству присуще стремление к безграничному расширению". К безграничному расширению производства? Да. Но приложимо ли это в одинаковой мере к рынку? Разве между рынком и производством нет антагонизма в капиталистическом хозяйстве? Как-раз наоборот. Именно в том, что производство само по себе безгранично, а рынок ограничен — смертельная пята капитала. Но почему рынок ограничен? Потому что его назначение в капиталистическом строе реализовать ценность и сверхценность [2]), а не

[1]) „Масса продуктов, масса товаров, как та часть их, которая представляет постоянный и переменный капитал, так и та, что — прибавочную ценность, должна быть продана. Если этого нет или она продается по ценам, стоящим ниже цен производства, то хотя рабочий был эксплоатирован, но эта эксплоатация не реализуется для капиталиста. Эта эксплоатация может кончиться вовсе без всякой реализации или лишь частичной реализацией выжатой прибавочной ценности, а то и частичной и даже полной потерей капитала" („Das Kapital", III Band, 1 Theil, S. 225)

[2]) В. Ильин того мнения, что „нет решительно никакого разумного основания выделять сверхценность из всего продукта по отношению к ее реализации". („Эконом. этюды", стр. 25) Это неверно. Марке постоянно выделяет прибавочную ценность, когда идет вопрос о реализации (см. например, „Theorien" etc. II Band, 2 Theil, S 286). Что кладет отпечаток на товарное обращение и превращает его в капиталистическое? „Товар несет в себе признак своего капиталистического происхождения не в абсолютной величине, своей ценности, а в своей относительной величине, в величине своей сверхценности по сравнению с той, какая заключается в капитале, потребленном на ее производство... Количество проданного становится здесь существенным условием реализации ценности и сверхценности" (Маркс). В то время, как сверхценность появляется на рынке впервые в виде товара неоплаченной, остальная часть ценности уже была оплачена. Первая начинает лишь свои метаморфозы обращения, вторая заканчивает их. Мы исследуем в анализе круговращения всего общественного капитала именно формулу $T' \dots T'$ потому, что только исследование этой возросшей товарной ценности показывает, что произойдет с отдельными ее частями... Родбертус и Сисмонди, вопреки Ильину, совершенно правы, что при анализе рынка обращают внимание на различные виды дохода и выделяют сверхценность из остальной ценности... Какие результаты получились от их выделения это другой вопрос, до которого в данную минуту нам нет дела.

[1]) „Часть прибавочного продукта, которая производится прямо в форме, в которой она может служить только, как капитал, и та часть, которая приобретает эту форму обменом с заграницей, растут скорее, чем та часть, которая должна быть обменена на непосредственный труд". („Theorien" etc III B., S. 288).

служить посредником для удовлетворения общественных потребностей. Капитал разбивает национальные границы вовсе не потому, что производительным силам страны абсолютно нет места для дальнейшего расширения, а потому, что при существующих условиях он не может реализовать в их пределах созданную им ценность. Именно из того, что рынок — область реализации — „растет медленнее, чем производство", вытекает перепроизводство, а отсюда и стремление к расширению географических границ рынка, к внешним рынкам.

„Пропорциональность" различных отраслей производства, — этот любимый конек Туган-Барановского, — не только покоится на узком базисе общественного потребления, создаваемом имущественными отношениями капиталистического строя, но зависит от планомерности производства, которой нет и быть не может в анархическом капиталистическом производстве, несмотря на все его картели и тресты. Она зависит и от естественных условий, которые также приводят к тому, что „развитие производительных сил в различных отраслях совершается не только в различных пропорциях, но часто в противоположном направлении". Она зависит и от исторических условий, в которых развивается капитал. Лишь на основе внешней торговли может быть достигнута в данной стране известная „гармония", известная пропорциональность между главными отраслями производства. Наши критики сами признают, что первоначальное развитие капитализма совершается при посредстве внешней торговли: „внешняя торговля послужила основой при зарождении капиталистического производства". Далее, внешняя торговля, являющаяся необходимым регулятором даже при идеально-соразмерном простом воспроизводстве (II т. „Капитала"), является тем более необходимой в действительном, расширяющемся, капиталистическом производстве. Она дает возможность осуществляться большему обмену капитала на капитал [1]). Она является как бы „предохранительным клапаном" против местных перепроизводств, против национальных кризисов. Она переносит избыточные капиталы из одной страны в другую. Маркс поэтому и говорит, что „по мере развития капитализма, вследствие внутренней необходимости, присущей этому способу производства, вследствие его потребности во все более и более расширенном рынке, расширение внешней торговли стало его собственным результатом" („Das Kapital" III, Band, 1 Theil, S. 218).

6.

В 1913 г. Роза Люксембург выпустила свою книгу „Die Akkumulation des Kapitals". В ней Р. Л. с одной стороны познакомила заграничную публику с нашей литературой о рынках, с другой стороны, подвергнув разбору теории классической буржуазной экономии и Маркса, дала свое собственное решение вопроса. Как мы уже имели случай отметить вскользь в другом месте [1]), мы считаем эту ее критику Маркса неудачной, а ее собственную теорию ошибочной. Не вдаваясь в подробный разбор ее теории, как и полемики—довольно бесплодной,—разгоревшейся в связи с ее книгой в заграничной марксистской литературе по вопросу о процессе воспроизводства капитала, отметим здесь лишь существенные разногласия Розы Люксембург с Марксом.

„Решение проблемы, спор о которой в политической экономии длился почти целое столетие, лежит между двумя крайностями: мелкобуржуазным скептицизмом Сисмонди, Кирхмана, Воронцова и Николая—она, которые считали накопление невозможным и грубым оптимизмом Рикардо, Сея, Туган-Барановского, для которых сам капитализм может беспредельно себя оплодотворять и, следовательно, может существовать вечно. Решение проблемы в духе Марксова учения заключается в диалектическом противоречии: капиталистическое накопление для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формациях, как в окружающей его среде; оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями, и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду". Таково заключение Р. Люксембург.

Противоречие капитала, которое Р. Л. нашла, однако, не диалектическое противоречие, свойственное капиталистическому процессу, а ее собственное логическое противоречие, аналогичное тому, в которое впали В. В. и Николай—он, утверждавшие что капиталистическое накопление само по себе невозможно, потому что, состоя из капиталистов и рабочих, капиталистическое производство не может реализовать своей прибавочной ценности. По Р. Люксембург выходит, что капитализм может развиваться лишь с помощью некапиталистической среды, что без этой среды он вообще существовать не может. Капитализм оказывается, таким образом, не самостоятельной общественной формацией, высшей по сравнению с предшествующими и сопутствующими ему в истории формациями, высшей по развитию производительных сил, материального богатства, что утверждал вслед за классиками постоянно Маркс, а зависимой от докапиталистических форм! „Процесс накопления капитала всеми своими отношениями стоимости и вещественными отношениями связан с некапиталистическими формами производства..."— утверждает Р. Л.—„Реализация прибавочной ценности связана

[1]) См. нашу книгу: „Карл Маркс и новейший социализм" II изд., 1922 г. 67 стр.

с некапиталистическими производителями и потребителями, как таковыми. Следовательно существование некапиталистических покупателей прибавочной ценности является прямым условием существования капитала и его накопления, а потому и решающим вопросом проблемы накопления капитала". (Русск. перев. 1921 г. 257—258 стр. Подчеркнуто нами А. Ф.-Е.). Отсюда и ее упрек Марксу в том, что он дал теоретический анализ процесса капиталистического производства, исходя из исключительного господства этого производства, что он при исследовании законов движения капитала, его накопления в чистом виде,—а не в реальной действительности, где они перекрещиваются с законами других экономических формаций,—не проанализировал смеси капиталистической и некапиталистической среды, как это он должен был бы сделать по ее, Розы Люксембург, теории.

Маркс в своем исследовании капитала указывает неоднократно, что в действительности вещи выглядят иначе, чем в теории, что научный анализ, абстрактный генезис вовсе не должен совпадать с историческим процессом, и в частности он подчеркивает, что „найденные им общие законы капиталистического накопления при своем проявлении видоизменяются, вследствие влияния многочисленных причин". Следуя избранному им методу, он совершенно правильно и в данном вопросе исходит из анализа наиболее развитой формы. (См. по поводу этого метода и рецензию Энгельса на „Zur Kritik" etc). Совершенно правильно Маркс, как и Сисмонди, как и Рикардо, ставит вопрос в чистом виде и разрешает его, исходя из предпосылки существования капиталистического мирового хозяйства; для него весь мировой рынок—внутренний, капиталистический. Бесчисленное множество раз Маркс указывает, что он при анализе накопления капитала рассматривает лишь формы капитала в различных фазах процесса; он предполагает, что товары продаются по ценностям... „он отвлекает для упрощения задачи производительность труда без изменения", он оставляет в стороне кредит, он исходит из предпосылки, что накопление находит для своего осуществления соответствующее увеличение производства во всех отраслях. Он прямо говорит: „Если страна сама не может доставить ту массу машин, которая позволяет ей ее накопление капитала, то она покупает их заграницей. То же самое, когда она сама не может произвести необходимые массы средств к жизни (для заработной платы) и сырой материал. Здесь, как только вмешивается интернациональная торговля, становится очевидным, что часть прибавочного продукта страны, поскольку оно назначено для накопления, превращается не в зарплату, но прямо в постоянный капитал" („Theorien" etc, II Band, 2 Theil, S. 261).

Короче говоря: предположив все необходимые условия, как для реализации ценностей, так и для приобретения необходимых потребительных ценностей и рабочей силы, данными, Маркс и рассматривает, как при этих условиях происходит процесс

воспроизводства в расширенном размере в капиталистической среде. Он показывает, как этот процесс может произойти за спиной производителей, несмотря на хаотичность и противоречивость явлений, он показывает, как внутренняя связь все же прокладывает себе дорогу сквозь лабиринт запутанных и сложных явлений. Этот процесс воспроизводства идет стихийно с излишними затратами материальных и живых сил, с заминками, перебоями и периодическими взрывами от перепроизводства, и это безотносительно к тому, есть ли при этом широкая внекапиталистическая среда, как в первой половине XIX века, когда английский капитал был монополистом на мировом рынке, или она сужена, как в начале XX века в эпоху конкуренции трех мировых промышленных капиталистических стран и многих национальных. И капитализм—общественная формация, хотя и базирующаяся на антагонистических началах, формация, которая будет существовать до тех пор, пока условия существования буржуазного способа производства продолжают быть основным законом существования человеческого общества на данной ступени развития материального богатства, пока буржуазный закон продолжает быть законом общественного прогресса.

Капитализм развивается в силу противоречий, свойственных его собственной среде, а не в силу паразитизма во внекапиталистической. Для Маркса развитие противоречий такой исторической общественной формы является „единственно историческим путем ее растворения (Auflösung) и преобразования".

Можно согласиться с тем, что анализ процесса капитализма, даваемый Марксом не только во II томе „Капитала, но и в III и во II и III томах „Theorien" etc страдает значительными пробелами, не согласован в отдельных частях, что он недостаточен. Но нам не только это говорят. Р. Люксембург утверждает, что процесс накопления, как его представляет Маркс, невозможен. Это уже объясняется тем, что Р. Л., написав целую книгу о накоплении, все же не уяснила себе вполне, что такое накопление капитала.

„Предположив общее накопление",—говорит Маркс,—„это значит предположив, что во всех отраслях производства капитал больше или меньше накопляется, что в действительности и является условием капиталистического производства, и что это такое же побуждение (Trieb) капиталистов, как капиталистов, каким является побуждение собирателя сокровищ к накоплению денег (что однако и необходимо для движения капиталистического производства вперед), спрашивается: каковы условия этого общего накопления, во что оно выливается (löst sich auf)?... Или каковы условия, чтобы капиталист мог беспрепятственно превратить 5.000 ф. ст. снова в капитал и из года в год продолжать процесс накопления? Накоплять эти 5.000 ф. ст. не значит ничего другого, как превращать эту сумму денег, эту сумму ценностей в капитал. Условия для накопления капитала точно такие же, какие вообще условия для его первоначального производства и воспроизводства. Эти условия были: одной частью денег покупался труд, другой товары—сырье и машины и пр., которые могли быть индустриально потреблены этим трудом... Чтобы можно было купить эти товары, они должны были находиться на рынке. Они и были, это было предположено при производстве и воспроизводстве капитала, в силу проведенного в капиталистическом производстве разделения труда на общественной ступени, распределения труда и капитала между различными сферами производства,—в силу происходящего одновременно по всей поверхности параллельного производства и воспроизводства. Это было условием рынка.... Чем больше капитал, чем развитее производительность труда и вообще ступень капиталистического производства, тем больше и масса товаров, которая находится на пути от производства к потреблению (индивидуальному и индустриальному) в обращении на рынке и тем больше уверенность для каждого отдельного капитала найти условия своего воспроизводства готовыми на рынке... Как производство и воспроизводство существующего капитала в одной сфере предполагает параллельное производство и воспроизводство в других сферах, так и накопление или образование добавочного капитала в одной отрасли производства — одновременное или параллельное образование дополнительных продуктов в других отраслях. Ступень производства должна, следовательно, подняться одновременно во всех сферах, которые доставляют постоянный капитал, и это соответственно той средней доле, определяемой спросом, в которой каждая отдельная сфера принимает участие в общем росте производства, а все сферы, которые не приготовляют готового продукта для индивидуального потребления, доставляют постоянный капитал. Самым важным при этом остается увеличение машин — орудий, сырья, вспомогательных материалов, так как всем другим индустриям, доставляют ли они полуфабрикаты или готовые фабрикаты, в которые они входят, когда эти условия на лицо, остается лишь пустить в ход больше труда... („Theorien", II Band, 2 Theil, 250—254 стр.).

По Марксу, следовательно, накопление это—капиталистическая форма воспроизводства в более широких размерах. Накопление—это продолжение того же самого процесса, который возник исторически. Накопление — это постоянный процесс превращения прибыли или прибавочного продукта в капитал. Накопление это — специфическая функция капиталиста. Таким образом, накопление — это постоянное расширение производства; рост производства—необходимое условие накопления [1]). Маркс не отбросил формулы Рикардо: производство ради производства, но, показав ее односторонность, он ввел ее, как часть, в более общую формулу. Капиталу свойственно стремление к расши-

[1]) И еще раз: „Там, где прибавочный продукт непосредственно переходит в воспроизводство, как средство производства, там накопление и воспроизводство, как средство производства, там накопление и воспроизводство на более высокой ступени прямо совпадают. Они везде должны совпасть, но не этим прямым способом" (l. c. 258 стр.).

рению производства, как-будто бы никаких границ кроме размеров самого капитала не было—это десятки раз повторяет Маркс. Это—то же, что капиталу свойственно производство для производства. Но Маркс на этом не останавливается и говорит: и потому-то капитал периодически и разбивает себе голову, наталкиваясь на определенные свойственные капиталистическому же хозяйству границы для потребления, на условия реализации ценностей. Но пока накопление идет, оно создает и спрос, создает и рынок; спрос не только на средства существования (для заработной платы), но и на орудия производства и сырье; прибавочная ценность, поскольку она не тратится как доход, превращается не только в переменный (Рикардо!), но еще более в постоянный капитал...

Капиталистическое производство—это не производство для собственного потребления производителей; в нем „богатство существует только как общественный процесс, выражающийся в обхвате (Verschlingung) производства и обращения". Это и делает понятным, почему идет производство ради производства, пока оно не наталкивается на застопоренное обращение. „Весь процесс накопления выражается прежде всего в увеличении производства, которое с одной стороны соответствует естественному приросту населения, но с другой стороны образует имманентный базис для явлений, которые обнаруживаются в кризисах. Рынок расширяется медленнее, чем производство; в цикле, который капитал пробегает во время своего производства—цикле, в котором он не только просто воспроизводит себя, но и на более расширенной ступени, в котором он описывает не круг, а спираль—наступает момент, когда рынок оказывается слишком узким для производства. Это в конце цикла. Но это значит только—рынок переполнен. Перепроизводство очевидно".

Приведенная цитата попутно показывает и то, как ошибочно вопрос о процессе воспроизводства общественного капитала в расширенном размере и, особенно, в реальном виде решать, анализируя лишь годовое производство. Анализ должен охватить цикловое движение капитала.

Производство требует постоянного расширения рынка. Это понимал и Ад. Смит. Внутренний рынок дополняется внешним, колониальным рынком, мировым. Маркс употребляет понятие внутренний и внешний рынок в географическом смысле: „Рынок", говорит он в одном месте, „внешне описан географически, внутренний рынок является ограниченным против рынка, который внутренний и внешний, последний со своей стороны противостоит мирового рынка, который, однако, в каждый момент тоже ограничен, хотя и способен к расширению". Маркс не отличает по существу внутреннего и внешнего рынка: последний лишь расширенный внутренний. Когда Маркс говорит о стремлении капитализма выравнять свое внутреннее противоречие—между производством и потреблением,—посредством расширения внешнего поля производства, то он отнюдь не понимает „внешнее поле" в узком смысле Р. Люксембург, т.-е. как расширение внешнего рынка в некапиталистической среде. Он прежде всего говорит о расширении поля производства, т.-е. капиталистической среды; этим открывается больший простор для движения противоречий, пока и новые границы не окажутся узкими для получивших больший размах противоречий. Если же понимать расширение „внешнего поля", как расширение внешнего рынка, то это опять-таки не только в смысле подчинения себе некапиталистических стран, а—вообще расширения поля товарного сбыта.

Был бы сбыт, если бы было пропорциональное производство, если бы все отрасли обнаружили одинаковую возможность к расширению, „если бы все страны, торгующие друг с другом, обнаружили одинаковую способность к производству и притом к различному и дополняющему друг друга производству". Мы эти строки особенно подчеркиваем, потому что в этом-то сущность внешнего рынка для национального капитала; это все равно, предетавляет ли внешний рынок капиталистическую среду или нет, лишь бы производимые капиталом товары, не находящие сбыта внутри, были бы проданы. Нужно при этом помнить, что на международном рынке идет обмен товаров; и страна, капиталистическая ли она или некапиталистическая, для того, чтобы купить товары другой, должна с своей стороны что либо-продать. (Мы, конечно, абстрагируем здесь от кредита)...

„Внутренний и внешний рынки", говорит Роза Люксембург, „играют несомненно огромную глубоко различную роль в ходе капиталистического развития, но не как понятия политической географии, а понятия социальной экономии. С точки зрения капиталистического производства внутренним рынком является капиталистический рынок самого этого производства, как покупатель своих собственных продуктов и как источник своих собственных элементов производства. Внешним рынком для капитала является окружающая его некапиталистическая среда, которая поглощает его продукты и поставляет ему элементы производства и рабочую силу". Против такого определения внутреннего и внешнего рынка можно и не возражать. Оно и не ново. И до Р. Люксембург у нас указывали народникам, что крестьянский рынок—внешний рынок для российского капитала. С точки зрения мирового капитализма бесспорно можно считать внутренним рынком капиталистическую сферу обращения, а внешним—некапиталистическую. Но вопрос не в этом, а в том, может ли капитализм развиваться на основе одного внутреннего, т.-е. капиталистического рынка, раз возникнув из внекапиталистической среды. Р. Люксембург теоретически это отрицает, и в этом ее ошибка.

Сказанное выше, конечно, отнюдь не опровергает положения о связи империализма с борьбой развитого промышленного капитала на внешнем рынке. В этом нет сомнения: эта борьба связана с новейшей колониальной политикой, отличной от

старой в том отношении, что центр тяжести в ней лежит не в сбыте предметов личного потребления, а в переносе капитала в денежной и товарной формах из развитых капиталистических стран в отсталые экономически и в обеспечении себя, более того приобретении первыми монополии на сырье вторых. Однако, это вопросы, на которых мы здесь не можем останавливаться.

7.

Анализ Маркса, критикует Р. Люксембург, пострадал между прочим от того, что он пытался разрешить проблему неправильно, поставив ее в форме вопроса „о денежных источниках". И раньше: „после того, как ни одна из всех попыток объяснения нам (Марксу) не удалась, после того, как нас отсылали от Понтия к Пилату, от А I к В I и от В I к В II, мы таким образом приходим в конце-концов к тому самому золотопромышленнику, привлечение которого Маркс в самом начале своего анализа признал нелепым". Это очень едко, и тем не менее ошибочно.

Маркс, как мы уже указывали, рассматривает во II томе „Капитала" вопрос о воспроизводстве капитала формально, а Р. Люксембург требует от него анализа „фактического спроса", сбыта товаров. „Мы отыскиваем экономический спрос на прибавочный продукт, не интересуясь при этом вопросом о происхождении денег"—твердит она... Действительно, на протяжении II тома „Капитала" Маркс интересуется вопросом, неинтересным для Р. Люксембург, но на который ни Тук, ни кто-либо из экономистов не ответил, а именно откуда берутся деньги для реализации прибавочной ценности, кто их дает. И он приходит к выводу, что деньги на обращение прибавочного продукта, как и вообще на обращение всех товаров или всей ценности всех товаров—разницы здесь нет между прибавочным и необходимым продуктом — даются самими капиталистами, а необходимый добавочный денежный материал, — если иметь в виду только золотое обращение, — создается отделом добычи золота. И это капиталист делает безбоязненно потому, что в капиталистическом хозяйстве существует закон, по которому авансированные, как капитал, деньги возвращаются к исходному пункту. „Кругооборот денег, т.-е. возвращение денег к своему исходному пункту, поскольку оно составляет момент в обороте капитала, представляет явление совершенно особое, даже противоположное обращению денег". Розу Люксембург этот закон, как вообще вопросы движения денег, денежного капитала и кредита, при анализе процесса воспроизводства капитала в расширенных размерах, может мало интересовать;—это она доказала своей книгой,—но важность этих вопросов для действительного уяснения себе процесса накопления во всей его полноте, при котором денежный капитал, понимая здесь его в широком смысле, играет особую роль, не может подлежать сомнению. Что же касается интересующего, особенно Р. Люксембург, вопроса: кто же покупает добавочный продукт, то и на это Маркс дает ответ попутно. При простом производстве деньги вносятся капиталистами не как капитал, а как доход, в расширенном же воспроизводстве добавочные деньги вносятся, как денежный капитал, а не как денежная форма дохода. Для Розы Люксембург это пустяки. Она остается очень недовольной этом ответом; и иронизирует над тем, что Маркс при анализе „фактического спроса" приглашает на помощь третьих лиц, которых он раньше прогнал. И здесь Р. Люксембург не права.

Совершенно понятно, что Маркс при исследовании вопроса откуда берутся деньги для реализации прибавочной ценности не мог пригласить на помощь третьих лиц, которые сами получают эти деньги от капиталистов или рабочих. Маркс отвергает теорию Мальтуса, у которого третьи лица служат источником прибыли капиталистов; это у Мальтуса находится в соответствии с его теорией прибыли. По Мальтусу, прибыль создается в обращении от того, что капиталисты продают свои товары по стоимости высшей, чем стоимость производства. Но капиталисты продают товары друг другу, и таким образом прибыли не выжмешь. Мальтус при этом присвоил себе и верный взгляд Сисмонди, что рабочие никогда не могут создать достаточный рынок для капитала. И вот у него с неба сваливаются „третьи лица", которые сами ничего не производят, но потребляют изрядно, покупают, не продавая товаров. Это те самые лица, которым капиталисты сначала дают деньги gratis, чтобы потом на них же нажиться, продавая им втридорога. Теория эта, конечно, вздорна, что, однако, не мешает третьим лицам действительно играть роль в реализации прибавочной ценности.

Маркс указывает, что именно производительное потребление в капиталистическом хозяйстве, т.-е. с целью прибыли, требует, чтобы масса производителей производила больше, чем она потребляет. Маркс, далее, показывает, что в капиталистическом хозяйстве товары не обмениваются на товары и, что деньги не посредник лишь обращения. Рабочие продают рабочую силу, а не товары, ряд общественных слоев покупают, не продавая товаров, купля и продажа капиталистов, как капиталистов, отлична от их покупок, как личных потребителей и пр. И взяв развитое капиталистическое хозяйство, состоящее из индустриальных капиталистов, рабочих, и из лиц, которые получают доходы от тех или других, т.-е. из прибавочной ценности или заработной платы за „услуги", или как дольщики в прибавочной ценности—в виде процента, ренты,—включив далее и государство, получающее доход свой обложением; короче говоря, взяв с одной стороны производителей товаров, а с другой потребителей (покупателей), Маркс в III томе „Капитала" приходит к следующему общему выводу, который бросает яркий свет на его теорию воспроизводства капитала, на его теории рынков и кризисов.

„Вообразим все общество, состоящим только из индустриальных капиталистов и рабочих. Оставим в стороне: 1) изменения цен, которые мешают крупным частям всего капитала возмещаться в их средних отношениях и которые при всеобщей зависимости всего процесса воспроизводства, как его развивает именно кредит, должны вызывать временные общие остановки (Stockungen). Оставим также в стороне: 2) дутые дела и спекулятивные обороты (Umsätze), которым содействует кредит. Тогда кризис был бы объяснен только из неправильного отношения (Missverhältniss — диспропорциональности) производства в различных отраслях и из неправильного отношения потребления капиталистов к их накоплению".

Мы видим, что здесь отброшено недостаточное потребление рабочих — низкая заработная плата (Сисмонди), низкая доля рабочего в продукте (Родбертус); это — основное противоречие капиталистического хозяйства, но с ним оно живет и развивается: оно не может быть причиной кризисов, появляющихся периодически. Вывод, к которому Маркс здесь — в III томе „Капитала" — приходит, стоит в полной гармонии с тем, что он писал во II томе „Theorien etc." и во II томе „Капитала". Но Маркс не останавливается на этом выводе, он берет далее капитализм в более реальном виде, и все же в чистом виде, т.-е. без внекапиталистических пережитков и остатков, без люксембургской внекапиталистической среды, и говорит:

„Как, однако, обстоит на деле возмещение вложенных в производство капиталов — зависит большею частью от потребительской способности непроизводительных классов" (т.-е. здесь от всего класса капиталистов: денежных, торговцев; далее, от лендлордов и всех тех, кто у них на услужении, лиц свободных профессий, и, наконец, государства; потребительная способность — конечно, платежная — у этих „третьих лиц" эластичная. *А. Ф.-Е.*). И это „в то время, как потребительная способность рабочих ограничена частью законами заработной платы, частью тем, что они — рабочие — до тех пор прилагаются, пока они прилагаются с прибылью для класса капиталистов".

Итак, недостаточное потребление рабочих само еще не причина кризиса, наоборот, когда промышленность идет в гору, потребление рабочего класса может увеличиваться. Но то, что рабочие не могут расширять рынка в уровень с производством, не могут устранить противоречия между производством и потреблением, которое в известной фазе цикла движения промышленного капитала достигает такого напряжения, что происходит взрыв — кризис, это показывает, что „последняя основа (не причина! *А. Ф.-Е.*). всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, по сравнению со стремлением капиталистического производства развить производительные силы так, как-будто бы их границей была абсолютная потребительная способность общества" [1]).

[1]) „Das Kapital". III Band, 1 Theil, 21 s.

ОТДЕЛ II.

Теория кризисов.

1.

В тесной связи с теорией рынков стоит, как мы видим, теория кризисов; одна дополняет другую. Целого ряда вопросов об общем перепроизводстве товаров, диспропорциональности распределения производства, реализации ценностей и др., затронутых нами в отделе о рынках, нам придется здесь коснуться с новых сторон. Мы не станем останавливаться на истории теории кризисов. По мере того, как развивалось капиталистическое производство, становилась ясной недостаточность теории, которая искала причину кризисов в денежной и кредитной сфере. Ад. Смит знал только денежные и кредитные кризисы; в накоплении капитала он видел лишь средство увеличения народного благосостояния, а не его разрушения, как это бывает во время кризисов. Он не знал еще явлений перепроизводства. Не знал общих, возникающих из производства, кризисов и Рикардо. Наблюдавшиеся при нем промышленные кризисы могли быть еще кое-как объяснены частными причинами: состоянием денежного обращения, диспропорциональностью отдельных отраслей производства, неурожаями, войнами и политическими условиями. Но обнаружившаяся регулярная периодичность мировых кризисов заставила искать причину их в общих условиях хозяйства. Одни из экономистов объясняли кризисы нарушением условий простого товарного обращения (Дж. Ст. Милль и др.) или избыточностью капитала — основного или оборотного, — отрицая, вместе с тем, общее перепроизводство товаров. Другие, преимущественно мелкобуржуазные социалисты (Сисмонди и др.), признавая избыточность товарного производства, видели причину кризисов в недостаточном потреблении масс. Третьи искали причину кризисов в явлениях мира физического (Джевонс нашел ее в солнечных пятнах, а теперь Mooge в движении Венеры относительно Солнца и Земли). Имеются и такие, которые находят ее в психике (Милльс и др.; не чужд этого отчасти и Лескюр). Повторяем, мы не будем здесь вдаваться в разбор всех этих теорий. Несостоятельность главнейших из них выяснится ниже из сопоставления их с теорией Маркса. Мы обратим внимание, главным образом, на новую школу, связанную с именем Туган-Барановского, и мы убедимся, что теория Маркса, несмотря на то, что была изложена шесть-

десят лет тому назад, имеет все преимущества перед ней и позднейшими [1]). И в труде Туган-Барановского о кризисах в Англии является ценным лишь то, что служит фактической иллюстрацией Марксова объяснения периодичности кризисов. Все же его „дополнения" и „исправления" являются лишь шагом назад, к Сею-Рикардо, и не выдерживают никакой критики [2]).

Что такое кризис в капиталистическом строе? Маркс на это отвечает: „Кризис это—всегда лишь временное (momentane) насильственное разрешение существующих противоречий, насильственный взрыв, который восстанавливает в данный момент нарушенное равновесие" („Das Kapital", III Band, 231 s.). И в другом месте: „Кризис это только насильственное восстановление единства фаз процесса производства, которые стали самостоятельными по отношению друг к другу" („Theorien über d. Mehrwert", II B., 2 Th., S. 282, подчеркнуто нами *А. Ф.-Е.*). Уже из этих цитат явствует, как мало у Маркса общего между теорией кризисов и навязанной ему ревизионистами и буржуазными критиками теорией катастроф. Кризис у него не разрушительный лишь процесс, но и созидательный. Перманентных кризисов не существует, говорит он; избы-

[1]) За последние 18 лет — после мирового кризиса 1907 г. и особенно в послевоенное время — вопрос о торгово-промышленной конъюнктуре, о промышленных циклах и кризисах приобрел актуальный интерес в экономической литературе. Еще до войны (в 1913 г.) появились две капитальных — по богатству материалов — работы: о „периодических кризисах" француза Афтальона и о „промышленных циклах" американца Митчеля. Впереди и сейчас идет американская литература, и проф. A. Young на 35-м съезде американских экономистов в декабре 1923 г. имел все основания сказать, что „точное количественное изучение явлений промышленных циклов... это наиболее важный вклад, внесенный американскими учеными за последние годы в экономическую науку". („The trend of prices", The Amer. Econom. Review, supplement March 1923 г.). Американские ученые, однако, не остаются в сфере чистой теории, но желают влиять на практику; они поэтому не только вырабатывают методы для предсказывания экономической погоды (барометр Гарвардского университета, послуживший образцом и для западно-европейских), но ищут и способы к урегулированию циклового движения капитала с целью устранения кризисов. Вместе с европейскими экономистами они, как и англичане первой половины XIX века, считают, что основной рычаг лежит в области денег и кредита. Мы не можем здесь входить в разбор этих „новейших" теорий, — будь то Fisher'a, Sprague, Cassel'я, Hawtrey, Hahn'a или др., — мы это намерены сделать в специальной работе по теории конъюнктур. Для целей настоящего исследования, т.-е. — движения нашего капитализма, совершенно достаточна теория кризисов, изложенная нами в 1910 г., и это тем более, что теория Маркса до сих пор остается в своих основах лучшей, несмотря на свою незаконченность и недостаточность для охвата движения высокого капитализма во всем его целом.

[2]) Следует заметить, что критиковать Туган-Барановского неблагодарная задача. В различных своих работах он защищает различные взгляды по одному и тому же вопросу. Более того, благодаря своему эклектизму, он умудряется соединять в одно целое самые противоречивые положения. Несмотря на тесную связь между теорией рынков и теорией кризисов, у него оказалось за границей много поклонников последней, а не первой „Новые" положения теории рынков Туган-Барановского были старыми знакомыми западно-европейских буржуазных экономистов, в теории же кризисов для них было ново объяснение периодичности кризисов. Но здесь „шаг вперед" — о котором говорят они (Зомбарт и др.) — был сделан в действительности Марксом, а не Туган-Барановским, который дал искаженную теорию Маркса.

точность индустриального капитала, перепроизводство товаров, существует, как преходящее явление.

По Марксу, кризисы бывают двух родов: общие и специальные или частные. Последние являются частными по своему содержанию и по распространению. В специальных кризисах противоречия капиталистического строя проявляются частично, односторонне, изолированно. К таким кризисам принадлежат чисто денежные кризисы, которые проявляются в области кредита, банков, биржи. Частными являются и кризисы в отдельных отраслях производства, вызванные, например, тем, что производство сырья не поспевает за производством других средств производства, и это вследствие ли неурожая, или большей отсталости техники. Частные кризисы могут произойти и от того, что в отдельных отраслях перепроизведено и, поэтому, в других произведено слишком мало, т.-е. от диспропорциональности производства. Но это все частные или специальные кризисы. Общая форма такой диспропорциональности это — перепроизводство основного или оборотного капитала. Непропорциональность в производстве основного и оборотного капитала это — любимый способ объяснения кризисов различными экономистами. Но такая непропорциональность, временное перепроизводство то основного, то оборотного капиталов, неизбежна и необходима для правильного функционирования производства. В будущем производстве она будет определяться общественным контролем, в капиталистическом она — результат анархии. Но такой частичный производственный кризис не есть еще общий, он урегулируется, если не будет других причин для развития общего кризиса. Следует помнить, что капитал может быть рассматриваем лишь в движении. В своем процессе кругообращения, в своем прохождении различных фаз он подвергается различным пертурбациям. Такие пертурбации, например, в ценах могут вызвать временные общие заминки. По мере того, как капиталистическое производство развивается, эти пертурбации растут и в своем количестве, и в своей силе, но это отражается больше на отдельных капиталистах: они подвергаются большей опасности. В общем же кругообращении капитала эти пертурбации преодолеваются и нейтрализуются самым стихийным ходом движения, и все идет „нормально" до тех пор, пока капитальная ценность продолжает возрастать. Но уже одна остановка в этом возрастании, не говоря уже об уменьшении капитальной ценности, знаменует собой кризис.

В общих — обычно мировых—кризисах прорываются наружу все противоречия капиталистического хозяйства. „Общие кризисы следует рассматривать, как реальное соединение и насильственное разрешение всех противоречий буржуазной экономии" — говорит Маркс. Отдельные моменты, которые соединяются вместе в таком кризисе, должны быть обнаружены в каждой отдельной сфере буржуазной экономии и там развиты. Чем дальше мы подвигаемся в этой экономии, тем больше должны

быть развиты новые определения этих противоречий, с другой стороны более абстрактные формы этих определений должны вновь проявиться и заключаться в более конкретных, что должно быть доказано" („Theorien etc", S. 282. Подчеркнуто нами *А. Ф.-Е.*). Гг. ревизионисты, не говоря уже о буржуазных критиках, цитируя отдельные места из III и II томов „Капитала" и сопоставляя их друг с другом, кричат о противоречиях между этими томами и в вопросе о кризисах (Бернштейн, Туган-Барановский, Лескюр и др.). В III томе увидели тождество теории Маркса с теорией недостаточного потребления Сисмонди-Родбертуса. Народники (Н. — он) нашли здесь подтверждение своей теории „сокращения" рынка и т. д. Все это — сплошное непонимание Маркса. Из приведенной нами цитаты ясно, почему Маркс в различных местах „Капитала" различно рассматривает кризисы, выясняет различные моменты их и дает этим моментам различные определения. Между этими определениями нет противоречия, они рассматривают вопрос с различных сторон, дополняют и развивают друг друга.

В самом деле. С первых же страниц своего „Капитала" Маркс старается нам показать, как товарное производство par excellence — капиталистическое хозяйство — движется в противоречиях. По мере того как он развертывает перед нами картину развивающегося капитала, он обнажает перед нами и все усложняющие противоречия этого развития. И с первой же главы „Капитала" мы узнаем, что в этих противоречиях заложены и **возможности** кризиса. Кризис в первой своей форме заключен уже в метаморфозе товара, в расчленении купли и продажи, во второй форме — в функции денег, как платежного средства. Все противоречия товарного и денежного обращения проявляются вновь, воспроизводятся, и в более развитом виде, в **капитале**, который есть **развитое** товарное обращение. Потенциальный кризис развивается дальше из форм движения, свойственных капиталу, как капиталу. На сцену выступают противоречия между реализацией ценностей и их производством. Весь процесс воспроизводства капитала состоит из процесса производства и процесса обращения. Нормальность хода зависит от **единства** этих процессов, но это единство нарушается, вследствие того, что различные моменты этого процесса воспроизводства действуют антагонистически. Потенциальный кризис здесь достигает высшей формы. Но это все развитые **возможности** кризиса, абстрактные формы его. Вопрос же состоит в том, чтобы объяснить, „**почему фазы процесса** (воспроизводства капитала) приходят в **такой** конфликт, что только **кризисом** может быть восстановлено внутреннее их единство".

2.

Процесс обращения, заключающийся в процессе воспроизводства капитала, не есть простой обмен товаров, как это представляла фритрэдерская школа со времен Ад. Смита; нам приходится, поэтому, отбросить те теории, которые исходят при объяснении кризисов из простого товарного обращения. И именно потому, что товарный обмен в капиталистическом строе не есть лишь обмен одного **продукта** на другой, общее товарное перепроизводство **возможно**. Туган-Барановский, который, как мы видели в отделе о теории рынков, исходит в своей теории из положения, что общее товарное перепроизводство невозможно, в своих „Основах политической экономии" в главе о кризисах, говорит, что „наличность общего перепроизводства в эпохи промышленного застоя не может быть отрицаема... В действительности перепроизводство в эпоху кризисов имеет общий характер" (744 стр.). И, признавая этот факт, он пускается дальше в объяснения с целью примирить это явление со своей теорией. Конечно, из этого ничего путного не выходит и выйти не может. Г. Лескюр другого мнения на этот счет. Он считает крупной заслугой новых теоретиков — у нас и на Западе, — что они пришли к „замечательному способу примирить два противоположных лагеря, беспрерывные споры которых продолжались в течение всего XIX века: лагерь сторонников невозможности всеобщего перепроизводства и лагерь защитников его возможности" (438 стр.). Решение это состоит в том, что вместе с Сеем-Рикардо они „на основании закона сбыта" признают лишь частичное перепроизводство, но на основании того же закона сбыта они признают, что такое частичное перепроизводство превращается в общее. Несомненная софистика! Раз частичное перепроизводство превращается в общее, значит последнее возможно. А раз оно возможно, то нельзя отрицать его возможности. Если же оно невозможно, то нельзя признавать его в действительности. Другой вопрос — как происходит это общее перепроизводство. „Законом сбыта" Сея-Рикардо явлений общего перепроизводства не объяснишь; такой закон **не имеет места** в капиталистическом хозяйстве.

Возможность общего товарного перепроизводства не подлежит сомнению. При крахе мы видим рынок, переполненный товарами, которые не могут быть потреблены при прежних повышенных ценах. „Переполнение товаров всегда относительное, т.-е. переполнение при известных ценах". Далее, все товары могут быть в избытке, кроме **денег**. Это доказывает, что необходимость превращения в деньги существует для **всех** товаров, т.-е., что в данный момент реализация их меновой ценности, представление товаров в денежной форме превалирует над их потребительной ценностью. Наконец, чтобы перепроизводство стало общим, достаточно, чтобы оно охватило **главные**, руководящие отрасли промышленности; **активное** перепроизводство здесь вызывает **пассивное** в остальных.

Маркс в свое время указывал, что избыточное производство главных предметов **личного** потребления — предметов массового производства — ведет к общему перепроизводству. Но это не значит — заметил он при этом — что избыточное производство не может возникнуть самостоятельно и в отраслях производства средств

производства, материалов и пр. Это обычно и бывает, что лишь обостряет кризис в этих отраслях. Афталион („Les crises periodiques de surproduction", 2 тома, Paris, 1913 г.), хотя и последователь субъективной теории ценности и поклонник Сеевского закона о рынках, все же на основании анализа фактов за вторую половину XIX и начала нынешнего столетия подтверждает указанный Марксом ход развития общего перепроизводства.

Кризис обычно начинается в отраслях массового производства средств личного потребления, именно с падения цен в текстильной индустрии — указывает Афталион.—То же наблюдалось и во вторую четверть XIX в. в Англии.—„Этот избыток (товаров, предназначенных для непосредственного удовлетворения потребностей) связан с крупным увеличением орудий производства, создание которых было начато во время благополучия и закончено лишь к концу этого периода. Напомним, как различные статистические данные относительно изготовленных и вошедших в эксплоатацию паровых машин, веретен, различных орудий, паровозов, вагонов, судов показывали сильное увеличение в последние годы просперитета. Этот могучий surplus производительных сил ведет к соответствующему увеличению предметов потребления и вызывает тяжелое падение цен—в чем и состоит кризис". Отметим здесь, что и Hilferding в своем „Finanzkapital" (1910 г.) привел данные, относящиеся к кризису горной и железной индустрии в Германии в 1900 г., из которых видно, что в Лотарингии и Люксембурге новые предприятия, вступившие поздно в дело, с одной стороны долгое время в фазе подъема усиливали его своей постройкой, с другой стороны своим вступлением в дело к концу 1899 г. и весной 1900 г., когда высший пункт расцвета был уже пройден, увеличивали предложение и усиливали перепроизводство. Гильфердинг с своей стороны подчеркивает, что кризис отражается сильнее всего в отраслях с высоким органическим составом капитала...

A propos. То, что производство средств производства требует известного времени в силу технических условий и, что до появления дополнительных средств, требуемых производствами средств потребления, недостаточное предложение поднимает их цены, которые падают в конце цикла в силу перепроизводства основного капитала, дает повод Афталиону *колебания* производства ошибочно приписывать *технике*: трудности согласования производства и потребления у него в технических условиях производства, поэтому кризисы у него должны остаться и в социалистическом строе! [1]).

[1]) Заметим также, что тифлисский профессор Бунатьян, выпустивший работу о кризисах на немецком языке в 1908 г. и второе исправленное издание на французском в 1922 г., заявляет притязания на некоторые „открытия" Афталиона. Справедливость, однако, требует указать, что заслуга Афталиона вовсе не в теоретическом оригинальничанье, а в обработке громадного фактического материала. Что же касается Бунатьяна, то он, разделавшись „наездически" с Марксом в начале своей книги, затем на дальнейшем протяжении ее контрабандно использовывает Маркса, правда, изрядно при этом искажая его. Между прочим он присвоил себе характерное для Маркса определение

Общее перепроизводство возможно потому, что дело идет не о производстве продуктов, но товаров. В капиталистическом хозяйстве *производство* и *потребление* не *тождественны*. Сменно говорить, что рабочие производители и рабочие потребители одинаковы: они производят гораздо больше, чем потребляют, они всегда перепроизводители. Не все также потребители являются производителями: лендлорды, представители денежного капитала и др. Основной причиной современного перепроизводства является: неизбежное развитие производительных сил и связанное с этим массовое производство, с другой стороны ограниченное потребление масс и прибыль, как цель и граница производства.

Можно было бы возразить: ведь количество рабочей силы, которое может быть приложено капиталом, зависит не от меновой ценности капитала, а потребительной, от массы сырых материалов, орудий производства и средств потребления, и так как эти потребительные ценности все возрастают с развитием производительных сил, то и процесс производства может итти безгранично. Присутствие избытка рабочих рук, средств производства и потребления должно, таким образом, служит лишь дальнейшему накоплению капитала, увеличению меновых ценностей. Так и рассуждал Рикардо, так — до сих пор многие и у нас. Но в действительности именно избытки индустриального капитала и рабочих рук характерны для кризиса и показывают остановку в производстве и накоплении ценностей. И причина эта в противоречиях капиталистического хозяйства, в том, что его цель возрастание капитальной ценности, а не развитие производства, и эта цель встречает границу в *реализации* ценностей. *Периодически* оказывается, что произведено слишком много средств производства и средств потребления, чтобы можно было, при существующих антагонистических условиях распределения продукта, реализовать их ценность и превратить их в новый капитал, чтобы можно было с прибылью приложить эти средства, как капитал. *Периодически* оказывается перепроизводство богатства в капиталистической форме, перепроизводство товаров, это и ведет *к кризисам*.

М. И. Туган-Барановский с этим несогласен. Для него *единственная* причина кризисов — это непропорциональность распределения капиталов в различных отраслях [1]). Здесь лежит причина перепроизводства товаров, которое он признает в одном месте лишь в отдельных отраслях, в другом — как общее явление. Но в капиталистическом строе, основанном на индивидуальном обмене, где каждый работает на свой страх, о распределении

кризиса, как „насильственное разрешение противоречий и т. д.". Впрочем одним открытием Бунатьян все же может похвастаться, это — открытием кризисов на форуме в древнем Риме.

[1]) „Мир Божий", октябрь 1901 г. „Очерки из истории полит. экономии", стр. 139 — 141. В других местах, как, например, в „Основах политической экономии", он указывает и на „антагонистичность капиталист. строя", признает „известную долю истины и в распространенном мнении, что основная причина кризисов коренится в бедности народных масс" и др. Однако, всех противоречий Туган-Барановского не перечислишь.

капиталов по плану, о пропорциональности не может быть речи. Диспропорциональность здесь правило. Пропорциональность является лишь результатом уравнения этой постоянной диспропорциональности. И потому искать причину кризисов в этом постоянном явлении нельзя.

Любопытно отметить, что Эд. Бернштейн, противник теории Туган-Барановского, несмотря на весь свой эклектизм в данном вопросе, высказывает ряд положений, с которыми нельзя не согласиться. „Может ли недостаточная пропорциональность в производстве объяснить различные формы и периоды кризисов?" Конечно нет — говорит он... „Недостаток пропорциональности в производстве объясняет перепроизводство в отдельных отраслях, но не остановку во всей хозяйственной области, которая обозначается как хозяйственный кризис. Налицо, таким образом, раньше должна быть определенная высота диспропорциональности, если перепроизводство должно стать причиной общего кризиса. И что тогда приходится объяснять, это меньше кризис, чем эту высоту, т.-е. не результат, а его коэффициент: как и на каком основании происходит такая особенная диспропорциональность" [1]).

Общее перепроизводство невозможно, говорят апологеты современного строя, потому что, если бы оно было общим, то все отрасли сохранили бы то же самое отношение друг к другу, т.-е. общее перепроизводство это то же, что и пропорциональное производство, которое исключает перепроизводство. Жалкая софистика! — давно ответил на это Маркс. Потому только, что общее перепроизводство в таком абсолютном смысле не было бы перепроизводством, а лишь дальнейшим развитием производительных сил, потому только не может быть действительного перепроизводства! Все рассуждения гг. Сеев, — а после и Туган-Барановского и его последователей, — о частичном перепроизводстве или о перепроизводстве в отдельных отраслях,

[1]) „Documente des Soc.", 1902 J., I B., 525—226 s. То же самое говорит и К. Шмидт в статье „Zur Theorie der Handelskrisen" etc. (Soz. Monatshefte—1911 № 9). С. Прокопович, критикуя Туган-Барановского, выставил свою теорию кризисов, по которой „причиной кризисов является неорганизованность каждой отдельной отрасли промышленности в противоположность Туган-Барановскому, по которому причина—неорганизованность всего национального производства" („К критике Маркса" 133 стр.) С. Прокопович не согласен с Туган-Барановским, что тресты не в силах предотвратить кризисы. „Бессилие существующих трестов предотвратить промышленные кризисы" — заявляет он — „обусловливается их малочисленностью"! (125 стр.). С. Прокопович повторяет здесь ошибку Вейзенгрюна и К° („Das Ende des Marxismus"). Если бы С. Прокопович обратился к австрийским профессорам, ну хоть к Клейнвехтеру, который еще двадцать лет перед Вейзенгрюном проповедывал такую же премудрость, то и тот рассказал бы ему в 900-х годах совсем другое. Мировой кризис 1900—1901 гг. показал роль этих „регуляторов" производства, как их называли и Луйо Брентано, и Э. Бернштейн. В Европе этот кризис проявился в наиболее резкой форме именно в отраслях промышленности, наиболее картеллированных. А что делается на родине трестов — Сев. Америке — видно из кризиса 1907—1908 гг. Там лопались особенно сильно как раз такого рода „организации" с их разбавленными водой, искусственно вздутыми капиталами...

вследствие недостаточного производства в других и пр. свойства, если бы предложение и спрос совпадали, если бы капитал был распределен в различных отраслях так, что производство одного продукта включало бы потребление другого, т.-е. свое собственное потребление. Не было бы перепроизводства, если бы его не было. Но, так как капиталистическое производство при данных условиях может проявить сильный разбег лишь в определенных отраслях, то капиталистическое производство вообще не было бы возможно, если бы оно должно было бы развиваться одновременно и равномерно во всех отраслях. Так как в этих отраслях происходит абсолютное перепроизводство, то оно имеет место относительно и в тех отраслях, где не было перепроизведено".

Это отрицание перепроизводства имеет своей ошибочной предпосылкой, что „буржуазный способ производства,—способ производства, в котором не существует различия между куплей и продажей, или общественное производство, при котором общество распределяет свои средства и производительные силы по плану в такой степени и в таких размерах, в каких они необходимы для удовлетворения различных потребностей, так что на каждую сферу производства падает то количество общественного капитала, какое необходимо ей для удовлетворения потребностей" (Маркс).

3.

По мере развития капитализма растет в нем роль кредита. Мы увидим при обзоре нашей промышленности, как — вместе с подъемом промышленности поднимается и кредит во всех его формах. Это дает возможность производительным силам некоторое время развиваться, и не сообразуясь с общественным потреблением. Кредит создает фиктивный спрос. Вследствие того, что купеческий капитал движется также с известной степенью самостоятельности, то и он толкает вперед производство, не считаясь с его границами, и это особенно при развитом кредите. Но тем тяжеле час расплаты. Правда, чем кредит развитее, тем он эластичнее, тем он более в состоянии ослаблять временные и местные затруднения, локализировать их. Что же касается общих кризисов, о которых у нас идет речь, то развитие международной кредитной системы, как это показал мировой кризис (1907 года), содействует лишь сокращению периода „краха", денежной фазы кризиса.

В отделе о нашем кризисе 1900—1902 годов мы увидим, как кредит по мере роста подъема промышленности становится все напряженнее. Движение ссудного денежного капитала и индустриального не тождественны. На известной ступени подъема в фазе расцвета кредит достигает своего максимума. И первые толчки от наступающего кризиса ощу-

щаются в сфере движения денежного капитала: на бирже, в банках... Поэтому-то весь кризис и представляется, как кредитный и денежный. На самом же деле все обстоит иначе. Кредит останавливается и, далее, сокращается здесь не в силу своих особых условий—мы говорим здесь не о чистых денежных кризисах, а, повторяем, об общих,—а потому, что капитал остановился в своем процессе воспроизводства, и вера в его оборотность пошатнулась. Пал „коммерческий" кредит; на место метаморфозы товаров явилась превратимость векселей в деньги. Растет спрос не для покупок, но для платежа. Спрос на денежное обращение между потребителями и торговцами упал, вследствие падения цен товаров, падения заработной платы и пр., но в то же время возрос спрос на средства обращения между капиталистами. И этот последний спрос возрос не столько по своей величине, сколько возросла трудность его удовлетворения: сжался банковский кредит. А из того, что кризис разражается впервые не в розничной торговле, имеющей дело с непосредственным потребителем, а в банках и крупной торговле, экономистами и отрицается связь его с общественным потреблением. Говорят, что дело идет о превратимости векселей в деньги, что нет только свободного денежного капитала. Но почему же денег стало вдруг мало, почему векселя не превращаются в деньги? Именно потому, что платежи стали поступать нерегулярно. Кредит пошатнулся. Все попрятали деньги. В денежном и кредитном механизме получилась остановка потому, что выяснилось, что товарные ценности не могут быть реализованы в прежних размерах. Оказалось, что „векселя в своем громадном большинстве представляют продажи и покупки, совершенные в размерах далеко превосходящих общественные потребности, что и лежит в конце концов в основе кризиса. При этом громадное число этих векселей представляют собой дутые сделки, которые только теперь всплывают наружу в настоящем своем виде и лопаются; далее,—неудачные спекуляции на чужие капиталы и, наконец, товарные капиталы, которые обесценились или совсем не могут быть проданы, или—выручки, которые никогда больше не могут быть получены" (Маркс). Отсюда видно, что не из-за недостатка индустриального капитала наступает крах: этого капитала наоборот слишком много. Именно в том, что его оказалось слишком много, что произведено было слишком много средств производства и потребления, которые не могут быть реализованы при данных условиях и быть пущенными вновь в ход, как капитал, причина наступающего кризиса.

Наши „новые теоретики" кризисов Т.-Барановский, Шпитгоф, Эйленбург и др. придерживаются иных взглядов... М. И. Туган-Барановский цитирует в своих „Основах" мнения „Jahrbücher für Nationalökonomie" и Газенкампфа об американском кризисе 1907 г., и говорит: „Итак, не избыток капитала, не находящего себе помещения, а недостаток капитала, вот что вызвало последний мировой кризис, равно как и предшествующие кризисы. Отсюда видно, как несостоятельна теория избыточного продукта капиталистического производства"... (754 стр. Подчеркнуто нами. *А. Ф.-Е.*). Стоило однако ближе познакомиться с американским кризисом, да и вообще с мировым кризисом 1907 г., чтобы убедиться в ошибочности утверждения Туган-Барановского. Денежный кризис — как фаза общего — вспыхнул осенью 1907 г., а уже в феврале 1908 г. был окончательно ликвидирован. На всех главнейших биржах средний % за весь 1908 г. стоял значительно ниже среднего 1907 г. и даже 1906 г. И в то же время наблюдался везде полнейший застой в промышленности и торговле. С самого возникновения кризиса мы видим, как характерный признак перепроизводства, понижение цен на товары, которое наблюдается и весь 1908 г.; и лишь в 1909 г., с поворотом мировой конъюнктуры в сторону улучшения, произошло опять повышение. Подробные данныя об учетном проценте и товарных ценах на мировом рынке мы приводим в отделах о состоянии нашего денежного рынка и о движении товарных цен. Далее, как доказательство перепроизводства товаров, мы видим в 1908 г. сильное сокращение производства в мировом хозяйстве. Так, мировое производство чугуна—этого характерного продукта—сократилось в 1908 г. сравнительно с 1907 г. с 60,2 миллионов тонн до 48,2, т.-е. на 20%, и особенно в С.-Штатах: с 25,8 до 15,9 миллионов тонн, т.-е. более чем на 38%. Как известно, тресты и картели в Америке и Германии с целью скорейшей ликвидации кризиса сократили производство в самых широких размерах. Усиленное сокращение производства в различных отраслях имело место и в других странах. Миллионы рабочих были выброшены на мостовую за последний мировой кризис... И, наконец, доказательством существования именно „избыточного продукта" может служить значительное сокращение оборотов внешней торговли на международном рынке: в 1908 г. сократили свой привоз и вывоз С.-А. С. Штаты, Англия, Германия, Франция, Бельгия и Япония, а вывоз — Италия, Россия и Австро-Венгрия.. Все это показывает, что основная причина общего кризиса 1907—8 гг. была не в спекуляциях на денежном рынке и не в психологических моментах, на которые так падки экономисты, и не в недостатке индустриального капитала [1]), а в избытке его, в перепроизводстве товаров.

Точку зрения Туган-Барановского отстаивает теперь и Кассель в своей книге „Theoretische Socialökonomie" (II Aufl. 1921). Он указывает, что и в последнее время высокой конъюнктуры —

[1]) Здесь уместно будет привести одну цитату из III тома „Капитала", где уже давно была дана отповедь подобным теоретикам недостаточного капитала: „Те которые говорят, что недостает только средств платежа, или имеют в виду только владетелей bona fide надежных бумаг, или дураки, которые думают, что какой-нибудь банк обязан и в силах посредством бумажной квитанции превратить банкротов-махинаторов в платежеспособных солидных капиталистов. Те, которые говорят, что недостает капитала (а это именно и говорят Туган-Барановский, Кассель и др.) или занимаются простым набором слов, так как в такие времена, вследствие перепроизводства

в фазе расцвета промышленного цикла — не наблюдается ни избытка основного капитала, ни — „материалов основного капитала". Это, конечно, неверно. Можно признать, как факт, что тяжелая индустрия обычно позже других отраслей входит в фазу кризиса и позже вступает после депрессии в фазу оживления. Так, в Соединенных Штатах, где промышленный капитал испытал наименьшее сотрясение от мировой войны, и во время послевоенного промышленного кризиса 1920 — 1921 г.г., и во время последовавшего затем нового цикла движения капитала, падение и оживление активности произошло, — по данным американских источников, — в железной и стальной промышленности на полгода позже, чем в текстильной. Однако, не подлежит сомнению, что именно железная индустрия и производства „материалов основного капитала", вообще отрасли средств производства, испытывают гораздо более сильные колебания производства, чем производства средств потребления. Это доказывается и таблицей движения безработицы в пяти различных группах производств за 1872 — 1908 г.г., приводимой самим Касселем на 503 стр. своей книги.

Отрицая перепроизводство, Кассель на вопрос, что же вызывает внезапное прекращение высокой конъюнктуры, взрыв кризиса, говорит: „Ответ таков: типическая современная высокая конъюнктура не означает никакого перепроизводства, никакой переоценки спроса потребителей или потребностей общества в услугах основного капитала, но переоценку предложения капитала, следовательно средств сбережений, которые стоят в распоряжении для восприятия произведенного реального капитала". (567 стр. Подчеркнуто Касселем). „Глубочайшая причина кризиса это ошибочный расчет (Fehlberechnung) возможностей получить на будущем рынке капиталы, необходимые для завершения начатых предприятий"... (568 стр.).

Все это старо и ошибочно. Этот „мировой авторитет" вообще не блещет оригинальностью. Проф. Кассель и не догадывается, что недостаток денежного капитала, внезапно обнаруживающийся в цикле движения промышленного капитала, является, как результат уже наступающего индустриального кризиса, а не как причина его: стеснение на денежном рынке, уменьшение денежного капитала совпадает здесь с падением товарных цен. Товарный капитал вдруг сжался, как потенциальный денежный капитал. Почему? — Потому, что надежда на реализацию его уменьшилась, потому что предложение его превышает спрос, а это значит налицо перепроизводство капитала. Мы это увидим далее и на примере России.

в избыточного ввоза, имеется громадное количество непревратимого капитала, или они говорят только о тех рыцарях кредита, которые действительно поставлены в положение, в котором они не могут более доставать чужих капиталов, чтобы ими хозяйничать, и которые желают, чтобы банки им помогли заплатить потерянные капиталы и чтобы им содействовали еще в дальнейших махинациях".

4.

Выше мы выяснили причину перепроизводства в капиталистическом хозяйстве, — этого основного феномена общих кризисов; мы показали, что она лежит в антагонистических условиях производства и потребления продуктов, в ограниченном общественном потреблении. II в отделе о теории рынков мы показали, что производство средств производства имеет и в капиталистическом строе свой raison d'être лишь постольку, поскольку они служат в конце-концов для удовлетворения личных потребностей. Следует твердо помнить, что потребительная ценность средств производства, без которой не может быть у них и меновой, определяется общественными потребностями в них, а эти последние в конечном счете личным потреблением, которое здесь рассматривается, как „акт общественный" [1]). В своей критике теории кризисов Сисмонди, В. Ильин (Ленин) говорит, что Маркс отводит „факту противоречия между производством и потреблением надлежащее подчиненное место, как факту, относящемуся лишь к одному подразделению всего капиталистического производства". Это безусловно ошибочно. Анализ Маркса показывает, что уже при простом производстве имеет место противоречие между производительным и личным потреблением обоих подразделений: подразделения производств средств производства (I) и подразделения производств средств потребления (II). Это тем более происходит при расширенном производстве, которое и соответствует действительности.

Для того, чтобы процесс расширенного производства шел нормально, необходимо чтобы $I\left(v+\frac{m}{x}\right)=II\left(c+\frac{m}{y}\right)$, т.-е., чтобы потребление личное I = накоплению, производительному потреблению II, чтобы вся сумма ценностей продуктов личного потребления II равнялась $\left(v+\frac{m}{x}\right)I+\left(v+m\frac{m}{y}\right)II$ [2]). Связь и зависимость между производительным и личным потреблением в обоих подразделениях здесь очевидны. В капиталистическом производстве $I\left(v+\frac{m}{x}\right)+II\left(v+m-\frac{m}{y}\right)$, т.-е. доход стремится к относительному уменьшению, а $I\left(c+m-\frac{m}{x}\right)+II\left(c+\frac{m}{y}\right)$, т.-е. капитал — к неограниченному возраста-

[1]) Лескюр согласен с Каутским и спорит против Т.-Барановского, Шпитгофа и др., отделяющих производство средств производства от предметов личного потребления. Он признает зависимость первых от последних. Он считает нужным „ввести в теорию кризисов понятие потребления, на которое Туг.-Бар. обратил так мало внимания". Это очень хорошо. Нужно однако заметить, что у Лескюра все же существует порядочная путаница на счет сущности кризисов, и он старается примирить непримиримые положения.

[2]) C — постоянный капитал, v — переменный, m — прибавочная ценность, $\frac{m}{x}$ часть прибавочной ценности, идущая на личное потребление, $\frac{m}{y}$ — на производительное потребление.

нию. Это основное противоречие капиталистического хозяйства... „Внутреннее противоречие капиталистического производства стремится выравняться посредством расширения внешнего поля производства" — отвечают нам цитатой из Маркса. Совершенно верно, но этим подготовляется почва для нового общего кризиса.

5.

Одно из самых интересных явлений общих кризисов—это их периодичность, их регулярное возвращение через определенные промежутки времени. Капиталист. производство в норме обнаруживает правильную смену периодов подъема и упадка, правильную смену промышленных циклов. Капитал движется в этих условиях не по кругу, а по спирали; он не только себя воспроизводит, но и переходит на высшую ступень развития. Где причина этого правильного чередования циклов с их фазами покоя, оживления, расцвета, перепроизводства, краха, угнетения, покоя и т. д.? [1]), Индустриальный цикл, раз получив толчок, нормально воспроизводит все свои фазы. Какая же область производства задает тон цикловому движению? Область производства средств производства, и именно сфера производства основного капитала,—отвечает Маркс. Это подтверждает и Афталион: „Идет ли речь о паровой двигательной силе, применяемой в металлургической, горной, текстильной, химической индустриях и строительном деле, идет ли речь о самых разнообразных машинах, приводимых в движение этой двигательной силой: веретенах ли хлопчато-бумажной индустрии, чесалках (cardes peigneuses), прялках и ткацких станках текстильной индустрии, многочисленных машинах в других отраслях, идет ли речь о средствах транспорта на суше: рельсах, паровозах, вагонах, или о постройке судов, прямо или косвенно, во Франции ли или в других крупных странах, везде было констатировано очень часто одно и то же явление... Основные капиталы увеличиваются переменными периодами сильного и слабого увеличения. Различия между цифрами этих периодов очень значительны. Индустрии, производящие основные капиталы, видят свои капиталы то несоразмерно возрастающими, то сильно замирающими (assoupir). Такое же хронологическое отношение существует почти всегда между движением основных капиталов и меняющимися фазами циклов. Периоды сильного

[1]) Лорд Оверстон, несмотря на непонимание причин кризисов, знал уже в тридцатых годах хорошо цикловое движение промышленного — в широком смысле — капитала с его сменой фаз: „Состояние промышленности (trade) явно вращается (revolves apparently) в установленном цикле. Прежде всего мы находим его в состоянии покоя, затем улучшения, растущего доверия, благополучия, возбуждения, перепроизводства (overtrading), конвульсии, стеснения (pressure), застоя — distress, — заканчивающегося снова покоем. (Lord Overstone: „Reflections ... on the causes and consequences of the pressure on the money market 1837". Цитируем по A. Marchall: Money, Credit and Commerce, 1923 г.).

увеличения этих капиталов начинаются и оканчиваются с опозданием по отношению к началу и к концу общего преуспеяния. Периоды слабого увеличения основных капиталов начинаются в депрессии некоторое время после кризиса, чтобы продолжаться в первые годы и даже до развития (jusqu'à coeur) просперитета". Мы это увидим и на примере России.

Капиталистическое производство отличается накоплением богатства в этой, основной, форме. Периодическим возобновлением и расширением основного капитала, и соответствующей этому сменой расширения и сокращения производства орудий производства и дается материальная основа для периодических чередований приливов и отливов промышленности (Маркс). История промышл. кризисов в Англии и др. странах подтверждает это. Она показывает нам, как в периоды подъема идет усиленное возобновление и увеличение основного капитала — железнодорожное строительство, электрификация, устройство и расширение заводов, производство и введение новых машин и пр.,—и как вместе с этим растет спрос на товары отраслей промышленности, занятых производством средств производства. Растут в эти годы цены на чугун, железо, сталь, а теперь и на медь — в связи с развитием электрической индустрии,—на товары, производство которых так характерно для развитого капитализма. Рост производства в этих отраслях вызывает соответствующий рост в производствах предметов личного потребления. Картину такого общего подъема мы увидим и у нас в отделе о подъеме 1893 — 1899 гг.

Э. Бернштейн и другие не считают, однако, верным, что период обновления и расширения основного капитала совпадает по времени в различных отраслях. Маркс предусмотрел такое возражение и отвечает на это: „Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда является исходным пунктом для новых крупных вложений капитала. Следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества, он в большей или меньшей степени дает материальную основу для следующего цикла оборотов". Вопреки утверждениям Лескюра, Маркс высказывается определенно, что „в охватывающем целый ряд лет цикле взаимно связанных между собой оборотов, в которых капитал связан своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов". Если с одной стороны размер ценности основного капитала и продолжительность его существования увеличиваются с развитием капитализма, то с другой стороны постоянные перевороты в средствах производства сокращают эту продолжительность. Средства производства подвергаются, на ряду с физическим, и моральному изнашиванию. Конкуренция побуждает заменять прежние орудия производства новыми до естественной их смерти. И в крупном общественном масштабе такое замещение вызывается кризисами. Лескюр и другие напрасно приписывают Марксу какую-то гипотезу о появляющихся будто бы пери-

одически изобретениях и превращениях в технике, и что вследствие этого периодически возобновляется капитал. Ничего подобного у Маркса нет. Приложение этих изобретений и усовершенствований совершается в больших общественных размерах периодически. Точно так же Маркс вовсе не настаивал на 10-летнем цикле. „Можно думать"—говорит он осторожно—„что в важнейших отраслях крупной промышленности цикл жизни составляет теперь средним счетом 10 лет. Однако дело здесь не в определенном числе лет" (Подчеркнуто нами. *А. Ф.-Е.*).

Почему возобновление, воспроизводство общественного основного капитала в расширенных размерах совершается толчками? Причину этого приходится искать в общих условиях капиталистического производства. Правда, и в будущем строе, организованном по плану и подчиненном общественному контролю, придется периодически производить больше основного капитала,—здесь в смысле средств производства,—в силу особых материальных свойств этих средств. Но это не одно и то же, что нынешние колебания; и эти периодические перепроизводства вовсе не будут сопровождаться общими перепроизводствами, а с ними и кризисами; тогда не будет антагонистических процессов производства и реализации ценностей. Процесс обращения капитала очень сложен: в нем три процесса—денежного, товарного и производительного капитала—совершаются независимо и переплетаются друг с другом. Весь процесс неорганизован, идет стихийно. Все это создает почву для кризисов. Но те же противоречия, которые вызывают кризис, подготовляют почву для нового подъема; кризис является насильственным восстановлением единства процесса. И таким, образом, капитал, раз получив ход, продолжает двигаться колебательными движениями. Регулярная же периодичность этим колебаниям придается в „нормальных" условиях движением общественного основного капитала.

Ссылаясь на динамичность капитала, некоторые „конъюнктуристы" представляли в нашей послевоенной литературе движение капитала так, что за подъемом необходимо должна следовать депрессия, а за депрессией подъем. На деле процесс—гораздо более сложный. В нормальное время движение идет по вертикальной спирали, все расширяя размер оборотов; дойдя до известной точки он с большей или меньшей скоростью падает вниз и здесь долгое время может двигаться по кругу, если хотите по горизонтальной спирали, пока опять не получит толчка вверх. Каково будет это движение вверх—зависит от силы толчка и от препятствий, которые ему приходится преодолевать. Движение по кругу—простое воспроизводство—конечно, не противоречит динамичности капитала. О фазе „покоя" в цикле движения говорит и Маркс (теория квант в физике!)

Продолжительность различных фаз различна в различных циклах и сами циклы различны в различные эпохи движения

капитала. Так, Энгельс дополняя Маркса, указывает, что с 1867 г. по 1894 г. фазы депрессии удлинились,—оживления и подъема сократились. Это отмечает между прочим и Кассель. С 90-х годов мировой капитал перешел опять к более коротким—„нормальным"—циклам.

Что же касается толчков к новому циклу, то они вызываются различными причинами. Некоторые видят центр тяжести в движении цен, но это значит держаться поверхности: само изменение цен требует объяснения. Переход к оживлению может быть и при стационарном среднем уровне цен, что имело место, например, в Соединенных Штатах в новом цикле промышленного капитала, начавшемся в середине 1921 г. Здесь, одним из возбудителей для известных отраслей индустрии к поднятию активности и увеличению производства явилось падение во время депрессии цен на сырье ниже, чем на предметы потребления. „Общее увеличение производства, начавшись в июле 1921 г. совпало с началом периода стабилизации цен и предшествовало на 6 месяцев повышению уровня цен" (Federal Reserve Bulletin. Washington XI 1922).

Значительным фактором, дающим толчок возникновению нового промышленного цикла, особенно в странах агрикультурно-индустриальных, а тем более в слабо развитых капиталистически, являются и урожаи, что мы увидим на примере России. Нужно иметь в виду, что урожаи вообще оказывают большое влияние на состояние мирового рынка, который является „базисом и жизненной атмосферой капиталистического способа производства" (Маркс). Так, например, расцвет промышленности и на Западе в 1912 году следует отчасти приписать хорошему мировому урожаю. Зависимость внутреннего рынка от урожая, в связи с ценами на мировом рынке, в таких странах, как Соединенные Штаты, нечего и доказывать. Далее, роль сырья в капиталистической индустрии громадная. „Чем более мы приближаемся к истории современности, тем регулярнее мы находим, и именно в решающих отраслях индустрии, постоянно повторяющуюся смену относительного вздорожания сырья и вытекающего из этого позже обесценения его; сырья, получаемого из органической природы... Сильные колебания цен вызывают перерывы, большие коллизии и даже катастрофы в процессе воспроизводства. Как-раз сельско-хозяйственные продукты в собственном смысле слова—сырье, возникающее из органической природы—и подчинены таким колебаниям ценности, в силу меняющихся урожаев" („Das Kapital", III B. 1 Th. S. 94—98). И в „Theorien" etc. (II B. 2 Th.) Маркс повторяет, что процесс воспроизводства заключает в себе возможности нарушения, вследствие: 1) непропорционального роста орудий производства и сырья и 2) изменчивости урожая. „Поэтому погода, как Тук правильно замечает, играет такую крупную роль в современной индустрии". Отсюда, однако, нельзя выводить, что колебания урожаев являются „господствующей (dominant) причиной ритмических колебаний", как это делает Pigou („Economics of welfare", 1923). Колебания уро-

жая отнюдь не совпадают с ритмичностью индустрии; получив достаточно сильный толчок, промышленный капитал продолжает свой цикл движения безотносительно к урожаям; но на высоту колебаний, на продолжительность отдельных фаз, состояние урожая, конечно, оказывает влияние [1]).

6.

Деньги в процессе воспроизводства общественного капитала играют не только роль средств обращения, но и, что вызывает гораздо больше осложнений, роль денежного капитала. Денежный капитал является той формой, с которой начинается процесс превращения каждого индивидуального капитала в производительный. Денежный капитал играет также роль первичного двигателя и при начатии процесса воспроизводства всего общественного капитала он является той формой, с которой начинается новый цикл движения общественного промышленного капитала. Период „застоя" промышленности характеризуется накоплением свободных денежных средств в банках, понижением ссудного процента, что облегчает расширение кредита при повороте конъюнктуры в сторону оживления; свободный денежный рынок облегчает тогда выпуск новых промышленных ценных бумаг, с целью помещения капиталов в новые предприятия и для восстановления и расширения старых. С другой стороны оживление облегчается разрушением капитала во время кризиса, обесценением масс ценностей, вследствие падения цен на товары. Этим не уничтожаются потребительные ценности, и они могут быть применены в прежних или даже расширенных размерах с прибылью, так как представляют меньшую капитальную ценность. Обесценение капитальной ценности удерживает падение нормы прибыли. Понижение заработной платы во время кризиса содействует тому же. Идет, далее, разрушение номи-

[1]) В книге „Хозяйственная конъюнктура" (1925 г.) проф. С. Первушина, придается слишком большое значение мнению Pigou... В виду того, что одни экономисты придают решающее значение в возникновении нового цикла производствам средств массового личного потребления, а другие производствам средств производства, подчеркнем еще раз, что толчки к новому циклу могут быть с различных сторон, но решающими являются те, которые приводят в достаточно сильное движение производства средств производств. Последние задают тон цикловому движению, периодичности и высоте колебаний, и это особенно в развитой капиталистической стране. Производства же средств личного потребления первые обнаруживают признаки наступления кризиса, они раньше испытывают и ослабление депрессии, по мере уменьшения их накопившихся запасов. Все это получает известное выражение и в ценах различных групп товаров. Так, данные С.-А. С. Штатов за 1890–1913 гг. показывают, что цены 28 товаров на набора „Bureau of labor statist.", представляющих предметы личного потребления, обнаруживают большую устойчивость, чем 28 товаров, относящихся к промышленному потреблению. Фабрикаты колеблются в своих ценах в меньших пределах, чем сырье. (См. перевод статьи Митчеля: „Числа-показатели" в сборнике: „Методы динамики хозяйства и цен" изд. Ц. С. У. 1925 г.).

нальных ценностей. Денежный капитал получает возможность сильно обогащаться на счет индустриального. И сменяющие обанкротившихся капиталистов новые промышленники начинают дело с прежней энергией. И если в период угнетения производство упало ниже той ступени, которой оно достигло в прошлый период подъема, то во время оживления оно развивается дальше этой ступени, технический фундамент которой теперь прочно установлен. Но почему же этот подъем, все быстрее развиваясь, вдруг останавливается и разражается крахом? Туган-Барановский, Шпитгоф, Поле, Эйленбург, Кассель и др. из „новейшей" школы отвечают на это: промышленный подъем кончается потому, что „постепенно исчерпывается накопленный свободный капитал", не хватает „сбережений". Чем же это доказывается? Повышением дисконтного процента. Рассмотрим этот вопрос подробно.

Что в действительности показывает увеличенный учетно-ссудный процент? Стеснение на денежном рынке, недостаток свободных денежных капиталов. Но являются ли движения ссудного и индустриального капитала тождественными? Как мы уже заметили — нет. Только во время улучшения, наступающего после депрессии, когда денежный процент поднимается выше своего минимума и, главным образом, во время фазы подъема, предшествующей фазе „высшего расцвета", когда процент этот достигает среднего уровня, только в эти два момента мы имеем совпадение избыточного денежного капитала с расширением производительного капитала. В конце цикла высокий процент, т.-е. недостаток денежного капитала, связан с избытком индустриального, между тем как в начале цикла низкий процент, т.-е. избыточный денежный капитал, совпадает с сокращением индустриального капитала [1]). О каком же капитале говорят наши „новейшие" теоретики кризисов? Для них „свободный капитал" одно и то же, что денежный, что индустриальный. Правильны ли утверждения Туган-Барановского,

[1]) Стеснение на денежном рынке, вызываемое недостатком денежного ссудного капитала, может стоять в связи с недостатком действительного капитала производительного и товарного; с другой стороны, стеснение может быть вызвано недостатком денег, как средства обращения. Далее, избыток денежного капитала может быть связан с ростом производительного капитала, с действительным накоплением, но может быть избыточный денежный капитал при „застое" производительного капитала. На денежном рынке мы имеем спрос на капитал для долгосрочного помещения, и это определяет заемный процент; увеличение спроса на такой капитал со стороны производительного капитала во время фаз оживления и подъема повышает этот процент; изменение последнего, в свою очередь, влияет на учетно-ссудный процент, который движется в связи со спросом и предложением денежного капитала в области краткосрочного кредита. Увеличение спроса на краткосрочный кредит, в свою очередь, суживает предложение капитала для долгосрочного кредита и, таким образом, влияет на заемный процент. Во время кризиса не до долгосрочных помещений в промышленности, тогда — спрос на краткосрочный кредит и деньги для платежа. Это гонит ссудный процент в гору. Однако всесторонний разбор роли процента в движении конъюнктур не входит здесь в нашу задачу.

Шпитгофа и К°, считающих причиной наступления краха недостаток вообще капитала? Даже Лескюр сомневается в этом.

Состояние мировой биржи является барометром движения капиталистического хозяйства. Приведем данные [1]) о выпуске ценных бумаг на мировом рынке за период 1871—1913 годов (в миллиардах рублей).

Годы.	Ценности.	Годы.	Ценности.	Годы.	Ценности.	Годы.	Ценности.	Годы.	Ценности.
1871	5.87	1880	2.07	1889	4.76	1898	3.95	1907	5.76
1872	4.74	1881	2.71	1890	3.05	1899	4.25	1908	7.95
1873	4.10	1882	1.69	1891	2.86	1900	4 47	1909	9.25
1874	1.58	1883	1.58	1892	0.94	1901	3.72	1910	9.93
1875	0.64	1884	1.84	1893	2.26	1902	8.23	1911	7.26
1876	1.39	1885	1.24	1894	6.69	1903	6.92	1912	7.53
1877	2.97	1886	2.52	1895	2.44	1904	5.41	1913	7.90
1878	1.73	1887	1.88	1896	6.28	1905	7.18		
1879	3.53	1888	2.97	1897	3 61	1906	9.98		

Рассмотрим эту таблицу. В 1873 году разразился общий кризис, и выпуск ценностей на мировом рынке упал. С тех пор до 1894 года сумма выпущенных ценностей ни разу не достигла высоты, на какой она стояла в период подъема, предшествовавший этому кризису, и вообще держалась сравнительно низкого уровня. На место прежних острых форм периодических кризисов, повторявшихся приблизительно каждые десять лет, на мировом рынке наступило, в общем, угнетенное состояние, прерываемое в отдельных странах и в различное время сравнительно короткими периодами невысокого подъема. Причинами такого положения дела были, во-первых, тяжелый сельскохозяйственный кризис, который во второй половине 70-х годов потряс Европу, а с средины 80-х годов и фермерство С. Америки, и который продолжался до второй половины 90-х годов, когда цены на хлебные продукты начали опять подниматься. Во-вторых, Англия в то время потеряла свою монополию на мировом рынке, и движения ее капитала перестали диктовать законы мировому хозяйству. Развитие капитализма в молодых странах, развитие путей сообщения, а вместе с этим и международного кредита, сделало более легким перенос избыточных капиталов из одной страны в другую. Благодаря этому легко преодолевались местные кризисы, они теряли свой острый характер и не разгорались так легко в мировые. По поводу кризиса 1878 года в Англии Маркс весной 1879 года писал Н-ону: „Его (кризиса) проявления оказываются на этот раз очень своеобразными и, во многих отношениях, очень отличными от тех, которые наблюдались в прежних случаях. Это своеобразие, помимо других видо-

[1]) Данные из „Moniteur des intérets matériels", где суммы указаны во франках. Цифры за 1871—1907 г.г. взяты нами из „Промышл. и Торговли" (№ 16 за 1908 г.), за 1908—1913 г.г.— из „Вест. Фин." № 17, 1910 г. и № 27 1914 г.

изменяющих обстоятельств, легко объясняется из того факта, что никогда еще английскому кризису не предшествовали такие страшные и продолжительные кризисы (тянущиеся в продолжении почти 5 лет) в С. Штатах, Германии, Австрии и пр." И в другом письме (от 12 сентября 1880 г.), коснувшись того же кризиса, он говорит: „Нынешний кризис есть величайший, через какой когда-либо проходила Англия со стороны его продолжительности, размеров и интенсивности. Но, несмотря на крушение некоторых шотландских и английских провинциальных банков, обычное завершение всех прошлых периодических крупных английских кризисов — я разумею финансовый крах в Лондоне — на этот раз „блистало своим отсутствием". Этот в высшей степени необычайный факт, отсутствие собственно, так называемой, денежной паники — нужно приписать особому сцеплению обстоятельств... Одним из наиболее решающих обстоятельств был, однако, тот факт, что громадный спрос на золото в 1879 г. был в значительной мере удовлетворен содействием французского и германского имперского банков. С другой стороны, внезапное оживление — с весны 1879 г. — дел в С. Штатах отразилось сейчас же на Англии"... Мы привели это последнее письмо, так как здесь отмечено явление, которое приходилось неоднократно наблюдать в последующих кризисах. Так, во время кризиса 1900—1901 гг., в Германии, — несмотря на нужду в деньгах, которая летом 1901 г. превзошла там далеко всякие нормальные условия, — частный дисконт нисколько не повысился. Это интересное явление объясняется, между прочим, тем, что тогда были пущены вход все средства, чтобы реализовать все заграничные ценности, которые можно было реализовать, и приток денег из-за границы превзошел отлив их туда. Кроме того, Banque de France учитывал векселя, которые германские банкиры переводили на французских. Таким путем было пущено во Францию — где кризис был более слаб, особенно денежный — почти на 1 миллиард фр. бумажных ценностей, пока банку не было это запрещено. Что касается С. Америки, то достаточно известно, что не раз, благодаря европейскому золоту, здесь обрубались крылья денежным кризисам, обострявшимся плохой денежной и банковой системой. Однако, мы не можем согласиться с Лескюром и Туган-Барановским, что прилив европейского капитала помог Америке избегнуть в начале настоящего века общего кризиса: денежный и она имела в 1901 г. Причина лежала в прочном состоянии внутреннего рынка, благодаря тамошним урожаям и хорошим ценам на земледельческие продукты на мировом рынке.

В 1894 году вновь началось оживление на мировом рынке, и мы видим, что выпуск ценных бумаг возрос. Средняя цифра ежегодно выпущенных ценностей за 1894—1900 годы более чем вдвое больше таковой за предшествующие двадцать лет. Кризис 1900—1901 г. лишь слабо понизил эту сумму, и то только в 1901 году. Это — довод против теории Туган-Барановского, Шпитгофа и К°, так как, если бы исчерпались „сбережения", то

это должно было бы проявиться в резком падении выпуска ценных бумаг во время кризиса и в годы непосредственно следующие за ним. Это совершенно правильно отметил и Лескюр. Однако, чтобы лучше исследовать ход выпуска ценностей за последние 16 лет, мы рассмотрим эти ценности по главнейшим группам их выпуска. В % отношении к общему их итогу они распределялись следующим образом („Moniteur des intérêts etc.“):

	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905
Займы госуд., городск. и др.	19.38	22.10	40.44	52.19	26.84	16.05	39.97	37.75
Кредитн. учрежд.	13.39	13.37	11.85	7.04	3.60	7.26	9.29	9.70
Железнодорожн. и пром. предпр. .	51.67	58.97	47.71	40.77	30.89	28.94	38.05	43.78
Конверсии	15.56	5.56	—	—	38.67	47.75	12.69	8.77
Итого .	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00

	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Займы госуд. городск. и др. .	23.13	35.89	34.17	34.65	34.18	29.42	30.22	31.75
Кредитн. учрежд.	8.68	9.93	6.47	9.30	10.23	17.18	16.40	10.68
Железнодорожн и пром. предпр. .	29.34	52.72	57.80	46.05	42.12	50.97	50.00	54.75
Конверсии	38.85	1.46	1.56	10.00	13.47	2.43	3.38	2.72
Итого . .	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00

Эта таблица показывает нам, что с наступлением кризиса 1900—1901 годов денежный капитал устремился на прочные ценности, с постоянным доходом; возросли выпуски займов, т.-е. государственных и общественных ценностей, и сократились железнодорожные и промышленные. Это опять-таки доказывает ошибочность теории „недостаточных сбережений“; последние перестали притекать в достаточном количестве в промышленность *не* вследствие незначительности их: „сбережений“ было достаточно, что доказывают суммы всех ценных бумаг, выпущенных во время кризиса и после него (см. предыдущую таблицу).

Денежный капитал отхлынул от этих сфер потому, что надежда на высокую прибыль, которая его привлекала сюда раньше, исчезла. И это потому, что капиталов уже было здесь вложено больше, чем нужно, что и повело к кризису. В 1902 застойном году и 1903 году, когда на Западе начало устанавливаться некоторое улучшение, мы видим опять-таки крупные выпуски ценных бумаг, но здесь обращают на себя внимание крупные конверсии, которые составляют „отрицательную кредитную операцию“, так как этим уменьшаются долги по прежним займам. Но такие операции именно характерны для периода „покоя“, когда денежный рынок свободен. Средний размер дисконта на главнейших биржах стоял в эти годы, как это будет показано при другом случае, на низком уровне. С 1904 года — начала нового подъема — число капиталов, приливающих в промышленность, опять начинает возрастать, как видно из этих двух таблиц. Сильно повышенная эмиссия в 1906 году объясняется осуществлением Италией давно задуманной конверсии, так что по вычете конверсионных эмиссий окажется в этом году выпущенных бумаг на 6,1 вместо 9,4 миллиардов рублей. Повышение % выпуска займов в 1904 и 1905 г.г. объясняется и нашими займами, вследствие японской войны. Во второй половине 1907 года разразился опять кризис. И опять-таки мы убеждаемся, что выпуск ценных бумаг лишь ничтожно уменьшился в этом году и возрос в 1908 г. Опять доказательство, что причина кризиса была не в недостаточности „сбережений“. Не следует, однако, думать что большой выпуск промышленных ценностей в 1908 году доказывает отсутствие кризиса. Этот усиленный выпуск объясняется тем, что Америка выпустила на громадную сумму железнодорожных бонов, главным образом для консолидации железнодорожных обществ, пострадавших в 1907 году. Из 4,2 миллиардов железнодорожных и промышленных ценностей около 3 миллиардов пришлось в этом году на Америку.

В 1909 г. мы видим увеличение суммы выпусков в связи с улучшением конъюнктуры рынка, и если исключить конверсии, операции по которым — особенно в С. Штатах — были велики в связи с обилием денег, то окажется, что выпуски бумаг кредитных учреждений возросли абсолютно не только сравнительно с 1908 г., но и с 1907 г.г. — 2,3, 1,4 и 1,5 миллиарда фр.; далее, возросли ценности железнодорожных и промышленных обществ: 11,3 миллиарда фр. сравнительно с 8,1 в 1907 г., но их было выпущено меньше, чем в 1908 г. — 12,3. Последнее объясняется тем, что С. Штаты, как мы уже отметили, выпустили тогда ряд краткосрочных железно-дорожных займов — в форме бонов и облигаций—вследствие сильной нужды в деньгах, чего в этом году уже не было; займы 1909 г. шли преимущественно на производительные цели. Возросли в этом году и государственные займы, но это, как указывает „Moniteur des intérets etc“, объясняется усиленными расходами на цели милитаризма не только крупных (Англия), но и мелких государств.

В 1910 г. происходит дальнейшее увеличение эмиссии, которая в последующие годы снижается, вследствие международных политических осложнений: главнейшие биржи нервничали, влияла и дороговизна денег, но все же выпуски 1911—13 г.г. заметно выше кризисного 1907 г. Конверсии незначительны по сравнению с прошлым циклом, но зато возросли заметно эмиссии кредитных учреждений; эмиссия по железнодорожным и промышленным предприятиям занимает около половины всей эмиссии; публичные займы, особенно в Европе, продолжают занимать видное место в эмиссии. Так, „Moniteur" указывает, что в 1913 г., кроме займов государств и городов, составивших около $^1/_3$ всей эмиссии, операции по выпуску бонов казначейств достигли у 16 государств Старого и Нового Света 3,8 миллиарда франк., что вместе с 6,64 миллиарда франков займов составляет около 10,5 миллиарда франков.

Данные по распределению эмиссии по странам света за десятилетие до мировой войны, — мы их не приводим, — показывают, что за исключением 1903 и 1906 г.г., когда в Европе были произведены крупные государственные займы и конверсии, и доля ее в мировой эмиссии была высока, спрос внеевроп. стран и преимущественно Америки к мировому денежному рынку все возрастал. В 1912 и 1913 г.г. спрос Америки был однако ниже 1910 и 1911 г.г., но зато возрос в 1913 г. спрос Азии (Японии и Китая). В связи с ростом экспортного капитала из старых европейских капиталистических стран заемный процент в них поднялся; это сказалось и в падении курса твердопроцентных бумаг...

7.

Положение, что расходование капиталов, накопленных в годы застоя, открывает существующему капиталистическому рынку больший простор, верно. Но говорить о каком-то „новом" рынке — как это делает Туган-Барановский — это значит вводить ничего не говорящие новые слова. И почему наш профессор думает, что денежный капитал накапливается только во время застоя и, что только этот капитал создает „новый" рынок? Денежный капитал накапливается во время подъема еще больше, и этот капитал, конечно расширяет капиталистический рынок не менее накопленного во время застоя. „Развитие кредита и неимоверная концентрация дела ссужения денег в банках должны сами по себе уже содействовать накоплению ссудного денежного капитала, как формы отличной от действительного накопления. Это быстрое развитие ссудного капитала является результатом действительного накопления, так как оно есть результат развития процесса воспроизводства, и прибыль, которая образует источник накопления этих денежных капиталистов, есть лишь вычет из прибавочной ценности, которую выжимают производительные капиталисты (вместе с тем оно есть присвоение части процента от чужих сбережений). Ссудный капитал накопляется на счет промышленников и торговцев... Всю прибыль, которую получают денежные капиталисты и которую превращают обратно в капитал, они превращают прежде всего в ссудный капитал" (Marx, Kapital, III Band, II Theil, S. 40—41). Во время подъема растут все виды доходов: рента, прибыль, процент и заработная плата. „И по мере того, как развивается кредит и его организация, даже рост доходов, т.-е. потребления торговцев и промышленников, выражается в форме накопления ссудного капитала. То же самое и насчет всех доходов, поскольку они расходуются лично, т.-е. ренты, заработной платы в высших формах, и вообще доходов непроизводительных классов". Отметим хотя бы рост вкладов в сберегательные кассы в годы подъема. Если свободный денежный капитал и уменьшается, вследствие вложения его в возобновляющийся постоянный капитал, в расширенные промышленные предприятия, то за то движение оборотного капитала происходит быстрее, когда дела идут полным ходом. Если бы было верно положение Т.-Барановского, Шпитгофа и др. и о постоянном иссякании накопленного во время застоя капитала, о постепенном исчерпании „сбережений", то к концу подъема должны были бы уменьшиться и спекуляции, и грюндерство, и выпуск ценностей. Этого нет. Как раз накануне краха все доведено до апогея. Так, в 1907 году, во второй половине которого разразился кризис, из четырех крупнейших стран по выпуску промышленных ценностей (на С. Америку падает 44,33%, Англию 16,69%, Францию 9,84% и Германию 6,46%) в трех: С. Штатах, Англии и Франции, промышленный кредит стоял выше чем в 1906 г.: только в Германии он сократился...

В противоположность Туган-Барановскому, Шпитгофу, а теперь и Касселю и др., утверждающим, что фаза депрессии характеризуется накоплением больших бездействующих средств, которые в годы подъема быстро истощаются, что ведет к кризису, Митчелль („Business Cycles, California", 1913), указывает, что если ряд слоев — ленлорды, служащие с постоянным доходом, держатели твердопроцентных бумаг, — принимая во внимание уменьшение дороговизны жизни, и могут увеличить сбережения во время депрессии, то зато другие слои это могут в меньшей степени; гораздо больше падение прибыли, процента, заработной платы. „И в результате объем сбережений как раз в странах, где распределение богатства особенно неравномерно, меньше во время депрессии".

И во время депрессии происходит помещение „сбережений" только характер его иной: твердопроцентные бумаги, облигации господствуют над спекулятивными, дивидендными. Это, заметим мы, может быть иллюстрировано и на лондонских clearing банках за 1921—23 г.г. — Митчелль указывает, что наплыв денег для инвестиции в предприятия вовсе не происходит из резервуара, где они свободно накапливались в течение депрессии. „Часть средств просто переводится из bond market — рынка облигаций — на stock exchange — биржу спекулятивных бумаг, но еще более с ходом оживления увеличиваются текущие сбережения. Короче, мало место для сомнения, что сбережения, как

и большинство активностей экономической жизни, подчинены ритму промышленных циклов, понижаясь во время депрессии и повышаясь во время подъема" (389 стр.). То же самое мы находим и у Афталиона.

Наоборот, проф. Friday на основании американских данных за послевоенное время усиленно подчеркивает, что сбережения значительны во время депрессии. „Сбережение", говорит он, „скорее, чем расточительность, обычно в течение тяжелого времени и в период, следующий непосредственно за ним", и это особенно у американцев. И так как „общий доход от инвестиций заработной платы и салариата упал не больше, чем стоимость жизни", то ясно, что и в 1921 году было сделано основательное накопление. Однако, статистические данные, на которых он сам опирается, показывают значительное уменьшение суммы зарплаты в 1921 году номинально, а другие авторы, принимая во внимание сильную безработицу, считают, что она уменьшилась заметно и реально; далее и доходы с ренты, дивидендов, процентов и пр., по приводимым самим Фрайди данным, в том году сократились. И потому, если и несомненно, что накопление продолжалось,— чего никто не отрицает,—то оно было, во всяком случае, меньше, чем в годы оживления. И сам Фрайди показывает, что оно было в 1922 году большим, а это-то и утверждает теоретически Митчелль. Верно указание Фрайди на рост депозитов, как индивидуальных, так и текущих счетов акционерных предприятий, в банках в силу меньшего спроса на капитал со стороны торговли и промышленности; это, по его словам, в Америке является особенно показательным для роста сбережений, так как банки здесь в среднем и вне финансовых центров больше учреждения для помещения денег, чем в Старом Свете. Но что не нужно забывать и проф. Фрайди, это то, что деньги и в американских банках не бездействуют во время депрессии. Они и там превращаются обычно в твердопроцентные бумаги. Более интересно сообщение Фрайди, что в С. Штатах акц. компании во время депрессии удовлетворяют свою уменьшающуюся нужду в капитале больше из своих сбережений, удерживая свою прибыль, вместо того, чтобы выдавать ее в виде дивидендов. „Эта форма сбережений всегда была широко распространена в С. Штатах. В 1916 году было отчислено около $4^1/_2$ миллиарда долларов, в 1921 году это отчисление было менее значительно, а за 1922 год оно, вероятно, достигло 2 миллиардов. Списания на обесценение, аммортизацию, погашение (depletion) в значительной степени употребляются для уплаты по ссудам и для расширения фабрик. Если фабрики и машины новые, то отчисления на обесценение гораздо больше, чем расходы на обновления и возмещения. Эти статьи существенны в американских корпорациях. В 1919 году они списали свыше 2 миллиардов долларов на эти счета в своих corporate income tax returns, а в 1920 году — свыше $2^1/_2$ миллиардов. Уменьшение инвентаря (inventories) является другим источником средств для погашения ссуд. Балансовые отчеты американских обществ показывают, что часто они не только уплачивают ссуды, но покупают еще большое количество ценных бумаг из ликвидации инвентаря. Корпорации, следовательно, способны удовлетворять свою нужду в капитале из прибылей, списаний на обесценение и из средств, освободившихся от уменьшения инвентаря" (Banking Review, Manch. Guardian Commercial от 16 августа, 1923 г.). Это, конечно, все накопление денежного — в широком смысле, включающего фиктивный, номинальный — капитала, что, повторяем, не то же самое, что накопление *реального* промышленного капитала.

8.

Нет сомнения, что теория сбережений и истощения Туган-Барановского и его последователей неверна. Однако, бесспорно и то, что во время депрессии уменьшается спрос на капитал, для долгосрочного помещения и для краткосрочных целей, со стороны промышленников и торговцев и увеличивается денежный капитал, не находящий приложения. Friday в этом отношении подтверждает Маркса. С другой стороны, как это показывают рельефно и данные Митчелля, в *банках* тогда скопляются свободные *денежные* средства, увеличивается касса, и это дает им возможность предложить дешевый кредит, когда начинается вновь оживление движения промышленного капитала. Наконец, во время наступления кризиса в действительност наблюдается почти абсолютный недостаток свободного денежного капитала. Отчего же это последнее происходит?

Сильные стеснения на денежном рынке наблюдаются и тогда, когда ни о каком промышл. кризисе не может быть речи, когда промышленность идет, наоборот, в гору. Это чисто денежный кризис, вызванный чрезмерными ли биржевыми спекуляциями, недостатками денежного обращения, или банковой системы и пр. Он отражается и на торговле и промышленности, но скоро проходит. Но совсем другое дело, когда этот денежный кризис предвестник *общего* кризиса. Когда же это бывает? Тогда, когда на ряду с недостатком свободного денежного капитала налицо все признаки *избыточности индустриального*. И это подготовляется постепенно в ходе промышленного цикла. „Так как процесс обращения капитала ведет не однодневную жизнь, а распространяется на длительный период, прежде чем происходит возвращение капитала, так как этот период совпадает с периодом, когда рыночные цены выравниваются в цены производства, так как в течение этого периода происходят на рынке крупные перевороты и изменения, так как происходят большие превращения в производительности труда и, поэтому, также и в *реальной* ценности товаров, то очевидно, что начиная с исходного пункта — вложенного капитала — до его возвращения, должны произойти большие катастрофы и должны накопиться и развиться элементы кризиса. И этого жалкой фразой, что продукты обмениваются на продукты, никоим образом не устранишь" (К. Маркс, „Theorien etc." II. 267 s.).

Изложенное нами здесь — подробнее различных фаз движения промышленного капитала, в его производительной, торговой и денежной формах, включая и кредит, мы касаемся попутно в дальнейшем изложении, — достаточно, надеемся, показывает, насколько неосновательна теория Туган-Барановского, Шпитгофа Касселя и др., видящих причину общего кризиса „в недостатке капитала". Вопреки их утверждениям, основательна именно „теория избыточного продукта капиталистического производства". Она объясняет и недостаток *денежного* капитала во время кризиса. Только *такой* недостаток и имеет тогда место. Именно избыточностью товаров, избыточностью *капитала* в товарной форме, и объясняется остановка в процессе воспроизводства, а с ней и остановка и расстройство денежного и кредитного механизмов.

Мы выше изложили в общих чертах теорию кризисов Маркса. Мы видим, насколько она отлична от теории Сисмонди, видевшего причину лишь в недостаточном потреблении масс, или Родбертуса, видевшего ее лишь в „законе падения доли рабочего в национальном продукте, и ни в чем другом" (Rodbertus, „Sociale Briefe", Berlin II Th. I Brief. Vorwort. S. 94 III Brief, 1890 I Th. ss. 329 — 330), и считавших распределение продуктов самостоятельной, независимой от производства, областью. Мы видим, далее, как она отлична от теорий школы Сея-Рикардо, отрицавших общее перепроизводство, как она отлична и от теорий новейшей школы, признающей общее перепроизводство и вместе с тем отрицающей его, и выставляющей причиной кризисов недостаточность капитала. Теория Маркса впервые показала, что основную причину общих кризисов следует искать в *общих условиях* капиталистического хозяйства, в процессе воспроизводства общественного капитала *во всем его целом*. Она показала впервые, что распределение — лишь оборотная сторона производства, что в распределении *элементов* капиталистического производства корень распределения его *продуктов*. Она показала нам значение непроизводительных классов в деле реализации продуктов, в деле замещения капитала, и это в отличие от Мальтуса и К°. Теория Маркса исправила все ошибки теории кризисов Сисмонди-Родбертуса, и тем выяснила истинно важное значение *общественного потребления*. Она показала, что причина кризисов не только вне сферы самого производства, но и *внутри* ее, не только в *недостаточности* потребления, но и в *неорганизованности* хозяйства. Она показала впервые, как все противоречия капиталистического хозяйства ведут неизбежно к *периодическим* перепроизводствам, а с ними и к кризисам. Теория Маркса показала нам воочию все противоречие между производством, как актом общественным, и капиталистическим присвоением...

Перейдем теперь к рассмотрению движения нашего капитализма, начиная с 90-х годов.

ОТДЕЛ III.

Промышленный подъем 1893—1899 гг.

А. Общий обзор.

1.

В 1893 г., промышленный капитал начал у нас свой новый — и на этот раз наиболее значительный — цикл движения. Этому благоприятствовали и условия международного рынка. Ряд конверсий в главнейших европейских странах, совершенных в период застоя начала 90-х годов, толкнул массу капиталов на путь промышленности. Привлеченные нашей высокой *нормой* прибыли, охраняемой покровительственными таможенными пошлинами, и не менее высокой *прибавочной* прибылью, вытекавшей непосредственно из государственного казначейства — в форме заказов, — иностранные капиталы широкими ручьями потекли в Россию. Содействовало этому и доверие к прочному состоянию наших финансов, вызванное, с одной стороны, прекрасным положением России в то время в концерте европейских держав, а с другой стороны, прекращением сильнейших колебаний курса рубля, закончившимся введением золотой валюты. Но в гораздо большей степени в подъеме 1893 — 1899 годов принял участие отечественный капитал, накопленный раньше в сфере торговли земледельческими продуктами и ростовщичества в деревне. Возраставшее разорение последней и усиливавшийся мировой сельско-хозяйственный кризис побуждали эти капиталы еще со второй половины 80-х годов искать приложения в покровительствуемой правительством индустрии. Кроме того и винная монополия освободила несколько десятков миллионов рублей. Далее, важную роль сыграли *техническое* усовершенствование и открывшееся для этого банка поприще финансирования промышленных предприятий. Наконец, и биржа могла расширить свои операции, благодаря разрешению ей в 1893 г. сделок на срок со всеми бумагами, кроме валюты. Все это дало толчок широкому развитию грюндерства и спекуляции.

Результаты усиленной мобилизации денежных капиталов отразились прежде всего на наших банках коммерческого кредита. Так, капиталы этих акционерных банков обнаружили за период 1887 — 1900 г.г., по Брандту, следующий рост:

Годы.	Число банков.	Капиталы (в мил. руб.). Основные	Запасные и пр.	Всего.
1887	32	101,9	17,5	119,4
1895	34	138,3	37,2	175,5
1900	41	193,0	87,0	280.0

Мы видим, таким образом, что за шестилетие 1895 — 1900 г.г. сумма капиталов наших банков, принимавших, — как и банки на Западе во время подъема 1895 — 1900 гг., — живое участие в промышленном „учредительстве", что эта сумма возросла на 104,5 мил. рублей, между тем как за предыдущее десятилетие всего на 56,1 мил. руб. Увеличение числа банков за указанное шестилетие на 7 прибавило к сумме акционерных капиталов лишь 14,6 мил. руб., остальные же 90 мил. руб. падают на накопление капиталов старыми банками, больше всего столичными [1]).

Что касается акционерного дела вообще, то движение его за период подъема 1893 — 1899 гг. видно из следующих данных:

Годы.	Число разр. акц. обществ.	С основным капиталом (в мил. руб.)	Число иностр. предприятий, допущ. к деятельн. в России.
1894 г.	63	54,6	3
1895 „	94	116,6	1
1896 „	131	197,3	24
1897 „	136	192,9	25
1898 „	176	229,8	28
1889 „	325	363,3	69
1900 „	202	250,8	40

Из этой таблицы явствует, что число разрешенных новых акционерных обществ, как и сумма вложенных в них капиталов неуклонно возростали с 1894 г. и достигли своего кульминационного пункта в 1899 г. С началом кризиса дело изменяется,

[1]) По другим данным (см. напр., „Русские акц. ком. банки по отчетам за 1915 г." изд. Комитета съездов предст. акц. ком. банков) число банков и их капиталы в указанные в таблице годы иные: 34, 35 и 39 со 122,7, 174,1 и 275,2 м. р., однако картина движения от этого не изменяется.

о чем подробно в другом месте. За семилетие 1893 — 1899 г.г. основной капитал всех акционерных предприятий — старых и вновь учрежденных — возрос на 1,509,7 мил. руб., между тем как за предшествующие 38 лет (1855 — 1892 г.г.), он увеличился всего на 919.3 мил. руб. (см. Шванебах: „Денежное образование и народное хозяйство" СПБ. Изд. 1901 г. и „Статистика акционерного дела в России". III вып. Харьков. 1901 г.). Рост учредительства виден и из данных, приводимых А. Погожевым; оказывается, что за период 1891 — 1900 г.г. было основано 40% общего числа наших фабрично-ремесленных заведений [1]):

Время основания.	Число предпр.	В %% к общему числу.
До 1861 г.	2.177	15,1
В 1861—70 гг.	1.285	8,9
„ 1871—1880 „	2.100	14,5
„ 1881—1890 „	3.036	21,0
„ 1891—1900 „	5.788	40,0

Толчок к этому промышленному подъему был дан возникшей у нас в 90-х годах железно-дорожной горячкой, далеко оставившей за собой таковую 60-х и 70-х годов. Периоды усиленной постройки железных дорог вызывали во всех капиталистических странах соответствующий подъем всей промышленности; наступавшее затем затишье в железно-дорожном деле отражалось с своей стороны и на всей промышленной жизни страны. Это наблюдалось и в Англии, и в Германии, и в С. Америке, и в других странах [2]). То же самое и в России.

Общую картину хода нашего железно-дорожного строительства за период подъема можно видеть из следующей таблицы:

[1]) А. Погожев приводит также данные, указывающие на интересное явление, что в рассматриваемый период „предпринимательская энергия и капиталистический почин не только находят себе достаточный простор в прежних промышленных местностях, но стремятся также создавать новые предприятия, новые фабрично-заводские районы не в одних лишь центрально-промышленных губ., но преимущественно на окраинах" („Учет численности рабочих" etc. СПБ. 1906 г. 76 — 77 стр.).

[2]) Bowly указывает, что после каждой крупной железнодорожной горячки нашего века, например, в Англии около 1878 г., в Америке перед 1857 и 1873, в Индии — 1878 г. и на континенте — 1873 г., наступал очень жестокий упадок сил (см. J. Hobson. Evolution of modern capitalism). Точно так же толчок к кризису, вспыхнувшему осенью 1907 г. в С. Америке, а с ней и в мировом хозяйстве, был дан перепроизводством в железно-дорожном деле.

Построено новых железных дорог (верст):

Годы.	В Европ. России.		Итого.	На Кавказе.	В Сибири.	В Средней Азии.	Итого.
	Казною	Ч. о-ми.		Казною			
1892	261	192	453	—	—	—	453
1893	180	1,404	1,584	—	—	—	1,584
1894	50	1,748	1,798	27	—	—	1,825
1895	157	1,691	1,848	38	—	—	1,886
1896	517	449	996	—	1,709	126	2,801
1897	189	1,402	1,591	—	346	—	1,937
1898	488	1,597	2,085	—	807	—	2,892
1899	1,032	1,950	2,982	279	1,005	648	4,914
1900	171	1,392	1,563	6	1,187	—	2,756
1901	339	2,340	2,679	12	340	307	3,338
1902	694	194	888	167	—	—	1,055
1903	10	638	648	—	25	—	673

Данные [1]) показывают нам, что железно-дорожное строительство, поднявшись в 1893 г., было особенно сильно в 1896 — 1899 г.г. Оно продолжалось и в 1900 — 1901 г.г. — годы кризиса, — но следует помнить, что большинство новых железных дорог — Сибирская — были начаты именно в период подъема и в указанные два года достраивались. Казенное ж.-д. строительство шло рука об руку с частным. Для целей последнего, при помощи государственного кредита, были реализованы за 1893 — 1902 г.г. около 1.300 мил. рублей. Большая часть этих государственных займов совершена за границей, но были привлечены и внутренние капиталы — преимущественно государственные сберегательные кассы. За это же время „вся сумма казенных железнодорожных затрат, которые носили так или иначе характер «капитальных», составляла 1.691,5 мил. руб.". Из них только 495 мил были получены путем займов; остальные 1,196 мил. были употреблены из обыкновенных государственных доходов, путем усиленного обложения населения. „Практика беспримерная в истории финансов" — говорит проф. Мигулин [2]).

[1]) Взяты из „Торг.-Пр. Газ.", № 102 за 1907 г.

[2]) „Наша новейшая жел.-дор. политика и железно-дорожн. займы". П. Мигулин. Харьков, 1903 г., стр. 323. Его же: „Казна и частные жел.-дор. общества" „Народн. Хоз." март — апрель 1903 г. 83 — 87 стр.

Эксплоатационная длина жел. дор. общего значения в Европ. России (без Финляндии) составляла, по данным Мин. Пут. Сообщения, в 1893 году 29,1 тысяч верст, в 1899 г. — 40,3 в 1902 — 44,8. Вместе с дорогами Азиатской России она равнялась в 1899 г. — 46,2, а в 1902 г. — 52,6 тыс. верст. За десятилетие 1893 — 1902 г.г. эксплоатационная линия возросла, таким образом, на 25 т. верст, при чем рост сети за пятилетие 1898 — 1902 г.г. равняется 30% общего увеличения. За указанное десятилетие „девятью только частными обществами было сооружено 12.500 верст новых путей, при том на старых построено тысяча верст второй колеи; сооружались пристани, элеваторы, шоссе, перестраивались старые центральные вокзалы, приобретался громадный подвижной состав". По данным Мин. Фин., число паровозов на наших железных дорогах возросло за 1892 — 1901 г.г. на 6,6 тыс. или на 93%, пассажирских вагонов на 9.4 тыс. или 119% и товарных на 176,4 тыс. или 118%. Из 12.5 тысяч паровозов, которые числились на всей казенной сети в 1905 году 51,5% были построены за период 1895 — 1904 годов, в то время как за 1885 — 94 годы только 7,6%. На частных жел. дор. соответствующие цифры составляют 49,6% и 14,4%. По Шванебаху за шестилетие 1894 — 1899 гг. на постройку и заказ подвижного состава жел. дор. казной было потрачено 642 мил. рублей, а частными дорогами 631 мил. руб., в общем 1.273 мил. руб.

В то же время, хотя и в меньших размерах, увеличились средства нашего речного парового транспорта; так, за 1890 — 1895 гг. число речных — и озерных — пароходов возросло на 715, а количество номинальных сил их на 26,5 тыс., т.-е. в среднем ежегодно строилось 143 парохода в 5,3 т. сил; за четырехлетие 1896 — 99 гг. 631 парохода в 34 тыс. сил, т.-е. ежегодно 158 в 8,5 т. сил; в следующее пятилетие 1900 — 1904 гг. — с наступлением кризиса — мы видим и здесь понижение строительства: 607 пароходов и 253 тыс. сил, т.-е. ежегодно 121 пароход в 5 тыс. номинальных сил.

Все это, а также форсированная постройка военных судов, вызвало сильный спрос на продукты железоделательной промышленности, что в свою очередь отразилось на горной и каменноугольной промышленности. Началась усиленная постройка новых заводов и доменных печей и расширение старых. Развивались быстро лесная промышленность, кирпичное, цементное и стекольное производства... С другой стороны рост нефтяной промышленности, работавшей на все возраставший в это время внутренний и мировой рынок, еще более усилил спрос на „строительную" промышленность. Сооружались нефтяные вышки, строились керосиновые и масляные заводы; создавалась громадная паровая флотилия на Каспийском море и масса перевозочных средств на Волге. Расширялись и строились заново различного рода вспомогательные к нефтяной промышленности механические и химические заводы... Далее, рост городов, особенно на Юге, вызвал в это время лихорадочную постройку новых домов и перестройку старых, проводились конные жел. дороги, трамваи,

телефоны, вводилось электрическое освещение, прокладывались водопроводы, устраивалась канализация... [1]) Это усиленное строительство в городах вызывало с своей стороны усиленное производство соответствующих продуктов: развивались отрасли производства средств производства. Это давало заработок значительной части нашей громадной резервной армии городского и сельского пролетариата... В капиталистическом производстве все отрасли тесно переплетены между собой; развивалась и промышленность, занятая производством средств потребления. Быстро возрастала текстильная индустрия, благодаря спросу как со стороны возросшего городского населения, так и со стороны сельского, в виду удовлетворительных урожаев 1893 — 96 годов. Так, группа по обработке волокнистых веществ увеличила за 1893 — 1897 гг. свое производство по стоимости продуктов с 621,9 мил. до 946 мил. руб., а по числу занятых рабочих — с 497.940 до 642.520; производства „питательных" продуктов с 399,7 мил. до 648,1 мил. руб., а по числу рабочих — с 216.834 до 255.357; „животных" продуктов: 78,4 и 132,1 мил. р., 44.228 и 64.418 рабочих...

2.

Дать общий полный обзор роста производства в нашей капиталистической индустрии за весь период подъема мы не можем за отсутствием соответствующих статистических данных. Имеется свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 год (изд. Деп. Торг. и Мануф. СПБ. 1900 г.) и есть, далее, статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не облож. акцизом, за 1900 год (изд. Отдела Промышленности М. Ф. под редакцией В. Варзара, СПБ. 1907 г.). Но данные эти не сравнимы не потому только, что первые охватывают промышленность во всей России, вторые только в Европейской, первые — все производства, вторые — лишь находящиеся в ведении Министерства Финансов, при чем в них не вошли производства, обложенные акцизом. Самый метод собирания сведений был во втором случае иной: регистрировались лишь заведения, подчиненные фабричной инспекции, вошли лишь крупные предприятия — с производством не ниже 5.000 р. и с числом рабочих более 10, между тем как в данные 1897 г. попали

[1]) Вместе с подъемом городской жизни росли и цены на квартиры, на дома, росла городская земельная рента, цены на землю, а со всем этим и городская задолженность. Последняя является характерным показателем роста городов. К 1-му января 1896 года эта задолженность составляла 631,8 мил. руб., в том числе приходилось на Сибирь 158 тысяч; к 1-му января 1901 г. она достигла 977,2 мил., в том числе на Сибирь 8,1 мил. руб. К началу 1896 г. в залоге было 52.067 имуществ с оценкой в 1.408,7 мил. руб., к началу 1901 г. 77.739 с суммой в 2.080 мил. руб. Из 479 городов, по которым числятся долги, по 64, с задолженностью более 1 миллиона, числилось 924 мил. или более 95%. В группе с задолженностью от 10 до 100 мил. р. наряду со старыми промышленными и торговыми центрами, как Одесса, Варшава, Киев, мы находим и молодые: Лодзь, Ростов, Екатеринослав, Николаев и пр. („Стат. долгоср. кредита в России 1900 г." СПБ. 1903 г.).

отчасти и мелкие, полукустарные, предприятия (всякое промышленное заведение с производством более 1000 р.), отчасти производства, близкие к сельскому хозяйству: хлопкоочистительные фабрики, мукомольные мельницы, лесопильные, салотопенные и др. заводики. По данным 1897 г. в фабрично-заводской и горной промышленности насчитывалось в Империи 39.029 предприятий с 2.098.262 рабочими и с общей производительностью в 2,8 миллиардов руб. По регистрации же 1900 г. мы имеем 12.702 заведения, 1.343.279 рабочих и 2,2 миллиарда рублей Однако, если мы сделаем соответствующие поправки в обеих регистрациях, то мы сможем представить известную картину роста нашей крупной промышленности в предприятиях, находившихся в ведении Мин. Фин. в Европейской России:

	Число заведений	Число рабочих	Сумма производ.
По данным 1897 г.	26.388	1.298.794	2 082 милл. р.
„ „ 1900 „	12.702	1 343.279	2.250 „ „

Отсюда мы видим, что в 1900 г., т.-е. через 3 года, 12.702 более крупных фабрик и заводов, которые составляют менее половины числа заведений по регистрации 1897 г., занимали больше рабочих и показывали бо́льшую общую производительность, чем 26,4 тысячи заведений в 1897 году.

В „Энциклоп. словаре Брокгауза" (Дополн. том, изд. 1907 г., „Россия", LIII стр.) В. Варзар дал и общие данные за 1900 г., которые более сравнимы с 1897 г. Число заведений, не считая однако, промышл. заведений, принадлежащих правительств. учреждениям (казне, военному и морскому ведомствам), а также железнодорожных мастерских, было в 1900 г. 38.141 с 2.373.419 рабочими и с суммой производства в 3.439 милл. рублей... Сравнимые данныя мы имеем насчет горной и горнозаводской промышленности. Последняя возросла в Империи (без Финляндии) за указанное трехлетие следующим образом:

	Число заведений	Число рабочих	Общая производительность
1897	3.412	554.333	393.7 м. р.
1900	3.648	710.824	564.9 „ „
+ или —	+ 236	+ 156.491	+ 171.2 м. р.
В %	+ 7	+ 28	+ 43 „ „

Все эти данныя показывают быстрый рост капиталистического производства в период подъема, при чем росли особенно

сильно крупные предприятия. Совершалась концентрация производства. К этому выводу приводят и данныя А. И. Погожева насчет рабочих. Оказывается, что среднее число рабочих на одно предприятие было:

В предприятиях	1890	1894 – 5	1902	+ или – за 1890—1902 гг. в % %
Со 100 – 500 раб.	223	223	221	– 0.9
„ 500 – 1000 „	664	667	683	+ 2.9
более 1000 „	2095	2218	2352	+ 12.3

Развивались, таким образом, за эти двенадцать лет быстрее всего самые крупные предприятия (с числом рабочих более тысячи). Они стягивали к себе и все большую часть числа рабочих крупных предприятий (с числом рабочих более 100): в 1890 г. в них работало 46%, а в 1902 г. — 47,8% этого числа [1]).

Яркой иллюстрацией развития у нас крупной капиталистической промышленности и торговли за период подъема может служить и следующая таблица роста основного капитала (в миллионах рублей) акционерных промышленных, транспортных и торговых предприятий; сюда не вошли железные дороги, банки и страховые общества („Ежег. Мин. Фин." вып. 1901 г. изд. 1902):

Группы производств	1893 г.	1896 г.	1899 г.	Прирост в % % за 1893—99 г.
Волокнистые вещества	222.6	225,2	342,0	54
Химические производства	17,1	45,1	58,4	242
Бумагомассная группа	14,3	20,0	34,6	141
Горнопромышленная	101,0	209,4	406,1	302
Металлическая	32,7	85,3	250.3	665
Керамическая	9,1	19,2	48,5	433
Сельскохозяйственная группа (в 1891 г.)	2,9	3,6	4,9	70
Лесная	8,1	14,1	14,5	79
Питательная	91,9	114,2	143,4	56
Животная	6,6	8.9	17,6	170
Торговая	38.1	48,9	62,3	63
Перевозочная	39.8	40,4	45,0	13
Группа по благоустройству городов	62,1	74,2	97,8	57
Смешанная группа	38.1	48,0	74.4	95
Всего	684,4	987,4	1.599,8	134%

[1]) „Учет" etc стр. 42—43. Следует отметить, что 1902 г. был годом кризиса, когда число рабочих было сокращено, особенно в мелких предприятиях.

Мы видим отсюда, что за шесть лет все группы производства возросли на 134%, при чем наибольший рост обнаружила группа металлическая — на 665%, далее идет керамическая на 433%, и это в связи с развитием строительного дела, затем горнопромышленная на 302% и химическая на 242%. Группа по благоустройству городов увеличилась на 57% и т. д. Что касается группы по обработке волокнистых веществ, то она возросла лишь на 54%, и это потому, что неурожаи 1897 и 1898 гг., сократившие покупательную способность крестьянских масс, несомненно отразились на этой отрасли. Кроме того в этой группе акционерное дело вообще сравнительно слабо развивается. Группа волокнистых веществ, занимавшая еще в 1896 г. первое место в нашем акционерном деле, в 1899 году уступает это место группе горнопромышленных предприятий, т.-е. добыче металлов, каменного угля, нефти и пр., что опять-таки является характерным для развития капитализма в стране.

Какой характер носят у нас производства в различных отраслях промышленности, можно видеть и из отношения количества пролетариата к числу самодеятельных лиц, занятых в этих отраслях. В этом отношении интересны данныя переписи 1897 г., относящиеся как раз к периоду подъема [1]). Данныя эти, разработанныя А. Лосицким и П. Чернышевым, показывают, что наименьшим процентом пролетариата по отношеню к числу самодеятельных обладает торговля (17,1%), со сравнительно небольшим процентом (28,2%) является группа изготовления одежды. В этой последней группе крепко держится еще мелкое производство и домашняя форма промышленности. Определенно выраженную капиталистическую форму имеет транспортное дело (43,0), еще более — железнодорожное хозяйство (67,3%). Обработка волокнистых веществ и обработка металлов (55,1 и 59,4% пролетариата) имеют также крупно-капиталистический характер, точно так же, как и группа по обработке питательных веществ, куда входят сахарные заводы, винокурение, мельницы и пр. Но наиболее ярко выражена крупно-капиталистическая организация производства в тех отраслях, которые, как мы видели выше, и в акционерном деле показали наибольший темп развития за период подъема. Так, в керамических производствах пролетариат составляет 66,2%, а в добыче руд и выплавке металлов 90,7% занятых в этих производствах лиц.

Железная и каменноугольная отрасли промышленности, развиваясь особенно быстро на юге России [2]), наложили в 90 годах

[1]) Несмотря на многие крупные недостатки переписи, все же можно пользоваться ее данными. См. И. Чернышев: „Всеобщее избирательное право", изд. 1906 г., стр. 117.

[2]) Еще в 1890 г. южный район вырабатывал менее половины Урала, а в 1901 г. уже вдвое больше его: свыше 53% всего производства чугуна в России за этот год. Производство железа и стали на юге было в 1890 г. в 2½ раза меньше, чем на Урале и равнялось производству в Польше или в Центральном районе, в 1896 г. Юг обогнал их всех. В 1890 г. производство этих продуктов составляло здесь 16%, а в 1901 г. - 40% всего производства в России.

новый отпечаток на местную жизнь, превратили чисто-земледельческие до того времени губернии, как Херсонская, Екатеринославская, Харьковская, Область Войска Донского, в индустриально-земледельческие, оттеснили тогда чисто „торговый“ капитал, работавший и работающий здесь на почве „капитализации земледельческих доходов“, и выдвинули роль „промышленного“. Точно так же и нефтяная промышленность своим развитием дала тон всему Закавказью от Баку вплоть до Батума, оживила Каспийское море и Волгу и оттеснила в устья ее — в Астрахани — исконную рыбную промышленность, которая, хотя и ведется теперь крупно-„капиталистически“, но хищнически, паразитарно [1]). Нефтяной район через Грозный и Владикавказскую ж. д., близко примыкая к Ростову, как бы сливается с горнозаводской промышленностью этого южно-русского района. Последний в свою очередь близко примыкает к юго-западному, — району капиталистической сахарной промышленности,—с Киевом во главе. Далее на Западе шел быстрыми шагами польский капитализм, развивалась крупная промышленность прибалтийских губерний, рос центральный промышленный район вообще и в частности его капиталистическая текстильная индустрия, развивалась, хотя и сравнительно слабо, горная и заводская промышленность Урала, росла капиталистическая индустрия Петербургского района, обнаруживая всюду у нас свои специфические общественные черты... А дальше, на севере, развивался капитализм в Финляндии, судьбу которой история последних десятилетий, до октябрьской революции, так тесно связывала с судьбой России [2]).

3.

Капитализм самым ходом процесса производства обучает, развивает и организует пролетариат, который растет количественно вместе с ростом капитализма в данной стране. В периоды промышленного подъема мы видим повсюду усиление экономической борьбы труда с капиталом. И у нас период подъема 1893—1899 годов характеризовался увеличением числа экономических стачек, и это несмотря на существование в то время у нас драконовых законов против стачек. По данным В. Варзара, в промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, и охватывавших за период 1895 — 99 гг. в среднем 19 тысяч фабрик и заводов с 1,5 мил. рабочих и с суммой производства почти в 2,5 миллиарда руб., число стачек и участвовавших в них рабочих выразилось в следующих цифрах:

[1]) Как убийственно было положение рабочих рыбной промышленности, — число их насчитывается не менее ста тысяч (д-р Арустамов),—можно видеть из обстоятельного доклада д-ра И. С. Вегера: „Очерк санитарного положения рабочих на рыбных промыслах дельты Волги“. („Журн. Общ. Охр. Нар. Здр.“ 1902 г. № 7, 8 и след.).

[2]) См. книгу А. Коллонтай: „Жизнь финляндских рабочих“. СПБ., 1903 г.

ГОДЫ.	Число охваченных стачками заведений:		Число участвовавших в стачках рабочих:	
	абсолютное	в % к общему числу	абсолютное	в % к общему числу
1895	68	0,36	31.195	2,01
1896	118	0,62	29.527	1,94
1897	145	0,75	59 870	3,99
1898	215	1,13	43.150	2,87
1899	189	0,99	57.498	3,83
1900	125	0,73	29.389	1,73

Мы видим из этих данных, что стачечная волна определенно возрастала вместе с подъемом промышленности; в 1900 году, с наступлением кризиса, она обнаруживает падение, к чему вернемся в дальнейшем изложении. Здесь важны не абсолютные цифры стачек и забастовщиков за указанные годы, так как целые крупные отрасли производства, как горнозаводское, железнодорожное хозяйство и др., не вошли в регистрацию. Важно %-ное отношение числа забастовщиков к общему числу рабочих в рассматриваемых предприятиях. И этот процент у нас высок: он колебался за пятилетие 1895—99 годов от 1,94 до 3,99. Во Франции, где стачки разрешены, число бастовавших к общему числу рабочих в стране было в 1897 и 1898 гг. 1,4 и 1,6%, в Англии в 1899 г. — 2,1%, а в Германии за 1893 — 98 г.г. оно колебалось от 0,01 до 1,5% [1]). Именно в 1896 году, когда текстильная промышленность переживала наибольший подъем, произошла знаменитая стачка петербургских ткачей, наиболее отсталых в экономическом отношении. Общественно-политические условия России сделали у нас то, что экономическая борьба рабочих с самого начала была тесно сплетена с борьбой политической. В 1895 году, именно во время подъема, впервые получили прочную организацию с.-д. союзы рабочих в Петербурге, Москве, Киеве и других промышленных центрах. В феврале 1896 г., „Московский рабочий союз“ и „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“ в Петербурге в своих адресах французским рабочим по поводу 25-ой годовщины Парижской коммуны уже могли писать, что „недалеко то время, когда и русский пролетариат выступит открыто на арену всемирной истории“. А через три месяца петербургская стачка ткачей, поддержанная московскими рабочими, показала, что это не пустые слова. Правительство тогда открыто заявило об участии революционных организаций

[1]) В. Е. Варзар. „Статист. сведения о стачках рабочих“ etc. за 1895 — 1904 г.г.“ Спб. 1905 г., стр. 9—10.

в рабочих стачках, и поспешило с законом 1897 г. о нормировке рабочего дня с целью остановить все развивавшееся рабочее движение. Но уже через восемь лет — в 1905 году — русский пролетариат показал, что он является первоклассной силой в движении пролетариата всего мира.

Б. Обзор отдельных отраслей крупной промышленности за период подъема.

4.

Рассмотрим теперь вкратце развитие главнейших отраслей нашей капиталистической промышленности, занятых производством предметов производительнного и массового личного потребления. Начнем с железной промышленности, которая является в настоящее время лучшим показателем развития капитализма в стране. Текстильная индустрия, игравшая прежде в старых капиталистических странах первенствующую роль, теперь уступила ее там железной; она и в молодых странах все больше и больше делится своим значением с этой последней.

Ход развития у нас железной промышленности за время подъема виден из следующей краткой таблицы:

Годы.	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900
Выплавка чугуна	(в миллионах пудов)							
В Империи	68,8	80,0	87,2	97,4	112,8	135,3	163,7	177,5
В Южном районе .	19,9	27,2	33,8	39,0	46,2	61,3	82,5	92,6
Производство готового железа и стали в Империи	57,5	60,5	65,2	76,2	86,6	98,3	107,0	121,8

Выплавка чугуна точно так же, как производство железа и стали, показывает за этот период неуклонный рост: в 1901 г. чугун и в 1902 г. железо и сталь, как увидим далее, упали... Какую роль в этом подъеме играло железно-дорожное строительство, видно из того, что производство рельсов за 1893—1900 годы возросло с 14 до 30,3 милл. пуда. В 1890 г. Россия занимала шестое место по выплавке чугуна, в конце этого десятилетия она заняла четвертое, обогнав Австро-Венгрию и Францию; по производству железа и стали она также заняла четвертое место, обогнав, кроме того, и Бельгию. В то время как Франция увеличила свою выплавку чугуна за 1890—1900 г.г. на 58%, Великобритания на 13%, С. Штаты на 76%, Германия на 61%, в России она возросла на 220%. Производство железа и стали возросло за это время во Франции на 42%, в С. Штатах на 50%, в Германии

на 91%, а в России на 196% [1]). Сравнительный рост производства в этой промышленности у нас значительно превзошел таковой как всего мирового производства, так и каждой из остальных капиталистических стран в отдельности.

Еще быстрее, чем в Империи — здесь везде без Финляндии — был рост железоделательной промышленности по отдельным районам. Так, на юге выплавка чугуна возросла за 1890—1900 г.г. на 594%, а производство железа и стали—на 600%. Число рабочих на доменных заводах этого района возросло с 11.371 в 1890 г. до 45.466 в 1899 г., т.-е. на 300% [2]).

Такие же явления обнаружила за 1893—1899 г.г. и каменноугольная промышленность. Так, было добыто угля в милл. пуд.):

Годы.	Во всей России.	В Донецком бассейне.	В Домбровском бассейне.
1893	464,8	239,8	193,4
1894	534,9	295,9	204,7
1895	555 5	298,3	224,8
1896	572,5	311,8	221,6
1897	683,9	411,7	229,8
1898	751,4	461,9	249,5
1899	853,1	562,8	242,5

Добыча угля во всей России возросла за это шестилетие на 83,5%, в Домбровском на 26%, а в Донецком бассейне на 135%. Этот рост был вызван, главным образом, увеличившимся производительным потреблением угля: сильно возросшим спросом на него со стороны металлургической промышленности, железных дорог и т. д. И так как собственного угля не хватало, то возрос ввоз заграничного: со 104,7 до 238,4 милл. пудов, т.-е. почти ввоз заграничного: со 104,7 до 238,4 милл. пудов, т.-е. почти вдвое в $2^1/_2$ раза; ввоз же кокса за указанное шестилетие возрос с 17,7 до 35,0 милл. пудов, т.-е. почти вдвое.

---

[1]) Рост внутреннего потребления железных продуктов за 1893—1899 г.г. был еще больший, чем производство, что вызвало усиленный привоз их из-за границы. Привоз машин и аппаратов возрос за это время с 3,4 до 12,4 милл. пуд., железных изделий с 1,5 до 3,3 милл. пуд., железа с 5,1 до 16,2 милл. пуд. С 1900 г. произошла перемена: привоз железных продуктов сильно сократился, а возрос вывоз. Вместе с тем сократилось и потребление в стране. Но об этом в другом месте.

[2]) В „Сборнике стат. сведений о горнозав. промышл. в 1899 г.", составл. по оффиц. данным А. Лоранским (изд. 1901 г.), число рабочих, занятых в этом году на горных промыслах и заводах в Империи, определяется в 634.098 человек. Цифра эта ниже действительной, но она может служить для сравнения с данными за предыдущие годы. В 1890 г. таких рабочих числилось 435.668 человек, в 1893 г.—465.012, в 1896 г. — 492.980 человек. За 1893—1899 годы число их возросло на 36%.

Перейдем к нефтяной промышленности. Общее представление о ее движении за период подъема может дать следующая таблица:

	1893	1896	1900	1901	1902
	(Миллионы пудов).				
Полезная добыча нефти	325	386	601	671,3	636,5
Было в бурении скважин	175	387	215	1.050	814
Пробурено саженей	10.980	28 126	83.140	75.665	40.390
Вывезено нефти, прод. из Баку	248	307	443	497	514
„ „ за границу	60,2	64 6	87	93,4	92,4

Мы видим, таким образом, что с 1893 года до 1901 года, когда добыча нефти достигла максимума, эта добыча возросла более, чем вдвое. Число фирм, работавших в бакинском районе с 1889 г. по 1901 год, возросло с 61 до 171, в том числе крупных 15 и 42. Число „наиболее крупных" фирм осталось за это врема без изменений—15. И в 1889 г., и в 1901 г. эти последние добывали $^3/_4$ всей добычи, средняя добыча каждой из этих фирм составляла тогда 9,7 милл. пуд. в год, в 1901 г.—33 милл. пуд. Половина всей добычи нефти в этом году приходится на долю только шести фирм или $^1/_{28}$ общего их числа. Такова концентрация в этой отрасли промышленности.

Нефтяная промышленность, работающая при посредстве иностранного капитала и на мировой рынок, ярко проявляет законы капиталистического производства и отражает на себе влияние мирового рынка. Исследование цен на ее продукты показывает: в 1890 г. высокие цены, кульмин. пункт предыдущего подъема, в 1892 г. кризис низких цен; 1893 и 1894 годы застоя. С 1895 г. новый цикл движения, в 1900 г. цены достигают самого высокого уровня, затем идет резкое падение цен, в 1902 г. кризис низких цен. Обрисовывается, таким образом, десятилетний цикл движения [1]).

Что касается бакинской нефтеобрабатывающей промышленности, то число заводов в ней в 1893 г. было 115,

[1]) Источники: „Обзор бакинск. нефт. промышл. за 1901 г.", изд. 1902 г.; „Отчет завед. акциз. сбор. Закавк. края за 1900 г.", изд. 1902 г.; „Нефтян. дело" № 2. 1903 г.; „Вестн. Фин.", № 7, 1903 г. и др... Согласно данным совета съезд. нефтепр. число служащих и рабочих на одних бакинских промыслах в начале 1899 г. составляло 16.896; в феврале 1900 г. их было 21.253; в то же время 1901 г. 26.637. К этому следует прибавить рабочих у подрядчиков по бурению, а также в подсобных ремонтных мастерских, которых было в 1900 г.—5618 чел.; да у подрядчиков по плотничьим, земляным и каменным работам числилось от 600 до 800 человек. Итак, в начале 1900 г. рабочих было около 28.000; в феврале—марте 1901 г. 33.000. Кроме того в заводском районе постоянных рабочих и мастеровых на нефтеперегонных заводах и станциях было в Баку в 1899 г.—3.447, в 1900 г.—3.997 и 1901 г.—3.865 человек.

в 1896 г.—105; 1900 г.—94 и в 1901 г.—91 зав., т.-е. оно сократилось за это время на 21%. Еще более сократилось число керосиновых заводов: с 99 до 64 или на 35%. Концентрационный процесс здесь ясен. Выработка керосина с 89 милл. пуд. в 1893 году достигла 134,1 милл. пуд. в 1900 г.; в следующем году она сократилась до 128,7 милл. пуд.; но об этом, как и вообще о характере ведения у нас добычи нефти мы будем говорить подробнее в отделе о кризисе.

5.

Обратимся теперь к производствам, изготовляющим предметы массового личного потребления. Среди них первое место, как известно, занимает хлопчато-бумажное производство. Развитие этой отрасли индустрии видно из следующих данных:

Годы	Число прядильных фабрик.	Прядильных веретен.	Число ткацких фабрик.	Самоткацких станков.	Количество переработ. хлопка (в тыс. пуд.)	Стоимость производ. пряжи (в тыс. руб.)	Производ. суровых тканей (в тыс. пуд.)
1890 . .	66	3.457.000	83	87.190	8.328	119.697	146.762
1899 . .	109	6.091.000	118	145.842	16.127	248.127	241.527
Прирост в %%	65	76	41	67	94	107	65

Итак, за десятилетие 1890—99 г.г. число прядильных фабрик возросло на 65%, ткацких—на 41%, число прядильных веретен на 76% и станков на 67%. В частности за 1896—1900 г.г. число веретен возросло с 5,1 до 6,4 милл. или на 27%, а число станков с 113 до 148 тыс. или на 30%. Количество переработанного хлопка увеличилось за 1890—1899 г.г. на 94%, а стоимость произведенной пряжи на 107%. Что касается произведенных готовых тканей, то стоимость их возросла приблизительно с 220—250 милл. руб. до 362—410 милл. руб. При чем считается, что количество произведенных суровых тканей возросло за это десятилетие с 2,6 до 4,6 миллионов аршин или на 73%, а по стоимости на 65% (Брандт). Рост нашей хлопчато-бумажной промышленности тем ярче бросается в глаза, что за это же десятилетие число бумаго-прядильных веретен в Англии возросло на 3,8%, на континенте Европы на 83,3%, в С. Штатах на 25,6%, в Индии на 44,4%, а у нас, как мы сейчас видели, на 76,2%. Наше хлопчатобумажное производство, составляющее в 1890 г. 4% всего мирового производства, в 1899 г. поднялось до 6%.

В ряду других производств этого отдела обращает на себя внимание прежде всего сахарное производство. Положение его за период 1889/90—1899/900 г.г. было, на основании данных Главн. Управ. Неокл. Сборов, следующее. Число действовавших песоч-

ных и песочно-рафинадных заводов возросло за это время с 220 до 268, количество учтенного сахара с 24,6 милл. пуд. до 48,5. На ряду с растущим техническим совершенствованием производства, все большим и большим распространением механических двигателей, число рабочих за это время возросло с 85.696 до 105.059 чел.,—цифры, которые „не могут быть названы точными". Обращает на себя внимание рост числа малолетних: с 479 до 1.158; число женщин возросло с 9.328 до 12.584. Количество выработанного сахара на одного рабочего возросло с 287 до 461 пуд. Число рафинадных заводов за 1889/90 и 1899/900 г.г. возросло лишь с 18 до 23, а производство их с 14,5 милл. пуд. до 23,2. За границу было вывезено в 1890 г. — 3,3 милл. пуд., в 1900 г. — 12,5 милл. пуд. На внутренний рынок поступило в 1890/91 г.—24,4 милл. пуд., в 1899/900—37,4 милл. пуд.

Ненормальность положения нашей сахарной промышленности—всем известный факт. В то время, как в 1900 г. русский потребитель платил за рафинад 6 р. 15 к., в Гамбурге он стоил 4 р. 30 к., а в Лондоне 2 р. 48 к. Кроме запретительных пошлин на ввозимый сахар мы имем с 1872 г., в целях вывоза его, возврат акциза; с 1886 г. по 1891 г. у нас платили еще премию за вывоз—от 1 р. до 80 к. за пуд. С 1887 г. мы имеем синдикат сахарозаводчиков, а с 1895 г. казенную „нормировку" его. Чтобы удержать цены на внутреннем рынке на прямо-таки недоступной широким слоям высоте, мы в Англии продавали его за бесценок, и кормление им там свиней вовсе не легенда, как утверждает „Промышленность и Торговля". А так как вывоз нашего сахара за границу встретил в начале текущего столетия препятствие, то было разрешено кормить без акциза сахаром свиней и в России, только сахар должен быть предварительно д е н а т у р а л и з о в а н. После этого нужно еще удивляться, что потребление сахара у нас за 1890—1900 г.г. увеличилось на 9%. Но как мы далеки от западно-европейской нормы, видно из того, что в Англии в 1898 г. на душу населения приходилось 92 ф., в Германии в 1897 г.—25 ф., в С. Штатах 70 ф., а у нас в 1898—99 г. $10^1/_2$ ф., т.-е. в д е в я т ь почти раз меньше, чем в Англии...

Что касается в и н о к у р е н н о г о производства, то число заводов за время с 1889/90 г. по 1899/900 г. сократилось с 2.082 до 2.069, причем убыль падает на с р е д н и е и м е л к и е заводы, число же крупных возросло с 7 до 9% всех заводов. С 1890 г. по 1900 г. количество выкуренного спирта увеличилось с 75.939 тыс. вед. 40% до 83.153 тыс. вед. Потребление спирта возросло с 59,4 до 69.1 милл. вед. Рабочих на этих винокуренных и дрожжево-винокуренных заводах числилось в 1900 г. — 32.020, в том числе 135 малолетних. На фруктово-виноградно-водочных заводах, которых было 2.494, числилось 10.988 рабочих [1]).

[1]) Замечающееся в десятилетие 1890—1900 гг. сокращение вывоза спирта за границу возмещается увеличенным потреблением внутри. За это десятилетие замечается и возрастание вывоза изделий из спирта (лака, уксуса, эфира коллодия и пр.). Число заводов, производящих такие изделия, возросло с 87 в 1897 г. до 138 в 1900 г., а производство с 398 тыс. до 878 тыс. ведер.

В п и в о в а р е н н о м производстве число заводов за этот же период неуклонно сокращалось, и с 1233 упало до 988. Из заводов сокращались, главным образом, мелкие и средние. Отметим здесь, что число пивоваренных заводов в городах составляет 51% всех этих заводов. Число рабочих за 1890—1900 г.г. возросло с 10.325 мужчин, 212 женщин и 34 малолетних до 14.177, 989 и 337. Увеличение числа рабочих наблюдается особенно с 1897 г., что объясняется и более достоверными данными. Общее количество вываренного пива возросло за 1896—1900 г.г. с 43,6 мил. вед. до 47,7, при чем в последнем году менее 1899 г. на 337 тыс. вед.

В т а б а ч н о м производстве число фабрик сократилось с 1890 г. по 1900 г. с 340 до 248, при чем число фабрик с производством от 10 до 25 тыс. п. табаку и свыше возросло; сокращение падает на мелкие и средние фабрики. Число рабочих возросло с 32.606 до 38.996 чел., среднее число на фабрику—с 96 до 157 чел. Число женщин в 1900 г.—25.849 или 66,3% общего числа рабочих, при этом малолетние составляют 10,6% общего числа женщин. С 1890 г. по 1900 г. переработка табаку под высшей бандеролью возросла с 959 до 1.238 тыс. п., под низшей—с 2556 до 3.033 тыс. п. Отмечается растущее техническое усовершенствование производства; число механических станков, керосиновых и газовых двигателей значительно возросло, число ручных сократилось. Вместе с тем наблюдалось и заметное увеличение за это время вывоза за границу листового табаку, крошенного и нюхательного, а также папирос и сигар.

И, наконец, в с п и ч е ч н о м производстве мы видим: число фабрик, производящих фосфорные, бесфосфорные и смешанные спички, сократилось за этот же период с 290 до 123, а число произведенных спичек возросло с 143 до 280 миллиардов штук. Число рабочих увеличилось с 15.818 до 17.697 чел., при чем % малолетних (до 15 лет) мужчин и женщин возрос с 14 до 17%.

В рассмотренных нами производствах предметов личного потребления, несмотря на высокие косвенные налоги и другие ненормальные условия, о которых у нас еще будет речь впереди, мы констатируем, таким образом, как общее явление за период подъема: р а с ш и р е н и е п р о и з в о д с т в а, у л у ч ш е н и е т е х н и к и, к о н ц е н т р а ц и ю п р о и з в о д с т в а, у в е л и ч е н и е ч и с л а р а б о ч и х и п о д н я т и е п р о и з в о д и т е л ь н о с т и т р у д а.

Показателем развития у нас капитализма и вообще денежного хозяйства, за рассматриваемый период является и развитие м у к о м о л ь н о г о д е л а. Перевозки ржаной муки по железным дорогам и водным путям возросли за 1890—1900 г.г. на 23 милл. п. или на 50%, перевозка пшеничной — на 90 милл. или в 4 раза. Рост перевозки последней проявился особенно в период 1893 — 1900 г.г: с 53 до 121 милл пуд. Причина этого

заключается, по признанию самого В. В., „в крупных успехах менового хозяйства“ [1]).

Так как вывоз муки за границу у нас незначительный, то это увеличение перевозок показывает рост внутреннего мучного рынка. Данные показывают, что за это десятилетие развивалось особенно заметно крупное капиталистическое мукомолье. Одним из главных районов мучного дела является Волжский район. Пристанями Волги было отправлено в 1893 г. 7,9 милл. пуд., в 1900 г. — 17,4 милл. пуд. пшеничной муки. Вслед за Волжским идут и другие крупные центры мукомолья: южный, юго-западный и центрально-черноземный. Но подробно об этой отрасли промышленности, равно как и о рассмотренных нами выше, мы говорим при обзоре положения нашей промышленности в 1903—1916 г.г.

[1]) „Вывоз русского хлеба за границу“ („Народн. Хоз.“ март — апрель 1903 г., стр. 20—26).

ОТДЕЛ IV.

Промышленный кризис 1900—1902 г.г.

1.

Расцвет промышленности, сменивший в 1895 году на мировом рынке долгое время царившее на нем затишье, поворот в ценах на земледельческие продукты, падавших эпидемически с конца 70-х годов и упавших в 1894 до minimum'а, показали удивительную живучесть и эластичность капитализма. Апологеты современного строя подняли головы, а в рядах марксистов обнаружилось течение — ревизионистское, — которое громко заговорило о „притуплении“ капитализма, о тенденции последнего к ослаблению, если и не к полному уничтожению своих противоречий. Чудодейственную силу капитала приписали, с одной стороны, картелям и различного рода союзам предпринимателей— „этому планомерному приспособлению производства к спросу“ (Брентано),—с другой стороны, рабочим союзам, различного рода кооперациям и поднятию материального уровня низших слоев. Эти факторы, явившиеся результатом самого хода капиталистического производства, и устраняли, по мнению ревизионистов, на будущее время возможность общих кризисов.

В своих „Voraussetzungen“ etc. Э. Бернштейн в 1899 году писал: „Нельзя считать, что наступившее улучшие в положении дел будет кратковременным. Возникает скорее вопрос: не увеличивает ли могучее расширение мирового рынка, в связи с необыкновенным сокращением времени для сообщений и транспорта, возможность уравнения затруднений; и не ослабляют ли возросшие колоссальные богатства европейских индустриальных стран в связи с эластичностью современного кредита и с появлением индустриальных картелей, не ослабляют ли настолько воздействие местных и частных замешательств на общее положение дел, что по меньшей мере на долгое время следует считать общие кризисы прежнего характера невероятными“. Вслед за Бернштейном и другие „критики“ на Западе и у нас поспешили так или иначе отречься от теории кризисов автора „Капитала“. Так, Давид на партейтаге в Ганновере в 1900 году прямо заявил, что эта теория лишь проблема; и выводы из нее лишь гипотезы а не положительные истины. А Кампфмейер в своей брошюре „Mehr Macht“ писал: „Противоречия капиталистического хозяйства ослабляются, они не уве-

личиваются. Порядок, регулирование, контроль все больше и больше входит в современный строй. И это как-раз в период буквально сказочного развития производительных сил, когда противоречие между этими силами и производственными отношениями должны были бы развиться наиболее сильно. Диалектический закон развития теперь обречен на бессилие".

Но жизнь — этот пробный камень диалектики, по выражению Энгельса,—скоро показала, что ревизионисты слишком поспешили со сдачей в архив теории Маркса. Со второй половины 1900 года в Европе наступил жестокий общий кризис, и это—как бы в насмешку над теоретизированием Бернштейна и др., что „нет никакого основания ждать скорого наступления общего кризиса по чисто хозяйственным причинам" [1]).

2.

Период подъема промышленности, сопровождавшийся повсюду в Европе расширением и возобновлением общественного основного капитала, ростом производства орудий производства, этот период достиг своего кульминационного пункта в 1899 году. В конце этого года мы видим повсеместное стеснение денежного рынка, вздорожание денежного капитала.

Чем развитее капитализм, тем более сильную роль в нем играет кредит. Растет чисто коммерческий кредит, т.-е. кредит промышленников и торговцев друг другу, и это особенно в странах с еще слабо развитой банковской системой. Он содействует переходу производительного капитала из одной фазы в другую, он содействует транспорту и переходу товаров из одних рук в другие вплоть до окончательной их продажи. Наряду с этим растет ссуда деньгами торговцев и промышленников банками, вообще денежными заимодавцами. Это дает возможность купцам и фабрикантам не зависеть некоторое время от действительных обратных притоков капитала к ним. Дешевый кредит—это нерв современного производства. В начале промышленного цикла низкий ссудный % показывает, что процесс воспроизводства капитала лишь в слабой форме нуждается в банковом кредите [2]). Но, по мере того, как оживление поднимается, растет спрос на последний. Некоторое время „легкость и равномерность обратных притоков капитала

[1]) См. нашу статью: „Мировой промышленный кризис 1900 — 1901 г." („Научн. Обозр." за 1902 г.).

[2]) „Колебания банковского дела—указывается правильно в „Manch. Guard. Commercial) от 2/VIII 1923, — не вполне совпадает по времени с движением промышленности (trade) или цен. Есть известное запаздывание (lag) в банковском цикле, обязанное факту, что индустрия не может ликвидировать свои обязательства к моменту, когда спрос на ее сбыт начинает падать, между тем как, с другой стороны, ускорение спроса на товары будет вначале удовлетворяться из накопленных запасов, которые, таким образом, могут браться из залога с тем результатом, что спрос на банковскую акоммодацию будет продолжать падать вместо того, чтобы подняться немедленно".

в связи с расширенным коммерческим кредитом обеспечивает предложение ссудного капитала" и мешает сильному понятию %: он не переходит среднего уровня. Но капитализм движется в противоречиях. „Именно легкость получения капиталов на денежном рынке вызывает массу таких предприятий, которые требуют в течение продолжительного времени крупных затрат денежных капиталов. В это время происходит сильнейшее расширение постоянного капитала во всех его формах. Кроме того люди торговые и промышленные бросают те капиталы, которые необходимы им для ведения своих собственных предприятий, на железнодорожные и другие спекуляции, возмещая их займами на денежном рынке. С другой стороны, именно в этот момент появляются в значительном числе рыцари, которые работают без запасных капиталов или вовсе без капитала и которые потому всецело оперируют на денежном кредите" (Маркс). Далее, в виду общего расцвета промышленности, денежные капиталисты только под условием повышения процента согласны вкладывать свои деньги в банки или их ссужать, иначе им выгоднее самим вложить их непосредственно в предприятия. Акционерные компании, которые растут именно в это время, облегчают им эту задачу. Прилив вкладов и текущих счетов в банки уменьшается, между тем число векселей растет. Банкам становится все труднее удовлетворить растущий спрос на денежный капитал. Учетный % все поднимается. И, в конце концов, вследствие ослабления и далее остановки притока денежного капитала из обращения, наступают стеснение, а затем и денежный кризис. Ссудный % достигает своего максимума. Это служит признаком наступления конца цикла; оно показывает наряду с недостатком денежного капитала избыточность индустриального.

Чтобы убедиться в правильности сказанного, стоит только проследить учетный процент на главнейших биржах З. Европы, начиная с 1895 г. Так, средний годовой процент составлял:

	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.
Париж	2,2	2	2	2,20	3,06	3,23	3	3
Лондон	2	2,48	2,78	3,26	3,75	3,96	2,72	3,33
Берлин	3,15	3,65	3,84	4,28	4,98	5,33	4,10	3,13
С.-Петербург	5	6,05	5,87	5,27	5,59	6,07	5,67	4,57

В 1900 г., когда кризис был в Европе налицо, и дисконт стоял на самом высоком своем уровне. Мы привели здесь учетный процент и С.-Петербургской биржи, которая с 1898 г. шла в уровень с западно-европейскими. Отличие за предыдущие годы объясняется местным денежным кризисом, который Россия переживала во второй половине 1895 года и в 1896 году.

Биржа — это один из самых сильных регуляторов прибыли; она отражает в себе в каждый момент состояние промышленности и торговли как данной страны, так и мирового хозяйства. Норма прибыли — это двигатель капиталистического производства. В погоне за высокой прибылью, капиталы переносятся из одной отрасли производства в другую, мчатся из одного конца света в другой. Необходимую им подвижность и дает биржа со своими формами ценностей, со своим доведенным до высшей степени развития кредитом. „Государственные займы и акционерные общества провозглашают абсолютную свободу капитала, они всецело отрывают капиталиста от той нации, которой он ссужает деньги, и от индустрии, которую оплодотворяют его деньги; он имеет в виду лишь одно: определенный процент на капитал. Ему все равно, даст ли ему этот процент железная дорога, рудники, банки, национальная или иностранная индустрия, республиканское или монархическое правительство, бюджет его отечества или любого государства на земном шаре. Он желает, ищет, добивается только известных процентов на капитал; если он их получает, его душа спокойна“ (P. Lafargue).

Пока ссудный процент в старых капиталистических странах был низок и показывал, что свободного денежного капитала достаточно, избытки его текли к нам свободно. В главе о подъеме мы видели, как расширялись у нас в то время банки, как росли у нас различные акционерные компании. Грюндерство и спекуляция расцвели во-всю. Различного рода средства практиковались акционерами для привлечения буржуазии вообще, и в частности французского среднего и мелкого буржуа, в нашу промышленность. Заводы не были еще закончены, не произвели ни одного пуда железа, а дивиденды уже распределялись. Некоторые заводы, которые действительно приносили барыши, вместо того, чтобы погашать расходы предприятия, откладывать резервные капиталы и оставлять средства для оборотов, опять-таки только распределяли дивиденды, чтобы поднять акции и, таким образом, привлечь новые капиталы. Расходы коммиссионные, учредительские, переплаты за приобретенные имущества и права достигали, при этой учредительской горячке, колоссальных размеров. В „Торгово-Промышл. Газете“ и в „Вестнике Финансов“ в свое время приводилось много тому примеров. Так, сообщалось в них, капитал одного акционерного общества был определен в 8½ милл. фр. при 85.000 акц.; из них деньгами были оплачены только 15000 акц., а остальные переданы группе учредителей, которые сверх того еще получили около 1 милл. наличными и на 2 милл. фр. облигациями. И это не было исключительным явлением. Бывали случаи, когда при переходе дел от учредительства к эксплоатации из первоначального акционерного капитала оставалась налицо едва пятая часть. Некоторые из организованных на юге предприятий возникли и устроились на почве самой откровенной спекуляции. „Огромные капиталы“, — писал „Вестн. Фин.“ — „собранные по реализации акций, проходя

через учредительство, финансирование и разного рода посредничества, таяли с поразительной быстротой. Предприятия с миллионными основными капиталами оказывались нередко без оборотных средств, задолженными при самом возникновении“. Не следует, однако, думать, что это явление наблюдалось лишь в России; оно вообще свойственно капиталистическому хозяйству. То же самое было и в Германии, где публика ослеплялась дивидендами, происходящими и здесь не от доходов производств, которые скорее работали в убыток, но из тех средств, которые набирались при новых учредительствах. До каких геркулесовых столбов может дойти надувательство при учредительстве различных акционерных обществ, показал кризис 1907 г. в С. Америке. Выпуск „незаконных“ ценных бумаг, „разбавление акций водой“, возведен теперь в систему. Вопреки утверждениям Бернштейна, а за ним и Туган-Барановского, что спекуляция в старых капиталистических странах уменьшилась, наблюдается прямо противоположное: спекулятивные оргии празднуются одинаково и в старых, и в молодых странах. Спекулятивный момент играет одинаковую роль как в новых отраслях промышленности, электрической, так и в старых, каковыми являются, например, горная и металлургическая. Акционерная система теперь более, чем когда-либо, оправдывает характеристику, данную ей Марксом. „Эта система“ — писал он — „создает новую финансовую аристократию, новый сорт паразитов в форме прожектеров, учредителей и просто номинальных директоров; он создает целую систему надувательства и обмана в связи с различного рода учредительствами, с выпусками и торговлей акциями. Так как частная собственность существует здесь в форме акции, то движение и переход ее из рук в руки становится результатом простой биржевой игры, где мелкая рыба пожирается крупной, а овцы биржевыми волками“. Даже Леруа-Болье не мог отрицать этой экспроприаторской роли акционерных компаний. В противоположность взглядам Бернштейна и прочих ревизионистов, видевших в акционерной системе средство к притуплению противоречий капитала, действительность показывает совершенно другое. „Акционерная система — это частное производство без контроля частной собственности. Вместо того, чтобы преодолеть противоречие между общественным характером богатства и его частной формой, она развивает лишь это противоречие в новой форме“.

Наши кредитные учреждения — банки — приняли живое участие в грюндерстве; то же наблюдалось и в Германии. „Финансирование“ промышленных предприятий оттеснило на задний план учетные операции. Они не только брали на комиссию акции для продажи, но выдавали предприятиям авансы под акции, что, конечно, сокращало значительно их наличные средства. Они делали, таким образом, учреждения с сравнительно краткосрочным кредитом участниками предприятий с про-

должительными и рискованными оборотами [1]). Это должно было в конце-концов отразиться на денежном рынке. Но если даже оставить в стороне биржевую спекуляцию, то неизбежность наступления денежного стеснения и, далее, кризиса в цикле движения промышленного капитала вытекает из самого способа воспроизводства основного капитала в капиталистическом хозяйстве. Кризис должен был, наконец, наступить, вследствие обращения массы оборотных капиталов страны в основной, который возвращается назад медленно и по частям. Громадные средства были у нас затрачены на постройку Сибирской ж. д., на различные сооружения, связанные с введением казенной винной монополии, на постройку и оборудование новых фабрик и заводов, различных отраслей производства и т. д. Все это потребовало много капиталов, которые оставались в связанном состоянии. А тот факт, что казна выступила крупным предпринимателем, еще более обострял дело, так как и возвращавшиеся назад суммы шли в крупных размерах в государственное казначейство и здесь тратились большею частью непроизводительно.

3.

В вопросе о денежных кризисах важно отличать чисто денежный кризис, как частный кризис, независимый от промышленного кризиса, и денежный кризис, как фазу общего кризиса. Чисто денежные кризисы связаны с кредитной и банковой системой: их область — биржа, банки, финансы, короче говоря, сфера действия денежного капитала. Такие кризисы оказывают свое действие на промышленность и торговлю, но носят преходящий характер. Чисто денежный кризис мы имели в конце 1895 года и в начале 1896 г. Если мы исследуем колебания курса различных промышленных, торговых, железнодорожных, банковых и других ценностей на петербургской и московской биржах за период 1893—1902 г.г., то увидим, что, начиная с 1893 г., идет повышение всех ценностей, которое достигает своего максимума в августе 1895 года (см. таблицу на 96 стр.). Во второй половине этого года мы видим сильное падение курса ценных бумаг. Однако денежный кризис, явившийся результатом чрезмерной биржевой спекуляции, скоро прошел. Приток иностранных капиталов продолжался. Промышленность шла все на подъем. И если курсы ценных бумаг в последующие годы и стояли ниже самых высоких курсов середины 1895 года, то это было естественно, так как те курсы были ненормально вздуты и средний процент был тогда ниже. Вплоть до второй половины 1899 года ценности все-таки котировались высоко, они отличались устойчивостью; понижение их происходило, вследствие повышений ссудного процента на мировом — и у нас — рынке. Со средины 1899 г. стеснение на нашем денежном рынке, начавшееся в конце 1898 г. и ослабевшее весной 1899 г., снова дало себя чувствовать. Учетная норма в конце июня начинает сильно подниматься. Частные банки начинают сокращать свои ссудные операции. В воздухе чувствуется гроза. Процентные нормы теперь и на Западе высоки. Приток капиталов сильно сократился. Между тем нужда в денежн. капитале для идущей все еще полным ходом промышленности начинает давать все сильнее и сильнее себя чувствовать. Начинается усиленная реализация наших бумаг; и это, в связи со спросом на капиталы за границу и отливом туда нашего золота, открывает во второй половине 1899 г. эру крахов на нашей бирже. Появился денежный кризис, но на этот раз не один, как в 1905 году, за ним следовал по пятам сильнейший промышленный и торговый кризис.

[1]) On call'-ные операции, ссуды под процентные бумаги, имеющие целью распространения их среди публики, давая частным банкам громадные барыши, все возрастали вплоть до середины 1899 г. Так, размер этих ссуд в пяти петербургских банках (Международн., Русск. для вн. торг., Учетн.-ссуд., Торг.-пром. и Части комм.) возрос с 360,6 милл. р. в 1896 г. до 474,2 в 1898 г., в 1899 он упал до 420,7, а в следующие два года до 275,4 и 241,2 милл. р. Как широко были развиты операции с промышленными ценностями, видно из того, что в конце 1898 г. в портфелях указанных банков эти ценности составляли от 24,3% (Учетный ис суд. банк) до 62,2% (Части. Комм.) всех ценных бумаг.

В начале августа 1899 года наше министерство финансов опубликовало следующее заявление: „В течение последнего времени на русских биржах замечалось резкое падение цен многих бумаг, преимущественно дивидендных... По поводу настоящего положения вещей м-во финансов считает необходимым заметить, что государственное казначейство и Госуд. банк находятся в отличном состоянии. Общее положение промышленных предприятий вполне удовлетворительно, при чем замечается чрезвычайный рост промышленности, обеспеченный беспрерывно возрастающим спросом и таможенным ограждением от иностранной конкуренции. Урожай, являющийся одним из главных оснований платежной и покупательной силы населения, в общем удовлетворителен. При указанных благоприятных условиях нашей внутренней экономической жизни не может быть и речи о возможности возникновения какого бы то ни было общего торгово-промышленного кризиса“... Однако крушения предприятий фон-Дервиза и Мамонтова, открывшие собой ряд других крахов, паника на бирже, сильнейшее падение в середине сентября курса самых „солидных“ ценностей, повышение оффициального учета в конце этого месяца до 6%, а в декабре до 7% и, наконец, появившиеся в газетах со всех сторон известия о сокращении и даже остановке производства в различных отраслях промышленности показывали не только возможность общего кризиса, но что он у нас уже налицо. Министерство Финансов пустило в ход все средства, чтобы устранить стеснения на денежном рынке. В ноябре 1899 г. разрешается Государственному банку открыть кредит и под негарантированные правительством бумаги

с условием, чтобы под акции он не превышал 60%, а под облигации 75% их самого низкого уровня за последние полугодие; удлиняется срок учета для векселей частных банков от 3 до 8 мес.; облегчается учет мелких векселей в частных банках, при чем Госуд. банк берет на себя половину риска по этой операции; прекращается начисление процентов по текущим счетам в Госуд. банке с целью усилить приток вкладов в частные банки, наконец, при содействии Госуд. банка учреждается союз из главных петербургских банков и банкиров с целью воспрепятствовать падению дивидендных бумаг путем покупки их [1]).

Несмотря на все эти меры, промышленный кризис продолжал развиваться. И в 1900 году мы видим крахи Паллизена, Бари и др. Банки должны были одни сократить, а другие совсем прекратить выдачу дивидендов. Для пополнения убытков приходилось брать из резервных капиталов. И это ухудшение шло в них, все усиливаясь, с конца 1899 г. до конца 1901 г. Денежное стеснение все это время не прекращалось на нашем рынке.

[1]) Состояние учетно-ссудной операции, вкладов и текущих счетов в Госуд. банке и в частных акционерн. банках за периоды подъема и кризиса видно из следующих данных:

По балансовым остаткам на 1 января каждого года (в милл. руб.):

	Учетно ссудн. операции		Вклады и текущие счета	
	Госуд. банка	Частн. акц. банков	Госуд. банка	Частн. акц. банков
1895	362.9	474.6	226.4	320.4
1896	406.3	516.5	224.5	321.1
1897	373.0	562.5	227.2	369.9
1898	280.1	636.7	246.2	463.0
1899	274.8	783.4	212.4	571.8
1900	406.2	767.5	218.6	570.5
1901	479.8	779.6	191.6	560.1
1902	561.1	774.8	238.4	567.2
1903	485.5	888.0	372.6	640.4

Из этой таблицы явствует, что с наступлением кризиса учетно-ссудная операция частных банков, которая до того времени возрастала, не только остановилась в своем росте, но и упала. Соответственно этому Государственный банк, учетно-ссудная операция которого после денежного кризиса 1895—96 годов понизилась, принужден был увеличить эту операцию. Что касается вкладов и текущих счетов (для сравнения мы исключили суммы государственного казначейства и специальн. средства, лежащие в Государственном банке), то, несмотря на все меры, принятые для увеличения их в частных банках на счет Государственного банка, они все-таки понизились за 1900 и 1901 годы здесь, как и в Государственном банке.

Учетный оффициальный процент колебался в 1900 г. от $5^1/_2$ до $8^1/_2$, в 1901 г. от 5 до 8. Золото большими массами отливало за границу...

В июле 1901 г. происходит крушение Харьковского Торгового банка (Алчевский), который стоял в тесной связи с Харьк. Поземельным банком, где, как и в германских поземельных банках, обнаружились в обращении бумаги, не гарантированные недвижимым имуществом. Вслед за этим банком лопнул Екатеринославский Комерческий, что вызвало сильнейшую панику на наших биржах. Бумаги, как промышленные, так и торговые, подверглись дальнейшему падению. Обращения за помощью к Государственному банку летом 1901 г. еще более усилились, и он оказал громадную поддержку как промышленным предприятиям, так и банкам. В кассы наших крупных банков были переданы на текущий счет строительные капиталы жел. дорог: Варшаво-Венской, Лодзинской, Юго-Восточных и Московско-Казанской, вновь реализованные путем заграничных займов на 135 милл. мар. нариц., Рязанско-Уральской, Московско-Казанской и др. на сумму 83 милл. р. нар., приобретенные государственным казначейством для сберегательных касс. Убытки клиентов одного банка (Петерб.-Азовского), впавшего в несостоятельность, Государственный банк принял целиком на себя, чтобы не возбуждать общей паники. Какова была, вообще, деятельность Государственного банка за время кризиса, видно и из следующих данных:

Годы	Учет векселей и др. срочн. обяз.	Спец. тек. сч. обесп. векселями.	Спец. тек. сч. обесп. бумагами.	Ссуды под залог % бумаг.	На них под погарантир.	Ссуды под товары и тов. бумаги	Промышл. ссуды.	Проц. бум., принадл. ж. банку.
	(В милл. руб.)							
1898	688	150	121	34	4	51	18	478
1899	1048	289	180	39	11	66	34	511
1900	1106	467	255	40	11	105	60	431
1901	1205	481	327	38	11	136	77	456
1902	1149	372	246	32	10	128	65	562

Государственный банк, таким образом, с 1899 года сильно поднял свои учетные операции, широко развив выдачу ссуд под товары и промышленных ссуд. Эти последние ссуды особенно интересны. Их было выдано гораздо больше, чем указывается в графе „ссуды промышленным предприятиям", при чем противоуставных ссуд этого рода больше, чем на основании устава. По данным Госуд. контроля противоуставных ссуд числилось к началу 1900 г. 41 милл. руб., к началу 1901 г.—

около 65, а к началу 1902 г. более 100 милл. руб. [1]). Промышленные предприятия были поддержаны также на счет сберегательных касс, которые с июля 1900 г. стали приобретать негарантированные бумаги и довели их количество к февралю 1902 г. до 20 милл. руб. [2]).

„Дальше уже правительственная помощь простираться не может, она и теперь уже почти перешла дозволенные благоразумием границы" [3]) — писал тогда проф. Мигулин.

4.

В августе 1901 г. у нас, как и на Западе, курсы бумаг на бирже улучшились. Правда, они стояли еще низко в сравнении с весенним уровнем, но все-таки дивидендные бумаги покупались. В сентябре того же года, основываясь на том, что Нижегородская ярмарка прошла удовлетворительно, „Торгово-Промышленная Газета", „Новости" и др. высказали взгляд, что кризис кончается. Забывалось при этом, что на ярмарке широко практиковалась „переписка" и „отписка" векселей, что крупные фабриканты стремились во что бы то ни стало продать свои товары, чтобы избавиться от накопившихся запасов... Потом оказалось, что много векселей, которые были выданы на Нижегородской ярмарке для покрытия покупок, не могли быть погашены к началу 1902 года. Забывалось, далее, что покупательная способность населения не могла улучшиться в виду нового неурожая. Стоило, наконец, взглянуть на положение Государственного банка в августе, чтобы убедиться, что оно ухудшилось. Совершенно верно оценили положение дел тогда „Русск. Ведомости" (12 сентября 1901 г.): „Понижение цен на промышленные бумаги", писали они, „имело, как известно, свои конкретные причины; доходность многих предприятий сокращалась иногда до нуля и некоторые вынуждены были временно уменьшить или даже приостановить производство. Так как в этом отношении ничего не изменилось, то можно ли ожидать быстрого улучшения? Коммерческие банки хотя и пользуются поддержкой Государственного банка, но они попрежнему нагружены безнадежными бумагами. То же самое и с земельными банками, главная операция которых заключалась в ссудах под

[1]) П. Мигулин, „Государственный банк и денежное обращение" („Народн. хозяйство" 1904 г. № 2).

[2]) В то время, как в 1896 — 1899 г. сберегательные кассы мели в среднем 2,6 мил. р. чистой прибыли в год, в 1900 г. они получили убытку 11,33 милл. р. Убыток произошел, главным образом, от переоценки бумаг, принадлежащих сберегательным кассам.

[3]) „Промышленный кризис в России 1899 — 1901 г." (Нар. Хоз." 1902. № 3). На деятельность Государственного банка в качестве „старьевщика", скупающего убыточные для частных обществ предприятия, указывал тогда и проф. Ходский. „В последнее время" — писал он — „так много частных предприятий попали в казенную администрацию, что можно было бы составить целый департамент, а то министерство казенного управления частными предприятиями". („Нар. Хоз." 1903 г., № 7).

городские недвижимые имущества. Итак, ни общие условия денежного рынка, ни состояние промышленности, а тем менее положение банков краткосрочного и долгосрочного кредита, не располагают к возобновлению биржевой игры. Для возвышения цен, а тем более стремительного, нет никаких оснований, нужно остерегаться ажиотажа, в который биржевики завлекают публику". И действительно в конце сентября мы видим и на Западе, и у нас настоящую эпидемию падения ценностей. Наши бумаги потеряли до 70, 80 и более процентов курсовой стоимости 1898 г. Леруа-Болье воскликнул по этому поводу: „C'est un veritable debâcle et même un krach". Английские газеты утешались тем, что пострадали у нас не одни лишь английские капиталы, но в гораздо большей степени бельгийские и французские. В конце сентября падение коснулось и наших государственных фондов, которые до тех пор держались крепко. Каковы были тогда потери наших ценностей, видно из следующих общих данных, приведенных в „Moniteur des intérêts matériels" и перепечатанных нашим „Вестн. Фин." (№ 48, 1902 г.):

	15 октября 1899 г.	15 октября 1901 г.	Понижение
	Курсовая стоимость в тысячах франков		в % %
50 металлург. и механич. обществ	862.043	298.069	65
18 каменноугольных „	347.148	185.957	46
6 стекло-промышленных „	17.987	3.632	79
7 газовых и электрич. „	36.820	13.140	64
8 строительных „	8.794	3.092	65
8 различных обществ	43.540	32.402	25
98 обществ	1.316.332	536.292	59%

За два только года ценности 98 русских предприятий, котировавшихся на Парижской и Брюссельской биржах, потеряли в общей сложности 780 милл. фр. или 59% своей стоимости. По данным „Journal de St Petersbourg" за эти же два года — начиная с конца 1899 г. — свыше 300 предприятий не платили у нас дивидендов. Каково было падение цен на наши бумаги, видно и из того, что акции шести петербургских банков за время от 30 декабря 1898 г. по 10 декабря 1901 г. понизились в общей сумме на 103 милл. руб., при чем падение акций колебалось от 24% (Волжско-Камский банк) до 74% (Спб.-Азов. Комм. б.).

Более детальную картину движения различных наших ценностей на с.-петербургской бирже за 1893 — 1902 г.г. показывает следующая таблица высших и низших курсов:

		1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.
4% госуд. рента	в.	—	96	100	99⅞	100⅛	102¼	101⅛	100	96	97⅛
	н.	—	93¼	95¼	97⅛	98¾	100	98⅞	96	96	96
	п.	249½	250½	263	298½	296¼	303¼	322¼	347	482	486
	в.	237	236	225	275	272½	281	285	292	322½	459½
5% I внутр. заем	в.	—	—	98	98	99	101⅜	100	99¼	96	95
4% закладн. л. Госуд. Дворян. б.	в.	—	—	97½	97½	97⅛	98⅞	98⅛	95	93¾	94¼
	н.	499	665	910	858	729	755	809	665	473	440
Слб. Учетный и Ссудн. банк	в.	4341/2	466	620	630	630	628	635	460	328	329
	п.	331	446	550	555	460	445	449½	345½	294½	314½
Русск. для внешн. торг. банк	в.	270½	327	420	468	385	385	325	251	243	253
	п.	915	1050	1400	1375	1325	1300	1260	1250	1155	1110
Волжско-Камский банк	в.	790	890	1000	1195	1200	1207	1175	1117	895	900
	п.	625	675	665	625	630	680	676	620	580	560
Виленский земельн. банк	в.	425	570	600	596	575	608½	610	550	530	498
	п.	1011¼	—	98½	951/2	99	100¾	100¾	96½	91	94¼
4½% закладн. Бессар. Таврич. земельн. банк	в.	99	—	94	937/8	941/2	98⅜	92¾	98	96	89⅛
	п.	—	—	561	520	495	520	508	497	505	473
Моск.-Каз. ж. д.	в.	—	531	498	480	440	470	420	434	444	376
	п.	—	477	498	480	440	485½	175½	141	128	114
Юго-Вост. ж. д.	в.	—	192¼	200½	194	186	167½	118	89	99	83
	п.	—	162	178	163	163	143½	152⅛	134	85½	82
Путиловский завод	в.	79	180	194	147½	119	124	104	73½	50	50½
	п.	64½	75	118	112	220	212	200	103	91½	130½
Сормовский „	в.	—	195½	377	297	171	108	94	47	52	75
	н.	—	171	185	213	2345	2850	2457	1500	1225	1240
Русск. балт. вагоностроит. завод	в.	—	1525	2500	2275	2056	2228	1025	970	900	900
	п.	—	750	1300	1900	516	525	520	1502	266	171
Брянский рельсопрокатн. завод	в.	133	389	580	557	428	435	483½	223	147	70
	п.	92	133	365	452	490	582½	755	727	570	545
Нефтяное производство Нобеля	в.	310	310	701	585	490	375	580	515	400	455
	п.	260	240	260	467	355	764½	580	846	695	476
Бакинское нефтян. Общество	в.	—	—	458	560	634	535	950	682	306	310
	п.	—	—	218	385	467	1300	740	1200	1100	600
Самсоновск. бумагопрядильня	в.	1000	1300	1300	1300	1300	1200	1200	1100	1000	600
	п.	1000	1200	1300	1300	1610	1625	1500	1300	1025	1053
Российск. учр. в 1827 г. страховое общество	в.	1240	1240	1500	1625	1475	1417	1150	100	625	635
	п.	1100	1110	1210	1380	1430	365	350	290	210	281
„Кавказ и Меркурий", пароходное общество	в.	420	530	580	525	430	325	270	145	130	210
	п.	363	394	410	415	324					

В 1902 году наша биржа все еще продолжала переживать сильно угнетенное состояние. Курсы ценных бумаг, в общем немного разнились от таковых в „эпидемическом" 1901 году. Если некоторые ценности — бумаги тех немногих предприятий, которые получили выгодные крупные казенные заказы — незначительно поднялись, то другие понизились; и общий уровень их был даже ниже „критического" 1900 года. В августе 1902 г. началось было некоторое оживление, но это вскоре прошло. „Русск. Вед." и на этот раз выступили с основательным предостережением не увлекаться биржевой игрой. „В положении наших банков" — писали они 22 сентября 1902 г. — „не наступило никаких изменений, которые могли бы оправдать возвышение цен на акции... Портфели банков нисколько не улучшились. Балансы, публикуемые банками, могут производить хорошее впечатление только потому, что не только публике, спекулирующей на бирже, но и постоянным акционерам неизвестно, какие убытки предстояли бы банкам, если бы они не пересрочивали ссуд и не переписывали векселей... С другой стороны каждый раз приходится констатировать новые прекращения платежей и приостановку деятельности заводов. Итак, откуда же такое ликование при первом самом незначительном подъеме цен?" Денежное стеснение продолжало существовать и в этом году, хотя оно и было слабее, чем в предыдущем. Учетный процент понизился лишь незначительно. Оффициальный колебался в С.-Петербурге от 4½ до 8, частный биржевой — от 4½ до 7. И это в то время, когда на западно-европейских рынках промышленный кризис сменился уже периодом „покоя" и с деньгами было свободно.

Для характеристики состоянии нашего денежного рынка и вообще нашего промышленного кризиса в 1900—1902 г.г. может служить следующая сравнительная таблица развития акционерного дела в России („Горнозав. Листок" № 3, 1907 г.):

Годы	Акц. комп. и паевые товарищества		В том числе новых предприятий, уставы коих были опубликованы		Иностранные предприятия
	Число	Основной капитал (в милл. р.)	Число	Основной капитал (в милл. р.)	Число
1899	445	430,9	325	363,3	69
1900	330	336,8	202	250,8	40
1901	211	140,2	135	107,6	23
1902	116	69,1	78	73,2	13
1903	110	82,4	76	68,1	15

Эти данные показывают: во-первых, сокращение с наступлением кризиса числа вновь разрешенных обществ, и это

сокращение все возрастает; во-вторых, сокращение числа новых иностранных предприятий и, в-третьих, сокращение общего прироста основного капитала наших акционерных обществ. А этот последний прирост, равнявшийся в 1892 г. только 25 милл. руб., в 1893 г. составлял уже 61 милл. руб. (в 1894 г.—59,6 милл. руб.), в 1895 г. он сразу поднялся до 129,4 милл. руб. и, поднимаясь все выше, достиг в 1899 г. кульминационного пункта 430,9 милл. руб.; отсюда начинается его неуклонное падение в последующие три года. То же явление упадка мы наблюдаем при рассмотрении движения основного капитала различных групп промышленных, торговых, транспортных и других акционерных предприятий. В главе о подъеме мы привели данные за 1893—1899 годы. Из следующих данных за 1900—1902 г.г. [1]):

	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.
	Основной капитал (в милл. р.)			
Волокнистая группа	342,0	373,7	403,3	399,5
Химическая	58,4	93,8	85,0	102,4
Бумагомассная	34,6	31,8	37,2	33,8
Горнопромышленная	406,1	392,2	435,9	412,1
Металлическая	250,3	257,3	313,8	297,5
Керамическая	48,5	59,1	65,2	63,3
Сельско-хозяйственная	4,9	5,2	5,2	5,2
Лесная	14,5	17,8	19,3	20,9
Питательная	143,4	153,1	166,3	156,7
Животная	17,7	16,5	18,1	21,5
Торговая	62,3	76,6	79,1	83,5
Перевозочная	45,0	63,3	48,2	69,5
Группа по благоустр. город.	97,8	109,8	119,8	113,9
Смешанная группа	74,4	92,0	102,7	112,8
Всего	1.600,0	1.742,3	1.898,8	1.892,0

видно, что рост основного капитала всех акционерных предприятий сильно понизился за период кризиса. И это особенно бросается в глаза, если сравнить его с ростом прошлого периода, когда основной капитал за шесть лет увеличился на 134% или

[1]) По данным „Ежегодника Мин. Финансов" за 1904 г. (изд. 1905 г.).

в среднем ежегодно на 22,3%, между тем, как за три года с 1899 по 1902 г.г. всего на 18,2% или на 6,1% в год, при чем в 1902 г. он даже сократился. В отдельных группах мы видим за различные годы последнего периода застой, а то и движение назад основного капитала (горнопромышленная, металлическая, бумагомассная и пр., и это особенно в 1902 г.). На падение промышленности и торговли указывает и понижение общего среднего дивиденда: в 1898 г. он равнялся 9,4%, 1899 — 8,27%, 1900 — 8,51%, 1901 — 7,6% и в 1902 — 7,67%. По отдельным отраслям это понижение было сильнее; мы не приводим, однако, подробных данных о дивидендах, так как они у нас меньше всего могут служить показателями кризиса и подъема. Отчеты наших акционерных предприятий страдают вообще крупными недостатками, и особенно сомнительны их данные насчет прибылей и дивидендов. На это совершенно правильно указывает и В. Шарый („В. Фин." № 5, 1910 г.). Более яркую и полную картину нашего торгово-промышленного кризиса 1900—1902 г.г. мы получим, если исследуем состояние товарного обмена и главнейших отраслей нашего капиталистического производства за этот период.

5.

Отличительной чертой общего кризиса является,—как мы уже указывали, — общее перепроизводство, избыточность индустриального капитала в главнейших отраслях. Что основная причина кризисов именно в противоречии между современным производством ценностей и общественным потреблением, лучше всего показывает падение цен на товары. Противоречие между товаром и его формой ценности проявляется здесь насильственно. Товарный капитал теряет значительную часть своей способности представлять потенциальный денежный капитал, т.-е. определенную сумму ценностей.

Если мы обратимся к показателям цен Зауербека и английского Economist'a, то мы увидим, что со второй половины 1900 г.— с начала там кризиса — наступает резко выраженное падение цен в Англии на громадное большинство товаров, особенно основных отраслей промышленности. Это падение продолжалось весь 1901 год, и только со второй половины 1902 г. началось медленное повышение, и то не равномерное и не повсеместное. Что касается России, то данные, публикуемые Мин. Фин. в „Сводах товарных цен", показывают, что средняя цена по десяти „ископаемым" продуктам (кам. уголь, нефть, нефт. остатки, керосин, чугун, железо, медь, олово, цинк и свинец) с 1895 по 1900 г. поднималась неуклонно с 90,8 до 129,3, в 1901 г. она упала до 108,1, а в 1902 г. до 95,9 (за 100 принята здесь средняя цена за 1890—99 г.г.). Хлопчатобумажная пряжа, поднявшаяся с 1895 г. по 1899 г. с 98,1 до 109, за последующие три года упала до 100,5; понизились, далее, москательные товары (12 видов) и бакалейные

(6 важных видов: сахар, чай, кофе, табак и пр.). Мы сейчас увидим, что в отдельных и главнейших отраслях падение цен у нас было еще сильнее и резче.

У нас, где кризис появился раньше, цены, напр., на железные и строительные продукты начали падать еще тогда, когда на Западе они шли на повышение. На Нижегородской ярм. по сравнению с мартом 1900 г. котельное железо упало на 20 к. с пуда; железные балки с 1 р. 90 к. в 1899 г. понизились до 1 р. или 95 к. в 1901 г. Цена на южно-русский чугун с 80 к. за пуд в начале 1900 г. в Одессе и 97 к. в Петербурге упала в конце 1901 г. до 60 и 73 коп. С другой стороны цены на чугун, железо, сталь и их продукты продолжали падать у нас и тогда, когда на Западе падение прекратилось. Так, на Нижегородской ярмарке 1902 г. сортовое железо упало сравнительно с 1901 г. на 25—30 коп. Тяжелое положение металлургической промышленности обострялось на первых порах еще тем, что именно в то время, когда дальнейший ход этой отрасли был тесно связан с удешевлением угля, цены последнего продолжали возрастать; развитие кризиса этим только усиливалось. В Германии дело усложнялось ролью синдикатов, поставщиков сырого материала, которые как, например, коксовый, пользуясь своей монополией, начали „повышательную" политику, что в конце-концов отразилось печально на них же самих. Такова, к слову сказать, „регулирующая" роль синдикатов во время кризисов!

Производство и потребление продуктов **железной** промышленности во всей России в этот период кризиса характеризуется следующими данными:

Годы	Чугун (милл. пуд.)	Жел. и стальн. полупродукты (в милл. пуд.)	Готовое железо и сталь (м. п.)	Привезено из-за границы	Вывезено за границу	Видимое потребление страной чугуна милл. пуд.	Потребление на 1 жителя в пуд.
				Чугуна, жел., стали и машин в переводе на чугун (м. п.)			
1899 . . .	163,7	139,0	107,0	46,4	0,6	218,4	1,68
1900 . . .	177,2	166,0	134,1	29,6	0,7	206,0	1,56
1901 . . .	173,1	164,9	134,6	23,8	1,7	195,3	1,46
1902 . . .	156,8	155,6	122,2	20,0	4,2	172,6	1,26
1903 . . .	150,2	162,4	134,6	19,9	0,4	169,8	1,22

Таблица показывает, что производство чугуна с 1900 года вплоть до 1903 года продолжает неуклонно уменьшаться; производство железных и стальных полупродуктов также понизилось в 1901—1902 г.г., но в 1903 г. опять немного поднялось,

однако все еще ниже 1900 г.; готовые продукты сильно уменьшились лишь в 1902 г.; в остальные три года производство оставалось стационарным. Согласно данным „Постоянн. совещ. конторы железозаводч." наши заводы по выплавке чугуна были оборудованы сильнее их производства в 1902 г. на 67%, а по выделке стали и железа на 61%.

Рядом с сокращением внутреннего производства шло с 1900 г. неуклонное сокращение ввоза иностранных железных продуктов, вместе с тем возрастал до 1903 года и наш вывоз. Все это показывает сильное сокращение нашего внутреннего рынка; душевое потребление чугуна с 1,68 пуд. в 1899 г., все понижаясь, достигло в 1903 г.—1,22 пуд.

Каменноугольная промышленность, вступившая в фазу кризиса позже железной, обнаружила сходные с ней явления. Цены, которые, как мы уже отметили, возрастали и весь 1900 г., тем сильнее упали в следующем году. Так, рядовой уголь с 9—11 к. в 1900 г., неуклонно падая, дошел в 1902 г. до 6—7 к.; высшие сорта, антрацит донецкий и кокс, упали соотвественно. С 1896 по 1900 г. добыча угля возрастала в Европ. России в среднем ежегодно на 99 милл. пуд., в 1901 г. она возросла лишь на 5,8 милл. пуд.; в 1902 г. мы видим уже сокращение добычи на 11,5 милл. пудов. В то же время ввоз иностранного угля сократился с 240 милл. пудов в 1900 г. до 192,4 и 174,0 милл. пуд. в 1901 и 1902 годах, что показывает сокращение внутреннего рынка. Однако движение каменноугольного производства не может служить таким характерным показателем движения промышленного капитала, как производство чугуна; это мы увидим в другом месте.

Остановимся теперь подробнее на **нефтяной** промышленности, о которой мы лишь вкратце говорили в главе о подъеме. С этой отраслью тесно связан ряд других, кроме того она обнаруживает в ходе своего развития любопытные черты. От кризиса, который разразился в ней тоже значительно позже, чем в железной, пострадали прежде всего местные механические мастерские, чугунно-литейные, железоделательные и химические—добывающие серную кислоту и поташ—заводы, тесно связанные с добычей нефти, с керосиновым и масляным производствами. Пострадали, далее, лесопромышленники и судовладельцы, и вообще вся торговля Закавказья. Лидер биби-эйбатских арендаторов Хатисов писал в „Нефтяном Деле" от 7 ноября 1901 г.: „Общий кризис, широкой волной пронесшийся над русской промышленностью, захватил и Баку. Он разбил благосостояние очень многих и разрушил до основания торговые дома, он выбросил на улицу многие тысячи материалов и рабочих. Ежедневные банкротства, панический страх за завтрашний день делают теперешний Баку похожим на Баку 1892 года, холерного года, когда никто не мог отвечать за завтрашний день"... Посмотрим, что говорят цифры. Начиная с 1893 года, когда средняя годовая цена пуда нефти была 1,65 к., до конца 1900 года она беспрерывно возрастала и достигла 15,4 к. И это несмотря на то, что добыча нефти

также беспрерывно увеличивалась, поднявшись с 324 милл. в 1893 г. до 600 милл. пудов в 1900 г. Вплоть до конца 1896 г. всеми выгодами такого положения пользовалась небольшая кучка монополистов, в руках которых было 228 десятин частновладельческой нефтяной земли в эксплоатации, да арендаторы тех 322 дес., которые казна пустила в обращение еще в 70-х годах. С тех пор казна не трогала своих запасов; она изъяла за это время из надельного пользования крестьян 11 селений 5.572,5 десятины заведомо нефтеносной земли и закрыла для разведок нефти все свои земли на Апшеронском полуострове и земли крестьянских обществ, которым запрещена была сдача земель под разведки и эксплоатацию. Подъем цен на нефть, от которого казна страдала, как потребитель, а с другой стороны сильный спрос на нефтеносные земли, что давало возможность казне получить громадную ренту за свои земли, побуждает ее выпустить наконец в обращение часть своих запасов. И вот в четыре очереди (с 20 сентября 1896 г. по 15 ноября 1900 г.) ею было сдано в аренду сначала на старых, а затем и на новых участках 394 десятины 1221 саж., что составляет 40 проц. всей эксплоатационной площади. За 1896 — 1898 гг. в эксплоатацию пошло еще 80 дес. частновладельческой земли. Поднялась спекулятивная горячка при аренде этих земель и перекупке старых, учреждались новые компании; число их возросло за 1896—1901 гг. на 86 или почти вдвое, посредники наживали громадные барыши. Арендная плата росла неимоверно. Так, средняя попудная арендная плата на балаханские участки поднялась с 1,4 коп. в 1896 г. до 3,8 в 1900 г., на сабунчинские за это же время с 2,7 коп. до 5,2 коп. и на биби-эйбатские за 1899 — 1900 гг. с 5,9 до 8,2 коп. Если перевести на арендную плату с десятины, то окажется, что средняя минимальная плата с десятины в Балаханах возросла с 2099 руб. в 1896 г. до 5,2 тыс. руб. в 1900 г.; в Сабунчах за эти же годы с 11,3 тыс. до 17,5 тыс. руб. и на Биби-Эйбате в 1899 г.—18,9 тыс. руб., а в 1900 г.—24,2 тыс, руб., и это в то время, когда казенные земли, сданные в 70-х годах, оплачивались арендой в 100 руб. с десятины, и то только с 1896 г. (В. Истомин, „Нефт. Дело“, № 22, 1900 г.). Какой степени достиг ажиотаж, видно из того, что на последней очереди, когда цена на нефть уже сделала поворот на убыль, спустившись с 17,7 коп. в июле до 11,3—13 коп. в ноябре 1900 г., попудная арендная плата на сабунчинские участки достигла 11,1 и 12,8 коп., а на биби-эйбатские 11,3 и 12,6 коп. В течение 1900 года на одном Биби-Эйбате было заложено 124 скважины и пробурено 14,2 тыс. саж., т.-е. более того, что было пробурено в 1894 году на всех промыслах всего Бакинского района (12,8 тыс. с.). В 1896 г. было всего пробурено 28,1 тыс. с., в 1899 г. число это возросло до 81,8 тыс. саж. и в 1900 г. до 83,1 тыс. саж. Перепроизводство нефти, при общем застое в торговой жизни страны за последние три года, не замедлило сказаться. С 11,4 коп. в январе 1901 г. нефть, падая, дошла в январе 1902 г. до 4,6 коп.; это сразу же отразилось на производстве. В 1901 г. число пробуренных саженей упало до 75,6 тысяч; число бездействовавших скважин возросло за 1901 г. с 602 до 1103, после и еще более. Тем не менее добыча нефти возросла в 1901 г. до 674 мил. пуд., что, конечно, еще более понизило цены. Сильнее всех пострадали арендаторы последних двух очередей, попудная арендная плата которых стала вдвое, а то и почти втрое выше рыночной цены нефти; отсюда-то их ходатайство о замене попудной платы долевой. Против этих parvenus выступили с ходатайством нефтепромышленники-лендлорды, гербы которых в редких случаях насчитывают два-три десятка лет, и привилегированные арендаторы. Здесь не место входить в подробное рассмотрение этой интересной борьбы, вся суть которой, говоря словами контр-ходатайства, заключалось в том, что „сейчас (во время кризиса) для промышленника весь центр тяжести вопроса сводится к тому, чтобы не попасть в число предприятий, на которых сокращение добычи должно отразиться сильнее всего“... Этот документ является лучшей иллюстрацией справедливости замечания Маркса, что пока дела идут хорошо, конкурренция, уравнивающая общую норму прибыли, действует, как „практическое братство капиталистов“, так что они делят между собой общую прибыль соответственно величине вложенного каждым капитала. „Но лишь только дело идет уже не о дележке прибыли, а о дележе потерь, каждый из них старается всячески уменьшить свою долю и навязать ее на шею другому... Конкурренция превращается тогда в борьбу враждующих братьев. Противоречие интересов отдельного капиталиста и класса капиталистов проявляется тогда так же, как раньше проводилось практически посредством конкурренции тождество этих интересов“ („Das Kapital“. III Band I, Th. S. 235).

Если мы исследуем керосиновое производство, то окажется, что цена керосина (в вагонах) с 58 коп. в январе 1900 г. упала до 21 коп. в январе 1901 г. и 7,2 коп. в январе 1902 г. Весной этого последнего года, когда цена на нефть поднялась, а на керосин еще более упала, керосин расценивался ниже сырой нефти! Вывоз нефтяных продуктов находился в рассматриваемые годы в руках трех фирм. Нобель и Ротшильд вступили в соглашение с Standart Oil Co, результатом чего явилось сведение к минимуму разницы между ценами американского и русского керосина на Лондонском рынке, поднятие цены русского керосина там и сильное понижение ее на бакинском рынке. Если вычесть расходы по доставке и пр., то разница в ценах на наш керосин в Баку и Лондоне в 1901 г. доходила до 105,8%—прибыль, которая целиком шла в карман этих монополистов-экспортеров. В то время как остальные керосинозаводчики жаловались на перепроизводство и на низкие цены и видели все спасение в единении с этими экспортерами, у нас целые районы освещались еще лучиной. И причина этого не только в недостаточной организованности внутреннего рынка, в дороговизне перевозки, но и в высоком акцизе. Еще на съезде нефтепромышленников в 1900 г. комиссия пришла к единогла-

ному заключению, что „дороговизна для народных масс керосина является фактом, не подлежащим сомнению, и что в этом причина его слабого потребления". Комиссия „пришла к твердому убеждению о своевременности возбуждения ходатайства об уменьшении акциза в размере 40 коп. с пуда". Акциз с керосина равнялась 60 коп. с пуда, между тем цена керосина в Баку доходила тогда до 5 коп. По данным Главн. управ. неокладн. сборов потребление керосина на душу населения у нас в 1900 г. было 13 фун., между тем как в Германии в том же году оно составляло 43,9 фунта!

Из общего числа нефтепромышленных заводов в 1901 г. бездействовали круглый год 14 или 16%. Однако и в этом году, по примеру прошлых лет, несмотря на ухудшение в условиях заводской деятельности, наблюдалось рядом с уменьшением числа заводов улучшение и расширение производительности заводов. Явление это наблюдается повсюду во время кризисов; то же самое имело место у нас тогда и в других отраслях производства: в хлопчато-бумажной, железной и др. Это и понятно. Сильное падение цен во время кризиса и обостренная конкуренция заставляют отдельного капиталиста приложением новых машин, применением новых методов производства поднять индивидуальную ценность своего продукта над общей ценностью этого продукта. Это, конечно, более всего под силу крупным, экономически стойким, предприятиям, которые, совершенствуя свою технику, увеличивая производительность труда, удешевляют производство и выручают, таким образом, свою прибыль и при пониженных ценах. С другой стороны, имеет место следующее явление. Предприятия крепкие технически, но слабые экономически, вследствие того, что их „учредительство" во время подъема промышленности обошлось втридорога, перейдя теперь за полцены в новые руки, становятся прочными и экономически. При прежней или даже пониженной выручке они могут теперь давать нормальную прибыль. Этого к сожалению, не знают и некоторые наши экономисты-марксисты, в чем мы убедимся при обзоре промышленности за последующий период.

6.

В капиталистическом хозяйстве все отрасли производства тесно переплетены между собой. Повсеместное сокращение и даже прекращение построек отозвалось на производстве кирпича, труб, обработке дерева и проч. За 1895—1900 г.г. во многих промышленных и торговых городах Зап. Европы, и не только крупных, но и мелких, выросли целые кварталы. В Пруссии, Саксонии, Баварии, Австрии, Швейцарии, да и во Франции шла в это время лихорадочная постройка новых домов. В Германии бросались в глаза вновь построенные грандиозные вокзалы. Летом 1901 г. мне пришлось, после шестилетней отлучки, побывать на нашем Юге. Заводские трубы поднимались теперь там,

где раньше были лишь голые пески; появились буквально новые улицы, масса новых зданий, повсюду конки, трамваи, электрическое освещение, порядочные мостовые. И это не только в крупных городах как Ростов, Екатеринослав, но и таких, как Николаев, Елисаветград, Керчь и проч. Но вместе с тем поражал пониженный темп жизни. Выстроенные дома наполовину пустовали; цены на квартиры, которые еще недавно росли чуть ли не по дням, упали наполовину, а с ними и цены домов. Коммерсанты, хлебные маклера, накопившие большие суммы „капитализацией земледельческих доходов", набросились, как нам рассказывали, на строительное дело и разорились. Большинство новых домов заложено и перезаложено в различных земельных банках, которые широкой рукой ссужали строителей деньгами и потом пожинали плоды своей деятельности. Заводская деятельность не оправдала возложенных на нее надежд.

Ряд неурожаев за 1897—1901 г.г., особенно в южных губерниях, работающих на мировой рынок, сократили здесь вывоз. Черноморские и азовские порты страдали не только от конкуренции Америки, но и от того, что морской тариф в 1900 году значительно поднялся, так как много судов было зафрахтовано для китайской войны. Все это делало положение дел на юге еще тяжелее. Но не менее пострадали от этих неурожаев и остальные районы империи. Покупательная способность нашего крестьянства, 58,7% которого в 90-х годах и в нормальное время недоедало, естественно должна была от этого понизиться. Согласно отчета Государств. контроля крестьянские недоимки возросли в 1901 году до 122,5% оклада сравнительно с 1892 г., когда они составляли 68,6%, т.-е. за 9 лет они возросли на 78,5%. „Едва ли будет преувеличением", — писал министр финансов в росписи на 1902 г. — „если оценить общую недовыручку населения, вследствие плохих сборов хлебов за последние пять лет, в миллиард рублей".

Все это не могло не отразиться в конце-концов на производствах продуктов личного потребления [1]) и прежде всего на хлопчато-бумажном, рассчитанном на массового потребителя. Мы видели выше, как развивалась у нас в 1890—1900 г.г. хлопчатобумажная индустрия. Следует однако указать, что во второй половине 90-х годов обработка хлопка шла у нас медленнее, чем развивалась техника этого производства. Расширение старых фабрик и устройство новых стояли, по словам фабрикантов, также в связи с законом 2 июля 1897 г. о нормировке рабочего дня, давшим толчок к улучшению производства. „Уве-

[1]) Очень характерно для нашего кризиса сокращение потребления пива, которое является у нас предметом роскоши, а эти предметы, как известно, при кризисах страдают в первую голову. Так, с 48,1 милл. ведер в 1900 г. вываркa сократилась до 47,7, 46,7, 46,4 милл. ведер в следующие три года, между тем как раньше (исключая 1898 г.) она значительно возрастала. Вместе с тем понизился ввоз заграничного пива. Подробнее о производствах, облагаемых акцизом, — спичечном, сахарном, табачном и др. — мы будем говорить в другом отделе, где рассмотрим их положение за 1900—1916 г.г.

личение технических средств сопровождалось сначала некоторым увеличением предложения",—читаем мы в докладной записке петербургских фабрикантов министру финансов от 18 января 1902 г.,—„однако, в последнее время, под угнетающим влиянием низкого уровня покупной силы населения, оно вновь остановилось и на целом ряде фабрик сократилось на одну треть". Перепроизводство в этой отрасли обнаружилось уже с осени 1899 г. Сведения о сильнейшем застое в ткацкой промышленности получались из Лодзи и северо-промышленного района всю зиму 1899—1900 г.г.; в тяжелом состоянии очутился и Прибалтийский край, где кризис в 1900 г. охватил не только хлопчатобумажное, но и джутовое и льняное производства. Такие же сведения получались в это время и из Иваново-Вознесенска и вообще Московского района. „Всегда наиболее оживленная отрасль московской мануфактурной промышленности и торговли, хлопчатобумажная, находится в небывалом застое" — писали в мае 1902 г. „Биржевые Ведомости". „Начиная с хлопка и кончая готовыми изделиями: бумажной пряжей, миткалями, ситцами и другими товарами, ни по отношению одного из перечисленных предметов не приходится отметить сколько-нибудь благоприятных условий... Производство заметно сокращено. Спрос для провинции самый ничтожный". Из Харькова в это же время писали в „Новое Время": „Отражением переживаемой денежной и торговой заминки являются оглашенные уже и ожидаемые еще банкротства крупных мануфактуристов и суконщиков, ведущих розничную и оптовую торговлю" и т. д. Тяжелое положение хлопчатобумажной индустрии обострялось тем, что цены на ее фабрикаты падали в то время, когда цены на хлопок, вследствие неурожаев в Америке и у нас, а также спекуляции американского хлопкового треста, повышались с 1899 г. У нас положение обострялось и существующими высокими пошлинами на хлопок. „Русская хлопчатобумажная промышленность представляет собой единственный пример во всем свете, так как она пользуется таможенной защитой даже по отношению к сырому материалу" — писал в свое время Шульце-Геверниц. И он был совершенно прав, заявляя, что в том виде, в каком покровительственные пошлины вообще применяются в России, „они скорее вредят делу, чем содействуют". В начале 900-х г.г. и хлопчатобумажные фабриканты в целом ряде докладных записок в Мин. Финансов писали, что „понижение пошлин на хлопок является неотложно-необходимым условием" дальнейшего развития этой индустрии [1]). „Совершенно бесспорно",

[1]) „О затруднительном положении хлопчатобумажной промышленности, о пошлине на хлопок и жел.-дор. тарифе", изд. С.-Пет. Общ. содействия разв. фабр.-завод. пр., апрель 1903 г., стр. 34—49. „О критич. положении хлопч.-бум. промышл." etc., там же, стр. 49—55. До 1894 г. пошлина на хлопок составляла 1 р. 40 к. золот. или 2 р. 40 к. кред., в этом году она была поднята до 3 р. 15 к., что составляло 68% стоимости самого хлопка. В 1900 г. она была поднята до 4 р. 15 к. И это в то время, когда цена хлопка за границей возрастала. Цена его у нас с 8 р. 46 к. за пуд в 1899 г. достигла 11 р. 64 к. в 1901 г., а весной 1903 года 13 р., между тем цена на миткаль с 22 р. 1899 г.

читаем мы в одной записке, „что высокая пошлина на хлопок сохраняется ныне в тарифе не ради поощрения хлопководства, а исключительно в интересах фискальных". На такой характер наших пошлин, как известно, указывал в свое время и Энгельс.

7.

Если мы обратимся к рассмотрению общего состояния нашего товарного обмена, то увидим, что развитие внутреннего рынка подверглось в 1900—1902 г.г. сильному сокращению. Большинство главнейших ярмарок — Нижегородская, Контрактовая, Ирбитская — проходили неудовлетворительно, а то и совсем плохо. Цены главнейших фабрикатов подверглись, как мы видели, понижению. Товарные перевозки по внутренним водным путям, возросшие за 1893—1899 г.г. с 1,2 до 1,9 миллиарда пуд. или на 60%, а за 1897—1899 г.г. в среднем на 92 милл. пуд. в год, в 1900 г. возросли лишь на 45, в 1901 г. на 27 милл. пуд., а в 1902 г. сократились на 84 милл. пуд [1]). „Самостоятельные" перевозки грузов по железным дорогам возросли за 1893—1899 г.г. с 2,5 до 3,8 миллиардов пуд. или на 52%, в среднем за 1897—1899 г.г. они возростали на 381 милл. пуд. ежегодно, в 1900 г. на 193 милл. пуд., в 1901 г. на 16 и в 1902 г. на 33 милл. пуд. И это несмотря на значительное увеличение за эти годы протяжения действующей железнодорожной сети. Увеличение перевозок в 1902 г. объясняется лишь увеличенной перевозкой хлеба, перевозка же других продуктов — железных, нефтяных и пр. — сократилась; угля же в общем не изменилась. Что касается нашей внешней торговли, о движении которой за 1893—1916 г.г. мы будем говорить в специальной

упала до 20 в 1901 и 21 в 1903 г., что, по уверениям фабрикантов, не оплачивало издержек производства. „15 петербургск. акционерных компаний, получившие в совокупности в 1899 г.—2,2 милл. прибыли, в 1900 получили 1,3 милл. в 1901 г.—388 тыс. руб., а в 1902 г. закончили почти все свой год с убытком". Но фабриканты умеют и вознаградить себя за такую покровительственную политику. При вывозе тканей за границу пошлина на хлопок, как известно, возвращается. И вот вместо хлопка идет камень, старые мешки, тряпки и т. п. дрянь, за которую получаются из государств. казначейства деньги. „Общий подсчет этих операций таков, что возврат пошлины превосходит стоимость затраченных в дело материалов". См. статью Реджена: „Премия за фальсификацию" („Новое Время", 1903 г. № 9757). Каковы были вообще дивиденды, получавшиеся группой акцион. предприятий по обработке волокнистых веществ, видно из следующего: За операционный 1900—1901 г. из общего числа 240 предпр. (из них 108 хлопчатобумажных), три находились в администрации, 6 строились, 13 не опубликовали еще своих отчетов. Из остальных 218 предпр. 34 понесли убытки в сумме 3,7 милл. р., одно окончило ничем операционный год и 183 получили 48 милл. прибыли. Если из последней исключить понесенный убыток и отчисления, пронавед. некоторыми предприятиями, на покрытие убытков прежних лет в размере 522 тыс. р., то остаток в 44,3 милл. р. составил более чем 11% на основной капитал всех 240 предприятий этой группы. А между тем отчетный год отнюдь нельзя назвать благоприятным в торговом отношении" („Вестн. Фин." № 8. 1902 г.)

[1]) Перевезено по внутр. водным путям: в 1899 г.—1,88, 1900—2,03, 1901—2,06 и в 1902 г.—1,97 миллиардов пуд.

главе, то и она показывает критическое состояние нашего внутреннего рынка в 1900—1902 г.г.

Годы	Привоз	Вывоз	Привоз	Вывоз	Привоз	Вывоз
	Всех товаров		Сырых и полуобработанных прод.		Изделий	
	В миллионах руб.					
1899 . .	650.5	627.0	314.1	252.9	224.3	28.9
1900 . . .	626.4	716.4	320.8	272.3	189.9	32.6
1901 . . .	593.4	761.6	304.5	259.5	166.5	39.1
1902 . . .	599.1	860.3	312.6	261.9	160.7	37.8

Из таблицы видно сокращение ввоза всех товаров, и особенно изделий, ввоз которых падал неуклонно. В то же время возрастал вывоз наших изделий и полуобработ. продуктов, между тем как вывоз сырья и полуфабрикатов с 1895 до 1899 г. неуклонно падал. Это доказывает значительное сужение внутреннего рынка в 1900 и 1902 г.г. Увеличение же вывоза всех товаров, несмотря на неурожаи (1900 и 1901 г.г.), объясняется нашим стремлением во что бы то ни стало возможно больше вывозить для достижения благоприятного расчетного баланса, и никоим образом не может служить показателем увеличивающегося благосостояния страны.

8.

Кризис в промышленности отразился в первую голову на положении рабочих. Это положение было тяжелое и в период подъема, вследствие кризиса оно стало еще тяжелее. Мы не будем здесь подробно останавливаться на положении рабочих в 90-х годах. Отметим лишь, что заработная плата была очень низка и, насколько можно судить по имеющимся скудным данным, номинальная плата за период 1893—1899 г.г. поднялась незначительно по сравнению с 80-ми годами. При этом следует помнить, что цены на необходимые продукты поднялись в 90-х годах [1]). Рабочий день продолжал быть длинным. К началу

[1]) Баку в то время считался в широкой публике Эльдорадо для рабочих. Однако стоило только познакомиться с докладом Старцева в Технической нефтяной комиссии, в котором на основании переписи свыше 18 тыс. рабочих была дана характеристика положения рабочих в Баку в 90-х годах, чтобы убедиться, что в общем оно было тогда не лучше, если не хуже, чем в Московском районе („Нефт. Дело" №№ 5 и 6. 1900 г.). В той же комиссии был сделан доклад д-ром Канцелем, заведующим хирург. отдел. больницы съезда нефтепромышленников. Число получивших повреждения при работе на промыслах в 1900 г. составляло 13% всего рабочего населения, т.-е. из 7—8 человек в течение года один должен роковым образом получить повреждение, и эти данные по его словам, ниже действительных. („Нефт. Дело" № 5. 1900 г. № 4, 1902 г.)

нынешнего столетия средняя продолжительность рабочего дня равнялась у нас 12 часам, в то время как в Великобритании 9, во Франции, Германии и Швейцарии $10^1/_2$. Рабочий день петербургских рабочих по металлу, сравнительно лучше обставленных, колебался в 1894—95 г.г. от $10^1/_2$ до 12 часов. Закон 2 июня 1897 г., указывает фабричный инспектор Микулин, не оказал никакого влияния на положение этих наиболее развитых рабочих. В 1902 году средний рабочий день петербургского металлиста все еще был 10 ч. 55 м. Закон 1897 г. улучшил немного положение текстильщиков, у которых чистая работа до этого продолжалась $12^1/_2$—14 часов. („Материалы об экономич. положении потербургских рабочих по металлу", СПБ. изд. 1909 г.). Каков был пролетарский жилищный вопрос у нас, показало статистическое обследование коечно-каморочных квартир в Москве, произведенное Моск. гор. управой в начале 1899 г. Ужасающие данные этой переписи, зарегистрировавшей 164.622 жит. — преимущественно фабр.-зав. рабочих, низших жел.-дор. служащих, чернорабочих — можно найти в статье: „Жилища беднейшего населения Москвы", И. Вернера („Изв. Моск. Гор. Думы", октябрь, 1902 г.). Еще более ужасно было состояние промысловых жилищ в Баку, как это показала комиссия нефтепромышленника Беккендорфа, избранная в 1899 г. Результаты такой домашней обстановки и не менее тяжелой обстановки на фабриках и заводах и различных промыслах, вследствие слабости нашего рабочего законодательства: сильнейшая смертность, эпидемические заболевания и вырождение. „Высокая степень смертности фабричных рабочих не представляет чего-либо нового" — писал Е. Дементьев в 1902 г. — „Десять лет тому назад нам пришлось показать на возрастном составе фабричных рабочих, что после сорокалетнего возраста рабочие исчезают с фабрик („Фабрика, что она дает населению" etc). Рабочие уходят с фабрик, лишенные возможности продолжать работу и, как заставляли нас предполагать все сведения о них, которыми мы располагали, уходят домой, одержимые хроническими недугами, доканчивать свои недолгие дни. Мы указали и на причины этого явления, на все антисанитарные условия работы и жизни фабричных рабочих. Теперь статистика движения населения фабричных местностей, чрезвычайно высокая степень смертности, доходящая поистине до колоссальных цифр, и поразительно малая средняя продолжительность жизни каждого вновь родившегося, т.-е. показатели понижения долговечности фабричного населения, дают им прочное подтверждение. Но она дает нам еще и другое: чрезвычайно высокую смертность детей — результат современного положения нашей фабричной работницы, условий ее труда и жизни". („Женский фабричный труд в России". Е. Дементьева. „Промышленность и здоровье". 1902 г. кн. III).

Вспыхнувший общий кризис прибавил ко всему этому прелести жестокой безработицы. Так, в железной промышленности число рабочих на доменных заводах южного района

составляло в 1899 г. — 45.416 человек, с этого времени оно сокращалось и в 1902 г. упало до 35.710, на передельных в 1900 г. — 8.726, в 1902 г. — 7.502 рабочих. В каменноугольной промышленности Донецкого бассейна число рабочих с 67.526 в 1900 г. сократилось до 58.596 в 1902 г. В то время как в 1898 г. южные горнозаводчики назначали специальные комиссии в целях изыскания средств для обеспечения себя рабочими (см. Доклад XXIII съезду), и тогда советовался наем рабочих в центральной России и доставка их на юг, — теперь отыскивались средства, чтобы избавиться от „опасного" избытка рабочих сил. В корреспонденции кн. М. Шаховского („Новое Время" от 5 мая 1902 г.) мы, между прочим, читаем: „Три года я не был в Донецком бассейне—и столько здесь перемен! Какой печальный вид имеет центр недавнего ажиотажа угольной и металлургической промышленности. Кризис затягивается и грозит стать хроническим. Все толки о том, что будто бы расчет рабочих прекращен, несправедливы. Не только рассчитывают тульских, смоленских и всяких иных весей работников, но даже сокращают штат в конторах и в администрации вообще... Но это видимое оскудение, этот промышленный застой не перестает наполнять рабочие поезда целыми массами крестьян, ежедневно двигающихся и рассыпающихся по окрестным трактам и заводам в поисках за работой". Летом 1901 г. из одного только Екатеринослава были высланы на родину свыше 10.000 человек. Те же явления увольнения рабочих массами, отсылки их на родину, чтобы не дать разгореться этому горючему материалу, наблюдались и в нефтяной промышленности.

Так, „Нефтяное Дело" еще в начале 1899 года жаловалось, что „бакинская нефтяная промышленность, в смысле обеспечения деятельности и дальнейшего развития рабочими, находится едва ли не в худшем положении, чем горная промышленность юга России" (№ 3), а весной 1902 года бакинская газета „Каспий" извещала, что на средства Красного Креста с мая 1901 года до закрытия навигации из Баку были отправлены до 6 тыс. безработных, в течение $1^1/_2$ месяцев по закрытии по льготному тарифу 1.196, да весной безработных отправляли массами бесплатно на пихунах общества „Надежда". За последние 2 недели мая 1892 года выехало по дешевому тарифу на пароходах „Кавказ и Меркурий" 656 человек (№ от 31 мая 1902 г.). На бакинских промыслах в феврале — апреле 1902 года (кризис в нефтяной промышленности проявился позже, чем в других отраслях) работало 27,5 тыс. человек, что по сравнению с февралем — мартом 1901 года (33 тыс.) составляет уменьшение на 16,7%. Безработица свирепствовала не менее сильно и в других районах и отраслях: в хлопчатобумажной, керамической, химической и др. Уже с осени 1899 года газеты начали наполняться сведениями об остановке заводов и фабрик и увольнении рабочих тысячами. Такие сведения сообщались в течение 1900—1902 гг. с различных сторон: с юга, центрального, северо-западного,

прибалтийского, привислинского, приволжского и других районов [1]).

Как известно, во время кризисов — с сопровождающей их безработицей — повсюду наблюдается сокращение экономических стачек, имеющих целью улучшение материального состояния рабочих. То же замечается и у нас, что явствует из следующих данных предприятий, подчиненных фабричной инспекции.

Годы	Число захваченных стачками заведений		Число участвовавших в стачках рабочих	
	Абсолютное	В % к общему числу	Абсолютное	В % к общему числу
1899	189	0,99	57.498	3,83
1900	125	0,73	29.389	1,73
1901	164	0,96	32.218	1,89
1902	123	0,72	36.671	2,15

В главе о промышленном подъеме мы видели, как число забастовок и бастующих возрастало за 1895—99 годы; с 1900 г. происходит определенно выраженное обратное явление, и это до 1903 года, о чем в другом месте. В то же время у нас начинают проявляться массовые политические выступления, что опять-таки характерно для пролетарского движения во время кризисов в капиталистических странах.

Занимаясь выработкой мер для выхода из тяжелого кризиса 1900—1902 г.г., горнозаводчики и их инженеры в то время считались с „неустройством" рабочего вопроса у нас. Они чувствовали развивающуюся силу рабочего движения и понимали, что без „известного" удовлетворения выдвигаемых самой жизнью требований рабочих нашей промышленности не выйти на широкую дорогу. Они понимали, что только с помощью рабочих наша буржуазия может добиться свержения абсолютизма, без

[1]) В статье „Совр. мировой промышл. кризис" („Научн. Обозр." 1902 г.) мы привели ряд таких корреспонденций из различных мест: Ревеля, Риги, Варшавы, Вильны, Саратов. губ., Петербурга, Баку и др. городов, а также из Финляндии, где безработица сильно давала себя чувствовать. В той же статье нами был приведен данные о безработице того времени в Зап. Европе. Точно так же и Туган-Барановский еще раньше привел массу корреспонденций из различных углов России о безработице в 1899 и 1900 гг. в статье „Соврем. промышл. кризис" („Мир Божий", ноябрь 1900 г.). Ряд газетных сообщений о безработице были приведены и Мякотиным в „Русск. Богат." (апрель 1902 г.). Позже безработицы 1899—1902 г. коснулся и Л. Клейнборт („Совр. Мир" № 2, 1909 г.) который напрасно считает себя пионером в этой области.

чего немыслимы у нас никакие хозяйственные реформы, которые бы действительно могли поднять наш внутренний рынок. После 1905 года инженеры, как мы увидим в другом месте, рассуждали уже иначе. Интересно, поэтому, привести доклад научно-технической комиссии Общества горных инженеров, представленный в 1903 году Съезду для выработки мероприятий к возможно широкому распространению железа в России. „Коллективная группировка промышленных рабочих, писали тогда инженеры, является прямым следствием условий их труда и никакими внешними усилиями не может быть устранена. Неустройство рабочего вопроса в русской промышленности вообще, и в железной в частности, выдвинулось особенно резко в период переживаемого ныне промышленного кризиса. С особенной рельефностью несовершенство постановки рабочего вопроса чувствуется на Урале, пользующемся коренным горнозаводским населением. Горные инженеры прекрасно сознают, что в настоящее время... рабочий вопрос является насущнейшим, неотложнейшим вопросом, определяющим всю будущность этой промышленности... Необходим подъем культурного уровня рабочих железной промышленности путем развития профессионального и общего образования. Необходимо создание условий, обеспечивающих лучшую обстановку жизни рабочих железной промышленности, и в том числе и создание страхования рабочих и рабочих организаций взаимопомощи... Необходима выработка таких правовых норм, которые обеспечивали бы более правильное взаимоотношение между предпринимателями и рабочими, и при которых рабочие группы могли бы отстаивать свои интересы, как коллективные единицы, объединенные общностью работы и жизненных условий". („О рабочих в железной промышленности" 1903 г., стр. 4—5; 15—16). Настоятельность этих мер с точки зрения самой промышленности являлась очевидной. Рабочие — это важнейший фактор производства. Западноевропейская теория и практика одинаково доказывали, что на международном рынке перевес может остаться лишь за странами с развитым интеллектуально промышленным рабочим классом. Шульце-Геверниц и Каутский — люди различных лагерей — одинаково указывали, что причина слабости нашей индустрии заключалась и в слабой производительности русского рабочего, что в свою очередь являлось продуктом нашей общественной обстановки.

Приведенные нами данные о ходе движения нашего денежного рынка, биржи и кредита за 1899—1902 г.г., затем о положении производства в главнейших отраслях индустрии, далее обзор нашего товарного обмена за эти годы и, наконец, данные о безработице показали нам, как денежный кризис, разразившийся во второй половине 1899 года, перешел затем в торгово-промышленный, который охватил постепенно все сферы нашего капиталистического хозяйства и продолжался до середины 1903 г.,

когда, как мы увидим далее, он сменился кратковременным периодом покоя. Если М. Балабанов (сборник „Обществ. движение в Росси", I т.) и не прав, что наш кризис в 1902 году принял „наиболее тяжелую форму" — в этом году фаза „краха" уже прошла, денежный рынок несколько улучшился, в некоторых отраслях промышленности положение, правда, обострилось, за то в других, особенно во второй половине года, угнетение несколько ослабело, — то он во всяком случае больше прав, чем те (В. Мукосеев и др.), которые считают, что кризис в 1902 году уже прошел. Когда наш кризис разразился, то оффициальные и неоффициальные экономисты (Брандт, Туган-Барановский и др.) старались доказать тождество его черт с таковыми западно-европейского кризиса 1900—1901 г.г. Несомненно, что экономические законы, действующие в России, одинаковы с таковыми в других странах, но это постольку, поскольку условия производства и обмена там и здесь одинаковы. При существующем в настоящее время теснейшем международном обмене, нельзя, конечно, рассматривать хозяйственную жизнь данной страны вне влияния международного рынка. При всем том не подлежит сомнению, что наш кризис 1900—1902 г.г. имел и свою собственную страницу истории. Некоторые считали эту страницу настолько „самобытной", что вот, напр., проф. Мигулин решился даже утверждать, что „на Западе не было и нет ничего подобного нашему кризису"! Если это и неверно, то уже один факт, что у нас, в слабо капиталистической стране, кризис проявился в наиболее резкой форме (период „краха" у нас проявился несколько раз) и продолжался значительно дольше, чем в Западной Европе (он начался раньше и кончился гораздо позже), уже это должно было натолкнуть на мысль, что в России действовали и особые исторические и экономические условия. Мы в этом в дальнейшем и убедимся. Предварительно мы дадим общий очерк нашей мелкой промышленности — городской и сельской — и отхожих промыслов за весь рассматриваемый нами в этой книге период.

ОТДЕЛ V.

Мелкая промышленность и отхожие промыслы.

(1890—1917 гг.)

А. Кустарная промышленность.

I.

Мелкая промышленность пользуется у нас, как известно, широким распространением. Вследствие целого ряда исторических и естественных условий — слабости развития городов, краткости земледельческого рабочего периода, малоземелья и пр. — эта промышленность получила у нас особое развитие в деревне.

Являясь, под названием „кустарной" промышленности, по преимуществу наследием нашего дореформенного хозяйства, она продолжала увеличиваться и в пореформенную эпоху рядом с развитием мелких промышленных предприятий в городе...

Насколько она была до войны распространена, видно из того, что численность кустарей в стране определялась тогда некоторыми исследователями в 10 миллионов [1]).

[1]) О численности кустарей у нас существуют самые разноречивые данные. Одни определяли ее до войны в 10—12 милл. (например П. Маслов), другие: „Сельско-Хозяйственная Комиссия 1901 г." насчитала в 50 губ. Европейской России 4,6 милл. Проф. А. Рыбников, на основании данных по 40 губ. Европейской России, о которых имеются обследования на протяжении 1883—1913 г.г., из них для 27 губерний за последнее десятилетие до войны, определил число сельских мелких промышленников в этих губ. в 2,05 милл., в 4 сибирских областях в 125 тыс., да в Литве, Прибалтийском крае и в Польше в 351 тысячу („Мелкая промышленность в России". Москва, изд. 1923 г.; его же: „Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства", изд. 1922 г.). Он при этом оговаривается, что не считает эту цифру достоверной. В виду явной устарелости многих данных и неполноты их, никоим образом нельзя считать цифру проф. Рыбникова преувеличенной. Однако, проф. Гриневецкий был другого мнения на этот счет. На основании таблицы Г. П. Петрова („Промысловая кооперация и кустарь" с предисловием Н. А. Каблукова. Москва 1917 г.), — у нас о ней будет речь далее, — насчитавшего в 33 губ. (по Гриневецкому в 28 губ.) около 600 тысяч жизнеспособных кустарей, проф. Гриневецкий определил число кустарей на всю Россию в $^3/_4$ милл., а производство их в 200 милл. („Послевоенные перспективы русской промышленности". Москва, II издание 1922 г.). Проф. Гриневецкий так же недосолил, как в свое время гр. Слобожанин пересолил, хватив цифру 15 милл. кустарей с производством в два миллиарда рублей.

Кустарное производство распространено у нас в различных отраслях нашей обрабатывающей промышленности и в различных районах, хотя и неравномерно. Особенно распространены: деревообрабатывающие промыслы — в трех только губ.: Московской, Нижегородской и Вятской, насчитывали 109 тысяч кустарей-дереводелов; льно-ткацкая кустарная промышленность перерабатывала почти $^2/_3$ количества льна, обрабатываемого в стране; развит скорняжный промысел: в производстве одних только полушубков и овчин участвовало в 33 губ. 40000 кустарей, и сумма их производства достигала 20 милл. руб. Данные о мелком кожевенном промысле показывают, что в 44 губ. насчитывалось не менее 106 тыс. кустарей со стоимостью производства не менее 38 милл. руб. [1]). Распространены, далее, гончарный, металлобрабатывающие и др. промыслы. Развивалось за последнее время до войны и кустарное производство сельско-хозяйственных машин (в 24 губ.).

Следует отметить, что под термином „кустарная" промышленность в нашей литературе понимают различные формы мелкой деревенской промышленности. „Кустарями" называют одинаково и ремесленников, и мелких предпринимателей с несколькими рабочими, и наемных рабочих, работающих на дому от промышленного капитала и пр. И в этом отношении царит у нас большая путаница. Под кустарной промышленностью следует, по нашему мнению, понимать мелкое деревенское промышленное производство, рассчитанное на рынок — все равно, местный или мировой, и совершается ли продажа товара прямо потребителю, или через посредство мелкого или крупного торгового капитала. Отличие его от ремесла, тоже значительно распространенного у нас в деревне, особенно на юге, и развивающегося вместе с дифференциацией крестьянства и разложением старого крестьянского хозяйства, состоит в том, что ремесленник работает непосредственно на определенного потребителя, на заказчика. Однако резкой грани между деревенским ремесленником и кустарем провести нельзя. Переход ремесленника в кустаря явление обыкновенное. Чистая, свободная форма кустарной промышленности, при которой производство ведется самостоятельно силами одной лишь крестьянской семьи и связь с земледелием не порвана, такая форма постепенно исчезала. Вместе с развитием денежного хозяйства, вместе с отделением подсобных промыслов от земледелия, вместе с развитием у нас промышленного капитала, эта форма заменялась все больше и больше зависимой кустарной промышленностью. Связь с землей у кустаря все порывалась; земледелие сначала из коренного промысла превращается в подсобное к кустарной промышленности, а затем и вовсе отделяется. Кустарная промышленность становится зависимой все более от

[1]) „Труды съезда деятелей по кустарной промышленности в СПБ. 1910 г.". Часть II: „Кустарная промышленность, ее нужды etc. по материалам Главн. Упр. З. и З.".

торгового и, далее, промышленного капитала. Она превращается в так наз. „домашнюю“ форму капиталистической промышленности, которая в своем дальнейшем развитии становится фабрично-заводской. Развитие промышленного капитализма, разрушая и изменяя нашу кустарную промышленность, рядом с этим вызывала ее к жизни в ряде отраслей, и преимущественно в виде „домашней“ формы капиталистической промышленности...[1]).

В своем анализе движения сельской кустарной промышленности А. Рыбников указывает на влияние рынков сбыта, и тем самым на роль города, в развитии сельской мелкой промышленности и, далее, на роль спроса в эволюции кустарной промышленности и ее распределении в стране. „Переход к переработке полуфабрикатов мы считаем одним из крупнейших явлений в жизни промыслов. С этого момента собственно и начинается специализация, промысел отрывается от земледелия и принимает чисто денежный характер... Мелкий производитель неизбежно подпадает под руководящее начало скупщика, через которого он начинает снабжаться досками, пряжей и кожей. Зависимость эта тем более усиливается, чем быстрее дорожает сырье и полуфабрикаты. А последнее значение было довольно общим перед войной“.

По этому поводу заметим, что влияние полуфабриката является здесь следствием развития машинного производства, капитали-

[1]) Как известно и на Западе развитие мануфактуры вызвало появление ряда новых „домашних“ (кустарных) промыслов (Маркс).

В работе Е. А. Олениной: „Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губ.“, изд. 1914 г., дается обстоятельная характеристика этой отрасли мелкой промышленности, быстро возраставшей у нас под влиянием капиталистической промышленности. Ею были собраны в самой Москве сведения о 129 предприятиях с 3700 рабочими, из них 88 с 1035 рабочими относились к домашней промышленности; на конфекцион, т.-е. массовое изготовление готового платья на рынок, приходилось 19 с 1768 и на заказ 22 предприятия и 905 рабочих. Конфекцион у нас продукт последнего времени. И в других странах производство готового платья дело преимущественно мелких предприятий в форме домашней промышленности.

В 16 селениях Московской и Рязанской губ., обследованных Олениной в 1910 и 1911 г., портновским промыслом занимались 640 изб, в которых числилось 3952 человека. Все эти портные были домашними рабочими конфекционных предприятий. „Портновский промысел составляет главное занятие крестьян обследованных мною деревень и сел“, подчеркивает Оленина. В этих деревнях преобладают малоземельные, безземельные и безлошадные... Ее выводы насчет Московского района тем интереснее, что Москва была главным пунктом оптовой торговли готовым платьем на всю Россию и Сибирь: с 1899 г. по 1909 г. из нее было вывезено по жел. дорогам около 6,2 милл. пуд. предметов одежды, среди них преобладала готовая одежда. Оленина пришла к выводу, что в Московском районе развивался быстро конфекцион с преобладанием домашней формы капиталистической промышленности, которая создает здесь „категорию рабочих чрезмерно работающих, плохо оплачиваемых и живущих нередко в ужасных санитарных и гигиенических условиях“. Портные крестьяне, „находясь в сильной зависимости от контор, и в хорошие годы не в состоянии отстаивать свои интересы, так как среди них царит постоянная конкуренция; в годы же кризиса голод принуждает портных работать за бесценок, за „голодную плату“ в деревне, или наводнять города с предложением своих дешевых рук“ (321—322 стр.).

стического. Техника кустаря вообще мало прогрессирует. Так, М. Савельев[1]) показывает, что в Павловском районе фабричное производство за последние тридцать лет до войны все развивалось, между тем как кустари продолжали работать при тех же орудиях и в той же домашней обстановке. Сырье занимает значительную часть ценности их продукции от $^1/_4$ до $^4/_5$; орудия—ничтожную. Что касается цен на сырье, то верно, что за десятилетие перед войной они в общем повышались, но не без сильных колебаний, и это в связи со сменами фаз движения крупной промышленности. Так, во время кризиса в 1902 г. цены на железо и сталь, потребляемые кустарями, упали; застой после русско-японской войны снова понизил их; оживление после 1909 г. снова подняло. Далее, развитие синдикатского движения в крупной промышленности со своим поднятием цен отразилось на кусторях. На такую роль „Продамета“ в отраслях обрабатывающих железо и сталь и обращает внимание М. Савельев.

Совершенно ясна также связь кустарной промышленности с рынками сбыта. Крупными центрами являлись Москва и Нижний. На Нижегородской ярмарке было продано за 1909—1911 г.г. кустарных изделий на 30 милл. руб. Города по Днепру: Киев, Кременчуг и др., как и по Волге: Самара, Саратов и Царицын являются также значительными посредниками по сбыту кустарных изделий. Центрами оборотов с Сибирью, кроме Ирбитской ярмарки, являются Екатеринбург, Пермь. На севере большое значение имели Петроград, Вятка, Кинешма, Кострома, Ярославль, Вологда, а для экспорта Архангельск. „Последние центры вместе с Москвой и Нижним и такими пунктами, как Кимры, Кузнецк, Павлово и др., были богатейшими организаторами важнейших кустарных районов народно-хозяйственного значения. В них жили скупщики-торговцы, в них часто были фабрики и заводы, вырабатывавшие простые и специализированные полуфабрикаты, сюда кустарь ехал или шел за материалом и здесь же на базаре в магазины или склады продавал свои изделия“. (А. Рыбников. Мелкая промышленность etc, 29 стр.).

Само собой понятно, что связь кустарной промышленности с рынком сбыта должна была сказаться и на изменении положения кустарей в зависимости от состояния рынка; последнее же менялось вместе со сменами фаз подъема и депрессии крупной промышленности, что усиливалось или ослаблялось у нас и состоянием урожаев. Данные довоенного времени и показывают, что в периоды кризисов крупной индустрии сильно страдала кустарная промышленность в ее „домашней форме“. Кустарь лишался заказов раздатчиков, фабрикантов и заводчиков. В такие периоды замечался переход к чистой форме кустарной промышленности: кустарь удерживался на поверхности ценой понижения своего заработка до пределов возможного.

[1]) Металлическое производство Нижегородской губ., изд. Куст. Отд. Нижег. губ. 1916 г.

Г. П. Петров в большой таблице определяет число жизнеспособных кустарей до войны, работавших, главным образом, на рынок и скупщика, в 33 губ.—в 11,0682 заведений с 578,899 лицами, и это в пяти группах отраслей (растительная обнимает у него промыслы, начиная с обработки дерева и кончая выработкой кружев). Данные у него безусловно не полны: так, плетением и вязаньем кружев у него заняты 44,3 тысячи лиц, по данным же Глав. Упр. Неоклад. Сборов число одних кружевниц в 1912 г. было 98,7 тыс. с заработком в 3,3 милл. руб., и это в 12 губерниях (в 1880 г. — 32,5 тыс. и 1,6 милл. руб.). Нет в этой таблице данных и об обработке льна и хлопчатобумажном ткачестве; он приводит лишь данные по обработке шерсти. Известно, что кустарный ткацкий промысел перед войной падал, вследствие повышения цен на сырье и конкурренции крупной промышленности. Так, на Нижегородской ярмарке оборот крестьянского льняного холста составлял в 1907 г. 8 милл. аршин на $^1/_2$ милл. руб.; в 1912 г.—5,1 милл. арш. и 330 тыс. руб.; пеньковые изделия сократились за это время с 130 тыс. пуд. в $^1/_2$ милл. руб. до 50 тыс. пуд. в 250 тыс. руб. В первую декаду нынешнего столетия приблизительно 10 тыс. кустарей прекратили выделку льняных мешков из-за вздорожания сырья и конкурренции джутовых мешков. Однако, игнорировать существование ткацких промыслов и считаться только с теми отраслями, которые обнаружили способность конкурренции с крупной промышленностью, при оценке роли кустарей в хозяйстве страны нельзя. Ошибочно брать только чистых кустарей и игнорировать переходные формы. В той же ткацкой промышленности наблюдались различные стадии: домашнее производство с силами только семьи, и — с наемными рабочими силами и с приобретенным сырьем, пряжей; мы встречаемся здесь и с образованием кустарных мастерских — отбельных, красильных, — работающих по заказу кустарей; с мелкими капиталистическими заведениями— прядильными, ткацкими и проч., принадлежавшими скупщикам и раздаточным конторам и т. д.

Перейдем теперь к рассмотрению положения кустарной промышленности в отдельных районах. Для иллюстрации их мы возьмем типичные губернии. Центрально-Промышленный район выделяется особенно своей мелкой промышленностью, с него мы и начинаем.

2.

Нижегородская губ. издавна славится своими кустарными промыслами. В Павловском слесарном районе,—охватывающем 7 волостей с населением в 10.314 дворов и 50.433 души— за период 1889—1901 г. число промысловых дворов увеличилось на 16%, в то время как число дворов вообще на 11%; число промышленных работников—мужчин рабочего возраста—увеличилось на 17%, нерабочего возраста на 51,4%, а женщин на

195,8%. Хотя и в 1889 году промысловый характер района был выражен довольно ясно, но не замечалось тогда той резкой оторванности промысловых занятий от земледельческих, какое наблюдается в 1901 г: группа рабочих, совмещавших промысловые занятия с земледельческими, насчитывала более $^1/_3$ общего их числа, причем в некоторых волостях она являлась даже преобладающей, чего в 1901 г. ни в одной из волостей уже не наблюдается. Группа работников, занятых исключительно промыслами, отмечает увеличение на 21,5%, и возрастание ее идет на счет предыдущей группы, которая сократилась на 18,8%; группа чисто земледельческая сократилась на 2,0%. „Таким образом,— говорится в „Сравнит. итогах статист. исслед. 1889 и 1901 гг. в Павловском районе“ (изд. Ниж. Губ. Земства, 1902 г.), — происшедшая за 12 лет перемена должна быть охарактеризована не только как возрастание относительного значения промыслов в жизни населения района, но как увеличение разорванности между промыслами и земледелием“ (18—19, 22—23 стр.). „Значение земледелия, если не абсолютное, то относительное, несомненно падает“ (29 стр.).

Если мы рассмотрим „Материалы для оценки фабрик, заводов и друг. промышл. завед. Нижегородской губ.“ (изд. Ниж. Губ. Земства, 1902 г.), то мы увидим, что в группе производств, обрабатывающих шерсть — стирко-стелечное, валяльно-сапожное, кошмовальное, шерстобойное и сукновальное производства — насчитывалось 2.608 заведений с 5.652 рабочих, из которых 1.276 наемных. По отдельным отраслям число последних колеблется; в кошмовальном производстве они значительно преобладают. Громадное большинство этих заведений работали на „хозяев“, т.-е. лиц, покупающих шерсть и отдающих им на выделку. Владельцы же заведений — те же рабочие. Заработная плата 9 руб. в месяц и ниже; длина рабочего дня 17 часов с перерывом в 2 часа. В таком же положении находилось производство канатов и веревок; число заведений здесь 880 с 3.240 рабочими, из которых 2,522 или 77,8% сами владельцы заведений и их семьи. „Вероятная будущность этого мелкого производства — быть чисто фабричным. Все фабрики канатов и веревок возникли в Нижегородской губ. недавно и продолжают возникать на наших глазах“.

И кузнечно-слесарное производство, насчитывавшее 3.197 заведений с 7.683 рабочими, из которых 1.616 наемных, работало преимущественно на заказ из чужого материала. Этим производством заняты, главным образом, пять уездов: Арзамасский, Балахнинский, Горбатовский, Нижегородский и Семеновский. „Будущность некоторых по крайней мере отраслей производства представляется печальной. Гвоздарное дело падает под влиянием конкурента—более дешевого машинного гвоздя и, без сомнения, рано или поздно будет убито. Замочное и ножовое дело все более переходит к чисто фабричному устройству, в чем, впрочем, его единственное спасение. Промысел села Безводного также недолго может сохранять устойчивое положение: приготовление

машинной проволоки с каждым годом развивается все сильнее и сильнее; при большей дешевизне производства она вытесняет безводнинский товар".

„Домашняя" форма промышленности встречалась в громадном большинстве промыслов этой губернии; в некоторых действует почти исключительно она одна, в других рядом с чисто кустарной формой. В некоторых группах промыслов — ложкарном, сапожно-валяльном — участие капитала в производстве выражалось довольно сильно. „Работники здесь устраняются не только от всякого участия в коммерческой стороне предприятия — покупке сырья и продаже изделий, что составляет общий признак раздаточной системы,—но также и в организации самого производства руководящая роль принадлежит „капиталу". Здесь наблюдалось и известное разделение труда уже не между отдельными членами семьи, но между отдельными семьями и по выбору самого капиталиста. При том „на дому" совершалась лишь часть операций, остальные в заведении „хозяина" (гильзовое производство)".

„Не следует, однако, думать, читаем мы в „Сельско-хозяйственном обзоре Нижегородской губ. за 1902 г." (изд. Нижегородской Губ. Земства, 1903 г.), чтобы положение лиц, работающих на так называемых „хозяев" было хуже, чем так называемых „самостоятельных кустарей". Мы пришли к обратному заключению, а именно, что положение самостоятельных кустарей хуже работающих на хозяев у себя или в хозяйских мастерских". (12 — 13 стр.).

В кустарной промышленности „участие торгового капитала в сбыте изделий в форме скупки их — на базарах или непосредственно на домах производителей — проявляется почти во всех промыслах, о которых мы имеем сообщения. Этот признак можно считать типичным для крестьянской обрабатывающей промышленности и перечислить отдельные промыслы, в которых он встречается, значило бы переименовать их все за самыми ничтожными исключениями". Каковы были барыши посредников, доставлявших сырье кустарям, видно из того, что в валяльном промысле „богачи", отпускавшие кустарям шерсть в долг, наживали от 25 до 100% на цену ее. На мочало „кулаки" получали от рогожников 33% барыша на свой капитал.

В 1912 г. в Нижегородской губ. была произведена новая кустарная перепись. Данные по Павловскому сталеслесарному району, обнимающему 14 волостей Горбатовского уезда получили очень дельную оценку в отмеченной уже выше работе М. Савельева. Он указывает, что 70% всех селений занято сталеслесарными промыслами, к ним имеет большее или меньшее отношение около 40% всех дворов; промыслами занято по крайней мере 40% взрослого мужского населения. Земледелие играет незначительную роль. Сравнение с предыдущими переписями показывает сокращение отхода в ряде волостей, что стоит в связи с развитием кустарничества, но еще более — фабричного производства. Сравнение цифр 1912 г. с таковыми 1889 г. показывает, что число дворов в районе, занятых промыслом, возросло на 22%, а вообще на 28%, число лиц, занятых промыслами, на 48%, а все население на 61%. Доля кустарного промысла в приложении труда в районе падает, но это объясняется увеличением числа рабочих, занятых в фабричном производстве этого района: за 1890 — 1915 г.г. число рабочих на фабриках возросло здесь в $2^1/_2$ раза. Общее число рабочих и кустарей в районе он определяет в 24 — 25 тыс., из них: самостоятельных кустарей около 6 тыс., работающих на раздачу — 10 тысяч, в мелких мастерских 2.500 и фабричных рабочих около 5 тысяч.

Общее число кустарей Горбатовского уезда, установленное переписью в 1912 г; — 13.792, по 7 наиболее промышленным волостям 13.076, увеличение против переписи 1901 г. на 2%, в то время, как эта последняя по сравнению с переписью 1889 г. показывала увеличение на 49%. Увеличилось в 1912 г. количество дворов на 2%, мужчин на 8%, детей и подростков на 3%. Эксплоатация детского труда сильно развита: „обычно с 10 — 12 лет иногда даже с 7 — 8". В качестве нормы можно взять 14-часовой рабочий день, считая завтрак и обеденный перерыв — 17 часов (земские корреспонденты). Заработная плата ничтожная: от 1 р. 50 к. до 4 р. в неделю. М. Савельев подчеркивает все большую зависимость кустаря от фабрики и трудность конкуренции для кустаря: в то время, как на одной местной фабрике один рабочий в день проштампует 125 дюжин лезвий вилок, кустарь выковывает в день максимум 2 дюжины.

Кустарная промышленность в промышленных губерниях отличалась тем, что она здесь больше попадала в зависимость от промышленного капитала, между тем как в других районах, особенно земледельческих, главным образом от торгового капитала. В Московской губернии, по местному обследованию 1898 — 1890 г.г. [1]), только 6% наличных крестьянских семей не занимались промыслами, кроме земледелия; 94% семей уделяли большую или меньшую долю труда своих членов промыслам, при чем по отдельным уездам этот % колебался от 88,3 до 97,4. Только в двух уездах из 13-ти чисто земледельческие семьи составляли больше 10% Московский 11,7 и Волоколамский 10,3%). Преобладающую роль в промыслах играла обрабатывающая промышленность, в которой были заняты $^2/_3$ всего числа лиц обоего пола, занимавшихся промыслами (из 525.895 л. обоего пола в этой области были заняты в ней 362.060, в транспорте 42 тысячи, торговле 39 тыс., добывающей промышленности 21,7 тысяч, горнорабочих 15,8 тысяч и т. д.). В обрабатывающей промышленности на первом плане стояла обработка волокнистых веществ (187,4 тыс. душ обоего пола). Лица, занятые в ткацкой промышленности, могут быть подразделены на следующие категории:

[1]) Т. IV. „Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения". П. Вихляев. Москва. 1908 г. Изд. Моск. Губ. Земства.

	Число лиц			Об. пола в % % к итогу
	м. п.	ж. п.	об. п.	
Ткачи фабричной системы .	38.181	24.757	62.938	49,6
„ домашней „	23.375	34.228	57.603	45,3
Смешанные	3.448	3.013	6.461	5,1
Итого по губернии	65.004	61.998	127.002	100,0

Категорию смешанных можно также причислить к домашней системе, так как большая часть их работает в светелках на капиталиста. Таким образом, в Московской губ. насчитывалось к концу 90-х годов около 60 тысяч ручных домашних ткачей —явление несомненно интересное. Среди ткачей фабричных преобладали мужчины, домашних—женщины. Из всех ткачей в хлопчатобумажном деле заняты были 74% обоего пола, в обработке шерсти 6,2%, шелка и парчи 12,8%, причем домашняя система более всего распространена в производстве шелковых и парчевых изделий, и меньше всего в шерстяном. В то время, как в хлопчатобумажном и шерстяном производствах среди ткачей домашней промышленности преобладали женщины, в производстве шелковых изделий, где ручное ткачество больше сохранилось, и где заработная плата выше, преобладали мужчины. Домашняя система в хлопчатобумажном и шерстяном производствах сопровождалась здесь всеми теми условиями, которыми, вообще всюду сопровождается эта форма: длинным рабочим днем, низкой заработной платой, посредничеством скупщиков и пр. Что касается шелко-ткацкой промышленности, то мы на ней остановимся подробнее, так как она обращала на себя внимание прочностью своей отсталой формы — „домашним“ производством. Г. Вихляев описывает нам, как эта отрасль представляла здесь разнообразные типы организации производства, начиная с крупной фабрики с сотнями рабочих и кончая „домашним ткачем, работающим в одиночку за станком в своей избе“. Рядом с крупными предприятиями существовали прежде всего мелкие фабрички, где члены семьи работали вместе с наемными рабочими, и „прибыль таких кустарей-хозяев, находившихся обыкновенно в экономической зависимости от тех московских торговцев, которым они сбывали свой товар, не превышает обычной заработной платы наемных ткачей. Рядом с таким мелким фабрикантом, ведущим самостоятельное производство, мы встречаем мастера светелочника“. Этот последний играл часто роль посредника между раздатчиком-капиталистом и теми ткачами, которые работали в помещении светелочника. Светелочник являлся, таким образом, мелким хозяйчиком, работающим на более крупного, из материала последнего. В других случаях ткачи платили лишь за помещение светелочнику (10% с рубля),

и сами находились в непосредственных отношениях с предпринимателем, который им давал материал и, наконец, при третьей системе светелочного производства помещение нанимали не сами ткачи, а хозяин-раздаточник, который давал материал и орудия производства и уплачивал светелочнику 8—10 коп. с выработанного рубля. Соответственно этому и масса ткачей распадалась на: „1) ткачей крупных фабрик, 2) ткачей мелких фабрик, наемных ткачей светелочников, 4) ткачей, работавших в нанимаемых ими светелках на хозяев раздаточных контор, 5) ткачей, работавших в светелках, нанимаемых хозяевами раздаточных контор и 6) ткачей, работавших в своих избах“. Только последние могут считаться кустарями в собственном смысле этого слова и то постольку, поскольку работают самостоятельно на рынок, без помощи наемных рабочих вне зависимости от раздатчиков. Во всех остальных случаях, конечно, кроме первого, мы имеем дело с различными формами домашней системы промышленности. Производительность рабочего дня в светелках и мелких фабриках в среднем 14—16 часов в сутки: плата, сдельная, при таком рабочем дне равнялась 50—60 к. в день, месячный заработок ткача 10—12 руб., а годовой 100 руб. (работа велась 9—10 месяцев, она прекращалась в летние месяцы). Мы не говорим уже об антигигиенической обстановке труда и безастенчивой эксплоатации женского и детского труда, что наблюдалось, как правило, во всех видах нашей кустарной промышленности.

Если мы обратимся к Владимирской губ., насчитывавшей в 1904 г. около 50 тысяч кустарей, то увидим, что и здесь — по земско-статистическим данным — рядом с крупными миткалеткацкими фабриками в Шуйско-Ивановском районе существовали и домашние ткачи, но это ткачество осталось почти исключительно на руках женщин. И здесь все производство находилось в руках раздаточных контор, которые закупают пряжу и раздают основы по деревням. Рабочий день и здесь 15 часов, средний заработок ткачихи 18 рублей в год. Прибыль раздатчика 48% на затраченный капитал, в то время как ткачиха зарабатывала в день 14 копеек! В отчете старшего фабричного инспектора Владимирской губ. за 1906 г. указывается, что в этом году в названной губернии было открыто 6 паровых бумаго-ткацких фабрик с 1005 ткацкими станками и 3 льноткацких со 148 механическими станками, при чем „характерно для этих вновь возникших предприятий, — пишет он, — что основатели их раньше большею частью занимались раздачей пряжи для ручного ткачества кустарям и в настоящее время, закрыв свои раздаточные конторы, перешли на механическое ткачество. Вновь открытые фабрики выстроились в тех же районах, где раньше действовали раздаточные конторы, и ручные ткачи-кустари создали главный контингент рабочих этих фабрик“. (Подчеркнуто нами. *Д. Ф.-Е.*) Обучение техническому ткачеству требует 4—6 недель, но это вознаграждается вдвое большим заработком по сравнению с ручным ткачом.

Устройство на таких местах фабрик дает возможность доставать более дешевую рабочую силу; „мелкие сельские фабриканты почти исключительно работают миткали из пряжи и по заказам крупных мануфактуристов, которые на своих фабриках вырабатывают более ценные сорта бумажных тканей (на жаккардах, станках с каретками и т. п.), требующие от рабочих больше уменья и внимания, но зато и лучше оплачиваемых, чем простые миткали“ („Свод отчетов фабр. инспект. за 1906 г.“). То же самое сообщает он и в отчете за 1909 г. Владельцы бывших раздаточных контор открывают деревенские механические ткацкие фабрики, заменяющие прежнее ручное ткачество. Однако такие переходы в высшую, фабрично-заводскую форму, наблюдаются главным образом в периоды общего подъема или в годы подъема данной отрасли промышленности, когда требуется значительное увеличение производства, развитие производительности труда. Это имело место в 1906 г. в Центральном районе в промышленности, занятой обработкой волокнистых веществ; причины этого подъема будут изложены нами в другом отделе. Точно так же в 1909 г. наблюдалось здесь оживление в хлопчатобумажной промышленности в связи с хорошим урожаем, на который промышленники возлагали большие надежды. В годы же застоя „домашняя“ форма промышленности с ее сильнейшей эксплоатацией рабочей силы еще более расширяется. Это мы видим из тех же отчетов фабричных инспекторов. Так, в застойном еще в общем 1909 г. число рабочих, получающих от фабрик работу на дому, увеличилось сравнительно с 1908 г., и это особенно в Тульской, Московской и Пензенской губ. Старший фабричный инспектор Тульской губ. указывает, что, благодаря острому малоземелью и сокращению числа рабочих на местных казенных заводах, „громадное число крестьян“, живущих в г. Туле и окрестных селениях, занимаются кустарными работами: приготовляют отдельные части для самоварных фабрик, скобяные и др. изделия. „В большей части на окраинах г. Тулы и в избах близ лежащих селений устроены подобия маленьких мастерских... Контингент рабочих в них состоит из старшего (домохозяин, глава семьи), членов его семьи (сыновья, зятья) и посторонних лиц (односельчан). Число работающих в такой мастерской: 2, 3, 4 и более“. Отношение к фабрике имеют „старшие“, и они-то и числятся в книгах фабрики. „Бывают, конечно, случаи, что и одиночки берут работу на сторону, т.-е. обходятся без подручных, но это практикуется редко“ („Свод отчетов etc. за 1909 г.“, изд. 1910 г. стр. XII — XIII). Здесь происходит, таким образом, развитие кустарной промышленности, зависимой от крупного промышленного капитала, т.-е. развитие „домашней“ формы капиталистической промышленности.

Общая характеристика этого района имеется у А. Рыбникова, насчитывающего в Европейской России 6 районов. Центральный район состоит из двух подрайонов: Московского с высоко квалифицированными промыслами, работающими часто круглый год, и — Нижегородского, где промыслы более грубого типа.

В отдельных местностях этого района мелкая сельская промышленность охватывает около 90% всего взрослого населения. В Московско-Владимирском подрайоне сильно развит отход. Из промыслов столярный, корзиночно-мебельный, щеточный, ювелирный, портняжный и игрушечный связаны со сбытом в Москву, ткацкий же, трикотажный, сапожный, кузнечно-скобяной и проч. промыслы связаны с обработкой полуфабрикатов местной крупной промышленности. „Благодаря высокой расценке необходимых для местных промыслов материалов и отдаленности сбыта готовых изделий, без торгового посредничества, принимавшего иногда форму домашней крупной промышленности, неорганизованным кустарям этого района жить было нельзя“.

3.

В Северо-Восточном районе, охватывающем Вятский, Уральский и Казанский подрайоны, отход слабо развит, но кустарные промыслы сильно распространены: рогожный, столярный, кузнечно-слесарный, сельско-хозяйственные машины (Пермская губ.), льноткацкий, кожевенный и проч. Сбыт по Волге, притокам и в Сибирь; Нижегородская ярмарка. И здесь ярко выражена зависимость от посреднического торгового капитала.

В Северо-Восточном районе на первом месте стоит Вятская губ. (17.4000 зарегистрированных кустарей). Более поздние данные имеются, однако, лишь об одном Вятском уезде (за 1909 год, опубликованные в 1912 г.). Сравнение с данными по этому же уезду, относящимися к 1886 г., показывают, что за исключением обработки волокнистых веществ другие промыслы: обработка животных продуктов, обработка металлов, приготовление обуви и одежды и обработка дерева возросли; особенно два последних вида промыслов.

Остановимся еще на Казанской губ., богатой лесами. По данным статистич. бюро губернского земства — „О мелкой промышленности Казанск. губ.“, изд. 1909 г. — здесь насчитывалось 29.527 крестьянских семей, занимающихся кустарными промыслами. Из них обработкой древесных продуктов 18,7, металлов 2,7, животных веществ 4,5 и разными промыслами 3,6 тысячи. В деревообделочной промышленности большинство занято обработкой луба и коры. Тканьем рогож — 5,1 тысячи домохозяев. Товар продается большею частью скупщикам. Заработок ничтожный: при 16—18-часовом рабочем дне взрослый рабочий и два подростка зарабатывают 80—90 коп. Плетением лаптей было занято 2,7 тысячи семей. Месячный заработок взрослого рабочего 3—5 р. И этот товар, как и выделка ивовых изделий (плетение корзин и пр.) — чем заняты 1 тысяча дворов, зарабатывая до 40 р. в год на взрослого и 12—18 р. на малолетнего — сбывали преимущественно скупщикам, которые отправляли лапти в Симбирскую, Саратовскую и Самарскую губ., ивовые изделия

в Астрахань, Царицын и др. южные города. Что касается обработки животных продуктов, то на первом плане стояла выделка из шерсти обуви, шляп, стелечное, кошмовальное и др. производства. И здесь мы встречаемся с теми же явлениями, какие мы видели в Нижегородской губ. Преобладала домашняя форма капиталистической промышленности. Кустари работали, главным образом, или на „купцов", от которых получали материал, или на фабрикантов. Часто между последним и кустарем стоит мелкий хозяйчик, у которого в избе работают 8—11 валяльщиков. Заработок, в среднем, 50 р., эксплоатация женского и детского труда сильнейшая. Обработкой шерсти были заняты 1,8 тыс. семей. „Зависимую" большею частью форму носили здесь и промыслы по обработке металлов и растительных волокнистых веществ. Местом сбыта последних—веревок, холста и пр.—являлись Нижегородская, Ирбитская и Мензелинская ярмарки.

Распространены были кустарные промыслы и на Урале. Они развивались особенно в первое десятилетие XX в. в связи с кризисом в горной и металлургической промышленности, лишившим здесь массу рабочих заработка. Земское исследование Екатеринбургского уезда зарегистрировало в 1908 г. 589 кустарных дворов, которые давали работу 3,5 тыс. душ обоего пола. Из этих „кустарных" дворов на заказчиков работали 10,5%, на скупщиков — 32,2% и на „вольную продажу" — 57,2%. Однако, на основании этих данных никоим образом нельзя приходить к заключению, что преобладал независимый кустарь, как это делается в исследовании. Более детальный разбор данных показывает, что кустарные дворы, работавшие на вольную продажу, являлись в значительной своей части мелкими капиталистическими предприятиями. Так, в чугунно-литейном промысле на 21 члена семьи приходилось 168 наемных рабочих, в слесарно-клепальном на 59 — 132 наемных, учеников — 65. В гвоздарном на вольную продажу готовилось 46%, остальное на скупщиков, но и в гвоздарном на 57 членов семьи 80 наемных. Относительно гвоздарного промысла и здесь указывалось, что он шел к полному уничтожению. В чугуно- и медно-литейном промыслах и в экипажном имелись заведения, в которых годовая производительность достигала 18—25 тыс. рублей. В слесарно-клепальном промысле чистый доход достигал больше 4,5 тыс. руб. Исследования, далее, еще указывают, что сокращение числа скупщиков неблагоприятно отзывалось на сбыте товаров кустарями. Это сокращение было вызвано упадком спроса на изделия за последние годы. Условия труда и в уральской кустарной промышленности были тоже тяжелы: заработок в среднем 12—13 р. в месяц, рабочий день для наемных 12 час. Среди семейных рабочих 12,7% падало на малолетних, среди наемных их 26,9%.

Исследование отмечает развитие производства сельско-хозяйственных орудий: большинство заведений возникло за последнее

пятилетие. Это наблюдалось во многих земледельческих губ., особенно на юге. Данные, далее, показывают, что 45% общего числа обследованных кустарей занимались земледелием, при чем ½ этого числа сами обрабатывали землю, 15% смешано, а 35% пользовались наемным трудом. Обращение к последнему вызывалось не только недостатком рук, но и недостатком хозяйственного инвентаря.

4.

Посмотрим теперь, как обстояли дела в земледельческих губ.: в Курской, например, губ., где, по словам „Вест. Финансов", вместе „с прогрессивным ростом фабрично-заводской промышленности заметное движение вперед делала и мелкая кустарная промышленность" (№ 38, 1907 г.). Число кустарей в губернии было около 27,5 тыс. с производством в 2,1 милл. руб.; кустарные промыслы здесь были слабее развиты, чем в рассмотренных нами промышленных губ. Ближайшее исследование показывает, что и здесь мы имеем дело большею частью с домашней системой промышленности. Важный когда-то иконописный промысел все больше и больше чах. Гончарный промысел, когда-то здесь процветавший, со второй половины XIX столетия начал терять свое значение и в XX в. совсем упал. Ткацкий промысел был слабо развит; кустари-веревочники работали на предпринимателей, зарабатывая в год 40—60 руб. Что же касается кожевенного производства, которое здесь играет роль, то исследования, произведенные еще в 1892 и 1897 г.г., показали, что главная масса кустарей-сапожников и кожевников находилась в полной зависимости от ростовщиков, скупщиков и крупных кожевников. „Кожевенное производство во многих местах губернии утратило теперь характер кустарничества и существует в виде более или менее значительных предприятий с наемными рабочими. Средний по размерам производительности завод вырабатывает в год до 800 кож". То же самое и в Харьковской губ., где кожевенный и довольно распространенный сапожный промыслы носили преимущественно характер домашней формы промышленности [1]).

По Юго-Западному району имеются за последние годы до войны: анкетное исследование по Киевской губ. (1912 г.), земское обследование Черниговской губ. (1913 г.) и анкетное исследование Волынской губ. (1912 г.)

В Черниговской губ. насчитывалось 1662 семьи с промыслом. Число кустарей в них около 80 тыс., из них 60 тыс. мужчин. Интересно следующее: из 48 тыс. промысловых дворов на заказчика-потребителя работали 14,5 тыс., на фабрики,

[1]) „Краткий очерк местных и отхожих промыслов Харьковской губ." Изд. Харьк. Губ. Земства, 1905 г., под ред. Б. Авилова.

раздатчиков и магазины 2,250, для продажи посреднику и потребителю 21,5 тыс., неизвестно на счет 10 тысяч.

Данные Волынской губ. показывают, что сельское хозяйство не кормило крестьянина. Эксплоатация крупными владельцами и промышленниками лесов северной части губернии привлекала крестьян на лесные работы. Отход имел место и за границу: на летние работы в Пруссию. Из кустарных промыслов северной части развиты ткачество и обработка дерева; в южной, мало-лесистой, кустарничество более развито; во всей губернии 48,8 тыс. промысловых дворов; из 100 дворов, занимающихся промыслами, 31,9% падает на обработку волокнистых веществ, на обработку дерева—19%, кожи — 15,2%. Скупщики и здесь давали себя знать, как в ложкарном, так в гончарном и сапожном промыслах; особенно в первом, где давался материал. Заработная плата была ничтожная.

Скажем еще несколько слов о Сибири. Вместе с развитием колонизации и здесь кустарная промышленность развивалась. Однако, распространением, и то сравнительно слабым, она пользовалась лишь в западных губерниях. И здесь домашняя форма промышленности играет роль (см. „Кустарные промыслы Томской губ.“, изд. 1909 г., под ред. М. Соболева). По анкетному исследованию, произведенному Восточно-Сибирским Обществом Сельско-Хозяйства в 1913—14 г.г. в Енисейской губ., оказывается, что на 50.000 дворов тех селений, которые имели кустарные промыслы и прислали ответы, кустарным промыслом были заняты 5647 дворов с 14.000 лицами обоего пола рабочего возраста. Среди 30 различных промыслов наиболее распространен был ткацкий — 18,2% всех дворов.

В нашей экономической литературе неоднократно подчеркивалась сильная сторона наших кустарных промыслов, заключающаяся в их тесной связи с земледелием. Последняя-де поддерживает кустарную промышленность, а она—его. В прекрасном земском сборнике „Кустарные промыслы Ярославской губ.“ (изд. 1904 г.), где дана характеристика кустарной промышленности, которая может быть отнесена ко всему промышленному району, рассматривается и этот вопрос. Авторы сборника пришли к выводу, что „взгляд этот является в корне ошибочным“. Земледельческое хозяйство кустарей находится в печальном состоянии. В общем, более $^1/_4$ кустарей работают круглый год, и в таких хозяйствах земледелие, конечно, в загоне.

Вместе с превращением кустарной промышленности в домашнюю форму производства (на скупщиков или раздатчиков) — такая форма господствовала и в Ярославской губ. — удлиняется „рабочий период“, что, в свою очередь, отражается неблагоприятно на земледелии. Заработки кустарей издельно были ничтожны: обычный заработок $1^1/_2$ р. в неделю; 3 руб. считались

„хорошим вознагражденнем“. Большинство кустарей — 69,3% — вышли из рядов малоземельных крестьян с наделом до двух десятин. Безземельных кустарей было мало — 8,23%, но и многоземельных всего 7,06%. Кустарные промыслы возникали на почве малоземелья. Это подтверждается и данными из земледельческих губ. Так, П. Маслов, разбирая подворное исследование кустарных промыслов в Хвалынском уезде Саратовской губ., пришел к тому же выводу: „Связь с земледелием в большей части промыслов служит признаком плохого состояния земледельческого хозяйства и малой доходности промысла. Развитие промыслов оторвет их от земледелия“ [1].

В своих письмах к Энгельсу Николай — он, повидимому, неоднократно жаловался на гибель у нас домашних крестьянских промыслов, кустарной промышленности и пр. Он повторял лишь обычные жалобы народников. Вот что ему на это отвечал Энгельс: „Ваше описание перемен, произведенных ростом новейшей промышленности в жизни народных масс, а именно: постепенной гибели домашних промыслов, покоившихся на непосредственном потреблении продуктов самими производителями (подчеркнуто Энгельсом), а затем мало-по-малу тех промыслов, которые велись в расчете на скупщиков-капиталистов (подчеркнуто мною. *А. Ф.-Е.*), живо напоминает мне главу Маркса о создании внутреннего рынка для промышленного капитала, равно как то, что имело место в большей части Центральной Западной Европы между 1820—1840 годами“. (Письмо от 29 октября 1891 г.). И в другем письме: „Вы сетуете, что товары машинного производства вытесняют продукты домашней промышленности и, таким образом, губят дополнительное вспомогательное производство, без которого крестьянин не может жить. Но мы имеем в этом безусловно необходимое последствие капиталистической крупной промышленности: создание домашнего (внутреннего) рынка („Капитал“, глава 24, отд. 5), т.-е. то, что происходило в Германии уже в мое время и на моих собственных глазах. Даже то, что вы говорите далее относительно того, что вторжение хлопчато-бумажных товаров губит не только домашнее прядение и тканье крестьян, но также и крестьянскую культуру льна, даже это имело место в Германии между 1820 г. и нынешним временем“. (Письмо от 22 сентября 1892 г. Подчеркнуто мною. *А. Ф.-Е.*).

Рассмотренные нами данные о положении нашей кустарной промышленности до войны и особенно в центральном районе — районе их главного распространения, — показывают, что кустарная промышленность в большинстве случаев потеряла уже свою самостоятельность, теряла свою связь с земледелием, отчасти

---

[1] „Экономическая действительность и экономические перспективы“. Сборник „Итоги и перспективы“. Москва, 1906 г.

гибла под влиянием развития промышленного капитализма, отчасти превращалась в зависимую „домашнюю“ форму капит. промышленности. Растущая беднота крестьянских масс, отсутствие организованного мелкого кредита, ростовщический ссудный и паразитарный торговый капиталы в деревне ускоряют этот процесс разложения и видоизменения кустарной промышленности. Характерными чертами все более распространявшейся тогда „домашней“ формы капитал. промышленности являются: разбросанность самого производства, ничтожное разделение труда, примитивная техника, растрата рабочей силы, беспощадная эксплоатация женского и детского труда, нищенская заработная плата и длинный рабочий день в плохой антисанитарной обстановке; с другой стороны—очень высокая прибыль на капитал, который большею частью носит торгово-ростовщический характер. Отсутствие законодательной охраны труда в нашей кустарной и вообще мелкой промышленности, ограниченный круг действия нашей фабричной инспекции, содействовали у нас сохранению отсталых форм промышленности; это содействовало и развитию кустарной промышленности в ее наиболее тяжелых формах. В том же направлении действовали и наши общие общественно-экономические условия, задерживавшие развитие промышленного капитализма и капитализма в земледелии.

Как известно, жизненность кустарной промышленности у нас связывали с развитием мелкого кредита и промысловой кооперации. Эти последние в виде обществ, товариществ и артелей развивались. Г. Петров насчитал в 24 губерниях, без Московской, 151 промысловый кооператив, при чем большинство их образовалось в период 1900—1916 г.г.; главным образом во время войны. Особенно выросла промысловая кооперация. В Московской губ.—43; и здесь они возникли большею частью за последние годы. Далее, развивались посреднические операции по сбыту кустарных изделий, закупке сырья и машин у судо-сберегательных и кредитных товариществ, т.-е. кредитных кооперативов, которые также возросли заметно за последнее десятилетие до февральской революции. В свою очередь и земство за эти годы проявило больше энергии в оказании кустарной промышленности содействия по сбыту изделий, приобретению сырья, машин и проч. Но, конечно, не эти факторы являлись решающими в дальнейших судьбах кустарной и вообще мелкой промышленности...

Б. Городская мелкая промышленность.

5.

По данным анкеты Мин. Торговли и Промышленности [1]) в Империи в 1910 г. насчитывалось в городах,—с населением свыше 30 тысяч и с меньшим, при условии развития в них

[1]) „Ремесленники и ремесленное управление в России“. Петроград, 1916 г.

ремесел,—свыше 103,469 заведений с числом рабочих от 2 и выше:

	От 2 до 4	От 5 до15	От 16до25	Более 25
Число рабочих заведений . . .	86.326	14.919	1.256	968
В %% к общему числу	83,5	14,4	1,2	0,9

Число ремесленников единоличных или с 1 наемным рабочим	Общее число учеников в заведен. с наемными рабочими свыше двух
110.642	89.324

	От 2 до 4	От 5до15	От 16до25	Более 25
Из них в заведениях	66.647	17.273	1.926	1843
В %% к общему числу	76	19,7	2,2	2,1

Более подробные данные показывают, что из ремесленных заведений с числом рабочих 2 и больше — 33,6 тыс. падают на группу изготовления одежды и обстановки (23 промысла); обработкой продуктов животноводства заняты 17,3 тыс.; обработкой металлов 15,2 тыс., обработкой дерева — 13,7 тыс., приготовлением пищевых продуктов 9,7 тыс., минеральных—5,5 тыс. Единоличных заведений и с одним наемным рабочим больше всего в отраслях, изготовляющих предметы одеяния — 25,6 тыс.; животноводство обнимает 25,1 тыс., обработка металлов 15,9 тыс., дерева — 19,8 тыс., минеральных—12,6 тыс. и пищевых—5,1 тыс.

Пользуясь таблицами, приводимыми Г. П. Петровым о городской ремесленной промышленности, и думая, что эти данные относятся к городской и сельской, проф. Гриневецкий насчитал всех предприятий — включая и единоличные — 214 тыс., из них городских 162 тыс. В этой городской мелкой промышленности по его расчету работали около 600 тыс. рабочих и производство ее составляло около 700 милл. руб. На первом месте по числу рабочих стояла группа производств предметов одеяния и обстановки — около 30% всех рабочих ремесленной промышленности, в то время как в крупной промышленности на этот отдел падает только 2% всех рабочих; соответствующие цифры в группе по обработке продуктов животноводства 18 и 2%, по обработке металла 14 и 18%. На основании этих сомнитель-

ных данных о ремеслах и приведенных нами раньше его же данных о кустарной промышленности проф. Гриневецкий и дал следующую картину соотношения крупной и мелкой промышленности у нас до войны:

	Производство	Число рабочих
Крупная промышлен. 1908 г.	3,75 млрд. руб.	2,5 миллиона
„ „ 1912 г.	4,5 „ „	2,75 „
Ремесл. и кустарная „	1,00 „ „	1,5 „

Проф. Гриневецкий при этом указывает, что мелкая промышленность сильна в отрасли по обработке дерева, в которой занято в 4 раза больше рабочих, чем в крупной 1912 г., а сумма производства превышает таковую последней в $1^1/_2$ раза; она еще сильнее в группе одежды и галантерейных товаров — рабочих в 6 раз больше, производство в 3 раза больше крупной; обработка продуктов животноводства занимает в $1^1/_2$ раза больше рабочих, но производит лишь одну треть против крупной, и металлическая группа занимает половину рабочих, а производит лишь 15% по сравнению с крупной.

Иное численное отношение между крупной и мелкой промышленностью дает проф. Рыбников, при чем рядом с итогами на основании конкретных данных он, в виду их неполноты и устарелости в частях, во второй части нижеследующей таблицы дает и вычисленные им данные.

	I				II			
	Число рабочих в тыс.	В %	Производство в милл. руб.	В %	Число рабочих в тыс.	В %	Производство в милл. руб.	В %
Крупная индустр. 1908 г.	2.680	37	4.900	73	2.700	33	4.900	67
Мелкая сельская индустрия „	3.755	51	1.350	20	4 000	51	1.700	23
Мелкая городск. 1910 г.	910	12	530	7	1.200	16	700	10
Итого . . .	7345	100	6780	100	7900	100	7300	100

В то время как проф. Гриневецкий отводит крупной промышленности $^4/_5$ всего производства на рынок, А. Рыбников — лишь $^2/_8$, при чем у проф. Гриневецкого в крупной промышленности занято около 65% всей рабочей силы, а у проф. Рыбникова лишь $^1/_8$. Мы считаем, что по числу рабочих сил проф. Рыбников несомненно ближе к истине [1]). Что же касается ценности производства, то одну треть для мелкой промышленности в производстве страны нельзя считать очень спорной, принимая во внимание крупнейшую роль торгового капитала у нас, а также значение отраслей производства средств личного потребления в стране со слабым развитием индустриального капитала, какой все еще оставалась и довоенная Россия.

Однако, будем ли мы считать долю крупной промышленности в $^3/_4$ или $^2/_3$, нельзя не признать, что эта доля была значительна, принимая во внимание условия, в которых крупная промышленность у нас развивалась, принимая, далее, во внимание, что и довоенная Россия была страной прежде всего мелкого отсталого крестьянского производства [2]).

Война, конечно, отразилась на мелкой промышленности. Во 2-ое полугодие 1914 г. в Павловском, например, районе кустарная и вообще мелкая промышленность по производству металлических изделий пострадала больше крупных капиталистических предприятий, получивших военные заказы. Позже, как показывают различные отрывочные данные, и ряд кустарных промыслов был привлечен к обслуживанию потребностей войны. Получили казенные заказы сапожники и овчинники, заказы получили и кустари слесаря и др. В ином положении находилась мелкая — и кустарная — промышленность, работавшая на частный рынок,

---

[1]) Относительно числа промысловых крестьянских хозяйств имеются сводные данные, обработанные А Хрящевой на основании переписи летом 1917 г., в Статист. Сб. за 1913 — 17 г., изд. 1921 г. в VII т. Трудов. Центр. Статист. Управл. В этих данных совсем отсутствуют сведения по 8 губ. Европ. России, по области Войска Донского и Кавказу. Кроме того, по 7-ми имеются неполные данные. Сводка дала в Европ. России (35 губерний) 12 милл. хозяйств крестьянского типа с 70 милл. душ обоего пола. Число промысловых хозяйств среди них (32 губ.) 2.7 милл., в них мужчин—2,7 милл. и женщин—1,4 милл., всего 4,1 милл промышленников. В Степном крае (Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской обл. и Уральской Войсковой территории) 648 тыс. хозяйств, 3,5 милл населения, 84 тыс. промысловых хозяйств. 118 тыс. участв. работников обоего пола. Сибирь (9 губерний) насчитывала 1.469 тыс. хоз. крестьянского типа, в них 8,4 милл. душ, число промысловых крестьянских хозяйств 263 тыс., в них мужчин имеется 265 тыс., женщин — 92 тыс., всего 357 тыс., а всех хозяйств, считая частно-владельческие, казаков, инородцев и проч. 1.599 тыс. с 9 милл. душ, среди них 294 тыс. промысловых хозяйств с 398 тыс. работников.

[2]) По данным, приводимым С. Г. Струмилиным (Стат. Экон. Отд. Госплана) в статье „Наш довоенный товарооборот" („План. Хозяйство" № 1, 1925 г.), промышленный оборот России, облагаемый промысловыми сборами, равнялся в 1895 — 98 г.г. в среднем ежегодно 2567 милл. руб. для фабрично-заводской промышленности и 383 милл. руб. для кустарно-ремесленной. „Но продукция, обложенная промыслов. налогом, это по преимуществу городская продукция. Что же касается мельчайших заведений с 1 рабочим или вовсе без рабочих—не платящих даже патентных сборов—то их почти целиком можно отнести на счет сельской промышленности". Рабочий персонал в кустарно-ремеслен. промышленности составлял: в 96484 предприятиях от 2 до 16 рабочих: 608 тысяч. из них 158,1 тысяч хозяев с помогающими членами семьи и 458 тысяч наемных рабочих и служащих; с 1 наемн. рабо-

сокращение которого давало себя знать в соответствующих отраслях производства.

По мере того, как война затягивалась, стали все сильнее ощущаться в куст. промышл.: убыль и вздорожание сырья, уменьшение рабочей силы, расстройство транспорта и вообще всей хозяйственной жизни. Так, по оффиц. данным уже в 1915 г. пострадали мелкие ручные ткацкие фабрики из-за отсутствия пряжи, а в 1916 г. кустарная и ремесленная промышленность испытывала нужду в стальных инструментах, которых было мало в торговле и стоили они на 300—400% дороже 1913 года. Но гораздо сильнее кустарная промышленность пострадала в революционные годы. По мер того, как война — внешняя и гражданская — оказывала все более разрушительное действие на жизнь страны, деревня экономически приобретала все большую силу над городом, что почувствовалось особенно, когда надвинулся голод. Отход в город прекратился, наоборот, произошел обратный отлив в деревню. Кустарничество не имело больше конкурента в крупной промышленности, но оно не имело и сырья, при том рынок сбыта был сведен почти на нет. Вместе с регрессом хозяйства к натуральным формам и мелкая промышленность, поскольку она не исчезала, как в городе, возвращалась назад к старой роли дополнительного промысла к земледелию, к крестьянской домашней промышленности. И лишь поворот к новой экономической политике, к восстановлению денежного

чим было 120.430 предприятий, 321 тысяча рабочих, в том числе 120,4 тысячи наемных; и без найма 1084000 предприятий с 1810 тысяч. рабочих. Всего в цензовой кустарно-ремесленной промышленности было в 1897 году 1300 тыс. предприятий с 2739 тысяч. рабочих против 2,1 милл. рабочих в фабрично-заводской промышленности с числом рабочих больше 16. Но в мелкой промышленности „учтены лишь лица, главное занятие которых промышленный труд". Сюда нужно прибавить не менее 1325 тысяч земледельцев „занятых — по переписи 1897 г.—более или менее значительную часть года промышленным трудом", что вместе с указанными выше кустарями и ремесленниками без найма и с 1 наемн. рабочим составит свыше 2,5 милл. душ. Весь же рабочий персонал мелкой промышленности равнялся в предприятиях с цензом в 1897 г. 2741 тысяче,—из них наемных рабочих в предприятиях с цензом от 1 до 16 рабочих 571,7 тысяча, что с 1325 тысяч. кустарей без ценза составит 4,1 милл.

В 1913 году промышленный товарооборот, подлежащий промысловому обложению, составил у фабрично заводских предприятий 6.882 милл руб.,—кустарно-ремесленных 790 милл. руб. Но к этой последней нужно прибавить продукцию кустарей, не облагаемых патентными сборами, а она по вычислениям С. Струмилина достигла в 1913 году 1160 милл. руб. Общая сумма товарооборота мелкой промышленности составит тогда 1950 милл., что равняется почти 1/4 товарообороту всей промышленности.

В дальнейших своих статьях: „К проблеме капитала в С.С.С.Р." — эти работы появились, когда наша книга была сдана уже в печать. С. Струмилин, приведя таблицу оборота основного капитала и прибыли цензовой промышленности за 1885—1913 годы, указывает, что основной капитал фабрично-заводской промышленности составлял в 1890 г. — 761 милл. руб. (оборот 1,6 мил. руб.) а кустарно-ремесл. 76 милл. руб. (оборот 272 милл.) в 1913 г. основной капитал первой — 3.9 миллиарда (оборот 6,9 миллиарда), второй 216 милл руб. (оборот указан выше). — Если принять во внимание техническую отсталость нашей мелкой промышленности, то такое соотношение особенных сомнений не вызывает.

хозяйства, вновь оживил, хотя еще очень слабо и мелкую промышленность, городскую и сельскую, как промышленность работающую на рынок [1]).

В. Отхожие промыслы и перераспределение рабочих сил.

6.

Вместе с развитием денежного хозяйства, отделением мануфактуры от земледелия и развитием промышленного капитализма наблюдалось в стране перераспределение рабочих сил. Земледелие перестает служить источником дохода для значительной части населения [2]). Мы видели, как вместе с подъемом промышленности увеличивалась численность занятого в ней пролетариата. Мы видели, далее, как распространенная у нас кустарная промышленность порывает свою связь с землей и становится все более зависимой от торгового и промышленного

[1]) Каково положение кустарной промышленности в настоящее время—рассмотрение его не входит в задачу этой нашей работы—видно из следующего места речи А. И. Рыкова на XIV всерос. конференции Р.К.П. 28 апреля 1925 г.: „Чтобы вновь обратить внимание на этот вопрос (кустарно-промысловой кооперации), разрешите огласить несколько цифр, касающихся положения кустаря в Московской губернии. В Егорьевском уезде раньше было кустарей 38 тыс., теперь — 1 тыс., в Московском уезде было 32 тыс., теперь—690 чел., в Богородском уезде раньше было 51 тыс., теперь—690 чел., или соответственно 2 проц., 2 проц. и 4 проц. прежнего количества. Что это значит? Это означает исключительное обнищание деревни, невиданную бедность и образование армии безработных в деревне".

[2]) По данным переписи 1897 г. крестьяне, как хозяева-землевладельцы, составляли со своими семьями 80 милл. душ или 64% всего населения, как сословие — 97 милл. душ или около 77%; 17 миллионов крестьян не были связаны таким образом, с земледелием, т.-е. не являлись крестьянами в экономическом смысле. (См. А. Лосицкий. „Этюды о населении России по переписи 1897 г." Мир Божий 1905 г. № 8). „В „Статист. Сборнике. Численность и состав рабочих в России на основании первой переписи": составленном проф. В. В. Степановым, изд. 1906 г., указывается, что в добывающей и обрабатывающей промышленности насчитывалось свыше 2,8 милл. наемных рабочих, из них 2,4 милл. или 84% мужчин, а в сельском хозяйстве, считая животноводство, лесоводство и проч., около 2,7 милл., из них около 2 милл. мужчин; на 100 мужчин—38 женщин. Из 2,4 милл. мужчин, насчитывавшихся в промышленности и торговле, около 1,04 милл. были уроженцами других губерний; из 445 женщин — 134 т.; из 2,72 милл. наемных рабочих в сельском хозяйстве 2.28 милл. местные, т.-е. пришлых 16,9%. Таким образом, в 1897 г. насчитывалось всего около 1.5 милл. пришлых рабочих из других губерний. При чем по числу пришлых рабочих выделялись Петербургская, Московская, Екатеринославская, Херсонская, Таврическая и Петроковская. Следует иметь в виду, что в указанное число наемных рабочих не вошли „поденные и чернорабочие" и прислуга; первых перепись насчитала около 1 милл; прислуги же на фабриках и в усадьбах - 227 тыс., домашней — 1,56 милл., а вообще прислуги (и в учреждениях и проч.) было немного более 2 милл. Но к вопросу о прислуге мы вернемся во II томе.

капитала. Точно так же все большее значение для сельского населения приобретали различные отхожие промыслы.

Если сравнить численность сельского населения наличного, установленную переписью 1897 г., с численностью приписного, то оказывается несовпадение той и другой, что объясняется постоянным передвижением населения. „Материалы комиссии, учрежд. 16 ноября 1901 г.“ [1]) для исследования положения сельского населения, отмечая это явление, указывают, что в Новороссии и на Севере превышение наличного населения над приписным „зависит от притока рабочих рук в развивающуюся здесь добавочную промышленность“. В центральных промышленных губ. и Прибалтийском крае сельское наличное население меньше приписного, что вызывается отливом его в промышленные города этого района и развитием отхожих промыслов. В губерниях земледельческих — центральных, средне-приволжских и малороссийских — деревенское личное население также меньше приписного. Число уходящих отсюда на сторонние заработки особенно велико. На эти явления указывает и Б. Кадомцев в своем исследовании переписи [2]). Из 50 губерний Европ. России отлив наемных рабочих сил наблюдался в 1897 г. в 37 губ., прилив в 13 губ., при чем из этих последних 10 губ. принадлежат к промышленным губ. различных районов. „Особенно сильный отлив замечается в центрально-земледельческих губ. Значительный отлив из центрально-черноземных губ. в промышленные центры, а также и в южные и юго-восточные губернии, может быть констатирован не только относительно наемных рабочих, но и относительно всего населения“. Данные переписи показывают, далее, что население передвигается не только из одних губерний в другие, но и из уездов в города; и это особенно в промышленных губ.

Отмеченное передвижение населения обнаруживает за 1861—1900 гг. значительный рост, и это особенно в земледельческих губ. „Материалы“ указывают, что в то время, как в Малороссии, юго-западном, средне-земледельческом и средне-волжском районах, число уходивших на сторону возросло за сорок лет от 4 до 18 раз при почти удвоившемся населении, в средне-промышленном и северном районах оно возросло лишь в $3^1/_2$ раза. По данным „Главного управления неокладн. сборов“ с 1890 по 1900 г. выборка паспортов из волостных правлений на 2—5 лет возрасла с 10,500 до 103,163, а паспортных бланков на срок не более года с 6096 тысяч до 8312 тысяч. Все эти данные могут служить показателем совершавшегося в стране изменения в распределении рабочих сил. Последнее подтверждают и земские сборники, которые показывают и рост отхожих промыслов за период подъема 90-х годов.

[1]) „Материалы учрежд. 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении благосостояния сельск. населения средне-земледельч. губ. сравнительно с другими местностями Европ. России“ 3 тома. (Изд. Деп. Окл. Сборов в 1903 г.)

[2]) „Проф. и социальный состав населения и т. д.“. СПБ, изд. 1909 г. (67—78 стр.).

Так, согласно данным „Стат. ежегодника Тверской губ.“ за 1901 г. (изд. 1902 г.), за восьмилетие 1893—1900 г. возрастание отхода по четырем уездам колеблется от 20,4 до 43,2%. Громадное число отлучек происходит весной (37,6%), т.-е. перед моментом земледельческих работ. Но и даже взятые зимой паспорта (23,2%) не дают, по словам сборника, основания утверждать, чтобы „ушедшие по ним работники вернулись к весенним работам. Напротив того, отхожие промышленники все реже возвращаются домой к полевым работам, что также можно заключить из среднего увеличения продолжительности срока пребывания промышленников на стороне“. Большинство уходящих — чернорабочие, а уходят они в столицы и промышленные центры. Рост отхода констатирует и „Хозяйств. обзор Уфимской губ. за 1900—1901 гг.“ (изд. 1902 г.). Точно так же и в „Материалах для оценки земель Владимирской губ.“ (изд. 1903 г.) мы находим, что в Суздальском уезде из 100 работников мужского пола лишь 13,1% занимались только хлебопашеством, 56,5% — совсем забросили его. „Тяга“ в фабричные центры и города усиливается с каждым годом. Ал Смирнов, на основании данных Владимирской губ., описывал следующим образом в 1902 г. значение отхожих промыслов в центрально-промышл. районе: „Во многих случаях в деревне остаются лишь старый да малый; исключительно земледелием заняты лишь $16^1/_2$% рабоч. муж. пола; пашни пустуют от 8 до 10%; 6,3% дворов совсем ничего не сеют; 16% сдают свой надел весь или частью в аренду; 46% безлошадных дворов; у семей, ведущих хозяйство, целая $^1/_4$ нанимает и лошадь, и пахаря; наконец, 8,1% дворов, ушедших из своих деревень в полном составе уже более двух лет“. Развитие отхожих промыслов проводит здесь резкую черту среди крестьянских хозяйств: одни всецело заняты промыслами, другие держатся земледелия; одни стараются совсем отделаться от обладания землей, — земледелием у них занимаются лишь женщины и старики, — и прикупают хлеб, другие округляют свои наделы — арендой и прикупкой земельных участков — на счет первой группы, и продают свой избыток хлеба. „За последние 4 года — до 1902 г. — отхожие промыслы сильно развиваются, и это развитие идет на счет сокращения местных промыслов... Раньше отхожие промыслы носили временный характер, теперь уходят на год“ („Земля и земледелец центр. промышл. губ.“, „Русская Мысль“, 1902 г.). То же самое мы встречаем и в Костромской губ. (См. „Землед. хозяйство и промысл. заработки в Кинешемском уезде“. Изд. Костр. Губ. Земства, 1903 г.). В Кинешемском уезде, бывшем раньше чисто земледельческим, в начале нынешнего столетия одним земледелием занимались всего 7,6% крестьянских хозяйств, 24% земледелием совершенно не занимались, остальные на ряду с земледелием — промыслами. В бюджете кинешемского крестьянина доход от земледелия составлял только — 31%. Безлошадных

хозяев 23%, запущенной пашни 21% всей площади надельной земли. „Другими словами", — писали по поводу этой книги „Русск. Вед.", — „земледелие, исконный основной промысел, несомненно находится в состоянии полного упадка. Промысел вообще, фабрика в частности становятся источником средств существования. Беря приблизительно цифры по всей губернии, мы видим, что промысел вообще отнимает у земледелия 20% рабочей силы, при чем наиболее развитыми промыслами являются не местные, а отхожие, как более доходные и наиболее удовлетворяющие стремлению населения уйти подальше от земли и всего, с пользованием ею связанного. Все сказанное относительно Кинешемского уезда может быть смело отнесено к целому району губернии и является характерным более чем для половины всей губернии". Данные оценочно-статист. отдел. Костромского земства, относящиеся к позднейшему времени и ко всей губ., вполне подтверждают это.

7.

Если мы обратимся снова к цитированным уже „Материалам" сельскохозяйственной комиссии 1901 г., то увидим, что в 1900 г. в 50 губ. Европ. России местными и сторонними заработками и промыслами были заняты 14,2 милл. лиц обоего пола, что составляет 32% всего населения рабочего возраста. Часть этих промышленников совсем порвала связь с землей, часть сохранила с ней связь в той или иной форме. По количеству поставляемых „промышленников" земледельческий район, как мы уже отметили, стоял на первом месте: 21,3% всего числа рабочих, занятых промыслами, принадлежало к этому району; за ним следует средне-промышленный район, поставлявший 19,4%. Но если сопоставить число рабочих, занятых промыслами, с общим количеством лиц, достигших рабочего возраста, по отдельным районам, то окажется, что первое место занимал промышленный район, где число взрослых промышленников составляло 53% общего в районе рабочего населения, второе место северный район — около 50%, в северо-восточном — 36%, новороссийском — 35%, в северо-западной группе средне-земледельческого района — 33% и в юго-восточной — 24%; в средне-приволжском 32%. В остальных местностях этот процент колебался от 30 в восточном до 17 в юго-восточном.

Из указанных 14,2 милл. лиц отхожими промыслами занимались 3,8 милл. или около 27%, а местными — считая 2 милл. фабрично-заводских работников, 4,6 милл. кустарей и 3,8 занятых в сельском хозяйстве — 10,4 милл. или 73%. Но это отношение отхожих к местным колебалось в различных местностях. В центре и на севере отхожие промыслы играли большую роль, чем на юге или востоке. „В некоторых промышленных губерниях, в особенности Калужской, Ярославской и

Костромской, а также и в Тульской губ., средне-земледельческого района оказывается значительный перевес отхожих промыслов над местными." То же самое в Смоленской, Рязанской и других губерниях, где население специализировалось на различных промыслах, как плотничество и пр. С другой стороны в новороссийском, северо-западном, юго-западном, восточном районах и в таких губерниях, как С.-Петербургская, Донская область, преобладали местные; отхожие колеблются от 6 до 20%. „Указанное явление, т.-е. преобладание местных промыслов, — читаем мы в „Материалах", — несомненно находится в тесной связи с многоземелием, притягивающим значительное число местных рабочих рук (юг и восток), распространением местных лесных промыслов (губернии Могилевская, Минская и др.), развитием фабрично-заводской промышленности (губернии С.-Петербургская, Московская, Пермская), степенью интенсивности местного сельского хозяйства (юго-западный край)" (III ч. 128—130 и 266 стр.).

В ряду отхожих промыслов значительную роль играли земледельческие промыслы. По вычислениям г. Массальского число уходивших на сельско-хозяйств. работы равнялось около 3 миллионов. Земледельческие рабочие шли главным образом из 7 центрально-черноземных губерний — Рязанской, Тульской, Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской и Пензенской, затем из всех трех малороссийских — Черниговской, Полтавской и Харьковской, далее из трех юго-западных — Волынской, Киевской и Подольской и, наконец, из двух средневолжских — Казанской, Симбирской с северной частью Саратовской. Все эти 15 земледельческих губ. отличались, как известно, „наибольшею избыточностью сельского населения". Шли земледельческие рабочие на юг и на восток от указанных губерний: в Новороссию, Донскую область, Заволжье и Предкавказье — в 12 губерний и областей, „которые являются южными и юго-восточными черноземными, и их характерными чертами были развитие крупного сельского хозяйства, работающего на рынок, редкость населения и неустойчивость урожаев". Как на причину ухода на сторону, опрошенные сельскохозяйственные рабочие указывали на малоземелье, недостатки заработка на родине, долги и недоимки, неурожаи, безземелье. Но сильным стимулом для ухода являлась и разница в заработной плате на стороне с таковой на местах. „Материалы" подтверждают данные г. Массальского: они указывают, что наиболее низкий земледельческий заработок падал на среднее Поволжье, Малороссию и средние земледельческие губернии, которые и давали больше всего сельскохозяйственных рабочих, уходивших на сторону [1].

---

[1] Отметим здесь, что по данным „Материалов" наиболее выгодным заработком являлся фабрично-заводский. „Если годовой заработок рабочего земледельца принять за единицу, то заработок фабричного окажется равным двум, а кустаря и ремесленника — менее половины".

За десятилетие 1900—1909 г. вместе с застоем в промышленности и торговле тяга крестьян в города и промышленные центры ослабела [1]). Упадок земледелия в большинстве крестьянских хозяйств шел crescendo, вместе с тем возрастало значение различных местных и отхожих промыслов. Однако, общий экономический застой страны служил сильнейшим препятствием для развития этих промыслов. Избыточное сельское население, все возрастая, не находило достаточного приложения своей рабочей силе ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве. Таким образом наряду с пролетаризацией деревни возрастал в ней сильно пауперизм, о чем подробно в другом месте. И в периоды промышленного подъема усиленный прилив у нас сельского населения в промышленность, увеличивая здесь резервную рабочую армию, давил сильно на заработную плату и вообще на положение рабочих. Во время же кризисов и застоя этого десятилетия он еще более увеличивал здесь бедствия безработицы и еще более ухудшал общее положение промышленного пролетариата. Пауперизм, таким образом, за это время возрастал не только в деревне, но и в городе.

8.

За период просперитета промышленности 1910—1914 гг. распределение населения шло в том направлении, что привлекалось больше рабочих в промышленные центры и города—в связи с возросшим домостроительством; привлекалось больше сил из деревни и на ожившее немного железнодорожное строительство. Так, с 1909 по 1913 год число рабочих в заведениях, стоящих под надзором фабричных инспекторов, возросло на 487 тысяч. Это ослабляло, но не устраняло пауперизм. При этом отсутствие всероссийской биржи труда, вообще неорганизованность рабочего рынка, делали то, что в то время как в одном районе была нужда в рабочих, в другом был избыток их; более того, это наблюдалось в одном и том же районе в различных отраслях.

Связь рабочих с деревней, пришлый характер многих рабочих, видны рельефно в угольной промышленности Донецкого бассейна, где за период 1909—1913 г.г. среднее количество рабочих, все возрастая, поднялось со 119 тыс. до 164 тыс. И во все эти годы проявилось ярко выраженное большее или меньшее уменьшение количества рабочих в летние месяцы, что объясняется отливом рабочих на сельско-хозяйственные работы: недостаток рабочих в эти месяцы в отношении среднего за год состава был в среднем за это пятилетие — 14%, достигая временами 23%, как

[1]) Различные исследователи констатировали, что в годы неурожайные у нас усиливался приток населения в города, в годы застоя промышленности это встречало противодействие; урожаи задерживали отлив населения на деревень, а промышленный подъем наоборот ускорял... Это в „нормальное" время, а в революционные годы голод, как мы уже отметили, гнал население обратно в деревню...

в 1910 г. (доклад Ауербаха в XIII Отд. Р. Т. О. Зап. Общ. № 3, 1914 г.).

Война внесла пертурбацию в распределение рабочих сил. Начиная со второй половины 1914 г. до начала 1917 г. было призвано в войска больше 13 милл. человек, не считая состава мирного времени в 1,4 милл. По данным С. Прокоповича, число мобилизованных к концу 1914 г. вместе с составом мирного времени составляло 6.485.000, или 14,9% всего мужского населения рабочего возраста; к концу 1915 г. — 11.695.000 — 25,2%; в 1916 г. — 14.440.000 — 35,5% и 1917 г. — 15.070.000 — 36,7%. По данным Глав. Управ. З. и З. в 1914 г. по 44 губ. ощущался недостаток сельско-хозяйств. рабочих в 14, в 1915 г.—в 36 и в 1916 г.—во всех 44 губ. По вычислениям Н. Огановского число губерний, в которых во время жатвы недостатка рабочих рук не было, в 1914 г. было 24% всех губ., слабый недостаток чувствовался в 14% и неопределенно в 27; в 18% — был средний и в 17% острый недостаток; в 1916 г. недостаток ощущался во всех губ.: в 52% средний и 45% острый. Труд женский в полевых работах был в 1915 г. сильно использован в 40% всех губ., в 1916 г.— 70% всех губ. (См. сборник: „Нар. Хоз." за 1916 г., вып. V—VI, изд. 1921 г. Б. Книпович: „Сельское хозяйство").

Сельско-хозяйств. перепись летом 1917 г., указывает, что в 33 губ. Европейской России в крестьянских хозяйствах было 15,2 милл. мужчин в рабочем возрасте, всех мужчин — 34 милл., из которых отсутствовало 9,1 милл., в Сибири (9 губерний) отсутствовал 1 милл. из 4,3 милл. всего мужского населения крестьянских хозяйств. В результате изменился и качественный состав оставшихся рабочих сил. Мужской труд был и на фабриках и заводах заменен женским и подростками, о чем в другом месте. В первую голову пострадала горная, угольная промышленность, вследствие различных тяжелых условий, в которых всегда находился рабочий класс этой отрасли. Но скоро нашли средства помочь недостатку рабочих. Во-первых, женщинам и подросткам было разрешено в порядке 87 ст. работать внутри шахт; во-вторых, были пущены в ход военнопленные; в-третьих, беженцы и, наконец были выписаны китайцы и корейцы. Ядро составили военнообязанные [1]).

По данным Главн. Управления Генер. Штаба в первой половине 1917 г. числилось на работах свыше 1,6 милл. военнопленных. Мин. Торг. и Пром. насчитало в промышленности 56 губ. Европейской России и Азии на 1-е августа 1917 г. 358 тысяч военнопленных, при чем львиная доля падала на две губернии— Пермскую и Екатеринославскую: свыше 100 тыс. на каждую. Из этого числа 244 тыс. были в распоряжении горной инспекции и 51 тыс.—старших фабричных инспекторов. Больше всего требо-

[1]) Иллюстрацией может служить следующий состав рабочих в каменноугольном Донецком бассейне: в декабре 1914 и 1915 г.г. было по 205 тысяч; в декабре 1916 — 291 тыс. человек. К копям были прикреплены военнопленные и военнообязанные: первых в первое полугодие 1916 г. было 29,1 тыс во второе 60,2; вторых 91,7 и 115,2 тыс Беженцев в среднем в год 16 тыс. Китайцев и корейцев в первое полугодие 500, во второе—800.

вали военнопленных металлургическая и металлообрабатывающая промышленности, затем каменноугольная и, наконец, лесные и торфяные разработки.

В сельском хозяйство насчитывалось около 450 тыс., но это ниже действительной цифры. Большинство работало в тех областях, где всего более был развит наемный труд: на Юге (Херсонская губ. 23 тыс., Киевская—29 тыс., Харьковская—21 тыс., Донецкая область—21 тыс.); на Волге: в Самарской, Саратовской губ. по 25 тыс. Меньше 15 тыс. на губернию падает на Средвюю Россию и Сибирь. В степном крае военнопленных в сельском хозяйстве не было. В указанное выше общее число работавших в сельском хозяйстве не вошло 65 тыс. военнопленных, занятых на сахарных заводах и свекловичных плантациях (см. В. Ф. № 41, 1917 г.). Данные распределения военнопленных в различных районах и различных отраслях—на чем мы, однако, не можем подробно останавливаться,—интересны и тем, что показывают усиление во время войны значения наемного труда в нашем хозяйстве, которое шло рядом с расширением у нас за это время сферы денежных отношений...

ОТДЕЛ VI.

Регрессивный процесс в нашем хозяйстве.

Деревня до революции 1905 г.

I.

Теория Сисмонди имела известный смысл для периода, когда капитализм был еще сравнительно мало развит и когда потребление народных масс сокращалось абсолютно под влиянием общих и аграрных условий, как это мы видим во Франции в XVIII веке или в Германии в начале XIX. Не случайность и то, что эта теория имела своих последователей у нас. Маркс и Энгельс неоднократно указывали на сходство положения нашего крестьянства — этого важного для развивающегося капитализма рынка — с положением французского при Людовике XIV. На ряду с законами капиталистического строя у нас действовали и законы докапиталистического периода. В кризисе 1900—1902 годов последние дали себя знать, отсюда и его отличие от западно-европейского кризиса того времени, несмотря на много тождественных черт; отсюда-то его продолжительность и обостренный характер.

„До возникновения индустриального капитализма,— говорит К. Каутский, — эксплоатация ведется исключительно в целях потребления. То, что выжимается из трудящихся масс, то проедается. Нельзя тогда говорить о перепроизводстве, вытекающим из социальных причин. Докапиталистические способы производства развивают противоположное зло. Эксплоатация увеличивает орудие власти у поработителей, а вместе с этим и возможность еще более выжать продуктов у порабощенных, еще более усилить эксплоатацию. Но средства производства развиваются здесь медленно или совсем не развиваются. Результат—возрастающее хищническое истощение почвы и человеческой рабочей силы, уменьшение производительности труда, т.-е. возрастающая недостаточность производства, опустошение деревни... Это конец всякой докапиталистической, основанной на эксплоатации, общественной формы...“ — Этот процесс, который еще в конце 50-х годов Чернышевский назвал азиатским, продолжал действовать у нас.

М. Туган-Барановский в свое время отрицал связь между нашим промышленным кризисом 1900—1902 годов и неурожаями,

точно так же, как предыдущий подъем не был связан у нас, по его словам, с урожаями („Мир Божий", ноябрь, 1900 г.). Это, на первый взгляд, находит подтверждение в том, что именно в годы сильных неурожаев, 1897 и 1898, промышленный подъем достиг апогея. Но на деле, если рассмотренный цикл движения нашего промышленного капитала и был самостоятелен, если он стоял в связи и с циклом движения мирового промышленного капитала, то несомненно на ход его влияло, — и сильно влияло, — состояние нашего сельско-хозяйственного рынка. И на Западе, где связь между земледельческими и индустриальными кризисами давно нарушена, и там мы видим, что период угнетения промышленности, с конца 70-х годов вплоть до средины 90-х, был усилен хроническим застоем сельского хозяйства, и что подъем промышленности совпал с подъемом с 1895 г. цен на сельско-хозяйственные продукты, а вместе с этим и с улучшением положения западно-европейского земледелия. Гильфердинг совершенно основательно подчеркивал в своей статье „Die Konjunktur" (N. Zeit 1907. № 31), что подъем 1904—1907 гг. в Западной Европе и С. Америке сопровождался тремя годами хороших урожаев как хлебных, так и других сельско-хозяйственных продуктов и в частности хлопка. Это-то и дало последнему подъему такой размах. Взаимодействие между промышленностью и земледелием и здесь на лицо, У нас же, где процесс перехода натуральной формы хозяйства в денежную был в полном ходу, где шло отделение мануфактуры от земледелия, а вместе с этим создание внутреннего рынка, где покупательная способность большинства населения зависит от земледельческих доходов, где внешняя и внутренняя торговля сельско-хозяйственными продуктами играет такую крупную роль, отрицать эту связь между промышленностью и земледелием—нелепо. Это можно было только с точки зрения той теории, которая причину кризисов видела лишь в „неорганизованности промышленного капитала", и не видела самого главного: эксплоатации—капиталистической, а у нас докапиталистической [1]).

Промышленный подъем не был бы у нас так силен, если бы он не получил толчка именно в период благоприятных урожаев

[1]) В своих „Основах" — изд. в 1909 г. — Туг.-Барановский признает бесспорной зависимость нашего рынка от благосостояния масс крестьянства, в виду сохранения у нас натурального хозяйства. Урожай увеличивает размер рынка, неурожай — сокращает. Но, рассуждает он дальше, если разорение крестьянства и замедляет развитие капитализма, то все же „несмотря на это, наш капитализм развивается многие годы и будет, конечно, развиваться и впредь. И если это развитие идет не столь быстро, как это можно было бы ожидать, то не по причине недостатка рынка,— рынка для продуктов капитал. промышленности у нас все же гораздо больше, чем в странах старой капитал. культуры" (718 стр.). У нас рынок больше, чем в старых капитал. странах, например, Англии, Германии! Прежде всего, с точки зрения Туг.-Баранов., который утверждает, что капитализм сам по себе создает достаточный спрос и что развитие капитал. хозяйства зависит лишь от размера производительных сил, следовало бы заключить, что чем капитализм старше, чем у него больше накоплено произв. сил, тем у него и рынок больше. Выходит, по Туг.-Бар. же, наоборот! Конечно, здесь идет речь о потенциальном рынке, так как слишком нелепо было бы говорить о том, что у нас в действительности рынок больше, чем в старых капитал. странах. Наш проф., говоря о большом рынке, имеет в виду, что рынок капиталистический может расширяться у нас и на счет сохранившегося натурального хозяйства. Это верно. Но, во-первых, это зависит от ряда условий, причем важно: замещается ли натуральное хозяйство высшей товарной формой или просто разрушается. Во-вторых, странно слышать от Туган Барановского ссылку на „натуральное хозяйство", когда по его теории для развития капитализма размеры личного потребления не важны! И, наконец, относительно того, что наш капитализм все-таки подвигается... Как подвигается — вот вопрос. Мы увидим, далее, что за 1900 — 1909 гг. мы еле двигались, и это в то время, когда старые капитал. страны и другие молодые шли особенно быстро И причина была именно в недостатке рынка. Отчего наш потенциальный рынок вместо того, чтобы превратиться в кинетический, терял свою внутреннюю энергию — вот задача исследования.

1893 — 1896 г.г.; с другой стороны, кризис 1900 — 1902 г.г. не был бы у нас так ужасен, если бы ему не предшествовали общие неурожаи 1897 и 1898 г.г. и не сопутствовали частные неурожаи 1899 — 1900 гг. в районах, работающих на внешний рынок, и опять общий неурожай 1901 года. Так, по данным Центр. стат. комит., урожай зерновых хлебов в 60-ти губ. Евр. России в 1893 — 96 г.г. колебался от 110 до 122% среднего урожая за десятилетие 1887 - 96 гг., а в 1897 г. в Европ. России полный неурожай озимых хлебов постиг 18 губ. с 34½ милл. жит., а частичный — 21 губ. Не лучше был и урожай яровых. В 1898 г. неурожай охватил значительную часть того же района, что в 1891 — 92 гг., а также и в 1897 г.: в центральном районе неурожай охватил 38 уездов с 5,1 милл. жит., в восточном 62 уезда с 15,1 милл. жит. Из этого числа 13 милл. крестьян имели сбор от 40 до 60%, а 7 милл. ниже 40% сравнительно со средним [1]). В 1901 г., согласно данным Центр. стат. комит., урожай был ниже среднего в 42 губ., а согласно всепод. докладу министра внутренних дел от 15 октября 1901 г. „неурожай 1901 г. охватил 17 губ. и 2 области с населением в 24 милл. душ — по своим размерам он являлся уже народным бедствием". Сравнивая валовой сбор зерновых хлебов в 64 губ. Евр. России, мы имеем, на основании данных мин. фин., за 1893—96 г.г. в среднем ежегодно 3.231 м. п. или 30,9 пуд. на душу населения; за пятилетие 1897—1901 этот сбор упал до 3.061 м. п. или 27,5 п. на одного жителя; при чем в 1897 г. сбор равнялся 2.546 милл. пуд., и 23,6 пуд. на душу населения, в 1898 г. — 3.037 милл. пуд. и 27,7 пуд., и в 1901 г. — 2.938 милл. пуд. или 25,7 пуд. на одного жителя.

Промышленный капитал, раз получив толчок, может некоторое время продолжать свой ход, не считаясь с остановившимся или даже сократившимся потреблением, но безнаказанно это для него не проходит. Чем дальше это продолжается, тем тяжелее час расплаты. Мы это и наблюдаем у нас.

[1]) См. В Михайловского „Неурожай и продовольств. нужда", „Н. Слово", сентябрь 1897 г. и А. Лосицкого: „Размеры урожая и продов. нужды в 1898—1899 г.г.". „Начало", май 1899 г.

2.

Рядом с развивавшимся у нас промышленным капитализмом с его кризисами назревал и надвигался все сильнее другой кризис—кризис аграрный. Наши либеральные помещики накануне 19 февраля 1861 г. думали, что освобождение крестьян без земли или без значительной части ее обратит крестьян в английских фермеров, а помещиков в английских лендордов. На деле же у нас, как в Индии, получились ирландские порядки; вернее, хуже ирландских. Крепостное право помещиков было юридически отменено, но взамен этого крестьяне попали в крепостную зависимость от государства чрез посредство „мира", круговой поруки, подушной подати, выкупных платежей и пр. И по отношению к помещикам большинство из крестьян остались фактически в крепостном состоянии. „Освобождение" отняло у них около 20% той земли, которой они владели при крепостном праве, и за это они должны были уплатить около 1,5 миллиарда рублей выкупных платежей, из которых 219 милл. руб. было уплачено за освобождение душ. Н. Чернышевкий в свое время вычислил, что если увеличить надел земли на одну треть по сравнению с тем, что находилось во владении крестьян до освобождения, то им при нормальных условиях придется уплатить 531 милл. руб. Он считал сумму в 1,5 миллиарда невероятной, ужасным фантомом, которым пугают противники реформы. Действительность показала, что крепостники оказались правы. И не будь революции 1905 г. крестьяне продолжали бы уплачивать выкуп. Таким освобождением хозяйство громадного большинства крестьян было подкопано в корне. То, что было дано крестьянам, было достаточно—говорит Энгельс—чтобы не умереть с голоду—и это, добавим мы, лишь на первых порах,—но слишком мало для жизни. И уже через 10 лет Валуевская комиссия констатировала обнищание массы крестьянства, непосильную тяжесть лежавших на нем налогов. Но чем дальше, тем шло все хуже.

Рост населения, семейные разделы, рост арендной системы в связи с поднятием цен на землю, податная и вообще вся наша финансовая и экономическая политика имели своим последствием то, что количество дворов мало обеспеченных все росло, что большинство крестьянства все беднело, раззорялось, переходя в ряды безлошадных, бесхозяйственных и, наконец, в ряды пауперов. Г. Лохтин пришел к выводу, что из вновь появившихся после 1861 г. крестьянских дворов более $^1/_3$ безземельные, и что из общего числа крестьянских дворов каждый десятый и одиннадцатый двор стал безземельным („Безземельный пролетариат в России" 1905 г.). По данным г. Полферова, число безлошадных в Империи быстро росло: 1882 г. их было 27,52%, 1888 г.—29,4%, 1893 г.—31,7%, 1899 г.—34,8% и 1902 г.—35,62%, (а в 1906 г., по данным других исследователей, уже 38% всех дворов). Каково было вообще движение количества скота в сопоставлении с движением других факторов сельскохозяйственной жизни крестьянского населения 50 губ. Европейской России за период 1870 — 1900 годов, видно из следующей таблицы:

Увеличение площади *всей* (надельной и частновлад.) крестьянской земли	Увеличение пашни на *всей* крестьянской земле	Прирост крестьянского населения	Увеличение числа крестьянских хозяйств	Увеличение количества крестьянск. скота
20,5%	40,5%	56,9%	57,8%	9,5%

Эти данные показывают, что увеличение количества всей крестьянской земли, надельной и частновладельческой, за рассматриваемые 30 лет шло в 2,8 раза медленнее, увеличение пашни почти в $1^1/_2$ раза и увеличение крестьянского скота в 6 раз медленнее, чем прирост крестьянского населения и крестьянских хозяйств [1]).

Посевная площадь на крестьянских надельных землях в 50-ти губерниях возросла за десятилетие 1891 — 1900 г.г. сравнительно с 1861—70 г.г. на 3%, что однако не совсем точно. Площадь посева на надельных землях на тысячу душ обоего пола в десятилетие 1891—1900 г.г. сократилась сравнительно с 1861 — 70 гг. с 825 дес. до 547 милл. дес. или на 33,7%. Наибольшая относительная убыль наблюдается в 5 районах: малоросс., средне-земледельческ., средне-промышл., среднеприволж. и восточном, где % убыли колеблется от 34,9 до 46,4%. В этих районах произошло и абсолютное сокращение посевов на надельной земле: от 3,1 до 18,0%, при чем только в восточном районе оно было пополнено абсолютно посевами на частн. землях. Вообще в земледельческих районах, за исключением юго-западного района и южно-степных губ., убыль площади крестьянских посевов была значительно больше, чем в неземледельческих. Посевная площадь на землях частного владения увеличилась за это же время на 6,2 милл. дес. или на 50,1%. Тем не менее общая посевная площадь по отно-

[1]) Данные взяты из „Материалов Комиссии 16 ноября 1901 г." etc На 1000 дворов приходилось в 1870 г. 9329 голов скота, в 1880 г.—8345, 1890 г.—7294 и в 1900 г. — 6474; сокращение за 1870 — 1900 гг. на 31%. По отношению к пашне соответствующие цифры: 1144, 1130, 1062 и 887 гол.; сокращение на 22, %. Ухудшилось и качество крупного скота. Мелкий скот уменьшился и абсолютно на 0,2%, и это особенно в Новороссии (40,2%), что объясняется расширением запашки на счет выпаса овец — явление, наблюдавшееся на Западе, и само по себе еще не регрессивное. Крупный скот возрос абсолютно на 32,2%, а лошади на 10%; 50,7% всего прироста крупного рогатого скота за 1870—900 г.г. падает на 7 восточных губерний Евр. России. В 9 среднечерноземных этот скот возрос на 29,1%, т.-е. ниже среднего прироста в России (31,2%). В тех же 9-ти губерниях число лошадей сократилось абсолютно на 14,8%, в среднеприволжском на 7,7%, среднепромышленном районе на 2,2% и прибалтийском на 9.4%; во всех остальных районах оно возросло. (По более поздней конской переписи число лошадей за 1900—1906 г.г. сократилось абсолютно в 22 губ. Европ. России на 2,1%).

шению к сельскому населению сократилась на душу на 27,1%. И особенно сильно она сократилось опять-таки в указанных 5 районах: от 28,9 до 40,3%. Только в Новороссии и Прибалтийском крае произошло относит. увеличение. Благодаря увеличению общей посевной площади и повышению урожайности сбор хлебов и картофеля в 1890 — 1900 г.г. возрос по сравнению с 1860 — 1870 г.г. для озимых на 86,9%, яровых на 135,6 и картофеля на 338,4%. Однако такое увеличение объясняется в известной степени и более точными данными за 1890—1900 г.г. В то же время в указанных уже нами 5 районах имело место относительное—к населению—уменьшение сбора хлебов и картофеля на крестьянских землях—в размере от 1,7 до 28,3%, — которое только в Малороссии пополнялось сбором их на землях частных владельцев. По расчету на душу населения сбор хлебов и картофеля на надельных землях уменьшился за это время с 24,8 до 23,4 пуд. или на 5,6%. Подчеркнем здесь, что относительно сбор хлебов – без картофеля — уменьшился на надельных землях более всего в средне-земледельческом районе: на 31,0 — 37,7%, в средне-приволжском на 22,8 и в восточном на 28,2%. С другой стороны в новороссийском, юго-западном, прибалтийском и юго-восточном районах работающих на рынок, сбор хлебов возрос от 4,6 до 37,0% [1]).

Характерно для современного положения, что сбор картофеля во всех 50 губерниях Европ. России возрос за этот период в среднем на надельных землях на 133,9%, при чем этот рост наблюдался во всех восьми районах. Эта замена зерновых хлебов картофелем,—признак ухудшения питания населения,—явилась и на Западе спутницей развивающегося денежного хозяйства, возникающего капитализма.

3.

Недостаточное наделение землей и рост крестьянского населения [2]) имели своим последствием развитие у нас мелкой аренды, и при том в худшей ее форме — краткосрочной аренды. Съемка на год являлась преобладающей формой. На основании земско-статистических данных проф. Карышев показал, что в центре и юго-западе России около трех четвертей всей арендованной земли (74,6% и 71,6%) снималось погодно, а на юге и юго-западе около половины (55 и 45,5%). Проф. Мануилов считал, что „погодная съемка — знаменитая ирландская from jear to jear — захватывает у нас в малоарендной полосе 75% всех аренд, а в многоарендной 50%“ („Аренда земли в России

[1]) Подробные данные о посевах и сборах хлебов и картофеля за последние десятилетия мы приведем во II томе в отделе, где будет речь о положении деревни после революции 1905 г.

[2]) В 50 губ. Европ. России в 1860 г. на тысячу душ насчитывалось 2308 десятин, в 1900 г. – 1298, т.-е. уменьшилось на 43,7%.

и Ирландии“, Р. М. 1895 г.). Данные позднейшего времени показывают, что такая форма „съемки“ продолжала все расти. В Саратовской, напр., губернии в 1902 г. только 37% всей арендной крестьянской земли снимались на год, а остальная часть на один посев (В. Колобов). В ряду краткосрочных аренд приходится отметить распространение наихудшего типа погодной аренды — так назыв. „бессрочной съемки земли“. При этой форме съемщики, „выпахивая из года в год землю и получая с нее все меньшие урожаи, вынуждены в то же время постепенно увеличивать платимую ими за эту землю аренду и, таким образом, все более и более втягиваются в тяжелую экономическую зависимость от землевладельца“ (Доклад тульского комитета о нуждах сельского хозяйства).

Цены на аренду все росли. В 80-х годах арендные цены обнаружили колебания в связи с падением цен на земледельческие продукты, но, в общем, они шли независимо от этих последних цен. Они диктовались сильнейшим спросом со стороны крестьян. Этот спрос очень долго искусственно повышался, благодаря переселенческой политике, которая сначала запрещала переселение, а затем всячески тормозила его и только под влиянием аграрного движения последнего десятилетия начала покровительствовать ему. Арендные цены возросли особенно сильно в 90-х годах. Средняя плата за десятину в 27 губерниях Европейской России составляла в начале нынешнего столетия 81,1% чистой доходности, в некоторых губерниях она достигала 108,4% (Полтавская), 127,4% (Нижегородская), 133,4% (Калужская, Черниговская), а в некоторых уездах она превышала и валовую (Н. Рожков) [2]).

Согласно сводным данным трудов местных комитетов о нуждах сельского хозяйства по 49 губерниям Европейской России: „Из общей массы всего сельского населения в аренде заинтересовано до 30 милл. душ (42½%), снимающих до 50 милл. десятин земли, что составляет около 30% всей надельной площади. Общая же сумма арендных денег, ежегодно выплачиваемых крестьянами за эту землю, доходит до 315 миллионов рублей, что составляет, в среднем, 25 р. на двор — сумму, значительно превышавшую все прочие платежи, падающие на крестьянский двор“ (Д. Флексор). Это совпадает с данными других исследователей (Карышева, Мануилова). Крестьянам приходилось арендовать землю не только вследствие недостатка земли, но и „поневоле“ или „против воли“. Отчеты уездных комитетов о нуждах сельского хозяйства констатировали, что такая аренда „представляет широко распространенное явление и служит почти неразлучным спутником чересполосности владения надельными землями“. Знаменитые „отрезки“, „клинья“ и проч. вместе

[2]) Данные показывают, что высшая арендная плата для различных форм аренды встречается в земледельческих губ – в центральных и на юге. Отметим здесь, что арендная плата за надельные земли была в 1⅓ - 2 раза ниже платы за вненадельные. В средне-земледельческих губерниях она была ниже на ½ вненадельной.

с целым рядом других экономических и правовых условий фактически и удлинили крепостное состояние.

На ряду с денежной формой аренды, которая в 900-х г.г. преобладает, сохранились и натуральные — отработочная, продуктная [1]. Данные показывают, что отработочная система вместе с издольной и испольной пользовались особенно широким применением в средней помещичьей полосе России в первое время после освобождения крестьян, но эти системы распространены были и в 900-х г.г. Неурожаи и недостаток денежных средств заставляют крестьян часто прибегать к этим формам, которые, как общее правило, дороже денежной. А ими пользуются наиболее бедные и наименее обеспеченные крестьяне. Мы не будем здесь подробно говорить об этих формах аренды [2], подчеркнем лишь, что натуральные формы действуют более разрушающе на земледельческое производство крестьян, чем денежные: „они низводят непосредственного производителя на физический минимум средств к жизни“ (Маркс). Отработочная система, сопровождаемая обязательством крестьян явиться „по первому требованию“, отрывает крестьянина от своевременных работ на собственной земле и т. д. Земско-статистические данные показывают, что продуктная арендная плата все возрастала. „Спольщина“ сначала предполагала выдачу владельцу $^1/_2$ продукта, а в последнее время оказывается, что там, где доля владельца при найме пахотной земли опускается ниже этой нормы, там плата дополняется—и значительно—отработками, а то и деньгами. Нередки случаи, когда плата за наем пахоты поднимается до $^2/_3$ и $^3/_4$ продукта.

Нужно ли доказывать, что при таких условиях ни о каком улучшении техники, ни о каком поднятии производства у громадного большинства крестьян и речи не могло быть. Положение ухудшалось ролью „мира“; А. Риттих совершенно правильно указывал, что отношения крестьянина к миру не могут быть приравнены „к закономерным отношениям арендатора и собственника“, но могут быть смело сравнены „с зависимостью западно-европейских крестьян от сеньоральной власти в тяжелые времена феодального права, и это не будет в пользу правового положения наших крестьян“ („Зависимость

[1]) Из 6,8 милл. десятин земли, условия аренды которых были в 90-х годах известны, за деньги сняты 5,9 милл., а за отработки, из доли урожая и в смешанной форме 846 тыс. дес., т.-е. в 7 раз менее („Материалы комиссии Коковцова“). Это подтверждается и данными местных комитетов: в Тульской, напр., губернии, в Епифанском уезде, чисто денежная аренда составляет 51,7% всех аренд, издольная 0,4%, отработная 1%; 4,7% снимает землю за подати, при чем большая часть этих арендаторов еще приплачивают владельцу. Кроме того 42,2% аренды составляют смешанные формы, которые обыкновенно состоят из денежной и отработочной аренд. Господство денежной аренды в последнее время иллюстрируется и тем, что из 1,4 милл. десятин, сданных Крестьянским банком в 1907 г. в аренду крестьянам, лишь 85 тыс. десятин или 6,1% было сдано в издольную, остальные 93,9% — в денежную аренду.

[2]) См. нашу статью: „По поводу оскудения центра“ (Московский журнал „Правда“, январь и апрель 1904 г.) и нашу книжку: „Аграрный вопрос и С. Д.“, изд. 1906 г.

крестьян от общины и мира“, 1903 г., 177—178 стр.). Община, которая должна была, по уверению ее защитников, предохранить нас от пролетариата, в действительности лишь содействовала уравнению бедности. В тех условиях, в которых она находилась, и с теми средневековыми и крепостническими наростами, с какими мы ее получили в наследство, она могла лишь содействовать одному — развитию пауперизма в деревне.

4.

Превращение натуральных повинностей в денежные, что когда-то разорило французских крестьян, отдало нашего крестьянина в полную кабалу ростовщическому и купеческому капиталу. У нас пышно расцвели в деревне именно паразитарные формы капитала. Денежно-торговый капитал, как известно, сам по себе не создает еще новых форм хозяйства, а действует лишь разрушающе на старые формы. Это и наблюдалось у нас. Происходила „капитализация земледельческих доходов“ на почве разорения крестьян, как это показал еще в 80-х г.г. Николай — он. Крестьянину для уплаты государственных, земских и мирских податей приходилось продавать за полцены хлеб, в котором он сам нуждался. Такая конкуренция препятствовала улучшению культуры в более обеспеченных крестьянских хозяйствах. Она мешала и интенсификации помещичьего хозяйства. Почтенные авторы сборника „Влияние урожаев и хлебных цен и т. д.“, изд. в 1897 г., стремились доказать, что низкие цены на хлеб выгодны для нашего в громадной своей части „натурального“ сельского хозяйства, апологетами которого они являлись. И с этой целью они применили к нам мерку развитых капиталистических стран, с капиталистической земельной рентой, где низкие цены действительно необходимы для развития индустрии, для громадного городского населения и для большинства крестьян-пролетариев, не продающих своего хлеба вовсе, а прикупающих его! Они забыли, что наш крестьянин больше продавец, чем покупатель, продавец по необходимости и не излишков, а самого насущного, что продает он осенью по низким ценам, диктуемым нуждой в деньгах и зависимостью от торгового капитала, работающего на международный рынок, а прикупает хлеб весной по высоким местным ценам сельского ростовщического капитала. На Западе и у нас понятие „низкие“ хлебные цены различны. Там высокие цены зависели от развитой капиталистической ренты, у нас же низкие хлебные цены были синонимом бедности сельского населения, гибели нашего экстенсивного „натурального“ хозяйства.

Наши периодические голодовки являлись естественным результатом тех общих экономических и политических условий, в которых находилось крестьянство. Они являлись продуктом не только прогрессивного увеличения податного пресса, возра-

стания малоземелья, относительного сокращения количества скота, площади посева и т. д., но они продукт и унаследованного нами от крепостной эпохи трехполья с мертвым паром — этой чумы земледелия, по выражению Шубарта [1]). При таких условиях урожайности трудно подниматься, и наше земледелие стало чистейшей игрушкой стихийных сил природы. У нас установилась известная периодическая смена урожайных годов неурожайными, как это показал Маркс еще относительно 70-х годов, о чем подробно во II томе книги. За последующие три десятилетия, по мере того, как почва все истощалась, размер неурожаев все увеличивался.

Статистика урожайности поставлена у нас вообще неудовлетворительно, однако, ее данные все же пригодны для сравнения различных районов. Данные показывают, что за 1880—1900 г.г. в земледельческих районах, если исключить Прибалтийский край со сравнительно высокой земледельческой культурой, урожайность повышалась слабее, чем в неземледельческих. Из земледельческих районов продуктивность десятины возросла более всего на юге и особенно на юго-западе, где опять-таки сельское хозяйство поставлено на лучшую ногу. Далее в неземледельческих местностях урожай более устойчив, чем в земледельческих. За эти 20 лет в 7 промышленных губерниях преобладали хорошие урожаи—то средние, то выше среднего. На севере неурожаи редки. В 12 западных губерниях то же самое. Между тем в 9 губ. средне-земледельческих и 6 средне-приволжских и восточных плохие урожаи составляют от $^1/_3$ до $^2/_5$ годов. В западных и прилегающих к ним северных и в средне-промышленных полные неурожаи чрезвычайно редки, между тем как в средне-земледельческих и степных местностях годы, когда не собиралось даже семян, часты. „В земледельческих губерниях преобладают крайности, высокие и низкие урожаи сменяются почти с закономерной правильностью при редких средних урожаях. В неземледельческих—урожайность несравненно ровнее“ („Материалы“, 271 стр.).

Данные урожайности показывают нам те же явления, которые мы наблюдаем и при исследовании других факторов земледельческого хозяйства, а именно, что в различных районах положение земледелия у нас различное. И это объясняется различными историческими и экономическими условиями различных районов. Лучшие урожаи в неземледельческих районах объясняются большей интенсивностью хозяйства. Оффициальные и неоффициальные исследователи показывают, что в районах, где развивалась промышленность, там и земледелие, несмотря на наши общие неблагоприятные условия, слабо, но все же прогрессировало. Вводилось травосеяние (Ярославская, Тверская, Московская и другие губ.), культивировались различные торгово-промышленные растения (Псковская, Смоленская), улучшались орудия производства, применялось удобрение, переходили к высшей форме культуры. Бажаев в своей книге: „Крестьянское хозяйство в нечерноземной полосе Европейской России“ привел ряд данных, показывающих, что крестьяне здесь улучшают земледельческую культуру. Но, в конце-концов, все это происходило в слабых размерах и лишь у незначительного меньшинства крестьянства. Улучшение крестьянского земледелия происходило и в земледельческих губ., прежде всего — в южных. Оно наблюдалось и в других районах. Исследователи констатируют, что у крупных посевщиков-крестьян урожайность выше, чем у мелких. Понятно отсюда, что там, где дифференциация среди крестьянства сильнее,—а это имеет место в многоземельных районах и в районах, работающих на рынок (южном, юго-западном, малороссийском, юго-восточном), — там урожайность у более обеспеченных лучше и общий уровень производительности земледелия выше; там наряду с сельским пролетариатом образуется крестьянская буржуазия, у которой он находит заработок [1]). Не то в центрально-земледельческом и средне-волжском районах, где дифференциация крестьянства слаба. Здесь развивались докапиталистические формы ренты, при чем на самых тяжелых условиях. Здесь среди крестьянства преобладал пауперизм [2]).

[1]) В нашей черноземной полосе имеются уезды, в которых площадь под оврагами занимает 20% общей площади. Эти овраги недавнего происхождения и образуются, главным образом, на крестьянских землях (В. Отоцкий). И в книге Неймайра „История земли“, вышедшей в русском переводе под редакцией Иностранцева, указывалось, что овраги — бич земледелия — грозят превратить всю южную Россию в бесплодную пустыню. С каждым годом положение в этом отношении ухудшалось, а между тем мелиорация земли у нас продолжала пребывать в застое. Это признало позже и „Сельское хозяйство и лесоводство“, журнал Главн. Управл. З. и З. (июнь, 1910 г.).

[1]) Статистика землевладения в 1905 г. показывает, что из 24,6 милл. десятин крестьянской частной земли 13,2 милл. находилось в личной, 3,7 милл. — в общественной и 7,6 милл. — товарищеской собственности. Из этой земли 3,6 милл., в том числе 1,8 милл. дес. личной, падает на 7 центрально-промышленных губ., в Южно-степном районе, соответствующие Цифры: 3,1 милл. и 1,9 милл. дес., в Средне-волжском 2,4 и 1,5 милл., в Заволжском — 3,3 и 1,4 милл. дес., в Днепровско-Донецком — 2,9 милл. и 1,6 милл. личной земли, в Озерном 2,7 и 1,8 и Северо-западном — 2,1 и 1,0. При этом Балтийский, Заволжский и Южно-степной районы имеют сравнительно крупную частную крестьянскую собственность: в Заволжском из 10.138 таких владений 2080 или $^1/_5$ имеет каждое более 100 дес., мелких — до 50 дес. — 70.951; в южно-степном районе: из 18.617 владений 3810 или тоже $^1/_5$ имеют каждое больше 100 дес., а до 50 дес.—12.333 влад. Владения со средним размером более 100 дес. имеются в Астраханской, Самарской, Херсонской, Донской Области, Екатеринославской и Оренбургской; менее 15 дес.: в Полтавской, Черниговской, Курской, Рязанской и Нижегородской и вообще в центре и на севере.

[2]) И в изд. Департ. Земледелия книге П. Н. Соковнина: „Культурный уровень крестьянского полеводства на надельной земле и его значение в аграрном вопросе“ (1906 г.), в которой делается попытка произвести учет средней производительности и доходности крестьянского полеводства в 44 губ. Европ. России за 18 лет вплоть до 1900 г., автор приходит к выводам „Превосходство черноземa перед нечерноземными почвами нисколько не отражается на средних количеств. результатах крест. полеводства“... (7 стр.). „Крестьяне 14 губ. нечерноземного района имеют в среднем больший валовой доход с десятины посева, чем крестьяне Киевской губ., стоящей в этом отношении впереди

Н. Череванин, на основании данных конских переписей, показал, что в 38 губ. с 1888—1891 г.г. по 1899—1901 г.г. число безлошадных дворов увеличилось с 27,6 до 29,9%, с 1 лошадью с 28,4 до 30,6%; сократилось: с 2-мя 21,4—21,3%; с 3—4-мя 16,5—13,8 и с 5 и выше с 6,1 до 4,4%; абсолютное число лошадей возросло с 13.287 тыс. до 13.313 тыс., число лошадей на 1 многолош. двор (с 3 и более лошад.) упало с 4,3 до 4,1. Точно так же и в 1904 — 1906 г.г. число безлошадных увеличилось в 35 губ. по сравнению с 1888—1891 г.г. с 27 до 30%, увеличилось и с 1 лош.: 27,5 и 29,7%, сократились: с 3—4 лош. с 16,0 до 12,9%, с 5 и выше с 6,0 до 4,4%; увеличились немного и дворы с 2 лош.: 22,8 — 23,0%; абсолютное число лошадей возросло на 770 тыс., число лошадей на 1 многолошадный двор упало с 4,4 до 4,2 лош. Данные эти показывают, что процесс дифференциации крестьянства в 90-х годах и в начале нынешнего столетия остановился. Обеднение охватило все слои крестьянства („Н. Заря", № 1, 1910 г.). Напрасно только Н. Череванин думает, что, констатируя это явление, он делает открытие и что В. Ильин, подчеркивавший дифференциацию крестьянства в своей книге „Развитие капитализма в России", не обратил внимания на этот процесс упадка. Во 2-м издании этой книги (1907 г.) В. Ильин (Ленин) подробно рассматривает данные военно-конских переписей за 1888—1900 г.г. по 48 губ. и указывает, что в 1888—1891 г.г. число безлошадных дворов было 27,3%, с 1 лош. — 28,5%, в обеих группах — 55,8%; с 2-мя лошадьми 22,2%, с 3-мя — 10,6, 4-мя — 11,4, всего в двух последних группах 22,0%. В 1896—1900 г.г.: безлошадных 29,2, однолошадных 30,3, обеих групп 59,5%, двухлошадных 22,0, трехчетырехлошадных 9,4 и 9,1, всего 18,5%. Число лошадей на 1 многолошадный двор упало с 5,5 до 5,4. Число лошадей у многолошадных дворов (с 3 и 4 более лошад.) упало с 56,4 до 51,2% всего числа лошадей, у однолошадных увеличилось с 17,1 до 19,9 и у двухлошадных с 26,5 до 28,9%; абсолютное число лошадей сократилось с 16.910 до 16.875 тыс., между тем как число дворов увеличились с 10,1 до 11.1 милл. „Сравнение этих данных, — писал В. Ильин, — показывает растущую экспроприацию крестьянства". Вместо 5,6 милл. дворов крестьянской бедноты (безлошадных и однолошадных), мы имеем уже 6,6 милл. дворов, вместо 2,2 милл. многолошадных только 2,0 милл., число

всех остальных черноземных губ." (10 стр.). „Из 44 губ. — в 36, охватывающих 3/4 площади Европ. России и 35% ее сельского населения, царит трехполье; в 4-х восточных (Оренбургской, Уфимской, Самарской и Пермской) — переложная система. В 4-х южных Бессарабской, Таврической, Полтавской и Херсонской лишь земельная нужда могла заставить крестьян этого района, сохранившего еще в значительной степени переложное хозяйство, перейти к увеличению площади посева далеко за границы трехполья" (23). Что касается аренды, то данные показывают, что „рост арендных цен далеко опередил рост экономич. и особенно хозяйств. значения пахотной земли в различных местностях. Превышение аренди. цен в черноземн. губ. над аренди. ценами нечерноземных отнюдь не пропорционально разнице хозяйств. и экономич. значений пахотной земли в этих районах" (20 стр.).

средних и зажиточных (с 2 и 7 лошадьми) осталось почти без изменения (4.465 и 4.509 тыс.). „Итак, — повторяет он, — рост нищеты и экспроприации крестьянства не подлежит сомнению" [1]). Рассмотренные нами выше данные показывают, таким образом, что по крайней мере в 90-х годах и в начале нынешнего столетия вплоть до революции 1905 г. регрессивный процесс в большинстве крестьянских хозяйств 50 губ. Европейской России превалировал.

---

[1]) Подробное исследование военно-конских переписей по отдельным районам показывает, что наибольший упадок крестьянского хозяйства проявился в центрально-черноземной, средневолжской, белорусской, литовской и приозерной губерниях. Упадок показывают также и юго-западный и малороссийский, а также средне-промышленный районы. Процесс дифференциации продолжался: в Новороссии, нижне-волжском и прибалтийском районах; за 1890 — 1904 г.г. число безлошадных и многолошадных дворов здесь возросло.

ОТДЕЛ VII.

Основные факторы революции 1905 г.

(Экономические итоги).

1.

В статье „Движущие силы русской революции" (Die Neue Zeit 1906 г.) Каутский указывал, что „решающими" причинами отсталости и бедственного состояния нашего земледелия являются недостаток „интеллигентности" у сельского населения и недостаток у нас капитала. Относительно крестьянства это верно; оно в силу целого ряда условий не обладало в громадном большинстве своем ни необходимым для рационального ведения хозяйства количеством земли, ни соответствующими знаниями, ни необходимыми средствами производства. Что же касается помещиков, то они жаловаться на отсутствие капиталов не могли: не говоря уже о сотнях миллионов рублей, полученных ими при „освобождении" крестьян, частному землевладению было выдано различными кредитными учреждениями до 1 января 1906 г. 2,3 миллиарда рублей долгосрочных ссуд, а остаток непогашенных долгов равнялся к этому времени 2,1 миллиарду руб. Следует к этому прибавить задолженность владельческих земель у частных лиц, которая может быть исчислена не менее, чем в 400 миллионов рублей. Лишь незначительная часть этих денег пошла на производительные цели (и в промышленность). Эти долги возникли отчасти из необходимости выдела доли сонаследникам при разделе наследств, или прямо при покупке земли. Но большая часть этих средств была просто съедена гг. дворянами, которые кредитовались не только в Дворянском банке, но и в частных и Крестьянском. А известно, что ссудный капитал сохраняет и в капиталистическом строе характер и форму ростовщического капитала не только по отношению к отдельным лицам, но и целым классам, поскольку деньги ссужаются не на производительные цели в смысле капиталистического производства, поскольку деньги берутся на личные нужды или на цели мотовства, как это и делали наши дворяне. Тот же эффект получается и там, где заемщик — мелкий крестьянин, т.-е. некапиталистический предприниматель или, наконец, там, где капиталистический производитель так мелок, что сам приближается к рабочему производителю (Марке). Все это и наблюдалось в нашем сельском

хозяйстве, где господствует мелкое хозяйство, где орудия производства рассеяны, где „промышленный" капитал еще слабо подчинил себе непосредственно труд. А роль ростовщического ссудного капитала при таких условиях определенная: он высасывает последние соки у населения, парализует его производительные силы, ведет к экономическому регрессу. Революционна же его роль лишь постольку, поскольку он, разрушая старые докапиталистические формы собственности, вместе с тем разрушает и основания, на которых покоятся старые политические формы.

На „изумительное возрастание задолженности крупного землевладения" обратил внимание Николай—он'а Марке еще в 1881 г. (письмо от 19 февраля). „Вы могли бы показать вашим лендлордам, этому высшему классу представителей агрикультуры, как они кристаллизуются в общественной реторте под влиянием новых столпов общества". С тех пор задолженность частного землевладения возросла гораздо сильнее: в 1905 г. было заложено 189.078 имений с 60.9 милл. дес. или 50% всей частно-владельческой земли. Если принять сумму задолженности в 1876 г. за 100, то в 1886 г. она равнялась 170, в 1896 г.—338 и в 1906 г.—587. Значительная часть заложенной дворянской земли перешла за это время в новые руки. Исследование движения землевладения со времени освобождения крестьян до революции показывает, что по 44 губерниям дворяне за 35 лет 1863—1897 г.г. в среднем ежегодно теряли 750 тысяч десятин, за 1883—1897 г.г. ежегодно 818 тысяч, в 1898—1902 г.г.: 979 тысяч и в 1903 г.—694 тысяч десятин. Крестьяне приобретали за эти же периоды ежегодно 347 тыс. дес., 496 т., 828 т., в 1903 г.—856 тыс. дес., купцы и юридические лица приобретали 355, 281, 131 дес., а в 1903 г. даже потеряли 58 тыс. дес. (Материалы по статистике движения землевладения в России в 1903 г. Изд. 1910 г.). Данные за 1860—1905 г.г. показывают, что наибольшая потеря земли у дворян наблюдалась в нечерноземных губерниях. Они продавали свои земли особенно в степных губ., где вследствие дифференциации крестьянства развивалось постепенно крепкое буржуазное хозяйство, и в промышленном районе, где крупное землевладение не представляло особых выгод. Но за то оно крепко держалось земли в Юго-Западном крае с его капиталистическим хозяйством, а также в Центрально-земледельческом с его выгодной крестьянской арендой.

Критическое состояние нашего помещичьего хозяйства, слабость развития в нем капиталистического производства в дореволюционный период [1]) некоторые старались приписать мировому сельско-хозяйственному кризису. Так, М. И. Боголепов в коллективном труде: „Общественное движение в России в начале XX века"

[1]) Крупное земледелие развивалось преимущественно в Прибалтийском Западном и Юго-Западном районах, где развиты и крупные производства, близко стоящие к сельскому хозяйству. Однако земель с высокой хозяйственной культурой все же было мало: в начале нынешнего столетия maximum 10 милл. дес. во всей стране

указывает, что „преобразование наших социальных отношений совпало с затяжным кризисом сельского хозяйства на Западе, где землевладельцы должны были считаться с падающими хлебными ценами и дорожающими рабочими руками". То же имело место—по его мнению—и у нас. Спору нет, мировой сельскохозяйственный кризис отразился неблагоприятно на нашем земледелии, крупном и мелком. Он задерживал и прилив капиталов в земледелие. Однако, следует помнить, что этот кризис начался с середины 70-х годов, а падение помещичьего хозяйства происходило со времени освобождения крестьян; капитализм в нем плохо развивался, несмотря на то, что на Западе в 60-х и до половины 70-х годов сельское хозяйство находилось в благоприятных условиях, и цены на мировом рынке повышались. Значит, были и другие причины. Различные формы докапиталистической ренты при избыточном крестьянском населении были для наших помещиков—особенно для владельцев латифундий—выгоднее капиталистического ведения хозяйства. Это мы и наблюдаем прежде всего в Центрально-земледельческом районе. Далее, конкуренция дешевого крестьянского хлеба, который продавался из нужды, тоже действовала в этом направлении. Сильное падение цен на м и р о в о м рынке объясняется в известной степени конкуренцией на нем нашего хлеба, который мы вывозили в больших количествах и продавали за бесценок, сами недоедая. На это указывал и Фр. Энгельс. Не только конкуренция заокеанского экстенсивного хозяйства, но и расширение экстенсивного хозяйства на наших окраинах, понижая цены на нашем рынке, мешали переходу к интенсивному земледелию нашему крупному и мелкому хозяйству в средних районах. С конца 90-х годов, вместе с установлением более высоких цен, мы видим стремление к увеличению помещичьих запашек, но об этом в отделе о положении деревни после 1905 г. Препятствовала, наконец, установлению капиталистических отношений в деревне и община. Однако, было бы ошибочно говорить вместе с проф. Боголеповым, что тормозами для развития у нас крупного земледелия были недостаток и дороговизна рабочих сил. Пролетариатом наши помещики были обеспечены, да и на Западе вопрос о рабочих не стоял так остро, как об этом кричали буржуазные экономисты, и как это представил в свое время проф. Каблуков, создавший даже теорию падения крупного сельского хозяйства в капиталистическом строе изза недостатка рабочих (см. его книгу „Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве").

С другой стороны нельзя согласиться и с общим положением проф. Боголепова, что у нас под влиянием сельско-хозяйственного мирового кризиса „финансовые отношения стали неизменно складываться под углом помещичьих интересов". Верно, что в интересах старого режима было сохранение феодального землевладения, верно, что правительство разными подачками, учреждением Дворянского банка, а затем Крестьянского, покупкой по высоким ценам спирта и пр. стремилось помочь крупному—

преимущественно дворянскому — земледелию [1]). Известно, далее, что характер прямого обложения сельского населения у нас таков, что десятина крестьянской земли обложена у нас в 4½ раза больше помещичьей десятины. Однако, было бы ошибочно говорить, что финансовая и экономическая политика правительства в 80-х и 90-х годах, — т.-е. во время сельско-хозяйственного кризиса — определялась только или преимущественно интересами помещичьего хозяйства. Если бы проф. Боголепов рассмотрел эту политику основательно, то он бы увидел, что помещики были у нас фритредерами, а правительство в интересах фискальных и, далее, крупной промышленности проводило покровительственную, а то и запретительную таможенную политику. И это вредно отражалось как на крестьянском, так и на помещичьем хозяйстве. Если бы, далее, М. И. Боголепов исследовал наше денежное обращение, — а он этот вопрос, игравший важную роль в нашей пореформенной финансовой политике, вовсе оставил без внимания, — то он увидел бы, как интересы помещиков здесь расходились с интересами правительства и промышленной буржуазии. Либерализм помещиков до революции в значительной степени объясняется именно мезальянсом правительства с крупной промышленной буржуазией.

2.

Мы могли бы ограничиться сказанным до сих пор о положении нашей деревни накануне революции, если бы нам не пришлось здесь остановиться еще на вопросе о влиянии п р о-

[1]) Распределение личной земельной собственности в 1905 г. в 50 губ. Европейской России видно из следующей таблицы:

Размеры владений	Число владений (в тыс.)	Общая площадь (в милл. д.)	В % к общему числу владений	В % ко всей площади
До 10 десятин . . .	418.2	1.7	51.0	1.7
От 10 до 100 дес. .	293.2	9.6	35.3	9.4
„ 101 „ 1000 „ . . .	98.8	30.5	11.8	30.0
Свыше 1000 „ . . .	16.0	59.8	1.9	58.9
	826.2	101.6	100	100

Выходит, что около 16 тысяч (15980) крупных владений имели в 1905 г. 59.8 милл. десятин, составлявших 58.9% всей частновладельческой земли, причем 779 владений имели 24.2 милл. дес.; это число *владений*, число же *владельцев* было меньше. В 1877 г. площадь латифундий была еще больше: она составляла 70.6% всей площади, число владельцев свыше 1000 десятин было 924, а площадь их земли 27.2 милл. десятин.

мышленного капитала на наше сельское хозяйство, и в частности на крестьянское. Если вопрос о кризисе крестьянского хозяйства, — а этот кризис явился одним из основных факторов нашей революции, — более или менее выяснен в нашей марксисткой литературе, и между прочим в указанном нами коллективном труде правого крыла марксизма, то вопрос об общем ходе нашего экономического развития в дореволюционный период остался до сих пор, по нашему мнению, недостаточно освещенным. Так, в „Итогах" 1 тома „Общественного движения и т. д." П. Маслов пишет: „Главной особенностью экономического развития России в пореформенную эпоху, особенностью, наложившей отпечаток не только на характер борьбы общественных классов, но и на общественную идеологию, было быстрое развитие крупного капиталистического производства на почве еще мало развитого товарного обмена среди мелких хозяйств". (Подчеркнуто нами. *А. Ф.-Е.*) П. Маслов далее поясняет смысл этого положения: капитализм сразу развился у нас в форме крупного производства, не успев разложить натуральную форму крестьянского хозяйства. Создавались, таким образом, высшие формы капиталистического хозяйства на ряду с остатками крепостнических отношений; крупное производство развивалось при мало развитом потреблении фабрикатов натуральным крестьянским хозяйством. И „основной причиной такого своеобразного хозяйственного развития страны является экономическая отсталость России, позже других стран вступившей на путь капиталистического развития при колоссально-развитом государственном механизме"... На первый взгляд эти заключительные положения Маслова могут, пожалуй, показаться „бесспорными". Не то при ближайшем рассмотрении.

Верно, что крупное производство быстро развивалось у нас в пореформенное время, особенно в последние годы XIX века, верно и то, что, возникнув позже чем в других странах, капитализм пользовался у нас последним словом западно-европейской техники. Но в этом нет еще ничего специфического для России. С. Америка, например, вступила на путь капитализма тоже очень поздно, и сразу пошла семимильными шагами в это направлении. Особенность, значит, заключается в том, что крупное производство быстро развивалось у нас на основе слабо развитого товарного обмена среди мелких хозяйств. Но, в таком случае следовало бы показать, что товарный обмен у мелких хозяйств был действительно слабо развит; следовало бы, далее, доказать, что крупно-капиталистическое промышленное производство наталкивалось у нас на стойкое еще натуральное хозяйство. А последнее не доказано ни П. Масловым, ни кем-либо из его товарищей по сборнику, да и доказано быть не может. Скорее придется утверждать, что наше крестьянство было слишком быстро вовлечено в обмен. Оно с первых же шагов после освобождения попало во власть денег, в объятия международного капиталистического рынка. Необходимый для

этого технический аппарат очень скоро настроился на капиталистический лад. Постройка железных дорог ускорила этот процесс вовлечения крестьянства в обмен. „По мере вовлечения земледельческих районов в товарное обращение создавался спрос на предметы фабрично-заводского производства", совершенно правильно указывает в том же сборнике В. Мукосеев (112 стр.). И этот спрос до поры до времени рос, несмотря на неблагоприятные условия, в которых находились крестьяне, как вынужденные продавцы хлеба. Если наш промышленный капитализм очень скоро натолкнулся в своем развитии на суженный внутренний рынок, на низкое потребление широких масс крестьянства, то это объясняется не стойкостью натурального хозяйства, не недостатком обмена, а разорением крестьянского хозяйства, вследствие паразитарного действия у нас в деревне торгового и денежного капитала. Маркс указывает, что в странах, вывозящих главным образом сырье, иностранная торговля обыкновенно лишь усиливает обеднение масс. А перемены, которые производят железные дороги, оказываются очень выгодными для крупных землевладельцев, купцов, ростовщиков и банкиров и т. д., но гибельны для действительных производителей (письмо к Н—он'у от 10 апреля 1879 г.). Характерным явлением для нашего экономического развития является не то, что крупное производство развивалось, не успев разложить натуральную форму, как думает Маслов, а в том, что натуральная форма хозяйства разлагалась, не создавая на своем месте в громадном большинстве случаев новой формы; в деревне развивалась большею частью не буржуазия и пролетариат, а пауперизм. И это последнее Маслов сам прекрасно показал в своей первой статье в том же труде. В результате терпел крушение и сельскохозяйственный рынок, а с ним и промышленный.

П. Маслов придает огромное значение тому, что „рост крупного производства, как и накопление капиталов были мало связаны у нас с развитием промышленности в городе". В противоположность Западной Европе у нас „промышленный капитал проник в хозяйственный организм в виде крупного производства, и не с такой постепенностью через ремесло и мануфактуру", как там. У нас—говорит он—промышленный капитал „встретил на своем пути не горожан-ремесленников, а крестьян-кустарей, разорение которых должно было отразиться прежде всего на их земледельческом хозяйстве. От развития капитализма пострадало прежде всего не мелкое городское ремесленное производство, не мелкая городская буржуазия, а крестьянское хозяйство" (654 стр. Подчеркнуто нами. *А. Ф.-Е.*).

Прежде всего приходится отметить, что в отраслях, имеющих своей целью производство предметов личного потребления, предметов, рассчитанных на массового потребителя, крупное производство и на Западе развивалось больше на счет крестьянских домашних промыслов и далее кустарной промышленности,

чем городских ремесл. En masse это наблюдалось, например, в Германии еще в 20—40-х годах прошлого столетия, т.-е. накануне революции 48 года. Через городские ремесла капитал пошел вообще в ограниченном кругу отраслей. Горожане-ремесленники работали обыкновенно на очень узкий, местный рынок, только производство предметов роскоши было рассчитано на далекий сбыт. Маркс в I книге „Капитала“ прямо указывает, что только гибель деревенской домашней промышленности может дать внутреннему рынку страны ту широту и ту прочность, которые требуются капиталистическим способом производства. Далее, промышленный капитал в отраслях, рассчитанных на массового потребителя, и у нас далеко не всегда проникал сразу в виде крупного производства. Мелкая промышленность—сельская и городская—имела, как мы видели, и имеет большое распространение. Производства по обработке волокнистых веществ—льна, хопка, и пр.—столь характерные для капитализма в первые его периоды,—имеют и у нас свою историю. Они сконцентрировались у нас там, где издавна была развита в широких размерах кустарная промышленность (в центр.-промышл. районе), они проходили у нас ряд стадий развития. То же самое следует сказать и о многих металлических производствах (в Нижегородской, Тульской губ., на Урале и др.); гвоздарном, замочном, ножевом и т. д., о производствах по обработке дерева, кожи и пр. На наших глазах кустарные промыслы эволюционировали в „домашнюю“ форму капиталистической промышленности и далее в крупную машинную индустрию. С другой стороны целый ряд отраслей производства, и важнейших, являются повсюду продуктами лишь развитого капитализма, продуктами последнего времени (машинное производство, химическое, электрическое и пр.) и возникали повсюду сразу в виде крупного производства. Таким образом и здесь еще нет ничего специфического для нашего экономического развития.

Но Маслов далее указывает, что от развития промышленного капитализма пострадало у нас прежде всего крестьянское хозяйство; и это потому, что „разорение кустарей“ отразилось прежде всего на их земледелии. Но земледелие у кустарей, как мы это видели, вовсе не играет господствующей роли; значительное число их совсем не занимаются земледелием. Маслов сам в другом месте правильно указывает, что кустари занимающиеся земледелием, плохие кустари и плохие земледельцы. Промышленный капитал, конечно, разлагает старые натуральные формы производства, разрушает подсобные домашние промыслы, отделяет, далее, от земледелия кустарную промышленность. Но это отделение, происходившее повсюду, является условием развития капитализма, создания рынка. Если таким путем создавался рынок для фабрикатов в деревне, то с другой стороны это же создавало рынок для сельского хозяйства в городе. Промышленный капитал, действуя разрушающе на натуральное земледельческое производство, содействует таким образом и его переходу к товарному производству и далее капиталистическому.

Крестьянское хозяйство таким путем везде эволюционировало в капиталистических странах; конечно не все крестьянство, а та часть, которая, богатея, образует сельскую буржуазию, значительная же часть крестьянства переходит при этом в ряды сельского и городского пролетариата. Если признать, что развитие промышленного капитализма в общем итоге отразилось больше разрушительно, чем созидающе на нашем сельском хозяйстве, тогда придется приписать это той экономической и финансовой политике, которой сопровождалось его развитие у нас. Промышленности покровительствовали на счет сельского хозяйства. Отрицательное влияние на наше земледелие имели—как мы уже сказали—купеческий и денежно-ссудный (ростовщический) капиталы, эти предшествующие промышленному капиталу в истории формы капитала.

Что касается, наконец, „выступления России на путь капитализма при колоссально развитом государственном механизме“, то это было бы большим плюсом, если бы этот механизм в громадной своей части не носил азиатского характера. Содействуя с одной стороны развитию капитализма, служа значительным рынком для его продуктов, он с другой стороны тормозил капиталистическое развитие, являясь, подобно азиатским деспотиям, паразитарным наростом на теле хозяйственного организма, разоряя громадные массы крестьянства.

3.

Важность затронутого здесь вопроса о влиянии капитала на движение нашей экономической жизни и обычное смешение при этом, и видными экономистами, влияния различных форм капитала побуждает нас этот отдел, который идет без изменения по сравнению с изд. 1911 г., дополнить отрывком из нашей статьи „Основные черты нашего торгово-промышленного развития“, появившейся в начале 1912 г. (Зап. Р. Т. О. № 3).

В 1911 г. Министерство Торговли и Промышленности выпустило обширное исследование о торговле и промышленности Европейской России по районам. Этот труд—13 выпусков in folio, из которых некоторые содержат около 600 страниц—страдает крупными недостатками. Но, писали мы, хотя он довольно односторонний фотографический снимок состояния нашей торгово-промышленной жизни в 1900 г., все же он дает нам возможность проверить ряд черт совершающегося у нас экономического процесса, проверить ряд выставленных в экономической литературе положений о сущности этого процесса; исследование статики торгово-промышленной жизни в 1900 г., дополненное исследованием динамики за последующее десятилетие, дает возможность вполне выяснить картину нашего экономического развития.

Данные показывают, что искусственные пути сообщения и особенно железные дороги оказывали у нас сильное влияние на развитие товарного обмена. „Характерен быстрый рост тор-

говли и промышленности вокруг возникающих железнодорожных узлов и крупных станций",—подчеркивают исследователи. Торговля „предшествует" у нас промышленности, занимает большие площади распространения, развита и на дальних окраинах—на севере и на юго-востоке и в Предкавказье. В 1900 г. не было ни одного района в Европейской России, где торговый оборот на 1 жит. был бы менее 1 руб., между тем промышленность имела менее 1 руб. в 163 районах, т.-е. в 15% из всего числа районов. И это вполне естественно в стране со слабо развитым промышленным капиталом, в стране, где еще в значительной силе старые докапиталистические формы производства. Торговля продуктами сельского хозяйства играет у нас крупнейшую роль.— Здесь уместно будет указать тем экономистам, которые толковали о демократизации нашей хлебной торговли (Лященко и др.), что наиболее крупными по средним размерам предприятия являлись в 1900 г. предприятия, торгующие земледельческими продуктами—35,6 тыс. руб. на 1 предприятие, в то время как торговля минеральными продуктами и металлическими изделиями показывает 30 тысяч, мануфактурно-галантерейными—19,7 тыс.

Общую картину состояния торговли и промышленности в 65 губ. Европейской России в 1900 г. можно видеть из следующих двух таблиц (стр. 165).

Сравнивая обе таблицы, мы прежде всего видим, что из 9,7 миллиардов руб. торгово-промышленного оборота — 6 миллиардов или 62,2% падало на торговлю [1]) и 3,7 миллиарда или 37,8% на промышленность. Что торгово-промышленная жизнь была у нас вообще слабо развита, что деревня ее с старыми хозяйственными формами продолжала превалировать и в начале 900 годов, видно из того, что из этих 9,7 мил. руб. 9,1 мил. руб. или 93,8% падало в 1900 году на 6769 пунктов, насчитывавших 28,5 мил. жителей или 24,8% всего населения. Таким образом на долю остальной России с $^3/_4$ населения приходилось всего 6,2% оборота и 31,5% всех торгово-промышленных предприятий. А из выделенных 6769 пунктов 5939 или 87,7% приходилось на пункты с оборотом менее половины миллиона рублей. Эти пункты в подавляющем своем числе носили полусельский характер. Этому соответствовало и констатированное различными исследованиями явление, что русская промышленность „охотно еще уживается в сравнительно небольших по количеству населения пунктах, неся зачастую полусельский характер".

Такое положение вещей следовало бы иметь в виду Тугану-Барановскому старавшемуся всячески доказать, что полным хозяином в нашей торгово-промышленной жизни является „Г-н капитал". Важно было прежде всего определить, какие формы капитала у нас действовали, так как различные формы его оказывают различное действие на хозяйственную жизнь. Там, где

[1]) В общий подсчет этих торговых, подлежавших обложению, предприятий не вошли кредитные, коммунальные и др., оборот которых определяется С. Струмилиным (l. c.) для 1900 г. в 1,4 миллиарда рублей.

А. ТОРГОВЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ.

Группы	I Земледел. растител. продукты	II Продукты животноводства и охоты	III Лесные материалы и дерев. изделия	IV Минерал. продукты и металл. изделия	V Мануфакт. изделия и галантерея	VI Питейно-трактирное дело	VII Смешан. хозяйственная группа	Всего
Оборот в тысяч. руб.	1.155.169	497.205	219.380	555.202	1.202.690	814.835	1.499.278	6.033.759
Число предприятий	32.461	25.126	10.362	18.527	65.730	91.711	234.301	478.218
По обороту в % %	19,2	8,2	3,6	9,2	21,4	13,5	24,0	100
Оборот на 1 жит. в руб.	10,0	4,3	1,9	4,8	11,3	7,1	13,1	52,5
Средний оборот предприятий в тыс. руб.	35,6	19,8	21,2	30,0	19,7	8,9	6,4	12,6

Б. ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ.

Группы	I Питательные прод. и вкусовые вещества	II Животные продукты (не питательные)	III Дерево и деревянные изделия	IV Полезные ископаем. и их обработка	V Волокнистые вещества	VI Химические продукты	VII Различн. мастерск. хим. завод. и аргели	Всего
Оборот в тысяч. руб.	1.034.263	139.853	160.869	984.395	1.001.169	219.604	128.861	3.669.014
Число предприятий	12.918	2.153	4.712	10.153	4.536	1.233	6.235	41.940
По обороту в % %	28,2	3,8	4,4	26,8	27.3	6,0	3,5	100
Оборот на 1 жит. в руб.	9,0	1,2	1,4	8,6	8,7	1,9	1,1	31,9
Средний оборот предприятий в тыс. руб.	80,1	65,0	34,1	97,0	220,7	178,1	20,7	87,5

в значительной мере господствуют докапиталистические отношения, там торговый и ссудно-денежный капитал имеют в значительной степени и паразитарный характер, действуют в значительной мере разрушающе на производительные силы. В развитых капиталистических странах промышленный капитал подчиняет себе торговый и денежный капитал. Он превращает товарное обращение в свой собственный продукт, денежный капитал в свою собственную функцию, он прекращает разрушительное действие старых форм капитала на внутренний рынок. Можно ли говорить, что у нас промышленный капитал достиг этой степени развития? Объективный анализ действительности—указывали мы в 1912 г.— определенно отвечает на это отрицательно. Действие докапиталистического азиатского процесса у нас рядом с прогрессивным капиталистическим не подлежит сомнению. А это кладет отпечаток на всю нашу экономическую жизнь, на всю нашу торговлю и промышленность.

4.

Существование двух процессов в нашей экономической жизни — одного прогрессивного и другого регрессивного — до того бросалось в глаза, что и проф. Озеров указывал, что у нас как бы две России: одна сельская, деревенская, падающая, и другая городская, промышленная с большей покупательной способностью, с большим спросом, при чем хотя вторая Россия и находится в зависимости от первой, хотя на ней и отражается критическое положение деревенской России, но она все же развивалась, хотя и медленнее, чем это могло бы быть при нормальных условиях [1]). Потребление масс в городе и деревне сильно разнится между собой, и этим объясняется ряд явлений в нашей податной системе, о чем у нас речь будет в следующем отделе.

Сказанное нами до сих пор — вспомним и главы об отхожих и кустарных промыслах и др. — достаточно, надеемся, выяснило, как торговый и промышленный капиталы, проникая во все сферы нашей экономической жизни, влияли на сельское хозяйство и в частности на крестьянское хозяйство. Мы старались показать, как вместе с развитием денежного хозяйства, развитием индустрии, совершалось у нас перераспределение рабочих сил населения, как шел процесс отделения подсобных промыслов от земледелия, как быстро увеличивался рост отхожих промыслов, как росла „тяга“ в промышленные центры и города, как крестьянство расщеплялось, выделяя на одном полюсе буржуазию, а на другом — пролетариат, как рос пролетариат промышленный и сельский, как находящаяся в движении поземельная собственность все больше обуржуазивалась, концентрируясь с одной стороны в руках богатеев

[1]) „Экономическая Россия и ее финанс. политика на исходе XIX и в начале XX века“. Москва. 1905 г. 148 стр.

крестьян, с другой — в руках известной части также дифференцирующегося дворянства, части, стремящейся приспособиться к буржуазным условиям производства [1]). Мы видели, наконец, как сельское хозяйство обнаруживало прогресс главным образом в районах, где больше всего развивались товарное земледельческое производство и промышленная жизнь. Но, рядом с этим процессом капитализации и пролетаризации деревни мы констатировали и подчеркивали совершавшийся у нас одновременно с ним процесс сильнейшей пауперизации крестьянства, процесс регрессивный в сельском хозяйстве [2]).

То, что наш промышленный капитализм встретил на своем пути препятствие в узких размерах нашего внутреннего рынка, и что эта недостаточность рынка стоит в теснейшей связи с разорением большинства сельского населения, эта мысль стала ясна и промышленным сферам, и самому правительству во время кризиса 1900 — 1902 г.г. Этот кризис — сопровождавшийся неурожаями — потряс в корне всю нашу экономическую жизнь. Все ее противоположные течения с противоположными интересами вылились наружу. Становилось ясным для широких слоев, что ни о каком нормальном экономическом развитии не может быть

[1]) См. нашу статью: „По поводу оскудения центра“ (Ежемесячник „Правда“ № 4. 1904 г.).

[2]) Нигде в Европе смертность так не велика, как в России. За десятилетие 1888 — 97 г.г. коэффициент смертности в Европейской России (без Финляндии) составлял 32,1 человек на 1000. Только Венгрия, Румыния и Испания приближались к нам (31%). Эта сильная смертность компенсировалась у нас сильной рождаемостью. В капиталистической Германии, как показывает проф. Раухберг, коэффиц. смертности с 28,2 в 1871 — 1880 г.г. сократился до 23,65 в 1891 — 1898 г.г., и этим компенсировалась понижающаяся рождаемость; за соответствующие периоды она была 40,7% и 37,5, („Entwicklungstendenzen d. Deutsch. Volkswirtschaft. Braun's Archiv, 1901). По более поздним данным С. А. Новосельского („К вопросу о понижении смертности и рождаемости в России“. СПБ. 1914 г.) движение населения в 50 губерниях Европейской России за 1888 — 1912 г.г. было:

Годы	На 1000 душ населения	
	Смертность	Рождаемость.
1888 — 1892	36,5	49,6
1893 — 1897	33,8	49,7
1898 — 1902	31,8	48,9
1903 — 1907	30,0	47,2
1908 — 1912	28,6	44,7

„Если принять рождаемость и смертность 1888 — 1892 г.г. за 100, то для пятилетия 1908 — 1912 г.г. рождаемость составляет 90, а смертность 78, т.-е. смертность за 25 лет понизилась гораздо сильнее, чем рождаемость (в Германии в 1906 — 1910 г.г. рождаемость—31,7, а смертность—17,6; в 1912 г. 28,3 и 15,6. *А. Ф.-Е.*). Таких скачков, как в 1872, 1882 и 1892 г.г. — неурожаи, холера — когда общая смертность доходила до 40 — 41% в России не наблюдается со средины 90 годов“. Когда г. Новосельский писал эти строки, ему вероятно и не снилось, что в годы после мировой войны ему же придется констатировать у нас рецидив смертности, перед которым сильно побледнеют цифры 70 и 80 годов. Но этого мы коснемся в III томе при исследовании нашего хозяйства в революционный период.

речи при отсталой общественной и политической надстройке, при все продолжающемся раззорении сельского населения. Это нисколько не случайность, что именно с начала текущего столетия поднимает голову либеральное движение с помещиками во главе, мечтающими еще о примирении своих интересов с крестьянскими. Само даже правительство, преследовавшее прежде всего свои собственные цели, сочло нужным, в интересах самосохранения, удержания старого политического порядка, признать насущность экономических реформ в аграрной области. Вспомним „Особое совещание о нуждах сельского хозяйства", из которого, конечно, ничего не вышло, но отчеты местных комитетов ясно показывают, что многие из них понимали, что без разрешения аграрного вопроса о процветании промышленности нечего думать. В то же время поднималось на борьбу крестьянство, на борьбу за землю, со старыми крепостническими отношениями в деревне, с паразитарными формами капитала. Всем памятны волнения крестьян в Полтавской и Харьковской губ. в 1902 г. — искра, которая в последующие годы превратилась в пламя, охватившее всю Россию. Это пламя осенью 1905 года уничтожило до 2.000 помещичьих усадьб.

С другой стороны и промышленный капитал — это любимое детище самодержавной бюрократии на протяжении почти тридцати лет — начал тяготиться опекой правительства [1]), начал фрондировать против его эквилибристической политики. Он увидел, что казенные заказы — тогда сильно сократившиеся — могут служить лишь для обогащения небольшой кучки капиталистов-монополистов. Широкие круги буржуазии начали понимать, что наша финансовая политика ведет лишь к обогащению финансовой аристократии, ставит на первый план интересы фиска и вредно отзывается на потреблении широких слоев населения, а вместе с этим и на производстве. Промышленная буржуазия начала сознавать необходимость улучшения положения крестьянства. Она начала понимать, что капитализм на известной ступени своего развития требует не только железных дорог, почт и телеграфов, не только накопленных капиталов, хорошего денежного обращения, хорошо обученных рабочих, но и известных правовых норм. Правда, на первых порах наши промышленные капиталисты предпочли занять выжидательную

[1]) „Необходимость упразднения нынешней системы распределения казенных заказов и замены ее свободной конкуренцией" — была высказана в 1902 г. „Обществом для содействия развит. фабр.-завод. промышл. в России" и высказывалась тогда на „железном" съезде. Инж. Вольский в своем докладе указывал и на „необходимость прекращения выдачи железнод. заводам из Госуд. банка всех субсидий, не носящих чисто коммерческого характера". Таких субсидий, по его вычислениям, выдано было за последние годы не менее ста мил. руб. („Основ. услов. для расширения в России сбыта железа" 1903). Тот же Вольский, позже управляющий делами „Совета съездов", указывал тогда на необходимость покончить с системой ссуд и со связанным с ней вмешательством в частные промышленные предприятиях чиновников, может быть весьма искусных в государственных делах, но почти всегда вредных здесь.

позицию в надежде использовать и старый строй в случае его победы над новым. Но за то на политическую арену со все возрастающей силой выступил промышленный пролетариат. Стачечное движение, все расширявшееся и углублявшееся за период подъема, приняло во время кризиса определенно выраженный политический характер. И стоило только положению дел в промышленности немного улучшиться и безработице немного утихнуть, как в июне 1903 года вспыхивает на юге движение, волна которого докатывается до Москвы, чтобы временно остановиться. Через полтора года — в декабре 1904 г. — новая массовая стачка в далеком Баку звучным эхом отдается в Петербурге, чтобы отсюда в знаменитые январские дни разлиться широкой волной по всей России. Рабочее движение шло за эти годы по спирали, обороты которой все разрастались, чтобы охватить в решительную минуту всю страну. И методы борьбы, впервые примененные в июльские дни 1903 года, все совершенствовались, чтобы в октябрьские 1905 г. революционные дни показать миру невиданную до тех пор картину всеобщей забастовки.

ОТДЕЛ VIII.

Наша финансовая политика

(1889—1917 г.г.).

А. Бюджетное право.

1.

Основным условием конституционного и парламентского строя является, как известно, существование общественного контроля над финансами государства, существование зависимости государственной власти от народного представительства в деле обложения населения и расходования его средств, короче говоря, существование в стране бюджетного права. В противоположность этому, история финансовой политики в России была до сих пор историей бесконтрольного, безответственного хозяйничания бюрократии. Сенаторские и другие ревизии 900-х г.г. достаточно ясно показали, в каком царстве хищений, практикующихся на различных ступенях нашей иерархической лестницы, во всех ведомствах и учреждениях, мы жили. И невольно вспоминается диалог, который произошел еще во времена Московской Руси между царем Иваном Грозным и его шутом:

„На сейме ихнем (польском)
Королю в пособьи
Отказано! Достойно, право, смеху!
Свои же люди своему владыке
Да денег не дают"!
Шут. „У нас не так!
Понадобилось что — хап, хап! И есть!"

В этом ответе шута дана характеристика нашего традиционного финансового режима. Но в то время, как в дореформенный период все следы такого государственного хозяйничания старательно заметались, „революция сверху" 1861 года впервые приподняла завесу и в этот закулисный мир. С 1863 г. у нас ежегодно публиковались росписи государственных расходов и доходов, но это уже post factum, т.-е. после того как келейно сфабрикованные в различных канцеляриях они приобретали силу закона. Они публиковались во „всеобщее сведение", но в каком виде! Действовавшая у нас классификация расходных смет и росписи расходов была как бы создана для того, чтобы затемнить истинное положение дел. Вместо определенного, простого, ясно выраженного плана распределения расходов по государственным потребностям, у нас существовала классификация по ведомствам и управлениям, из которых чуть ли не каждое классифицировало по своему. С целью „упрощения" сложной системы финансовых смет и росписи, установленной в 1862 г., с течением времени вводились различные „поправки", которые еще более усложняли и запутывали дело. Еще в 1891 г. комиссия, назначенная для приведения в порядок классификации государственных доходов, указывала, что и в росписи расходов, и в расходных сметах „едва ли не больше недостатков и, что было бы полезно пересмотреть и изменить и их классификацию". Но это было, конечно, оставлено без внимания нашими правящими сферами. Существовавшая у нас „высшая бухгалтерия" соответствовала своему назначению: при ней даже самый тщательный разбор цифр нашего расходного бюджета был бессилен обнажить полностью истинную картину различных бюрократических финансовых махинаций.

Нам, однако, незачем здесь вдаваться в подробную критику недостатков наших дореволюционных государственных росписей. Достаточно указать, что наше министерство финансов в конце концов само должно было признать, что „бессистемное распределение сметного материала отнимает у наших (дореволюционных — до 1905 г.) смет значение точных документов, по которым можно было бы составить сколько-нибудь правильные выводы о расходах на отдельные государственные потребности, каковы содержание управления, расходы на образование, на содержание армии и проч.". То же самое относится и к росписи расходов, статьи которой составляются из тех же финансовых смет. „Поэтому все исследования, основанные на наших расходных сметах или росписи расходов и на отчетах об исполнении их, не могут почитаться точными". („Вестн. Финансов" № 42, 1906 г.). С самым невинным видом было заявлено оффициально, что наши нынешние законодательные учреждения, „имея перед собой сметы и роспись в прежнем их виде, лишены были бы возможности сознательно отнестись к своему делу, так как, голосуя нынешние статьи росписи, они не могли бы ориентироваться в цифрах бюджета, не имеющего правильного распределения расходов по потребностям, даже при помощи смет, страдающих теми же недостатками". Это совершенно верно. Но какова же была роль дореформенного нашего Государственного Совета в делах финансового управления страной! Удивительно, значит, „сознательно" относились к своим обязанностям гг. члены нашего высшего, при старом режиме, законодательного учреждения! Однако, не только Государственный Совет оставался в блаженном неведении относительно истинного расходования народных денег: эту судьбу во многом разделял и Государственный контроль. Достаточно указать, что, например, в 1905 году различными ведомствами были израсхо-

дованы $18^1/_2$ миллионов рублей, которые не подлежали никакому контролю! Финансами страны распоряжались до и после революции 1905 г. по своему усмотрению наши неответственные министры.

2.

Но скажут: после 1905 г. существовала Государственная Дума, без одобрения которой бюджет не мог приобрести силы закона. На это ответим, что дело от этого очень мало изменилось. Старое английское парламентское изречение: у кого шнур от кошелька, у того и власть, прекрасно усвоено нашей бюрократией. Для нашей „реалистической" бюрократии вопрос о сущности нашей „новой" формы правления был ясен и решен с того момента, когда после манифеста 17 октября „учредительными актами" 20 февраля, а затем „правилами 8 марта", она свела бюджетное право наших законодательных учреждений почти на нет. Ведь теперь документально известно, что эти „правила о порядке рассмотрения росписи и т. д.", вошедшие частью в наши „основные законы", были приготовлены для законо-совещательной Булыгинской Думы. Вся разница лишь в том, что для нашей законодательной Думы они были изменены в том направлении, что гораздо более урезывали ее бюджетные права. На заседании бюджетной комиссии Государственной Думы 15 октября 1909 г. и Государственный Контролер признал, что внесение ограничительных статей, которые отсутствовали в правилах для Булыгинской Думы, объясняется тем, что по отношению к законодат. Думе необходимо было принять меры особой предосторожности („Речь", № 219 за 1909 г.). Вот эти-то правила 8 марта, сохранение которых в целости упорно отстаивало наше правительство, вот эти-то рамки или, как принято выражаться, эта броня, которой опоясала бюрократия наиболее близкие ее сердцу места государственной росписи — почти половину ее — следует постоянно иметь в виду, когда говорят о наших нынешних росписях. Мы уже оставляем в стороне другие финансовые ограничения Государственной Думы, как, например, выделение из пределов компентенции ее нашего денежного обращения, нашего Государственного банка, который, по словам даже умеренного проф. Озерова, обратился „чуть ли не в игорный дом" (см. его книгу: „Как расходуются в России народные деньги", Москва. 1907 г., 9 стр.). Столкнувшись лицом к лицу, в бюджетной комиссии второй Думы, с этими ограничениями даже правый кадет М. Федоров пришел к выводу, что „приказный строй в отношении бюджета после пережитого им краха" не только ничего не потерял, но еще выиграл. „В сущности — подчеркивал он — эти правила установили бюджетное право только для министров, которые его не имели, а бюджетные обязанности по охране этих прав возложили на обе законодательные палаты". (Доклады бюджетной комиссии второй Государственной Думы (не рассмотренные ею), стр. 25. СПБ, 1907 г.).

Мы не будем, однако, здесь останавливаться на бюджетных правах Думы и на неудовлетворительности структуры реформированных росписей [1]). Заметим лишь, что наш Совет Министров систематически попирал наше quasi-конституционное бюджетное право и всячески ограничивал существующие основные бюджетные законы. Стоит только вспомнить финансовыя операции правительства после роспуска первой и второй Думы, проекты росписей на 1907 и 1908 гг., изъятие из ведения законодат. учреждений штатов морского министерства и пр. Деятельность Г. Думы 3-го созыва в области бюджета сводится главным образом к чисто бухгалтерским поправкам. Над реакционной дворянско-буржуазной Думой стоял сугубо реакционный—на три четверти бюрократический—Госуд. Совет, который еще более ограничивал результаты ее бюджетной работы. А когда знакомишься с исполнением росписи, то оказывается, что бюджетная работа наших законодательных учреждений вовсе сводилась к нулю. Так, даже комиссия третей Г. Думы—этой креатуры бюрократии, расмотрев в 1910 году исполнение первой одобренной ее росписи на 1908 г., вынесла резолюцию, в которой предлагает Г. Думе: „Вопрос об утверждении исполнения государственной росписи доходов и расходов 1908 г. оставить открытым впредь до получения от ведомств необходимых разъяснений, а от государственного контроля — сведений о результатах ревизии контрольными учреждениями росписи за отчетный 1908 год". В обширном докладе комиссия указывает, что различные ведомства и Гос. Контроль—с одобрения Столыпина—отказались дать ей необходимые для проверки материалы. Она указывает, что существующий у нас государственный контроль это—фикция и „считает долгом остановиться на расходах, произведенных некоторыми ведомствами в порядке ст. 6 и 17 высочайше утвержд. 8 марта 1906 г. сметных правил, по постановлению Совета Министров, и высказать, что по ее мнению в большинстве рассмотренных комиссиею случаев Совет Министров пользовался указанными выше статьями неосновательно".

Однако наша бюрократия обращала очень мало внимания на резолюции различных комиссий наших законодат. учреждений, точно так же, как и на те „пожелания", которые Г. Дума высказывала при рассмотрении бюджета. Это не мешало нашей chambre introuvable усердно содействовать бюрократии в увеличении непроизводительных расходов; она с полной готовностью разрешала ей новые непроизводительные займы, которые совершались на самых тяжелых условиях, она санкционировала еще большее обложение широких слоев населения различного

---

[1]) Подробно об этом см. наши статьи: „Госуд. бюджет на 1907 г.". (Вестн. Жизни, январь 1907 г.) и „Госуд. бюджет на 1908 и 1909 г.г.". (Совр. Мир, ноябрь 1907 г. и декабрь 1908 г.).

рода косвенными налогами, короче говоря, она санкционировала старую правительственную политику. Конечно, от Думы 3 июня трудно было ждать изменений в этой области... Мы и видим что по тому же пути пошла и Дума 4-го созыва, выставляя оправданием и условия военного времени. Но в конце концов даже и она не выдержала...

Само собой понятно, что при том хаосе, который царил в наших старых государственных росписях, при тех явно сомнительных данных, которыми полны реформированные различные отчеты нашего государственного хозяйства—это относится в одинаковой степени и к приходам, которые в виду широко распространенного у нас казенного производства трудно подлежат проверке—при таких, повторяем, условиях детальное рассмотрение наших росписей почти за три десятилетия является мало производительной тратой времени. В настоящем отделе нас интересует общий характер нашей финансовой политики за указанный период, общее положение наших финансов, наше податное дело, государственная задолженность, наше денежное обращение и пр. Конечно и общие цифры, которыми нам придется оперировать, во многих случаях не могут претендовать на точность. Однако разобраться в наших финансовых делах мы все же сможем, несмотря на все несовершенства этих цифр. Шила, как известно, в мешке не утаишь, особенно, когда он весь в дырах, а таким и является традиционно наш государственный финансовый „мешок".

Б. Государственные росписи и податная система.

3.

Если мы рассмотрим проекты росписей наших государственных приходов и расходов за период 1889—1905 годов, то увидим любопытное явление: все они были сведены без дефицита. И это несмотря на то, что в 1889, 1891, 92, 97, 98, 99, 1901, 1905 годах мы переживали крупнейшие неурожаи, которые охватывали от $^1/_4$ до $^1/_3$, а некоторые до $^1/_2$ Европейской России. И это, далее, несмотря на то, что в 1896 г. мы имели чисто денежный кризис, а с конца 1899 г. денежный кризис вместе и в связи с жестоким промышленным кризисом, который продолжался до 1903 года и повторился в 1904 г. (война)! „Блестящее" состояние нашего бюджета тем более бросалось в глаза, что Франция, Германия и Англия, которые в 1900 и 1901 годах переживали одновременно с нами промышленный кризис, — что эти богатые страны должны были в то время свести бюджеты с дефицитом. Где же—спрашивается—причина этого наблюдавшегося в наших росписях загадочного явления?

Мин. финансов Вышнеградский в записке к росписи на 1889 год рассказывает нам, что император Александр III, с целью сделать нашу финансовую систему независимой от иностранредиторов, преподал ему совет: „Не следует полагать что финансовая задача разрешена удовлетворительно, пока в обыкновенном бюджете не получится такое превышение доходов, которое вместе с чрезвычайными поступлениями, помимо кредитных операций, могло бы покрывать полностью ежегодные чрезвычайные расходы"... Правда, Вышнеградскому при этом указывалось, что „главнейшим и могущественнейшим к тому средством должна служить спасительная бережливость в расходовании государственных средств". Однако, было ясно, что при наших порядках эта часть совета являлась лишь пустым благопожеланием, что центр тяжести его лежал в „удовлетворительном" разрешении нашего бюджета путем возможно больших излишков обыкновенных приходов над расходами. К этому наши министры и стремились. Что же касается средств, то они были уверены, что все средства будут в конце-концов одобрены, если они только поведут к намеченной для них цели—накоплению наличности. И вместо „бережливости в израсходовании" народных средств ими было избрано... „спасительное" усиленное обложение населения.

В результате этого ясно определившегося нового курса устанавливается у нас в 1891 году новый таможенный тариф, который далеко оставляет за собой тариф 1877 года, по которому требовалась уплата пошлин золотом, на которое лаж в то время достигал 48%. Кроме того вводятся новые налоги на спички и нефтяные масла и повышаются значительно старые налоги на сахар, водку, табак и пр. Таким путем Вышнеградскому удается поднять доходы от косвенного обложения с 412,7 милл. руб. в 1887 г. до 474,9 в 1892 г., т.-е. на 15%, вместе с тем им достигается за период 1888—1892 г.г. превышение обыкновенных доходов над расходами на сумму в 240,4 милл. руб. [1]) (1887 г. дал еще в обыкновенном бюджете дефициту 6,1 милл. руб.). Однако, голодовки 1891 и 1892 годов достаточно красноречиво говорили об истинном характере таких результатов. Не мог себя обманывать на этот счет и Вышнеградский. „Сии новые источники, — писал он в росписи на 1892 г.,—в каком бы виде они ни представлялись, по существу всегда приводят или к установлению новых или к усилению существующих налогов". Вышнеградский должен был в конце концов сам признать, что вся его „новая" система, основная на „преподанном ему совете", сводится лишь к еще большему раззорению страны. Он сошел со сцены, прекрасно сознавая, что дальше держаться такого курса нельзя. Но его преемник, С. Ю. Витте, очень скоро показал, что это были только цветочки бюрократического ведения хозяйства, а что ягодки еще впереди.

---

[1]) За пятилетие 1888—1892 г.г. общая сумма обыкновенных государств. доходов составила вместе с остатками от заключенных смет 4.689.7 милл. руб., а сумма обыкновенных расходов — 4.449,5 милл. руб. За это же время чрезвычайные расходы (738,4 милл. руб.) превысили чрезвычайные доходы (453,7 милл. руб., считая и займы) на 284,7 милл. руб.

Г. Витте начал свою финансовую деятельность с того, что объявил себя ярым защитником косвенным налогов. В первом же своем программном докладе к росписи на 1893 год он доказывал, что эта форма обложения не только удобна для правительства, но и наиболее соответствует нашему экономическому положению и наиболее справедливая форма с точки зрения интересов самого народа. В полном согласии с такой откровенной теорией—против которой в свое время возражал даже государственный контролер Шванебах—г. Витте поспешил поднять еще выше налоги на предметы первой необходимости. Он сильно повысил акциз на сахар, спички, керосин, табак, пиво и другие продукты, не говоря уже о водке [1]). Но этого было мало: в 1900 г. он значительно поднимает и таможенные пошлины [2]).

---

[1]) Вот данные о движении налоговых ставок на некоторые предметы потребления во время Вышнеградского и Витте: акциз на сахар в 1883 г. равнялся 65 коп., в 1888—85 коп., в 1889—1 руб., 1892—1 руб. 40 коп. и в 1894—1 р. 75 к.; на хлебное вино: в 1885 г.—9 к., 1888—9¼ к., 1892 г. (с ноября)—10 коп. и в 1901—11 коп. с градуса; на керосин: 21 декабря 1887 г.— 40 коп., в 1892 г.—60 к. с пуда и т. д.

[2]) Картина роста наших таможенных пошлин при Вышнеградском и Витте может быть видна из следующей таблицы:

	1877 г.	1891 г.	1900 г.
	(в кредит. руб. и коп. за пуд)		
Чай черный	22 руб. 70 коп.	31 руб. 15 коп.	31 руб 50 коп.
Кофе сырой	2 „ 22 „	4 „ 45 „	5 „ 85 „
Перец	2 „ 22 „	4 „ 45 „	6 „ 75 „
Сыр	5 „ 92 „	8 „ 90 „	8 „ 10 „
Рис	— „ 74 „	1 „ 4 „	1 „ 5 „
Чугун	— „ 7 „	— „ 45 52 „	— „ 60¾ „
Косы и серпы	— „ 65 „	2 „ 8 „	1 „ 65 „
Хлопчатая бумага	без пошл.	1 „ 78 „	4 „ 15 „
Бумажная пряжа	4 „ 91 „	7 „ 20 „	8 „ 70 „

Мы взяли эти предметы обложения лишь для примера; известно, что число их очень велико: достаточно указать, что у нас существовала пошлина даже на пшеничную муку, которая в 1885 г. была 18 коп. кред., в 1891 г.—30 коп., а в 1900 г. была поднята до 45 коп. с пуда. В результате: пшеничная мука из русского зерна в Петербурге оказывалась дороже, чем в Лондоне. Известно, далее, что наш покровительственный таможенный тариф ложился главной своей тяжестью на сельское население. Вызывая со стороны индустриальных стран компенсационный высокий тариф на вывозимый нами хлеб, он тем понижал цены на наши земледельческие продукты. Но наши „покровительственные" промышленности пошлины о большинстве случаев мешали и развитию в стране индустрии. Так, например, пошлина на соду сильно удорожала издержки производства в целом ряде отраслей промышленности: в мыльном, свечном, стекольном и др. производствах...

В то время как в 1883 г. ценность беспошлинно пропущенных товаров составляла 39 милл. руб. или 7% ценности всего привоза, она в 1888 г. падает до 13,8 милл. или 3,6%, в 1894 г. до 6,7 милл. или 1,2%: здесь сказалось введение таможенного обложения на каменный уголь и сельско-хозяйственные машины. В 1898 г. был восстановлен беспошлинный пропуск некоторых сельско-хозяйственных машин и орудий, указанный ввоз и возрос в 1900 г. до 19,6 милл или 3,1%. Возрастание этого ввоза в 1912 и 1913 г.г. до 71—73 милл. или до 6—5, 3% ценности всего ввоза объясняется привозом к нам хлеба в зерне: в 1913 г. на 24,9 милл. руб. (см. Е. Кун: „Развитие нашего таможенного обложения". Петербург, 1913 г.). О таможенной политике России во второй половине XIX в. см. и книгу М. Соболева, изд. 1911 г.

Что наш таможенный тариф имел в виду главным образом интересы фиска, об этом достаточно говорилось в нашей литературе. Прежде всего у нас были обложены очень высоко жизненные продукты, которые в России не производятся, и не только такие, которые служат для потребления высших классов, но широких слоев: чай и др. Далее идут сырые продукты, необходимые для промышленности. Рациональная таможенная политика на Западе стремится обеспечить индустрию дешевым сырьем. У нас же пошлинами облагались и такие сырые продукты, которые вовсе не производятся в России. Фискальные цели здесь ясны. Часть же сырья облагалась под видом покровительства сельскому хозяйству, но и это обложение совершалось в таких размерах, что и здесь фискальный интерес ясно проглядывал. Так, например, обстояло с хлопком, что, как мы уже указывали в отделе о кризисе, тяжело ложилось на массового потребителя и тормозило развитие индустрии.

За время управления министр. фин. Вышнеградским и Витте—с 1889 г. до 1902 г. включительно—средний % обложения привозимых товаров возрос с 28 до 40%, при чем отношение суммы поступивших пошлин к стоимости привезенных жизненных припасов возросло с 71 до 96%, сырья и полуфабрикатов с 19 до 31%, а изделий в том и другом случае было 28%.

Совершенно поэтому правы были те, кто говорили, что в нашей таможенной системе дело шло прежде всего об удовлетворении ненасытных аппетитов казны. Интересы же действительного развития производительных сил страны стояли при этом на заднем плане. Для того, чтобы содержать наш обветшалый бюрократический режим, русскому потребителю приходилось платить за все втридорога. Розой Люксембург было вычислено, в конце 90-х годов, что чай обходился нам на 304% дороже, чем германскому потребителю, табак на 687%, уголь на 200%, полотно на 225%, бумага на 690%, сельско-хозяйственные машины на 159%, хлопчато-бумажные изделия на 357% и т. д. Н. Саввин сделал приблизительный подсчет сумм, которые переплачивает русский потребитель за товары отечественной и иностранной промышленности. Его данные относятся к 1900 г.

лишь к отраслям, подчиненным фабричной инспекции, и к тем товарам, которые обложены таможенными пошлинами. Оказывается, что за пользование изделиями русской крупной промышленности народу пришлось в тот год заплатить лишних 238 милл. руб., за такие же товары иностранного происхождения 140 милл. руб., всего лишних 378,4 милл. руб. По отношению к валовой „сумме производства" крупной промышленности (2,5 миллиардам руб.) — за исключением производств, обложенных акцизом, ж.-д. мастерских и заводов морского и военного ведомств—переплата за наши товары составляла 9,34%, по отношению же к чистой сумме производства (1,08 миллиардов руб.)—т.-е. стоимости созданных товаров без стоимости сырья—переплата сравнительно с тем, что было бы заплачено на свободном рынке, равнялась 28,3%. За иностранные товары — по его же вычислениям—было заплачено на 25% больше стоимости их за границей [1]). Это было, повторяем, в 1900 г.; после положение еще более ухудшилось, так как пошлины были еще более подняты, о чем далее.

4.

Чтобы читатель мог дать себе полный отчет о движении у нас косвенного обложения во время управления гр. Витте, приведем следующие данные:

Доходы:	1892 г.	1893 г.	1896 г.	1899 г.	1901 г.	1902 г.
	В миллионах рублей.					
Питейный	269,0	260 8	294,2	310,3	312,9	39,0
Табачный	29·5	31,8	35,1	38,9	45,7	45,4
Сахарный	27,7	30,3	42 7	67,5	71,7	81,3
Нефтяной	12,9	16,4	20,9	26,2	28,7	29,6
Спичечный	5,2	6,6	7,3	6,8	7,9	8,2
Таможенный	130,5	166,0	182,3	219,3	219,7	225,0
Всего	474,8	512,9	582,5	669,0	686,6	428,5

[1]) „Русский Экономист", за 1907 г. (№№ 11—13) Н. Саввин при этом ошибается, приписывая эти переплаты только покровительству нашей крупной промышленности, так как здесь действовали и фискальные пошлины, и покровительство некоторым отраслям сельского хозяйства. Однако, русскому потребителю от этого не легче. Следует указать, что по вычислениям других исследователей эти переплаты гораздо выше, чем у г. Саввина

В этой таблице бросается в глаза сильное падение косвенных налогов в 1902 г. Но это объясняется простым изменением в счетоводстве; с этого года акциз на водку не показывается отдельно, как раньше, а включается в общую сумму дохода от казенной продажи питей. Отсюда-то и сильный скачок вверх этой статьи дохода: с 163,4 милл. руб. в 1901 г. до 484,6 милл. руб. в 1902 г., т.-е. на 321,2 милл. руб. Если высчитать из валового питейного дохода за 1902 г. операционные расходы по продаже питей, то получим 365,2 милл. руб.; соответствующие цифры: за 1901 г.—330,8, 1899 г.—335,7 и 1896 г.—277 милл. руб. За 1892 — 1902 г.г. косвенные налоги возросли с 474,8 до 754,7 милл. руб. или на 59%. Если же вовсе оставить в стороне питейное дело, то окажется, что косвенное обложение поднялось за 1892—1902 г.г. на 89,3%, в то же время прямые налоги—без выкупных платежей — возросли на 43,2%, и это при росте населения в 13,3% [1]).

Сопоставим теперь с этими данными движение всего нашего обыкновенного бюджета за те же годы (по отчетам Государственного Контроля):

	1892 г.	1893 г.	1896 г.	1899 г.	1901 г.	1902 г.
	В миллионах руб.					
Обыкнов. гос. доходы	973,5	1049,6	1368,3	1668,7	1799,4	1905,4 [2])
„ расходы	928,3	965,6	1229,8	1463,6	1664,9	1802,1

Эти цифры прежде всего показывают сильное увеличение обыкновенных государственных приходов и расходов. Объясняется это в значительной степени тем, что с 1895 г. начинает быстро расти статья казенного железно-дорожного хозяйства и входит статья о доходах от винной монополии. Если мы исключим из этого бюджета доходы от казенных жел. дор. и питейное дело, то получим увеличение обыкновенных государственных доходов с 630,1 милл. руб. в 1892 г. до 973,8 милл. руб. в 1902 г., т.-е. на 54,5%. Вся сумма обыкновенных доходов, считая и остатки от заключенных смет, равнялась за 1893—1902 г.г. 15,2 милрд. руб., а обыкновенных расходов — 13,5 милрд. руб. Первые превысили таким образом, вторые — за период управления финансами г. Витте—на 1,7 миллиарда рублей.

Если мы обратимся к чрезвычайному бюджету за тот же период, то окажется, что сумма чрезвычайных государствен-

[1]) По Шванебаху—„Наше податное дело", изд. 1903 г. — доход от косвенного обложения возрос за 1880—1892 г.г. на 37%, за 1892—1901 г.г. на дальнейшие 50%; за все же двадцать лет на 108% т.-е. более, чем удвоился. В 1880 г. прямые налоги относились к косвенным, как 3 : 7, в 1901 г. как 1 : 5.

[2]) Остатки от заключенных смет в доходы здесь не включены. В обыкновенный бюджет перенесены военное вознаграждение, которое до 1895 г. относилось к чрезвычайным рессурсам, и расходы по сооружению портов усилению и улучшению ж. д., которые до этого же года относились на чрезвычайные расходы.

ных расходов за 1893—1902 г.г. составила 2.717.2 милл. руб., а чрезвычайные государственные доходы, помимо кредитных операций, равнялись всего только 143,4 милл. руб., а с остатками от заключенных смет 213,8 милл. руб. Чем же покрывался постоянный дефицит в чрезвычайном бюджете, достигший за все это время суммы в 2.504.4 милл. руб.? Из излишка обыкновенных доходов над расходами. Но этот излишек за 1893—1902 г.г. составил 1.673.5 милл. руб., сумму недостаточную для покрытия всего чрезвычайного дифицита. Оставался все-таки дефицит в 830,9 милл. руб. Откуда же были взяты остальные суммы? Из кредитных операций, которые, по отчетам Госуд. Контроля, дали за этот период 1.023,5 милл. руб. Осталось, таким образом, еще 192,6 милл. руб., которые пошли в свободную наличность. К началу 1903 г. министерство финансов ее определяет в 257,4 милл. руб. За время от 1 января 1893 г. по 1 января 1903 г. она составила 2.463.7 милл. руб. Сказанное нами до сих пор, надеемся, достаточно показывает закулисную сторону наших бездефицитных бюджетов. Мы знаем теперь и истинную цену нашему чудодейственному средству против дефицитов — накоплению свободной наличности. Оно состоит в высасывании последних соков из народных масс и в увеличении нашей государственной задолженности [1]). За время от 1889 г. до 1902 г. сумма нашего государственного долга возросла почти на 2 миллиарда руб. или на 45%.

---

[1]) Как тратились эти деньги, видно из следующего отзыва проф. Мигулина: „Извлеченные деньги в значительной части оставлены были не среди населения внутри России, а переведены на окраины — Сибирь, Среднюю Азию, Кавказ, при чем крупные суммы издержаны в Китайской империи, т.-е. совершенно ушли из России. Расходование этих сумм, добытых с таким трудом и огромными жертвами населения, — насущнейшие нужды которого остались без удовлетворения,—производились далеко не всегда экономно и рационально. До 150 милл. руб. было истрачено на покупку и чеканку за границей ни на что ненужной серебряной монеты, на несколько десятков миллионов было сделано за границей заказов на сооружение судов военного флота. Стоимость Сибирской ж. д. превзошла все ожидания и все самые смелые предположения... Что дело велось ненормально, это признано, так сказать, оффициально в комитете Сибирской ж. д. Вся дорога, включая стоимость Кругобайкальской, Екатеринбурго-Челябинской и Манчжурской, обошлась приблизительно в 850 милл. руб., более предположенной суммы в 339 милл. руб. на 551 милл. руб. или на 158%". Что касается Восточно-Китайской ж. д., то она стоила в общем 650 милл. руб., но уже в 1902 г. дорога обошлась вчерне свыше 152.000 руб. на версту. Цифра положительно невероятная, если стоимость пути Сретенск-Покровская на подпорных стенах исчислялась всего в 89 тыс. руб. верста и, если принять во внимание, что Манчжурская дорога строилась дешевым беспошлинным иностранным материалом, дешевыми рабочими-китайцами, при отсутствии всяких технических трудностей .. Менее расточительно, чем Сибирская, но также далеко не экономно сооружались другие железные дороги. Без преувеличения можно сказать, что на железнодорожном строительстве последнего десятилетия по крайней мере, до полумиллиарда рублей было „израсходовано" лишних, которые могли бы остаться в распоряжении государств. казначейства и быть потребленными на культурные потребности населения, способствуя поднятию уровня его благосостояния". („Реформа денежного обращения в России и промышл. кризис", проф. Мигулин, 1902 г., стр. 286. „Наша новейшая ж. д. политика и т. д.". Его же, 1903 г., стр. 299, 328—360 и др.).

5.

В 1903 г. Витте ушел из министерства финансов. Но курс Вышнеградского — Витте продолжает действовать до последнего момента; следующий министр г. Коковцов, как известно,—один из птенцов Виттевского гнезда. В связи с злосчастной Японской войной у нас были опять подняты косвенные налоги: с 1 января 1905 г. акциз на обыкновенное вино был повышен на 1 коп., а на столовое на $2^1/_2$ коп. с градуса, с мая этого же года поднят акциз на пиво на 33%, на спички увеличен вдвое, на дрожжи с 1 июля тоже вдвое; законом 13 апреля 1905 г. установлен с 1 октября 1906 г. налог на все продукты перегонки и обработки нефти в размере 60 коп. с пуда (т.-е. как раньше на керосин). Вместе с тем были повышены прямые налоги: гербовый сбор, наследственные пошлины (ставки были подняты на 50%) и пр. В результате подобных операций мы имеем следующие цифры — по отчетам Госуд. Контроля — о действительном движении нашего бюджета за трехлетие 1903—1905 г.г.:

Годы	Обыкновенные доходы [1])	Обыкновенные расходы	Превышен. обыкновен. доходов над расходами 1903—1905 г. г.	Чрезвычайные доходы [2])	Чрезвычайные расходы	Превышен. чрезвыч. расходов над доход. за 1903—1905 гг.
	(В милл. руб.)			(В милл. руб.)		
1903 . .	2.031,8	1.883,0		224,8	224,8	
1904 . .	2.018,3	1.906,8		388,1	830,8	
1905 . .	2.024,6	1.925,2		946,1	1.279,6	
Всего	6.074,7	5.714,0	360,7	1.512,2	2.335,2	823,0

Из этих данных, — а также из таблицы на стр. 206, — мы видим прежде всего, что обыкновенные доходы, возраставшие неуклонно с 1899 г. до 1903 г. включительно, — исключение составлял голодный 1891 год—в 1904 году упали сравнительно с предшествующим годом на 13,5 милл. руб.; в 1905 г. они поднялись на 6,3 милл. руб. сравнительно с 1904 г., но против 1903 года они все же были понижены на 7,2 милл. руб. И это слабое повышение в 1905 году объясняется исключительно поднятием налогов. Причинами падения обыкновенных доходов в 1904 и 1905 годах являются, как известно, война на Дальнем Востоке и революция внутри страны, что усилило наш финансовый и экономический кризис. Тем не менее обыкновенные доходы превысили и за эти два года предположение росписи: сверхсметные поступления стали обычным, бюрократически

[1]) Без остатков от заключенных смет прежних лет.
[2]) С остатками от заключенных смет.

узаконенным, явлением в нашем обыкновенном бюджете. Обыкновенные доходы превысили таковые же расходы за 1903—1904 годы на 419.6 милл. руб. В то же время недоставало чрезвычайных ресурсов на сумму в 823,0 милл. руб. Для получения общего результата исполнения росписей доходов и расходов за это трехлетие приходится причислить к 360,7 милл. руб. обыкновенного бюджета еще ресурсы государственного казначейства в виде остатков от заключенных смет прежних лет. Избыток обыкновенного бюджета тогда окажется равным 419,6 милл. руб. Покрывая этой суммой дефицит чрезвычайного бюджета, мы в конце-концов получаем для означенного трехлетия дефицит в 403,4 милл. руб.! Для покрытия его и понадобились в 1906 г. новые долгосрочные и краткосрочные займы. Из чего состояли чрезвычайные доходы в трехлетие 1903—1905 г.г., достигшие тогда 1.512,2 милл. руб. и ушедшие на все возраставшие из года в год чрезвычайные расходы? Опять-таки — по примеру прошлых лет — из займов и займов. С 1 января 1902 г. по 1 января 1906 г. долгосрочный государственный долг возрос на 1,4 миллиарда рублей.

6.

Каково было положение дел у нас после революции 1905 г.? Вот данные о движении нашего косвенного и прямого обложения, а также доходов от винной монополии за 1903—1913 г.г. (по отчетам госуд. контроля):

Годы	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	Прирост за 1903—1909 гг. в %%
	В миллионах рублей.							
Косвенные налоги: Питейный сбор	34.2	29.8	29.8	39.4	41.1	39.1	40.2	
Табачный доход	49.0	48.7	46.6	59.9	54.1	56.2	48.9	
Сахарный „	75.5	78.8	78.7	108.8	101.5	93.6	107.4	
Нефтяной „	32.0	34.8	29.9	29.9	36 8	41.6	41.8	
Спичечный „	8.1	7.7	10.8	15.0	15.9	16.7	17.2	
Таможенный „	241.5	218.8	212.8	241.3	260.5	279.3	274.3	
Всего	440.3	418.6	408.7	494.3	509.8	526.5	529.8	+ 23.3
Казенная винная операция	542.3	543,5	609.4	697.5	707.1	709.0	718.9	+ 32.5
Прямые налоги	135.2	134.9	126.9	163.2	183.3	194.2	198.7	+ 47.0

Годы	1910	1911	1912	1913	Прирост за 1909—1913 гг. в %%
	В миллионах рублей.				
Косвенные налоги: Питейный сбор	44.0	47.7	48.9	53.7	
Табачный доход	55.1	70.9	77.0	83.6	
Сахарный „	127.3	122.7	127.8	149.2	
Нефтяной „	46.9	42.5	50.0	48.6	
Спичечный „	18.5	18.6	19.4	20.1	
Таможенный „	300.9	327.6	327.4	352.9	
Всего	572 7	630.0	650.5	708.1	+ 33.6
Казенная винная операция	767.0	783.1	824.7	899.3	+ 25.1
Прямые налоги	216.1	224.1	243.3	272.5	+ 37.1

Таблица прежде всего показывает прирост косвенных и прямых налогов и во время депрессии 1903—1908 г.г. За период 1903—1909 г.г. первые возросли на 23,3%. К этим налогам следует причислить и чистый доход от винной монополии, который возрос за это время на 43,2%, между тем как валовой доход возрос на 32,5%. Прямые налоги возросли на 47%. Увеличение налогов и поступлений от казенных операций (винной монополии, железн. дорог) произошло от того, что и за период 1906—1909 г.г. был повышен ряд старых налогов и введены новые. Так, 2 января 1906 г. были подняты некоторые оклады промыслового обложения; промысловый налог был распространен и на ряд торговых и промышленных предприятий, раньше не плативших налога; с 16 февраля 1906 г. начал действовать новый таможенный тариф, повысивший ставки на многие товары. Кроме того, в 1906 г. отменяются льготы по поземельному налогу, установленные в 1896 г.; в 1908 и 1909 г.г. повышается пассажирский тариф, увеличиваются значительно ставки на различные важные товарные грузы, — это во время депрессии промышленности и торговли,—удваивается размер судебных пошлин и поднимается цена водки на 40 коп. В 1909 г. Госуд. Дума утверждает налог на гильзы, папиросную бумагу, результатом чего было 3,5 милл. руб. нового дохода уже в этом году; мы зачислили эту сумму в рубрику табачного дохода, который сам по себе сократился до 45,3 м. р. Точно так же в 1909 г. был повышен акциз на табачные изделия, что сказалось на доходе следующих лет. Само собой понятно, что за последующий период промышленного благополучия и хороших урожаев доходы с налогов продолжали

расти гораздо сильнее. Так, в 1913 г. косвенное обложение выше 1909 г. на 33,6%, винная монополия на 25,1%, а прямое—на 37,1%; это составляло ежегодный средний прирост косвенных налогов 8,4%, между тем как за предыдущие шесть лет он был 3,9%. Соответствующие цифры по казенн. винн. операции (валовой доход) были 6,3% и 5,4%, а по прямым налогам 9,2% и 7,8%. Государственная машина повсюду обходится все дороже и дороже; и капиталу приходится повсюду отдавать государственной власти ту или иную часть своей прибыли. Но одно дело, если при обложении капитала считаются с периодами подъема и упадка промышленности, если повышают эти налоги в период процветания, и совсем другое, если обложение увеличивается во время кризиса, во время угнетения. У нас же интересы казны стали как бы самодовлеющими, она преследует прежде всего и больше всего свои цели.

Движение бюджета за 1906—1909 г.г. (по отчетам госуд. контроля) видно из следующих данных:

Годы	Обыкновенные доходы [1]	% увелич. или уменьш. с предыдущим год.	Обыкновенные расходы	% увелич. или уменьш. с предыдущим год.	Превышение обыкн. доход. над расх. за 1906—1909 г.г.	Чрезвычайные доходы [2]	Чрезвычайные расходы	Превышение чрезв. расх. над доход. за 1906—1909 г.г.
1906	2.271.7	+12.0%	2.075 8	+7.8%		1.134.9	1.151.6	
1907	2.342.5	+ 3.1%	2.196.0	+5.8%		157.6	386.6	
1908	2.417.8	+ 3.2%	2.387.8	+8.7%		208.0	268.9	
1909	2.526.3	+ 4.5%	2.451.4	+2.7%		170.5	156.1	
	9558.3		9.111.0		+447.3	1.671.0	1.963.2	—292.2

Из этой таблицы явствует, что за 1906—1909 годы обыкновенные доходы превысили таковые расходы на 447,3 милл. руб., а если считать и остатки от заключ. обыкнов. смет прежних лет в 87,6 милл. руб., то на 534,9 милл. руб., в то же время чрезвычайные расходы превысили чрезвычайные доходы на 292,2 милл. руб. Первые покрыли вторые. Но откуда были взяты эти громадные чрезвычайные ресурсы? Как и в предыдущие годы — из займов. За это четырехлетие государственный долг возрос на 1.213,4 милл. руб.! Дефицит за 1909 г. был заблаговременно покрыт тяжелым займом, произведенным в январе этого года. Увеличение % прироста обыкновенных доходов объясняется урожаем, уменьшение % прироста расходов — решением министра финансов сокращать производительные расходы впредь до установления равновесия в нашем бюд-

[1]) Без остатков от заключенных смет. [2]) С остатками.

жете. На 1910 г. конституционный бюджет был впервые сведен без дефицита. Каким образом, однако, этот бюджет был спроектирован без дефицита, и это при рекордном урожае 1909 г., видно из того, что уже вскоре после утверждения его министр финансов вошел в законодательные учреждения с предложением разрешить ему ряд сверхсметных ассигнований. В Государственном Совете это встретило отпор; гр. Витте, В. Череванский и другие справедливо указывали, что таким путем можно всякий бюджет сделать бездефицитным; стоит только выбросить из него необходимые расходы и затем проводить их дополнительно.

Общую картину движения бюджета в период просперитета 1910—13 г.г. можно видеть из следующей таблицы.

Годы.	Обыкн. доходы в милл. руб.	% + или — против предыдущ. года.	Обыкн. расх. в милл. руб	% + или — против предыдущ. года.	Превыш. + обыкн. доход. над расх. за 1910—13 г.г.	Чрезвычайные доходы.	Чрезвычайные расходы.	Превышение чрезв. расх. над доход. за 1910—13 г.г.
1910	2781.0	+10.1	2473.1	+ 0.9		31.7	123.5	
1911	2951.8	+ 6.1	2536.0	+ 2.5		15.8	309.7	
1912	3105.9	+ 5.2	2721.8	+ 7.3		7.5	449.3	
1913	3417.4	+10.0	3094.2	+13.7		16.9	288.7	
	12256.1		10825.1		+1431.0	61.9	1171.2	—1109.3

Данные показывают, что прирост обыкновенных доходов, проявившийся сильно в 1910 г., ослабел несколько в следующие два года (неурожай 1911 г.), но в 1913 г. снова усилился. В то же время неуклонно и быстро возрастали обыкновенные расходы, поднявшись особенно значительно в 1913 году. Увеличивались до 1912 г. включительно и чрезвычайные расходы; в 1913 г. они уменьшились, но продолжали быть высокими. Обыкновенные доходы, если считать и остатки от заключенных смет, превышали однако обыкновенные расходы на 1507 милл.; этого было достаточно для покрытия чрезвычайных расходов и давало еще излишек в 497 милл. руб.

Такой поворот в положении финансов вызвал восхищение министра финансов и представителей думского большинства результатами своей совместной работы, что и проявилось во время общих дебатов в Государственной Думе по поводу росписи на 1912 г. Неурожай 1911 г. их мало смущал. (Для удовлетворения потребностей, вызванных им, было израсходовано в 1911—12 г.г. из чрезвычайных рессурсов 136 милл. руб.) Важнее было то, что 1910 и 1911 г.г. оказались бездефицитными. Более того, сво-

бодная наличность, как видно из общей таблицы, вновь поднялась, достигнув на 1 января 1911 г.—333 милл. руб., а на 1 января 1912 г.—473,4 милл. [1]).

В то время, как к январю 1908 г. совокупность средств, т.-е. вместе со связанной наличностью, — принадлежащих казне, составляла 256 милл. руб., в том числе заграницей 102 милл. руб., она в конце февраля 1913 г. (речь мин. фин. в Государственной Думе от 28 февраля) равнялась 969 милл. руб., из них заграницей 413 милл. И так как бюджетные дела продолжали быть недурными и в 1912 г., то понятно, что г. министр и в объяснительной записке к росписи на 1913 г., знакомя Государств. Думу IV созыва с состоянием нашего народного хозяйства не мог не похвастать: „В полном соответствии с развитием экономической жизни страны находится и развитие бюджетного хозяйства государства. Подобно исключительному подъему народного хозяйства в последние три года,

[1]) Так как „читающая публика имеет весьма смутное представление о свободной наличности и в особенности о ее источниках", то гр. Дементьев, начальник бухгалтерского отдела мин. фин. и фактический составитель проектов наших росписей в течение многих лет, взял тогда на себя труд просветить ее. „Возрождение свободной наличности в 1909—11 г.г. совершилось само по себе без приложения каких-либо усилий для этого, и при том при ближайшем участии в бюджетной работе законодательных учреждений нового устройства" – писал гр. Дементьев (см. Вест. Фин. № 9, 1912). На это мы тогда же ему заметили (Зап. Р. Т. Об. № 11 за 1912 г.), что усилия все же прилагались: во-первых, заем 1909 г. был заключен не без труда, во-вторых — выколачивание податей и за эти годы шло усиленным способом. „Накопление свободной наличности, поучал публику Дементьев, произошло главным образом от сильно повысившегося поступления обыкновенных доходов. Это последнее приписывается двум хорошим урожаям. Но так ли это на самом деле? Урожаи в России бывали и раньше, однако такого прилива доходов, какой наблюдается в два последние года не происходило. Невольно навертывается мысль, что доходы возросли в 1910 и 1911 г.г. не только под влиянием урожаев, но и потому, что в стране происходят какие-то экономические явления, пока не изученные, быть может, еще трудно уловимые, но благодаря численности населения отражающиеся на бюджете государства ростом поступлений". Нет, гр. Дементьев, имели место не „какие-то", а вполне определенные и достаточно изученные явления. Конечно, урожаи были и раньше но это и раньше отражалось благоприятно на поступлении доходов. Стоит только вспомнить крупную свободную наличность на 1 января 1903 и 1904 г.г. Что же касается 1909–11 г.г. то, во-первых, урожай 1909 г. был рекордный, а урожай 1910 г. хороший, во вторых, условия реализации на мировом рынке были благоприятны для нас. Этим урожаям прежде всего обязано было и наше казенное железнодорожное хозяйство превращением в 1910—11 г.г. из дефицитного в доходное. Урожаи содействовали и промышленному оживлению, а известно, что оно отражается благоприятно в первую очередь на растущем городском населении. И наконец, мы видели, что, вопреки Дементьеву, и при участии законодательных учреждений, и без их санкции были повышены ряд старых налогов и введены новые. За пять последних лет от повышения налогов и расширения обложения поступило около 240 милл. (А. Шингарев). Если, поэтому, принять во внимание и урожаи, и промышленное оживление, и повышенные налоги, и поднятые железнодорожные фрахты, и заем 1909 г., и указываемое самим Коковцовым воздержание в увеличении расходов—и полезных в 1910—11 г.г., то „возрождение" значительной свободной наличности ничего удивительно не представляет. Но, заключили мы тогда свою статью, базировать на таком фундаменте, как наша свободная наличность, свой экономический и финансовый оптимизм по меньшей мере рискованно:

увеличился в своих размерах и государственный бюджет". (Подчеркнуто нами. *А. Ф.-Е.*).

Однако, несмотря на все это блестящее состояние и национального, и государственного хозяйства, о котором поведал тогда и всему миру г. Коковцов, — через посредство одного немецкого журнала,—в том же проекте росписи на 1913 г. мы видим, в связи с неимоверным ростом расходов, и признаки меланхолии, которая становится более черной в проекте на 1914 год. Так, сравнивая движение доходов и расходов за 1904 — 08 г.г., 1909—11 г.г. и данные за 1912—13 г.г. (предварительные и проектируемые), он указывает, что в первое пятилетие среднее ежегодное возрастание расходов было больше прироста доходов, а во второе трехлетие (по сравнению с 1908 г.)—меньше возрастания доходов; в 1912—13 г.г. ежегодный прирост расходов опять выше такового доходов. В оправдание этого неприятного явления он приводит ряд объяснений и между прочим то, что в эти годы оказалось необходимым „предоставить средства для дальнейшего развития таких частей государственного хозяйства, которые имеют первостепенное значение". Что же это за части? „Усовершенствование обороны и удовлетворение производительных и культурных потребностей".

Если, мы обратимся для проверки к исполнению бюджетов 1912 и 1913 г.г., то увидим следующее: обыкновенные расходы по военному ведомству возросли с 498 милл. руб. в 1911 г. до 581 милл. в 1913 г., что составляет прирост против предыдущего года: в 1912 г. на 6%; в 1913 г. на 10,1%; в то же время расходы по морскому ведомству возросли со 121 до 245 милл. руб.; соответствующие годовые приросты — 45,6 и 39,1%. К этому следует прибавить чрезвычайные расходы на военные нужды, которые с 51 милл. в 1911 г. возросли до 105 в 1912 и 126,5 в 1913 г. Все же расходы на оборону с 1909 по 1913 г.г. возросли с 650 до 953 милл. руб. или на 46,5% [1]).

[1]) По данным Эрцбергера („Die Rüstungausgaben des Deutschen Reichs" Stuttgart 1914. См. „Вест. Фин." № 49 за 1914 г.) расходы на армию в России с 1904 по 1914 г. возросли с 804 милл. марок до 1294 милл., что при 141,5 милл. душ населения в 1904 г. составляло на душу 5,7 марки, а в 1914 при 160 милл. населения 8,1 мар., соответствующие расходы на флот: 244 милл. и 541 милл. марок; 1,7 и 3,4 марки на душу (марка равна 46,3 коп.). Прирост обременения населения военными расходами за 1904–13 г.г. в отдельных странах виден из следующей таблицы:

	1904 г.	1913 г.	% %
	Марок на душу		
Япония	1,46	7,40	+ 408
Германия	14,50	21,86	+ 53
Франция	19,68	29,67	+ 52
Россия	7,41	11,10	+ 50
Италия	10,40	15,30	+ 37
Великобритания	31,46	33,05	+ 5
С. Штаты С. А.	21,47	10,50	— 16

Расходы по обороне действительно возрастали, но „усовершенствовалась“ ли она —на это теперь имеется довольно определенный ответ. Что же касается производительных целей, то действительно расходы на улучшение путей сообщения, портостроительство и землеустройство также возросли, но, как мы еще увидим, они были незначительны по сравнению с потребностями и эффект их был незаметный. Возросли и расходы по мин. народ. просвещения: с 98 в 1911 г. до 143 в 1913 г., что составляет прирост в 1912 г. 20,7 и в 1913 г. 21,1% против предыдущего года.

Г. Коковцов неоднократно подчеркивает увеличение расходов на культурные потребности за 1910—13 годы. Однако, что значили эти расходы при нашей некультурности? Как далеко мы отстали от Запада, видно хотя бы из того, что Англия в 1875 г. тратила на 1 жителя на просвещение в $1^1/_2$ раза больше, чем мы в 1910 г., а в этом году она тратила почти в 7 раз больше нашего (4 рубля, а мы 60 коп.), и это не считая расходов общин, которые в этой области расходовали куда больше наших земств (М. Фридман). Земства, как известно, сильно страдали от недостатка средств. Самые необходимые потребности народного здравия, благоустройства и общественного призрения оставались неудовлетворенными. Различные эпидемии свили себе у нас прочные гнезда. И это отражалось все сильнее на хозяйстве страны: так, летом 1910 г. холера затормозила деятельность целого южного промышленного района и нашу внутреннюю и внешнюю торговлю [1]).

7.

Не только в нашей оффициальной литературе, но и в неоффициальной довольно часто выдвигался, как показатель роста благосостояния населения, роста нашего национального богатства после революции 1905 г., неуклонный рост наших обыкновенных доходов, их исправное поступление, более того, их поступление в большем количестве, чем их ожидают. Гг. экономисты забывали при этом, что государственное хозяйство и народное хозяйство не одно и то же; не одно и то же государственные финансы и финансы страны. О национальном богатстве страны, об ее экономическом положении можно судить по национальному доходу, по потреблению масс, а не по росту налогов, и это особенно в полуазиатском строе. Здесь рост бюджета может итти и на счет обеднения масс, ослабления производительных сил страны. Это и происходит у нас.

[1]) Стоит только прочитать сметы различных наших министерств, и станет очевидным, что на производительные цели средств-то и не было у правительства. Так, в смете мин. торговли и промышленности на 1911 г. неоднократно указывается на „стесненное положение государств. казначейства, при котором оказывается затруднительным изыскать средства на несомненно производительные расходы“ (Смета по общей части, стр. 8).

Мы не имеем точных данных насчет народного дохода в стране; С. Прокопович вычислил, что в 1900 г. в 50 губ. „чистый“ доход равнялся 6,1 миллиарда руб. что составляет 63 рубля на душу, но более проверенным позже данным — 67,3 руб. Литвинов-Фалинский сосчитал, что в том же году во всей Империи нац. доход равнялся 7,8 милл. руб., что при 135 милл. населения показывает 58 руб. на одного жителя. Статистическое бюро Совета съездов определило этот доход в 1904 г. в 9,2 миллиарда. По данным центр. стат. ком. население России к 1 января 1904 г. равнялось 141,4 милл. душ; таким образом, доход на душу составлял 65 руб. Мы приняли эту цифру за средний „чистый“ доход, и оказалось, что русский получал дохода почти в три раза меньше немца, в 3,5 раза меньше француза, в 4,2 раза меньше англичанина и в $1^1/_2$ раза меньше жителя балканских королевств. Если исключить расходы по винной монополии и казенным жел. дор. то можно сказать, что каждому жителю из 65 рублей пришлось в 1904 г. уплачивать около 11 руб. обыкновенных доходов; сюда следует прибавить еще около $2^1/_2$ рублей других общественных повинностей; в общем, значит, 13.5 руб. в год [1]). Таким образом налоги отнимали 21% среднего годового дохода на душу населения.

В 1913 году, по вычислениям Управ. Экон. Совета при Врем. Правительстве, доход на душу в 50 губ. Европ. России составлял 101.35 руб., но цены за 1900—1913 г. возросли в среднем на 29% (С. Прокопович). Считая население в Империи равным в 1913 г. 175 миллионам, а государственные (без операционных расходов) и местные доходы в 2.9 миллиард. руб., мы найдем, что они отнимали в этом году около 16% среднего годового дохода жителя.

[1]) Согласно вычислениям г. Дементьева в его работе: „Распределение государственных доходов за 1907—1911 г. по числу душ“, мы имеем:

Доходы—нетто (без расход. заим., операц. расход. и пр.).

Годы	Налоги, вык. плат. и акциз на казен. вино в милл. р.	На душу в руб.	Казен. им. регалии и капиталы в милл. р.	На душу в руб.	Разные доходы в милл. руб.	На душу в руб.	Всех налогов в милл. руб.	Итого по более точным данным на душу в руб.	+ или — против пред. года
1907	1181,5	7,93	252,8	1,70	57,2	0,38	1491,5	10,03	—
1908	1223,7	8,00	204,5	1,33	74,5	0,49	1502,7	9,93	— 0,10
1909	1254,3	7,99	297,9	1,89	77,8	0,50	1630,0	10,36	+ 0,43
1910	1382,8	8,89	425,3	1,64	93,5	0,58	1901,6	11,67	+ 1,31
1911	1455,2	8,88	518,3	3,16	86,0	0,52	2059,5	12,35	+ 0,68

Г. Дементьев в своей работе „Государственные доходы по источникам поступлений в 1907—1911 г.“ (СПБ. 1912 г.) показал:

Доходы — нетто.

	1907 г.		1911 г.		Увеличение против 1907 г.	
	Сумма в милл. р.	% к общ. итогу	Сумма в милл. р.	% к общ. итогу	Сумма в милл. р.	В % %
1. Налоги и выкупн. платежи.	1147,6	77,0	1381,8	67,1	234,2	20,4
2. Казенное имущество, капиталы и регалии	186,7	19,2	591,7	28,7	305,0	106,4
3. Разные доходы . .	57,2	3,8	86,0	4,2	28,8	50,3
	1491,5	100	2059,5	100	568,0	38,1

Если происшедшее в 1905 и 1908 г. повышение цен на вино перенести из доходов второй группы в первую, тогда будем иметь в 1911 г.:

	Увеличение против 1907 г.		% отношение к общему итогу
	Сумма в милл. руб.	В % %	
1. Налоги и выкупн. платежи.	273,7	23,2	70,7
2. Казенное имущество и пр.	265,5	105,0	25,1

Ссылаясь на эти данные, г. Дементьев и утверждал, что та или другая „комбинация“,—т.-е. с повышенной ли ценой вина или без нее,—не изменяет вывода, что „относительное значение поступлений от казенных имуществ и предприятий в государственном бюджете за истекшее пятилетие увеличилось, относительное же значение поступлений от налоговых источников уменьшилось“. Г. Дементьев, делая этот поспешный вывод, упустил из виду, что 1907 и 1911 г. мало подходящие годы для сравнения по многим причинам: оба неурожайные, но 1907 г. в более сильной степени, один год застоя, другой оживления и пр. В частности он не заметил, что прибыльности казенных жел. дорог в 1911 г.—в противоположность убыточности их в в 1907 г.—содействовало и повышение тарифов, как пассажирского, так и грузового, что тоже было своего рода налогом.

Если принять чистый национальный доход империи в 1913 г. равным 16,4 миллиард., руб. то общегосударственные обыкновенные доходы в 2,45 миллиард.—без операционных расходов—поглощали, по вычислениям К. Шмелева, 14,3% всего этого дохода, а местные—0.4 миллиарда или 2,7%, вместе—17% всего национального дохода. Налоги—общегосударственные и местные—давали 2,2 миллиарда руб. или 75,8% всех государственных доходов или 13,3% чистого национального дохода страны. Из налогов общегосударственных в 1,9 миллиард. руб.—1,1 миллирд. или 75,3% приходились на косвенные; 0,2 миллиарда или 10,2% на прямые; налоги на имущество 0.3 миллиарда руб. или 14,5%. Из местных налогов в 0,3 миллиарда руб. падало на прямые 0,115 миллиарда руб. или 42,5%; на имущество—0,131 миллиард. руб. или 48,4% и на проч. 9,1%.

Из роста наших налогов, и в частности косвенных конечно, нельзя было делать заключений о росте народного потребления. Мы видели при разборе 1890—1900 гг., что потребление предметов личного потребления в России куда ниже, чем в других европ. странах; за десятилетие 1900—1909 г.г. наше положение по сравнению с Западом еще более ухудшилось. Поэтому, ссылка министра финансов на Германию, Англию и Францию, что и там косвенные налоги растут, не выдерживала критики. При анализе роста наших косвенных налогов, следует иметь в виду не только постоянное увеличение налоговых ставок, но и то, что рост этих налогов происходил от роста городского населения. Потребление в городе было у нас гораздо сильнее, чем в деревне. Так, потребление сахара в начале этого столетия было в городе 32,5 ф. на душу, в деревне—6 ф., т.-е. в городе в 5,4 раза больше, — керосина в 6 раз больше. („Ежегодн. России за 1909 г.“, изд. 1910 г.). И проф. Озеров, поэтому, был совершенно прав, когда указывал, что в различии нашего городского и сельского населения следует искать объяснения, почему с одной стороны растут доходы от косвенного обложения, а с другой стороны растут недоимки по платежам, лежащим на крестьянах [1]). В то время, как деревня в большинстве районов коренной России регрессировала, город, хотя и медленнее, чем это было бы при нормальных условиях, развивался, а вместе с ростом городского населения и поднималось, главным образом, абсолютное потребление страны.

На нашей государственной машине, как и на ее финансовой и, в частности, податной политике, ярко отражались те два процесса экономической жизни, на которые мы постоянно указывали

[1]) По данным Кашкарова („Финансовые итоги последнего десятилетия, 1892—1901 г.г.“ изд. 1903 г.) крестьянские недоимки за период 1892—1901 г.г. возросли на 75,5%. В некоторых губ. они составляли на 1 января 1902 г. к окладу 1901 г. 507% (Уфимская), 456,5% (Оренбургская), 385% (Самарская) и т. д. Данные за 1902—1906 г.г. также показывают, что наиболее неисправными плательщиками окладных сборов являются крестьяне.

в предыдущем изложении. Государственная машина обходилась все дороже и дороже стране не вследствие лишь обширности нашей территории, а вследствие устарелости самой машины, вследствие ее малой приспособленности к новым буржуазным условиям. Вплоть до революции 1905 г. наша государственная власть опиралась на старый традиционный фундамент всех азиатских государств, на концетрированную в ее руках земельную собственность. Известно, что до 1905 г. казна получала выкупных платежей от крестьян свыше 90 милл. рублей (в 1905 году эта сумма упала до 55,4 милл. р. 1906 г. до 36 милл. р., а в 1907 г. до 0,6 милл. р.). Крестьянское движение заставило отменить этот налог, который фактически делал государство собственником земли, а крестьян ставил в положение зависимых „владельцев", крепостных от государства. И после казна осталась крупным земельным собственником: в ее руках—громадные пространства земель и лесов, она владела богатыми рудоносными и нефтеносными землями и проч. Но, видя разрушение этого азиатского фундамента, государственная власть, приспособляясь и к новым буржуазным условиям, старалась подкрепить его капиталистическим. Она старалась стать крупным капиталистом-предпринимателем. Однако, какой бы области государственного хозяйства ни коснуться, мы везде видим полную несостоятельность ведения его бюрократией. Лесное хозяйство приносило значительный доход, но это лишь вследствие хищнической эксплоатации лесов, на что указывал еще Шванебах. На „ненормальное ведение дела эксплоатации казенных лесов" и на невозможность здесь „рассчитывать в ближайшем будущем на сколько-нибудь значительные увеличения доходов" указывал государственный контролер и в отчете за 1908 г. Крестьянский банк сконцентрировал в своих руках обширную земельную площадь с целью продажи ее крестьянам, и принужден был вести собственное хозяйство на этой земле: ничего кроме убытков и это не приносило. Казна владеет горными заводами: тоже одни убытки. Казенные фабрики и заводы—лишь рассадники различного рода хищений; производство на них обходится втридорога. Нам укажут на казенную винную монополию: она процветала и приносила крупные доходы. Но этот доход получался благодаря возрастающей цене вина, а не хозяйничанию бюрократии [1]). Как мы уже выше отметили, цена на вино была в последней трети 1908 г. повышена до высшего предела, установленного в апреле 1906 г. Такое повышение, сделанное властью министра финансов, которому и старый порядок разрешал это делать лишь в исключительных случаях, показывает, что и в этой области дела были не блестящи. Потребление вина

[1]) Не подлежит никакому сомнению, что винная монополия имела своей целью поднятие падавшего питейного дохода и путем увеличения потребления вина. Это и было достигнуто: душевое потребление вина в стране, сокращавшееся до 1895 г., после введения казенной продажи начало быстро расти. На 1-м Всероссийском съезде по борьбе с пьянством роль винной монополии в увеличении у нас алкоголизма была рельефно показана. См. «Труды съезда etc.» СПБ., изд. 1910 г., т. II: доклады М. Котельникова, д-ра Лукомского и др.

в 1908 г. сравнительно с 1907 г. упало, в 1909 г. еще более, несмотря на урожай. Отчет по винной монополии за 1909 г. указывает, что она дала в этом году на 173,7 милл. р. более, чем получилось бы при старой системе с акцизом в 11 к. с градуса. Но, заметил совершенно основательно госуд. контролер по поводу отчета о винной монополии за 1907 г., указанные там 144 милл. р. прибыли „не выражают собой действительных финансовых результатов, достигнутых питейной реформой, так как в счет операционных издержек не вводится отчисление на погашение единовременных затрат на постройку зданий и на другие подготовительные работы. Точно так же не принимается в расчет погашение капитальных затрат по выкупу права пропинации". Это приложимо и к отчету за 1909 г., и к др. Следует при этом помнить, что крестьянские общества лишились от винной монополии ежегодного дохода от 15 до 20 милл. р., которых казна не возмещает. „Промышленную прибыль", составившую, по вычислениям г. Коковцова, в 1909 г. 47% по отношению ко вложенному казной в винном деле основному и оборотному капиталу, следует поэтому приписать большею частью, если не целиком, повышению цены на вино, а не умелому ведению хозяйства... Впрочем, питейное дело, кто бы ни хозяйничал всегда давало доход на Руси. Иначе обстояло дело с казенным железнодорожным хозяйством.

8.

Министерство Финансов в объяснительной записке к росписи на 1913 г. уделило особенное внимание казенному жел. дор. хозяйству, стараясь показать, что в 1908—11 г.г. произошли значительные изменения к лучшему и в технике, и в эксплоатации дорог. Однако, каковы эти изменения—видно из следующих данных. В 1908 г. 27% всех паровозов имели возраст свыше 28 лет, и вот за 1908—11 годы были введены 1530 новых паровозов и исключены 1230 старых! Чтобы оценить весь этот прогресс нужно иметь в виду, что в предшествовавшее застойное трехлетие было приобретено 2965 паровозов. Прибавим к этому, что тогда было куплено 51,2 тыс. товарных вагонов, а за это четырехлетие 8,4 тысячи [1]). Число паровозов и товарных вагонов за

[1]) Товарных вагонов было в тысячах:

На 1 января.	Казенных.	Частных.	Всего.
1905 г.	241,2	77,1	318,2
1909 г.	313,8	88,3	402,1
1913 г.	317,1	107,8	424,9

1908—11 годы на 1 версту сократилось. Та же экономия продолжалась г. Рухловым и в последующие годы. Чем же была достигнута в 1910—13 г.г. безубыточность? Если оставим в стороне независящие от г. Рухлова обстоятельства, как урожаи и оживление промышленности, то повышению прибыли содействовало отмеченное уже нами повышение с 1908 г. тарифов на перевозку руды, каменного угля, ценных грузов и пассажирского тарифа; повышены были также сборы за нагрузку и перегрузку. Таким путем повышались и дивиденды различных частных железных дорог, которые и в плохие годы нередко превосходили 10—12%, а в 1912 г. составили на нарицательный акционерный капитал всех частных железных дорог 16,8%. Так как подвижного состава было недостаточно, а требования на перевозку грузов возрастали, то было открыто новое средство делания денег: пропускная и провозная способность этого состава доводилась до максимума, чем подрывался необходимый факультатив дороги [1]). В результате такого „искусного хозяйничания" г. Рухлова, о чем поспешил объявить рептильная печать того времени (см. Новое Время от 1 января 1911 г.), мы видим в 1908 г., включая в расходы платежи процентов и погашение по затраченным капиталам, убыток в 69,6 милл., в 1909 году убыток в 23 милл., в 1910 г. прибыль 24 милл. и в 1911 г. 85,3 милл. А если перейти на „практическую почву" и выяснить действительно денежные результаты, приняв во внимание и действительные денежные расходы, то окажется: в 1908 г.—78,1 милл. убытку и в 1909 г.—12,1 милл. убытку, 1910 г. — 38,4 милл. прибыли и в 1911 г.—105,0 милл. прибыли [2]).

„Такая финансовая политика — характеризовал в Государственной Думе 15 марта 1916 г. министр путей сообщения А. Ф. Трепов эту деятельность г. Рухлова — на мой взгляд являлась совершенно нерасчетливой, и за нее мы расплачиваемся ныне. Вполне понятно поэтому, что наша государственная сеть не только не имела до войны никакого запаса своей пропускной и провозной способности, но и провозные средства далеко не удовлетворяли и потребностям обычных перевозок мирного времени. Всем было известны и в мирное время постоянные залежи грузов, затруднения по вывозу топлива из Донецкого бассейна, затруднения по перевозке переселенцев, неудобство и теснота громадного большинства наших вокзалов, затруднения даже

[1]) По данным А. Родионова средняя нагрузка на ось возросла по всей сети за 1904—1908 г.г. на 6,2 пуда или 3,4%, а за 1909—13 г.г. на 47 пуд. или 25,1%. Грузоподъемность была поднята с 750 до 900 и 1.000 пуд. В 1904 г. она была 180,7 пуд. на ось, в 1908 г. 186,9, в 1910—2 6,1 и в 1913 г.—233,9.

[2]) По отчету же Государственного Контроля казенное железнодорожное хозяйство по Империи дало убытку: в 1908 г. 104 милл.; в 1900 г.—58 милл.; в 1910 г. 13 милл.; прибыль: в 1911 г.—46 милл., 1912 г.—77 милл. На прибыль 1912 г. повлияло включение в казенную сеть доходной Варшавско-Венской дороги, давшей 9 милл. Азиатские дороги все время давали убыток, хотя и уменьшавшийся.

выезда временами из крупных центров. В таком состоянии находились наши дороги, когда нагрянула война" [1]).

Финансовые дела казенных железных дорог продолжали быть недурными и в 1912, и в 1913 г., хотя прирост прибыли все падал (в 1912 г. сказался и неурожай 1911 г.) Так, чистый доход по эксплоатации, не считая платежей по капиталам, составлял: [2])

Годы.	Милл. руб.	Против предыдущ. года.	Коэф. эксплоатации.
1908	101,6	—	83,4
1909	150,0	+ 49,6	76,0
1910	200 1	+ 49.2	69,9
1911	266,7	+ 66.6	63,6
1912	310,7	+ 44.0	62,2
1913	317,9	+ 7,2	61,5
1914	202,9	— 115,0	73,6

Следует иметь в виду, что коэффициент эксплоатации (т.-е. отношение валового расхода к валовому доходу)—лучший показатель хозяйственной работы дороги, и на частных дорогах он у нас был всегда заметно ниже, чем на казенных: так, на частных в 1913 г.—54,5, в 1914 г.—58,7...

Несмотря на все неудачные эксперименты, казенное предпринимательство никогда у нас не падало духом. Более того, оно всячески старалось всегда расширить сферу своей деятельности. Так, незадолго до войны были внесены в законодательные учреждения проекты об устройстве казенной угольной копи и казенных нефтяных промыслов для снабжения казенных жел. дорог

[1]) Стенограф. отчет Госуд. Думы (Цитируем по книге С. Прокоповича: „Война и народное хозяйство", изд. 1918 стр. 121). И проф. Гриневецкий указывает, что в предвоенные 1907—14 г.г. нашему ж.-д. хозяйству „ставилась фискальная задача, а не органическая —содействие развитию производительных сил. Недостаточную экономичность хозяйства казенных железных дорог Мин. Пут Сообщения стремилось уравновесить скаредностью затрат на поддержание возобновления и усовершенствования оборудования. При производительной способности наших 8 паровозо строительных заводов до 1.500 ш. в год она была использована в 1911—12 г.г. до 25—20%". Производительная способность наших 17—20 вагоно-строительных заводов оценивалась в 45 тыс. товарных вагонов; в 1909—12 г.г. она была использована в размере 20—30%; в 1913 году произошло улучшение: до 42%.

[2]) Данные за 1908—12 гг.; по отчетности Госуд. Контроля, за 1913—14 гг. по сборн. „Нар. Хоз. за 1914 г.", ред. „Вест. Фин." Данные различных источников не совпадают, однако для сравнения пригодны.

топливом. По этому поводу орган Совета Съездов наших промышленников поднял тревогу, указывая насчет ссылок г. г. министров на пример Запада не без ехидства: „Казалось бы, что может быть более доступно воздействию правительства, как не область управления и государственной обороны. Однако, при всей, казалось бы, возможности скопировать образцы Запада, Россия еще значительно отстает в этих двух основных отраслях государственной жизни..." И далее: „Тревога частного хозяйства тем основательнее, что стремление правительства не встречает отпора; более того законодательные учреждения сами толкают его на это, печать сочувствует этому новому экономическому курсу установления казенного хозяйства" (№ 7, 1914 г.).

Орган наших промышленников и раньше выступал с протестом против этой угрозы „частному капиталу и личной инициативе", при чем в сердцах наше казенное хозяйничание иногда называл государственным социализмом. На это мы еще в 1910 г. ему заметили: „Когда-то проф. Цион обвинял в том же и г. Витте. Как бы отрицательно мы ни относились к государственному социализму, мы все же должны признать, что наши казенные операции очень и очень далеки от него. Г. Витте и его преемники имели в виду не насаждение государственного социализма, а укрепление государственного деспотизма; они стремились укрепить „старый" режим, подведя под него капиталистические подпорки. Жизнь не оправдала их ожиданий. Этим старый фундамент еще более разрушался, противоречия различных течений нашей экономической жизни еще более обострялись, и конфликт между новыми экономическими условиями и старым политическим и правовым порядком стал неизбежным. И если современное положение вещей не изменится, то в более или менее близком будущем нас ждет новый и гораздо большей силы конфликт [1])". Это, как известно, и случилось.

Несмотря на благополучное положение финансов страны и государства, как это представляло министерство финансов, оно, как мы уже заметили выше, возвращается в проекте к росписи на 1914 г. к беспокоящему его вопросу о росте расходов. „В пятилетие 1908—12 г. г., говорит оно, действительно произведенные расходы увеличивались в среднем выводе по 83,5 милл. руб. в год, а за 1913 и 14 г. г. возрастание обыкновенных расходов при том едва ли вероятном условии, что никаких сверхсметных ассигнований в 1914 г. не будет допущено, составляет в среднем по 290,5 милл. руб. в год. К этому следует присоединить увеличение ежегодно повторяющихся

[1]) По ценаурным условиям того времени мы в тех местах нашей книги: „Современное Хозяйство России", где говорили о неизбежности в ближайшем будущем новой революции, употребляли слова: конфликт, общественный кризис и т. п.

чрезвычайных расходов (сооружения жел. дорог и портов и хозяйственно операционные расходы военного ведомства). С прибавлением этой суммы общее возрастание обыкновенных и поименованных чрезвычайных расходов за 1913 и 14 г.г. по сравнению с расходами 1912 г. определяется в 612, 4 милл. или почти на 21%. В действительности однако, едва ли можно рассчитывать на то, что 1914 г. обойдется без сверхсметных расходов..."

Таким образом высказанное г. Коковцовым в проекте к росписи на 1913 г. предположение, что этот год по своему чрезвычайному приросту расходов является исключительным и что после все войдет в норму, не оправдалось, по его собственному же признанию. 1914 г. требовал дальнейшего увеличения расходов. Мин. фин. утешался поэтому надеждой на рост доходов. В крайнем случае выручит свободная наличность, но ее нужно беречь на тяжелую минуту, что „особенно настоятельно при современном положении политических интересов различных стран". Эти противоречия интересов различных стран, как известно, и привели к мировой войне, которая одним взмахом положила конец нашему государственному финансовому благополучию, и очень быстро поглотила и полумиллиардную свободную наличность...

В. Военный бюджет.

9.

Рассмотрим наш государственный бюджет во время мировой войны. Общий характер его виден из таблиц на стр. 199 По данным Гос. Контроля обыкновенные доходы упали в 1914 гг. против предыдущего года более, чем на полмиллиарда рублей или на 15,2%. Это уменьшение падает целиком на вторую половину этого года, так как в первой половине они были на 155,5 милл. или 9,6% более против той же половины 1913 г. В июле произошло резкое падение доходов: без операций по винной монополии на 4,5% против июля прошлого года, по одной винной монополии на 25%, всего на 9,9%. За август—декабрь все обыкновенные доходы упали на 648 милл. руб. или на 42%. Винная монополия сократила за эти месяцы свои доходы на 93,4%.

Война, вызвавшая переворот в международном обмене и торгово-промышленный кризис внутри, отразилась, конечно, на поступлениях косвенных налогов и особенно значительно на таможенных пошлинах. Так как обыкновенные расходы в 1914 г., хотя и уменьшились против прошлого года, но превышали обыкновенные доходы, считая и остаток от заключенных смет прошлых лет, то образовавшийся дефицит в 5 милл., а также и дефицит в чрезвычайном бюджете, — не считая расходов, вызванных войною, — в 238 милл. были покрыты из средств свободной наличности, составлявшей, как видно из общей таблицы на стр. 206, на 1-е января 1914 г. 514 милл. Остаток в 271 милл. руб. пошел на расходы по мобилизации и военные нужды.

Уже в первой половине 1914 г. наблюдалось сокращение поступлений от винной монополии по сравнению с тем же полугодием 1913 года; все более настойчивыми были ходатайства сельских обществ поставить преграды торговле водкой. С наступлением мобилизации продажа вина была временно запрещена и, вопреки первоначальным предположениям министерства финансов, не была востановлена. Была попытка со стороны министерства финансов возстановить продажу, подняв цену и понизив крепость до 30°, но это встретило отпор со стороны Государств. Думы. Пьянство, особенно в городах, этим красивым „финансовым экспромтом" не было искоренено — пошли усиленно в ход суррогаты, — но казна потеряла вернейший свой источник дохода и как раз в самый тяжелый момент. Пришлось вводить новые налоги и поднимать старые не только, чтобы заполнить брешь от потери водочного дохода, но, чтобы поднять понизившиеся поступления по другим статьям и чтобы покрыть все возраставшие с ходом войны расходы. И вот во вторую половину 1914 г. повышаются: акцизы на вино, пиво, табак, сахар, спички и нефтяные продукты, почтовый, телеграфный и телефонный тарифы, сборы с пассажиров и грузов и особенно с хлопка; поднимаются промысловый налог, пошлины; гербовые, судебные и пр. В 1915 г. были подняты еще сборы с питей, повышенны ставки таможенного тарифа и друг. Однако никакой определенной финансовой программы у правительства не было. Введение подоходного налога или единовременного поимущественного встречало сильнейший отпор со стороны правящей бюрократии, ее поддерживала патриотически и находившаяся на покое (гр. Витте). Все надежды возлагались на косвенные налоги—на предметы первой необходимости. При этом упускалось из виду расстройство торговли в стране и из-за нарушения железнодорожного транспорта. В ноябре 1914 г., когда горячка по мобилизации уже улеглась и все входило, по мнению министра финансов Барка, в норму, нагрузка была все еще на 23% ниже того же месяца 1913 г.

Каковы были результаты военных мер по увеличению доходов, видно из того, что в 1915 г. от увеличения обложения и от новых налогов, по приблизительным подсчетам мин. фин. в проекте росписи на 1917 г., было получено 426 милл. руб., по старому обложению 2,4 миллиарда, а всего обыкновенных доходов 2,83 против 2,9 милрд. 1914 г. Детальный анализ показывает, что месячные поступления обыкновенных доходов, даже исключая винную монополию, и в 1915 г. вплоть до апреля были ниже 1914 г. Это показывало, что обыкновенный бюджет все еще не приспособился к военным условиям. В этом нет ничего удивительного, если принять во внимание, что правительство своими совершенно бесполезными в военном отношении мерами в деле внешней торговли и финансовыми экспериментами в сфере внутреннего обращения лишь усиливало расстройство хозяйства. Данные, например, показывают, что из указанных выше 426 милл. руб. поступлений по новому и повышенному обложению в 1915 г.—196 милл. руб. падало на новые железнодорожные

В миллионах рублей.

Годы	Доходы. Обыкновенные [1].	В % % увел.(+) умен.(−) к предыд. году.	Чрезвычайные. Без вызванных войной.	Чрезвычайные. Вызванные войной.	Остаток от вышеизложенных обыкновенных и чрезвычайных.	Итого.	Расходы. Обыкновенные.	+ или − в % % к предыдущ. году.	Чрезвычайные. Без вызванных войной.	Чрезвычайные. Вызванные войной.	Итого.	Превышение доходов (+) или превышение расходов (−).
1913	3117,4	+ 10,0	13,7	—	21,4	3152,5	3094,2	+ 13,7	288,7	—	3382,9	+ 69,6
1914	2898,1	− 15 2	8,2	1595,3	54,4	4556,0	2927,1	− 5,4	276 4	2540,0 [2])	5743,5	− 1187,5
1915	2835,4	− 2,2	126,6	12611,4	38,6	15642,0	2643,6	− 10,3	195,1	13170,7 [3])	16009,4	− 367.4
1916	3078,5	+ 40.3	326 8	13449.3	40,0	17794,6	2921,7	+ 10,3	230,0	14948,0	18100,5	− 305,9

[1]) Без остатков от заключенных смет.
[2]) Из этой суммы 855 милл. непроходованных перешли на 1915 год
[3]) В том числе суммы по обмену краткосрочных обязательств истекших сроков на новые 4,4 миллиарда.

Главнейшие виды государственных доходов (в миллионах рублей).

	1913 г.	1914 г.	1915 г. [1]).	1916 г. [1]).
Косвенные налоги	708,1	661,5	698,1	982,0
Больше или меньше предыдущ. года в % %	+ 8,9	— 6,6	+ 5,4	+ 40,7
Прямые налоги	272,5	285,6	360,0	613,9
В % к предыдущ. году	+ 12,0	+ 3,0	+ 28,2	+ 70,5
Пошлины	231,2	209,1	415,2	625,6
В % к предыдущ. году	+ 16,0	— 9,6	+ 98,1	+ 50,6
Изготовление регалий	1024,9	646,9	211,6	251,0
В % к предыдущ. году	+ 8,7	— 36,9	— 67,3	+ 19,6
Казенное имущество и капиталы	1043,7	964,5	978,8	1276,1
В % к предыдущ. году	+ 11,3	— 7,6	+ 1,5	+ 30,4

[1]) Данные за 1915 и 1916 г. не вполне определенные.

налоги, а эти налоги, вследствие их бестолкового распределения на различные товары, сильно вредили торговому обороту, что в начале же 1915 г. было вскрыто и в Государственной Думе (Алексеенко и др.).

В 1916 г. был наложен акциз на чай, независимо от пошлины, повышен акциз на спирт, сахар, табачные изделия, повышены таможенные пошлины на чай, кофе, и продлены временные налоги на грузы и специально на хлопок, налоги телефонный и проч. Впервые был издан закон о подоходном налоге, который входил в действие с 1 января 1917 года. Был введен далее временный налог на прирост прибылей торгово-промышленных предприятий и вознаграждения личных промысловых занятий. Однако и от всех этих налогов трудно было ждать много пользы в 1917 г., если бы и не наступила революция [1]). К концу 1916 г.

[1]) На основании вычислений К. Шмелева приводим следующую сравнительную таблицу состояния и состава обыкнов. обще-госуд. доходов (без операц. расходов) в 1913, 1916 и 1917 годах:

	1913 г.		1916 г.		1917 г.	
	Сумма в мил. руб.	В % % к общей сумме.	Сумма в мил. руб.	В % % к общей сумме.	Сумма в мил. руб.	В % % к общей сумме
Общегосударственные доходы	2.453	—	3.142	—	2.824	—
Из них налоги	1.917	78,1	2.338	74,3	2.189	77,5
Доходы с имуществ и предприятий	576	21,9	611	19,4	490	17,3
Прочие доходы	—	—	197	6.3	196	5,2

	1913 г.		1916 г.		1917 г.	
	Сумма в мил. руб.	В % % к общей сумме.	Сумма в мил. руб.	В % % к общей сумме.	Сумма в мил руб.	В % % к общей сумме
Косвенные налоги	1.444	75,3	1.439	61,7	1.387	63,3
Прямые налоги	196	10,2	487	20,9	314	14,4
Итого	1.640	85,5	1.926	82,6	1.701	77,7
Налоги на имущество	277	14,5	408	17,4	488	22,3
Итого налогов	1.917	100	2.334	100	2.189	100

денежная инфляция пошла, как увидим ниже, таким темпом, что налоги теряли все более значение. Эмиссионное хозяйство, надвигаясь все сильнее,—прежде всего вследствие роста военных расходов,—должно было, как это происходило en grand в послевоенном хозяйстве ряда стран, все более проявить различие между финансами страны и финансами государства: рост денежной инфляции должен был все более обострять противоречие между поступлением государственных доходов от обложения и ростом национального денежного — фиктивного — капитала. И если до войны у нас было противоречие между государственным бюджетом и хозяйством страны в том отношении, что первый рос реально, не считаясь с тем, прогрессирует ли или регрессирует реально второе, то во время войны рост обыкновенного бюджета отставал и номинально от номинального роста национального дохода [1]).

Для удовлетворения бюджета обыкновенного и чрезвычайного (военного) с самого начала нужно было прибегнуть к чрезвычайным источникам, к займам, и этот способ добывания средств приобретал все большее значение, по мере того как росли с ходом войны бюджетные расходы, по мере того как обесценивались деньги. Однако на известной ступени роста эмиссионного хозяйства и внутренние займы отказываются служить. Прогрессирующая инфляция превращает и их в ничего

[1]) Движение расходов и доходов за 1913—1917 г.г. в рублях обладающих покупательной силой их в 1913 г., было, согласно вычислениям К. Шмелева, следующее:

Годы.	Доходы (без займов и выпуска бумажных денег) в мил. руб.	В % % к 1913 году.	Расходы, без вызван. войной (в мил. руб.	В % % к 1913 году.
1913	3431	100	3383	90,0
1914	2961	86	3204	94,9
1915	2354	68	2182,3	64,5
1916	2173	63	1552,5	45,8
1917	752	22	660,6	19,5

Мы должны однако заметить, что „бюджетный" индекс, которым пользовался К. Шмелев (Всерос. индекс стат. труда мало вообще пригоден для определения покупательной силы денег. Митчелль совершенно правильно указывает что „узкие индексы, основывающиеся исключительно на ценах продовольственных товаров.. не могут заслуживать доверия в качестве индекса общего значения". К этому присоединяется и то, что этот наш индекс был неудовлетворительно составлен для военного времени, что признал позже С. Струмилин. Таким образом и с этой стороны вычисления К. Шмелева более чем сомнительны. Однако для иллюстрации таблица все же здесь годится.

не стоящую бумагу. Тогда для выкачивания реального дохода остается лишь печатный станок. Но и он раньше или позже перестает давать полезный эффект. Круг тогда завершен, остается выйти из него, и начать снова старое „нормальное" государственное хозяйство.

Анализ исполненных росписей 1915 и 1916 г.г. показывает, что весь бюджет 1915 г. закончился с дефицитом в 367,4 милл. р., а если принять во внимание свободную наличность и проч., то—в 314,6 милл. р. Отчет за1916 г. показывает прирост обыкновенных доходов против предыдущего года на 40%, косвенные налоги возросли на 20%, пошлины на 41% и прямые налоги на 70%. Дементьев, анализируя поступление налогов, указывает на сильное поступление промыслового налога, и это в то время, когда промышленность для мирных целей была в упадке. Объяснение он находит в высоких прибылях предприятий, работавших на казну; зарабатывалось и на производстве, и на продаже, и на посредничестве. Часть этих прибылей и шла в казну. Это верно. Но следует помнить—Дементьев это забывает,—что и рубль в 1916 г. был уже не прежний: и ценность его по отношению к золоту и покупательная сила упала. О ценности рубля в другом месте. Относительно же его покупательной силы укажем, что по данным Стат.-Эконом. отдела Всеросс. Союза городов средний уровень товарных цен, если принять 1913/14 г. за 100, поднялся в июне 1916 г. до 214; по пересчету, сделанному Кохном, при чем цены Союза городов были взвешены по весам индекса Госплана, общий товарный индекс (оптовый) равнялся в июне 1916 г. — 206.6 [1]). Ясно, что по повышению госуд. доходов нельзя судить о повышении производительности нашего хозяйства в 1916 г. Что же касается расходов, то их уменьшение на 10,3% в 1915 г., когда мы лишились 14 губерний, и их увеличение на такой же процент в 1916 г. не должно вводить в заблуждение, так как деление на обыкновенные и чрезвычайные расходы, являясь произвольным и в мирное время, в военное стало средством затушевывания действительного положения обыкновенного бюджета. Так, и в 1916 г. были исключены из обыкновенных расходов 376 милл. р. процентов по краткосрочным обязательствам по смете государственного кредита

[1]) Приведем здесь для сравнения индекс Стат. Труда и исправленный Кохном продовольственный оптовый индекс (1913 г. = 100).

Годы.	Всерос. индекс стат. труда.	Индекс Кохна невзвешен.	Индекс Кохна взвешен. *)
1914	101.0	105.4	102.8
1915	130.0	151.8	140.1
1916	203.0	209.9 **)	189.9 ***)

*) Кроме зерновых продуктов и муки взяты сахар, мясо, масло и соль; всего 12 продуктов.
**) Веса общетоварного индекса Госплана.
***) За 9 мес.

и перенесены в отдел чрезвычайных расходов; 504 милл. по текущему довольствию мобилизованных были отнесены на военный фонд (Дементьев). На этот фонд в 1915 г. были отнесены около 900 милл. руб. разных расходов (С. Прокопович).

По Государственному Контролю дефицит в свободной наличности на 1/I 1915 г. равнялся 357 милл. руб., Дементьев же утверждает, что у нас было тогда свободная наличность в 200 милл; на 1/I 1916 г. свободная наличность, в результате всех оборотов государственного казначейства, была заключена с дефицитом в 314,3 милл. р., по расчету Дементьева дефицит следовало считать только в 61,7 милл. руб. И наконец, дефицит в этой наличности на 1/I 1917 г. и он определяет в 367,8 милл. руб. [1]).

Г. Государственная задолженность.

10.

Анализ движения нашего государственного бюджета с 1889 г. до мировой войны (см. общую таблицу, стр. 206) показывает, что общие государственные расходы были у нас до 1910 г. больше и росли скорее, чем обыкновенные доходы. Последних нехватало, нехватало и чрезвычайных—помимо кредитных операций—рессурсов: они давали лишь незначительные суммы. И вот государственный организм питается займами и займами. К рассмотрению этих все накоплявшихся государственных долгов мы и переходим.

Старая доктрина, что „народ становится тем богаче, чем более погружается в долги", отошла в область преданий. Распространеннее теперь взгляд, что государство, делая займы, „не разрушает и не потребляет богатства, но лишь перемещает его". Но Маркс еще в первом томе „Капитала" выяснил истинную роль государственных займов. „Подобно тому—писал он—как государственный долг покоится на государственных доходах, из которых ежегодно погашается часть долга и уплачиваются проценты на всю остальную сумму, точно так же современная система податного и налогового обложения явилась принудительным последствием государственных займов. Займы, производимые правительствами с целью чрезвычайных, непредвиденных расходов—при чем плательщики налогов тотчас же и не чувствуют их влияния—влекут за собой увеличение налогов. С другой стороны, обременение налогами, вызванное последовательно заключенными займами, вынуждает правительства, в случае новых непредвиденных расходов, прибегать к новым займам. Поэтому современная финансовая система, основанная на обложении налогом предметов первой необходимости, а следовательно,

[1]) Это все, конечно, бухгалтерские расчеты. Мы приводим эти данные в виду интереса Дементьевских вычислений для сравнения их с приведенными в таблице на стр. 206 данными о свободной наличности до войны: в нашей царской бюджетной бухгалтерии Дементьев несомненно авторитет.

ведущая к вздорожанию их, заключает сама в себе зародыш автоматического развития. Чрезмерное отягощение налогами не есть, значит, что-либо случайное, но лежит в основе всей системы..." Государственные займы вместе с сопровождающим их косвенным обложением населения отражаются, как это указывает далее Маркс, „губительно не только на рабочем классе, но вызывают принудительную экспроприацию крестьянства, а также ремесленников и всех элементов низших слоев среднего класса. Действие этой системы, в смысле лишения производителя орудий его труда, усиливается еще более покровительственной системой, которая входит в нее как часть" (I т. 659—661 стр. русск. пер.) Но на ряду с этим разрушительным действием государственных займов на старые, докапиталистические хозяйственные формы,—что мы и наблюдали, в России,—у них существует и положительная, революционная роль. Государственные долги явились в капиталистических странах могучим фактором „первоначального накопления" капитала, превращения „общественного богатства в капитал", а тем самым и развития производительных сил страны. Но государственные долги государственным долгам рознь. Важна цель, для которой они совершаются, важны исторические, экономические и политические условия, в которых находится страна, прибегающая к займам; важно то, где совершается заем: внутри или вне данной страны. Там, где при существовании азиатских хозяйственных форм, правительство совершает долги для непроизводительных затрат, там ссудный капитал играет лишь ростовщическую роль, там он ведет лишь к уничтожению отсталых форм производства, а не содействует развитию новых, там долги ведут лишь к разорению страны, насаждают пауперизм, а не пролетариат в современном смысле этого слова. Дело еще более ухудшается, когда этот ссудный капитал иностранного происхождения, и когда высасываемые из населения соки идут на уплату процентов за границу. В таких случаях—а это мы имели в России—сельскому населению приходится реализовать на мировом рынке возможно больше земледельческих продуктов и по низким ценам; крестьянам приходится отдавать свой последний кусок хлеба, и это для того, чтобы мы могли кое-как свести концы с концами неблагоприятный для нас расчетный баланс. Но если даже государственные долги идут на производительные цели, содействуют развитию капитализма, то все же существует разница, уходит ли прибавочная ценность—хотя бы в виде части ее—на уплату процентов заграничным капиталистам, или она остается целиком в стране и служит дальнейшему накоплению капиталов... Франция, как известно, имела до войны самый крупный государственный долг из всех современных государств, но громадная часть ее займов была реализована внутри самой страны и по низким процентам; кроме того, Франция являлась крупнейшим кредитором других стран. В противоположность этому Россия имела самый крупный внешний долг, большинство ее государственных займов были реализованы заграницей, и при этом она вынуждена была платить по ним высокие проценты. Данные кредитн. канцелярии о „наличности государств. и гарантир. правительством процент. бумаг в государств. обществ. и частн. кредит. учреждениях etc" показывают, что на 1 января 1914 г. из бумаг, выпущенных в рубл., равных $^1/_{10}$ импер. и в иностранной валюте на сумму в 3,2 миллиарда руб., в наличности оказалось 252 миллиона или 7,9% [1]). На 1 января 1893 г. соответствующие цифры были 3,2 миллиарда и 430 миллионов или 13,4%. Большинство этих бумаг—государст. займы; совершенные в иностр. валюте, они за границей преимущественно и остались. Всех государств. займов этой валюты было к 1 января 1914 г. 2,8 миллиарда руб., из них в наличности 0,2 миллиарда или 7,4%. Гарантированных правительством частных акций и облигаций было в обращении к этому же времени всего на 334 милл. руб., причем в наличности 12%. Что касается бумаг, выпущенных в рублях, равных $^1/_{15}$ импер., т.-е. в валюте, приспособленной к внутреннему рынку, то из 9,6 миллиарда рублей к 1 января 1914 г. в России было зарегистрировано 6,0 миллиарда [2]) или 62%; к 1 января 1893 г.—2,9 миллиарда и 1,8 миллиарда или 64%. Государственные бумаги составляли главную часть и этих ценностей: на 1/1 1914 г. около 6 миллиардов, из них 58% в наличности; гарантированные акции и облигации—1,4 миллиарда в обращении, в наличности 50%, а дворянских и крестьянских бумаг более 2,2 миллиарда и 83,8% в наличности. Данные, таким образом, показывают, что наша внешняя задолженность за 1893—1913 г.г. сильно возросла [3]). Если мы даже примем во внимание, что много бумаг, хранящихся у частных лиц, не могли быть зарегистрированы, но находились все же в России, то, считая, что заграницей находилось бумаг государственных и гарантированных правительством на сумму около 6 миллиардов рублей, мы не преувеличим цифры [4]).

11.

Если взять исходным пунктом 1889 год, когда Вышнеградский объявил о „новом" курсе, т.-е. о решении пользоваться своими средствами, а не прибегать к „кредитным операциям",

[1]) На 1/1—1916 г. 232,8 миллионов руб.

[2]) На 1/1—1916 г. в наличности 8,8 миллиарда руб.

[3]) Как распределялись платежи по государств. займам, видно из того, что в 1908 г. из 397 миллионов руб. на заграницу падали 202,5, а в 1912 г. из 387,5—187,3 милл. руб.

[4]) Мы оставили здесь в стороне наши „беспроцентные долги" по кредитным билетам, которые к началу 1889 г. составляли 568,6 милл. руб., а в 1897 г.—621,3 милл. руб., так как к 1899 г. они уже упали до 100 милл. руб. и в этом году совсем исчезли. Погашены они были главным образом благодаря знаменитой девальвации. Мы также не привели и „прочих долгов", которых Кашкаров в 1890 г. насчитал 240,1 милл. руб., и которые в 1902 г. понизились до 38,3 милл. руб.

Государственные доходы и расходы России за 1889—1915 гг.

(По отчетам Госуд. Контроля.)

Годы.	Количество населения (на 1 янв. в милл.) без Финляндии по дан. М. В. Д.	Общая сумма обыкновенн. доход. (м. р.).	В том числе остатки от заключ. смет прежн. лет (м. р.).	Обыкн. доходов на душу населения (в руб.).	Общая сумма чрезвычайн. доходов (м. р.).	В том числе. Поступления от займов (м. р.).	В том числе. Остатки от закл. смет (м. р.).	Свободная наличн. (на 1 января в м. р.).	Общая сумма обыкн. расходов (м. р.)	Чрезвычайные расходы (м. р.).	Итого расходов (м. р.).	Расходов на душу населения (в руб.).
1889	111,4	949,4	17,3	8,5	61.3	40,6	3,4	163,1	871,9	31,0	962,9	8,6
1890	113,1	959,1	7,1	8,5	97,3	71,4	1,9	218,6	903,2	153,4	1.056,6	9,3
1891	114,8	900,1	4,2	7,8	34,6	—	1,7	234,2	900,3	215,2	1.115.5	9,7
1892	116,5	979,7	6,2	8,4	200,6	163,4	5,2	35,4	928,3	197,4	1,125,7	9,7
1893	118,2	1.058,8	9,2	9,0	181,0	162,6	10 5	92,4	965.6	94 8	1.060,4	9,0
1894	120,0	1.166,3	9 5	9,7	80,9	5,7	5,1	282,0	1.099,9	145,3	1.155.2	9.6
1895	121,8	1.276,1	20,3	10,4	167,3	156,4	5,1	355,8	1.137,8	383,0	1.520,8	12,5
1896	123,7	1.428,0	59,3	11,5	46,3	26,0	2,8	289,9	1.229,2	255,4	1.484,6	12,0
1897	125,6	1.429,3	12,9	11,4	43,1	32,3	0,6	246,5	1.299,8	195,0	1.494,8	11,9
1898	127,7	1.596,2	11,3	12,5	93,6	77,7	5,8	214,7	1.358,1	413,9	1.772,0	13,9
1899	129,7	1.681,3	8,0	13.0	188,0	178,8	4,1	134,9	1.463,5	321,6	1.785.1	13,8
1900	131,9	1.764,1	60,0	13,4	36,7	29.0	4,1	216,7	1.555,6	333,8	1.889.4	14,3
1901	134,0	1.834,8	35,4	13,7	184,5	157,6	20.5	105.0	1.664,9	209,4	1.874,3	14,0
1902	136,5	1.925,1	19,7	14,1	212,9	197,4	10,8	268,4	1.802,1	365,0	2.167,1	15,9
1903	138,9	2.057,4	25,6	14,8	178,0	39,7	7,1	257,4	1.883,0	224,8	2.107,8	15,2
1904	141,4	2.032,5	14,2	14,4	388,1	382,9	2,8	381,3	1.906,8	830,9	2.737,7	19,4
1905	144,0	2.043,7	19,1	14,2	946,1	789,6	152 6	61,9	1.925,2	1.279,6	3 204,8	22,3
1906	146,4	2.288,9	17,2	15,6	1.134,9	1.077,0	50,8	−158 0	2.075,8	1.151.6	3.227,4	22,0
1907	148,9	2.341,9	29,7	15,7	157,6	135,3	14,6	58,5	2.196,0	386,6	2.582,6	17,3
1908	152,5	2.442,7	24,9	16,1	208,0	188,7	7,1	8,9	2.387,8	268,9	2.656,7	17,4
1909	157,1	2.542,3	15,9	16,2	170,5	148,9	7,8	1,8	2.451,4	156.1	2.607,5	16,6
1910	160,7	2 797,9	16,9	17,4	31,7	—	7,6	107,4	2.473,2	123,5	2.596,7	16,1
1911	163,9	2.974,1	22,3	18,1	15,8	—	13,2	333,0	2.536,0	309,7	2.845,7	17,3
1912	167,9	3.124,3	18,4	18,7	7,5	—	5,7	473,4	2 721,8	449,3	3.171,1	18,8
1913	170,9	3 435,6	18,3	20,8	16,9	—	3,1	433,8	3.094,2	288 7	3.382,9	19,8
1914	175,1	2 922,1	24,0	16,7	1 634,0	1.595,3	30,4	514,2	2.927,1	2.816,4	5.748,5	32,8
1915	178,0	2.858,6	23.2	16,0	12.783,4	12.641,4	15,4	—	2.643.6	13.365,8	16 009,4	90,0

то общее движение и характер наших государственных процентных долгов за 1889—1909 г.г. можно видеть из следующих данных (по отч. Госуд. Контроля):

Годы к 1 января.	Процентн долги	Из них на	
		Общегосуд. потребности	Железно-дорожные.
	(в милл. рублей)		
1889	4.423,7 [2])	3.060,7	1.368,0
1892	4.648.9	2.948,5	1 700,4
1902	6.392.4	3.382,1	3.010,3
1906	7.841,2	4.673,7	3.167,5
1909	8.850,8	5.720,2	3.130,6

Из этой таблицы прежде всего явствует, что наш государственный долг за 20 лет—к 1 января 1909 г.—возрос на 4,4 миллиарда рублей, т.-е. более, чем удвоился! [1]) И все это вопреки опубликованному Вышнеградским „совету" обходиться без долгов, и это несмотря на громадные сверхсметные поступления в обыкновенном бюджете, которые ложились тяжелым бременем на широкие массы населения. Впрочем, самый „совет" и появился на свет только потому, что в конце 80-х годов бюрократия очутилась в затруднительном финансовом положении, вследствие закрытия английского и германского денежных рынков для наших государственных займов. Но как только франко-русский союз раскрыл для нас кошелек французского буржуа, наше правительство поспешило взять из него все, что было возможно. Оно начало с конверсий, которые были произведены Вышнеградоким и Витте в крупных размерах. Целый ряд срочных долгов были превращены в бессрочные [2]). По данным Кашкарова бессрочные долги возросли за 1892—1901 г.г. с 11,4 до 47% всей суммы долгов, в то же время срочные долги уменьшились с 88,6 до 53,0%. В 1908 г. бессрочные составляли 39%, а срочные 61% всех долгов, т.-е. % срочных опять возрос. Вместе с тем в 90-х годах были понижены размеры процентов, платимых по займам: в 1889 году средний процент государственных долгов был у нас 4,8, в 1892 г.—4,35,

[1]) Следует помнить, что сюда не вошли гарантированные акции и облигации част. ж. д., а также займы дворянского и крестьян. банков.

[2]) В 1890 г. из 4.476 милл. госуд. долга на долю бессрочных приходилось 1.796 милл. р., а срочных 3.760 милл. р.; в 1900 г. из 6.170 милл. р. первых 2.6 миллиарда, вторых 3.5 миллиарда, а в 1908 г. из 8,7 миллиарда р. первых 3.4 и срочных 5.3 миллиарда руб.

а в 1901 г.—3,96. В 1889 году 5—6-ю процентами оплачивалось 71,3% всех долгов, а 3—4-мя лишь 21,3%, в 1902 г. 4-мя и менее процентов оплачивалось 93,2%, а 5-ю и более—4,7% общей суммы долгов. Однако было бы наивно думать, что это улучшение нашего кредита облегчило податные тяготы русского народа. Оно дало лишь возможность нашему правительству делать еще больше долгов, и общая сумма платежей по государственным долгам отнюдь не уменьшилась. Так, в 1889 году наша система государственного кредита требовала 270,7 милл. руб. обыкновенных расходов, в 1902 г.—290,3 милл. рублей, а в 1909 г. 395 м. р. При этом важно отметить, что из этих сумм на погашение займов в 1883 г. шло 17%, в 1890 г.—17,6%, а в 1909 г. около 6%. Правительство, как это указывалось и в бюджетных комиссиях 3-ей Госуд. Думы, сокращало за 1900—1909 г.г. погашения по срочным займам, кроме того оно прекратило с 1905 до 1910 г. ассигнование на выкуп бессрочных. Это и понятно. О каком погашении прошлых займов могла тогда итти речь, когда думали о все новых займах для удовлетворения все растущих непроизводительных расходов...

Финансовое благополучие, которым пользовался наш старый режим в 90-х годах, чему так много содействовала французская буржуазная республика, недолго продолжалось. Уже со второй половины 1898 г. на иностранных рынках началось чувствоваться денежное стеснение, предвестник надвигавшегося мирового промышленного кризиса. Это отразилось вскоре и на наших финансах. Приток капиталов из-за границы к нам остановился. Но в 1898 г. наше правительство еще успело произвести ряд конверсий, с 1899 же года, особенно со второй его половины, дела круто изменяются. Кризис промышленный уже разразился, а это подорвало и наш кредит за границей. Реализовать заем в этом году на иностранных рынках было для нас невозможно, окончились полной неудачей и все попытки произвести заем в 1900 году. Рента наша падала. Курс 4% ренты упал в 1899 году сравнительно с 1898 г. на 1—1¼, в 1900 г. он понизился еще на 1⅛—3, подвергаясь в течение года значительным колебаниям. Весной 1901 г. чрез посредство синдиката французских капиталистов нам удается заключить новый заем из 4% (в действительности из 4,3%): на Западе денежный рынок в это время несколько улучшился. Но у нас кризис все обострялся, и осенью 1901 г. происходит сильное падение наших фондов: 3% займы, бывшие в 1897 — 98 г. 97, упали на Парижской и других биржах до 82; даже последний заем (1901 г.) упал со 103 до 100,3. В следующие два года мы продолжали делать займы — на тяжелых условиях (вспомним берлинский заем 1902 г. из 4% с выручкой 94⅜ за 100). Наши госуд. бумаги, однако, постепенно поправлялись; и это благодаря застою в промышленности и избытку денег на мировом рынке; так, в 1903 г. 4% рента опять поднялась против 1901 г. на 1¾—3¼. Со второй половины 1903 г. начало наблюдаться и у нас легкое улучшение в некоторых отраслях промышленности. Но вспыхнувшая война

изменила положение дел. Наш международный кредит пошатнулся. Денежный кризис дал себя опять почувствовать, что в свою очередь отразилось на нашей промышленности. Ценные бумаги, в особенности наших банков, значительно упали. И конечно в первую голову пострадали наши государственные ценности. Вот данные о падении нашей 4% ренты (1894 г.) на Парижской и Берлинской биржах:

	1904 год.					1905 год.	
	23 янв.	28 янв.	24 апр. (сухопут. блокада П.-Арт.).	14 авг. (Ляоян).	17 дек. (П.-Арт.).	24 февр. (Мукден).	12 мая. (Цусима).
Берлин. .	96,00	92,00	89,75	91 70	90,80	89,75	84,50
Париж .	95,25	90.50	88,75	92,10	89,50	89,40	84,20

При таком положении дел понятно, что французская буржуазия—главным образом средняя и мелкая,—у которой, по вычислениям Неймарка, весной 1905 года находилось почти на 10 миллиардов франков русских фондов, стала менее доверчивой к нашим финансам. За один только 1904 год эти бумаги упали на 10—15%. Тем не менее в конце апреля 1904 года нашему правительству удается, при посредстве банкового синдиката, выпустить на Парижской бирже краткосрочный заем из 5%, в действительности—из 5,3%. В конце 1904 г.—согласно указу от 15 декабря –совершается в Германии новый долгосрочный заем уже из 4½%, который дал при реализации 95 вместо объявленного 95,5% курса. Таким образом мы в 1904 году распрощались с 4% займами, которые со второй половины 80-х годов стали высшей нормой для наших внешних займов.

12.

Финансовая аристократия эта—самая низменная аристократия в мире: она и господин, и лакей власть имущих. Для нее нет никаких других интересов, кроме карманных. Она ценит „сильное" правительство. Со внешними войнами она еще кое-как мирится. Совсем другое дело—внутренняя война, война правительства со своим народом; такой войны космополитическая плутократия боится как огня, она дрожит за целость своих денег, она боится, как бы революционный народ, свергнув старый режим, не сбросил бы с себя и все долги этого режима, она боится, как бы народ при победе революции не сбросил с себя ярмо податей, а вместе с тем и ростовщические проценты по старым займам. Для иллюстрации приведем данные о падении наших фондов в революционный 1905 год на Парижской бирже:

	3% рента 1891 г.	4% 1889 г.
31 декабря 1894 г. (нов. стиля), котировка конца года	83,80	89,00
23 января 1905 г., начало революции (9 января в Петербурге)	69,90	84,75
30 мая 1905 г., поражение при Цусиме . . .	73,35	88,60
31 августа 1905 г., мир заключен	81,00	89,75
31 октября 1905 г., революционные дни (всеобщая забастовка)	78,10	88,90
С 13 по 18 ноября 1905 г., волнения и погромы	72,35	84,75
1 декабря 1905 г., Севастопольский мятеж .	71,50	86,75
4 декабря 1905 г., биржевая паника (почтово-телеграфная забастовка)	63,80	77,00
23 декабря 1905 г., стачка и вооруженное восстание в Москве	63,20	77,90

Все более и более выяснявшаяся неизбежность краха всей нашей Дальне-Восточной авантюры и страх перед все возраставшей у нас революцией закрыли в 1905 году для нашего правительства французский денежный рынок. Нашему министру финансов удается в апреле этого года совершить краткосрочный 5% заем в Германии, давший всего 142½ милл. руб. В марте и июле он выпускает два 5% внутренних займа по 200 м. р. каждый, которые дали 378,8 милл. руб. Но этого мало. очень мало для продолжения войны. Все попытки заключить новый внешний заем для этой цели терпят фиаско. В Англии, Германии и Франции наши финансы подвергаются подробной критике и высказываются опасения за счет их будущего. В pendant к Люсьену Вольфу в „Times'e" и Р. Мартину, выпустившему специальное исследование о будущности наших финансов, Поль Леруа-Больё—апологет нашего министерства финансов—выступил с защитой нашего финансового положения. „По моим теоретическим вычислениям—указывал он—задолженность государства лишь тогда приобретает тревожный характер, когда возлагаемые ею на государство годовые платежи превышают 35—40% суммы бюджетных ресурсов". А в России эти платежи, по его вычислениям, достигли к 1905 году только 21%; до банкротства, значит, еще далеко! Но насколько вообще его данные на счет России соответствовали действительности, можно судить хотя бы по тому

факту, что он в 1903 г. насчитал для нашего железнодорожного хозяйства чистого дохода 36 миллионов рублей; на деле же оно дало тогда убытку 20½ милл. рублей...

Леруа-Болье пришел к заключению, что „займы не тратились у нас непроизводительно и что в момент, когда началась война с Японией, русские финансы находились в том же хорошем положении, в каком продолжают находиться и в 1905 г.". На чем же он основывал свое утверждение?

„Значительная часть русского государственного долга обязана своим происхождением постройке или покупке железных дорог"—говорил он. Это верно. Приведенная нами выше таблица показывает, что к 1 января 1902 г. железнодорожные займы составляли, по данным Госуд. Контроля, 47% всех государственных процентных долгов, а к 1 января 1906 г.—41%. Но что же это доказывает? Как-раз противоположное тому, что хотел доказать Леруа-Болье Люсьену Вольфу. Эта часть долга не находит себе эквивалента в нашем железнодорожном хозяйстве, так как оно бездоходно, более того, убыточно. К этому пришли различные исследователи нашего железнодорожного дела; это было признано и оффициально. Госуд. Контролем указывалось, что вся железнодорожная сеть, дававшая с 1895 г. по 1899 года казне прибыль, с 1900 г. давала все возрастающие убытки; так, в 1900 году—3,7 милл. р.; 1901 г.—35,2; 1902 г.—40,4; 1903 г.—20,6; 1904 г.—32,6; 1905 г.—89,5; 1906 г.—113.4; 1907 г.—120.0 и 1908 г.—122,2 милл. р. И г. Мигулин в своей книге „Наша новейшая железнод. политика и железнодорожные займы 1893—1902 г." также указывал, что 1899 г. был последним прибыльным годом, для казны и привел такие же приблизительно данные относительно убыточности железнодорожного хозяйства в последующие три года. Это было в 1903 году; позднейшие исследования привели его, однако, к более печальному выводу. В статье, появившейся в „Экономисте России" в феврале 1909 г., он говорит, что наша рельсовая сеть за все время своего существования ни за один год (за исключением 1896 г.) не давала прибыли; убытки же колебались от 20 до70 милл. руб. ежегодно [1]). С начала XX века эти убытки еще более возросли. Он определяет убытки за 1900—1909 г.г. почти в 920 милл. руб. и считает эту цифру явно преуменьшенной, так как в сумму платежей по железнодорожным займам вошли лишь проценты по займам, числящимся оффициально железнодорожными. Если же принять во внимание и проценты на суммы, затраченные на железные дороги из наличных средств казны (проф. Мигулин исчисляет стоимость железнодорожной сети в 8,2 миллиарда руб.: 6,2 миллиарда, стоимость сооружения казенных и частных ж. д. + 650 милл. руб. стоимость Восточно-Китайской + 1.260 милл. руб. списанных

[1]) По данным, приводимым гр. Витте, за 1885—1894 г.г., когда ж. д. давала все убытки, последние составили 337,7 милл. р.; за 1895—99 г.г.—прибыльные годы — было получено 26,2 милл. излишков. и за 1900—1908 г.г. 552.2 милл. руб. убытков. В последнюю цифру не вошли у него убытки по Вост.-Кит. жел. дороге.

долгов частных обществ казне при выкупе и 132 милл. руб-долг по гарантии), то убытков за это десятилетие будет 1.630 милл. руб. или более 160 милл. в год! („Железные дороги и наши финансы").

Всякий, кто следил хотя бы за бюджетными прениями 3-ей Государ. Думы, знал какие порядки царят в нашем министерстве путей сообщения. Марков 1, дебатируя с товар. министра Мясоедовым-Ивановым по поводу сметы на 1908 г., назвал эти порядки хаотическими. Это слишком мягкое выражение для того положения вещей, которое установилось в этом ведомстве. Следует ли удивляться убыткам, когда целый ряд дорог—и не только Сибирская, Тифлис-Карская и др., но и внутри Европ. России—технически оказались негодными и требовали и требуют постоянной перестройки, если при их постройке были произведены грандиозные хищения, если эти хищения продолжались и при их эксплоатация. Чтобы привести существующие казенные жел. дор. в нормальное техническое состояние, нужно было по вычислениям самого мин. пут. сообщения около 1 миллиарда рублей [1]). Коэффициент эксплоатации достигал

[1]) Вот картина состояния наших казенных ж. д., нарисованная самим министром путей сообщения в представлении, которое было подготовлено в 1907 году для внесения в Госуд. Думу. Даже на большинстве сортировочных и узловых станций „ночная работа по сортировке поездов производится в полном мраке; весовых намостов мало, поворотные круги слишком малы для паровозов последнего заказа; телеграф перегружен, и срочные телеграфные сношения крайне затруднены"; мосты недостаточно прочны даже для существующих паровозов, не говоря уже о проектируемых более тяжелых; профиль не соответствует тяговой силе, провозная способность не соответствует пропускной; двухколейных участков крайне недостаточно; паровозы дряхлы, около 3,000 шт. из них имеют возраст более 30-ти лет; весь товарный парк не имеет автоматических тормозов; свыше четверти всего числа паровозов и десятой части вагонов постоянно изъяты из обращения, потому что мастерския не успевают их ремонтировать; подвижной состав гибнет, так как нет достаточно для него крытых помещений; товарные дворы не ограждены, крайне мало служебных и жилых помещений; больничных кроватей только 2.600 вместо требуемых 4.000; служащие стоят на низком уровне культурного развития; лишь четвертая часть детей школьного возраста может получить образование в железнодорожных школах... „Вагоны товарные больше простаивают на станциях, чем находятся в пути... коммерческая скорость перевозки грузов не превышает 6—8 верст в час"; залежи достигают 46 тысяч вагонов (а в 1909 г., как известно, и 75 тысяч) и т. д. (Цитировано по „Речи" № 245 1907 г.) Финансовая Комиссия (V отдел) Госуд Совета определила железнодорожные расходы госуд. казначейства на улучшение старых и постройку новых дорог на 1909—1916 г.г. приблизительно в 2,1 миллиарда рублей (считая % и различные приплаты). И это лишь в том случае, если новое железнодорожное строительство будет производиться в скромных размерах и целесообразно. (Пром. и Торг. № 12 1909 г.). Каково было положение нашей ж. д сети в пятилетие до войны, мы видели выше. Каковы были плоды железнодорожного хозяйничания нашей бюрократии во время войны—это мы увидим еще далее. Здесь заметим, что различные источники приводят бесчисленные примеры централизованного регулирования транспорта, которые „прямо невероятны по тому расстройству, которое оно вносило в промышленное производство различных районов". В феврале 1916 года, когда подвижной состав по отношению к сети возрос, благодаря тому, что он был угнан из занятой неприятелем территории, залежи грузов на станциях, по сообщению А. Фролова на съезде Всероссийского союза городов в марте того же года, достигли 150 тыс. вагонов; при этом было закрыто для приема грузов 575 станций.

у нас неслыханных размеров. По данным Ежег. мин. путей сообщения он в 1904 г. равнялся 72,5%, а в 1905 г. — 81,2%, по данным Госуд. Контроля 69,5% и 77,3%, а в 1906 г. — 81,3%. В 1907 г. этот коэффициент еще более повысился (на Московско-Казанской с 70 в 1906 г. до 84%, на Рязанско-Уральской: 99,7 и 99,4%). За позднейшие годы мы привели раньше. Следует при этом отметить, что в денежных операциях казенн. ж. д. царила сильнейшая путаница. По данным Госуд. Контроля к 1 января 1909 г. перерасходы, которые стали обычным явлением на казенных железных дорогах, достигли 120 милл. руб. Деньги эти берутся из ненадлежащих кредитов, а то и непосредственно из выручки дорог, долг которых со стороны эксплоатации равнялся 44,3 милл. руб. („Объясн. Записка Гос. Контроля к отчету росписи за 1908 г."). В докладе бюджетной комиссии по росписи доходов на 1909 г. прямо говорится, что представленные Министр. путей сообщения, Госуд. Контролем и Министр. финансов данные так различаются между собою, что из них никак нельзя выяснить вопрос, поднятый комиссией, „вопрос о том, в какой мере последовательно убывают вырученные дорогами суммы во время своего движения из станционных касс в Госуд. банк" (120 стр.). И председатель бюджетной комиссии проф. Алексеенко на страницах „Экономиста России" (№ 4, 1909 г.), поэтому, взывал, чтобы ему разъяснили, „куда идут суммы, составляющие разницу между сборами от эксплоатации дорог и действительными поступлениями от казенных дорог в госуд. казначейство". Эта разница за 1897—1906 годы достигла кругленькой цифры в 405,8 милл. руб. Проф. Алексеенко спрашивал: вся ли сумма сборов достигает „последней инстанции—госуд. казначейства, или она претерпевает аварии". Однако этот вопрос был больше патетический. Добрая часть выручки ж. дорог, шедшая, по словам одних, на какие-то „несметные" расходы, просто-на-просто расхищалась. Возрастающие убытки министерство путей сообщения старалось между прочим приписать поднятию заработной платы, вследствие рабочего движения последних лет. Но этот довод отбрасывался даже органом наших промышленников („Промышл. и Торговля"). И совершенно основательно в печати замечалось, что больше денег переплачивалось разным „Продуголям", нефтяным королям и различным железозаводчикам; наш же железнодорожный персонал „чрезмерно дешево оплачивается".

На убыточность железнодорожной сети огромное влияние имеет и стратегический характер многих наших жел. дорог. Это усиленно подчеркивал и гр. Витте в своем докладе 7 апреля 1910 г. о причинах дефицитности нашего железнодорожного хозяйства. Общий вид наших жел. дорог был бы иной, если бы стратегические и политические цели не играли такой громадной роли в конфигурации нашей железнодорожной сети — заявлял он. Из 26.4 тысяч верст, разрешенных к постройке и осуществленных за 1889—1904 г.г., гр. Витте насчитал „несомненно стратегических" 6,1 тыс. верст. или 23,1%, а „политического значения" 14,5%. Это имело своим результатом, что сеть, сравнительно густая на Западе, становилась все более редкой на Востоке. Недостаточность нашей сети было большим злом, что признавалось и в литературе, общей и специальной, и в различных комиссиях. Так, на 1/1—1915 г. в Европейской России без Финляндии общее протяжение составляло 59 тысяч километров в Азиатской России 11,7; всего 70,7 тысяч километров, из них казенной сети 17,6. Чтобы довести норму жел. дор. на 10 тысяч жителей до нормы С. Штатов, Австралии и Канады нужно было бы увеличить нашу сеть в 10—13 раз.

В 1913 году особая междуведомственная комиссия при Мин. Пут. Сообщения наметила к обследованию в течение 1914—1917 г.г. линий на 22,2 тыс. верст; в начале 1914 г. совещание при департаменте ж. д. Мин. Фин. наметило к постройке 27,5 тыс. верст; наконец в 1916 году была назначена комиссия Борисова при Мин. Пут. Сообщения, которая наметила план на сооружение в течение десяти лет 60 тыс. верст.... Но это— планы, а действительность была такова. В десятилетие до войны следовало строить ежегодно по 5 тыс.верст, на деле же среднее ежегодное количество открытых для общего пользования путей было в 1890—94 г.г.—984; в 1895—99 г.г.—3064; в 1900—1904 г.г.—2022; в 1905—09 г.г.—1262, в 1910—12 г.г. 631 километр (см. В. Ф. № 28 от 1916 г.). В 1911—14 г.г. железнодорожное строительство несколько ожило; в самом 1914 г. строилось в Империи, без Финляндии, — по А. Родионову — 14,8 тысяч верст, из них 11 тысяч частных. Война, конечно, приостановила осуществление различных проектов; обращали внимание на дороги, постройка которых являлась неотложной для обслуживания потребностей военного времени... Ко всему этому следует прибавить, что „огромная часть России остается до сих пор непроездной в течение чуть ли не больше половины года" [1]). В 1911 г. числилось в ведении Мин. Путей Сообщ. и Внутренних Дел в 91 губ. и областях Империи 726 тысяч верст. шоссейных, мощеных и грунтовых дорог, из них шоссейных и мощеных всего на всего 33,7 тыс. или 4,6%. При этом в 15 губерниях, из них в 9 Европейской России, было всего до 100 верст каменных дорог в каждой, в 4 губ. Европейской России в 10 Сибири и 5 губ. Средней Азии их не было вовсе (см. „Стат. ежегодник России 1913 г." изд. Ц. Стат. Ком. 1914 г.).

Наша железнодорожная тарифная политика отражала лишь нашу общую финансовую систему. С тех пор как правительство на основании закона 2 марта 1889 г. присвоило себе право руководительства железными дорогами в деле установления тарифных ставок, оно держало в зависимости от себя и

[1]) Наши грунтовые проселочные дороги находятся в таком положении, что для превращения их в проездные нужно было бы замостить около 960,000 верст наиболее трудных их участков. А на это потребовалось бы 10½ миллиардов руб., да годовой ремонт стоил бы ½ миллиарда (см. И. Руденко „Гужевые и водные пути". Свод трудов комит. о нуждах с.-х. промышл.).

сельское хозяйство, и промышленность, и торговлю страны. Тариф стал в его руках орудием воздействия на различные общественные классы, на различные отрасли народного хозяйства. И этим своим орудием оно пользовалось, руководствуясь прежде всего не интересами экономического развития страны, а интересами фиска. И все тарифные мероприятия последних лет до войны и во время ее, как мы уже отметили, носили чисто налоговый характер. Самой собой понятно, что такая тарифная политика ничего кроме печальных результатов дать не могла; она лишь обостряла регрессивные экономические процессы страны.

Если мы от госуд. железнодорожных займов обратимся к тем займам, которые значатся под рубрикой „на общегосударственные потребности", то увидим, что на эти цели было истрачено к 1 января 1892 г.—63,4%, 1902 г.—52,9%, 1906 г.—59%, к 1 января 1909 г.—64,7% всех процентных долгов, при чем к последнему сроку эта часть займов составляла громадную сумму в 5,7 миллиардов рублей. Были ли эти деньги истрачены производительно? Громадная часть их пошла на военные расходы, в том числе и на несчастную Японскую войну. Такие расходы вряд ли кто-нибудь назовет производительными. Еще меньше к таковым можно причислить и все наши затраты на Дальневосточную колониальную авантюру, в виде сооружения таких городов, как Дальний и пр. Остается, наконец, еще роль займов в деле накопления золотого фонда для целей реформы нашего денежного обращения и для постоянного пополнения золотого запаса, вследствие постоянной пассивности нашего расчетного баланса[1]). Насколько эти операции оказались „производительными", это мы увидим в отделе о нашем денежном обращении. Сейчас же мы вернемся к истории наших государственных займов, прерванной нами выше, на 1905 г.

13.

В конце 1905 года правительство очутилось в критическом финансовом положении. Революция сильно сократила поступление доходов в последние месяцы. Железные дороги вследствие забастовки дали значительный недобор, уплата по выкупным платежам также сильно сократилась, понизились сахарный, нефтяной и табачный доходы. Правительству пришлось сделать в этих отраслях промышленности отсрочку по взносу акциза. Недобору оказалось по указанным статьям на 94 милл. руб. При этом в 1905 году нас снова постиг неурожай; промышленность и торговля, как мы увидим далее, претерпевали кризис, кредит

[1]) При г. Витте правительство само реализовывало гарантированные займы для постройки частных ж. д. и передавало деньги частным ж. д. Это были замаскированные займы для восстановления валюты и улучшения расчетного баланса.

был совершенно расстроен, и денежный рынок в конце года переживал период „краха". В декабре 1905 г. наступил срок платежа—34 милл. марок—по краткосрочным обязательствам, выпущенным в Берлине в апреле. У правительства денег нет. Для целей платежа оно выпускает на германском же рынке новыя краткосрочные обязательства—на 20 милл. марок, но уже из 5½%! К началу этого года не только не оказалось традиционной свободной наличности, но обнаружился в ней дефицит в 158 милл. р.

При таких условиях мы входим в 1906 финансовый год. Бюджет открыто сводится с дефицитом в 481 милл. рублей. Их предстоит покрыть „предстоящими кредитными операциями". После долгих усилий правительству удается накануне созыва Думы произвести долгосрочный заем на сумму в 843,7 милл. руб. из 5%; это номинально, в действительности же более чем из 6%! Условия, на которых был совершен этот заем, являлись исключительными и в истории наших финансов; они затмили собой условия реализации 5% займов в эпоху Крымской кампании и во время войны 1877—78 г.г. Но и эта колоссальная сумма, добытая на скандальных, чисто ростовщических, началах, оказалась недостаточной для покрытия наших срочных платежей. Уже в марте месяце выяснилось, что дефицит на 1906 год, вычисленный г. Шиповым, следует увеличить еще на 330 миллионов рублей! На это указывалось в Государственной Думе во время дебатов об ассигновании чрезвычайного сверхсметного кредита на продовольственные нужды населения, пострадавшего в этом году от неурожая в 33 губерниях. Это подтвердила и обнародованная осенью 1906 г. секретная докладная записка г. Коковцова министру-премьеру Столыпину.

„Те средства, которые мы получили с помощью займа, не покроют всех потребностей бюджета и всех оставшихся от 1905 года невыполненных военных расходов"—говорил г. Коковцов в Гос. Думе. Указывая, что денег у правительства нет, он просил разрешения на новый заем. Ему в этом было отказано... Государственная Дума первого созыва была распущена, и наша бюрократия, вздохнув свободно грудью, тотчас же прибегла к старому средству добывания денег внутри страны: она первым долгом выпустила внутренний заем на 50 милл. руб. и вынула таким путем из сберегательных касс вновь 35 мил. руб... В течение же всего 1906 г. она, на ряду с выколачиванием из народа податей и продажей водки, занималась усиленными выпусками новых краткосрочных обязательств в немецкой, французской и русской валютах, стремясь перепиской векселей, отсрочкой платежей по долгам, дождаться того момента, когда можно будет устроить опять крупный долгосрочный внешний заем...

В 1907 году с роспуском 2-й Думы никаких внешних долгосрочных займов устроить не удалось. Перед началом 2-й Думы (27 января) и сейчас же после роспуска ее (15 июля) были сделаны два выпуска 4% ренты (в 70 и 50 милл. р.), давшие 85,4 м. р. Эти займы были внутренние: за границей тогда отказались дать

денег на долгие сроки нашей бюрократии, так как последняя, если верить Times'у, нарушила обещание быть либеральной, данное при заключении апрельского займа 1906 г. Однако этих внутренних займов было мало. Предстояло в этом году погасить краткосрочные обязательства госуд. казначейства, выпущенные в конце 1906 г. в германской валюте на 53 милл. рублей. Из затруднительного положения вышли мы благодаря любезности заграничных банкиров, которые „согласились отсрочить погашение этих 53 милл. руб. на 1908 г.", как это сообщил г. Коковцов в проекте росписи на 1908 г.,вставив эту сумму в чрезвычайные расходы на этот год. Мы не будем останавливаться на разборе этих краткосрочных обязательств, на покрытие которых в одном только 1906 г. пошло 448 милл. р. И в 1908 г. было выпущено на 163 милл. руб. 4% билетов госуд. казначейства для обмена на них 3 и 3,6% билетов на такую же сумму выпусков 1903 и 1904 годов. Кроме того было выпущено таких же билетов на 37 милл. р. для обмена накопившихся в Госуд. банке и сберег. кассах 3% и 3,6% билетов сроков других лет. И в конце июля 1909 г. была выпущена новая серия 4% билетов на 25 милл. р... Мы в свое время („Вестн. Жизни", январь 1907 г.) показали, что в этих краткосрочных кредитных операциях, совершавшихся нами за границей *келейно*, на тяжелых условиях, наше министерство финансов нашло способ делать замаскированные *долгосрочные* займы. В проекте росписи на 1909 год г. Коковцов косвенно сам признал это: он ссылался на Германию, что и там в последнее время вынуждены были выпускать новые займы в виде краткосрочных обязательств госуд. казначейства, и указывал, что и там эти „краткосрочные обязательства, выпускавшиеся прежде исключительно для подкрепления кассовых средств казначейства, превратились отчасти, вследствие длящегося дефицита, в скрытый постоянный долг". Эти ссылки на Германию, которые до войны часто делало наше министерство финансов, более чем странны. Германия за десятилетие 1900—1909 гг. пережила сильнейший подъем, мы не выходили из застоя; там реальный национальный доход рос и абсолютно, и относительно, наш же по отношению к населению стоял на месте. Рост расходов, поэтому, там действовал иначе на экономич. жизнь страны, чем у нас. Кредит Германии был прочен, несмотря на то, что государственные финансы там тогда были в затруднительном положении, наш же продолжал быть шатким. Мы видели выше, как наша главная государственная бумага — 4% рента — упала под влиянием войны и революции. Дальнейшее движение ренты видно из следующих данных:

	Г о д ы.										
	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Высший курс . . .	99 3/4	99 1/2	91	81 1/4	75 1/4	79 1/2	90 3/8	93 1/4	95	94	93 7/8
Низший „ . . .	97 3/4	81 1/4	74 1/2	67 1/2	69 3/4	74	76 3/8	89 7/8	91	89 3/8	92 3/4

В течение 1906 г. рента продолжала падать сначала под влиянием апрельского займа, затем вследствие роспуска первой Думы (в июне рента упала до 67 1/2). В сентябре этого года она поднимается, дойдя к концу года до 73 1/4. В продолжение всего 1907 г. она продолжает стоять на очень низком уровне. Положение мало изменяется и в 1908 г. Несмотря на обилие денег на международном рынке и на Думу 3-го июня, рента все стояла ниже курса конца революционного 1905 г. При таком состоянии нашего кредита мин. финанс. обратилось в этом году за займами вновь к внутреннему рынку: оно выпускает третий 5% внутренний заем на 200 милл. руб. для покрытия дефицита, при чем и этот заем, как и предыдущие два внутренние, освобожден от уплаты 5% сбора с доходов от денежных капиталов. Проект росписи на 1909 г. был исчислен с дефицитом; деньги нужны были далее для погашения 5% германского займа в 300 милл. р., заключенного в 1904 году, срок которому истекал в мае 1909 года. И вот г. Коковцов спешит получить разрешение от Г. Думы на иностранный заем в 525 милл. рублей, указывая, что избыточность капиталов на международном рынке и „упрочившееся доверие денежных рынков к нашим фондам",—которое он старался доказать еще в записке к росписи на 1908 г.—даст нам возможность заключить этот заем на выгодных условиях. И что же оказалось? Этот 4 1/2% заем, выпущенный в начале января 1909 года, был реализован всего на всего по 83,6% (по данным „Т. Пр. Газеты", а по другим и 83 1/3 за 100), что составляло из 5,38%! „Позорный" 5% апрельский заем 1906 г. (заключенный 6,06%) превышал его только на 0,68%! При таких условиях г. Витте имел полное основание говорить в Госуд. Совете о плохом состоянии нашего кредита, несмотря на то, что в апреле 1909 г., вследствие благоприятных условий мирового денежного рынка, застоя в промышленности и торговле, и особенно благодаря спекуляции, наши фонды немного поднялись, чтобы, однако, в мае — июне снова упасть [1]).

14.

Со *второй* половины 1909 г. в связи с выяснившимся прекрасным урожаем мы видим повышение ренты, которое укрепилось, благодаря выгодным условиям реализации урожая на мировом рынке. Сливки с урожаев у нас снимает прежде всего казна. Недоимки усиленно взыскивались, поступления обыкно-

[1]) Подоходная комиссия Госуд. Совета сессии первой половины 1909 г. по поводу наших последних займов заметила, что они „могут служить подтверждением мысли, что рыночная оценка наших государственных бумаг и выпускные курсы для новых займов не только не могут быть признаны выгодными, но представляются совершенно неприемлемыми для могущественной державы, всегда и при всяких условиях тщательно относившейся к выполнению своих долговых обязательств... Вопреки мнению министра финансов комиссия не усматривает утешительных признаков и в нынешнем положении наших государств. фондов".

венных доходов значительно превысили ожидавшиеся по росписи. Это улучшило положение госуд. финансов. Вексельный курс стал благоприятен для нас. С 1/VII 1909 г. по 1/VII 1910 г. приток золота выразился в сумме 165 милл. руб. Государственный банк увеличил свои золотые запасы, что укрепило нашу денежную систему. Обилие денег на мировом и на нашем рынке—о чем в другом месте—увеличило спрос на наши госуд. фонды, дающие высокий доход. Повышение проявилось еще более в 1910 году...

Несмотря на исключительно благоприятные для наших государственных фондов условия, рента продолжала в 1909—10 г.г. стоять на уровне более низком, чем накануне войны. Так, в средине ноября 1910 г. она котировалась $94^3/_4$, а в январе 1904—$99^1/_2$, т.-е. выше на $4^3/_4$. И это несмотря на то, что для поднятия ренты прибегали в 1909 г. и к таким мерам, как покупка ее сберегательными кассами. Это практиковалось и раньше, но тогда происходили и новые крупные выпуски ренты, чего в 1909 г. не было. Сберегательные кассы извлекли таким образом в 1909 году из обращения на 110,7 милл. руб. ренты преимущественно старых выпусков. Мин. фин., указывая на сильный рост курса наших государственных бумагах с 1906 г., сравнивал этот рост с движением курсов государственных бумаг Германии, Англии и Франции. Однако эти величины не сравнимы. Доходность наших значительно выше. Далее, понижение $2^1/_2$% английских консолей и $3^1/_2$% германского займа объяснялся, во-первых, тем, что там покупатели бумаг предпочли, в виду наступившего оживления, приобретать частные ценности, дающие и обещающие давать высшие доходы, во-вторых, на понижение действовали там усиленные выпуски государственных займов, и, наконец, имперский бюджет Германии и английский находились в последние годы первой декады в неблагоприятном положении На 1910 г. они были заключены с дефицитом.

Сравнение роста наших и иностранных государственных ценностей с 1906 по 1910 гг., делаемое г. Коковцовым, является тем более странным, что наши ценности находились в 1906 г. в ненормальных условиях и естественно должны были после этого возрасти. С другой стороны сравнение с английскими консолями невозможно потому, что на них естественно отразилась борьба в Англии, связанная с законом Ллойд-Джорджа, неутверждение бюджета в срок и необходимость прибегнуть к займам. Если уже сравнивать, то нужно с положением наших и иностранных ценностей до войны и революции. И тогда окажется, что наша рента, котировавшаяся в конце 1903 г. выше английских консолей на 11, все последующее время до апреля 1909 г. стояла ниже их, к концу этого года она превысила их на $6^7/_8$, в средине ноября 1910 г. на $14^1/_4$; 3% германский заем котировался в конце 1903 г. ниже нашей ренты на 8, в конце 1904 г. они стояли на одном уровне, а в последующие годы до 1909 г. он стоял значительно выше нашей ренты. В конце 1909 г. рента опять стала выше его на $2^3/_8$, а в ноябре 1910 года

на 11. Но это, повторяем, потому, что как английские консоли, так и 3% германский заем падали сначала под влиянием промышленного подъема и связанного с ним вздорожания денег, а с 1907 г.—особенно сильно вследствие кризиса, который отразился на бюджетах этих стран, и ряда других неблагоприятных причин. Если же взять 3% французскую ренту, которая хотя и понижалась за 1903—1910 г.г., но находилась в нормальных условиях, то окажется, что наша 4%, стоявшая в 1903 г. выше ее ($99^1/_2$ и $98^1/_2$), продолжала и в 1910 быть ниже ее (в ноябре на $2^3/_4$). А следует помнить, что в 1903 г. положение нашего кредита было далеко не прочно... Г. Коковцов, повидимому, сознавал, что заключать крупные внешние займы, хотя бы и на производительные цели, тогда было опасно для наших государственных финансов. Он прибег поэтому к мелким гарантированным частным внешним займам. И в то время как кассы наших банков ломились от обилия денежных вкладов, мы заключали за границей займы из 5%. Так, 4% облигации Бугульминской жел. дор. на 38 милл. руб. были выпущены в Париже летом 1910 г. по $87^1/_2$ за 100. При чем, несмотря на „прочность нашей валюты", французские банкиры отказывались выпускать наши займы в рублях, между тем как Австро-Венгрии они выпускают в кронах. „Мы вынуждены выпускать займы на самые ничтожные суммы в чужой валюте, ибо очевидно нашей не верят", писал и по этому поводу проф. Мигулин („Русск. Экон." № 28, 1910 г.).

Заметное повышение наших государственных доходов с 1910 года, благодаря ряду благоприятно сложившихся обстоятельств, на которые мы уже указывали, имело своим результатом, что после длинного ряда лет непрерывного увеличения нашей государственной задолженности мы за 1910—13 г.г., путем срочных погашений и досрочных выкупов, сократили долг на 206 милл. руб. Движение нашей государственной задолженности за пятилетие до войны и за время ее видно из следующей таблицы:

Годы к 1 января.	Долг (милл. руб.).	Годы к 1 января.	Долг (милл. руб.).	Годы к 1 января.	Долг (милл. руб.).
1910	9.054,6	1913	8.858,1	1916 [1]	18.876,7
1911	9.030 2	1914	8.824.6	1917 [2]	33.580,8
1912	8.957,9	1915	10.488,5	1918 [3]	51.213,7

[1] Данные предварительные Мин. Фин.
[2] Данные Дементьева.
[3] Данные Кредитной Канцелярии.

Объяснительная записка к росписи на 1914 г., указывая, что „в 1912 г. государственных займов в собственном смысле слова не было, если не считать реализации двух серий государственной ренты взамен погашенных", признает насыщенность уже внутреннего рынка усиленными выпусками в 1910—11 г.г. ипотечных бумаг и дивидендных. Поэтому пришлось в 1912 г. разместить заграницей на 100 милл. свидетельств Крестьянского Банка и на 178, 6 милл. гарантированных железнодорожных займов. Оставляя в стороне деятельность нашего Крестьянского и Дворянского банков, мы ее рассмотрим подробно во II томе в связи с положением нашей деревни после 1905 г., а здесь приведем мнение гр. Витте по поводу наших гарантированных ж. д. займов, высказанное им незадолго до войны. „Нет никакой маломальски существенной разницы между займом, совершаемым под руководством и по директивам правительства частными железнодорожными обществами с гарантией от казны, и обыкновенным государственным займом. Заем, гарантированный правительством, есть тот же государственный заем". (Цитировано по „Пром и торгов". от 1/XII 1913 г.: „Взгляды гр. Витте на частное железнодорожное хозяйство прежде и теперь").

Платежи процентов по прямым государственным займам, бывшие за 1910—13 г.г. в среднем 377 милл. и понизившиеся в 1914 г. до 338 милл., в 1915 г. снова поднимаются до 404 и на 1916 г. по сметным назначениям достигают 653 милл.

Военные займы.

16.

Общее представление о движении наших займов на внутреннем и внешнем рынках, как краткосрочных, так и долгосрочных, во время войны видно из следующего: в 1914 г. были реализованы внутри 4% билеты государственного казначейства на 300 милл. (давшие 266,8 милл.) и выпущен 5% долгосрочный заем на 500 милл. руб. (давший 442 милл. руб.); в 1915 г. было выпущено первых на 500 милл. (реализовано около 500 милл. руб.) и выпущено займов: один 5% на 500 милл. руб. и два — 5½% по миллиарду рублей, давшие вместе 2295 милл.; в 1916 г. было выпущено два 5½ займа на 5 миллиардов, руб., давшие 4,2 миллирда руб. и в 1917 г. — заем Свободы на 3645 милл. От учета краткосрочных обязательств было в 1914 г. получено 886,7 милл. руб., из них заграницей 82 милл. руб.: в 1915 г.—3176 милл. руб. внутри, и заграницей 2140 милл. руб.; в 1916 г. внутри 5610 милл. руб. и заграницей 3665 милл. руб. Весь внутренний долг, поскольку он выражался в выпуске краткосрочных обязательств казначейства, составлял на 1-е января 1915 г. 800 милл. руб.; 1-е января 1916 г.—4 миллиарда, на 1-е января 1917 г. 9,8 миллиарда. руб. Из этой последней суммы 6,9 миллиарда находились в портфеле Государственного Банка,

300 милл. в сберегательных кассах и 2,6 миллиарда руб. были размещены на открытом рынке. В портфеле частных банков числилось этих обязательств к концу 1916 г. около миллиарда руб. Всех долгосрочных займов было выпущено за военные 1914—16 годы внутри на 8 миллиардов руб., из них при реализации было взято консорциумом банков 4,8 миллиарда руб.

По итоговым данным Кредитной канцелярии за время войны 1914 — 17 г.г. было сделано внутренних долгосрочных займов, считая и билеты государственного казначейства на 850 милл. руб., на 11,6 миллиарда. руб.; краткосрочных обязательств было выпущено на 21,5 миллиарда руб. Всего внутри страны было сделано займов на 34 миллиарда руб. Заграницей за это время, считая и Финляндию, было произведено краткосрочных займов на 8527,9 милл. руб. [1]). Всего за войну до 1-го января 1918 г. было сделано долгу 42,5 миллиарда, а если прибавить к этой сумме и старый государственный долг, то вся задолженность к октябрьскому перевороту достигла 51,2 миллиарда рублей.

Д. Источники финансирования войны.

16.

Вопрос, откуда брались колоссальные средства на войну [2]), интересовал, конечно, повсюду экономистов, занимавшихся военным хозяйством. С. Прокопович считает, что главная масса

[1]) Из 8,5 миллиарда руб. краткосрочных займов, сделанных за время войны 1914 - 17 г.г. заграницей, на Англию падало 6,9 миллиарда руб., Францию 1,2 миллиарда руб., Америку - 0,07 миллиарда руб., Японию 0,15 миллиарда руб., Италию 0,03 миллиарда руб., и Финляндию 0,15 миллиарда руб. Какая путаница царит в изданиях Мин. Фин. на счет заграничных займов, видно из того, что в № 5 „В. Ф." за 1916 г. и в сборнике „Народных займов, видно из того, что в № 5 „Народное Хозяйство" за 1915 г. изд. в 1918 г., насчитано за 1914 — 15 г.г. всех займов 15 миллиардов, из них заграничных 7,2 миллиарда руб. или 48%. Там высочайше разрешенные в октябре 1915 г. внешние займы на 5,5 миллиарда руб. приняты уже за „выпущенные в русской валюте"!

[2]) Наши расходы на войну по Дементьеву составляли:

Годы	Сумма в миллиард. руб.	Ежедневн. расход в милл. руб.
1914	1,65	10,0
1915	8,82	25,7
1916	14,57	41,7
1 полугодие 1917	10,10	55,5

Какие требования были предъявлены к мировому денежному рынку видно из того, что, по приблизительным подсчетам, все воюющие государства заключили в 1914 г за 5 месяцев войны займов на 50 млрд. франков, в 1915 г. — на 100 млрд. и в 1916 г. - на 180 млрд., в то время как эмиссия всех публичных займов во всем мире в 1913 г. составила — 6,7 млрд. франков.

средств бралась из текущего народного дохода, проф. Соболев наоборот утверждает, что главным фондом служил национальный капитал, который и уменьшился, по его мнению, к началу 1917 г. на одну треть. Отвечая своим критикам, Прокопович соглашается, что капитал страны был „несколько затронут", но „все же „капитальные" источники, на которые указывается: запасы сырья, скот, прекращение ремонта зданий, машин и др., могут покрыть лишь незначительную часть расходов на современную войну, особенно если она продолжается три с половиной года. Основным экономическим фондом современной войны является народный доход". И, сделав целый ряд различных вычислений, он приходит к выводу, что под влиянием расходов на армию в первый год потребление мирного населения сократилось приблизительно на 25%, во второй на 43% и в третий на 52%; в первый год войны военные расходы поглотили 27,2% народного дохода, во второй 39,6% и в третий 49,3%. „Достигло этого правительство с помощью неограниченных выпусков бумажных денег". И „результат этот был куплен ценой обесценения рубля на 60%". („Война и народное хозяйство" II-е изд. 125—135 стр.). Если мы сопоставим с этими данными американские вычисления, сделанные еще во время войны, то окажется, что Россия до 1 августа 1917 г. израсходовала 11,8 миллиарда долларов, что составляет 19,6% ее национального богатства, 52% национального дохода и 313% сбережений, считая наше богатство в 60 миллиардов долларов, национальный доход в 7,5 миллиарда долларов и сбережения в 1,3 миллиарда долларов.

Но нас интересует здесь не точность тех или иных цифр, а вскрытие процесса извлечения средств из народного хозяйства. По вычислениям Прокоповича чистый национальный доход, принимая во внимание и потери от занятия территории, во второй год войны упал до 13,9 млрд. против 16,4 млрд. до войны, а в третий год до 12,2 млрд., т.-е. более чем на 26%. Спрашивается, почему же национальное богатство не могло упасть соответственно? Есть связь между текущим народным доходом и национальным богатством? Несомненно; и самая тесная.

Реальное национальное богатство состоит из материальных и живых производительных сил. Английские социалисты 30-х годов XIX столетия склонны были умалять значение первых, роль накопленного богатства, и выдвигали на первый план текущее производство, зависящее от живой рабочей силы.—Любопытно, что и Гельферих в своей парламентской речи в августе 1915 г. противопоставлял английскому богатству „рабочую силу германского народа, творящего в войне и для войны", и в этом видел тайну финансового успеха Германии. Однако, Маркс вслед за классической экономической школой правильно видел prius в высоте материального богатства. Размер годового национального дохода зависит не только от живых сил, но и от размеров накопленных материальных сил. И это и в антагонистических условиях капиталистического производства. Сохранение, не говоря уже о накоплении, национального богатства

требует постоянного процесса воспроизводства, а это значит употребления части годового производства на возмещение используемого постоянного капитала—орудий, сырья [1]).

Если часть годового производства, и при этом все большая, идет на изготовление предметов разрушения, то несомненно уменьшаются те части, которые идут на производство предметов личного и производительного потребления. Правда, отрасли, работающие на войну, могут для удовлетворения ее растущих потребностей расширяться и усовершенствоваться; они это и делают, что улучшает их технику, увеличивает их основной капитал и постольку увеличивает национальный капитал. Далее, создавая предметы, имеющие общественную потребительскую ценность, хотя бы это были и орудия разрушения, они создают и ценности, и тем увеличивают национальный доход. Следует помнить, что с капиталистической точки зрения производительным трудом является труд, создающий прибавочную ценность, прибыль [2]). Но, являясь источником питания войны — как товарным, так и денежным — это все же имеет свои общественные границы.

Во-первых, гипертрофия военных отраслей на счет отраслей, работающих на мирный рынок, усиливает свойственную капиталистическому хозяйству диспропорциональность распределения существующих капиталов и рабочей силы между отдельными отраслями, что в конце концов ведет к расстройству и капиталистического производственного организма. В Германии это сказалось уже к 1917 г., несмотря на высокую организацию капитала, при чем государственное регулирование не помогло. У нас это проявилось раньше в силу слабости нашего капитала и неумелого хозяйничания нашей бюрократии. Во-вторых, в увеличивших свой основной капитал военных отраслях идет усиленное потребление оборотного капитала, производительное с точки зрения прибыли капиталистов, но непроизводительное с точки зрения общественного производства. Этим сокращается постоянный капитал общества, а с ним и средства для воспроизводства. Это объясняет и характерное для военного хозяйства явление, что кризис недостаточного производства обнаруживается прежде всего в недостатке сырья и продоволь-

[1]) „Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он должен быть беспрерывный (kontinuierlich) и периодически проходить сначала те же стадии. Как мало общество может перестать потреблять, так же мало оно может перестать производить... Каждый общественный процесс есть вместе с тем процесс воспроизводства" (I том „Капитала" 528 стр. 5 изд.).

[2]) Слабая сторона капиталистического развитого товарного хозяйства — производство меновой ценности — оказалась при его превращении в военное хозяйство и его сильной стороной. Для капиталиста все равно что производить, лишь бы получить прибавочную ценность, прибыль, и в этом отношении производство снарядов и пушек так же действительно, как и производство ткацких машин и угля. Ему важен общественный спрос, чтобы предметы имели потребительную ценность и могли таким образом быть носителями и меновой. А в военное время и растет как-раз спрос на предметы непроизводительные, потребительная ценность которых в нормальное время ограничена, хотя развитие милитаризма везде увеличивало спрос и на такие продукты.

ственных продуктов. Однако никоим образом нельзя рисовать дело так, как-будто военные расходы сокращают лишь личное потребление мирного населения. Несомненно, что по мере продолжения войны все меньшая часть национального производства шла на удовлетворение этих потребностей. Мы это, увидим на фактах. Но бесспорно и то, что на военные нужды шли средства, обычно тратившиеся и в отраслях производства средств производства; железнодорожное хозяйство изнашивалось, домостроительство остановилось, сельско-хозяйств. машиностроение и проч. падало, что в свою очередь отражалось в конце концов и на личном потреблении. Для военного капиталистического—полупаразитарного — хозяйства характерно как-раз то, что оно может увеличивать национальный текущий доход на счет сокращения национального богатства, что оно может увеличивать производительное потребление со специфически капиталистической точки зрения насчет уменьшения производительного потребления с общественной точки зрения вообще [1]). И если С. Прокопович говорит о „капитальных“ источниках, как играющих незначительную роль в деле питания войны, то это показывает, что он не уяснил себе значение производительного потребления в процессе текущего производства национального дохода, его роли в постоянном возобновлении и накоплении национального капитала.

Несомненно, что в первый год войны у нас был затронут больше капитал, чем текущий доход. В такой стране как Россия, где капиталистическое производство было еще сравнительно слабо развито, где в силу недостаточного развития средств сообщения и денежных отношений, товарное обращение не включало довольно значительной части годового производства, и самый процесс товарного обращения, процесс воспроизводства капитала шел медленно, в такой стране запасы товаров по отношению к производству играли большую роль, чем в странах развитых, капиталистических [2]). У нас были несомненно крупные запасы; это дало возможность и революции несколько лет питаться за счет накопленного богатства. В первый год войны деревня

[1]) Сокращение производительного потребления происходило и от того, что вместе с сильнейшим уменьшением вывоза сельско-хозяйственных продуктов, которые нашли отчасти потребителей в армии, сократился и ввоз необходимых нам сырья и полуфабрикатов, а также машин... Поскольку из-за границы ввозились предметы, необходимые для войны, в кредит, это увеличивало нашу заграничную задолженность, но не уменьшало пока национального дохода, так как мы расплачивались иностранными займами. Поскольку же ввозились в кредит машины и орудия, имеющие общее, а не только военное значение, это даже увеличивало национальный капитал. Правда, предстояло расплатиться за это в будущем... Но après nous le déluge!

[2]) По данным С. Струмилина у нас до войны товары и материалы составляли не менее 52% от номинальной стоимости всех строений и оборудования акционерных промышл. предприятий. По отношению же к годовой продукции фабрично-заводской промышленности они составляли в 1913 г. — 32,5%, при чем отношение материалов к готовым изделиям было 62 к 38. („К проблеме капитала в СССР“, план. хоз., 1925 г.). Не забудем, однако, что это в нашей капиталистической промышленности, и в среднем.

находилась в сравнительно благоприятных условиях: прекращение продажи водки, казенные пайки, поднятие цен на хлеб с конца 1914 г. увеличили ее денежные средства. Данные различных исследований показывают, что в первый год войны деревня свое душевое потребление различных продуктов скорее увеличила, чем сократила. Промышленность, торговля переживали в первые месяцы войны кризис и за весь 1914/15 г. в общем застой, как мы увидим подробно в дальнейшем изложении. Это, конечно, должно было отразиться на потреблении промышленного населения, тем более, что в промышленных районах цены на продовольственные продукты возросли сильнее, чем в земледельческих. Однако — все же незначительно. По данным фабричных инспекторов общая сумма зарплаты в Империи, без Варшавского округа, была в подчиненных им предприятиях в 1913 г. — 506 мил. р., в 1914 г. — 531 и 1915 г. — 619 мил. р. Вспомним, что война нагрянула после ряда лет промышленного благополучия и что и в город полились с началом войны большие денежные средства.

П. Маслов в своей работе: „Движение товарных цен и влияние их на распределение национального дохода“ [1]) указывает, что за первые 10 месяцев войны вздорожали вслед за кормовыми больше всего продукты массового потребления,—потреблявшиеся армией и всем населением, и именно продовольственные; меньше поднялись продукты, потребляемые частью населения и армией; мало изменились предметы потребления зажиточных слоев; средства производства начали подниматься лишь с февраля и то сравнительно слабо. Так как ценность рубля к концу 1914 г. по его вычислениям могла упасть только на 11% [2]), а к началу июня на 21%, и так как условия производства продуктов сельского хозяйства в 1914 г. не изменились, то сильное повышение цен массового потребления лежало в условиях реализации, (использовывались и затруднения транспорта). Львиная доля дохода от вздутия цен попала в руки крупного торгового капитала; при продаже зерновых продуктов кроме производителей наживались крупные скупщики. „При распределении национального дохода, благодаря дороговизне, страдали больше всего беднейшие потребители, рабочий класс и низшие служащие, а при распределении дохода между городом и деревней уменьшился доход горожан“... То увеличение потребления, которое проявила армия, могло быть и было покрыто из тех запасов, которые остались из-за сильнейшего сокращения вывоза в первый год войны и из запасов от прошлых лет. Из национального же капитала брались на нужды войны лошади, повозки, упряжь и другие запасы товаров; за два года войны по вычислениям некоторых было истреблено из нашего мясного фонда около 10 милл. скота. Отсюда следует, что нет оснований считать, что

[1]) Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. 1. Москва. 1915 г.

[2]) Соответствует ли это действительности, мы увидим в отделе о денежном обращении.

„под влиянием расходов на армию потребление мирного населения сократилось за первый год войны приблизительно на 25%", как это утверждает С. Прокопович. Годовое производство немного сократилось: урожай 1914 г. был ниже среднего 1909—1913 г.г. на 3%, но не из-за войны. Сократила из-за войны несколько свое производство промышленность. Это должно было сократить в общем немного национальный доход в первый год войны. Но гораздо больше это сделала потеря территории и приближение театра военных действий. Поэтому, если принять, что цены товаров в 1914/1915 г. не изменились по сравнению с 1913/1914 г., то цифру С. Прокоповича о сокращении дохода страны в 1914/1915 г. на 3,6% против довоенного времени можно принять.

Поражение в Карпатах, дав толчок широкой мобилизации нашей промышленности для военных целей во второй половине 1915 г., вызвало известное оживление у нас промышленности и торговли. Вместе с тем мы имели в 1915 г. урожай. Но с другой стороны в 1915 г. было занято 14 губерний, и это ударило как по национальному богатству, так и по национальному доходу.

Каковы были в конечном итоге результаты действия различных факторов, военной мобилизации промышленности, расширения территории—занятой неприятелем, все большего отвлечения населения на войну, все увеличивавшихся расходов на нее и пр., на размер национального дохода, трудно точно определить. Приводимые в примечании данные[1]) показывают увеличение валовой продукции в 1915 и 1916 г.г. против довоенной, но это в пределах нынешней территории СССР, при чем на этих данных, поскольку они заслуживают доверия, отразилось производство военной промышленности, а также производство на счет местностей, занятых неприятелем или близких к театру военных действий (эвакуация предприятий, приток беженцев и пр.). Поскольку же у нас идет речь об элементах национального богатства — о накопленных материальных средствах и о живых производительных

[1]) По вычислениям Статист.-Экономич. Секции Госплана, валовое национальное производство в ценах 1913 года на территории соответствующей С.С.С.Р. было:

Годы.	Валовая продукция.			Товарная часть ее.		
	Промышленность.	Сельское хозяйство.	Итого.	Промышленность.	Сельское хозяйство.	Итого.
	(В миллионах рублей).			(В миллионах рублей).		
1913	7010	11670	18680	7010	4030	11040
1914	7080	11520	18600	7080	3840	10920
1915	7860	12060	19920	7800	4020	11820
1916	8400	11460	19860	8400	3820	12220
1917	5320	10830	16150	5320	3610	8930

силах общества то не может быть сомнения, что к концу 1916 г. мы имели в Империи сокращение, и заметное, тех и других[1]).

17.

Наш „чистый" национальный доход в мирное время достигал 16,4 милл. руб.; около 2,5 милл. р. составляли „сбережения", которые могли итти на производительное потребление, на расширение производства; это не значит, что они у нас шли[2]).

Война, конечно, прежде всего привлекла эти сбережения, но их было недостаточно; была привлечена и та часть валового дохода, которая шла на личное и производительное потребление. Но население туго идет на сокращение потребления, особенно когда у него на руках деньги и с падающей покупательной способностью. Оно предпочитает раньше распрощаться с частью дохода, идущей на производительное потребление, что, конечно, потом отзовется и на личном. В военные займы идут привлекаемые льготными условиями покупки и высоким процентом средства, которые не находят приложения в промышленности или в сжатой частной торговле. В займы идут средства, полученные от продажи—принудительной—иностранных ценностей, конечно, в странах, где они имеются, которые внутри не находят приложения. В займы идут и средства, полученные от реализации запасов сырья или изделий, которые все труднее возместить. В займы идут и избыточные средства нажившихся на войне. Какую роль в процессе извлечения средств у населения играли деньги, как деньги?

[1]) Различные экономисты, раньше и в последнее время, указывали на помещение в нашу промышленность значительных новых капиталов во время войны. Так, проф. М. Боголепов в сборнике „Народное Хозяйство за 1915 г." (изд. 1918 г.) привел данные, показывающие, что за первые два года было вложено в промышленность, работающую на оборону, 325 милл. руб. В 1924 г. А. Штерн определил всю сумму, вложенную в промышленность, за время войны в 500 милл. руб. Наконец, С. Струмилин во II статье: „К проблеме капитала в СССР" вычислил, что с начала 1914 г. по начало 1918 г. имущество – строение и оборудование – фабрично завод. промышленности СССР возросло на 870 милл. довоенных рублей, из них оборудование на 461 милл. руб. Если вычесть износ, то возрастание выразилось в 552 милл. руб., при чем оборудования—в 215 милл. руб. Движению нашего промышленного капитала за 900-ые годы вплоть до 1917 г. мы посвящаем специальный отдел во II томе нашей книги; там мы рассмотрим и вопрос о движении нашего основного капитала. Здесь заметим лишь, что вычисления С. Струмилина внушают сомнения уже тем, что для него вновь открытые во время войны акционерные промышленные компании равносильны вновь открытым предприятиям, а их основной капитал тождествен с новым вложением реального капитала в предприятия! Далее, и а н о с оборудования был усиленный, а „в о з с т а н о в и т. з а т р а т ы" на него и строения сокращены. Наконец, напомним, что фабрично-заводская промышленность на территории СССР составляла в 1913 году около $^5/_6$ по основному капиталу и столько же по продукции в Империи: 5,7 из 6,9 миллиард. рублей.

[2]) До войны в мировом капиталистическом хозяйстве $^1/_3$ сбережений выражалась в росте бумажного, фиктивного капитала; во время войны эта часть возросла и стала превалировать, при том в самой отрицательной своей форме – государственных займов.

Денежные средства на войну берутся прежде всего из запасного фонда: у нас свободная наличность, был и специальный фонд, в Германии золотой военный фонд в Шпандау. И так как их скоро не хватает, то прибегают к налогам или займам, обычно к тем и другим, при чем одни—немцы—считали верхом премудрости займы, другие — англичане — более правильно и усиленное обложение. Но и для финансовой мобилизации страны, для финансирования расходов на войну, для получения крупных займов и для сбора увеличенных налогов требуются выпуски денег. И это еще не вызывает обесценения их: при сохранении размена это регулируется само, при бумажном обращении налоги и займы на открытом рынке периодически вытягивают излишки. И инфляция, падение ценности бумажных денег, наступает лишь тогда, когда обращение насыщено деньгами сверх потребности и изменившегося оборота. Поэтому нельзя, имея перед собой падение покупательной силы денег рядом с увеличением их количества, говорить уже о наличности эмиссионного хозяйства. По Прокоповичу же выходит, что мы имели такое хозяйство чуть ли не с первых дней войны.

Выпуски денег до поры до времени могут служить средством для извлечения денежного капитала, создаваемого промышленным, для облегчения реализации, превращения товарной формы его в денежную. И этот процесс создания денежного капитала идет тем сильнее, чем больше сумма уже действующего; тогда и отделение и помещение его в другое дело легче. При этом, чем развитее капитализм, тем товарное обращение и обращение ценностей не только больше по величине, но и совершается скорее (Маркс). Отсюда ясно, как важно для страны увеличение производства, производительных сил, во время войны для увеличения денежных капиталов. А между тем, вследствие нарушения процесса производства, разрушения производительных сил, истощения сырья это воспроизводство денежного капитала ослабляется [1]). Это наблюдалось во время войны и в развитых капиталистических странах—Англии, Германии—тем скорее и сильнее это должно было дать себя почувствовать в слабо развитой капиталистически России. Как и во время общих кризисов, так и во время войны, но в большом масштабе, вследствие усиления ряда отрицательных спутников капитала (спекуляции и проч.) происходит изменение в распределении дохода; имеет место увеличение индивидуального накопления, обогащение известных слоев, а это производит впечатление усиления общественного накопления, которое наоборот падает, не говоря уже о том, что увеличение номинального капитала принимается за увеличение реального. И если этот регрессивный процесс идет достаточно долго и воспроизводимый действительный денежный капитал, как форма товар-

[1]) С целью покрытия своего пассивного баланса, вследствие усиленного ввоза, и тратили национальный капитал, помещенный в иностранных ценностях. Это ослабляло истощение внутреннего производительного капитала.

ного, все уменьшается, а расходы на войну все растут, тогда на сцену появляется создание фиктивного денежного капитала путем выпуска денег без соответственного создания реального эквивалента, без соответствующего расширения товарного производства; чем дальше, тем все больше разыгрывается оргия вассального денежно-фиктивного капитала на счет слабеющего от анемии промышленного. Налицо тогда эмиссионное хозяйство, т.-е. хозяйство эмиссионного налога — скрытой реквизиции, при этом неравномерной, у населения все большей части уменьшающегося реально дохода, все большей части отчуждаемого им имущества. Но и это имеет свои пределы: финансы государства оказываются лицом к лицу с банкротством раньше, чем финансы страны.

В конце-концов становится ясным, что и денежный капитал—здесь в широком смысле—как обособившийся, ставший внешне самостоятельной формой капитала, сам опасно болен водянкой. Тогда промышленный капитал в свою очередь децимирует денежный, чтобы ожить. Этот процесс в большей или меньшей степени можно было наблюдать в послевоенное время во всех капиталистических странах Запада [1]). У нас же, в силу особых исторических и экономических условий, вследствие усиления вместе с войной регрессивных течений в хозяйстве, в силу слабости промышленного капитала и, наоборот, сильного развития торгового и денежного капитала в их отрицательных допотопных формах, противоречия между производительным и фиктивным капиталами не были развиты до конца, процесс получил односторонний характер и похоронил, вместе со старыми денежно-ростовщическим и купечески-барышническим капиталами и новыми паразитарными финансовым и фиктивным капиталами, производительный—промышленный.

Однако, чтобы исследовать подробно противоречивый процесс движения денежного и промышленного капитала у нас как в десятилетие до войны, так особенно во время ее, нам необходимо раньше познакомиться детально с нашим денежным обращением, с теми изменениями, которые оно испытало на протяжении рассматриваемого нами периода.

---

[1]) Для иллюстрации укажем на отчеты берлинских крупных банков в результате военного и инфляционного хозяйства—эти банки сократили к началу 1924 г. свой акционерный капитал на 57%, резервный — на 49% и депозиты—на 77% против 1913 года (См. „Die Bank" № 1, 1925 г).

ОТДЕЛ IX.

Наше денежное обращение.

Во вторую Госуд. Думу группой правых депутатов был внесен проект „преобразования нашей денежной системы". Проект этот вызвал в свое время резкую отповедь на страницах правительственной „России"; и эта резкость тона по отношению к друзьям не представляла в данном случае ничего удивительного. Гг. правыми был затронут предмет постоянных попечительных забот правительства, ими была подвергнута критике реформа, которая являлась гордостью финансовой политики г. Витте и его преемников, и которой восторгались даже критики наших финансов. Так, проф. Озеров счел нужным—во введении к своей книге „Экономическая Россия и ее финансовая политика и т. д." (изд. 1905 г.)—заявить в качестве одного из своих profession de foi, что „он не может не выразить своего удивления тому, как прекрасно была проведена у нас денежная реформа"... Однако, мы начали с указания на законопроект „правых" не потому, что имеем в виду здесь заняться специальным разбором его. Смелость суждений гг. „правых" по этому вопросу вполне соответствовала их обычному невежеству. Любопытно в данном случае то, что путаница понятий, которая встречается в объяснительной записке этих господ — мы коснемся ее попутно — характерна не только для них: ее можно встретить до сих пор и в писаниях многих „левых". Вообще, когда дело доходит до денежного обращения, то ошибок и противоречий не оберешься и у ученых финансистов, и у видных практиков (примерами в прошлом, чтобы не упоминать нынешних, могут быть проф. Мигулин или Ю. Жуковский); необходимо поэтому познакомиться хотя бы вкратце с основными чертами бумажного и золотого обращения [1]).

A. Теория денег.

1.

Кредитные деньги—банковые билеты, банкноты—по существу своему отличны от бумажных денег, денег с принудительным государственным курсом. И отличие не в том, что первые всегда разменны на золото, а вторые нет, как это представляет себе, например, проф. Мануилов. Самый источник происхождения кредитных денег, банковых билетов, иной. Кредитные деньги имеют источником своего возникновения функцию денег, как платежного средства, бумажные деньги—функцию денег, как средства обращения. Основа обращения кредитных денег—банкнот—это вексель, основа обращения символических бумажных денег—металлическое обращение, а не государств. кредит, как это многие утверждают.

Бумажные деньги в чистом виде—государственные билеты с принудительным курсом — в своем движении подчиняются закону, состоящему в том, что выпуск бумажных денег должен быть ограничен таким количеством, в каком действительно должно обращаться золото. Минимальное количество последнего, требуемого сферой обращения, устанавливается опытом. Если бумажных денег выпускается больше требуемого внутренними законами товарного мира количества золота, то они падают в своей ценности до тех пор, пока опять не представят соответствующего количества золота. „Количество бумажных денег,— говорит Маркс,—определяется, таким образом, количеством золотых денег, которые они заменяют в обращении, а так как они являются знаками ценности лишь постольку, поскольку заменяют золотые деньги, то ценность бумажных денег определяется просто их количеством".

Если рассматривать обращение бумажных денег с внешней стороны, в том виде, как оно проявляется на поверхности, то оказывается: 1) бумажные деньги имеют ценность потому только, что они обращаются, 2) ценность бумажных денег зависит от количества их в обращении, 3) цены товаров падают или поднимаются с изменением количества бумажных знаков в обращении и 4) бумажные деньги входят в обращение в любой пропорции. На основании этого внешнего движения бумажных денег нельзя понять тех законов денежного обращения, которым и они подчиняются. Но как-раз на этом-то кажущемся обращении бумажных денег Рикардо построил свою теорию металлического обращения, теорию абсолютно ошибочную и тем не менее до сих пор широко распространенную [1]).

Законы металлического денежного обращения, которым подчинено бумажное обращение, а не наоборот, в действительности таковы: 1) количество обращающегося золота, при данной меновой ценности товаров, зависит от его собственной ценности, 2) количество обращающегося золота увеличивается

[1]) Подробно теорию денег мы разбираем, в связи с критикой новейшей иностранной литературы, в нашей книжке: „Деньги и кредит", изд. 1925 г., и в статье: „Валютный паритет и платежный баланс" („Новые идеи в экономике", сборник № 7, изд. 1924 г.).

[1]) В новогоднем № нью-йоркского „Journal of Commerce" за 1910 г. виднейшие представители американской оффициальной экономической науки разбирали, по предложению редакции, вопрос о высоких ценах на товары. И мнение большинства их заключается в том, что „основная причина общего повышения во всех цивилизованных странах за последние десятилетие—это увеличенное производство золота" (Ф. Тауссиг); „увеличенное производство золота и увеличение денежных знаков—единственные причины" (В. Сомнер). В том же смысле высказались Зелигман, Кларк и др.

или уменьшается вместе с повышением и понижением цен товаров, 3) товарное обращение может поглотить только известное количество золотых монет, которое определяется экономическим законом. Этот закон гласит: масса действительно обращающихся денег, предполагая быстроту обращения и экономию в платежах деньгами данными, определяется ценами товаров и массой сделок. И этот основной закон действует не только при бумажном обращении с принудительным курсом, которое проистекает из металлического обращения, но остается в полной силе и при обращении кредитных денег, которые, как мы выше указывали, происходят не из простого товарного обращения. Такова теория Маркса.

В противоположность этому, Рикардо считает, что цены товаров падают или поднимаются потому, что в обращении периодически то много, то мало денег. По его теории все ввозимое в данную страну золото увеличивает количество ее денег и этим повышает цены, отлив же золота вызывает противоположное явление. Отсюда далее теория, что выпуск кредитных денег, банковых билетов, должен регулироваться соответственно ввозу и вывозу золота, или, проще говоря, следует пускать в обращение столько денежных знаков, сколько в каждом случае налицо находится золота. Ошибочность всего этого доказана историей денежного обращения на Западе, в частности в Англии.

Наши поклонники бумажных денег — в том числе и авторы думского законопроекта об изменении нашей денежной системы — видели причину всех бед в недостатке у нас, по их мнению, денежных знаков. И в объяснительной своей записке к этому законопроекту они жаловались на то, что у нас такой громадный золотой фонд, а между тем так мало бумажек. Ссылаясь на существующие на Западе отношения между выпусками кредитных денег и металлическим обеспечением, они считали, что можно увеличить количество наших кредитных билетов „по крайней мере на один миллиард рублей"! Не говоря уже о том, что они совершенно не видели различия между нашими государственными бумажными деньгами и банковыми билетами, они думали, что достаточно только иметь большой золотой запас, чтобы можно было наделать сколько угодно денег [1]). Эти господа, далее, думали, что существование в избытке благородных металлов, — они, конечно, биметаллисты, — и соответственного большого количества бумажных знаков имеет решающее значение для буржуазного хозяйства, для оживления промышленной и торговой жизни.

Конечно, от г. В. Шульгина или графа Стенбок-Фермора нельзя было требовать, чтобы они знали, что расширение или сокращение орудий обращения нормально является следствием,

[1]) Ю. Жуковский, бывший управляющий нашим Госуд. банком, вообще плохо разбиравшийся в финансовых вопросах, знал однако очень хорошо по опыту всю вздорность предположения, что можно увеличить, сколько угодно, количество денежных знаков в стране, увеличив соответственно металлическое их обеспечение (см. его книгу „Деньги и банки" изд. 1906 г. стр. 90).

а не причиной товарного обращения, колебания товарных цен, сделок; они и не догадывались, что денежное обращение — „движение второго порядка". Но такие вещи говорили вместе с ними и после них некоторые наши теоретики, это твердят довольно громко, многие у нас и в начале 1925 г. [1])

[1]) Так, довольно часто можно слышать сейчас от ряда наших экономистов и практиков, что причиной медленности, заминок и перебоев в восстановительном процессе нашего хозяйства является недостаток денег в обращении, хотя дефляция имела бесспорно место лишь в первое полугодие 1924 года. И не только у нас, но и на Западе — и в С. Штатах и особенно в Англии, - в связи с особенно тяжелым 1921 годом, раздавались все громче голоса, требовавшие увеличения количества денег, как средства исцеления. Что инфляция действует возбуждающе на хозяйственный организм, это несомненно, но как всякая наркотика она действует временно, и организм, привыкая к нему, требует все больших доз; и это чем дальше, тем больше действует внутренне-разрушающе на организм, хотя это некоторое время и замаскировано внешним оживлением: имеет место частичный подъем в одних отраслях на счет других. Государство не может выпускать в обращение реальных денег больше, чем требует действительный торговый оборот, и кредит не может вызвать к жизни больше реального денежного капитала, чем его в состоянии создать процесс производства при данных условиях. Следует помнить, что кредит заменяет в нормальных условиях деньги, и при слабости банкового действует коммерческий кредит с его орудием — торговыми деньгами — векселем, что мы видим в настоящее время и в России. Всякое искусственное увеличение денег государством, всякое несоответствующее потребности расширение кредита мстит за себя раньше или позже. Законы кредита и законы денег не одни и те же, но они действуют друг за друга; если инфляция кредита, обычная спутница циклового движения промышленного капитала, сравнительно легко преодолевается, пока не затронут его денежный фундамент, то разводнение этого фундамента, обесценение денег, раз возникнув, расшатывает весь хозяйственный организм, в том числе и кредит. Насколько опасны инфляционные эксперименты именно во время восстановительного хозяйственного процесса после инфляционного периода, можно видеть ярко на примере Германии в 1924 году. В виду поучительности я его и приведу. Германия приступила к стабилизации своей бумажной марки в средине октября 1923 г. и завершила свою реформу не в средине октября 1924 года, когда создала имперскую марку, а в середине ноября, когда вернулась и к свободному девизному рынку. Этот процесс оздоровления шел, как известно, через рентную марку. Как это наблюдалось повсюду раньше и теоретически получило достаточно ясное объяснение, переход от инфляционного хозяйства к нормальному обычно сопровождается не только кредитным, но и общим кризисом. Это имело место и в Германии в первые месяцы. Но вместо того, чтобы, развившись, разрешить таким образом обострившиеся до крайности внутренние противоречия между разводненным денежным капиталом и сократившимся производительным, кризис с января до апреля 1924 года сменился оживлением конъюнктуры: сокращение безработицы, поднятие цен и проч. Причина этого явления лежала в инфляционной кредитной политике имперского банка, которая чуть не погубила денежную реформу. Принятыми мерами последняя была спасена, но, вследствие ложного инфляционного просперитета, прервавшего естественный оздоровительный процесс, Германию летом 1924 г. постиг сильнейший ураган, который вырвал в первую очередь с корнем целый лес различных промышленных и кредитных насаждений инфляционного периода. „Frankft. Zeitung" в своем, по обыкновению, обстоятельном годовом обзоре экономической жизни Германии (см. №№ от 25 и 28 XII 1924 и 1 I 1925 г.) дает картину этого кризиса. Однако в этом явлении не было ничего нового. Германия в 1924 году — до осени — испытала лишь то, что переживали раньше С. Штаты и Англия из-за того, что после войны продолжали развивать инфляционное хозяйство: этим кризис переходного периода не был устранен, процесс восстановления мирного хозяйства был лишь задержан, и они, — а с ними и мировое хозяйство в целом - после ложного подъема 1919/20 г.г. расплатились за это гораздо более жестоким кризисом в 1920/21 г.г.

Прежде всего неверно распространенное предположение, что стоит установить размен, учредить настоящий эмиссионный банк по западно-европейскому образцу, чтобы можно было увеличить, сколько угодно, количество банковых билетов. Это не во власти банков. Количество обращающихся банковых билетов колеблется в зависимости от требований обмена и лишний билет идет обратно в банк. Количество кредитных денег в обращении не зависит от состояния золотого фонда в подвалах банка (поскольку оно не ограничено законодательно) и может превысить установленное законом ratio, если кредит эмиссионного банка прочен. Что же касается бумажных денег, неразменных государственных кредитных билетов, то „государство может бросить в обращение произвольное количество бумажных денег с произвольными названиями, но вместе с этим механическим актом кончается его контроль. Захваченные обращением знаки ценности или бумажные деньги попадают под власть законов, присущих обращению“ (Марке). А эти законы, как известно, лишь обесценивают бумажные деньги, если их больше, чем требует товарный обмен, вызывают сильное колебание их курса, что отражается вредно и на промышленности и торговле.

Б. Денежная реформа Витте.

2.

Проф. Мигулин приписывает осуществление у нас денежной реформы во второй половине 90-х годов недостатку денежных знаков для потребностей страны. Равно, как и гг. правые жаждали реформы валюты по их рецепту по той же причине. Г. Мигулин в данном случае повторяет лишь мотив, приведенный в свое время министерством финансов. Но, во-первых, данные для сравнения были выбраны тогда г. Витте тенденциозно. Так, указывалось, что с 1881 по 1896 г. количество орудий обращения не только не увеличилось, но уменьшилось (с 1,180 до 1,175 мил. р.). Для сравнения следовало взять не год, следовавший за русско-турецкой войной, когда произошло наводнение рынка бумажками (вместо 876,5 мил. р. в 1877 г. стало в 1878 г. 1.137,6), а по крайней мере 1884 год, когда началось сокращение прежних выпусков, продолжавшееся вплоть до голодного 1891 года. Во-вторых, если даже признать что денежных знаков было мало для удовлетворения экономических потребностей страны, то все же, как мы это увидим далее, не этим руководствовалось правительство, введя реформу. Мы укажем, далее, на Ю. Жуковского, человека осведомленного на этот счет, который в своей книге доказывает, что никакого недостатка в денежных знаках у нас до реформы не было. Точно так же и Брандт в книге: „Торгово-промышленный кризис на Западе и в России“ опровергает, и основательно, объяснение, что причины биржевого и банкового кризиса конца 1895 года лежали в недостатке средств обращения.

Стоит только разразиться кризису, как не только у нас, но и повсюду начинаются крики о недостатке „денег“. Внешнее явление принимается за сущность, следствие за причину. Между тем теория, опирающаяся на факты, доказывает, что абсолютная масса орудий обращения в обычное время не влияет на учетный процент. Количество орудий обращения — здесь мы имеем в виду банкноты—зависит от цен товаров и массы сделок, как это мы уже указывали. Количество кредитных денег зависит, далее, от „состояния кредита, но никоим образом не определяет это состояние; и, наконец товарные цены и учетный процент не стоят ни в какой необходимой связи между собой“ (Маркс). Но если не „безденежье“—т.-е. не недостаток денежных знаков вызывает кризис, то это не значит, что количество денег не играет роли, когда стеснение налицо. В такое время абсолютное количество орудий обращения имеет влияние на учетный процент, и несомненно, что если денежная система в данной стране стоит на должной высоте, эластична и вместе с тем устойчива, то она легко устраняет целый ряд недостатков в удовлетворении спроса на орудия обращения. Само собой понятно, что бумажное денежное обращение меньше всего к этому пригодно; всегда существует опасность обесценения бумажных денег, выпуск их в большем, чем необходимо количестве, что расшатывает и существующее денежное обращение и еще более затрудняет кредит. Но очень плохую услугу в такой момент может оказать и золотая валюта с банковыми билетами, если банковое законодательство, регулирующее выпуск последних, покоится на ложном основании, как, например, на теории Рикардо, придающей решающее значение существующему золотому фонду. В 1847, 1857 и в 1866 г.г.—во время кризисов,—только приостановка действия закона 1844 года облегчила денежный рынок. Нашим защитникам бумажных денег этот факт по сердцу: нечего, значит, особенно стесняться с золотым фондом. Но мы ниже увидим, что одно дело Англия с ее кредитом и ее золотой валютой, и совсем другое дело Россия с ее денежной системой и со всей ее финансовой политикой.

В качестве доказательства положения, что у нас мало денежных знаков обыкновенно приводились данные западно-европейских стран, где количество орудий обращения на каждого жителя гораздо выше, чем у нас. Но такой довод совершенно неоснователен. Количество денежных знаков не стоит ни в какой необходимой пропорции с количеством населения; оно находится в связи со степенью развития денежного хозяйства, зависит от развития кредита и ряда других факторов. Если мы обратимся к истории наших денег, то увидим, что с 1858 г., когда окончательно прекратился размен кредитных билетов, до 1895 года число кредитных билетов увеличилось в полтора раза, население же возросло гораздо больше. И это уменьшение количества денежных знаков на душу населения нисколько еще не говорит о недостатке знаков, а объясняется

увеличившейся быстротой обращения денег, благодаря улучшению средств сообщения, увеличению кредита и пр. Если исследовать состояние золотого фонда, общее количество выпущенных кредитных билетов и курс их за период 1858—1895 годов, то увидим, что в то время как количество билетов возросло в 1,58 раз, курс их за этот же период упал в 1,4 раза; вместе с тем металлическое обеспечение кредитных билетов не играло при этом роли.

Колебания курса нашего рубля, проявившись особенно сильно в начале 80-х годов, продолжались до начала 90-х, когда был принят целый ряд мер для обуздания спекуляций на рубль. Этим министерским мероприятиям приписывают решающее значение в значительном ослаблении курсовых колебаний. По Брандту эти колебания в процентном отношении к низшему вексельному курсу С.-Петербурга на Лондон составляли: в 1890 г. 19½%, в 1891 г.—28%, а в 1892 г.—9,6%, в 1893—6%, в 1894 г.—1,94% и в 1895 г.—0,54%. Мы не станем отрицать, что меры г. Витте имели значение для устранения искусственных колебаний нашего кредитного рубля, но смешно говорить, как это делает и проф. Мигулин, что падение курса рубля зависело только от спекуляции, и что стоило нашему министру финансов остановить ее, как остановилось и падение курса и всякое его колебание. Нам вспоминаются здесь упреки Каткова по адресу министра Бунге по поводу падения нашего кредитного рубля. Он ставил последнему в пример историю бумажного обращения в С. Штатах, и приписывал все беды нашей денежной системы... либерализму наших министров финансов!

Вексельный курс подчиняется определенным экономическим законам. Ослабление колебаний курса нашего рубля в середине 90-х годов объясняется улучшением нашего кредита за границей, что было вызвано рядом экономических и политических причин. В это время начался у нас и подъем промышленности, и приток иностранных капиталов. Наконец, министру Витте потому и удавались его мероприятия по урегулированию курса, что они сводились не к повышению рубля, что именно совершалось в то время стихийно, а к установлению такого уровня, который ему был необходим для проведения девальвации. Но и для него, как и для Вышнеградского, было ясно, что никакими искусственными мерами нельзя добиться на долгое время устойчивого курса, пока нет размена. Юридически основой нашего рубля до реформы был серебряный рубль, но экономической основой, мерилом ценности, нашего бумажного рубля было — вопреки Лексису и как правильно указывает Шульце-Геверниц, — золото, единственное мировое мерило денег с 1873 года. Серебро же, как известно, сильно упало в цене и получилось то, что не серебряный рубль определял бумажный, а, наоборот, бумажный был выше серебряного и поддерживал его. Курс нашего кредитного рубля находился в полной зависимости от различных колебаний международного рынка

и предметом самой разнузданной биржевой спекуляции. Выход для прекращения колебаний курса был один—введение размена на золото. Это и было сделано. И крупное значение проведенной гр. Витте реформы заключалось в том, что были устранены прежние колебания курса—неполно, правда, так как колебания продолжались, но они были сведены к незначительным по сравнению с прошлым размерам. Единственный важный результат всех жертв, принесенных для введения у нас золотой валюты и для ее сохранения, заключался в том, что была достигнута известная устойчивость курса нашего государственного билета. А это уже имело громадное значение для всей промышленной и торговой жизни страны.

3.

На истории введения у нас довоенной денежной системы мы не будем здесь подробно останавливаться [1]. Скажем лишь что нет основания восторгаться, вместе с проф. Озеровым, способом ее осуществления г. Витте. Мы не имеем здесь в виду претензий наших аграриев, наших „правых", что реформа эта была проведена самодержавно — бюрократически — революционным путем, помимо санкции Государственного Совета и, что это одно уже должно было служить поводом к ее изменению. Это очень характерно для гг. „правых": они выступают против всякого coup d'état, когда он затрагивает их карманные интересы, и наоборот, ликуют при явном нарушении основных законов, если эти им сулит выгоду... Нельзя восторгаться и тем, что, установив золотую валюту, наше министерство истратило тут же непроизводительно 150 милл. рублей на покупку и чеканку за границей серебряной монеты и наводнило ею без всякой нужды рынок, как это справедливо отметил и г. Мигулин. И, наконец, задача реформы вовсе не состояла в том, чтобы начеканить как можно больше золотой монеты и усиленно навязывать ее во внутреннем обращении вместо бумажных знаков. Это была совершенно излишняя роскошь. Но это все сравнительно частности. Главный недостаток заключался в том, что вместе с введением размена не было изменено наше банковое законодательство, не был преобразован Государственный банк по образцу западно-европейского центрального эмиссионного учреждения. Вся реформа была испорчена, извращена тем, что у нас не были введены банковые билеты в настоящем смысле этого слова.

---

[1] Денежной реформы Витте мы касаемся в критической статье, которой мы сопроводили перевод книги д-ра Шефера „Классические системы стабилизации валюты", вышедшей под нашей редакцией в 1923 г. Приводим выдержку из этой нашей статьи:

История Витгевской реформы еще не написана: со временем вскроется вся закулисная борьба—противодействие аграриев и прочие прелести автократи-

Однако было бы наивно ожидать от режима, где неограниченно царит бюрократия, где финансовые дела тщательно скрываются от глаз народа, чтобы там сочли нужным создать

ческого режима,—связанная с ней. Понадобилась ловкость Витте, его неразборчивость в средствах, чтобы провести эту реформу, начало которой было вынуждено за 20 лет до него. Практика реформы, повторяем, была „груба", да и то не во всех своих частях: вспомним известные конверсии Вышнеградского, как меру улучшения платежного баланса, удачную Витгевскую борьбу с биржевой спекуляцией на бумажный рубль, отмеченную уже нами выше. Но теория,- она стояла у наших реформаторов, точнее, их сведущих лиц на высоте во всяком случае не меньшей, чем у Торнквиста или Линдсея, которых так превозносит Шефер. Наши были также под влиянием Рикардо, но они были знакомы и с Марксом, и в этом было их преимущество. Начиная с Рейтерна, Шефер начинает с Бунге, у нас усиленно добивались, как основной предпосылки реформы, предварительного введения сделок и контрактов на золото с целью привлечения иностранного капитала, чтобы таким образом получить возможность стабилизовать валюту. Стабилизация была целью с самого начала она была достигнута в конце концов, и поддерживалась, правда, с большими жертвами, до мировой войны.

Рейтерн, который участвовал в Комитете финансов при Бунге и при Вышнеградском, знал и по русскому опыту то, что „неясно сознавал Линдсей", а именно, что без активного платежного баланса путем привлечения к нам иностранного капитала никакое „сжатие" стабилизации не создаст, что „автоматическое самоурегулирование" требует существования в обращении и золота. Рейтерн предлагал зафиксировать золотой рубль по отношению к кредитному еще в 1877 г., когда золотой запас был сравнительно слаб. Бунге и Вышнеградский разделяли основные взгляды Рейтерна, и с целью подготовки условий к свободному размену добивались, как переходной меры, двойного обращения. Витте следовал по их стопам. Добавим еще, что для понимания некоторых слабых сторон нашей реформы нужно иметь в виду, что Россия была тогда страной с только что начинавшим развиваться капитализмом, для которой имели силу больше законы металлического денежного обращения, чем развитой кредитной денежной системы.

Шефер нам рассказывает: „В то время, как Торнквист без единого пезо золота провел девальвацию, так сказать, за одну ночь, удовольствовавшись курсом момента, Витте преследовал политику „медленной озолоченной девальвации", так как он хотел „поднять курс". „Поднятие (Hinaufzwingen) марки, как в русском случае 1887—1897 г.г. следует отклонить", замечает г. Шефер (85 и 112 стр.). По поводу этого „насильственного поднятия" напомним Шеферу, что Вышнеградскому пришлось принять меры к повышению кредитного рубля, сильно упавшего во вторую половину 80 годов, и он этого добился; какой ценой—это другой вопрос (бюджетное равновесие (излишки), активный торговый баланс, иностранные займы и пр.). Средний годовой курс золотого рубля в 1887—179,6 в 1888—168 2 в 1889—151,8. в 1890—137,8 и 1891 г,—149,8 кредитн. коп. Витте оставалось устранить колебания, упрочить известную высоту. Этого он и достиг. Вышнеградский и Витте знали не хуже Торнквиста весь вред от искусственного поднятия рубля.

Со второй половины 1895 г. банковский и податной курсы,—были разрешены сделки на золото, прием золота в казначейство, покупка и продажа его всеми учреждениями Государственного Банка,—прочно стояли на одном уровне 7 р. 40 к. за полуимпериал. И для „удобства"—а может быть под давлением аграриев—с января 1896 г. устанавливается на год 7 р. 50 к. т.-е. позволяют себе даже роскошь понижения (как переход в конце ноября 1895 г. был установлен 7 р. 45 к.). Если взять средний курс золотого рубля за 7 лет: 1890—1896 г.г., то получим 1.4957, т.-е. установленный в 1897 г. размен в 1 р. 50 к.[1]). И это несмотря на то, за 1890—1896 г.г. и „небо на нас обрушилось": голод 1891 г.

[1]) Средний годовой курс бумажного рубля: 1890 г.—72,6; 1891—66,8; 1892—62,0; 1893—65,3; 1894—67; 1895—67,5, 1896 г.—66,7 золотых коп.

независимое от министра финансов центральное эмиссионное учреждение под гласным общественным контролем. Вся история нашего Государственного банка показывает, что он естественный продукт всей нашей самодержавно-бюрократической финансовой политики. На этой истории, полной явных и тайных нарушений его уставов, на что мы уже указывали, мы не будем здесь подробно останавливаться, как не будем разбирать и его последней организации и уставов. О различных коммерческих операциях его мы говорим в других главах; здесь мы коснемся лишь той стороны банка, которая имеет непосредственное отношение к вопросу о денежном обращении, его эмиссионной деятельности.

Государственный банк был преобразован у нас из казенного коммерческого в 1860 году „для оживления торговых оборотов и упрочения кредитной денежной системы". Но выпускать кредитные билеты для коммерческих потребностей банк права не имел. Он выпускал их для надобностей казначейства, для военных целей, или для целей регулирования денежного обращения. При Вышнеградском (закон 8 июля 1888 года) банку было разрешено выпускать кредитные билеты для промышленных целей под обеспечение рубль за рубль золота. Но при отсутствии размена выпуски билетов для этих целей оседали в значительной степени в обращении и увеличивали количество бумажных денег. Г. Витте сильно расширил технические функции Государственного банка; были введены, между прочим, операции рассчетных палат. В 1894 году был утвержден новый устав. Банк должен был содействовать отечественной промышленности и сельскому хозяйству. Благодаря этому портфель его наполнился трудно реализуемыми бумагами; он начал принимать широкое участие в грюндерстве и вообще в операциях, которые абсолютно несоответствуют эмиссионному учреждению. Банку была предоставлена далее возможность неограниченно покупать и продавать государственные и гарантированные государством бумаги, а также принимать в заклад по обязательствам с казной бумаги, выпущенные частными обществами. И представитель Государственного банка являлся на бирже главным скупщиком государственных бумаг, и влиял таким образом на котировку их.

Эмиссионные банки должны иметь легко реализуемые активы. Уставом 1894 г. Государственный банк не был поставлен в положении западно-европейских эмиссионных банков. Никаких выпусков для коммерческого оборота ему предоставлено не было, хотя статья 8 июля 1888 г. и не была отменена. Этим уставом не только не был расширен общественный контроль над банком, но и прошлый контроль был сведен к нулю. Государственный банк был отдан в полное распоряжение безответственного министра финансов. Государственный совет в свое время поставил на очередь вопрос о независимости банка, но это не было достигнуто. Г. Витте, хотя и говорил, что „правильность банковой политики является одним из оснований устойчивости

денежного обращения", но на деле был против придачи банку самостоятельности и вел политику, которая нарушала и старый, и новый уставы банка. То же делали и его преемники [1]).

Высочайшим указом 29 августа 1897 года устанавливалось, что „государственные кредитные билеты выпускаются Госуд. банком в размере, строго ограниченном настоятельными потребностями денежного обращения под обеспечение золотом; сумма золота, обеспечивающего билеты, должна быть не менее половины общей суммы выпущенных в обращение кредитных билетов, когда последняя не превышает 600 милл. руб. Кредитные билеты, находящиеся в обращении свыше 600 милл. руб., должны быть обеспечены золотом по крайней мере рубль за рубль..." Указ 28 апреля 1900 г. вторично подтвердил это: „Мы находим необходимым выразить непременную волю нашу, дабы выпуск кредитных билетов производился на точном основании именного указа нашего 29 августа 1907 года и не служил впредь источником воспособления государств. казны". Несмотря на это, и после реформы, как мы это увидим, продолжались выпуски кредитных билетов для потребностей казны. Наши министры это отрицают и ставят себе в заслугу, что этого не делалось. Как они относятся к приведенным „основным законам" нашего денежного обращения—показывает тот факт, что министерство финансов нашло возможным в 1904 году заявить, что средства на войну могли бы быть найдены в порядке позаимствования их госуд. казначейством „из Госуд. банка на счет выпусков кредитных билетов, обеспеченных наличным золотом..."!

В своей книге „Денежное обращение в России в XX столетии" г. Гурьев, указывая на окончательное погашение долга государственого казначейства Государственному банку, согласно указу 28 апреля 1900 г., заявляет, что таким образом „кредитные билеты обратились в настоящие билеты Государственного банка". Последнее абсолютно неверно. И формально мы остались с государственными кредитными билетами, которые не стали билетами Госуд. банка; и по существу своему они en masse остались государственными бумажными деньгами, хотя и разменными, а не стали банкнотами, кредитными деньгами.

[1]) В своем вышедшем в 1911 г „Конспекте лекций о народном и государственном хозяйстве", читанных в 1900—1902 гг. наследнику, гр. Витте указывает на все значение правильной политики и независимой организации эмиссионного банка, но тут же рядом выступает защитником нашего зависимого банка с его долгосрочными операциями и проч. „При самодержавной форме, аргументирует он, центральный банк должен быть непременно государственным". Но вопрос ведь вовсе не в том, государственный ли банк или смешанный. И на Западе центральные эмиссионные банки—национальные банки: их сила в том, что они имеют национальный кредит за собой. Важно иметь независимый от министерства финансов банк. И так как этого-то он не хотел, то рядом с правильной теорией у него и другая, учащая, что „ограничение свободы действий банка, направленных под руководством облеченного высочайшим доверием лица (читай: министра финансов! *А. Ф.-Е.*) к удовлетворению государственных потребностей, совершенно не соответствует принципу самодержавия". Гр. Витте таким образом подтвердил правильность данного нами и в I издании настоящей работы объяснения причин недостатков его денежной реформы. (См нашу статью: „Гр. Витте, как экономист". Совр Мир, февраль 1912 г.).

В. Практика нашего денежного обращения

4.

В средине января 1907 года на страницах периодических органов министерства финансов появилась статья „К вопросу о нашем денежном обращении", в которой оно выступило с возражениями против появившихся в то время в нашей экономической литературе опасений за прочность нашей денежной системы, доказывало всю нормальность нахождения у нас в обращении значительного количества кредитных билетов, и вообще развило обычное бюрократическое положение, что все в этой области обстоит благополучно. Эта статья заслуживает внимания, особенно если ее сопоставить с другими оффициальными сообщениями и докладами, появившимися за ряд лет: мы получаем возможность на основании документов самого министерства финансов уяснить себе действительное положение дел.

В своем докладе к росписи доходов и расходов на 1904 год наше министерство финансов, отметив в 1903 году увеличение золотого запаса в Госуд. банке и казначействе на 130,5 милл. руб. сравнительно с предыдущим годом,—и это несмотря на большой выпуск золота в обращение,—писало, что в 1903 году впервые после завершения реформы 1897 года ему пришлось выпустить временно на 25 милл. руб. кредитн. билетов сверх нормы, установившейся у нас с 1899 года и равнявшейся 630 милл. руб. Государственный банк, объяснялось далее, счел нужным совершить эту эмиссионную операцию в виду усилившегося спроса преимущественно для реализации урожая. После того, как этот осенний спрос был удовлетворен, и кредитки начали возвращать ся назад в банк, общая сумма выпуска была опять низведена до обычного уровня 630 милл. рублей. Ясно и определенно! Пойдем теперь дальше и посмотрим доклад к росписи на 1905 год.

С конца 1903 года под влиянием надвигавшейся войны, а затем по наступлении ее, вексельный курс начал обнаруживать колебания. Так, курс чеков на Лондон составлял 2 января 1904 года—94 р. 85 коп. за 10 ф. стер., 28 января он достиг 95, но затем успокоился и в июле чеки котировались уже 94 р. 55 к., а в декабре (20 числа)—94 р. 45 коп. И это благодаря хорошему урожаю, поднявшему наш вывоз. Вместе с тем денежное обращение, по данным доклада мин. фин., показывало у нас следующие цифры в милл. руб.:

	Золото.		Серебро.		Кред. бил.	
	В Госуд. банке и казнач.	В обращении.	I	II	I	II
В конце 1903 г.	1.058	787	64	155	46	584
	1.845		219		630	
„ „ 1904 „	1.239	683,9	51,1	144,5	72.1	827,9
	1.973		198,6		900	

Из этой таблицы мы видим, что количество золота в обращении сократилось на 103,1 милл. руб., число же кредитных билетов возросло на 249,3 милл. руб. Далее, в то время как золотой фонд возрос на 77,3 милл. руб., количество кредитных билетов увеличено было на 270 милл. руб. сверх обычной нормы. Увеличение золотого запаса объясняется самим министром финансов реализацией за границей в конце апреля того года 5% обязательств госуд. казначейства, т.-е. было достигнуто путем внешнего займа и по повышенному %. Чем же объяснялся выпуск кредитных билетов? Тем, во-первых, что на театре военных действий было выгоднее производить расходы бумажками; и это в виду того, что серебряная монета расценивалась в Манчжурии не по номинальной ее ценности, а по цене заключающегося в ней количества серебра. Второю причиной увеличения бумажных денег было, по словам министра, обычное оживление торгово-промышленной жизни. Этот второй довод не выдерживает никакой критики: дела в 1904 году были хуже, а не лучше, чем в 1903 году; данные за оба года приведены одновременные, насчет конца декабря, когда обычный увеличенный осенний спрос вследствие реализации урожая приходит к концу; и тем не менее оказывается, что в запасе было на 26,1 милл. руб. бумажек больше, чем в 1903 году, а в обращении на 243,9 милл. руб. больше.

Министр финансов указывал, что 38% выпущенных бумажных денег заменили приливную в кассы банка золотую монету (103,7 милл. р..) Хорошо. Допустим, что из вновь выпущенных бумажек обращалось на местах военных действий и в смежных областях 100 милл. руб., что скорее преувеличенная цифра. Остается все-таки увеличение на 66,3 милл. р., и необходимость такого выпуска ради потребностей торгового обмена ничем г. министром не была доказана. Далее, до тех пор необходимое увеличение денежных знаков удовлетворялось большим выпуском золота в обращение. В 1904 г. мы видим, наоборот, усиленное вылавливание золота из обращения и замену золота в платежах Госуд. банка кредитными билетами. Выпуск мелких кредитных билетов вместо золота объясняется министерством, как удовлетворение желаний самого населения. Не говоря уже о том, что данные прежних лет показывают упорный прилив в кассы банка бумажных денег и отлив золота в обращение, что всем памятно настойчивое навязывание бумажек со стороны казенных учреждений в то время, остается все-таки странным, почему эта замена золота бумажками сопровождалась таким обилием их...

В действительности все обстояло совсем иначе, чем рисовалось министерством финансов: золото стягивалось в кассы для сохранения фонда, обеспечивающего обмен; из обращения оно грозило утечь. Бумажки выпускались Госуд. банком с одной стороны для его активных операций. Он лишился вследствие войны денег госуд. казначейства, лежащих у него на текущем счету, а он этими капиталами орудует. За 1904 г. эта свободная наличность казначейства сократилась на 169 милл. руб. Но большая

часть кредитных билетов была выпущена, как на это указывал и г. Афанасьев, на военные цели. К 1 января 1905 и число кредитных билетов в обращении возросло по сравнению с 1 января 1901 года на 275,3 милл. руб.; из выпущенных 300 м. р.—110 милл. руб. падают на первую половину года, и 190 милл. руб. на вторую, при чем лишь 123 милл. руб. составляли крупные билеты, необходимые и для кредитных операций банка, и 177 милл. руб. состояли из мелких, что доказывало их выпуск на нужды мобилизации и войны[1]). И такие выпуски Госуд. банком кредитных билетов являлись совершенно естественным следствием существовавшей тесной связи между ним и казначейством.

Госуд. банк руководился уставом, который был выработан в то время, когда билеты выпускались за счет казначейства. Он вел свои коммерческие операции средствами казны, текущими счетами правительственных учреждений, и это ставило его в зависимость от состояния казны. Никакой гарантии, что новые выпуски билетов будут происходить лишь при условии „действительных потребностей денежного рынка", не говоря уже о туманности этой фразы в нашем законоположении, у нас не было. Из самой зависимости Госуд. банка от казначейства вытекало, что Государственный банк может быть легко принужден к выпуску кредитных билетов при падении государственных доходов. Эмиссионные операции банка зависели у нас от состояния госуд. финансов; стоило последним ухудшиться, и наша денежная система оказывалась в опасности...

5.

Переходим к 1905 г. В докладе к росписи на 1906 г. указывалось, что на 1 сентября 1905 г. (т.-е. к концу войны) золотой запас возрос на 281,1 милл. руб. сравнительно с таковым на 23 января 1904 г. (т.-е. к началу войны). Это было достигнуто внешними займами на самых тяжелых условиях. За это же

[1]) Мы отметили эти явления еще в 1907 г. на стр. „Совр. Мира" (сентябрь); после наш анализ подтвердился и оффиц. данными юбилейного отчета Государственного банка (1860 — 1910). В нем указывается, что Государ. банк еще в конце 1903 г. должен был принять меры для задержки отлива золота заграницу под влиянием „тревожных признаков на политическом горизонте". Далее, с целью охранения золотой наличности с наступлением военных действий в 1904 г. были несколько смягчены распоряжения относительно обязательной выдачи золотой монеты из касс Банка по его операциям и была допущена более свободная выдача кредитных билетов 3 руб. купюры и в некоторых районах 5 и 10 руб. достоинства, а) в Сибири сверх того 1 руб. достоинства. По отношению к снабжению войсковых частей денежными знаками были установлены следующие правила: а) расходы по мобилизации покрывать преимущественно кредитными билетами, б) воздерживаться от выдачи золотой монеты войскам, находящимся за пределами Империи и в) производить платежи в Манчжурии кредитными билетами и разменной монетой..." (стр. 13. Подчеркнуто нами. *А. Ф. - Е.*).

время сумма кредитных билетов в обращении достигла 1.038 милл. р. вместо 589,5 милл. р., а золото в обращении сократилось с 766 до 676 милл. руб. Сумма денежных знаков, таким образом, возросла на 358,5 милл. р. в обращении, причем кредитных билетов в нем оказалось на 448.5 милл. р. больше. Министр финансов—И. Шипов—признал тогда, что „такое расширение объема денежного обращения за время войны не может считаться благоприятным явлением". Он старался, однако, объяснить эти выпуски теми же причинами, что и его предшественник г. Коковцов. „Немалую долю" выпущенных билетов и он взваливал на „естественный рост денежного обращения". Для этого, однако, никаких данных не было, в виду кризиса в торговле и промышленности в это время. При том периоды кризиса и подъема теми отличаются, что при последнем возрастает спрос на орудия обращения между потребителями и торговцами, при первом—спрос на орудия обращения между капиталистами. Для периода подъема требуются больше мелкие денежные знаки, для кризиса—крупные. А мы видели выше, что у нас выпускались в эти годы главным образом мелкие билеты.

Наступившие осенью 1905 года революционные месяцы поставили денежное обращение прямо в критическое положение. Остановка в средствах сообщения, совпавшая с периодом реализации урожая, требовала особенного увеличения орудий обращения. Вследствие сокращения заграничного кредита, отлива частных вкладов из банков и их стесненного положения и, с другой стороны, вследствие возросшего спроса на наличные средства между торговцами и промышленниками — сильнейший денежный кризис,— возросла потребность в расширении кредита со стороны Госуд. банка, о чем подробно в следующем отделе. Далее, сократились доходы госуд. казначейства. Госуд. банк начал выпускать новые количества денежных знаков. А как-раз в это время начался усиленный спрос именно на золотую монету, размен кредитных билетов на золото, отлив его за границу. И вот мы видим, что 8 декабря количество кредитных билетов в обращении (без касс) доходит до 1.166 милл. р., в то же время количество золота в госуд. банке равняется 989,8 милл. р.; соответствующие цифры 8 декабря 1904 г. были 827,9 кредит. бил. и 1.022 милл. р. золота. С 16 декабря происходит дальнейшее ухудшение: билетов уже 1.193 милл. р., а золото банка уменьшилось до 947,0 милл. руб. К 1 января 1906 г. сумма золота уменьшилась до 926,5, а количество кредиток в обращении возросло до 1.207,5 милл. р. За время войны число денежных знаков возросло на 204,4 милл. р. или 13,8%, а кредитных билетов на 345,6 милл. р. или на 59,8%; за время войны и революции до 1 января 1906 г.—число денежных знаков возросло на 692,3 милл. р. или 46,6%, а кредитн. билетов на 629.1 милл. р. или 108,8%. „Такие явления" должен был тогда признать и г. министр финансов—„не могут, конечно, не внушать опасения за наше денежное обращение".

6.

Каково было положение дел в 1906—1909 г.г.? Обратимся к цифрам [1]).

	К 1-му января.						
	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.
Наличность золота . .	1.095,6	1.184,6	1.008,0	843,0	734,4	709,5	769,2
Кредитные билеты в обращении	1.067,9	901,0	661,8	491,2	555,0	542,4	553,5

	К 1-му января.						
	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г	1910 г.
Наличность золота . .	909,1	1.031,6	926,5	1.190,6	1.169,1	1.220,1	1.414,6
Кредитные билеты в обращении	578,4	853,7	1.207,4	1.194,5	1.154,7	1.087,2	1.173,8

Мы видим, таким образом, что золотой запас возрос в течение 1906 г. Источник этого улучшения недалеко искать: стоит только вспомнить знаменитый апрельский заем 1906 года по ростовщическим процентам. Более детальное исследование показывает, что за первые три месяца 1906 г. золотой запас сильно сокращался и упал до 855.8 милл. р., в то же время количество-бумажек в обращении равнялось 1148,9 милл. р., так что оставалось лишь 6,8 милл. р. до достижения предельной нормы выпуска их.

В отмеченной нами выше статье: „К вопросу о нашем денежном обращении" („В. Фин." № 3, 1907 г.) сравниваются данные начала 1904 и 1907 г.г. [2]). Оказывается: количество денежных знаков возросло за эти три года в обращении с 1.486 до 1.959 милл. р., т.-е. на 32%, при чем количество золота, составлявшее к 1 января 1904 г. 52% денег в обращении (755 милл. р.), к 1 января 1907 г. сократилось до 33% (642 м. р.), число же кредитных билетов возросло с 578 милл. р. (39%) до 1.194 милл. р. (61%). Остальное падает на серебро. Приведя эти данные, оффициальные финансисты прежде всего спрашивали: разве не лучше, что в обращении бумажки, а не легко изнашиваемое золото, и не лучше ли, что золото на всю ту сумму, которая была бы выпущена в обращение, если следовать прежней практике, теперь увеличивает металлический запас Госуд. банка

[1]) Здесь вычтены кредитные билеты, находящиеся в кассах банка. В наличность золота включены и суммы, находящиеся за границей.

[2]) Данные за 1904 год в „Вестн. Фин." не совсем точные; мы приводим далее другие, но это не играет здесь существенной роли, так как отношение между золотом и бумажными деньгами не изменяется от этих поправок.

Эти финансисты, таким образом, признавали, что наше денежное обращение возросло почти на $^1/_3$ за три года, и не видели того, что положение ухудшалось именно увеличением наших кредитных билетов более, чем в три раза против прежнего. Что касается количества золота в обращении теперь и раньше, то следует же помнить, что эти цифры не поддаются точному учету. Эти оффициальные цифры показывают лишь разность между отчеканенной золотой монетой и той суммой ее, которая находится в кассах Госуд. банка и казначейства. Но находится ли указанное золото в обращении внутри страны или оно ушло заграницу, это ведь остается неизвестным. Есть много данных за то, что добрая доля из указываемых цифр уже давно покинула родные края. Реально только вот что: за эти три года (1904—1907 г.г.) Госуд. банк вынул из обращения 133 милл. р. золота и напустил туда новых бумажек на 616 м. р. Зачем это понадобилось? На помощь опять вызывается Манчжурия с ее денежным обращением. И это несмотря на то, что война полтора года как кончилась („разъяснение" было написано в январе 1907 года) и бумажки могли оттуда уже много раз вернуться назад. Это г.г. оффициальные финансисты сами чувствовали, и вот на сцену явились „прискорбные события последних месяцев 1905 года". Но ведь и эти „прискорбные события" давно прекратились. Средства сообщения уже целый год, как неправно действуют, зачем же все-таки нужно столько бумажек? На это они отвечали, что это вызывается потребностями реализации урожая. Но когда им указывали, что за 1905 и 1906 годы и урожаи были плохи, что эта причина и раньше была, и тем не менее выпущенные кредитные билеты скоро извлекались из обращения, то они на это отвечали, что страна экономически расстроена и, что теперь существует „замедление денежного оборота". А когда им замечали, что вследствие застоя в торговле и промышленности не может быть повышенного спроса на орудия обращения, они возражали: „вовсе не представляется бесспорным, что мы переживаем кризис, наблюдается подъем некоторых отраслей промышленности, а с этим растет и потребность в количестве денежных знаков"... Но в конце концов они должны были сами признать, что „положение ухудшилось против того, что было до войны", но, мол, „нельзя назвать выпуск кредитных билетов у нас чрезмерным, и тем более угрожающим правильному денежному обращению". И далее прибавляли, что теперь, в январе 1907 г., все становится нормальным, что недавно уничтожили уже на 50 милл. бумажек и „в будущем можно ожидать дальнейших сожжений..." И все эти противоречивые объяснения очень естественны в их положении: им приходится защищать неправое дело. Им приходится всячески скрывать несомненный факт: выпуски Государственных кредитных билетов не только для действительных „потребностей денежного обращения", а и для потребностей казны.

7.

В октябре 1907 г. наше министерство финансов принуждено было снова выступить с оффициальным опровержением, на этот раз — слухов о новом расширении нашего бумажно-денежного обращения. Дело в том, что выпуск кредитных билетов, составлявший в начале 1907 года 1280 милл. р. (из которых в обращении было 1194,2 милл. р., а в кассах 86 милл. р.), в августе и сентябре этого года сильно возрос — на 163 милл. р., и в средине октября достиг 1340 милл. р. (из них 56 милл. р. в кассах банка). Министерство объяснило этот усиленный сравнительно с 1906 г. (когда было выпущено 90 милл. р.) „исключительно" повышенными ценами на хлебные продукты и усиленным экспортом их, что требовало более обильных средств. Однако это вряд ли может объяснить столь крупный выпуск бумажных денег, так как урожай 1907 г. был плохой. Он был выше 1906 г., но ниже неурожайного 1905 г. и значительно уступал урожайным 1903 и еще больше 1904 г., а между тем урожаи прошлых нормальных лет не требовали таких выпусков. Кроме того, вывоз хлеба в 1907 году был значительно ниже по количеству, а еще больше по стоимости, чем в 1906 году. Это дает основание думать, что часть бумажных денег пошла на покупку Государств. банком и казначейством иностранной валюты. И такой валюты, необходимой для заграничных платежей, было приобретено тогда на 80 милл. р. Но если выпуск для надобности торговли и промышленности и необходим, и законен, то выпуск для удовлетворения потребностей казны, для ее платежей, противоречил и нашим основным законам денежного обращения. А это у нас несомненно происходило [1]).

К 1 января 1908 года всех бумажных денег было у нас 1.260 милл. руб., из них в кассах 105 милл. р.; в первую половину этого года их было погашено на 160 милл. р., а осенью выпущено вновь 150 милл. р. К 1 января 1909 года мы видим с одной стороны увеличение золотого фонда в Госуд. банке, с другой стороны уменьшение количества бумажных денег в обращении против прошлых лет. В сравнительно благоприятном отношении находился выпуск билетов к золотой наличности и летом 1909 года. Об этом с чувством удовлетворения говорилось в высочайше утвержденном 5 июля 1909 г. журнале Комитета финансов о положении денежного обращения. При этом им упускалось из виду, что количество золота в обращении у нас с 1904 до 1909 г.—за исключением 1905 г.—все сокращалось и отношение этого количества золота к количеству бумажных денег все падало. Так, находилось:

[1]) Читателю, привыкшему к миллиардным выпускам, к сильнейшим колебаниям и к галопирующему обесценению валюты в период эмиссионного хозяйства, может показаться мелочным крючкотворством взвешивание чуть ли не на аптекарских весах выпусков кредитных билетов у нас до войны. Однако он должен помнить, что все в мире относительно и, что речь здесь идет о том, каково должно быть нормальное золото-банкнотное обращение, а не больное бумажное.

Года.	На 1-ое января.			
	Золота в обращении.	Полноценн. серебра.	Кредитн. билет.	Всего в обращении ден. знаков.
	В миллионах рублей.			
1904	787	155	584	1526
1908	622	119,6	1.154	1.896,7
1909	561	110,2	1.087	1.758,2
1910	581	112,0	1.174	1.867,2

В то время как перед войной золото составляло 51.6%, а бумажки 38.9% денежных знаков в обращении, на 1 января 1909 г. мы имем золота 31.9% и бумажек 61.%, а на 1 января 1910 г.— 31.1% и 62.9%. Следует еще прибавить, что у нас летом 1909 г. было в обращении на 250 милл. руб. билетов Госуд. казначейства (1 августа 1904 г. их было на 150 милл. руб.), которые по признанию самого Комитета финансов играют тоже „в известной степени функцию денежных знаков". В виду таких данных Комитет финансов мог бы тогда воздержаться от утверждения, что наше денежное обращение вошло уже в нормальное положение.

8.

Когда министр финансов Витте развивал в заседаниях Госуд. Совета в апреле 1896 года неотложность установления у нас металлического обращения, он, как мы уже отметили, выдвинул причиной необходимости реформы недостаток у нас денежных знаков по сравнению с потребностями развивающихся у нас производительных сил.

Допустим, что денежных знаков было действительно мало, особенно если принять во внимание подъем промышленности. Несомненно, что при существовании бумажного обращения дальнейший выпуск кредитных билетов, для целей коммерческих, хотя бы и под обеспечение, был труден, и вел лишь к обесценению существующих. Но если бы министерство исходило действительно из потребностей товарного рынка страны, то реформа была бы проведена на иных началах. На деле же министр финансов преследовал прежде всего интересы казны. Выпускать дальше кредитные билеты, хотя бы замаскированно, для своих целей правительство при тех условиях не могло. Необходимо было оградить курс рубля от падения при увеличении числа кредитных билетов. И был, поэтому, введен золотой размен; вместе с тем у Госуд. банка, как мы уже указали, была отнята и последняя доля самостоятельности. То, что на первых порах начали сокращать количество бумажек и пополнять

каналы обращения золотом—пуская попутно в огромном количестве обесцененное серебро—ровно еще ничего не значило. Нужно было хоть таким путем приобрести доверие публики и убедить, что у нас действительно золотая валюта. А потом, когда наступала необходимость в деньгах для казны, потом уже не стеснялись...

Со времени введения у нас размена количество денег в обращении неуклонно возрастало. В первые три года 1897—1899, когда у нас был подъем промышленности и потребность в денежных знаках действительно росла, размер увеличения орудий обращения равнялся в среднем 31,4 милл. р. в год. Правительство тогда в деньгах не нуждалось, иностранные капиталы текли к нам тогда еще ручьями. За четырехлетие 1900—1903 гг., когда мы переживали кризис, а в 1903 году так назыв. период „покоя", средний размер увеличения денег составлял уже 82,8 милл. р.—Это к сведению тех, которые тогда кричали, что у нас мало денежных знаков.—Вместе с тем в 1903 году, как мы видели уже выше, появляются на сцену опять выпуски бумажек. С 1904 до 1907 года это увеличение денег достигает 144,4 милл. в среднем в год и оно исключительно бумажное. Эти данные ясно показывают, что усиленные выпуски кредитных билетов производились именно в годы, когда меньше всего можно говорить, что производительность страны развивается, и что эти выпуски вызывались потребностями товарного рынка [1]).

В 1907 году количество денежных знаков в обращении лишь незначительно сократилось; гораздо больше это произошло в 1908 году и к 1 января 1909 г. оно равнялось 1758,2 милл. р. по сравнению с 1,959 на 1 января 1907 г., Но Комитет финансов был совершенно прав, когда указывал летом 1909 г., что количество денежных знаков у нас достаточное, что их больше, чем до реформы, и что не в недостатке этих знаков причина застоя нашей промышленности и торговли. Если различные рыцари кредита и прожектеры из среды „правых" кричали, что все беды от отсутствия денег, то это доказывало лишь отсутствие у них денежных капиталов и желание получить таковые из Госуд. банка. Последний не раз выдавал долгосрочные ссуды на особых основаниях, вне устава, это признал и Комитет финансов в указанном журнале, но объяснил исключительным обстоятельством острого кризиса 1899 г., хотя это практиковалось и до кризиса, и после 1902 г. Комитет, далее, признал неудовлетворительность банковского устава 1894 г., изданного в то время, когда у нас существовали еще неразменные деньги, признал, что в будущем уставе нужно исключить „наиболее неподвижные затраты" и, что до тех пор нужно сокращать операции долгосрочного характера, как несвойственные эмиссионному учреждению. Но в конце концов вынес резолюцию, что „учетно-ссудная

[1]) В записке к росписи на 1911 г. мин. фин. и сам признал, что в 1904 и 1905 гг. „прирост денежных знаков значительно превысил среднюю норму, вследствие чрезвычайных размеров платежей, вызванных военными надобностями". Конечно, платежей казны!

политика Госуд. банка является правильной, соответствующей уставу и назначению его, как эмиссионного учреждения"... И такой журнал решили распубликовать „в виду важности вопросов о денежном обращении и операциях Госуд. банка и опасности укоренения в населении превратных понятий"!

9.

Движение нашего денежного обращения за 1910 — 16 г.г. можно видеть из нижеследующей таблицы (стр. 254).

Сначала о довоенном времени. Анализ данных за 1910—13 г.г. и сравнение с таковыми предыдущих лет показывает, что в то время, как за 1908 г. количество всех денежных знаков в обращении сократилось на 138 милл. руб. и среди них кредитные на68 милл., мы в последующие годы видим возрастание их. При этом, за исключением 1910 г., когда было выпущено в обращение одинаковое количество золота и кредитных билетов, шло сильное возрастание этих последних. Если не считать разменных денег, то за четырехлетие 1910—13 г. г. прирост составлял ежегодно 103,6 милл. руб., при чем средний прирост кредитных билетов был 122,7 милл. руб., что объясняется значительным сокращением золота в обращении в 1912 и 1913 г. г.

От чего произошло такое усиленное увеличение денежного обращения? Замечание г. Коковцова, что „тем не менее количество денежных знаков на душу было невелико"—на 1/1 1914 г. всего 14 руб. — было пустое, так как на 1/1 1910 г. это количество было 11,9 руб, и значит прирост без разменных денег за 4 года составил 17,6% или 4,7% в год, а за 1912 г. вместе с разменными он был 6,8%. Увеличение денежных знаков в 1909 и 1910 г.г. объяснялось Мин. Фин. урожаями и оживлением промышленности. В записке к проекту росписи на 1912 г. указывается, что почти половина выпущенных в оборот денег, в связи с реализацией урожая осенью 1910 г., назад не вернулась, и это доказывало „закрепление их в обращении", вследствие увеличения потребности возросшего оборота [1]). Но увеличение продолжалось и в 1911 г. и еще более в 1912 г., между тем в 1911 г. мы имели основательный неурожай, на реализацию которого требовалось меньше денег, а в 1912 г. реализация была „недостаточно удовлетворительная", так как „под влиянием обильных дождей, совершенно испортивших дороги, а затем и ранних морозов, значительное количество хлеба частью погибло, частью оказалось невысокого качества", при этом экспорт был затруднен политическими событиями на Балканах (Записка к проекту росписи на 1914 г.).

Указанный значительный — а не „весьма умеренный", как утверждал Коковцев — рост денежного обращения в пятилетие

[1]) Для определения количества денег в обращении по временам года интерес представляет следующие данные о кредитных билетах в обращении по месяцам (на 1-е число за 1908—13 г.г.) Стат. Ежегодник на 1914 г. Совета Съездов Промышл. и Торговли под ред. В. Шарого.

Годы.	Месяцы.											
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
	В миллионах рублей.											
1908	1.155	1.112	1.087	1.042	1.025	1.038	1.014	1.021	1 126	1.198	1.160	1.117
1909	1.087	1.060	1.059	1.094	1.051	1 075	1.072	1.080	1.172	1.287	1.253	1.196
1910	1.174	1.161	1.177	1.117	1.109	1.102	1.087	1.110	1.219	1.298	1.295	1.263
1911	1.234	1 225	1.215	1.199	1.199	1.213	1.199	1.207	1.316	1.377	1.386	1.347
1912	1 326	1 322	1.319	1.313	1.310	1.307	1.302	1.300	1.408	1.542	1.533	1.502
1913	1.495	1.473	1.488	1.494	1.465	1 472	1.469	1.471	1 571	1.711	1 706	1 683

до войны требовал тем больше объяснения, что за эти годы сильно возросло действие расчетных отделов Государственного банка; так, в 24 отделах в 1909 г. общий оборот равнялся 19,8 милларда руб., а в 40 отделах 1912 г.—39,7 миллиарда руб., при чем путем зачета, т.-е. без посредства денег, в 1909 г. было покрыто 70,8% суммы предъявленных требований, а в 1912 г. — 72,6%. Сокращению потребностей в денежных знаках содействовало и введение с 1906 г. почтовых переводов, производство банковых операций в казначействах и проч.

Что в объяснениях г. Коковцевым увеличения денежного обращения было не все ладно, видно и из следующего: в записке к росписи на 1911 г. министр фин. указывал на рост золота в обращении, и это увеличение приписывалось „стремлению Государственного банка в возможно большей мере восстановить привычку населения к золотому обращению и уменьшить по возможности размеры временных кредитных выпусков". При этом забывалось, что три года перед тем на страницах его же органов доказывалось преимущество бумаги в обращении.

Но интереснее то, что в 1912 г. и особенно в 1913 г., в разрез с программой „восстановления привычки населения к золоту", это последнее из обращения усиленно извлекалось и туда напускались еще усиленнее кредитки. Причину этого явления не трудно найти.

В 1909 и 1910 г.г., благодаря урожаям и хорошим ценам на хлеб, вексельные курсы оказались благоприятными для нас. Золото к нам притекало. Вспомним и заем 1909 года. Государственный банк усиленно выпускал кредитки не только для потребностей торгово-промышленной жизни, но и для покупки иностранной валюты. При помощи иностранных векселей была куплена партия золота на лондонском рынке. Во второй половине 1911 г. дела изменились: осенью этого года в связи с Марокканским конфликтом пришлось предоставить нашим частным кредитным учреждениям часть золота для ликвидации их

На 1 января.	В Государственном Банке.			Общее количество денежных знаков в обращении.																На 1-ое января.
	Золото.																			
	Всего в милл. руб.	В том числе в границ.		Золото в милл. руб.	В % % к общ. колич.	Серебро в милл. руб.	В % % к общ. колич.	Кредитн. билеты в милл. руб.	В % % к общ. колич.	Кредитн. билетов на душу в руб.	Итого в милл. руб.	+ или — против пред. года в %.								
1910	1415	241		580,9	31,1	112,5	6,0	1173,8	62,9	7,47	1867,2	+ 86,7								Разменное серебро в милл. руб.
1911	1451	219		641,7	32,2	115,9	5,8	1234,5	62,0	7,68	1992,1	+ 66,7								
1912	1439	173		655,8	19,6	117,6	5,3	1326,5	60,0	8,06	2099,9	+ 92,0								
1913	1555	228		628,7	26,6	120,5	5,1	1494,8	63,4	8,90	2244,0	+ 183,3								
1914	1695	167		494,2	20,6	122,7	5,1	1664,7	69,3	9,74	2281,6	+ 168,9								
1915	1732	173		459,8	12,5	141,2	3,8	2946,6	80,0	16,82	3541,6	+ 271,9								
1916	2290	646		442,9	6,9	145,4	2,3	5616,8	87,4	—	6205,1	+ 267,0								
1917	3617	2147		436,0	4,4	144,1	1,4	9103,4	91,1	—	8683,5	+ 345,6								
На 1-ое января.	Разменное серебро в милл. руб.	В % % к общ. колич. денег.		Медная монета в милл. руб.	В % % к общему количеству.	Разменные марки в милл. руб.	В % % к общему количеству.	Казначейские знаки в милл. руб.	В % % к общему количеству.	Всех денег на душу в рублях.	+ или — всех денег против пред. года в %.									
1910	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—									
1911	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—									
1912	98,2	119,4 (5,1%)		16 8	0,7	—	—	—	—	—	—									
1913	107,1	4,2		18,1	0,7	—	—	—	—	—	—									
1914	119,8	4,3		18,9	0,5	—	—	—	—	—	—									
1915	161,8	3,2		21,9	0,3	—	—	—	—	—	—									
1916	172,6	2,5		23,1	0,2	38,8	0,6	1,0	0,5	13,5	+ 6,8									
1917		1,6				77,7	0,8	50,6		14,05	+ 1,9									
										14,06	+ 53,4									
										21,05	+ 74,4									
										—	+ 55,7									

счетов заграницей. Это уменьшило золотой запас. В 1912 г. общий запас золота Банка увеличился, заграницей количество его тоже возросло, но во внутреннем обращении сократилось. В этом году гарантированный железнодорожный заем, свидетельства Крестьянского банка и займы других предприятий всего на сумму 450 милл. руб., полученные заграницей, дали нашему мин. фин. необходимую валюту для платежей заграницей. И это поденье было весьма кстати, так как платежный баланс становился для нас все отрицательнее. В силу увеличения ввоза — оживление промышленности! — и ослабления вывоза в 1912 г., активность торгового баланса по Империи в этом году сократилась против прошлого года (на 82 милл. руб.), а в 1913 г. против 1912 г. на 200 милл., при чем до апреля он был пассивен. Расчетный баланс за все эти годы был явно пассивным. И вексельные курсы, упав ниже паритета в первые месяцы 1912 г., колеблясь, достигают иногда 214,5 германских марок за 100 при паритете в 216. Средние годовые курсы на Лондон, Париж и Берлин хуже в 1912 г., чем в 1911 г. и еще хуже в 1913 г., как это видно из приводимой в примечании таблицы [1]).

[1]) Высшие, низшие и средние годовые курсы в рублях на СПБ. бирже:

Годы.	КУРСЫ НА:	Лондон.	Париж.	Берлин.
		за 10 ф.	за 100 фр.	за 100 мар.
1909	Высший	95,55	38,04	46,63
	Низший	93,30	37,35	46
	Средний	94,77	37,63	46,31
1910	Высший	94,85	37,59	46,30
	Низший	94,30	37,37	46,08
	Средний	94,57	37,47	46,20
1911	Высший	94,90	37,71	46,30
	Низший	94,37	37 30	46,13
	Средний	94,63	37,46	46,23
1912	Высший	95,25	37,80	46,51
	Низший	94,57	37,41	46,17
	Средний	94,68	37,58	46,32
1913	Высший	95,52	37,75	46,59
	Низший	94,45	37,39	46,27
	Средний	95,04	37,62	46,41
1914	Высший	96,85	38,55	47,00
	Низший	94,97	37,56	45,77
	Средний	95,25	37,81	—

*) Золотые точки:

	Вывоза золота из СПБ.	Привоза в СПБ.
Берлин	46,488	46,105
Париж	37,58	37,40
Лондон	95,025	94,125

Золотой запас Государственного Банка за 1913 г. возрос на 140 милл. (по еженедельному балансу на 1 янв. 1914 г. на 133 милл. руб.) в то время, как заграничная его часть сократилась на 61 (58) милл. руб. Объяснение этого увеличения следует искать в извлечении золота из обращения, где оно сократилось за этот год на 134,5 милл. руб., с каковой целью туда и были напущены бумажки на 170 милл., увеличившие количество кредиток на 1/I 1914 г. до 69, 3% всего денежного обращения против 63,4% на 1/I 1913 г. и 60% на 1/I 1912 г. Далее, сравнение 1913 г. с предшествующими годами показывает, что за этот год денежное обращение, без разменных денег, было увеличено на сумму более чем втрое меньшую, чем среднее ежегодное увеличение за предыдущие четыре года, и почти в 4 раза меньшую, чем в 1912 г. И это несмотря на то, что урожай в 1913 г. был лучше предыдущих двух лет и торгово-промышленное оживление возрастало. Чему это приписать? Прежде всего наш торговый баланс сильно упал в своей активности и ухудшился расчетный баланс, а в такие годы обычно сокращались операции министерства финансов по покупке валюты, и наоборот возрастали продажи. Во-вторых, сильный спрос на деньги в 1911 и 12 г. г., если оставим 1910 г. в стороне, вызывался меньше товарным оборотом, чем биржевой спекуляцией с бумажными ценностями, а она в 1913 г. основательно обломала себе крылья, как это увидим в отделе о наших коммерческих банках и бирже.

Мы видим таким образом, что несмотря на просперитет в финансах государства и в торгово-промышленной жизни в последние годы перед войной, состояние денежного обращения далеко не было тогда блестящим, и это несмотря на увеличение золотого фонда.

Г. Военный период.

10.

Накануне войны, 16-го июля 1914 г., Государственный банк имел золотую наличность в 1604 милл. руб., да за границей 141 милл., билетов в обращении было 1633 милл. руб.; на 23-е июля соответствующие цифры были: 1602 милл., 116 милл. и 1850 милл. руб. Покрытие, не считая золота за границей, упало с 98 до 86%, а эмиссионное право сократилось с 270 до 42 милл. руб. Эмиссионное право 27-го июля расширяется до 1500 милл. руб., и в результате мы имеем на 1-е августа в обращении 2321 милл. руб., а на 1-е сентября 2564 милл. руб. К 1-му января 1915 г. золотая наличность, опять-таки без заграницы, сократилась против 16-го июля на 46 милл. руб., количество же кредитных билетов возросло на 1397 милл. руб., и покрытие упало до 51%. Сокращение золотой наличности объясняется вывозом золота в Англию на 75 милл. руб. в связи с „покупкой валюты" (Барк).

Состояние нашего денежного рынка, банков, биржи во время войны мы рассматриваем в специальном отделе. Само собою понятно, что Государственному банку, который все же играл у нас и роль банка банков, пришлось оказать в первое время содействие частным банкам, испытавшим нужду в деньгах с одной стороны в силу понижения мобильности их собственных средств, а с другой—увеличения к ним требований. И это потребовало увеличения эмиссии. Здесь нас, однако, интересует роль Государственного банка, как эмиссионного учреждения, обслуживавшего по преимуществу военные финансовые нужды казны.

Как известно, до войны Государственный банк оперировал средствами казначейства, он был его должником; в первое же полугодие войны положение круто изменилось, как это видно из следующей таблицы:

Годы на 1-е января.	Средства казны в Государственном Банке.	Затраты Банка за счет казны.	Задолжен. банка(—)или казны (+).
	В миллионах рублей.		
1914	951	54	— 897
1915	602	1078	+ 476
1916	794	4440	+3646
1917	1357	9683	+8326

В то время как на 1/I 1914 г. средства казны составляли 31% пассивов банка, а затраты за счет казны 1,7% его активов, уже на 1/I 1915 г. первые составляют 14%, а вторые 25%. Данные последующих двух лет: 10% и 57%; 11% и 77%.

В чем состояли эти затраты—видно из того, что к 1/I 1915 г. в Государственном банке находилось на 657 милл. руб. учтенных краткосрочных обязательств государственного казначейства, на 1/I 1916 г.—3,3 миллиарда руб. и на 1/I 1917 г. 6,9 миллиарда р. (на 1-е сентября 1917 г. 12 миллиардов). Кроме того банк с конца 1915 г. ссужал казну деньгами в России за счет кредита, оказанного ей великобританским правительством—казна этим кредитом подкрепляла валюту банка заграницей,—и такой ссуды было выдано Банком на 1/I 1916 г. 0,6 миллиарда р., а на 1/I 1917 г. 1,9 миллиарда руб. Остальные затраты падают на другие позаимствования казначейства (выдачи по превышению государственных расходов и проч.). Для покрытия этих колоссальных затрат нужны были средства, они и были найдены в выпуске бумажных денег. Эмиссионное право было расширено за 1915 г. (17/III и 22/VIII) на 2 миллиарда руб. и в 1916 г. (29/XII и 27/XII) на 3 миллиарда руб. И в результате, как видно из таблицы на

стр. 254, на 1/I 1917 г. было в обращении бумажек 9,1 миллиар. руб., что составляет прирост против 16/VII 1914 года в 7,5 милл. руб., а против 1/I 1915 г.—6157 милл. руб. Этих выпусков, однако, не хватало для покрытия ссуд казне, и банку приходилось брать средства и из других своих статей [1]). Само собой разумеется, что при оценке количества денежных знаков в обращении нужно принимать во внимание только бумажки; их было в обращении к 1/I—1917 г. не 91% всех денег, как указывается в таблице, а все 100%, так как золото перестало циркулировать с начала войны, полноценное серебро стало исчезать с 1915 г., а к концу этого года—и мелкая твердая монета. К началу октября 1915 г. были выпущены разменные марки, а в половине декабря и казначейские знаки [2]).

Не подлежит сомнению, что особенно острый характер, который принял у нас в конце лета 1915 г. недостаток разменных денег, следовало приписать не „козням инородцев", а невежественной денежной политике правительства. Как известно, биллонная монета обращается обычно особенно быстро; во время паники эта быстрота обращения падает, что само уже требует большего количества ее. С другой стороны, с расширением денежных отношений в деревне, с абсолютным увеличением количества денег, нужно было увеличить заблаговременно и количество разменных знаков—в форме ли твердой монеты или марок. Необходимость этого, однако, Барк признал лишь после беспорядков в Петрограде в августе 1915 г. на почве разменного голода [3]).

---

[1]) Деятельность Государственного банка не ограничивалась прямыми затратами, он финансировал и выпускавшиеся на внутреннем рынке займы, предоставляя ссуды подписчикам и льготные кредиты синдикату частных банков по специальному текущему счету, обеспеченному облигациями займов. (См. статью Ал. Смирнова: „Деятельность Госуд. банка в 1916 г." Вестн. Фин. № 37, 1917 г.).

[2]) На 1/I 1914 г. кредитных билетов мелких купюр до 10 руб. было 48% всех билетов; на 1/I 15 г. 45%, 1/I 1916 г. 47%, 1/I 1917 г.—40%. Следует иметь в виду, что и золото, и серебро, бывшие в обращении, принадлежали к мелким купюрам, и в общем денежных знаков до 10 руб. включительно было на 1/I 1914 г. в обращении около 64%. Большая часть, почти 5/6 билетов мелких купюр, выпущенных с начала войны до 1/I 1915 г., пошла на замещение золота в обращении; возросло количество крупных купюр: почти на 80%. Уменьшение относительного количества мелких купюр в 1916 г. объясняется и проявившимся уже падением ценности денег; выпуск же крупных купюр за эти годы вызывался, конечно, крупными расплатами правительства...

[3]) Прятание мелкой металлической монеты во время паники наблюдалось во всех странах при наступлении войны, оно повторялось повсюду в районах, которым грозило нашествие неприятеля; тогда повторялись и другие явления кризиса в областях кредита, торговли и промышленности, наблюдавшиеся в начале войны, но они носили ограниченный, местный, характер. Летом 1915 года прятание мелких металлических монет приняло у нас эпидемический характер. Это конечно было безумием. Ценность серебряных и медных монет отнюдь не определяется ценностью содержащегося в них металла, но они в обращении представляют и замещают определенные части золотых монет, необходимые для размена крупных. И стремление к прятанию золота распространяется на символические, не имеющие самостоятельной ценности,

Прекращение размена и выпуски громадного количества бумажных денег повели к их обесценению. Но на первых порах и именно в 1914 г., если и можно говорить об инфляции, то лишь в последние месяцы и то очень слабой. Сокращение быстроты обращения, замена металла бумагой, увеличение платежей наличными, расширение денежных отношений и проч. все это создало известную циркуляционную пустоту, которую можно было заполнить дополнительными выпусками денежных знаков. Казна могла использовать безболезненно эту пустоту для циркуляционного займа. Обесценение начало давать себя чувствовать в 1915 г. Мы не говорим здесь о понижении покупательной силы денег; это лишь иное выражение повышения товарных цен. О движении же цен будет речь особо; при этом задача состоит в определении: отчего произошло это понижение покупательной силы денег, от падения ли ценности денег, или повышения ценности товаров, или от того и другого...

Показателями обесценения кредитных денег могут служить вексельные курсы и отношение бумажных денег к ценности золота, но это при условии существования нормального интернационального рынка. С начала же войны произошел переворот в международных расчетных отношениях: платежный баланс—этот срочный расчетный и торговый баланс—стал диктовать свои законы и колебать курсы. И судить по вексельным курсам того времени о ценности денег внутри нельзя не только у нас, но и во Франции или Соед. Штатах [1]).

У нас курсы были плохи, как мы видели, и в 1912, и в 1913 г.г. Они ухудшились в первой половине 1914 г., так как стал пассивен и торговый баланс. Они ухудшились тогда и потому, что заграница за время февраль—июньского биржевого кризиса выбросила на наш рынок массу бумажных ценностей. С объявлением же мобилизации заграничные банки, и в частности германские, закрыли кредиты нашим и потребовали ликвидации счетов. Мы привели выше таблицу курсов за последние годы до войны: на 1/VII—1914 г. чеки на Лондон делались 95,25, на Париж—37,81, на Берлин—46,51; 15/VII соответствующие цифры 99, 40, и 49. К концу июля—125, 55, и 62,5; это конечно на вольном рынке: фондовая биржа была 16-го июля закрыта. Если принять

металлические деньги, которые могут быть заменены другими символическими, еще менее ценными металлами или просто бумажками: железные деньги в Германии, марки у нас и проч. Однако, такое бессмысленное явление, как прятание мелких монет, не должно вызывать особого удивления в хозяйстве, где многое идет вверх ногами, где фиктивные капиталы играют крупнейшую роль, и где государственные долги служат даже обеспечением денег.

[1]) Курс фунта стерлингов достиг в Нью-Йорке 28 июля 5 долларов (паритет 4,86), а вскоре и 7. И это при недостатке средств обращения. Наступил сильнейший кредитный кризис. Как и в 1907 г., было разрешено выпустить сертификаты Clearing house; дополнительных банкнот было выпущено до 13 октября на 352 милл. долларов. Для понижения вексельных курсов был создан „Gold pool" из крупных банков, который однако собрал только 25 милл. долларов золота. Они были депонированы в отделении Английского Банка в Оттаве. И только 100-милл. заем Нью-Йорка, который пошел на покрытие платежей в Лондоне, ослабил валютный кризис.

средний месячный курс рубля в Лондоне в 1913 г. за 100, то в августе 1914 г. он был 80; за последние пять месяцев 1914 г. он колебался от 80 до 88,8; в январе 1915 г. он 87,9; летом снижается и доходит в декабре до 63,6,—низший месячный средний курс за год (высший 88,1 в феврале). В 1916 г. он слабо колеблется. Высший курс: 65,2 (август—октябрь), низший в декабре 62,5; в январе 1917 г.—57,3; в феврале 56,3, в марте 56,6 и затем неуклонное падение.

На основании этих данных, повторяем, нельзя говорить ни об упадке ценности рубля от 20 до 11,8% во вторую половину 1914 г., ни об устойчивости его в 1916 г.,—когда эмиссия шла полным ходом, особенно с сентября этого года. Так, за последнюю треть его е ж е м е с я ч н о выпускалось в среднем 490 милл. руб., а за предшествующую треть 227 милл. руб. Кроме того наш торговый баланс, а с ним и расчетный, становился все пассивнее. Помогли подпорки заграницы, которая широко открыла нам свои кредиты, не только Англия и Франция, но и Япония и Соед. Штаты. Это видно и по указанному раньше росту нашей заграничной задолженности. Далее, имели место отсрочки по платежам частных лиц; наконец, в 1916 г. немного поднялся приток иностранного капитала в акционерное дело (банки). Меньше всего была повинна в сравнительной устойчивости курса рубля на международном рынке в 1916 г. лишенная всякого плана валютная политика нашего правительства. Созданный в начале 1916 г. при Кредитной канцелярии расчетный валютный отдел для регулирования валюты, путем определения ее курсов и порядка выдачи ее, очень мало влиял на внутренний рынок. Только июньский закон о запрещении всяких валютных сделок с рублем,—в декабре были ограничены и пересылки рублей по почте,—далее, запрещение ввоза предметов роскоши и сконцентрирование, наконец, почти всех операций с валютой в мин. фин. оказало свое действие на спекуляцию. Но это произошло довольно поздно: инфляционное хозяйство уже прокладывало себе у нас все более широкую дорогу [1]).

[1]) По поводу колебаний валюты и обострения валютного вопроса в воюющих странах в 1915 г.—в одних раньше, в других позже, у нас с конца 1914 г., во Франции и Англии с лета 1915 г.—и принятия повсюду мер к урегулированию валютного рынка, мы в свое время („Соврем. Мир", февраль 1916 г.) указывали, что эти меры могут ослабить падение курса, даже приостановить спекуляцию, но вопроса разрешить не могут. Центр тяжести в платежных отношениях, а они неблагоприятны для воюющих стран по отношению к большинству нейтральных. Положение для Антанты изменилось, когда Соед. Штаты, вступив в войну в 1917 г., открыли широко свой кошелек, что обошлось недешево и янки (это „pegging" Соед. Штаты прекратили в марте 1919 г., и вексельные курсы союзников не замедлили полететь вниз). Комментируя официальное сообщение Союзного совета, сопровождавшее его постановление об урегулировании денежного рынка, „Vossische Zeitung" (23 января н. ст. 1916 г.), между прочим, указывала на „склонность некоторых дельцов использовать тенденцию девизного рынка путем спекуляций", на создание искусственно вздутого спроса на иностранную валюту (за одной и той же суммой обращаются одновременно в различные места), и далее, что Англия в последнее время пыталась демонстративно предлагать германские средства платежа на некоторых иностранных рынках—это случилось в Голландии, где

М. И. Боголепов очень хорошо иллюстрирует на движении нашего рубля на персидском и монгольском рынках результаты нашей самобытной экспортно-импортной и валютной политики во время войны. Персидский туман, который стоил накануне войны 175—190 коп., с весны 1915 г. начинает расти и в 1916 г. достигает 350 коп.; лан серебра в Монголии, поднимаясь беспрерывно с марта 1916 г., когда он стоил 2,35 коп., в декабре доходит до 405 коп.; пейянский доллар со 125 в январе 1918 года, идя все в гору с остановкой в апреле—июне, в декабре достигает 305 коп.; и это без всякой связи с движением нашего рубля на Западе [1]).

Если таким образом по вексельному курсу нельзя было судить о степени обесценения нашего рубля внутри, то нельзя ли по ценности золота? П. Маслов в своей цитированной уже нами работе в „Трудах Комиссии по дороговизне" и привел таблицу движения цен на золото по всей России за первые десять месяцев войны: в июле 1914 г. она 5 р. 60 к. золотник, в следующие месяцы она у него все растет: первые два месяца по 15 коп., а затем по 10 коп. в месяц, и в мае 1915 г. опять на 15 коп. Таким образом бумажный рубль оказывается пониженным в своей ценности в декабре 1914 г. на 10,8%, а в мае 1915 г. на 20,8%.

Прием сравнения бумажных денег с ценностью золота теоретически б е з у с л о в н о правилен. Но на основании каких данных П. Маслов определил это месячное движение ценности золота, мы не знаем. Можно сомневаться, что движение именно было такое регулярное, но допустимо, что к лету 1915 г. лаж на золото был 20%; в ноябре 1915 г. он оффициально был определен в 30%, а с половины января 1916 г. в 45%. Однако, даже появление лажа на золото в первые месяцы войны доказывало ли уже обесценение тогда рубля в н у т р и? При свободной чеканке и переплавке золота и свободном размене нет разницы между coin и bullion — ценностью чеканной монеты и слитка. И ценность золота п о в с ю д у одинакова, не считая различия от издержек по перевозке, страховке и проч. Но вспыхнувшая война вызвала расстройство в международных кредитных и денежных отношениях. С началом мобилизации разгорелась д и с к о н т н а я

даже пользовались объявлениями в газетах для предложения векселей в марках. „К сожалению—писала газета—недомыслие соотечественников работает на руку этому неприятельскому стремлению и именно спросом на предметы роскоши иностранного происхождения, ввозу которых они содействуют, и которые могут итти к нам через нейтральные страны и из неприятельских областей"... Мы привели эти места, чтоб показать, что повсюду происходили одни и те же явления. Достаточно было установить у нас расчетный отдел при кредитной канцелярии, чтобы выяснилось, что требования на валюту превышали у нас во много раз действительный спрос. Жалобы же Германии на Англию, будто бы строящей специально козни против нее, были несколько странны: и русский рубль был предметом сильнейшей спекуляции не только в Стокгольме, но и в Лондоне. С другой стороны а в с т р и й с к а я крона служила предметом спекуляции на г е р м а н с к и х биржах...

[1]) В 1916 г. высший курс в Лондоне был в декабре—163,75, низший—135,39 в августе; в Париже высший 202 в августе, низший 167 в декабре. См. стат. „Денежное обращение" в сборнике „Народное Хозяйство в 1916 г.". Вып. II изд. 1920 г.

война между всеми странами: повсюду центральные банки для удержания и привлечения золота стали поднимать ставку (Англия подняла до 10%!). Удержание, более того увеличение золотого запаса, потребовало мер, тяжело отражающихся на торговле, промышленности и сельском хозяйстве: они были связаны с сокращением и вздорожанием кредитов как-раз тогда, когда экономическая жизнь находится в особенно стесненном состоянии и нуждается в дешевых денежных средствах. В первые недели мобилизации и войны чеки, аккредитивы, переводы и другие средства международных платежей потеряли силу. Банкоты же—даже нейтральных Соед. Штатов—в лучшем случае брались по очень пониженному курсу. Золото в то время, как это обычно бывает при панике, — в фазе краха промышленного цикла, но конечно в гораздо большем масштабе,—имело единственную неоспоримую ценность. Повсюду принимались меры для втягивания металла в национальные резервуары. При таких ненормальных условиях нет ничего удивительного, что золото, этот исключительный международный товар, пересылка которого была связана с риском, приобрело повышенную ценность на мировом рынке, и различие его ценности в различных странах увеличилось значительно против нормы. А при таком повышенном спросе ценность золота могла определять цена производства его в рудниках *худшего* качества. В нормальных условиях повышение ценности распространяется с мирового рынка на национальные и выражается в более или менее быстром понижении цен всех товаров. Золотой масштаб неизменен, он сам приобрел большую ценность и только. В ненормальных же условиях, вызванных войной, повсеместное уравнение ценности золота встречает препятствия. На национальных рынках, поскольку на ценность золота влияет платежный баланс т.-е. спрос на золото, *как на товар для международных платежей*, ценность его различается от ценности золота, *как денег внутри, как средства обращения*. В то время, как в международных отношениях ценность золота поднялась, деньги внутри измеряются еще старой ценностью золота. Такая *двойная* оценка золота может быть только временной, она скоро и повсюду исчезла. Но, повторяем, повышение цены золота в первые месяцы может быть легко объяснено не падением *кредитного* рубля по отношению к золотому рублю, а падением его по отношению к золоту-товару. Между *этими двумя функциями* золота существует связь, но и *противоречие*, которое в такие времена и проявляется.

Итак, лаж на золото в первое полугодие может быть объяснен не инфляцией денег, а исключительно условиями международных отношений и регрессом кредита. В дальнейшем, когда рынок успокоился, повышение ценности золота могло иметь место и имело и в силу увеличения издержек производства. Однако еще более росла и спекуляция с золотом. Сделаем здесь некоторое отступление и коснемся в кратких чертах нашей золотопромышленности в виду столь тесной связи золота, этого *мирового* мерила денег, с денежным обращением...

Д. Наша золотопромышленность.

11.

За период 1904 –17 г.г. поступление у нас шлихового золота (т.-е. с примесью) выражалось в следующих цифрах:

Годы.	Представлено к сплаву шлихового золота в пудах.	Годы.	Представлено к сплаву шлифового золота в пудах.
1904	2668,8	1911	3584,2 [1])
1905	2385,1	1912	3569,4
1906	2609,9	1913	3714,6
1907	2655,3	1914	4056,1 [1])
1908	3053,1	1915	2936,1
1909	3467,4	1916	1860,0 [1])
1910	3885,6	1917	1866,0

Сокращение в 1905 г. объясняется войной и революцией. Повышение в 1910 г.—развитием работ на Ленских приисках, сокращение в 1912 г.—стачкой на них. В 1914 г. мы видим сокращение добычи на Урале, которая составляет обычно 17% всей добычи золота в стране, и в Западной Сибири, дающей 5.4% всей добычи; в главном же районе—Восточной Сибири (76% общей добычи)—она возросла. За последние пять лет до войны производство чистого золота давало в среднем 65 милл. руб. ежегодно. Изменения, вызванные войной во внешней торговле, отразились на ввозе машин и химических продуктов для нашей золотой промышленности, шедших из Германии, что с трудом и далеко не сразу и не полностью было заменено ввозом из других стран. Далее, мобилизация сократила количество рабочих и именно квалифицированных, которых меньше всего могли заменить привлеченные китайцы; большую пользу оказали сибирской золотопромышленности военнопленные в 1916 году.

В 1915 г., когда золотопромышленность особенно пострадала от указанных причин, общая добыча упала на 27,6% против 1914 г. В 1916 г. положение улучшилось, благодаря ряду при-

[1]) Следует отметить, что и оффициальные данные о добыче золота разнятся между собой: в таблице цифры за 1911 — 1915 годы взяты из объяснительной записки к проекту росписи на 1917; в записке к росписи на 1916 показана добыча в 1911 г. — 3738,1 пуд., а в 1914 г. — 3765,8 пуд.; за 1916 и 1917 г. г. данные взяты нами у проф. Дена, который считает в 1914 г. — 3835 пуд. (Курс. Экон. Географ. изд. 1924. 569 стр.).

нятых мер (беспошлинный ввоз машин и препаратов, и пр.), и это особенно в Восточной Сибири. Роговин определяет добычу в этом году даже в 3000 пуд., т.-е. на $^1/_4$ меньше, чем до войны!

Одним из характерных явлений нашей золотопромышленности во время войны было все увеличивавшееся хищение золота; оно росло вместе с повышением цены золота на вольном рынке; так, например, хищения на Ленских приисках в 1916 г. достигали $^1/_4$ добычи. Отсутствие обязательной сдачи золота и более высокая цена его на вольном рынке сводили на нет и деятельность золотопромышленного комитета при Горном департаменте, организованного в конце 1915 г. По данным И. Роговина в июле 1916 г. цена на золото на вольном рынке достигала 16 руб. за золотник, т.-е. была в три раза больше довоенной, в январе 1917 г. почти в пять раз, между тем как издержки производства возросли лишь в три раза; в июле 1917 г. золото котировалось в восемь раз выше довоенного времени. Это были спекулятивные цены. (Положение золотопромышленности в 1916 г. „Народное хозяйство", вып. 3, изд. И. Э. И. 1920 г.)

Е. Золотой фонд.

12.

Всякий раз, когда до войны совершались новые выпуски кредитных билетов, и когда об этом нашему министерству финансов приходилось давать объяснения во всеподданнейших докладах, в объяснительных записках к росписям, или в повременной печати, мы неизменно слышали: эти выпуски обеспечиваются соответствующим разменным фондом, и указанная в законе предельная норма не перейдена, что и 300 милл. необеспеченных кредиток в обращении еще не было. Это мы находим и в разъяснениях министерских оффициозов: в „Вестн. Финанс.", „Торгово-Пр. Газете", и в оффициальном опровержении 1907 г. о которых мы говорили выше; то же самое и в журнале Комитета финансов от 5 июля 1909 г. И во всех этих случаях к разменному фонду причисляли также и золото, находящееся за границей.

Закон прямо говорит, что для фонда необходима золотая наличность, а числящееся за границей золот представляет на деле обязательства корреспондентов банка[1]). Если, поэтому, считать наличностью фонда только реальное золото банка

[1]) Ссылаясь на банк-директора д ра Арнольда, Пленге в своей книге: „Von der Diskontpolitik zur Herrschalt über den Geldmarkt", 367 s. (1913 г.) писал: „Девизный портфель это не золотая наличность. Это не чистое требование к заграннце. Если эту статью хотят заполучить чистоганом, то контр-требования ее заграницы могут причинить соответствующую потерю золота. Требуют от девизного портфеля слишком много, если он должен с одной стороны сделать возможной девизную политику, а с другой — представлять золотую наличность. Как основа девизной политики, этот портфель, так сказать, средство

в Империи, то окажется, что и на 8-е января 1907 года не только не было на 14 милл. руб. больше, чем требуется для обеспечения билетов рубль за рубль, как это утверждалось оффициально, но непокрытых билетов находилось в обращении на 287 милл. р., что впрочем ниже предельной нормы. Но если взять соответствующие данные на 1 января 1906 и 1907 годов, то окажется, что непокрытых билетов было в первом случае на 87,6 милл. р. выше нормы, установленной по закону 29 августа 1897 года, а во втором—на 8,8 милл. р. М. Фридман в „Речи" от 9 сентября 1906 г. указывал, что на 1-е сентября 1906 г. в обращении было на 57,5 милл. бумажек сверх предельной нормы. Если сюда причислить серии государств. казначейства на 150 миллионов, подлежащие размену, то выходит, что в обращении было тогда на 500 милл, бумажек необеспеченных золотом и на 200 милл. выше законной нормы! Правда, здесь не принято во внимание золото казны, которое тоже служит обеспечением размена.

Однако, можно было смело допустить, что разменный фонд действительно обеспечивал установленную норму, что указываемое в балансах банка и в казначействе золото существовало в действительности, а не представляло собой кассу Эмберов, как иные по временам пошучивали. Ведь не было ничего удивительного в том, что у нас был большой золотой запас, когда начиная с Вышнеградского мы всячески старались пополнить этот фонд. И все же факты упорно показывали, что существования крупного денежного фонда не было достаточно, чтобы создать доверие к прочности нашей денежной системы.

Золотой фонд существует в центральном национальном банке с троякой целью: „во-первых, как запасный фонд для международных платежей, т.-е. как запасный фонд мировых денег; во-вторых, как запасный фонд для периодически расширяющегося и сокращающегося внутреннего металлического обращения; и, в-третьих, как запасный фонд для платежей по вкладам и для размена банковых билетов, что стоит в связи с функциями банка, но не имеет никакого отношения к функциям денег, как денег" (Маркс). Все эти функции влияют на движение золотого фонда, на его размер, уменьшение или сокращение. В первом случае играет роль платежный баланс, определяемый расчетным, каков бы ни был торговый, во втором - сокращение или расширение металлического обращения. Если выпущенные билеты заменяют вполне во внутреннем обращении металлические деньги, тогда не имеет места действие второго случая. В третьей своей функции

выравнивать кассовый дефицит платежного баланса страны до тех пор, пока он опять не станет активным. Для создания избытка в платежном балансе в форме ввозимого золотого остатка, он по природе вещей не предназначен. Это не золотая наличность, а помещение высокой ликвидности за границей. Но действительная превратимость его в наличные деньги зависит в каждом случае от ненарушенной функции интернационального и, соответственно, национального денежного рынка".

запасный фонд должен существовать при всех условиях для уплаты по вкладам и для размена билетов. Он должен существовать, как гарантия для уплаты по вкладам, и при чистом металлическом обращении.

Самый размер необходимого в данной стране разменного фонда зависит от экономических и финансовых условий страны. Даже г. Гурьев знает, что необходимые суммы металлического фонда различны в различных странах, что они зависят „от общего состояния кредита, от положения денежных рынков, от состояния народного хозяйства, от международных условий, от периодических потребностей населения в деньгах, от собственной политики банка и, наконец, от степени доверия к банку, как к эммиссионному учреждению". А вот гг. „правые" в своей записке, совершенно игнорируя наши условия, наш кредит, ссылались на существующие на Западе пропорциональные отношения между разменным фондом и банковыми билетами и рекомендовали не стесняться размерами разменного фонда для дальнейших выпусков наших кредитных билетов.

Разменный фонд необходим при прочной золотой валюте с банковыми билетами. Он был необходим тем паче при такой системе, как наша, когда кредитные билеты выпускались и для надобностей казны. Если в таких странах, как Англия, Германия, или Франция, кредит нации обеспечивал банкноты от колебаний при малом разменном фонде или от обесценения при кризисах, то у нас, где кредит государства был слаб, государственные фонды неустойчивы, хозяйство отсталое, у нас разменный фонд являлся единственной опорой сохранения нашей денежной системы.

Денежная система в данной стране тесно связана со всем ее общественным строем. В своем стремлении сохранить самодержавный строй наши министры финансов и в области денежного обращения оставались верными себе. Кредит самодержавного хозяйства был шаткий, доверие к самодержавной финансовой политике было слабое, и они, принося в жертву и экономическое благосостояние страны, и интересы народа, делали одно для сохранения нашей денежной системы: накопляли, оберегали всякими средствами разменный фонд [1]).

Это была довольно неблагодарная задача. Золотой фонд, как мы видели, имеет различные функции, что усложняет дело. Расчетный баланс был для нас большею частью неблагоприятен. Вся наша задолженность по государственным и по гарантированным правительством займам составляла уже к первому января 1907 года, как это указывали и гг. „правые" в упомянутой объяснительной записке, 11,3 миллиарда рублей. Они совершенно правильно причислили сюда и задолженность Крестьянского и Дворянского банков. В последующие годы наша задолженность еще более возросла, как мы видели в предыдущей главе. Платить по этому 11-ти-миллиардному долгу процентов и на погашение приходилось 557,7 милл. р., при чем заграничных платежей по различным займам 269,4 милл. р. Но этого мало, платить заграницe приходилось и по другим статьям: дивиденды акционерных предприятий, расходы русских путешественников, фрахты, перестраховка, расходы правительства составляли, по их же вычислениям, 135 милл. руб. Всего, значит, приходится уплачивать тогда не менее 404,4 милл. р. Гг. „правые" вычислили, что добыча золота у нас и торговый баланс не только покрывают эту сумму, но еще дают остаток в нашу пользу. Это, однако, было неверно. За последнее десятилетие до урожайного 1909 г. нам все приходилось платить. И это несмотря на то, что благоприятный торговый баланс достигался у нас, как это признают и гг. „правые", ценой „недоедания народа и его вырождения". Еще более приходилось платить в последние годы перед войной, когда активность торгового баланса упала.

Несмотря, на то, что наш разменный фонд был велик, стоило ему только немного уменьшиться или билетам увеличиться — хотя бы до предела было далеко — как возникали опасения. Это и понятно. Когда кредит нарушен, то достаточно произойти сравнительно ничтожному отливу золота, как повсюду начинают приниматься меры предосторожности, как появляются страхи за всю систему. „Количество отливаемого золота действует" — говорит Маркс — „не как таковое, а в силу своего специфического характера, своей денежной формы; оно действует, как перышко, которое, будучи брошено на тяжесть весов, в состоянии окончательно склонить колеблющуюся чашку в иную сторону. Оно потому так действует, что это совершается в такое время, когда всякий эксцесс может повести к взрыву". У нас же, где доверие ко всей нашей финансовой системе было вообще очень слабо, такие постоянные опасения за судьбу нашей денежной системы были и неизбежны, и основательны. И никакими распубликованиями журналов различных финансовых комитетов и никакими розовыми объяснительными записками к росписям мин. фин. их нельзя было устранить.

На 1/I 1914 г. числилось за границей 594 милл. руб. нашего золота, из них 431 милл. руб. во Франции, 103 милл. р. в Германии, 46 милл. р. в Англии, 8 в Голландии, остаток в других странах. В эту сумму включено и золото Государственного банка за границей — 170 милл. На 1/I 1913 г. общая сумма составляла 556 милл. руб., из них казне принадлежало 428 милл.; соответствующие суммы на 1/I 1912 г. — 590 милл. и 416 милл. С какою целью держались за границей такие крупные суммы, об этом в нашей печати рассказывалось разно. Некоторые высказывали предположения, что эта заграничная наличность является залогом для обеспечения заграничным банкирам нашей платежеспособности. И когда даже „Новое Время" выступило против таких порядков, то лицо, близкое к Кредитной канцелярии, выпустило анонимно брошюру

[1]) Мы платили за наш золотой фонд, накопленный займами, высокие %%; это значило что наши денежные средства обращения обходились нам очень дорого; эмиссионное право было слабое.

„Русский золотой запас за границей“ (СПБ. 1913 г.), где старалось доказать, что „рекомендовать России отказаться от заграничных текущих счетов это значит в сущности отсылать страну в глубь прошедших веков, к способу расплаты золотом натурой“. Казенный аноним, подробно опровергая ошибки нововременского сотрудника, второстепенные для сути самого вопроса, не мог однако, опровергнуть положение, что мы держим за границей колоссальные суммы, получая за них гроши, и в то же время делаем займы из высоких процентов.

Несомненно, что при нашем пассивном платежном балансе, при наших крупных, как мы уже видели, платежах заграницe и пр., нам нужно было иметь в запасе валюту на крупную сумму. Министерство финансов и скупало ее, где могло: осенью девизы у экспортеров, во всякое время года выручки от заграничных займов у железных дорог, городов и частных обществ. Приходилось вести сложную девизную политику, чтобы удержать золотой запас. Когда же все эти косвенные источники оказывались недостаточными, то прибегалось к прямым государственным займам...

И несмотря на то, что у нас был свободный размен, что мы, имея крупнейший золотой запас, подкрепляли его и дорого обходившейся золото-девизной политикой, что мы платили аккуратнейшим образом по долгам, наши вексельные курсы колебались сильно и опускались низко при малейшем падении активности нашего товарного баланса и ухудшении платежного баланса, бывшего обычно заемно-активным. И это наблюдалось не только в годы застоя, как 1908 г., но и в годы подъема, как 1913 г. [1]).

И это потому, что нам не доверяли. Что оффициальный аноним в своей брошюре скрыл, это то, что держание крупных сумм у заграничных банкиров было не добровольное, а вынужденное. Нас кредитовали при том условии, что деньги большей частью останутся у кредитора. Наши правительственные займы обогащали страну, нас кредитовавшую, давая, во-первых, ее банкам большие комиссионные, во-вторых, промышленникам крупные заказы, в-третьих, держателями наших бумаг—вплоть до швейцаров — высокие проценты и, в-четвертых, опять банки, оставляя у них на текущем счету — фактически долгосрочном — из незначительного процента деньги, которыми те кредитовали кратковременно наши же банки из высокого процента или финансировали у нас предприятия, в которых они были заинтересованы. До сих пор, повидимому, не понимают, что держание нашим правительством крупных сумм в первоклассных банках Запада— признак нашей слабости на международном денежном и кредитном рынке и что хвастаться тут нечем.

1) Каковы были колебания нашего рубля в бурном 1906 г., видно из того, что 10/III берлинские котировки были 213,4; 10/IV—216; 10/VII—212,10 (роспуск Думы).

Ж. Мировая война и денежная система.

13.

При приближении мировой катастрофы капитализм для своего самоохранения отказался временно от ряда высших форм проявления своей системы,—закрытие бирж фондовых и товарных, приостановка ряда кредитных операций и пр.— выключил наиболее чувствительные вспомогательные части своего сложного механизма, упростил себя, пошел назад. Вся энергия буржуазного государственного механизма — а современная государственная власть является сильнейшим экономическим фактором — была направлена к спасению основных колес движения развитого товарного хозяйства. С этой целью были приняты повсюду в первую голову меры к сохранению денежной системы: в деньгах богатство отдельных лиц осуществляет свой общественный характер. С этой целью на ряду с охраной золотых запасов были приняты меры,—были ли они везде удачны, это другой вопрос — к обеспечению оборота необходимым количеством денежных знаков, крупных и мелких. Вместе с тем были приняты меры к спасению кредита, второй общественной формы богатства. И все это проводилось в жизнь при посредстве государственной власти и средствами национальных банков.

В моменты общих кризисов центральные эмиссионные банки являются опорой всей системы потому, что за ними стоит вся страна со своим богатством и со своим кредитом, при том они являются национальными резервуарами золота. Как известно, вместе с развитием высокого капитализма кредитная система испытала эволюцию: роль частных банков сильно возросла как в международных сношениях, так и на внутреннем денежном рынке, а роль национальных эмиссионных банков сузилась. И особенно в странах, где развиты чековая и расчетная системы (Англия, С. Штаты), возросла роль депозитных банков; роль банкнот начали выполнять депозиты, и металлические запасы важны были не только для покрытия банкнот, но и депозитов. Однако с войной все пошло назад, и национальные банки опять заняли везде господствующее положение.

Если проанализировать повсюду деятельность центральных национальных банков за время войны, то окажется, что все они увеличивали свои средства путем выпуска билетов (банкнот, бумажных денег), и этими средствами они снабжали как правительства, так и частные учреждения. Но существует громадная разница между выпуском билетов для потребностей производства и торговли, для потребностей оборота, и для потребностей казны. В первом случае, при учете векселей или при ссудах под товары, товарные документы или другие оборотные обеспечения, выпуски являются обменом, во втором случае создаются добавочные деньги в обращении. Эти выпуски билетов в громадных количествах, в бо́льших, чем этого требовал оборот—в связи с сокращением кредита с его суррогатными платежными и расчетными средствами, с увеличением платежей наличными, замедлением

торгового оборота, повышением цен и проч., — привели в воюющих странах к большему или меньшему ухудшению денег,—в одних раньше, в других позже, в одних сильнее, в других слабее, — к известному обесценению их по отношению к золоту, что выразилось и в изменении цен товаров. Это обесценение денег проявилось и в международных платежных отношениях, в падении вексельных курсов на мировом рынке.

Интернациональное перемещение золота—это последнее средство для уравнения платежного баланса. Этому можно помешать, но долго безнаказанно это не может делать и самый могущественный национальный банк. Несмотря на все трудности, сопряженные с перевозкой золота во время войны, это перемещение все же происходило, как между воюющими странами и нейтральными, так и среди воюющих.

Этого не видел проф. Туган-Барановский. Вдохновленный проф. Мигулиным (статьей его „Золотой фетиш" в „Новом Экономисте" от 12-го декабря 1915 г.), который впрочем был более осторожен в данном вопросе, М. И. Туган-Барановский в „Речи" от 30-го декабря 1915 г. писал: „Война нанесла удар „металлизму"... Золотые запасы при ограниченных абсолютных размерах так незначительны сравнительно с теми суммами, которые требуются в наше время для международных платежей, что не могут служить для данной цели. Каким же образом реально производятся эти платежи? При помощи кредита. Итак, опыт войны показал несостоятельность золота в той области, которая считалась его естественным достоянием, в области международных платежей. Во внутренней—золото уже давно утратило свое значение, уступив место разным денежным суррогатам. По окончании войны вряд ли дело решится простым возвращением к старому порядку. Мне кажется несомненным, что в новом мире, который будет создан войной и денежное обращение будет новое". Туган-Барановский сделал здесь открытие, что международные денежные обязательства ликвидируются кредитом, но это и раньше практиковалось, поскольку не было возможности оплачивать обязательства товаром или золотом. Но именно тот факт, что, вследствие пассивности расчетных балансов (сокращение вывоза, увеличение ввоза), взаимного прекращения платежей воюющими державами и невозможности оплаты разницы золотом, приходится прибегать к усиленному кредиту—и ведет к ухудшению международного кредита, а в дальнейшем и к ухудшению валюты данной страны. Это доказывает как-раз обратное тому, что хотел доказать Туган-Барановский, показывает, что золото больше, чем когда бы то ни было сохраняет прочность своей старой позиции; достаточно было перемещения золота из страны дебитора в страну ее кредитующую, чтобы валюта ее в последней улучшилась. Примеры на каждом шагу [1]). Смеем уверить Туган-

[1]) Австрия в 1915 году посылала золото в Голландию, Германия в Данию, мы в Англию и т. д. Вспомним пересылки золота в первое время войны С. Штатами в Англию, последняя же посылала золото в различные страны света. Так, по данным „Journal of the Royal Statist. Society", Jan. 1916, Англия

Барановского, писали мы в начале 1916 г., что и в „новом мире", который мерещится ему как результат войны, золото сохранит свое старое положение, и это... пока сохранится капиталистическое хозяйство. Что же касается „новых" бумажных денег, то следует же помнить историю денег, которая показала, что только банкнотная система разрешила проблему: регулирование внутреннего обращения, правильное обеспечение его необходимым количеством денежных знаков и сохранение вместе с тем постоянства вексельного курса. Металлическое обращение остается при этом основой денежной и кредитной системы. Не „новых" денег, а девальвации можно скорее всего ждать. Это и оправдалось.

В своей статье „Денежное обращение России в годы войны и революции [1]) К. Шмелев указывает, что „займовое покрытие дефицита в 1914/15 г. едва достигает $^1/_2$ выпущенного количества бумажных денег", и потому в этом году у нас было ненормальное „финансирование войны буржуазного правительства в условиях капиталистического хозяйства. Нормальным можно признать 1915/16 г. Не случись революции, нормальными оказались бы и следующие за ним годы". Что же было у нас буржуазно-нормального в 1915/16 г.?

Во Франции, например, во второе полугодие 1914 г. банк авансировал крупные суммы своей казне. Этот способ отступает там на задний план в 1915 г., когда источниками доходов для ведения войны становятся выпуски бон, обязательств национальной обороны и внешние займы. С 1 августа по 31 декабря 1914 г. Францией было выпущено новых бумажных денег на 3,9 милрд., франков, а в 1915 г. на 1,1 милрд.; у нас же в 1915 г.— 2,7 милрд. руб., т.-е. вдвое больше, чем во II полугодие 1914 г.— Учтеных обязательств в портфеле Государств. банка на 1 января 1916 г. было на такую же сумму. — Если обратимся к Германии, то увидим, что там эмиссия банкнот во второе полугодие 1914 г. составляла 1,9, а за весь 1915 г.—1,6 милрд. марок. И выходит, что у нас не только в 1914 г., а и в 1915 г. было отличие от „нормального" буржуазного финансирования войны, преимущественно— кредитом. То, что и мы произвели в 1915 г. на внутреннем и внешнем рынках займов, не считая учтенных Госбанком обязательств, на 5,6 миллиардов, т.-е. в 1,7 раз больше, чем выпустили бумажек, показывает, что и мы пользовались нормальным буржуазным способом финансирования войны, но рядом с этим все

в 1913 г. ввезла золота на 59,5 мил. ф. ст. и серебра на 14 милл. ф. ст., вывезла на 46,1 мил. и 16,41 милл. ф. ст.; в 1915 г. соответствующие цифры ввоза: 10,8 и 10,6 милл. ф. ст.; — вывоза 38,6 и 7,4 милл. ф. ст. Таким образом в 1915 г. вывоз золота из Англии в различные части света превысил ввоз на 27,8 милл. ф. ст, в том время как в 1913 году ввоз превысил вывоз на 13,4 милл. ф. ст.

[1]) См. сборник „Денежное обращение и кредит", изд. Инст. Экон. Иссл. 1922 г.

больше—и ненормальным выпуском бумажек. В 1916 г. было сделано нами займов на 9,8 миллиарда, а бумажек выпущено на 3,5 миллиарда (учтено обязательств Госбанком на 3,6 миллиардов, не считая других его затрат), т.-е. займов было сделано в 2,8 раза больше, чем эмиссии. И тем не менее нельзя из этого заключать, что мы входили все больше в норму. Количество денег в обращении и количество денежного капитала—вещи различные. Можно одним и тем же количеством денег израсходовать все большее количество денежного капитала. Искусство финансирования войны буржуазным правительством в том и заключалось, чтобы с наименьшим количеством денег путем кредита выкачать как можно больше денежных средств из страны. Это кое-как удавалось на Западе в 1915 и 1916 г.г., но в 1917 г. и во Франции, и в Германии картина изменилась. У нас же уже с 1915 г. приходилось все увеличивать размеры выпусков. К. Шмелев правильно указывает на то, что повышение темпа выпусков во вторые полугодия 1915 и 1916 г.г. почти вдвое против первых полугодий тех же годов объясняется потребностью реализации урожаев и потребностью правительства в средствах для закупки продовольствия и фуража для армии. Но последнее и показывает, что правительству приходилось выпускать все больше бумажек для покрытия расходов: займов и обложения нехватало.

Учет краткосрочных обязательств в Государственном банке, ведь это был фиктивный кредит, т.-е. против фиктивных ценностей. Этим нарушались законы нормального кредитного хозяйства и страна толкалась все больше на путь эмиссионного хозяйства, которое без поддержки заграницы развилось бы, хотя конечно, медленнее и слабее, при продолжении войны и без революции [1]). Бесцветный мин. фин. Барк, стремясь к неограниченному выпуску бумажек, выступил с проектом считать эти

[1]) И в новейшей своей работе („В. Фин." № 8, 1924 г.) К. Шмелев, приведя нижеследующую таблицу об отношении выпусков бумажных денег к дефицитам и к внутренним займам:

Годы.	В %% к дефициту. Выпуск бумажных денег.	Внутренние займы в %% к дефицитам	Внутренние займы в %% к выпускам бумажных денег.
1914	65,6	30,2	44,7
1915	35,5	36,1	101,9
1916	25,4	42,5	169.2
1917	40,2	18,2	31,9
1914—17	41,2	24,8	—

обязательства обеспечением эмиссии. Дума на это не пошла, но и кадетская оппозиция в лице Шингарева не могла предложить ничего лучшего, как считать покрытием наших бумажек документы на золото, кредиты, предоставленные русскому правительству иностранными государствами, т.-е. узаконить то, что практиковалось уже—принять за реальное обеспечение номинальное золото, деньги, предназначенные для платежей по заказам.

Кредитное хозяйство с ходом войны везде сдавало. Буржуазия не только противилась усилению обложения имущих слоев, но все неохотнее вкладывала в займы свои деньги. У нас это проявилось раньше, чем где-либо, если не с самого начала, и росло сильнее, чем где-либо: это был плод царского режима. Правительство теряло все больше свой кредит не только политический, но и финансовый, и это в то время, как денежные средства в стране росли, что мы увидим далее. Приток иностранного капитала в 1916 г. возрос, эмиссия частных бумаг, возросла — в 1916 г. их было выпущено на сумму почти в $2^1/_2$ раза большую, чем в 1915 г. — и они успешно конкурировали с государственными. И правительству, поскольку нехватало кредита за границей, приходилось все больше и больше обращаться к печатному станку. Оно это делает решительно в конце 1916 г. Февральская революция, проявившаяся в движении

говорит: „Резкое увеличение выпусков бумажных денег и падение роли внутренних займов, а равно вообще всех займов в покрытии дефицита 1917 года, объясняется явлениями не экономической жизни России, а политической; весной 1917 г. началась революция, активными политическими деятелями стали рабочие и крестьянские массы; в связи с этим государственный кредит, как источник финансирования государственного хозяйства во время войны, был подорван". Не подлежит сомнению, что указанные К. Шмелевым факторы подорвали наш кредит, однако ошибочно было бы при этом забывать разрушительное действие на кредит затянувшейся войны. Напомним, что и Англия находилась в 1917 году в тяжелом положении с кредитом, и ее выручили С. Штаты. Укажем далее, что и на государственное хозяйство такой богатой страны, как С. Штаты, война действовала расстраивающе. Несомненный знаток финансов своей станы Edwin Seligmann говорит, что „к концу конфликта наши (С. Штатов С. А.) расходы были настолько больше других воюющих стран, что даже короткое продолжение войны привело бы нас подобно нашим союзникам, к тому же самому краю разорения", т.-е. к инфляционному хозяйству („The State of our National Finances", Americ. Review, March 1922). Далее, нельзя представлять дело так, как это делает К. Шмелев, что именно „буржуазной классовой сущности государственной власти" следует приписать выпуски бумажек вместо усиления обложения. Напомним, что и буржуазные Англия и С. Штаты не останавливались перед усилением обложения. Мы далеки от того, чтобы отрицать роль субъективных факторов в нашей революции, если положение, что классы не ошибаются — действует, мол, „массовый инстинкт" — можно принять с большим резервом, то это еще меньше можно сказать о партиях, которые часто „мудрствуют", употребляя выражение Ласаля. Решающее значение имеют в конце концов объективные экономические условия, что признает и К. Шмелев, говоря в заключение своей статьи: „Конечно, не будучи превращены в конфискацию всех доходов и части имущества буржуазии, налоги неспособны были бы доставить государству всего того количества средств, которые им доставляли займы и выпуски бумажных денег. Поэтому, эти последние были бы неизбежны даже и для той государственной власти, которая не стеснялась бы интересами буржуазии"...

масс за увеличенную заработную плату и непосредственное улучшение материального положения, вызывавшая все большие требования к государству, и это при все росшей разрухе государственного аппарата и хозяйства страны, конечно, не могла изменить наметившихся уже при старом режиме финансовых тенденций, они лишь усилились. Заем свободы мог быть выпущен всего на 3,6 миллиарда, дал он еще меньше, около 3-х. И инфляция пошла быстро в гору. К 16-му октября мы имели в обращении уже 18,4 миллиарда бумажек, при золотой наличности дома в 1,3 миллиарда и номинальной за границей в 2,3 миллиарда... В 1918 г. мы входим с эмиссионным хозяйством на всех парах. Судьба рубля была решена, и заслуга Ломейера [1]) в том, что он в своем докладе в марте 1918 г. правильно указал на необходимость перехода к параллельному обращению, и именно к введению банкноты, как ни были ошибочны его теоретические взгляды на символические и кредитные деньги. Ломейер не открывал ничего нового в истории денег, он лишь раньше других заметил выход. Но условия тогда еще не созрели: на поправку рубля все еще возлагали надежды одни, в то время как другие связывали возникновение нового мира с гибелью рубля; его проект встретил отпор и со стороны теоретиков. В 1922 г. условия властно потребовали избрания именно этого пути...

[1]) См. „Вопросы денежного обращения", сбор. под редакц. Ломейера, изд Центр. Народн. Пром. Комитета, 1918 г.

ОТДЕЛ X.

ДВИЖЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА

в связи с общим обзором экономической жизни за 1903 — 1916 г.г.

A. Война с Японией и революция.

1.

В 1903 году наступила фаза так называемого „покоя" в цикле движения нашего промышленного капитала. Торговля и промышленность начинают оправляться от пережитых крахов, но угнетенное состояние все еще продолжается. Улучившееся состояние международного денежного рынка и сравнительно благоприятные у нас урожаи 1902 и 1903 годов начинают вселять надежду, что промышленный кризис совсем прошел, и, что мы вместе с Западной Европой идем по пути к новому „подъему". Так, в докладе к росписи на 1904 г. наше министерство финансов, которое уже в росписи на 1903 год поспешило объявить об „улучшении общих условий народного хозяйства", писало: „Затруднения, переживавшиеся за последние годы некоторыми отраслями нашей промышленности, преимущественно металлургической и каменноугольною, начали в 1903 году терять свою остроту. Можно уже заметить некоторые признаки успокоения и постепенно восстанавливающегося доверия. Предложение приноровляется к спросу". Отметив улучшение положения, правда, слабое, в железоделательных районах и каменноугольной промышленности, доклад далее говорит: „Растет и несколько сократившийся было спрос на другие предметы народного потребления, преимущественно на мануфактуру. Уже весенние ярмарки, начиная с Ирбитской, прошли удовлетворительно, удачно протекла Нижегородская ярмарка, отчетливо характеризующая общее настроение народного спроса; в кредите на ней затруднений не было, и платежи поступали довольно исправно". То же самое и при том в более решительной форме мы находим в оффициозном труде Б. Ф. Брандта: „Торгово-промышленный кризис в Западной Европе и в России". В заключительной главе II тома этого труда, появившегося в начале 1904 года, Б. Брандт, старавшийся доказать полную тождественность нашего кризиса и западно-европейского, пел следующую отходную кризису: „Все

эти данные указывают на то, что не только в области кредита и биржи кризис совершенно прекратился, но что в области производства точно так же замечается в течение последнего года постепенное улучшение, постепенное возвращение к нормальной деятельности, указывающее на скорое прекращение кризиса и в этой области. Таким образом, в русском торгово-промышленном кризисе мы видим повторение того же общего закона развития, который замечается в торгово-промышленной жизни всех промышленных наций в течение последнего столетия. Русский торгово-промышленный кризис 1900 — 1902 г.г. явился прямым и неизбежным последствием торгово-промышленного подъема 1893 — 1899 г.г. В настоящее время уже наступил полный поворот назад" (310 стр). Однако, вспыхнувшая в начале 1904 года война разбила совершенно все эти надежды. Разразился денежный кризис, который отразился и на все еще находившейся в летаргии торгово-промышленной жизни. Получился рецидив торгово-промышленного кризиса, и это в то самое время, когда в Западной Европе уже в 1903 г. явно наметился новый промышленный подъем.

Денежный капитал, как мы указывали в отделе о теории кризисов, является первичным двигателем при начатии нового цикла движения общественного капитала. В периоды застоя накапливаются денежные средства в банках. А как-раз в то самое время, когда наш внутренний денежный рынок начал понемногу улучшаться и кредит за границей восстанавливаться, когда нужны были именно свободные денежные средства для того, чтобы наша промышленность могла притти в нормальное положение после пережитых потрясений 1900 — 1902 годов, как раз в это время правительство начало высасывать из сферы внутреннего и внешнего обращения громадные денежные средства на военные цели. По оффициальным данным за 1904 — 1906 годы на нужды войны было извлечено путем одних только реализаций внешних и внутренних займов и краткосрочных обязательств свыше 2,2 миллиарда рублей.

В записке к росписи на 1905 год [1]) министр финансов Коковцов между прочим писал: „Для ограждения денежной системы было, главным образом, намечено покрытие расходов военного времени без позаимствований из Государственного банка, при помощи эмиссионной операции. С другой стороны и активные операции Государственного банка не подлежали какому-либо ограничению по их существу, а торгово-промышленные обороты страны не должны были испытывать сколько-нибудь осязательных стеснений"... В соответствии с этим г. Коковцов в своем подробном отчете представляет состояние

[1]) Мы уделяем в нашем изложении столько внимания запискам к проектам росписей не потому, что придаем особый вес экономическим научным экскурсиям царских министров финансов. Эти записки плоды коллективной работы видных оффициальных и ряда полуоффициальных экономистов — профессоров и литераторов,—участвовавших в периодических изданиях министерства финансов. Г.г. министры, подписывавшие эти „сборники", являлись скорее в роли Sitz-редакторов.

нашего денежного обращения, денежного рынка, биржи, банкового дела — и в частности Государственного банка — в 1904 году в самом прекрасном виде; на них война в сущности не оказала-де никакого влияния. Не только никакого кризиса на денежном рынке не было, но, если верить этому отчету, 1904 год был даже благоприятнее в этом отношении 1903 года. Однако, соответствовало ли это действительности?

2.

В апреле 1906 года на страницах органа нашего же министерства финансов („В. Фин.") появилась статья г. Афанасьева, в которой был дан подробный анализ операций Государственного банка в 1904 и 1905 годах. И выводы, к которым пришел г. Афанасьев, человек осведомленный в делах этого банка, (б. управл. Киевского отд. его) оказались совершенно иными. На этой статье стоит остановиться.

В 1903 году — указывает г. Афанасьев — начинает у нас наблюдаться оживление дел после пережитого кризиса; это отражается и на деятельности Государственного банка. За 1903 год его учет поднялся на 6,6%; при этом сократился переучет и специальный счет, практикуемые преимущественно частными банками, в общем на 16,3%. Последнее показывало, что частные банки располагали более свободно денежными средствами, отчасти вследствие накопления их внутри страны, отчасти вследствие притока их из-за границы, где они были в избытке. Так было до Японской войны, когда все круто изменилось.

Прежде всего из Государственного банка были взяты свободные средства государственного казначейства, которые числились в банке на текущем счету. К первому января 1904 года их было 343,2 мил. р., к 1 января 1905 года их стало 174,2 мил. Это должно было отразиться на активных операциях банка. Ему приходилось или сокращать свои активные операции или выпускать на соответствующую сумму кредитные билеты. Банк прежде всего поднял учетный % [1]), что сжало сразу же кредит, вместе с тем он выпустил в течение года на 300 мил. кредитных денег. Однако, этот выпуск, как мы уже отметили в предыдущем отделе, имел главной своей целью создание средств для нужд войны, а не облегчение кредита для промышленности и торговли.

Г. Афанасьев совершенно правильно замечает, что непосредственный учет в Государственном банке зависит, во-первых, от хода торговли и промышленности и, во-вторых, от политики, которой держится банк. А этот учет сократился в 1904 году

[1]) Учетный процент в С.-Петербурге, равнявшийся в среднем за 1903 г. — 4,65, в 1904 году поднялся до 5,38 (см. таблицу на стр. 289). В январе 1904 года он был $4^1/_2$, а с февраля до конца года — $5^1/_2$. И это в то время, когда на всех биржах — исключая Берлина и Мадрида — он был в 1904 г. на одном уровне или ниже, чем в 1903 году.

на 33%! В 1902 г. затраты Государственного банка на главные активные операции были 1,6 миллиарда руб., на 14,2% ниже цифры 1901 г., что указывало на продолжение кризиса, в 1903 г. они возросли до 1,7 миллиарда р. или на 4,2%, что указывало на улучшение положения, но в 1904 г. они вновь упали до 1,4 миллиарда р. или на 19% ниже 1903 г. и почти на 16% ниже кризисного 1902 г. Далее, в 1900—1902 г.г., когда свирепствовал кризис, банком было опротестовано векселей в среднем на 13,6 милл. р. в год, в 1904 г. эта сумма достигла 24,4 милл. р., между тем как и в 1905, и 1906 г.г. она была 16,6 и 18,2 милл. р. Потери банка от протестов векселей составляли в 1904 г. 3,4 милл. р., а в 1903 г.—1,3 милл. р. И это объясняется „только потрясением, нанесенным экономической жизни объявлением войны". Наконец, в 1904 г. потеря по торговле процентными бумагами выразилась у Государственного банка суммой в 2 милл. р., а в 1903 г. она составляла 469 тысяч. И „такое значительное возрастание потери по продаже процентных бумаг параллельно с сокращением прибыли по этой операции" — говорит г. Афанасьев — „всецело должно быть отнесено на счет войны, вызвавшей длящееся понижение ценн. бумаг на бирже, которое продолжалось еще в большей степени в 1905 г.".

Нам скажут, что в 1904 году в Государственном банке сократился переучет на 23% и специальный счет под векселя на 23,5%, и это доказывает обилие свободных средств в частных банках, производящих главным образом эти операции. Министр финансов, ссылаясь на сокращение задолженности частных банков Государственному банку, и приводил это в доказательство улучшения положения денежного рынка. Но так ли это было на деле? Прирост вкладов в частные банки последовал и в 1904 году, но он был значительно слабее такового в 1903 г. и даже, чем в 1902 г. При этом прирост в 1904 г. сопровождался гораздо большим сокращением всех вкладов в Государственном банке (см. таблицы на стр. 310). Правда, здесь сократились лишь суммы казны и сберегательных касс, но это не изменяет дела. Государственный банк орудует и этими суммами, а его влияние при сжатии кредита на денежный рынок громадно: его учетно-ссудные операции и в 1904 году составили четвертую часть этих операций в стране. Далее, частными кредитными учреждениями было позаимствовано в Государственном банке в течение 1904 г. по переучету векселей 230,1 милл. р. против 206,6 в 1903 г. и 193,4 милл. р. в 1902 г., т.-е. эти операции возросли. Сокращение же позаимствований в форме специальных счетов, обеспеченных векселями, как и вообще сокращение задолженности частных банков Государственному к 1 января 1905 г., был бы доводом против нас и аргументом в пользу утверждений г. Коковцова лишь в том случае, если бы это сокращение сопровождалось увеличением учета в частных банках в 1904 г. И этого тем более следовало бы ожидать, что отделения Государственного банка в провинции сократили свои учетные операции: в одном только

Киеве в 1904 г. было выброшено из банка на 11 миллионов руб. первоклассных векселей.

Подробные данные показывают, однако, что в провинциальных и московских банках портфель учтенных векселей сократился за целый 1904 год на 9,4 милл. р., и лишь в петербургских увеличился на 7,3 милл. р. В то время, как в 1903 г. вексельный портфель всех частных банков увеличился с 538,1 до 623,6 милл. р. или на 16% сравнительно с 1902 г. и за январь 1904 г., т.-е. за месяц до войны он возрос более чем на 19,9 милл. р. или на 3%, мы за остальные 11 месяцев 1904 г. имеем в них сокращение учета векселей с 643,5 до 619,9 милл. р. или на 3,6% [1]). Вместе с тем сумма протестованных векселей в частных банках возросла к 1 января 1905 г. до 4,7 милл. р. против 2,6 к 1 января 1904 г., между тем как за 1900—1902 г.г. она равнялась в среднем 2,3 милл. р.

В качестве иллюстрации тяжелого положения денежного рынка в 1904 г. может служить и состояние наших сберегательных касс.

Годы.	Прирост числа книжек (в тыс.).	Прирост денежн. вкладов без % % (в милл. р.).	Остаток денежн. вкладов с % % к концу года (в милл. р.).
1900	406	33,6	661,9
1901	398	39,6	723,3
1902	420	36,8	784,0
1903	485	50,5	860,5
1904	273	22,5	910,6

Из этой таблички видно, что прирост вкладов и вкладчиков в 1904 г. значительно сократился, и это несмотря на урожай. Вместе с тем сберегательные кассы понесли в этом году убытку 1 милл. р., в то время, как в 1903 г. чистая прибыль их равнялась 2 милл. р.

Если мы обратимся, наконец к бирже, то увидим прежде всего сильное понижение государственных бумаг в 1904 г., на что мы указывали в отделе VIII. Каково было положение бумаг частных банков в этом году, видно из следующей таблицы.

[1]) Данные взяты из сводных балансов коммерческих банков за соответствующие годы. Приведенные здесь цифры разнятся от тех, которые показывают учетную операцию частных банков в таблице на стр. 310, но это потому, что здесь принят во внимание лишь учет векселей, в те же данные включен и учет других бумаг.

С.-Петербург.	Начало войны.		Начало сухоп. блокады П.-Артура 24 апр.	Ляоян 20 августа.	Шахэ 2 октября.	П.-Артур 21 декабря.
	23 янв.	28 янв.				
Международный банк .	405	365	352	345	380	373
Русский для внешней торговли банк . .	343	307	285	—	305	315
Учетно-ссудный банк .	398	357	346	356	382	420
Торгово-промышленный банк	257	220	220	—	235	250

Мы видим, таким образом, что война сразу и сильно понизила курс бумаг наших частных кредитных учреждений. Это понижение еще ярче бросается в глаза, если сравнить высшие и низшие курсы ценностей частных коммерческих банков, Дворянского, Крестьянского б. и частных поземельных банков за 1904 г. с таковыми 1903 г. и особенно 1900 г. (см. таблицы на стр. 333).

3.

В виду изложенных выше фактов мы имели полное основание в 1907 г. (см. „Вестник Жизни“, № 6)—говорить, что вспыхнувшая война вызвала на нашем рынке денежный кризис. В ответ на это В. Мукосеев—в „Образовании“, № 10, 1907 г.—отрицая вместе с нами существование в то время промышленного подъема, что утверждалось другими экономистами, возразил нам: „К началу 1905 г. положение банковых коммерческих пассивов было блестящим, вкладная операция увеличилась, переучет, как следствие притока дешевых денег, упал. Кассы ломились от обилия дешевых денег. Следовательно, денежного кризиса к концу 1904 г. не было“. Прежде всего мы указывали, что денежный кризис разразился в связи с войной в начале 1904 г., а не в конце. Далее, анализ состояния частных банков нами и тогда был дан, и тем не менее мы не могли притти к тому выводу, к какому пришел вслед за г. Коковцовым В. Мукосеев. Вклады к началу 1905 г. незначительно возросли несмотря на застой и урожай, но этому приросту значения придавать нельзя было; о „дешевизне“ же денег у нас в то время смешно и говорить. Учетный %, как мы уже отметили, поднявшись с начала войны с $4^1/_2$ до $5^1/_2$, таким и остался до конца года. Учетно-ссудная операция во всех банках,—частных коммерческих, государственном, обществах взаимного кредита и городск. обществ. банках,—сократилась на 58,1 милл. р. и т. д. Правильность нашего анализа вполне подтверждается и позднейшими исследованиями. Так, в оффициальном отчете о пятидесятилетней деятельности Гос. банка (изд. в 1910 г.) неоднократно указывается, что под влиянием войны и революции

банк в 1904—1906 г.г. очутился в тяжелом положении и, что кредит и денежный рынок испытали потрясации худшие, чем в кризисные 1900—1902 г.г. В противоположность утверждениям г. Коковцова в росписи на 1905 г., мы в этом отчете читаем: „Исключительные обстоятельства (вызванные общим кризисом 1900—1902 г.г. *А. Ф.-Е.*) сменились в 1904 г. не менее важными в экономическом отношении факторами, войной 1904—1905 гг. и внутренней смутой 1905—1906 г.г., которые, как и промышленно-денежный кризис, затушевали влияние урожая. Русско-японская война не могла, конечно, не оказать угнетающего влияния на торгово-промышленную жизнь страны и не отразиться заметным сокращением кредита“. Гос. банку и в этом году, как и в годы предыдущего кризиса, приходилось оказывать льготы банкам. „В 1904 г., когда в виду военных событий частные банки, опасаясь усиленного истребования вкладов, начали сокращать свои активные операции, Гос. банк разрешил своим учреждениям, расположенным в более крупных торгово-промышл. центрах, принимать от частных банков, в пределах открытых им кредитов, векселя сроком до шести месяцев и допускать превышение по этим кредитам, если сверх нормы таковых были представляемы векселя товарного происхождения сроком не свыше 3-х месяцев“ [1]). А следует помнить, что Гос. банк, отдавая деньги казначейству, принужден был сам сжимать коммерческий кредит.

Однако, если нужны бо́льшие доказательства появления у нас в начале 1904 г. денежного кризиса, писали мы в 1910 г., то мы приведем свидетельство экономиста, авторитет которого не откажется признать и В. Мукосеев: „Начавшаяся война изменила конъюктуры рынка“,—пишет этот экономист,—„объявление войны отразилось на бирже, которую охватил панический страх, равный которому едва ли запомнит история последних десятилетий. Что творилось на бирже в этот день (27 января)—совсем не поддается описанию“. Приведя эту цитату из „Промышл. Мира“ (№ 5, 1904 г.), этот экономист продолжает: „Параллельно этому угнетенному состоянию биржи ухудшились и наши вексельный и денежный рынки. Война понизила наши вексельные курсы; курс рубля упал с 216 до 214 марок за сто руб. Расстройство вексельного рынка и утилизация средств Государств. банка для военных расходов заставили Государств. банк поднять дисконт и сократить затраты на коммерческие активы. Частные банки последовали примеру Государственного, так что с момента войны наш денежный рынок был крайне сдержанным, он не мог оказать серьезной помощи ни промышленности, ни торговле, которые особенно нуждались в дешевом кредите. Более того, он оказывал на них самое гнетущее состояние и своей сдержанностью усиливал реакцию на товарном и фондовом рынках. Вот почему в 1904 г. несостоятельностей и банкротств было очень много и протест векселей

[1]) Гос. банк 1860—1910 г г. СПБ. 1910 г., стр. 39, 53 и др.

возрос. Итак, под влиянием войны и отчасти кризиса предшествовавших лет плавность и пульсация торгового оборота были нарушены. Биржа находилась в угнетенном состоянии, курс векселей упал, валюта поколебалась, деньги очень вздорожали. Наша кредитная система, в силу своей нерациональности, оказалась в данном случае весьма чувствительной к этим перетурбациям и только усиливала кризис". (Подчеркнуто нами. *А. Ф.-Е.*). Всякий, кто прочтет эту характеристику денежного рынка в 1904 г., должен будет убедиться, что она подтверждает то, что мы доказывали в 1907 г. на страницах „Вест. Жизни" и опровергает то, что писал против нас В. Мукосеев. Мы привели эту характеристику из статьи „Торговля и кредит", помещенной в сборнике „Обществен. движение в России в начале XX века", т. I, изд. в 1909 г. (стр. 150). И автором этой статьи был не кто иной, как В. Мукосеев [1]).

4.

Разразившийся в начале войны денежный кризис сейчас же отразился, как мы уже отметили, на промышленности и торговле: появился снова торгово-промышленный кризис. Так, изследуя положение в Польше, г. Нейман („В. Ф." № 2, 1907 г.) указывает, что в 1903 г. начало замечаться некоторое улучшение, но война изменила дело. „Началось угнетенное кредитное состояние среди лиц торгово-промышленного класса. Наступило отсутствие взаимного кредита и доверия и тихо выжидательное настроение на обычных рынках сбыта". Производство начало заметно сокращаться. В 1905 и 1906 г.г. положение еще более обострилось... Такое же нарушение доверия в торговых сношениях, нарушение кредита вызвала война и в хлебной торговле с заграницей, что проявилось особенно в наших южных портах (в Одессе и др.). Об этом сообщалось в свое время в разных корреспонденциях и отчетах. Для иллюстрации положения дел в Центральном промышленном районе может служить „Обзор местных и отхожих промыслов во Владимирской губ. в 1905 г.", данный г. Владимировым на основании сообщений около 500 земских корреспондентов. „1904 г., говорится в обзоре, был крайне неблагоприятным как для отхожих, так равно и для местных промыслов... Весь 1904 год превзошел все самые мрачные ожидания: действительно, казенные и частные постройки

[1]) Правда, В. Мукосеев и в заключении этой статьи пишет: „хотя кризиса в 1904 г. на денежном рынке не было, но именно сдержанность его, явившаяся результатом дефектов (нашей банковой системы), действовала на народное хозяйство страны хуже всякого денежного кризиса". Однако, сведя все к дефектам нашей банковой системы, В. Мукосеев противоречит здесь самому себе, сводит на нет многое из того, что им сказано выше. Ведь всякий, кто знаком с теорией, знает, что те явления которые выше описаны и В. Мукосеевым, как-раз характеризуют денежный кризис. Даже то, что банковая система ярко обнаружила в это время свои дефекты, является характерным для такого кризиса.

в столицах и по линиям железных дорог сократились, фабрики стали уменьшать производство, домашние кустарные промыслы под влиянием угнетенного настроения рынка сократились. Заработная плата по всей линии промыслов была сбита до невозможности..." („В. Ф." № 29, 1906 г.). И в другой статье, по поводу состояния фабричной промышленности в этой же губ., мы находим: „Фабричное дело в начале 1905 г. под влиянием общего угнетенного состояния промышленности от войны значительно сократилось даже по отношению к 1904 г." („В. Ф." № 17, 1906 г.).

Наконец, у нас есть оффиальные данные на счет общего положения промышленности в стране во время войны. В 1904 году правительство произвело через фабричных инспекторов анкету о „производительной силе" промышленных заведений с числом рабочих более 50 человек (за исключением казенных и горных заводов, не подчиненных министерству финансов). Для сравнения с 1903 г. были взяты три летних месяца; опрошены были в Европ. России и Закавказьи 26% всех промышленных предприятий по данным 1902 года, в которых числилось 70% всего числа рабочих, занятых в обследованных отраслях. И оказалось, что „по количеству рабочего времени производительность обследованных фабричных заведений уменьшилось — как пишет г. Коковцов в своем докладе к росписи на 1905 г. — всего на 2,5%". Однако, приводимые им же самим данные о положении отдельных производств в 1904 году сравнительно с застойным 1903 годом показывают совсем иное, чем эта средняя цифра. Так: производство хлопка сократилось — по рабочему времени — на 5,9%; шерсти — на 15,4; шелка на 25,7; смешанные производства по обработке волокнистых веществ на 7,1; обработка минеральных веществ на 6,8; питательных и химических продуктов на 2,0%. Возросли: обработка льна на 8,6; писчебумажное + 4,3; обработка дерева + 4,1; металлов, машин и орудий ремесл + 6,3; животных продуктов + 8,9 и производства, не вошедшие в другие группы, увеличились на 9,2%.

Что говорят эти цифры? Прежде всего — о сокращении производства предметов „роскоши", что характерно для кризиса. Далее, уменьшилось производство хлопчато-бумажных изделий, рассчитанное на широкие массы, при чем министр финансов сам признает, что пострадал в этом отношении не только Присвинский район, но и Московский. Сократили, далее, свое производство „все виды промышленности, производящие строительные материалы — кирпич, цемент и проч.", что также в высшей степени характерное явление. Уменьшились, наконец, производства сахароваренное, дрожжевое и пивоваренное... (Последнее за весь 1904 г. показывает застой против 1903 г.; душевое потребление пива сократилось). С другой стороны оказывается, что производство возросло главным образом в тех отраслях, которые изготовляли предметы, необходимые для войны; вагоны, снаряды, кожу, холст. На это указывается

и самим министром финансов. Что же касается числа рабочих, то по данным этой анкеты оно не сократилось. Но это объясняется тем, что фабрики и заводы сокращали рабочее время, сохраняя рабочих, что признается и в министерском докладе.

Нам возразят: но ведь нефтяная, каменноугольная и железная промышленность обнаружили в 1904 г. увеличение производства. Это верно, но это еще не доказывает, что в 1904 г. к нам не вернулся торговопромышленный кризис. Как мы увидим подробно в отделе о положении нашей фабрично-заводской промышленности за 1903—1916 г.г., железная и каменноугольная отрасли, поднявши свое производство под влиянием войны в начале 1904 г., к концу его также подверглись влиянию разразившегося кризиса. Точно так же и нефтяная промышленность, работавшая успешно на внешний рынок, благодаря подъему на Западе, на внутреннем рынке испытала сокращение потребления...

5.

Наше министерство финансов в своем обзоре экономической жизни за 1904 год старалось главным образом доказать—особенно Западной Европе,—что денежные дела у нас находятся в прекрасном состоянии, что кредит прочен. Вопрос шел о подготовке почвы для новых займов для войны. Тем не менее и министерство финансов не могло умолчать о существующих затруднениях на внутреннем товарном рынке.

Говоря о кризисе в Привислинском крае, министр финансов в своем докладе прибавлял: „Следует заметить, что кризис местной промышленности не денежный, а чисто товарный...“ В этих словах обнаружилось полное непонимание сущности промышленных кризисов, того, что именно существование общего товарного кризиса и доказывает существование промышленного, а тем самым и денежного, как фазы его. Этот „товарный кризис“ не ограничился одним Ц. Польским. В самом же докладе министра финансов мы находим данные, показывающие, что торговая жизнь всей Империи переживала сильнейший застой. „Война“,—писал г. Коковцов,—„возможность которой не предвиделась коммерческими кругами, внесла заметное изменение в ход ярмарочной торговли. Ухудшение тотчас же сказалось на делах Ирбитской ярмарки... Вялое настроение внутреннего рынка сказалось также на крупной по своим оборотам Конотрактовой ярмарке в Киеве. В общем весенние ярмарки нужно признать не вполне благоприятными по общим оборотам, а по некоторым товарам—и неудовлетворительными...“ Нижегородская ярмарка была ниже таковой 1903 года на 20%. И все это несмотря на то, что 1904 год шел после двух лет сравнительно удовлетворительных урожаев, а в 1904 году урожай был гораздо выше предыдущего пятилетия и цены на хлеб стояли более высокие... Что на внутреннем рынке царил кризис, видно и из

сокращения ввоза на 30,2 милл. рублей сравнительно с 1903 годом, при чем ввоз сократился не только на восточных, но и на западных границах. Сократился ввоз хлопка, шелка, шерсти и проч.; ценность привезенных фабричных и заводских изделий сократилась с 170,8 до 156,5 милл. руб. Все это вызвало, между прочим, сокращение в 1904 году таможенного дохода...

И, наконец, в качестве еще одного признака существования у нас в 1904 году торгово-промышленного кризиса, вспомним сокращение в этом году против 1903 г. обыкновенных доходов, что мы уже видели в VI отд. Еще более сократился доход от косвенных налогов, и это не только против 1903 г., но против кризисного 1902 г.

Таковы факты. Все они с достаточной ясностью показывают, что в 1904 году мы снова вступили в период промышленного кризиса. Наше положение оказалось бы гораздо хуже, если бы не было сравнительно благоприятных урожаев 1903—1904 годов; безработица—неизбежный спутник всякого промышленного кризиса—проявилась бы еще резче, если бы война не отвлекла массу городского и сельского пролетариата...

В противоположность некоторым экономистам-марксистам, старавшимся в 1906—1907 г. всячески доказать, что мы с 1903 г. переживаем, подобно Западу, период промышленного подъема, заграничная „Искра“ в апреле 1904 г. дала совершенно правильную оценку состояния нашей торгово-промышленной жизни в то время. „Еще не улеглись грозные волны кризиса, охватившего русскую промышленность за последние четыре года“—читаем мы в статье „Грядущий кризис“—„как уже доносятся вести о новом усилении экономического застоя... Потрясение кредита, остановка торговли с Дальним Востоком, общая неуверенность в завтрашнем дне, мешающая заключению всяких долгосрочных сделок, усиленное навязывание бумажных денег, внушающее законное опасение за судьбу золотой валюты—все это вызвало застой в торговых оборотах, раньше всего сказавшийся в крупных торговых центрах: из Одессы, Риги, Киева, Варшавы, Лодзи, Тифлиса, Баку—отовсюду сообщают о прекращении платежей торговыми фирмами, о сокращении экспорта, о застое во всех делах. Такие же вести идут и из Петербурга. Область застоя как бы кольцом охватила всю Россию и все ближе и ближе подвигается к центру“. В статье, далее, приводится ряд сообщений из различных городов о росте безработицы как в мелких, так и крупных производствах. „Распространение застоя на всю экономическую жизнь страны почти несомненно“,—говорится там же.—„И временный подъем производства в сферах, непосредственно обслуживающих военные потребности, мало что может изменить в общей картине положения дел... Широкий разлив безработицы и огромный подъем недовольства и протеста рабочей массы стоят на очереди...“ Это, как мы знаем, и случилось.

Политическое движение с самого начала нынешнего столетия шло неуклонно вперед, все расширяясь и углубляясь.

На „критичность“ положения указывал в 1903 году фон-Плеве, охранительная печать не переставая кричала: caveant consules. Но вот вспыхивает война, новый фактор огромной важности. Старый режим ставит на карту крупную ставку [1]). Победа на Дальнем Востоке обещает поднять международный кредит самодержавия, а вместе с этим улучшить и наш денежный кредит за границей, и финансовое положение казны—этого крупнейшаго заказчика нашего промышленного капитала. Победа обещает монопольный обширный рынок на берегах Тихого Океана в вознаграждение за разоренный внутренний рынок. Кризис в 1903 году прошел. Победа обещает новый приток иностранных капиталов и возможность начала у нас нового подъема в связи с обнаруживавшимся в это время подъемом на Западе.

При том и голодовки сменились с 1902 года сравнительно благоприятными урожаями. У фон-Плеве радужные надежды, что „старый дом“ простоит еще лет двадцать. Но история подчиняется своим неумолимым законам, и очень скоро выяснилось, что старому режиму придется жестоко поплатиться на полях Манчжурии и на водах Тихого океана.

В 1904 году вновь разразился торгово-промышленный кризис, и революционная волна, спавшая было в начале этого года, к концу его поднялась на гораздо большую высоту.

6.

В 1905 году стесненное состояние нашего денежного рынка не только не ослабело, но еще более усилилось. Вплоть до Портсмутского договора мы видим значительное сокращение коммерческих операций Государственнаго банка: учетный % стоит до ноября на $5^1/_2$%. В октябре картина изменяется: учетные операции банка быстро возрастают. К 1-му января 1906 года учет и специальные текущие счета под векселя достигают 372,4 милл. руб. сравнительно с 190,3 милл. руб. 1 января 1905 г., что показывает увеличение на 95%, а по сравнению с 1 января 1904 года почти на 37%. В то же время ссуды и спец. текущ. счета под процентные бумаги возросли за 1905 год с 110,6 до 281,4 милл. руб., и это главным образом в последние месяцы. Вся же учетно-ссудная операция возросла с 410,4 до 776,8 милл. руб. или на 89%. Чем было вызвано это увеличение вексельного и бумажного портфеля банка, которое произошло несмотря на повышение дисконта 10 ноября до $6^1/_2$%, 5 декабря до 7%, а 2 января 1906 г. до 8%? Если в первую половину года сокращение активных операций банка находит себе объяснение в торгово-промышленном застое и отсутствии средств у банка, вследствие поглощение их войной, то и расширение этих операций—на ряду с новыми крупными выпусками бумажных денег при сильном сокращении золотого фонда—в последние три месяца 1905 года объясняется только сильнейшим денежным и торгово-промышленным кризисом, проходившим в это время фазис „краха“.

[1]) „Поверьте мне“—сказал фон-Плеве А. Куропаткину—„нам необходима маленькая победоносная война, иначе революцию удержать невозможно“. „Факт удостоверенный“ (А. Морской. „Исход революции 1905 г. и т. д.“, изд. 1910 г.).

Расстроенный войной денежный рынок расстраивался еще более все развивавшейся с начала 1905 года революцией (контрчательно его расстроила). Забастовки, следовавшие повсюду за 9 января, июльские баррикады в Лодзи и Белостоке, восстание Черноморского флота, разрушение Одесского порта—все это обостряло угнетенное состояние промышленности и торговли. Вместе с потерей доверия к старому режиму подрывался и наш кредит за границей. Ко всему этому присоединился неурожай, охвативший громадную часть России. „Осенний сезон открылся грандиознейшей татаро-армянской резней в Баку и уничтожением всей нефтяной промышленности на Балахано-Сабунчинско-Романинской площади. Бакинские события обострили промышленный кризис. Часть волжских пароходов приостановила свои рейсы за невозможностью перейти к отоплению углем; многие заводы и фабрики Владимирского и Московского районов закрылись за отсутствием нефтяного топлива“. („История Совета Раб. Депутатов“, стр. 53). В октябре вспыхивает железнодорожная стачка, которая в течение десяти дней распространяется на всю Россию. Вслед за ней всеобщая забастовка охватывает все промышленные и торговые центры. Экономическая жизнь страны замерла. „Прекращение железнодорожного сообщения“—пишет Хрусталев-Носарь—„разрушало по всем швам хозяйственный организм страны. Железнодорожная стачка рикошетом ударила даже заграничных экспортеров. С прекращением почтового сообщения коносаменты на грузы, отправленные морем, не могли попасть в руки грузополучателей. Все расходы за простой пароходов и неустойки за несрочное исполнение договора падали на экспортеров. Паника охватила биржу. Устами петербугского биржевого маклера Фридлянского биржа свидетельствовала: „Подавленное настроение чувствовалось уже 10 октября, 11 октября биржевые конторы и банки были охвачены паникой, не был даже строго определен курс большинства акций. 11-го октября биржа прошла безжизненно. Сделок не было никаких, так как не нашлось ни покупателей, ни продавцов“. Поездов нет, почта не доставляется, юзовские аппараты телеграфа отказываются служить. Биржа аппеллирует к правительству. Банковый мир именем векселе-
дит, грузы гниют в пути, дорожные документы остаются в руках отправителей“. (l. c. 58—59 стр.). Охваченный страхом финансовый и промышленный мир у нас и заграницей спешит забла-

говременно продать наши государственные и частные ценные бумаги. Это вызывает сильное падение их курса...

Наши частные банки, располагавшие еще в первой половине 1905 года некоторыми свободными средствами, осенью очутились в очень затруднительном положении. Вклады и текущие счета в них сократились — за 1905 г. они с 802 милл. руб. упали до 671,4 милл. руб., — заграничные кредиты закрывались. Они сокращают свои активные операции — вся учетная операция за этот год сократилась в них с 642,8 до 554,5 милл. руб. — и требуют от Государственного банка средств для ведения этих операций, для платежей по заграничным долгам. Государственный банк кредитовал в конце 1905 и начале 1906 г. частные банки, превышая открытые им кредиты; он принимал векселя сроком до 6 и даже 9 месяцев, допускал переписку векселей, не предъявлял протестованных векселей ко взысканию и делал целый ряд других льгот своим клиентам. Позаимствования по переучету в Государственном банке возросли у частных кредитных учреждений с 230,1 втечение 1904 г. до 255,5 милл. руб. в 1905 г., по специальным текущим счетам под векселя с 369,9 до 541,2 милл. руб. и под % бумаги с 60,9 до 123,1 милл. руб. Переучет и перезалог частных банков коммерческого кредита возрос к 1 января 1906 г. почти на 210% против 1 января 1905 г. Но этого мало. К Государственному банку обратились за ссудами земские, городские и местные правительственные учреждения и сберегательные кассы.

„Расходы по мобилизации", — читаем мы в отчете Государственного банка за 50 лет, — „заставили очень многие земства еще ранее, в 1904 г. и первой половине 1905 г., обращаться к залогу в Государственном банке части своих капиталов в % бумагах, при чем банк признал возможным, в виду общегосударственного значения этого вопроса, понизить за пределы общей нормы процентные ставки по выданным с этой целью ссудам. Вслед за тем значительные неурожаи, поразившие в 1905 и 1906 г.г. многие губернии Европейской России, и аграрные беспорядки тех же лет отразились, с одной стороны, крайне слабым поступлением земских сборов и, с другой — чрезвычайным усилением выдач страховых премий. При таких условиях залог земскими учреждениями своих % бумаг в течение 1905 и 1906 г.г. неуклонно возрастал..." (66 стр.). В таком же стесненном положении оказались и городские учреждения, и правительственные, заменяющие земские в неземских губерниях. Банк удовлетворял их потребности на льготных условиях. Наконец, без денежных средств оказались, вследствие сильнейшего отлива вкладов с ноября 1905 г., и сберегательные кассы. Их текущий счет в Государственном банке, сократившийся уже с 1 января 1904 г. по 1 января 1905 г. с 69,7 до 43,7 милл. руб., был в конце 1905 г. быстро исчерпан. Чтобы удовлетворить требования вкладчиков, они были поставлены в необходимость реализовать находящиеся в их фонде % бумаги, что должно было усилить биржевой кризис. Для избежания этого Государственный банк выдает

сберегательным кассам ссуду под залог этих бумаг; эта ссуда в самый краткий срок, — к 1 января 1906 г. — достигла 82,4 милл. руб.

Но и сам Государственный банк оказался тогда в очень критическом положении. Денежные средства казны, находящиеся в его распоряжении, сильно сократились. Требования по учету и по ссудам превысили в 1905 г. вклады Государственного банка на 223 милл. руб. Его эмиссионное право было уже достаточно широко использовано прежними выпусками бумажных знаков для целей войны. Он принужден был, однако, делать новые выпуски для удовлетворения требований с различных сторон. И это при сокращении золотого запаса, вследствие сильного отлива золота за границу. Золотая валюта находилась в то время не раз на краю гибели. Наши государственные финансы, как мы уже видели, находились тогда в крайне плачевном состоянии. И если мы избежали весной 1906 г. банкротства, то только благодаря французскому буржуа-ростовщику [1]).

7.

В 1906 г. произошло у нас дальнейшее ухудшение денежного рынка. Это наблюдалось особенно в первую его половину. Средний размер дисконта на главнейших биржах равнялся:

Годы.	Берлин.	Лондон.	Париж.	С.-Петербург.
1903	3,84	3 75	3,00	4,65
1904	4,22	3,30	3.00	5,38
1905	3,81	3 00	3,00	5,63
1906	5,00	4,27	3,00	7,27

[1]) Здесь не лишним будет отметить, что политика Государственного банка только усиливала денежное стеснение в конце 1905 года. Под влиянием паники вкладчики начали вынимать вклады из банков, переводить деньги за границу, покупать иностранные бумаги. За два последних месяца 1905 года из частных банков были вынуты 165 милл. руб., или около 15% всех вкладов. К этому времени сократился заграничный переучет и началось обратное истребование заграничных сумм, бывших в русских банках, так что пассивные средства сократились в них в общем на 250 милл. руб. Частные банки усиленно взывают к помощи Государственного. Что сделал последний? Оказывая им содействие, он вместе с тем повысил учетный процент с целью защитить металлический фонд и сократить активные операции. Результат получился тот, что паника еще более увеличилась: векселя усиленно предъявлялись к учету и его активные операции от этого еще более поднялись. Вслед за Государственным банком и частные банки должны были поднять еще выше дисконт. С 1 февраля 1906 г. Государственный банк, вследствие

Мы видим, таким образом, повышение учетной нормы и на Западе, но там оно было вызвано подъемом промышленности и поднявшимся спросом на денежный капитал. У нас же это повышение объясняется только продолжавшимся кризисом. Это подтверждается и тем, что у нас учет равнялся 8% в первую четверть года, когда на Западе он был понижен; он стоял у нас на $7^1/_2$ в конце года, когда там он сильно поднялся. Новогодние — 1907 г. — экономические обзоры различных периодических изданий в один голос говорили об очень тяжелом положении нашего денежного рынка в отошедшем году. Это подтверждается и подробным анализом балансов наших кредитных учреждений.

До апрельского займа казначейство и Государственный банк были на краю пропасти; вклады и текущие счета сокращались; состояние казны и золотой валюты мы видели выше. Апрельский заем поправил их дела, но отразился неблагоприятно на нашем коммерческом кредите; в реализации займа приняли участие и наши банки, и с рынка были сняты 200 милл. руб. Учетно-ссудная операция частных коммерческих банков сократилась к 1 января 1907 г. на 9,5 милл. руб. против 1 января 1906 г. рядом с сокращением ее в Государственном банке на 246,4 милл. руб., как это видно из таблиц на стр. 310. А вся учетно-ссудная операция этих кредитных учреждений вместе с обществами взаимного кредита и городскими общественными банками сократилась за это время на 253 милл. руб. Позаимствования частных кредитных учреждений в Государственном банке по специальным текущим счетам под векселя возросли в течение этого года на 269,5 милл. руб., а под %% бумаги на 5,1 милл. руб. Переучет и перезалог частных коммерческих банков сократился, но это потому, что и учет векселей в них сократился. Число выпущенных в обращение вексельных бланков, равнявшееся в 1904 г. — 15 милл. шт., сократилось в 1905 г. до 13,6, а в 1906 г. до 13,3 милл. Вспомним, что в 1906 г. у нас был и повторный неурожай. Влияла на расстройство нашего кредита и торгово-промышленной жизни и анархия в связи с военно-полевым режимом.

Биржа продолжала понижать курсы наших фондов и громадного большинства дивидендных бумаг, как это видно и из таблицы на стр. 333. Обнаружили повышение к концу года по сравнению с началом частные банки коммерческого кредита;

сильного истощения кассы, ввел процентные текущие счета (2%), а процент по вкладам поднял с 2—$3^1/_2$ до 3—$4^1/_2$%, и таким путем вступил в конкурренцию с частными депозитными банками. Они должны были, с своей стороны, повысить свои проценты по вкладам и, соответственно этому, повысить учетно-ссудный процент. Все это еще более стесняло кредит и усиливало денежный кризис. В то же время Государственный банк продолжал вести противоуставные ссудные операции. Так, министерство финансов само признало, что к 1 января 1906 г. сумма ссуд, выданных на особом основании или, иначе говоря, незаконных равнялась 72 милл. руб. М. Фридман, на основании данных Государственного контроля, говорит, что к началу 1906 г. противоуставных ссуд было выдано на сумму около 150 милл. руб.! („Наше законодательство о бюджете", сборник „Вопросы государственного хозяйства", СПБ., 1907 г.)

исключение составили Волжско-Камский и Варшавский коммерческие банки. Это повышение произошло благодаря большим доходам, полученным коммерческими банками: дивиденды в 1906 г. были $7^1/_2$—$8^1/_3$%. Но эти барыши явились не от расширения коммерческих операций — последние, наоборот, сократились, — а от дороговизны открытых банками кредитов; высокая доходность объясняется и большими комиссионными прибылями от реализации займа и прочими „нездоровыми операциями", ничего общего не имеющими с оживлением торгово-промышленной жизни страны. Повысились, далее, акции нефтяных промыслов по сравнению с прошлым годом, но это повышение стояло в связи с восстановлением промыслов после разгрома 1905 г. и с поднятием цен на нефть. О „подъеме" в этой отрасли, как тогда указывалось некоторыми экономистами, также не может быть и речи. В противоположность этим ценностям сильные колебания в течение года обнаружили ценности металлургических и механических заводов, при чем многие из них испытали понижение к концу года по сравнению с началом. Понизились против прошлого года акции железных дорог, страховых и транспортных обществ, пароходных обществ, ипотечные бумаги, городские займы, акции земельных банков и проч. И особенно пострадали государственные бумаги: все займы и, в частности, железнодорожные, бумаги Дворянского и Крестьянского банков. Все это может служить ярким показателем, что и в этом году продолжалось торгово-промышленное distress, состояние, как мы его определяем (см. стр. 374), перемежающееся с кризисами, и близкое больше к кризису, чем к депрессии.

8.

В экономической литературе указывалось на увеличение учредительства, на увеличение акционерного капитала в этом году, как на признак подъема в то время. Рассмотрим движение акционерного дела у нас [1]). (См. табл. на стр. 292).

Что говорит эта таблица? Можно ли утверждать на основании этих данных, что у нас в 1904 году вновь начинает развиваться „учредительская деятельность, как характерное явление для эпохи процветания", как это делали некоторые наши экономисты? Стоит только сравнить сумму вложенного в новые акционерные общества капитала не только в годы подъема (1895—1899 г.г)., но и наступившего затем кризиса (1900—1901 г.г.), чтобы ответить на это отрицательно. Правда, в 1904 году эта сумма немного выше, чем в кризисном 1902 г. и застойном 1903 году, но можно ли этот год считать поворотным пунктом?

[1]) Следует помнить, что и здесь идет речь лишь о вновь разрешенных обществах и об увеличении капитала старых. Но не все разрешенные к учреждению общества осуществляются. Однако, эти данные пригодны для сравнения движения учредительства у нас.

Акционерн. комп. и паевые товарищества.			В том числе новых обществ, уставы коих были опубликованы.		Иностранные предприятия.
Годы.	Число.	Основной капитал (в милл. р.).	Число.	Основной капитал (в милл. р.).	Число.
1903	110	82,4	76	68,1	15
1904	130	94,0	84	85,2	11
1905	117	99,7	75	74,9	11
1906	166	127,3	85	69,4	9

Опять-таки нет. В 1905 году эта сумма вновь понижается. Можно на это возразить, что этот год был исключительно неблагоприятный. Но тогда чем объяснить дальнейшее понижение этой суммы в 1906 году? В высшей степени характерным является тот факт, что число вновь учрежденных иностранных предприятий за последние три года падает, причем в 1906 году оно понизилось особенно сильно. Приток иностранного капитала, который играл такую крупную роль в предыдущей учредительской кампании, почти прекратился: и в эти годы число вновь разрешенных иностранных обществ, сокращавшееся с 1900 г., сильно упало.

Нам укажут на увеличение вообще основного капитала наших акционерных компаний за последние три года. Это верно, хотя и оно незначительно по сравнению с годами предыдущего подъема и даже кризисными 1900 и 1901 годами. Но и тут возникает вопрос: доказывает ли это увеличение подъема производства? Любопытно, что в 1906 году из 127 милл., вложенных в наши акционерные предприятия, 34 милл. руб. пошло на увеличение основного капитала действовавших уже горных, горнозаводских и механических компаний. А эти отрасли промышленности в этом году, как увидим ниже, показывают сокращение производства. Увеличение здесь основного капитала в старых предприятиях стояло в связи с реорганизацией предприятий, а также с образованием синдикатов. И все это слабое в общем увеличение основного капитала так же мало может служить показателем оживления промышленности, как и наблюдавшееся в то время в различных отраслях усовершенствование техники, стремление к повышению производительности труда. Гг. экономисты, ссылавшиеся на этот прогресс техники, не замечали, что он стоял в то время в связи с острой борьбой между капиталом и трудом, с повышением заработной платы и сокращением рабочего дня. Кроме того, такие явления наблюдаются, как мы уже заметили, и в годы кризиса.

Нам укажут, наконец, в качестве доказательства улучшения положения нашего денежного рынка, и вообще нашей промышленной жизни, на благоприятную деятельность государственных сберегательных касс в 1906 году. Остановимся и на этой деятельности. Мы отметили выше сокращение прироста количества вкладов и вкладчиков в 1904 году против 1903 г. В 1905 году не только не наблюдалось никакого прироста, но вклады дали убыль по сравнению с 1904 годом на 79,4 милл. рублей, а число вкладчиков сократилось на 139 тысяч. Это было вызвано паникой, охватившей в конце 1905 года широкие круги населения, и, далее, агитацией революц. партий. В 1906 году дела здесь круто изменились. Вклады возросли по сравнению с 1905 годом на 171,4 милл. руб., а число вкладчиков на 677,8 тысяч; прирост денежных вкладов, таким образом, не только покрыл убыль предшествовавшего года, но дал избыток в 65 милл. руб., т.-е. больше среднего годового прироста за пятилетие 1899—1903 г.г., составлявшего 42,7 милл. руб. Число же вкладчиков возросло на 126,4 тысяч более среднего прироста за прежнее время. Чем объясняются такие прекрасные дела сберегательных касс? Подробное исследование показывает, что прирост вкладов обнаружился особенно в первые месяцы 1906 г., т.-е. возвращались назад те вкладчики, которые под влиянием паники вынули в конце 1905 года свои деньги из сберегательных касс. Это дало также возможность сберегательным кассам ликвидировать к 1 апреля 1906 г. свой долг Государственному банку. Дальнейший же прирост был вызван увеличением в этом году процента, уплачиваемого сберегательными кассами по денежным вкладам, а именно с 3,6 до 4%. Что это именно так, показывает сокращение прироста вкладов в процентных бумагах в 1906 г. до 13,4 милл. р. по сравнению даже с 1905 годом, когда этот прирост составил 28,9 милл. руб. Любопытно отметить, что, несмотря на все эти блестящие дела, сберегательные кассы в 1906 году дали чистой прибыли всего на всего около 0,3 милл. руб. На курсе при продаже процентных бумаг (за исключением прибыли от продажи и тиража бумаг) они потеряли 1,3 милл. руб.

Этот приток вкладов в сберегательные кассы, нисколько ни доказывая отсутствия денежного стеснения на внутреннем рынке, еще менее доказывал экономическое благоденствие народа, как то старалась доказать „Торгово-Промышленная Газета“.

Подробно на положении нашей промышленности и торговли в 1904—1906 г.г. мы остановимся в специальных главах. Здесь мы лишь подчеркнем, что наш кризис 1904—1906 г.г., перешедший к 1907 г. в депрессию, был частный кризис, кризис национальный, а не мировой. Этим объясняется, что целый ряд явлений, сопровождающих общий кризис, не получил тут

выражения. Так, вместо общего падения цен у нас наблюдалось повышение их на многие товары. На ряду с перепроизводством одних товаров наблюдалось недостаточное производство других; проявилась диспропорциональность распределения производства в различных отраслях, что характерно для частных кризисов. На ряду с сильной безработицей наблюдалось повышение заработной платы и т. д. Эти явления мы разберем далее, но они-то и дали некоторым экономистам повод утверждать, что у нас с 1904 г. происходил подъем... С другой стороны некоторые экономисты (из сборн. „Обществ. движение") говорят, что в эти годы была лишь „промышленная депрессия". Последние забывают о фазах „краха", о явлениях „паники" на денежном рынке, об эпидемии банкротств, ликвидаций [1]), они забывают, что в эти годы наблюдалось не замедление лишь роста или застой, а *сокращение* производства в важнейших отраслях, что безработица свирепствовала в острой форме и т. д. Короче говоря, эти экономисты забывают о сильнейших сотрясениях в сфере кредита, о *резких* колебаниях в движении денежного капитала, игнорируют *остро* выраженные явления упадка в сфере промышленности и торговли, что именно свойственно *кризисам*, или distress'ам в понимаемом нами смысле (см. стр. 374). Наконец, многие экономисты, в том числе и М. Туган-Барановский, не отрицая промышленного кризиса в 1905 г., приписывают его политическим силам. Эти экономисты не видят, что политические силы проявились и могли проявиться в такой обостренной форме только потому, что экономический кризис был уже налицо, и что эти силы только потому и оказали такое действие, что вся экономическая жизнь была уже раньше расстроена сильнейшим образом. Эти экономисты, наконец, не знают, что политическая сила—сама экономический фактор. Является ли она прогрессивным или регрессивным фактором — это зависит от тех исторических и др. условий, в которых она действует.

Б. После революции 1905 г. до мировой войны.

1.

Положение нашего денежного рынка за период депрессии 1907—1909 г.г. видно прежде всего по уровню учетного процента (см. табл. на стр. 295).

По сравнению с 1906 г. мы везде имеем в 1907 г. повышение средней нормы, исключение представляет Россия, где учет понизился на 0,15%. Это повышение на Западе было вызвано кризи-

[1]) В то время как в 1901 г. было ликвидировано 16 акц. предприятий с капиталом в 24 м. р. и в 1902 г. 31 предприятие с 37,4 м. р., в 1904 г. было ликвидировано 42 предприятия с 37,2 м. р., в 1905 г.—40 с 49,3 и в 1906—19 с 11,1 м. р.

сом, который разразился в сильной форме в последней четверти 1907 г. На России это отразилось повышением учета в конце года с 7 до 7½%. Наступившее было у нас ослабление стеснения на денежном рынке, отчего и получилось некоторое понижение средней годовой нормы, вновь сменилось ухудшением. Легкое улучшение, наблюдавшееся в первую половину года в некоторых отраслях, к концу года исчезло. Кризис 1904—1906 г.г. сменился в 1907 году у нас депрессией, продолжавшейся и в 1908, и большую часть 1909 г.

Годы.	Берлин.	Париж.	Лондон.	С.-Петербург.
1906	5,00	3,00	4,27	7,27
1907	6,03	3,47	4,93	7,12
1908	4,76	3,04	3,01	5,99
1909	3,92	3,00	3,10	4 99
1910	4,35	3,00	3,72	4,50
1911	4,40	3,14	3,47	4,50
1912	4,95	3,38	3,78	5,06
1913	5,88	4,00	4,75	6 00
1914	4,89	4,22	4,06	5,81
1915	5,00	5,00	5,00	6,00
1916	5,00	5,00	5,00	6,00

Чисто денежный кризис чувствовался в С. Америке еще в конце 1906 г. и в начале 1907 г.; но он скоро прошел, чтобы в октябре вновь проявиться, уже как спутник *общего* мирового кризиса. В С. Штатах мы в это время видим сильнейшую панику на бирже. Они переживают фазу „краха". Это отражается и в Европе. Даже Banque de France должен был поднять в конце 1907 года учет сначала до 3½, а потом до 4%; в Англии он стоял на 7, в Германии на 7½% — явление, которое уже давно не наблюдалось в этих банках, которое отсутствовало и во время общего кризиса 1900—1901 года. Это показывало, что периоды паники далеко еще не отжили свой век и в *старых* капиталистических странах с развитой и испытанной банковой системой, тем более в Соед. Штатах, где денежная система, как известно, страдала тогда особенно большими недостатками. Так, в Нью-Йорке за суточные деньги в декабре 1907 г. платили по 20—25% (в то время как в Гамбурге 9½%). В последнюю четверть 1907 года число несостоятельностей—особенно банков—

сильно возросло, что продолжалось и в первую четверть 1908 г.; в последующие месяцы оно сократилось.

Высокие учетные ставки продолжались повсюду и в первую треть 1908 г., но с февраля все понижались. Так, в Лондоне учетная норма с 7% в январе упала в феврале до 4%, а в июне равнялась уже $2^1/_2$%; в Берлине за соответствующие месяцы $7^1/_2$—6—4%; в Париже учет с 4% понизился уже в феврале до 3% и таким остался весь год. У нас он с $7^1/_2$% — таким он был и в конце 1907 года — понизился в феврале до $6^1/_2$%; дальнейшее понижение обнаружилось в мае—до 6% и в июле до $5^1/_2$%, и таким мы его видим до конца года. Низкая средняя норма у нас в 1908 году, по сравнению с 1907 г. и с 1906 г., объясняется тем, что учетные ставки во второй половине года вопреки обыкновению остались на низком уровне (всегда они осенью повышаются, а весной и летом понижаются). Это в свою очередь следует приписать обилию денег, вследствие сильного застоя в промышленности и торговле... Понижение продолжалось и в 1909 г., и достигло особенно низкого уровня летом, но в сентябре—октябре возникло опять сильное повышение в Германии и Англии. Сильнейшее денежное стеснение здесь было преодолено лишь благодаря содействию банков Парижа, Вены и Голландии. Причина этого внезапного повышения процента— отчасти и в недостаточной эластичности эмиссионных банков Германии и Англии. Но на это повышение повлияло главным образом начавшееся оживление промышленности, усиленные выпуски различных — в том числе и государственных—ценностей и разыгравшаяся спекуляция на бирже, особенно в Германии. В противоположность Западу у нас в сентябре оффициальный учетный % был понижен (до $4^1/_2$); поднялся лишь частный на $^1/_2$%. Объяснение этого явления находится в рекордном урожае и в реализации его по сравнительно хорошим ценам на международном рынке. Это значительно увеличило наши денежные средства, и обилие их чувствовалось особенно сильно, вследствие продолжавшегося застоя в промышленности. Мы даже снабжали деньгами заграничных банкиров. Понижение нашего оффициального учетного % было вполне безопасно, так как благодаря сильно активному торговому балансу вексельные курсы были очень благоприятны для нас; происходил приток золота из-за границы.

В 1910 г. наши денежные средства продолжали возрастать. На Западе, в частности в Англии и Германии, в начале года было также свободно с деньгами: в январе они понизили учет, то же в феврале; в марте некоторое стеснение, которое летом проходит. Но в августе снова начинается сжатие, которое все развивается: в сентябре Германия поднимает учет до 5%, то же делает и Англия в октябре. В начале декабря (н. ст.) он вновь понижается в последней до $4^1/_2$%. В 1910 г. Англия 9 раз меняла ставку (в 1909 г. — 6 раз). На Западе оффициальные ставки идут обычно вслед за движениями частных и стоят выше их, у нас же частный учет выше: в октябре он колебался в С.-Петербурге от $5^1/_2$ до 7%, оффициальный же равнялся $4^1/_2$%. Стеснение на денежном рынке осенью в Англии было вызвано неимоверной эмиссионной деятельностью, в Германии—биржевой спекуляцией; влияли в этих странах и другие причины: отлив золота в колонии и пр. На нашем денежном рынке, конечно, отразились изменения на мировом, и у нас осенью ощущалось сжатие частного кредита. Деньги пошли на реализацию урожая, кроме того биржевой ажиотаж поглотил значительное количество средств частных банков. В ноябре наступает и у нас облегчение, и частный дисконт опускается до $5^1/_8$%, а в середине декабря до 5%.

2.

Общее состояние торговли и промышленности.

Анализ движения нашего промышленного капитала ясно показывает, что толчок, который получили у нас производства средств производства в 1910 г., был дан им, главным образом, благоприятными урожаями 1909 и 1910 г.г.[1]) и выгодными для нас условиями реализации хлеба на мировом рынке. Эти урожаи дали около 1,3 миллиарда пудов хлеба более урожаев 1907 г. и 1908 г.г. ценностью свыше 1,5 миллиарда рублей, что улучшило кредит и финансовое положение страны. Средства банков возросли; появление свободных денежных капиталов усилило домостроительство, что вызвало спрос на железные, керамические и лесные продукты, а улучшение положения железнодорожного хозяйства, в связи с увеличением количества перевезенных грузов, подняло несколько спрос и на железнодорожные материалы. Все это, вместе с заказами морского ведомства, увеличило спрос на продукты железной и вообще горнозаводской промышленности. Само собой понятно, что урожаи, улучшив положение сельского населения, увеличили спрос и на предметы личного потребления, что дало толчок увеличению соответ-

[1]) Что урожаи 1909 и 1910 годов оказались главными факторами общего оживления нашей промышленности, на это указывалось и в объяснительной записке министерства финансов к проекту росписи на 1912 г. „Обрабатывающая промышленность несомненно складывалась в 1910 году главным образом под влиянием двух последовательных урожаев. Отразившись прежде всего непосредственно на таких тесно связанных с сельским хозяйством фабрично-заводских производствах, как сахарное, крахмальное, винокуренное, мукомольное, обильные урожаи в то же время создали усиленное требование на многие необходимые для сельского хозяйства фабрично-заводские изделия, а главное существенно подкрепили покупательные средства как сельского, так и городского потребителя и оживили этим путем спрос на все вообще продукты нашей обрабатывающей промышленности. Благоприятное положение государственного казначейства в свою очередь тоже оказало влияние на промышленность, выразившись в заметном увеличении правительственных заказов заводам. В тоже время в городах развивалось усиленное строительство, вследствие чего возросло потребление изготовляемых на заводах строительных материалов — обработанного дерева, кирпича, цемента, железа в разных видах, оконного стекла и т. д.".

ствующих отраслей промышленности и в первую голову текстильной. Это оживление промышленности усилило, как мы увидим далее подробно, развитие производительных сил, содействовало улучшению техники — которое не прекращалось, но лишь ослабело и в период застоя 1900—1909 г.г., — увеличило заметно в 1910 году число рабочих, как это констатировали отчеты фабричных инспекторов

В 1911 году наступил неурожай, охвативший 20 губерний и областей в восточной части Европейской России и в западной Сибири, с населением в 30 миллионов душ. Из различных мест Оренбургской, Самарской, Саратовской и Уфимской губерний приходили известия, что голод подрывает окончательно производительные силы крестьянских масс. Шла распродажа за бесценок наделов, рабочего скота и всякого инвентаря. На прокорм скота шли „съедобные крыши", люди ели не хлеб, а лебеду. Дети питались желудями и пухли. В татарских деревнях шла продажа девушек, в Башкирии детей — киргизам. Тиф и чума свирепствовали во-всю. Короче говоря, налицо была знакомая картина, периодически появляющаяся у нас в более или менее мрачных тонах в зависимости от размеров неурожая.

Неурожай 1911 г. прежде всего отразился на потребностях самого крестьянского хозяйства. Сократился спрос на сельскохозяйственные орудия и особенно на рядовые сеялки, о распространении которых среди крестьян много тогда говорили. Спрос на удобрительные туки в поволжском и северо-восточном районах упал на 50 — 80%, главнейшие осенние обороты с семенным товаром сократились в общем на 20 — 30%, в отдельных районах и на 60—70%. Каково было влияние неурожая вообще на широкую внутреннюю торговлю, видно и на ходе ярмарок: „Нижегородская оказалась неудачной для изделий, имеющих сбыт у крестян" — признало и министерство финансов. Торговля хлопчато-бумажными изделиями была ниже среднего оборота на 30%, а по другим данным — и на целых 50%; торговля шерстяными тканями и сукнами на 25%, а с лодзинскими лами в общем прошла еще хуже, чем с готовыми изделиями". Столько же пострадал и кожевенный рынок... Мензелинская ярмарка оказалась на 40%, а Барнаульская на 50% ниже среднего. Покровская ярмарка в Харькове прошла с недобором. Неудачна была и Контрактовая ярмарка в Киеве. Тяжелое положение внутренней торговли видно также из корреспонденций из различных мест: Ростова-на-Дону, Полтавы, Саратова, Тюмени. Появилась и эпидемия банкротств.

В первую половину 1911 г. с деньгами на мировом рынке было свободно: Английский банк и Французский держались 3% ставки; частные были $1^1/_2$ — $1^3/_4$%; в Берлине соответственно выше: 4 и 3%. Марокканский конфликт изменил положение. Франция начала стягивать свои капиталы на мировом денежном рынке. Англия, Голландия, Бельгия и Италия тоже потянули в сентябре свои капиталы из Германии; последняя в свою очередь предъ-

явила требования к кредитующимся у нее — России и Австрии. Получилась как бы репетиция того представления на денежном театре войны, которое разыгралось en grand три года спустя. Это было как бы испытанием степени финансовой боевой готовности... Осенью на Западе ставки везде возросли, при чем частные превышали местами оффициальные. Наши же денежные дела и в 1911 году продолжали быть настолько благоприятными, что несмотря ни на Марокко, ни на войну Италии с Турцией, ни на воздержание кредитовавших нас французских банкиров, ни на то, что нам пришлось все же расплатиться частью валютного фонда, ставка Государственного банка оставалась неизменной. Неурожай не успел еще сказаться: вывоз хлебов, как по количеству, так и по ценности, в 1911 году мало уступал 1910 году. Все же неурожай дал себя почувствовать в последнюю треть в 1911 г., сильно сократив прирост государственных доходов, что продолжалось и в первые две трети 1912 года. Картина, однако, приняла совсем иной вид в 1912 году, когда вывоз хлебов по количеству сократился на одну треть, а по ценности на одну четверть против 1911 года (сказалось и закрытие Дарданелл). Государственный банк уже в марте 1912 года поднимает учет. Деньги слабо текут к нам: на Западе подъем; появляются опасения отлива иностранных капиталов... Осенью война на Балканах. Все эмиссионные банки, забив тревогу, начинают поднимать учет, и в частности Париж до 4%, впервые за последние 10 лет. Государственный банк в середине октября также поднимает ставку до $5^1/_2$%, и в декабре до 6%. Сказалась зависимость нашего денежного рынка от заграницы, особенно от Парижа. Лишь исключительные условия дали нам возможность в 1909 — 1911 г.г. держать осенью оффициальные ставки ниже германских, а в 1910 году даже и английских.

Неурожай 1911 года отразился на сельском хозяйстве и отраслях, связанных с ним [1]). Он задел отрасли, изготовляющие средства личного потребления, и прежде всего мелкие и средние

---

[1]) Неурожай отразился на скотоводстве. При убое повышенном в 4-х пострадавших от неурожая районах: Поволжском, Заволжском, Зауральском и Сибирском на 8 — 20% сравнительно с 1910 годом, цены на мясо упали от 15 до 35%. „В скотопромышленных районах, и главным образом, в местностях, пострадавших от недорода, цена мяса упала до небывало низких размеров 2 — 1 р. 50 к. за пуд" — сообщает „Торг.-Пром. Газета" в своем годовом обзоре состояния скотопромышленности (№ 6, 1912 г.). И это понижение цен отразилось и „на конъюнктуре рыбного рынка — последний оказался в полном застое там, где мясо подешевело". Пострадало и птицеводство — одна из отраслей крестьянского хозяйства. Поволжье сократило отпуск живности на рынок на 25 — 30%. Но и те районы, которые увеличили отпуск — например, юго-западный, — также показывают сокращение птицеводства из-за дороговизны корма... Неурожай кормов в Тобольской, Томской губ., в Тургайской и Амолинской областях отразился на продуктивном скотоводстве западной Сибири, что сильно понизило маслоделие: значительное число маслодельных заводов закрылось. Неурожай повлиял неблагоприятно на мукомольное дело во всех районах, и это в связи с поднятием и колебанием цен на зерно на внутреннем рынке и с сокращением

предприятия. Он ослабил движение промышленного капитала, но остановить начавшийся цикл не мог. И мы видим, как рядом с закрытием маслодельных заводов, с сокращением производства мукомольного, с перепроизводством в кожевенной и текстильной отраслях, с ухудшением, далее, в химической индустрии, связанной с текстильной, продолжали в 1911/12 г. развиваться каменноугольная, железная, медная, электрическая и керамическая отрасли, т.-е. производства средств производства, задающие тон цикловому движению промышленного капитала. Этому благоприятствовало и то, что в 1911 и 1912 годах мы шли в общем цикле с мировым капиталом, и что в 1912 г. мы имели опять удовлетворительный урожай.

3.

Такое положение дел дало повод Министерству Финансов в объяснительной записке к росписи на 1913 год и в развернувшихся, при обсуждении бюджета на этот год, дебатах в Государственной Думе представить экономическое развитие страны в самых блестящих красках.

„Последние три года"—читаем мы в этой записке—„в особенности отличаются силой поступательного движения, выделяющегося из того естественного развития, которое обусловливается приростом населения. Насколько можно судить по тем данным, которые были добыты экономической статистикой, современное народное хозяйство России вступило на путь широкого развития производительных сил. Анализ отдельных отраслей его приводит к тому общему заключению, что ближайшее будущее народного хозяйства обещает дальнейшие успехи, как естественное продолжение столь ясно обозначившегося экономического подъема последних лет. Сила этого подъема покоится на повышающейся покупательной способности внутреннего рынка, а рост последней так велик, что в настоящее время производство существующих фабрик и заводов не может в полной мере удовлетворить внутренний спрос и.. страна вынуждена

спроса на муку. В особенности пострадал средне-волжский мукомольный район. Здесь обороты сократились на 30—35%. В тяжелом положении оказалась и к о ж е в е н н а я промышленность, производство которой в первой половине года сильно возросло. Неурожай сильно сократил спрос на кожу и обувь. В результате перепроизводство и сокращение производства особенно в Московском районе. Что неурожай сильно отразился на т е к с т и л ь н о м производстве, это признавалось всеми. Увеличение х л о п ч а т о-б у м а ж н о г о производства в 1910—1911 гг. в связи с постройкой ряда новых фабрик — прядильных и ткацких — и расширением старых — с увеличением числа веретен — столкнулось с сокращением потребления вследствие неурожая. И в результате крупное перепроизводство в Московском и Лодзинском районах и понижение цен, характеризующие вторую половину года. В тяжелом состоянии оказалась и ш е р с т я н а я промышленность, при чем пострадали особенно средние и мелкие фабрики; в заминке находилось и производство шелковых изделий.

(См. нашу статью „Неурожай и его последствия" в журн. „Просвещение" № 1, 1912 г.).

испытывать недостаток чугуна, железа, топлива и других необходимейших предметов, допуская значительный привоз сырья, полуфабрикатов и изделий, которые с успехом могли бы производиться дома".

И для доказательства этого расцвета министр финансов ссылается прежде всего на сельское хозяйство. Оказывается, что по произведенному в 1895 году подсчету общая сумма производительности нашего сельского хозяйства была 4 милрд. руб., произведенный же по тому же методу подсчет в 1910 году определяет эту сумму в 9 милрд. руб. То-есть за 15 лет производительность возросла в 2¼ раза, и это несмотря на голодовки, войну, революцию и контр-революцию. Чем вызван этот успех? Министр финансов указывает на увеличение посевной площади, производительности труда, интенсивности земледелия, вообще на поднятие нашего сельского хозяйства. Мы в специальном отделе подробно рассмотрим состояние нашей деревни в этот период и увидим, насколько все это соответствовало действительности. Здесь же нам достаточно показать, что таким статистическим методом, каким пользовался г. министр финансов, можно создать иллюзию какого угодно благополучия. При оценке состояния производительных сил нужно считаться с состоянием р е а л ь н о г о, а не н о м и н а л ь н о г о богатства страны. Сумма цен продуктов в данной отрасли может возрасти и при с о к р а щ е н и и производства и у п а д к е производительности в ней.

Если принять среднюю хлебных цен за 1891—1910 годы у нас за 100, то окажется, что в 1895 году рыночная цена равнялась 69, а в 1910 г. — 103, и это несмотря на то, что 1895 г. был неурожайный, а 1910 г. урожайный. Приняв среднее урожаев за этот же период 1891—1910 годов за 100, мы будем иметь урожай 1895 года равным 93, а 1910 г.—126. Повышение цен произошло вследствие изменения в условиях мирового рынка. Судить по этому повышению о росте производительности земледелия у нас нельзя, а между тем это повышение цен сыграло большую роль в поднятии „стоимости произведений сельского хозяйства" в 1910 году до 9 миллиардов рублей. Далее, сравнение неурожайного 1895 года с урожайным 1910 г. имело бы еще оправдание, если бы голодовки отошли у нас за эти пятнадцать лет в область преданий. Но этого ведь не было: в 1907 г., 1908 г. и в 1911 г. мы имели неурожаи худшие, чем в 1895 г. И даже в 1912 году, когда писалась эта розовая „записка" при среднем — или, если хотите, выше-среднем по количеству [1])—урожае недород все же посетил ряд губерний.

При таком номинальном в значительной степени благополучии деревни нет ничего удивительного, что в эти 1911—1912 г.г. оффициального „пышного" расцвета нашей промышленности

[1]) По данным Центрального статистического комитета урожай был хороший даже рекордный, но другие источники указывают на нестроту его и плохое качество зерна.

текстильная промышленность, занимавшая в 1912 году 880 тысяч или 41% всех рабочих, подчиненных фабричной инспекции,— в том числе хлопчато-бумажная около 551 тысячи или 25%,— переживала в общем депрессию, а местами и кризис. Мы уже указывали, что урожаи 1909 г. и 1910 г. оживили хлопчато-бумажную промышленность и, наоборот, неурожай 1911 года отразился на ней неблагоприятно. Положение ее не улучшилось и в 1912 году. Нижегородская ярмарка оказалась для этой индустрии не важной, а осенние и зимние месяцы 1912/1913 г. были плохи. Крещенская ярмарка в 1912 г. и Контрактовая 1913 г. прошли вяло. Мы отметили уже, что реализация урожая 1912 года, в силу ряда причин, была неудачная. „В течение всей прошлой зимы" — писал „Вестник Мануфактурной промышленности" (сентябрь—октябрь 1913 г.)—„дела были так плохи, что позволяли говорить о мануфактурном кризисе. Многие старые фирмы, пользовавшиеся кредитом, пошатнулись и перешли в другие руки или подпали под контроль банков, оказавших им денежную поддержку". Банкротства и неплатежи посреднических фирм приняли эпидемический характер. Положение обострилось, вследствие высоких цен на сырье...

На то, что мануфактурная промышленность в 1911/1912 и 1912/1913 г.г. переживала кризис, указывал в своей речи, по поводу декларации г. Коковцова и во время обсуждения бюджета на 1913 г., г. Коновалов. Он напомнил министру финансов, что всего несколько месяцев после появления его розовой записки к росписи на 1913 г. „Государственный банк должен был войти в консорциум других банков для поддержки целого ряда мануфактурных фирм". А в записке на 1914 г. и сам министр финансов счел нужным отметить, что „минувший 1912 год ознаменовался значительными затруднениями в области хлопчато-бумажного производства. Сильнее всего дали себя чувствовать эти затруднения в Лодзинском и Иваново-Вознесенском промышленных районах". И он скромно упомянул при этом, что в „Лодзинском районе трудное положение наблюдалось уже с осени 1911 г. Причинами заминки—писал он—являлись перепроизводство, вследствие переоценки спроса в предыдущие годы, сужение внутреннего рынка и затруднения с кредитом во время войны на Балканах". Льняная промышленность, тоже пострадавшая от неурожая 1911 года, улучшила немного свое положение в 1912/1913 г.г., благодаря крупным заказам казны, шелковая же в конце 1912 года вынуждена была сократить производство. И только улучшившиеся в 1913 году условия реализации урожая 1912 года и рекордный урожай 1913 года вновь оживили текстильную промышленность во вторую половину этого года.

Все это подтверждается сводом отчетов фабричных инспекторов за 1913 год, появившимся значительно позже. В нем указывается, что в Лодзинском районе только к весне 1913 года кризис текстильный стал несколько ослабевать, и благоприятное положение наступило лишь во вторую половину года. Точно также во многих уездах Владимирской губернии бумаго-ткацкое производство находилось в условиях неблагоприятной конъюнктуры и опять-таки лишь осенью заработало интенсивно. И в шерстяной отрасли плохое состояние дел в Гродненской губернии и в Царстве Польском в первой половине 1913 года сменилось оживлением во второй. Заработали интенсивно с осени и предприятия, занятые обработкой льна, пеньки и джута: спрос на мешки, благодаря обильному урожаю и казенные заказы. Таким образом мы видим и здесь доминирующее значение для текстильной индустрии состояния урожаев в стране. Эта отрасль производства переживала застой в то время, когда отрасли средств производства переживали оживление, что должно было отразиться благоприятно и на ней. Влияние неурожая на нее оказалось таким образом сильнее влияния самостоятельного движения общественного промышленного капитала; и это показывает слабость нашего промышленного капитализма в довоенное время [1]).

Нечего говорить, что производства близко стоящие к сельскому хозяйству, как свекло-сахарное, улучшили свое положение в 1913 году, а мукомольное, развивавшееся у нас и в застойные 1900—1908 г.г., в силу шедшего процесса расширения у нас денежного хозяйства, в 1913 г. работало особенно усиленно: на некоторых мельницах на 30% больше 1912 г.

В 1913 г. стеснение на мировом денежном рынке не ослабело: с одной стороны политические события внушали опасения, с другой стороны произошел перелом в конъюнктуре на Западе. Появились все признаки надвигающегося кризиса, что так же не могло не сказаться сначала и на денежном рынке. Но в то время как и в Германии, и в Англии, и в Бельгии, и в Соединенных Штатах цены всех сортов железных продуктов понизились, медный рынок заколебался, запасы возросли, а спрос на продукты личного потребления сократился, у нас в 1913 году положение промышленности было лучше, чем в 1912 году. Чувствовался все больше недостаточный приток иностранного

[1]) „Как бы ни разрешился земельный вопрос, какие бы временные утраты ни пришлось переживать сельскому хозяйству, в конечном результате земля перейдет в крепкие руки хозяйственного мужика—писал проф. Гриневецкий весною 1918 года. Этот тип крестьянского хозяйства имеет перед собой перспективы наибольшей продуктивности и свое поступательное движение показал еще перед войной после Столыпинской реформы". Прежде всего к словам „перспективы наибольшей продуктивности" следует прибавить: у нас. Что же касается „поступательного движения этого типа хозяйства", то, как увидим подробно во втором томе нашей книги, этот тип был едва заметен в общей массе крестьянской отсталости и бедноты. Утверждение же проф. Гриневецкого, что это „поступательное движение в период 1909—1913 г.г. дало чрезвычайно быстрый экономический расцвет России и неожиданно скорое исцеление последствий Японской войны и экономической разрухи 1905—1906 г.г.", если и согласуется с Коковцовым,—который впрочем приписывал это своей финансовой политике,—то далеко не соответствует действительности, что мы видим уже в этом томе нашей работы. (Подчеркнуто нами. *А. Ф.-Е.*).

капитала. Ставки высоки, особенно на частном рынке [1]). В 1914 г. на Западе, в связи с развивающейся депрессией, с сокращением оборотов с бумажными ценностями, мы видим в марте снижение ставок во всех эмиссионных учреждениях. То же делает и наш Банк, установив $5^1/_2\%$. Еще больше снижается частный дисконт, что мы увидим далее. Но в то же время везде обнаруживается стремление усилить свою финансовую боевую готовность, тенденция, наметившаяся уже после Мароккского конфликта.

4.

Мы указывали выше, что движение, начатое отраслями производства средств производства в 1910 году, хотя и замедлилось под влиянием неурожая 1911 года, но не прекратилось. Это, а так же более благоприятные условия для отраслей производства средств потребления, благодаря четырем урожаям 1909, 1910, 1912 и 1913 г.г., придали периоду с конца 1909 года до средины июля 1914 г. — начало войны, — характер *нового* циклового движения нашего промышленного капитала, прошедшего фазу оживления, а со второй половины 1913 г. и фазу просперитета, но не успевшего перейти, в силу медленности и слабости своего движения, в фазу расцвета, а затем и перепроизводства. Это последнее пришло вместе с войною.

Общее положение нашей фабрично-заводской промышленности за этот период видно из данных сводных отчетов фабричных инспекторов о числе заведений и количестве рабочих, состоящих под их надзором (горные заводы, значит не входят):

Годы.	Число заведений.	Число рабочих.	Увеличение + или сокращение — по сравнению с предыдущим годом			
			Число заведений.		Число рабочих.	
1909	14.733	1.832.783	— 220	— 1,5%	+ 26.614	+ 1,4%
1910	15.721	1.951.955	+ 988	+ 6,7%	+ 119.172	+ 6,5%
1911	16.600	2.051.198	+ 879	+ 5,6%	+ 99.243	+ 5 1%
1912	17.356	2.151.191	+ 756	+ 4,6%	+ 99.993	+ 4,9%
1913	17.877	2 319.577	+ 521	+ 3 0%	+ 168.386	+ 7,8%

[1]) Частные ставки средние за год:

Годы.	Лондон.	Париж.	Берлин.	С.-Петербург
1910	3,18	2,44	3,54	$6^3/_4 — 7$
1911	2,94	2,61	3,54	$5^3/_4 — 6^1/_2$
1912	3,64	3,16	4,22	$5^3/_4 — 6^3/_4$
1913	4,37	3,87	4,75	$6^1/_4 — 6^3/_4$

По данным мин. торговли и промышленности, разработанным В. Варзаром, общая годовая сумма производства фабрик и заводов, считая и горнозаводские производства, составляла в 1908 г. 4,3 милрд. рублей. К концу 1912 г. эта сумма определяется в 5.134 милл. руб., так что рост производства за эти годы выразился в сумме 827 милл. руб. Но следует принять во внимание, что за последние годы наблюдалось сильное повышение цен, особенно в тяжелой индустрии, и это должно было отразиться на общей сумме производства.

Отчеты фабричных инспекторов отмечают, что наибольшее развитие за эти годы наблюдалось в металло-обрабатывающей промышленности, и ставят это в связь с усиленными заказами военного и морского министерства и ведомства путей сообщения, что совершенно верно. Известно, какой крупной потребительницей продуктов нашей капиталистической промышленности являлась казна. Но рост заказов на цели милитаризма и маринизма сам по себе еще не доказывал роста экономического благосостояния страны; этот рост стоял в связи с ростом нашего государственного бюджета, что как мы видели выше, действительно имело место.

Но кроме казенных заказов правительство за эти годы старательно культивировало частное железнодорожное строительство, при чем оно не только широкой рукой раздавало концессии на самых льготных условиях различным частным обществам, но доставало им деньги за границей. За период 1896—1904 г.г. семь старых крупных частных железных дорог соорудили 13.228 верст; за период 1905—1916 г.г. правительственные гарантии были даны двадцати семи *новым* обществам, которым предоставлено было построить 17,6 тысяч верст, старым же обществам 6,6 тыс. Кроме того без правительственной гарантии было разрешено к постройке 1.457 верст второстепенных линий, и ветвей—1.301 верста. Таким образом за 1905—16 г.г. комиссией о новых железных дорогах было одобрено к постройке 25,5 тыс. верст на сумму 2,2 миллиарда рублей, да еще спроектировано 7,4 тыс. верст.—За 1908—1913 г.г. общее протяжение сети (без Финляндии) возросло с 59,6 тыс. верст до 63,7 тыс. верст, в том числе казенной с 41,9 тысяч до 44,6 тыс., а частной с 17,8 до 19,1 тыс. верст.—В *постройке* же на 1 янв. 1914 г. числилось 8,8 тыс. верст, в том числе 2,1 тыс. верст казенной и 6,7 частной сети. За 1908—1913 г.г. казной было ассигновано на усиление старых железных дорог и расширение сети около 900 миллионов рублей, а частными дорогами для усиления подвижного состава, обновления старой сети и постройки новых дорог было выпущено гарантированных железнодорожных облигаций на 870 миллионов рублей. Все это были не бог весть какие суммы по сравнению с действительной потребностью страны в поднятии железнодорожного сообщения, но они все же не могли не увеличить спроса на продукты нашей железоделательной и металлообрабатывающей промышленности. По заказам, поступавшим в общество „Продамета", видно, что продол-

жали расти требования именно на железнодорожный материал на рельсы, оси, бандажи и проч.

Рост железнодорожного строительства, естественно, отразился и на ряде других отраслей, доставляющих материалы для железных дорог. Так, поднялась за рассматриваемые годы и лесная промышленность. На последней, как и на железной промышленности, отразилась и заметно возросшее в 1909—1913 г.г. домостроительство, что дало толчок и цементному, и кирпичному и другим производствам, поставляющим строительный материал.

Несмотря, однако, на рост производства железной промышленности и ряда других отраслей, изготовляющих средства производства, как медной, что состояло в связи с развитием у нас за эти годы и электрической промышленности, и химической промышленности — все же приходится признать, что подъем капиталистической промышленности, в наиболее характерных ее отраслях, был за эти годы **слабый**, в чем мы убедимся при подробном обзоре как этих отраслей, так и каменноугольной, нефтяной и других.

Представленный нами выше обзор главнейших отраслей нашей капиталистической промышленности и более детальное исследование, на котором мы здесь не останавливаемся, показывают, что промышленный капитал ускорил у нас свое движение за последние годы мирового промышленного подъема до войны. Увеличилось производство средств производства, увеличилось и производство предметов личного потребления, улучшилась техника, увеличилось число рабочих, усилился концентрационный процесс, возросло акционерное дело, усилилось синдикатское движение со всеми его отрицательными сторонами, о чем в другом месте, проявилась также тенденция к установлению более тесной связи между банками и промышленностью, банковым и индустриальным капиталом. Что капитал у нас в 1909—1913 г.г. прогрессировал, в этом не было сомнений, он подвигался вперед и в 1900—1908 г.г. И в последнем явлении не было ничего особенного: мы видели в отделе о теории кризисов, что периоды депрессии и расцвета отличаются лишь **темпом** роста капитала; **континуитет** — это условие жизни и капиталистического строя. Поэтому те, кто подобно проф. Туган-Барановскому или премьер министру Коковцеву, заявляли, что капитализм у нас развивается, ломились в открытую дверь. Вопрос был, — это мы всегда подчеркивали, — в том, **как** он развивается. И здесь ответ мог быть один.

Производительный капитал и в пятилетие до войны двигался черепашьим шагом; и это, несмотря на ряд урожаев, на сравнительно благоприятные условия их реализации, на увеличенные казенные заказы и на приток иностранного капитала.

Но если **производительный** капитал двигался медленно [1]), то **денежный** шел быстро. Внутренний денежный рынок несомненно рос. Куда шли возраставшие денежные средства — это покажет нам исследование рынка. Для этого обратимся прежде всего к нашим **кредитным** учреждениям.

---

[1]) В своей статье „К вопросу исторического развития России" М. Н. Покровский, правильно выдвигая роль торгового капитала у нас, рядом с этим начинавшего переходить в финансовый. По концентрации производства Россия начала XX века стояла выше Германии (у нас в предприятиях более чем с 1000 рабочих было занято 24% всех рабочих, в Германии 8%), а по абсолютным цифрам — выше даже Америки (в 1914 г. в предприятиях с 1000 рабочих и более в России было занято 1.300 тысяч человек, в С. Штатах 1.255 тыс., при чем на каждое русское предприятие приходилось 2.490 рабочих, а на американские 1.940, но тут конечно нужно иметь в виду американскую машинизацию). Господство банковского капитала носило резко выраженные формы: в руках банков у нас было 86% всей добычи нефти, 76,9% всей добычи каменного угля, 85,8% всей металлургии. По **темпу** своего роста русская металлургия за последние десятилетия перед войной занимала **первое** место в мире... По количеству **веретен** русская прядильная промышленность уже в 1891 г. занимала первое место на **континенте**... Легенду об „отсталости" и „медленном росте" приходится оставить". („Под знаменем марксизма", № 4, 1925 г., 128—129 стр.).

О финансовом капитале, являющемся формой **денежного** капитала, движущегося отлично от промышленного, мы говорим дальше подробно. Здесь же заметим, что М. Покровский хватает через край даже с точки зрения ошибочной теории Гильфердинга, когда утверждает, что капитализм в России перед революцией переходил в высшую фазу. Это в России-то, бедной капиталами, „промышленный капитализм начинал переходить в финансовый", т.-е. экспортирующий **избыточный** капитал! Да сама крупная роль банков в нашей промышленности объясняется слабостью промышленного капитала, **слабостью** его **накопления**... Концентрационный процесс у нас был сильный, гигантские предприятия особенно развивались; в этом мы были согласны с Туган-Барановским (см. наше „Соврем. хозяйство России", 1911 г., стр. 334); на этом мы остановимся во II томе при анализе движения нашего промышленного капитала. Но утверждать на основании числа рабочих, занятых в крупных предприятиях у нас и на Западе, что по степени **концентрации** производства мы стоим выше Германии и С. Штатов, это значит игнорировать не только высоту техники у нас и там, но техническую отсталость нашего рабочего, низшую производительность и интенсивность труда у нас. Чтобы судить о концентрации производства, надо было привести данные и об органическом составе капитала, о размерах **основного** капитала, о количестве произведенных товаров etc... Мы оставляем в стороне вопрос **о централизации** у нас и в Германии или в С. Штатах.

„По **темпу** своего роста русская металлургия за **последние** десятилетия перед войной была **первой** в мире" — указывает М. Покровский. Прежде всего, в **детском** возрасте организм растет скорее, чем в зрелом. Кроме того, нужно же помнить, что темп роста добычи чугуна был у нас первым в мире **только** в десятилетие 1890—1899 г. г.; в десятилетие же 1900—1909 г. г. мы переживали **застой**, в то время как Запад — особенно Германия и С. Штаты — усиленно развивали свою металлургию... Количество **веретен** за последние 15 лет до войны также слабо увеличивалось; на континенте Германия нас заметно перегнала... Однако подробные статистические данные мы приведем во II томе. Здесь подчеркнем еще, что **о степени** развития промышленного капитализма в стране рискованно было судить по таким признакам, какие привел М. Покровский; нужно было принять во внимание **душевое** производство, и душевое потребление (производительное и личное) главнейших товаров капиталистической индустрии... Нет, „отсталость" и „медленный рост" нашего промышленного капитала — не легенда, а действительная история: сказка, наоборот, — американский рост нашей промышленности...

НАША БАНКОВАЯ СИСТЕМА КОММЕРЧЕСКОГО КРЕДИТА.

1.

Как мы видели неоднократно выше Государственный, банк был у нас не только эмиссионным учреждением, но и крупнейшим банком коммерческого кредита, оказывавшим непосредственно краткосрочный — а подчас и долгосрочный — кредит лицам и учреждениям. Эта роль абсолютно не упала до войны, хотя непосредственные выдачи с начала второй декады нынешнего столетия относительно понизились, по сравнению с кредитованием банков. Это видно из следующей таблицы:

	Выдано Государственным банком по учетно-ссудным операциям (в миллионах рублей):									
	В 1908 г.		В 1909 г.		В 1910 г.		В 1911 г.		В 1912 г.	
	Сумма.	%	Сумма.	%	Сумма.	%	Сумма.	%	Сумма.	%
Банкам	1028	53,8	1004	53,5	1931	63,3	3209	70,7	3533	70,8
Учреждениям мелк. кредита и другим посредственникам .	35	1,9	39	2,0	52	2,1	84	1,8	123	2.7
Непосредственные выдачи . .	845	44,2	837	44,5	1050	34,6	1249	27,5	1326	26.7

Анализ данных показывает, что в своих коммерческих операциях Государственный банк опирался прежде всего на выпуски билетов, далее на средствах казны, и меньше всего на вкладах частных лиц и учреждений. Зависимость от казны была одним из слабых мест банка. Стоило этим средствам сократиться, что и бывало обычно в тяжелые времена, как и Государственный банк вынужден был сжимать свои кредитные операции, что, конечно, отражалось на денежном рынке.

На активные операции Государственного банка влияли урожаи. Анализ оборотов учетной операции по месяцам ясно показывает, что они возрастают с началом реализации урожая, и размеры последнего отражаются на размерах этих оборотов.—

Урожаи влияли и на эмиссионную деятельность банка, на его пассивы: возрастали вклады, особенно казны. Но рядом с влиянием урожаев на коммерческие активные операции банка на них действовала, по мере развития промышленного капитала, и промышленность. Это проявилось с начала подъема 1893 г., когда произошла в 1894 г., и техническая реорганизация банка. Однако лишь в начале 90-х г.г. его активные коммерческие операции повышались в соответствии с движением промышленности, в последние же годы подъема (1897—1898 г.г.) они сократились. За 1899—1910 г.г. мы видим, что оне поднимались, и значительно, главным образом в те годы, когда свирепствовали кризисы: в 1899—1901 г.г. и 1905 г. Урожай и оживление 1909—13 г.г. вызвали также повышение его активных операций. В связи с развитием элеваторного дела Государственный банк увеличил финансирование урожаев, вернее, — хлебной торговли. В 1912 г. он выдал ссуд под хлеб прямо и через посредников на 190 милл. руб.; в 1913—242 милл. руб. [1]).

Подробный разбор коммерческих операций Государственного банка и частных банков (см. общую таблицу на стр. 335) приводит к заключению, что руководить нашим денежным рынком и направлять нашу общую кредитную банковую политику он не был в состоянии. Он напрягал свои силы на то, чтобы ослаблять почти постоянные стеснения на денежном рынке, ему удавалась часто роль тормаза, задерживавшего действие различных отрицательных факторов, но роль положительная, роль прогрессивного двигателя было ему не по плечу. Его бессилие видно, например, из того, что понижение им учетного % нисколько не мешало частному подниматься.

Наши финансовые и крупно-промышленные сферы привыкли смотреть на Государственный банк, как на казенный сундук, на счет которого можно нажиться во всякое время—стоит только жить в согласии с министерством финансов и высшими сферами— и который обязан возмещать их убытки во время денежных и промышленных кризисов. Мы видели выше усиленные обращения их к Государственному банку в такие моменты, мы видели также, как банк шел им навстречу в роли щедрого опекуна. Когда же на денежном рынке спокойно и благополучно и бояться за прочность этого сундука не приходится, тогда

[1]) По видам получателей ссуд под хлеб из Государств. банка мы имеем следующие две группы ярко иллюстрирующие преобладание ссуд торговцам.

	1911	1912	1913	1914	1915
			милл. руб.		
Ссуды сельским хозяевам	59.7	48.3	77 6	67.3	57.1
„ торговцам	135.8	141.2	164.4	117.9	52.4

Война конечно отразилась на ссудной хлебной операции банка. Она повлияла и на развитие элеваторного дела. Из намеченной к постройке Государств. банком сети элеваторов (в первую очередь 83), которую предполагалось закончить в 1916 г., к 1 января этого года было открыто 30, в постройке находилось 35 и не начато 18.

наши частные банки меньше всего считались с положительной политикой Государственного банка, они старались лишь ее использовать в своих интересах. Они усиленно кредитовались у него по дешевым ставкам, а сами продолжали всячески эксплуатировать внутренний рынок. В то же время они чутко прислушивались к колебаниям западно-европейского денежного рынка. Но стоило только операциям Государственного банка несколько ухудшиться, открываемому им кредиту немного сжаться, как частные банки немедленно реагировали: начиналось сжатие и заминка по всей линии. В этом отрицательном смысле влияние Государственного банка на весь наш денежный рынок было громадно.

Каковы были суммы кредитов, открытых Государственным банком частным кредитным учреждениям за период оживления до войны,—заодно приводим здесь и за время ее,—видно из следующих данных. (В общей сумме открытых счетов коммерческие банки составляли на 1/I 1914 г. 85%, 1/I 1915 г.—80,6%, 1/I 1916 г. 81,1% и 1/I 1917 г. 81,8%).

Годы:	Сумма открытых кредитов.	Собствен. капитал частных кредит. учрежд.	Вклады в эти учрежд.	Проц. отношен. суммы кред. к собств. капит. их	Проц. отношение к вклад. частных кредитн. учрежд.
На 1 января 1909 г.	234,4	405,2	1264,7	57,8	18,5
„ „ „ 1910 г.	247,9	436,4	1544,6	56,8	16.0
„ „ „ 1911 г.	357,0	561,2	1164,0	63.6	16,5
„ „ „ 1912 г.	481,0	695,3	1963,8	69,2	24,5
„ „ „ 1913 г.	558,7	910,8	2509,0	61,3	22,3
„ „ „ 1914 г.	611,4	996,5	2786,5	61.4	21,9
„ „ „ 1915 г.	792.7	1089,1	3152,9	72.8	25.1
„ „ „ 1916 г.	824,0	1090,1	4019,9	75,5	20,5
„ „ „ 1917 г.	906,8	1153,8	6764,5	78,5	13,2

Частные акционерные банки начинают у нас в первую декаду XX столетия играть все большую роль в коммерческих операциях страны. В то время как за 1893—1902 г.г. возникло семь банков, а за 1903—1907 г.г. ни одного, за 1908—1914 г.г. открылось 24 банка, при чем не только в столицах, но и в провинции.

I. Государственный банк.

Годы (на 1-е января):

	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
АКТИВЫ.												
Учет и специальные текущие счета под векселя	269,7	272,3	190,3	372,4	242,8	292,7	251,4	225,0	336,0	505,0	539,0	595,7
Ссуды и специальные тек. счета под проц. бумаги	110,6	100,1	110,6	281,1	170,0	148,0	130,1	88,7	151,7	203,0	211,3	202,6
Ссуды товарные	45,9	52,3	51,3	66,4	58,4	62,3	59,4	83,3	117,2	144,0	126,7	191,4
Вся учетно-ссудная операция	485,5	480,9	410,4	776,8	530,4	565,8	501,6	466,2	667,0	924,0	966,6	1072,0
Процентные бумаги, принадлежащие банку	48,9	58,2	61,8	84,9	98,0	97,9	100,9	70,7	116,0	190,0	128,8	107,9
ПАССИВЫ.												
Вклады и текущие счета	726,0	854,4	650,0	553,6	586,8	639,8	695,1	738,6	936,0	1133,0	1154,0	1228,1
В том числе:												
а) суммы казны	354,0	553,6	351,2	289,8	301,2	357,4	433,4	427,2	651,0	857,0	872,9	951,2
б) вклады срочные и бессрочные	58,9	52,7	52,9	59,5	66,3	64,1	57,5	55,9	261,0	258,0	266,0	263,1
в) текущие счета разных лиц и учреждений	198,6	178,4	202,2	204,3	183,0	167,0	152,3	217,8				

II. Акционерные коммерческие банки.

	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
АКТИВЫ.												
Касса и текущие счета	69,1	80,6	113,3	94,2	96,6	89,0	98,3	105,9	123,0	134,0	179,8	202,5
Учетная операция	555,9	648,7	612,8	555,4	549,2	612,3	715,6	837,5	1083,0	1241,0	1454,0	1546,5
Ссуды под залог проц. бумаг, товар. и тов. докум.	80,4	77,6	76,2	68,9	65,6	67,7	63,8	67,0	81,0	76,0	74,0	84,2
On call	251,7	289,9	303,1	354,4	362,7	392,1	417,1	536,2	912,0	896,0	1362,0	1531,0
Ценные бумаги	107,9	112,3	111,0	100,7	106,7	107,5	114,1	147,2	193,0	244,0	276,0	314,9
Корресп. { Loro	187,5	224,3	251,9	280,6	282,4	286,6	382,6	318,4	521,0	643,0	1002,0	1264,0
Корресп. { Nostro	60,8	63,2	65,6	72,8	73,5	76,8	86,2	113,0	139,0	175,0	197,5	122,7
Протестованные векселя	2,1	2,6	4,7	4,3	7,9	4,5	3,7	4,7	3,0	5,0	8,4	8,6
ПАССИВЫ.												
Капиталы (основной, запасный и прочие)	256,2	268,8	269,3	272,7	295,9	311,2	312,0	332,1	443,2	560,2	740,9	836,5
Вклады (срочные, бессрочные и текущие счета)	640,4	747,6	802,0	671,4	760,9	818,1	976,4	1202,2	1675,0	1817,0	2293,0	2539,0
Корресп. { Loro	267,7	309,0	357,5	298,6	329,2	324,1	368,3	410,8	560,0	676,0	827,0	726,5
Корресп. { Nostro	73,2	95,8	84,5	136,6	104,9	119,5	130,0	118,3	222,0	310,0	382,0	455,1
Переучет и перезалог	77,3	72,1	52,6	161,9	68,1	93,1	85,1	58,0	202,0	275,0	329,9	334,7
Баланс	1522,6	1773,7	1865,4	1913,8	1883,6	2007,3	2250,0	2611,6	3825,4	4476,6	5498,0	6.33,0

После перерыва в 1915 году мы видим в 1916 г. тринадцать ходатайств об открытии новых банков, но открылось три. Таким образом в 1916 году было всего 53 банка, из них 9 в местностях, занятых неприятелем; из оставшихся 44—16 действовали в Петрограде, 8 в Москве и 20 в провинции. Следующая таблица дает общее представление о росте банковского акционерного дела за 1890 — 1915 г.г.; заметим к слову, что первый акционерный банк возник в России в 1865 г.

(В миллионах рублей).

Годы.	Число банков.	Число отделений.	Основной капитал.	Все капиталы.	Вклады и текущие счета.
1890	34	47	110,0	133,3	230,1
1895	35	167	138,8	174,1	307,7
1900	39	242	188,4	275,2	547,9
1905	35	295	192,0	269,3	775,6
1910	31	492	236,6	332,1	1.262,2
1915	50	762	632,0	906,1	2.873,2

Эта таблица и более детальные данные показывают прежде всего накопление капиталов в банках, как собственных, так и чужих, и это особенно с 1909 года, благодаря урожаям и оживлению промышленности. Данные, далее, показывают концентрацию капитала: средние размеры основного и всех собственных капиталов, приходящиеся на один банк, возрастали, и это как в столичных, так и провинциальных, при чем петроградские банки накануне войны по среднему размеру своего капитала почти в двое превышали московские и в 20 раз провинциальные. Рядом с этим наблюдалось и централизация банков; так, в 1909 г. произошло слияние трех банков: Московск. Междунар. Торг., Южно-русск. Пром. и Орловского Коммерческого в один Соединенный; Минский Комм. б. вошел в Азовско-Донской; отделением его стал и Киевский Коммерч. Кроме того, ряд частных банкирских контор превратились в отделения Петербург. банков. Осенью 1910 г. произошло слияние Северного с Русско-Китайским...

Каков был рост вкладов и текущих счетов в частных банках, это видно из общей таблицы. Для более ясного сравнения мы приведем данные об остатках вкладов и текущих счетов, а также учетно-ссудных операций, суммирующих вексельные кредиты (включая и текущие счета, обеспеченные векселями), ссуды под процентные бумаги, под товары и товарные документы, отдельно для Государственного банка и для всех других кредитных учреждений краткосрочного кредита за период 1908—1916 г.г.

Вклады и текущие счета (в милл. руб.).

Годы на 1 января .	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1/VII 1916
Государств. банк [1]) .	231	210	274	261	258	266	263	478	954	1.138
Частные коммерческие банки . . .	898	1.060	1.395	1.712	1.865	2.330	2.568	2.917	3.968	4.732
Общества взаимного кредита . . .	229	271	329	406	487	545	595	511	557	713
Городские общественные банки . . .	99	103	116	133	153	171	186	216	250	302
Всего . . .	1.457	1.664	2.114	2.512	2.763	3.312	3.612	4 122	5.729	6.885

Учетно-ссудные операции [2]) (в милл. руб.).

Годы на 1 января .	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917
Государств. банк. . .	490	426	397	603	852	877	958	982	1.120	820
Частные коммерческие банки, общества взаимного кредита и городские общественные банки. . .	1.486	1.628	1.967	2.647	3.136	3.745	4.055	4 000	4.185	4.360 [3])
Всего . . .	1.976	2.054	2.364	3.250	3.988	4 622	5.013	4.982	5.305	—

Если вся учетно-ссудная операция Государственного банка составляла в 1899 году более $^1/_3$ этой операции всех кредитных учреждений, то в 1909 г. она снижается почти до $^1/_5$, на 1 января 1913 г. она еще ниже. И во время войны она лишь немного возросла; при этом, конечно, оставлен в стороне учет колоссальных сумм краткосрочных обязательств казначейства.

Это развитие частных банков, особенно сильный рост в них вкладов, объясняется прежде всего развитием их экстенсивной деятельности, расширением за рассматриваемый период сети их отделений в различных местах Империи; при чем впереди всех и в этом отношении идут петербургские банки. Вместе с крушением натурального хозяйства, развитием товарного обмена, население все больше и больше подпадало под власть денежного капитала. Рядом с ростом акц. банков заметно развивались и общества взаимного кредита. До 1898 г. им ставили препят-

[1]) Без средств казны и сберегательных касс.
[2]) Везде без учтенных обязательств казначейства.
[3]) На 1 июля 1916 г.

ствия, с тех пор число их и обороты возрастали. Но усиленный рост они обнаруживают лишь после 1905 г., благодаря покровительству г. Коковцова. Приведем общие данные о деятельности этих обществ за 1899—1915 г.г.[1]).

Общества взаимного кредита.

	Годы на 1 января.	1899	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
Актив.	Число обществ	100,2	192	217	261	261	304	368	467
	Число членов (тысяч) . . .	71,2	125,0	140,1	151,5	158,3	175,7	208,9	267,1
	Учетно-ссудная операц. .	133,4	179,3	179,8	177,3	179,7	20 ,9	241,8	290,2
	On call	54,6	59,1	63,4	68,1	64,1	70,0	73,0	79,6
Пассив.	Вклады (срочные, бессрочные и текущие счета)	160,5	214,2	214,9	190,8	209,1	229,1	270,3	329,6
	Переучеты и перезаклады в Госуд. банк. и частн. банк.	14,4	13,1	12,8	35,8	25,8	25,3	25,7	28,2

Общества взаимного кредита.

Годы на 1 января	1911	1912	1913	1914	1915
Число обществ	604	776	932	1108	1072[2])
Число членов (тысяч)	371,6	501,2	589,2	634,3	588,3
Учетно-ссудная операц.	401,3	531,4	609,3	636,7	583,3
On call	108,3	155,9	184,4	206,8	174,4
Влады (срочные, и бессрочные и текущие счета)	405,9	487,4	545,2	595,4	540,2
Переучеты и перезаклады в Государственном банке и частн. банках	60,9	126,6	159,8	157,7	161,2

[1]) Данные до 1908 г. взяты из „Ежегодников мин. фин." За 1908—1910 г.г. из полугодовых сводных балансов, издаваемых Особ. Канцелярией по кредитной части. За 1911 — 1915 г.г. из Ежегодников мин. фин. за 1913, 1914 и 1916 г.г.

[2]) Представивших балансы из 1177 действовавших; из 105, не давших сведений, 74 в Ц. Польском, остальные тоже в местах, близких к театру войны.

Отношение денежного капитала к промышленному.

2.

Капитализм в его высшей форме, как он проявился ярко на Западе до войны, характеризуется все прогрессирующим овеществлением капитала в бумажных ценностях, развитием фондового капитализма. Центрами создания бумажных ценностей являются банки. Центром торговли этими ценностями служит биржа.

Это развитие безличного, фондового, бумажного капитализма стоит в теснейшей связи с развитем кредитной системы и акционерного дела, что в свою очередь определяется потребностями развивающегося и все концентрирующегося промышленного капитала.

Роль банков и биржи в новейшей фазе капитализма кладет настолько заметный отпечаток на весь хозяйственный организм, что некоторые экономисты склонны говорить об „обиржевлении" (В. Зомбарт) хозяйства, о главенстве банков в хозяйственной жизни, об определении дальнейшего развития промышленного капитала банковскими и биржевыми интересами, о подчинении денежно-финансовому капиталу индустриального и коммерческого, об объединении и организации им прежде расчлененных сфер индустриального, коммерческого и банкового капитала, и т. п. (А. Вагнер, Бернгард, Г. Вермет, Р. Гильфердинг).

В нашу задачу здесь, однако, не входит разбор этих взглядов; это было сделано нами в свое время. Здесь нам важно лишь установить,—и к этому приводит исследование эмпирических данных,—что об организации банковым капиталом промышленного, об общественном руководительстве банковым—„финансовым"—капиталом национальным хозяйством, не может быть речи. Можно говорить лишь о том, что влияние денежного капитала на весь хозяйственный организм увеличивается, что денежный капитал, концентрируясь и организуясь в банках, приобретает более самостоятельный характер и что движение его становится менее зависимым от движения промышленного [1]).

В противоположность теории „Финансового капитала" Гильфердинга и др. мы стоим на положении Маркса, подтверждаемом и анализом последних 60 лет, что денежный капитал, поскольку он появляется на рынке, представляетя как „концентрированная организованная масса, которая, совершенно отлично от

[1]) В истории отношений денежного капитала к производительному мы также видим проявление диалектического процесса: предшествуя в качестве самостоятельного, ростовщически-ссудного и денежно-торгового, капитала индустриальному, он с возникновением капиталистической эры все больше подчинялся последнему, приобретал новые формы, чтобы на высокой стадии развития капитализма вновь стать все более независимым.

реального производства, становится под контроль представляющего этот общественный капитал банкира" [1]).

Данные последнего до войны циклового движения капитала на Западе и показывают нам, что денежный капитал, оправившись после кризиса 1907 г., устремился прежде всего на биржу и развил на ней сильнейший подъем, открыв в виде банкового капитала широкий кредит играющей публике. Развитие акционерного дела в индустрии, ведущее к превращению капитала в безличный, фиктивный, к отделению юридической общественной формы капитала — как собственность,

[1]) Будучи летом 1911 года заграницей, я повсюду в социалистических кругах слышал восторженные отзывы о „Финансовом капитале" Гильфердинга, при чем левое крыло наших марксистов выражало сожаление, что я не смог использовать этой работы в своей книге: „Современное хозяйство России". Однако ознакомление с произведением Гильфердинга отнюдь не сделало меня его поклонником, и на вопрос Розы Люксембург осенью того же года, какого я мнения о книге Гильфердинга, я ответил что не разделяю общего восторга. „И совершенно основательно — заметила на это Р. Л. — для знакомого с новейшей германской банковской литературой не может быть секрета, откуда свет". Свое отрицательное отношение к теории Гильфердинга Р. Люксембург показала два года спустя своей книгой: „Die Akkumulation des Kapitals", в которой она ни одним словом не упоминает о работе Гильфердинга, заслуживавшей несомненно внимания по своему освещению империализма. Занявшись, под впечатлением разговора с Р. Л., подробным исследованием сущности финансового капитала, я пришел в вопросах теории денег, банковского капитала, акционерного дела, биржи и пр. к выводам совершенно отличным от гильфердинговских. Это я и высказал в декабре 1913 г. на стр. „Современного Мира" в статье: „Современный капитализм", являвшейся началом большой книги о денежном капитале, появлению которой в печати в свое время помешала война. С тех пор я не переставал в своих работах подчеркивать ошибочность особенно банковской теории Гильфердинга, а в книжке: „Карл Маркс и новейший социализм", вышедшей в начале 1922 года, я имел уже возможность показать, что и Гильфердинг сам не разделяет больше своей теории, о доминирующей роли банковского капитала над промышленным, в прежнем виде. И когда осенью 1922 года в беседе с К. Каутским мы коснулись вреда принесенного гильфердинговской банковой теорией, Каутский сказал: „Да, мы ошибались, я это признал в своей недавно вышедшей книге: „Die Proletarische Revolution und ihr Programm" (изд. 1922 г.). Это место из его книги стоит привести и здесь:

„Была близка мысль, что пролетарский режим должен будет прежде всего овладеть крупными банками, чтобы этим сломить господство финансовых магнатов и одним ударом приобрести решающее влияние на всю хозяйственную жизнь, также и в тех областях, которые еще не созрели для социализма. С целым рядом моих друзей и я предполагал, что так и будет. Я был в этом поддержан замечаниями Маркса на этот счет" (см. III том Капитала, I часть, стр. 427 оригинала)... — На счет этих замечаний мы должны, однако, заметить, что они отнюдь не подтверждают взгляда Гильфердинга, как мы это показали еще в „Новой Жизни" в 1917/18 г. Л. *Ф.-Е.*, — „Не может быть сомнения" пишет далее Каутский — „что кредит будет играть значительную роль и что социалистический режим должен будет думать об овладении этим средством при развитии нового способа производства... Но опыты, а также более глубокие соображения (Erwägungen) говорят против того, что огосударствление капиталистических банков есть этот путь..." (стр. 328). Мы остановились так долго на этом эпизоде чтобы показать, как за теоретические ошибки, в которых, в данном случае было виновато столько же правое, столько и левое крыло марксизма, практике часто приходится жестоко расплачиваться...

выражающейся в денежном капитале, приносящем проценты от экономической его функции в процессе труда от производительного капитала, приносящего предпринимательскую прибыль, делающее биржу все больше рынком для превращения денежного капитала в фондовый,—рынком движения частной собственности в виде акций независимо от процесса производства, что неизбежно связано с развитием спекуляции, — усложняет кредитную систему, делает денежный рынок более чувствительным к потрясениям, увеличивает противоречия, в которых движется денежный капитал, делает сферу его действия—банки и биржу—более подверженной колебаниям и пертурбациям, а с этим делает возможным появление частных денежных и биржевых депрессий и кризисов, независимых от общих торгово-промышленных кризисов. И мы видим действительно, как на Западе за пятилетие 1909—13 г.г. денежный рынок и биржа переживали сильнейшие потрясения—частные денежные и биржевые кризисы в 1911 и 1912 г.г.—в то время, когда промышленный капитал продолжал развивать свое движение в гору.

У нас движение денежного капитала и движение промышленного были еще более отличны друг от друга, чем на Западе, и это потому, что у нас действовали не только причины, свойственные развитому капитализму, но и причины, вызванные недостаточным развитием у нас промышленного капитала, существованием целого ряда экономических и политических условий, которые мешают свободному развитию капиталистического хозяйства и, наоборот, дают простор действию денежного капитала в его докапиталистической паразитарной ростовщически-денежной форме. С одной стороны у нас промышленный капитал еще не настолько развит, чтобы подчинить себе старые формы денежного капитала; с другой стороны, ссудно-денежный капитал, благодаря приобретению им формы банкового,—вместе с ростом банкового дела,—благодаря установлению теснейшей связи между нашими денежным рынком и биржей и западно-европейскими, приобретал у нас силу, совершенно несоответствующую слабому развитию промышленного капитала.

В то время, как промышленность в течение пятилетия с конца 1909 г. обнаружила сравнительно слабое движение, денежный капитал за это время проявил рост значительно превосходящий—относительно, конечно—таковой денежного капитала на Западе. И если какая-нибудь область нашей экономической жизни действительно переживала подъем, фазу расцвета, то это были банки и биржа.

Урожаи 1909—1910 г.г. и благоприятные условия реализации их вызвали сильный приток средств в наши банки; в банки устремились и иностранные капиталы, которые расширяли свое влияние у нас, в качестве денежно-ссудного капитала,

не только в виде государственных займов, а и путем приобретения акций наших старых, увеличивавших свой капитал, крупных банков.

Каково было участие иностранного капитала в наших банках, видно из следующих данных П. В. Оля („Иностранные капиталы в России" изд. 1922): из 2.248 милл. р. иностранных капиталов, вложенных в различные акционерные и паевые кредитные, торговые и торгово-промышленные предприятия—т.-е. в их акции и облигации [1]), к началу февральской революции на долю владения акциями наших кредитных учреждений приходилось 237,2 милл. р.

Французские капиталы работали у нас в 11 банках [2]), из которых лишь один, Лионский кредит, являлся отделением французского банка, а остальные были русскими, при чем в семи банках это участие выразилось в 102,3 милл. р., в трех приблизительно в сумме 7,2 милл. р., всего—около 110 милл. р. из общей суммы в 732 милл. р. французских капиталов, вложенных в различные наши акционерные предприятия.

Участие французского капитала в акционерном капитале русских банков служило не только помещением его в них, но и средством для финансирования промышленности — указывает Оль.

Английские капиталы участвовали в семи коммерческих банках и одном поземельном [3]), и вложили в них около 26 милл. из 56 милл. рублей всех их акционерных капиталов в различных наших предприятиях.

Из 441,5 милл., р. германских капиталов были вложены в банковские предприятия 84,7 милл. р. Они участвовали в 14-ти русских коммерческих банках краткосрочного кредита и в 2-х—долгосрочного. В наших банках были заинтересованы крупнейшие германские банки, в пяти [4]) из наших банков участие германских выразилось в сумме 60 милл. р., в четырех [5]) участие было незначительное—4,4 милл. р., в ипотечных [6]) банках — 3,5 милл. р. [7]). „Крупное участие германского капитала и в частности германских банков в акционерных капиталах наших коммерческих банков, как правильно отмечает Оль, оказывало не только сильное влияние на их деятельность, но почти на все отрасли нашей промышленности, независимо от участия германских капиталов в отдельных ее отраслях".

Бельгийские капиталы из 322 милл. руб. поместили лишь 2,5 милл. р. в двух кредитн. учреждениях (Аз.-Донск. и Соедин.).

Если принять во внимание, что в 1914 году выпуск банковских акций на иностранных рынках составил всего 8,4 милл. р., в 1915 году ничего не было выпущено, а в 1916 году опять на 15,2 милл. р., в то время когда на внутреннем рынке они заметно возросли, то можно сказать, что на основной капитал в 585 милл. р. на 1 января 1914 г. приходилось приблизительно 215 милл. р. иностранного, что составляет 36,7%. Следует принять во внимание, что иностранный капитал играл роль преимущественно в наших крупных банках, поэтому средний процент его участия в этих банках был выше. В некоторых из них он было значительно выше указанного среднего процента: так, в Русско-Азиатском и Спб. Частном Коммерческом банке французам принадлежало больше половины акций.

К этому следует прибавить зависимость наших банков от заграничных в отношении пользования у них краткосрочным кредитом. Так, по данным, приводимым прив.-доц. И. Левиным („Германские капиталы в России", II изд. 1918 г.), кредит, оказанный ими 17 нашим крупным банкам в 1911 г. достигал 266,6 милл. р., в 1912 г. — 222,6 милл. р., при чем на первом месте стояли французские банки, ссужавшие больше половины из этих сумм, затем шли английские около $^1/_4$ и германские свыше $^1/_5$. Связь наших крупных банков с иностранными банками сказалась и в учреждении нашими заграницей отделений.

Все это давало международному капиталу возможность со сравнительно небольшими средствами влиять сильно на наш внутренний кредит, возможность орудовать на внутреннем рынке нашими собственными капиталами, усиленно привлекавшимися за последние годы в наши банки. и путем усиленного увеличения внутренней сети их отделений.

Рост собственных и чужих средств в наших акционерных коммерческих банках виден из общей таблицы на стр. 311.

Так, за пятилетие 1909—1913 г.г. собственные капиталы возросли на 524,5 милл. руб. или 168%, вклады и текущие счета на 1562,2 милл. р. или 160%, а все главнейшие пассивы на 3161,4 милл. р. или 184%... За это же пятилетие средства Государственного банка возросли: вклады и текущие счета на 496 мил., и кредитные билеты в обращении на 578 милл., т.-е всего на 1,074 милл.

Значительный рост обнаружили в эти годы и городские общественные банки, число которых за четырехлетие 1909—1912 г.г. возросло на 29, а средства, собственные и чужие, на 76 милл., и общества взаимного кредита, что видно из таблиц (см. стр. 314).

---

[1]) По другим данным иностранный капитал составлял на 1/I 1914 г. 1,5 миллиарда р. или 33% общей суммы акц. капитала.

[2]) Русско-Азиатский, СПБ. Частный Коммерческий, Соединенный, Азовско-Донской, Московский Частный Коммерческий, Сибирский, Русско-Торгово-Промышленный, СПБ. Международный, Русско-Французский и Ростовский н/Д. Купеческий.

[3]) Русский Торгово-Промышленный, Русско-Английский, Азовско-Донской, Русско-Азиатский, Соединенный, СПБ. Частный, СПБ. Международный и Бессарабско-Таврический

[4]) Спб. Международный. Русский для внешней торг., Азовско-Донской, Спб. Учетный, Сибирский.

[5]) Русский Торгово-Промышленный, Русско-Азиатский т., Спб. Частный и Соединенный.

[6]) Бессарабско-Таврический и Виленский.

[7]) Кроме того в Рижском, Варшавско-Учетном и Варшавско-Коммерческом участие немцев выразилось в 14 милл. р.

К этому следует прибавить и рост капиталов в банкирских конторах. По имеющимся далеко не полным данным на 1 января 1913 г. в 158 из них числилось собственных средств на 74 милл., вкладов на 82 милл. и займов на 124 милл., т.-е. всего 280 милл. Можно смело сказать, что средства всех наших кредитных учреждений краткоср. кредита, считая и Госбанк, за пятилетие 1909—1913 г.г. возросли по статьям собственные капиталы и вклады на сумму около 3 миллиардов рублей. А если принять во внимание задолженность наших коммерческих банков по займам, корреспондентским счетам, увеличение числа кредитных билетов в обращении, то сумма увеличившихся пассивов означенных кредитных учреждений выразится в сумме около 5 миллиардов.

Куда пошли эти громадные средства? Рассмотрим главнейшие активы наших коммерческих банков за время их расцвета 1909—1913 г.г.

Годы:	Касса и текущие счета.	Ценные бумаги банк	Учетная операция.	В том числе учет векселей с 2 и более подписями.	Онкольн. операция	В том числе. Подпроцентные бумаги.	Под товары
1 января 1909 г.	82,1	114,1	715,8	682,4	417,1	253,0	82,7
1 января 1914 г.	202,5	314,9	1.540,0	1 498,7	1.531,0	942,0	290,9

Годы.	Ссуды под залог.	Из них под процентные бумаги	Лоро.	В том числе: Под процентные бумаги.	Под товары.	Ностро.	Баланс.
1 января 1909 г.	64,1	37,5	332,7	122,0	155,0	47,0	2.250,0
1 января 1914 г.	84,2	56,1	1.264,0	615,6	77,8	122,7	6.233,0

Из этой таблицы мы видим, что банки увеличили за 1909—1913 год учет векселей на 120%, онколь и лоро под векселя и торг. обязательства возросли на 200%. Однако, увеличение вексельной операции еще не значит содействие развитию производительных сил страны: достаточно ближе познакомиться с вексельными портфелями наших банков, в том числе и Государственного, вексельный портфель которого также более чем удвоился, чтобы увидеть, что эта операция, как и развитие ссуд под товары, которые возросли в акционерных банках всего на 34%, содействовали развитию у нас прежде всего и большею частью купеческого капитала и капитализации земледельческих доходов. Это развивало денежное хозяйство, что однако не тождественно с поднятием промышленности и сельского хозяйства.

Далее, несмотря на то, что наши банки стремились следовать политике французских и немецких смешанных банков в отношении финансирования предприятий, они, однако, не следовали их примеру в отношении развития у себя контокоррентного кредита, который является характерным индустриальным банковым кредитом, но зато они усиленно насаждали у нас спекулятивные кредиты; это делало наши банки спекулятивно-депозитными [1]).

Так, корреспондентские бланковые кредиты возросли в наших акционерных банках за 1909—1913 годы с 64 милл. р. до 205 милл. р. или на 200%, онколь под %%-ные бумаги на 272%, лоро под %%-ные бумаги на 560%, а портфель собственных ценных бумаг возрос на 176%. На 1 апреля 1914 г. это увеличение достигло 232%. При этом из числившихся в банковом портфеле %%-ных бумаг на 2 миллиарда рублей было негарантированных, т.-е. преимущественно спекулятивных, на 1,6 миллиарда, т.-е. 80%. Насколько широко велась операция с %%-ными бумагами видно из того, что обороты только 9-ти крупных банков по покупке ценных бумаг выражались в цифрах: в 1910 г. в сумме 2,1 миллиарда, в 1911—2,9 миллиарда; в 1912 г.—3,6 миллиарда и 1913 г.—3 миллиарда. Обороты же по онкольным операциям, 2/3 которых относятся также к операциям с %%-ными бумагами, составляли в 1910 г. 2,1 миллиарда, в 1911 г.—3 миллиарда, в 1912 г.—3,8 миллиарда и в 1913 г.—2,7 миллиарда. А никакая операция так не содействует развитию биржевого ажиотажа, как именно расширение онкольной операции во время биржевого подъема и, наоборот: сокращение этой операции при наступившем понижении на бирже ведет неизбежно ко все большему падению цен.

Но не только крупные банки содействовали развитию спекуляции на бирже; в ней принимали широкое участие и мелкие кредитные учреждения, распространением которых так гордилось министерство финансов. Общества взаимного кредита, развившие en masse и в нормальное время кредит преимущественно на торговые и личные цели, сделались настоящими рассадниками биржевой игры среди мелкой клиентуры, и это особенно столичные. Достаточно указать на сильное развитие и у них онкольных счетов под %%-ные бумаги, возросших с 80,6 милл. р. на 1 июля 1911 г. до 121,5 милл. р. 1 июля 1913 г. О плачевной роли банкирских контор в биржевой игре нечего и говорить. По данным на 1 января 1913 г. ими было

[2]) Анализ учетно-ссудной операции наших коммерческих банков за 1910—1913 г.г. показывает настолько сильное развитие ссудной операции, что она стала преобладать над учетной. В 1900 г. учет составлял 55,4% всей операции, в 1905 г.—53,3%; на 1/1 1912 г. он равнялся 51,6%, а на 1/1 1914 г. 48,9%; в петроградских банках ссуды на последний год составили 55,4%. При этом характерно, что 95% всех банковских ссуд—и в провинциальных банках—это on call-ные; ссуды под процентные бумаги составляли 62% всех ссуд; провинциальные банки оперировали главным образом ссудами (и онкольными) под ценные бумаги, преимущественно негарантированные.

затрачено на онколь под ценные бумаги 79 милл. р., на операции с собственными бумагами 63 милл. р.,—из них на негарантированные 49 милл. р., — а на учет всего 73 милл. р. И среди банкирских контор своими спекуляциями выделялись столичные. За эти годы, по примеру Запада, появились у нас особого рода банкиры „bucketsshop", целью которых является вовлечение мелкой клиентеллы в биржевую игру и обирание их самым постыдным образом [1]).

Государственный банк увеличил за это время количество денег в обращении на сумму свыше $^1/_2$ миллиарда рублей и развил широко учетно-ссудную операцию, открывая крупные кредиты банкам путем переучета векселей и ломбардирования бумаг. Таким образом он косвенно содействовал развитию в банках кредитов на спекулятивные цели. Нам укажут, что банки, усиленно занимаясь финансированием предприятий, учредительством и выпуском новых ценностей, содействовали все же этим развитию промышленности. Не станем отрицать, что в последнее оживление промышленности банки внесли свою лепту. Но средства, доставленные банками промышленному производству, были ничтожны сравнительно с теми, которые были помещены в спекулятивные цели, сравнительно с теми средствами, которые они предоставили бирже и биржевой игре.

В задачу наших банков, стремившихся все более и более приблизиться к типу западно-европейских спекулятивных, вовсе не входило развитие производительных сил страны. Они, как и всякое капиталистическое предприятие, преследовали лишь одну цель — прибыль. И грюндерство, и финансирование предприятий, поскольку это связано с эмиссией, их интересовали потому, что обещали очень значительные комиссионные и учредительную прибыль при выпуске бумаг. Характерное

[1]) Как известно, большие суммы были сконцентрированы и в наших частных страховых обществах. Так, на 1 января 1914 г. капиталы и резервы премий в акционерных страховых обществах составляли 287,2 милл. р., а на 1/1 1916 г.—321,2 милл. р. и это не считая иностранных, в которых они на 1/1 1915 г. составляли 81 милл. р. Кроме того, действовали и общества взаимного страхования в городах, капиталы и резервы которых составили на 1/1 1916 г. 47 милл. р. Интересны для нас помещения средств страховых обществ; они вложены были преимущественно в бумаги и недвижимость, что видно из следующей таблицы:

В миллионах рублей.

Годы на 1 января . .	1911	1913	1914	1915	1916
Баланс	307,7	347,0	373,9	399,1	460,2
Процентные бумаги .	121,6	123,7	117,4	122,1	147,3
Недвижимость	71,3	83,1	91,4	99,8	107,8
Ссуды под недвижимость	7,3	11,6	15,4	15,6	16,2
Ссуды под полисы . .	22,4	24,7	27,2	30,9	31,0

явление, что банки стремились у нас акционировать, главным образом, существующие уже предприятия, а не создавать новые. Они оказывали большое содействие синдицированию предприятий, потому что это было связано опять-таки с эмиссионной операцией. Г. Гольштейн в своей книге „Экономическая политика" (изд. 1913 г.) не без основания указал, что тактике русских банков следует приписать то, что, несмотря на оживление промышленности, не образовалось ни одного нового крупного железоделательного предприятия... Банки старались приобрести у нас влияние в старых крупных акционерных предприятиях [1]) не с целью руководства индустрией, а для того, чтобы путем санирования, слияния их между собой или увеличения основных капиталов, заработать на новых выпусках бумаг дифференциальную прибыль. Они стремились к участию промышленности и потому, что это давало большой простор их спекуляции: в сахарной, например, промышленности — как с самим сахаром, так и с перечислениями и со свидетельствами на вывоз сахара.

Акционерное дело.

В тесной связи с ростом акционерных банков находилось и движение вообще акционерного дела у нас. Остановимся на „учредительстве" 1907—1916 г.г. Данные, сравнимые с приведенными нами раньше за 1894—1906 г.г., имелись в 1910 г. только за 1907 г. (Стат. бюро съездов горнопромышл. юга). Эти данные показывали, что число вновь разрешенных в 1907 г. компаний равнялось 109 со 122,7 милл. р. основного капитала пропавших бумаг и земельных банков, которые больше всего пострадали в прежние годы, металлургические же ценности, нефтяные,

[1]) Достаточно просмотреть отчеты общих собраний в 1914 г. наших главнейших акционерных промышленных предприятий, чтобы увидеть, какими крупными владельцами бумаг этих предприятий являлись наши банки. Иллюстрацией роли наших банков в промышленности может служить тот факт, что возобновление в 1911 г. договора синдиката „Продамета", охватывавшего 30 предприятий, произошел благодаря банкам, хотя заводские управления были против этого. Предприятия, входившие в „Продамету", были в зависимости от четырех групп банков: русской, немецкой, французской и бельгийской. В русскую группу входили: Азовско-Донской, Спб. Международный, Русский для внешней торговли и Русско-Азиатский; во французскую: Лионский кредит, Banque de Paris et de Pays Bas, Société Générale; в немецкую — Deutsche Bank, Bank für Handel и другие; в бельгийскую: Société generale de Belgique, Crédit generale à Liège и др. Короче, все первоклассные европейские банки. Каждый из русских и заграничных банков влиял с своей стороны на группы промышленных и акционерных предприятий. Так, напр., Азовско Донской — на Сулинское о-во, Богословское горнозаводское, Брянское рельсопрокатное и проч. Новые акции этих предприятий были выпущены преимущественно этим банком. Deutsche Bank контролировал Сосновицкие трубопрокатные заводы, Миловицкий, „Общество заводов Б. Гантке" и проч. „Можно сказать",—подтверждали проф. Гольштейн и авторы сборника: „Русские биржевые ценности в 1914—15 г.г.",—„что одной из причин, почему в России за последние годы подъема железной промышленности не образовалось ни одного железоделательного предприятия, является существование союза банков с синдикатом Продамета"...

тив 85 компаний с 69,4 милл. р. в 1906 г.; число иностранных компаний 16 против 6; общее же число акционерных компаний, основные капиталы которых возросли в этом году, равнялось 182 с 192,6 милл. р. против 166 с 127,3 милл. р. в 1906 г. Ссылаясь на это увеличение акционерного дела в 1907 г., С. Прокопович (засед. В. Эк. Общ., ноябрь 1910 г.) старался доказать, что экономисты проглядели подъем промышленности в 1907 г. Не говоря уже о том, что многие экономисты, да и министр финансов, тщетно старались доказать этот подъем гораздо раньше С. Прокоповича, не говоря здесь и о том, что данные о состоянии нашей промышленности и торговли и пр. противоречили этому утверждению, достаточно взглянуть и на курсы различных наших ценностей, чтобы увидеть, что в 1907 и 1908 г.г. у нас была депрессия. Это видно и из балансов банков.

Большая часть основного капитала вновь разрешенных в 1907 г. обществ—71,8 милл. р. из 122,7 милл. р. — падает на горные, горнозаводские и механические предприятия, которые, как известно, переживали в то время наибольший застой. На причины увеличения основного капитала в этих отраслях мы уже указывали при обзоре акционерного дела в 1906 г. Влиял здесь переход предприятий в новые руки, преобразование предприятий, организация синдикатов. Большинство разрешенных обществ предназначалось для развития старых предприятий. Рост акционерного дела в 1907 г. был также результатом возвращения назад капиталов, ушедших в 1905—1906 г.г. за границу. Мы уже отметили, что в 1907 г. наблюдалось лишь некоторое улучшение по сравнению с кризисом 1904—1906 г.г., но депрессия все же продолжалась, и в 1908 г. она опять усилилась. Неурожаи и кризис, разразившиеся в конце 1907 г. на мировом рынке, оказали соответствующее действие.

Опубликованные в сборнике редакции период. издан. мин. фин.: „Обзоры главнейших отраслей промышленности за 1912 год" (СПБ. 1913 г.) данные канцелярии совета министров, сравнимые за 1903 — 1912 г.г., показывают, что в 1906 году было разрешено русских компаний с акционерным капиталом в 85 милл. и иностранных — в 20,2 милл. руб., в 1907 г.—125,9 и 31,1 милл. руб. и в 1908 г.—103,4 и 9,1 милл. руб. Данные объяснит. записки к росписи на 1913 год показывают, что число русских акционерных компаний, разрешенных в 1908 году, было 107 против 108 в 1907 г., иностранных 12 против 18; всего 119 против 136; из разрешенных русских компаний лишь 35 предназначались для эксплоатации новых предприятий (в 1907 году 33).

Данные за 1909—16 г.г. показывают, что было разрешено акционерных обществ [1]):

[1]) Кроме вышеуказанных „Обзоров глав. отраслей etc за 1912 г." мы пользовались при составлении таблиц объяснительными записками к росписям на 1913—17 г.г., изборн.: „Народ. хозяйство за 1914 г." изд. 1915 г., — за 1916 г., вып. II изд. 1920 г. и вып. VII изд. 1922 г.

Годы.	Русских для эксплоатации: Новых предприятий.	Русских для эксплоатации: Существующ.	Иностран. для эксп.: Новых предприятий.	Иностран. для эксп.: Существующ.	Всего	Сумма складочн. капит.: Русских	Сумма складочн. капит.: Иностр.	Вложено в предпр.: Новые	Вложено в предпр.: Существующ.
1909	40	73	12	3	128	96	12,9		
1910	67	114	11	6	198	190,5	33,7	300,5	353,5
1911	101	121	36	4	262	210,9	80,0		
1912	132	193	13	4	342	371,2	30,3	174,1	227,4
1913	136	207	21	7	372	501,9	44,1	296,1	249,1
1914 (в мес.)	83	100	7	1	191	261,5	4,3	171,7	94,1
1/VIII 1914/15.	250		9		259	247,5	14,0	—	—
1/VIII 1915/16.	477		12		489	514,5	11,0	—	—

Более важны данные о росте акционерных компаний, действительно открывших свои действия:

	Годы								
	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917
Число предприятий.	82	104	168	208	241	179	138	244	335
Сумма основного капитала	75,0	108,7	186,5	239,7	403,4	239,0	180,5	372,8	825,5

В том числе иностранных компаний, открывших свои действия:

	Годы				
	1913	1914	1915	1916	1917
Число предприятий.	21	9	6	8	1
Сумма основного капитала	36,5	11,7	8,8	20,4	0,2

И эти данные определенно говорят, что с 1903 г. до 1910 г движение акционерного дела было слабо и что только с 1910 г. промышленный капитал решительно вошел в новый цикл движения, при чем подъем продолжался вплоть до войны.

Анализ акционерного дела за время войны показывает, что в 1915 г. из 138 открывших действия предприятий 51 с 70,5 милл. руб. эксплоатировали новые предприятия; 71 со 114,3 милл. руб. — существующие (о 6 с капиталом 5 милл. руб. нет данных). В 1916 году из 244 предприятий были открыты для эксплоатации новых 133 с капиталом в 140,8 милл. руб., а 140 с 230,4 милл. руб.—для эксплоатации существующих (об одном нет сведений). И эти цифры определенно говорят, что и во время войны акционерные компании образовывались больше для реорганизации старых предприятий, чем для создания новых. Во главе шли горное дело, выплавка и обработка металла, выдвинулась и обработка волокнистых веществ. Преобладающей купюрой акции была сторублевая [1]).

Акционерное дело во время войны развивалось. Во-первых, происходило слияние эвакуированных предприятий с однородными акционерными предприятиями, в чем банки приняли живое участие. Во-2-х, шло развитие акционерных предприятий в вертикальном направлении в том смысле, что металлургические общества приобретали каменно-угольные, происходило слияние и с механическими предприятиями, явление, которое имело место и до войны. В-3-х, приобретались акционерные иностранные предприятия однородными акционерными обществами. Предприятия, в которых иностранный капитал играл роль, нуждались в средствах и, не получая их из-за границы, выпускали дополнительные акции на внутреннем рынке по низкой цене. Дополнительные акции выпускались и в связи с разводнением денежного капитала по мере обесценения денег [2]). Происходил, наконец, переход от единоличных предприятий к акционерной форме. В самом акционерном деле всплывали новые заправилы.

[1]) Увеличение капиталов в старых акционерных обществах было:

Годы	1914	1915	1916
Число обществ	62	112	30
Сумма капитала в милл. руб.	114,6	121,8	31,8

[2]) В объяснительной записке к росписи 1917 г. указывается, что в 1915 г частная эмиссия составляла всего 6% всей эмиссии: 512 милл. руб. против 6,76 миллиардов руб. государственных займов на внутреннем рынке, а считая краткосрочные обязательства – 8,97 миллиардов всех займом в этом году. В 1916 г. частная эмиссия возросла По данным отчета Русск. для иностн. торговли банка за 1916 г. в этом году было эмитировано дополнительных акций существовавших уже акционерных предприятий на 400 милл. руб. и вновь образуемых на 584 милл. руб., всего на 923,5 милл. руб. против 409,7 в 1915 г. (новых предприятий в 1915 г.—321 милл. руб.). Эта эмиссия частных бумаг вместе с высокой биржевой расценкой против выпускаемого курса добавочных акций привлекали особенно к дивидендным бумагам, что влияло отрицательно на государственные займы, так что в последнюю четверть 1916 г. правительство начало требовать повышения выпускного курса дополнительных выпусков дивидендных бумаг.

Банки во всех этих слияниях, акционировании, перегруппировках играли виднейшую роль. И если синдикатское движение, сильно развивавшееся до войны, за время ее затихло, то это было понятно — условия товарного рынка устраняли особую нужду в новых таких комбинациях. За то работали усиленно финансовые синдикаты (В. Зив).

Долгосрочный кредит.

На ряду с краткосрочным кредитом мы видим и рост долгосрочного, что показывают данные о суммах закладных листов и облигаций в обращении как государственных, так и частных и общественных учреждений (в милл. рублей).

	Годы на 1-е января.								
	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
Государств. дворян. банка	681	688	703	741	774	824	891	950	9 9
Крестьянск. поземел. банка	747	908	992	1.060	1.133	1.241	1.294	1.336	1.353
Итого	1.428	1.595	1.695	1.801	1.907	2.065	2.188	2.286	2.313
Акционер. и взаимн. общ. кред. учрежд (акц. зем. банков, город. кред. общ. и пр. в Империи)	2.228	2.257	2.356	2.565	2.739	2.956	3.142	3.256	3.263
Всего	3.656	3.852	4.051	4.366	4.700	5.021	5.330	5.542	5.576
Задолженность сельского землевлад.: всем учреждениям	2.443	2.580	2.771	3.052	3.318	3.507	3.721	3.886	3.924
Из них частным и общественным	1.093	1.106	1.143	1.224	1.317	1.363	1.420	1.427	1.434
Задолжен. городской недвижимости	1.194	1.203	1.265	1.394	1.521	1.635	1.749	1.823	1.816
Из них земельным банкам	361	345	352	387	413	425	447	459	443

Из этих данных видно, что война отразилась заметно на эмиссии у нас ипотечных ценностей. Сказалось, во-первых, то, что вместе с рентой и другими твердопроцентными бумагами скатились вниз и ипотечные, во-вторых, заемщик получающий ссуду этими бумагами по номиналу и обязанный платить проценты и погашать по номиналу, стал сдержаннее.

В то время, как с января 1909 года по 1-е января 1914 года ипотечный кредит возрос на 1478 милл. руб., в том числе Крестьянского и Дворянского банков на 593 милл. руб., что составляло ежегодный прирост всех ипотечных бумаг в среднем — 296 милл. руб., а государственных учреждений—118 милл. руб., в 1914 г. соответствующие цифры были: 212 и 98 милл. руб.; а в 1915 г. весь ипотечный кредит возрос на 31 милл. руб., Крестьянского же и Дворянского банков на 27 милл. руб.

Некоторые итоги.

Вышеприведенные данные показывают, что за пятилетие 1909—1913 г.г. фондовый, бумажный, капитализм сделал у нас значительный шаг вперед по сравнению с 1900—1908 г.г. Так, было разрешено к открытию русских и иностранных компаний на 1,6 милл. рублей и открыли свои действия 780 обществ с основным акционерным капиталом в 1 миллиард, между тем как за 1904—1908 г.г. было разрешено акц. компаний на 566 милл. руб., и открыто 283 на 297 милл. руб. За 1909—1913 г.г. было выпущено акций и облигаций железных дорог и торгово-промышленных заведений и акций коммерческих банков на 1443 милл. руб., в то время как в 1904—1908 г.г.—на 869 милл. За 1909—1913 г.г. возросла у нас заметно и эмиссия ипотечных ценностей на 1.478 милл. руб.; вместе с государственными и коммунальными бумагами—на 2,9 миллиарда. Это меньше суммы таких бумаг, выпущенных в 1904—1908 г.г., когда она равнялась 3,5 миллиарда, но сокращение падает на государственные займы... Что здесь для нас представляет особый интерес, это то, что главная часть выпущенных бумаг в 1909—1913 г.г., а именно на 3,8 миллиарда руб., была размещена в России (в 1904—1908 г.г. на 2,9 миллиарда руб.). Это указывает на увеличение у нас в те годы емкости денежного рынка. В тесной связи с этим явлением стояло и развитие у нас рынка торговли бумажными ценностями—биржи. К подробному рассмотрению ее мы и переходим.

НАША БИРЖА.

1.

Литература — теоретическая, а не техническая — о бирже бедна, несмотря на громадный интерес биржи с общественно-экономической точки зрения. В одном из писем к Энгельсу (от 11 апреля 1868 года) Маркс, коснувшись истории Crédit mobilier, которая так тесно связана с новейшей историей биржи, между прочим писал: „Меня поражает, что все трюки этого банка сводятся к ажиотажу на бирже, а в этом департаменте по существу нет ничего нового со времен Ло, ни по эту, ни по ту сторону Ламанша. Самое интересное в этих вещах практика, а не теория". И Энгельс в ответном письме (от 17 апреля того же года) соглашается с Марксом, что в ажиотаже нет ничего теоретически нового и интересного, а что все сводится к обиранию публики тем или иным способом. Вместе с тем он соглашается, что Crédit mobilier во Франции не случайная махинация, но безусловно неизбежный институт.., ибо без надежды на быстрое обогащение он не мог бы создаться.

Однако, если замечания Маркса и Энгельса на счет техники биржевых дел и верны — незадолго до войны и В. Зомбарт заметил, что биржевая техника неиспытала существенных изменений в новейшее время и что она была закончена уже в конце XVII века,—если, далее, их взгляд на роль Crédit mobilier был правилен по отношению к Франции и в значительной степени относился и к России, то они не могли в то время предвидеть влияния, которое этот институт, — прототип депозитных банков с пекулятивного кредита,—будет иметь на дальнейшую эволюцию банков и акционерного дела, а с ней и на развитие фондового капитализма. А этот рост фондового, бумажного, капитализма, вместе с развитем кредитной системы, наложил свою печать и на биржу[1]).

---

[1]) Нужно помнить, что одного создания и развития банков вроде Crédit mobilier недостаточно для развития промышленного капитала. Во Франции этот банк питал лишь непроизводительно биржу. Биржа, развиваясь, становясь все более рынком для превращения денежного капитала в фондовый, содействует мобилизации общественного капитала, перевосу его—и путем экспроприации — как собственности; это—рынок для обращения капитала, как собственности. Но отделение процесса движения капиталистической собственности от процесса капиталистического производства, что связано с развитием акционерного дела, и делает возможным вкладывание громадных средств в движение денежного капитала — в широком смысле слова: фиктивного, номинального — без соответствующего увеличения реального промышленного

Что происхождение нынешней фондовой биржи следует искать в торговле векселями, что биржи первоначально были сборными пунктами вексельных торговцев, — это установлено. Установлено также, что начало биржевой спекуляции с бумагами следует отнести к XVII веку, — что раньше Амстердам, а затем Лондон, становятся главными биржевыми центрами. Но лишь в начале XIX в. биржа становится органической частью капиталистического хозяйства. Толчок к этому дал рост государственных займов, сопровождавшийся ростом спекуляции с ними. Биржа становится все больше местом торговли государственными бумагами. Царями биржи были банкирские дома (Ротшильд!). Уже в это время биржа является могучим фактором для развития интернационального денежного рынка. Интернациональность биржи необходимое условие для приливов и отливов мирового капитала в главные денежные центры... С 50-годов, когда акционерное дело получило особенное развитие, когда развились акционерные банки, когда бумага стала все больше средством для помещения денежного капитала, биржа становится все больше центром движения дивидендных бумаг; и индивидуальные банкиры уступают свое место на денежном рынке крупным акционерным банкам.

Вексельное дело начинает играть тогда второстепенную роль на бирже, но это не есть результат и показатель ослабления ее, падения ее значения с развитием крупных банков, как это рисует Гильфердинг; это результат разделения функций между банками и биржей; они дополняют друг друга. Следует иметь в виду, что рынок бумаг гораздо шире, чем биржа; мы потому и подчеркиваем, что биржа — центр торговли бумагами, а не единственный рынок сбыта их.

Тот факт, что бумажные ценности покупаются в больших количествах вне биржи, что банки размещают выпускаемые через их посредство ценные бумаги среди своей клиентеллы, что банки, одним словом, ведут торговлю бумажными ценностями рядом с биржей—еще не значит, что банки устраняют биржу, замещают ее. История биржи и банков показывает, что развитие спекулятивных банков, расширение операций банков с ценными бумагами (кроме банков, эмиссией ценных бумаг занимаются специальные общества: financial companies, trust companies и др., но мы это оставляем в стороне: у нас, как в Германии, центр тяжести был в банках) расширяли и деятельность биржи. Последняя становилась центром широкой спекуляции, что с своей стороны связано с расширением емкости денежного рынка...

Верно, что благодаря непосредственному размещению бумаг банками происходило ослабление парижского паркета, что вместе с концентрацией банков происходило ослабление биржи по сделкам за наличные, но потому-то и был всеобщий крик о разрешении сделок на срок. Что биржа все же росла в той же Франции, видно из того, что в 1911 году на ней обращалось бумаг на 170 миллиардов франков, из которых 108—115 принадлежало Франции, между тем как в 1890 г. в обороте было

бумаг на 74 миллиарда, а в 1850 году всего на 9 миллиардов [1]). Подчеркнем еще раз: биржа конца прошлого столетия и начала нынешнего не походила на биржу половины XIX века, подобно тому, как последняя непохожа на таковую XVII и первой половины XVIII века... Эти теоретические замечания мы сочли нужным здесь сделать потому, что и относительно биржи, как и банков, в маркеистской литературе возникли неправильные взгляды, благодаря „Финансовому капиталу“ Гильфердинга...

2.

Возникновение нашей довоенной фондовой биржи следует отнести к концу 50-х и началу 60-х годов вместе с учреждением акционерных компаний и развитием железнодорожного строительства. Тогда же — в 1862 году — биржа пережила у нас и первый свой кризис. В больших размерах, но все же незначительных сравнительно с Западом, мы видим у нас биржевой кризис в 1895 году во время промышленного подъема; и еще более крупный кризис испытала наша биржа в 1899 — 1901 г. г. вместе с общим промышленным кризисом. За период застоя 1902 — 1908 г.г. она продолжала развиваться, но медленно: так, за это 8-летие было допущено к котировке на СПБ — бирже дивиденд. бумаг всего на 140 милл. рублей 44 предприятий — банков, торгово-промышленных, транспортных и страховых обществ. Быстрее пошло развитие ее во время довоенного оживления: за пятилетие 1909 — 1913 г.г. были введены бумаги 121 предприятий на 560 милл. руб. Нужно однако, заметить, что и за последние $5^1/_2$ лет, считая и 1914 год до войны, было введено в нее новых акций новых торгово-промышленных предприятий всего на 446 милл. рублей.

Банки задавали у нас тон в правлении СПБ биржи, вызывая постоянные протесты со стороны кулисы против рутинных порядков, царивших на ней, и „банковского засилия“. В отличие, например, от берлинской биржи, на которой в обороте находились бумаги всех отраслей германской промышленности,—указывается в „Русском биржевом ежегоднике за 1914—1915 г.г.“—„до самого последнего времени к котировке на петербургской бирже не было допущено ценностей сахарных предприятий“, насчитывавших свыше 40 акционерных предприятий с основным капиталом в 140 милл. руб. „Из 44 чисто химических акционерных пред-

[1]) По другим данным в паркете Парижской биржи в 1912 г. оборот бумаг был ценностью в 132 миллиарда, а вся сумма ценностей, служивших предметом торговли, 157 миллиардов: из них 105 находилось в руках французов, что составляло 36% всего ее национального богатства. (F. Combat „Manuel des opérations de Bourse“, Paris, 1912).

приятий с капиталом свыше 40 милл. рублей ни одно не фигурировало на петербургской бирже. Они котируются в Берлине, Париже и Брюсселе. О трамваях и отчасти предприятиях электрического освещения и энергии нечего и говорить. Из 73 каменноугольных и горных предприятий, с капиталом около 200 милл. рублей, в бюллетени петербургской биржи значатся лишь 13 с основным капиталом в 46 милл. рублей. Зато бюллетени брюссельской и парижской бирж пестрят ценностями этих предприятий". Из 280 акционерных мануфактурных компаний с основным капиталом в 120 милл. руб. котировались на петербургской бирже лишь 15 с капиталом в 83 милл. руб.; не котировались писчебумажные и другие. И из металлургических и механических предприятий котировалась лишь часть. Приблизительно $^1/_6$ часть всех акционерных предприятий России находилась в биржевом обороте. Фактически в 1912 году в обороте были акции 173 предприятий, хотя числилось официально 295.

Следующее 2 таблицы дают представление о котировке наших бумаг дивидендных и твердопроцентных на наших биржах и иностранных к началу 1913 г.

Таблица I.

Биржи.	Акции [1].		Облигации [2].	
	Количество бумаг.	Сумма представл. капитала в милл. руб.	Количество бумаг.	Сумма представл. капитала в млрд. руб.
Петербургская	295	1 5 4	323	15,5
Московская	69	784	146	11,7
Варшавская	73	213,9	54	5,3
Харьковская	26	230	32	4,4
Рижская	20	62,5	107	9,6
Одесская	—	17,2	—	6,8

[1]) В указанные цифры вошли и котировавшиеся только на местных биржах ценности: на Варшавской — 56 акционерных предприятий с 67,7 милл. руб.; на Харьковск. — наи 7 предприятий в 8 милл. руб. и на Рижской: 20 с 62,5 милл. руб

Таблица II.

Биржи.	Акции.		Облигации [1].	
	Количество предпр.	Сумма основного капитала в милл. руб.	Количество бумаг.	Сумма представл. капитала в млрд. руб.
Петербургская	295	1.504	123	15,5
Парижская	71	642	69	7,9
Берлинская	35	376	75	6,4
Брюссельская	66	317	44	5,4
Лондонская	79	268	75	5,8
Амстердамская	7	105	92	8,5

По данным „Торгово-Пром. Газеты" общая сумма дивидендных бумаг,—по номиналу,—котировавшихся на русских фондовых биржах, составляла к началу 1914 года 1,65 миллиарда рублей; не гарантированных облигаций было на 400 милл. Сумма находившихся в стране государственных займов, гарантированных облигаций, ипотечных ценностей (выпущеных и частными кредитными учреждениями) составляла к тому времени около 9,4 миллиарда. Таким образом, ценности на сумму около 11,5 миллиарда прислушивались тогда у нас к биению пульса биржи [2]). Это показывает, что при всей своей отсталости и слабости, сравнительно с биржами развитых капиталистических стран, биржа и у нас играла большую роль. Это и понятно в стране, где национальное производство стояло на низком уровне, а государственный бюджет и государственная задолженность были высоки, где промышленность встречала препятствия своему развитию в общих экономических и политических условиях, а денежный капитал был непропорционально развит по отношению к произ-

[1]) Государственные займы, жел.-дорожные государственные и частные, городские займы, ипотечные ценности, облигации акционерных обществ и проч.

[2]) По данным особ. канц. по кредитной части государственных и гарантированных правительством процентных бумаг выпущено в обращение и имелось в наличности в государственных и частных кредитных и страховых учреждениях:

На 1 января	1914	1915	1916
	в миллионах руб.		
В обращении	12794	14125	17132
В наличности	6238	7458	8979

водетву. Биржа — мы принимаем во внимание и вольную биржу — становилась у нас все более центром притяжения для непроизводительного приложения свободных капиталов; круги заинтересованных в ее движении лиц буржуазных и полубуржуазных кругов все расширялись. И биржевая игра усиленно поддерживалась все разраставшимися кредитными учреждениями, крупными и мелкими.

3.

Анализ движения курсов за период 1903 — 1914 г.г. (см. таблицу на стр. 336—7) показывает, что, оправившись в 1903 году от кризиса 1900 — 1902 г.г. (см. таблицу на стр. 96), курсы в 1904 году вновь потерпели понижение вместе с рецидивом торгово-промышленного кризиса вследствие войны. Этот кризис продолжался и в 1905, и 1906 г.г.; вместе с ним продолжалось и понижение ценностей. В 1905 г. мы видим некоторые колебания курсов, но в конце года падение проявляется сильно, вследствии революции. В 1906 г. это падение еще более усиливается под влиянием контр-революции. В 1907 г. к этому присоединяется и действие денежного мирового кризиса. В 1908 г. вместе с улучшением денежного рынка на Западе и наступлением „успокоения" внутри страны наша биржа начинает поправляться, и прежде всего улучшаются курсы государственных бумаг и земельных банков, которые больше всего пострадали в прежние годы, металлургические же ценности, нефтяные, транспортные и др., вследствие продолжающегося застоя, испытывают дальнейшее понижение.

Обнаружившееся за границей уже весной — в апреле—1909 г. обилие денег дало толчок западно-европейским биржам, что отразилось на наших бумагах и прежде всего на государственных, дающих при своей низкой расценке высокий доход. Пришла тогда в движение и наша биржа, и начался спрос на различные ценные бумаги; они поднялись. Однако, это продолжалось недолго: в мае уже наступила реакция, и только выяснившийся хороший урожай снова дал в июне толчок к поднятию ценностей. Осенью, в сентябре — октябре, вследствие нового стеснения на мировом денежном рынке и сокращения, поэтому, онкольных операций наших банков, деятельность биржи опять ослабела. Курсы различных бумаг опять испытали понижение — особенно металлургических; тем не менее в конце года курсы громадного большинства бумаг стояли выше, чем в начале года и в конце прошлого [1]). Госуд. же бумаги и железнодорожные ценности

[1]) На Парижской бирже мы в конце 1909 г. наблюдаем на ряду с повышением одних наших промышленностей ценностей, по сравнению с концом 1908 г., понижение других. Понизились бумаги: Кривой Рог, Урал — Волга, Макеевка, Сосновицы, Днепровск., Бакинск. нефтепр. общ. и др

продолжали повышаться до конца года, что стояло в тесной связи с урожаем; благодаря ему улучшилось положение госуд. финансов, а увеличившиеся перевозки по желез. дорогам повысили их доходность.

В 1910 г. повышательная тенденция биржи проявилась больше, при этом наша биржа, несмотря на обилие денежных средств внутри страны, идет и в этом году вслед за движением западно-европейского денежного рынка, чутко реагируя на все его колебания. Так, в январе повышательное настроение у нас быстро растет, развивается спекуляция, растет спрос не только на государственные бумаги, банковые и железнодорожные ценности, но и на страховые, и металлургические. Это продолжается и большую часть февраля; в конце этого месяца и в марте, в связи с появившимся стеснением на западно-европейском денежном рынке, ценности понижаются. В начале апреля вновь легкое повышение, в начале мая дальнейшее повышение, причем развивается спекуляция с банковыми и особенно с железнодорожными бумагами; гоняясь за новыми объектами игры, биржа принялись и за металлургические ценности, которые идут в гору. В конце мая и в начале июня затишье, в спросе лишь железнодорожные. В конце июня на западно-европ. рынке деньги дешевы, и у нас чувствуется обилие денег: вклады в банках к этому времени сильно возросли. Спекуляция поднимает голову, и в июле разрастается все выше и выше, чему содействует и выяснившийся удовлетворительный урожай. Но в конце июля—26 числа—наступает резкий поворот: все ценности стремительно падают. Это было с одной стороны естественной реакцией на сильно зарвавшуюся спекуляцию, с другой стороны начался отлив денежных средств в провинцию в связи с реализацией урожая; далее, обнаружилось денежное стеснение за границей и, наконец, повлияли холера и чума, которые отразились на промышленности юга и грозили сильным сокращением нашей внешней торговли. Большую часть августа биржа испытывает дальнейшее понижение: деньги за границей то же дорожают, бумаги реализуются для удовлетворения потребностей хлебной кампании. В конце августа и в сентябре под влиянием ряда мер, принятых Госуд. банком для облегчения кредита—прекращение приема % вкладов, сокращение ставок по различным счетам, а также состоявшегося соглашения частных банков о понижении процентов по вкладам и текущим счетам, — на нашем денежном рынке стало свободнее и спрос на различные бумаги, особенно на фонды, поднимается. В начале октября — 8 числа — в связи с усиливающимся стеснением на иностранных денежных рынках, что отражается и на нашем, биржа вновь испытывает резкое понижение. После некоторых колебаний в течение этого месяца, причем курсы продолжают стоять все же на значительной высоте, мы видим 4 ноября опять скачок вниз. Понижение, однако, продолжалось недолго. Денежный рынок на Западе улучшается, урожай реализуется, вместе с тем и у нас деньги становятся дешевле; биржа крепнет;

Высшие и низшие годовые курсы на СПБ. бирже *).

		1903 год.	1904 год.	1905 год.	1906 год.	1907 год.	1908 год.	1909 год.
4% Госуд. рента	в	99 3/4	99 1/2	91 1/2	81 1/4	75 1/4	79 1/2	90 3/8
	н	97 3/4	88 1/4	74 1/2	67 1/2	69 3/4	74	76 3/8
5% I внутр. з. 1864 г.	в	470 1/4	430	470	410	374	377	466
	н	420	320	373	330 1/2	333	333	347 1/2
4% закл. Дворянск. б.	в	95 7/8	95 3/8	87 3/8	74 3/8	71 1/4	77 3/8	86 1/4
	н	94 1/2	86 3/4	72	61	64	71	73 1/2
4% свидет. Крестьян. б.	в	95 7/8	98 3/8	88 3/8	74 1/2	72 1/4	77 1/4	86 1/2
	н	94 1/8	88 1/4	72	60 3/4	64 3/4	70 3/4	74
СПБ. учетн. ссуд. б	в	440	432	540	482	468	428	465
	н	370	333	358	380	397	361	374
Русск. для внешн. торг. б.	в	380	361	406	376	377	354	408
	н	314	275	300	329	314	313	338 1/2
Волжско-Камский б.	в	1100	1021	910	772	766	803 1/2	953
	н	1000	850	580	685	680	690	785
Киевский земельный б	в	612	600	594	502	470	545	675
	н	545	535	420	365	378	462	529 1/2
Виленский	в	580	564	540	386	455	471	540
	н	502	469 1/2	305	317	352 1/2	396	421 1/2
4 1/2% закл. Бесс.-Тавр. б.	в	94 3/8	92 3/8	88 3/8	78 1/4	73 3/4	77 7/8	87 7/8
	н	91 3/4	86 1/2	66	66 3/8	69 3/4	73	73 7/8
„ „ Херсон. губ. б.	в	94 7/8	92 3/8	88 3/4	78 1/4	74 1/2	78	87 7/8
	н	91 1/8	88	68	67 3/8	69 1/2	73 1/2	77
Моск.-Казанск. ж. д.	в	405	405	409	354	292	209	342
	н	387	365	330	270	200	160	165
Юго-Восточ. ж. д.	в	124 1/2	125 1/4	140	113 3/4	97 1/4	103 1/4	139 1/2
	н	92	85	93 1/2	89	80 1/2	80	101 1/2
Ростово-Владикавказ.	в	625	977	1007	725	742	850	1665
	н	540	625	725	530	622	735	740
Нефтян. общ. Нобель	в	615	560	538	545	540	590	592
	н	450	430	370	420	470	507 1/2	510
Бакинск. нефт. общ.	в	585	545	535	682	590	580	367
	н	370	392	330	386	508	305	279 1/2
Путиловский зав.	в	104 1/2	143	153	105 1/2	109	91 3/4	110 1/4
	н	77	64	79	79 1/2	87	76 1/2	76
Сормово, жел.-стал.-мех.	в	162	—	275	214	181	125 1/2	134 1/2
	н	132 1/2	—	141	148	122	96	90 3/4
Русско-Балт. ваг.-стр.	в	1000	1200	1100	875	438	385	388
	н	445	538	600	640	339	275	290
Коломенский маш. зав.	в	356	375	500	498	497	195 1/2	166
	н	300	250	340	395	170	137	137
Брянский рельсопр. з.	в	133 1/2	180 1/2	224	184 1/2	117	123	119
	н	88	75	122	100	94	98	98
Рос. Стр. Общ. 1827 г.	в	1280	1260	1360	1070	900	875	1256
	н	1100	1000	900	745	765	742	870
Кавк. и Мерк.—пар. об.	в	290	238	203	148	121	87	156
	н	220	185	110	100	80	60	83 1/2

*) Таблица составлена на основании данных: за 1903 г. по „Ежег. мин. фин.", изд. 1904 г. а за 1904—1913 г.г. по сводным котировкам, изд. ежегодно Канц. СПБ. Биржи. За 1914 год данные взяты из сборника: „Русск. бирж. ценности" в 1914 15 г.", изд. 1915 г. Мы держались здесь большей частью бумаг старых предприятий, чтобы можно было сравнивать их с таблицей (см. стр. 96), где указаны курсы 90-х г.г. В таблице за военное время мы приводим и другие бумаги, излюбленные спекуляцией последних лет.

		1910 год.	1911 год.	1912 год.	1913 год.	1914 год**).
4% Госуд. рента	в	93 1/4	95	94	93 7/8	92 7/8
	н	89 7/8	91	89 5/8	92 1/4	92 1/4
5% I внутр. с в. з.	в	503 1/2	490	491	546	544
	н	440	455	449	445	491
4% закл. л. Гос. Дв. б.	в	90,7*)	91,0*)	91,0	89,9*)	88 7/8
	н	86,6	90,3	89 3/4	88,4	88 1/8
4% свидет Крестьян. б.	в	90,7*)	92,1*)	92 7/8	91,0*)	89 3/4
	н	86,7	91,1	90 1/3	89,0	89 1/4
СПБ. Уч. Ссудн. банк	в	561	553	570	506	497
	н	460	498	477	464	425
Русск. для внешн. торг. б.	в	440	444	422	411	429
	н	388	370	370	368	335
Волжско-Камский	в	1057	1100	1040	990	930
	н	850	990	880	870	830
Киевский Земельный б.	в	750	753	750	707	681
	н	640	708	680	635	602
Виленский „ „	в	635 1/2	629 1/2	630	615	620
	н	521	581	575	576	565
4 1/2% закл. Бесс.Тавр. б.	в	92 *)	91,9*)	87 7/8	84,2*)	84 3/8
	н	88,0	86,7	83.0	81,7	79 3/4
„ „ Херсонск. губ. б.	в	92,0*)	91,8*)	86,7*)	84,4*)	84 1/4
	н	88,1	86,6	83,3	82,0	79 5/8
Московско-Казанская жел. дор.	в	640	601	605	602	557
	н	350	465	470	483	442
Юго-Восточная жел. дор.	в	268	267	259	311	305 1/2
	н	139	223 1/2	229 1/2	245	245
Ростово-Владикавказская	в	3475	3215	3095	3015	2918
	н	1600	2380	2150	2430	2600
Нефтян. общ. Нобель	в	627	645	860	1132	1027
	н	500	522 1/2	530	816	735
Бакинск нефт. общ.	в	343	440	859	737	720
	н	239 1/2	263	395	640	520
Путиловский завод	в	164	158	205 1/2	167 1/2	130 1/2
	н	109 1/2	131	147 1/2	121	93 3/4
Сормово, жел.-стал.-мех.	в	169	176	171	148	140
	н	121	130	125	115	108
Русско-Балтийск. ваг.-стр.	в	475	421	351	276	221
	н	315	207	218	198	120
Коломенский маш. зав.	в	262	275	254	189	155
	н	162 1/2	223 1/2	178	138	120
Брянский рельсо-прок. зав.	в	143	202	238 1/2	216	186
	н	111	142 1/2	157 1/2	170 1/2	126
Росск. Страх. Общ.	в	1490	1775	1610	1520	—
	н	1140	1420	1325	1390	—
Кавк. и Мерк. парох. общ.	в	312	321	320	363	245 ***)
	н	143	219	255	180	160

*) Высшие и низшие курсы этих бумаг за год взяты нами по средним месячным высшим и низшим.
**) С 1 января по 15 июля.
***) Высший и низший курс с января по май.

и год заканчивается, хотя и в тихом настроении, но при курсах значительно высших конца прошлого года. Исключение составляют нефтяные бумаги.

4.

Различные экономисты указывали в свое время на сходство состояния нашей биржи в конце первой декады нынешнего столетия с таковым средины 90-х годов. Сравнивал эти положения и министр финансов в своей объяснительной записке к росписи на 1911 г. „Состояние СПБургской фондовой биржи" — говорил он — „по внешним признакам представляет значительное сходство с тем, которое было в период оживления и спекуляции 1895 — 1896 г.г. Поэтому, казалось бы, возможно опасаться, что и наблюдаемое теперь усиленное повышение цен может смениться, как в 90-х годов, стремительным понижением курсов. Однако рассмотрение данных, характеризующих современное экономическое положение, приводит к заключению, что в близком будущем едва ли имеются безусловные основания для подобного опасения. Современный подъем цен дивидендных бумаг оправдывается в значительной мере наступившим оживлением экономической жизни и сравнительным обилием денег... В 1895 и 1896 г.г. экономическое оживление обусловливалось значительным приливом иностранных капиталов, предназначавшихся на учреждение новых предприятий. Эти средства появлялись на рынке в большинстве случаев временно. Напротив, в 1909 и 1910 г.г. прилив денег явился результатом нашего товарообмена, и капиталы, поступившие на рынок, по праву могут быть признаны действительно свободными средствами. В виду этого процесс обращения их в долгосрочные затраты на дальнейшее развитие производительных сил страны должен пойти более спокойным и постоянным темпом" (стр. 187 — 188). С этими рассуждениями нельзя было согласиться.

Прежде всего „неточности". Со второй половины 1895 до второй половины 1896 г. было не повышение курсов, а *падение*, вследствие наступившего тогда чисто денежного кризиса. Далее, никакого „стремительного падения курсов в конце 90-х годов" — до наступления промышленного кризиса во второй половине 1899 года — *не было*. Наоборот, после биржевого кризиса 1895 — 96 г.г. ценности, неимоверно вздутые спекуляцией 1894 г. и начала 1905 г., оставались пониженными, но они приняли *устойчивый* характер, многие же промышленные ценности продолжали повышаться. И потому, если уже сравнивать состояние биржи 1910 г. с таковым 90-х г.г., тогда правильнее было брать 1893/94 — 1894/95 г.г.

Если утверждение министерства финансов, что повышение ценностей в 1909 и 1910 г.г. вызвано было не только обилием денег, но „в *значительной* мере наступившим экономическим оживлением" можно было принять cum grano salis, то относительно оживления биржи в 1893 — 1895 г.г. не могло быть

сомнения, что оно было вызвано промышленным подъемом того времени. Тогда действительно имело место широкое грюндерство, а с ним и спекуляция, что является естественным спутником развивающегося подъема промышленного капитала. Тогда биржа, учитывая вперед ожидаемые барыши, возвышала курсы различных *дивидендных* бумаг. Тогда последние — промышленные и банковые ценности — шли впереди; — они задавали тон, а негосударственные; в эти же годы повышение курсов коснулось прежде всего государственных бумаг, за которыми потянулись вообще фонды, а затем и дивидендные бумаги.

При исследовании движения ценностей на бирже следует иметь в виду, что эти ценности являются товарами, цены которых движутся *своеобразно*. На их рыночную ценность влияет их доходность: они колеблются в зависимости от прочности и высоты их доходов, на них влияет не только действительная, но и ожидаемая доходность — элемент спекулятивный. Но и безотносительно к изменениям доходности — при постоянстве ее, что мы имеем при государственных бумагах — цена всех бумаг, государственных и частных, твердопроц. и дивидендных, колеблется в *обратном* отношении к *высоте* % на *денежном* рынке. При понижении уровня денежного % она повышается, и наоборот. Наши государственные бумаги, сильно упавшие за 1904 — 1908 г.г., под влиянием повышения денежного процента и усиленных реализаций их, вследствие целого ряда причин, с 1909 г., вместе с обилием и удешевлением денег и успокоением страны, начинают подниматься. Капитализационный процесс вслед за ними повышает и другие ценности...

На повышение государственных бумаг в 1909 и 1910 г.г. повлияли урожаи, улучшившие, как мы уже видели, финансовое положение казны; возросло доверие, а с ним и спрос на эти ценности. Точно так же урожаям следует приписать и высокие расценки железнодорожных бумаг; усиленные перевозки, поднявшие выручки железных дорог в 1909 — 1910 г.г., вызваны урожаями. Это повлияло и на повышение бумаг транспортных и пароходных обществ. — И наоборот, стоило только появиться в 1911 г. неурожаю, как это вызвало понижение ренты, некоторых железнодорожных, ипотечных и других ценностей.—Возвышение акций банков коммерческого кредита в 1909—10 г.г. объяснялось высокими барышами от увеличившихся, благодаря урожаям, активных операций, от выгодных биржевых поручений и вообще операций с процентными бумагами и, наконец, большим спросом на банковые акции со стороны иностранных капиталистов, которые усиленно скупали их. Повышение акций поземельных банков стояло в связи с урожаями и домостроительством. Последнее оживилось 1909 — 1910 г.г.; это явилось результатом роста городского населения и реакцией на задержку в строительстве, наблюдавшуюся в прежние годы, вследствие дороговизны денежных средств и сжатия

долгосрочного кредита [1]). Сильное понижение ипотечных бумаг препятствовало выпуску новых. Урожаи и обилие денег подняли и их теперь. В 1909 г. выпуск закладных листов частных учреждений долгосрочного кредита возрос до 98,5 милл., против 30,6 милл. руб. в 1908 г. т.-е. более чем в три раза. Возросшее домостроительство увеличило, конечно, спрос на продукты ряда производств, но судить по нашему домостроительству об общем подъеме промышленности и вообще экономической жизни страны нельзя было. Повысились, далее, бумаги обществ страхования от огня, дела которых улучшились в 1909 г. [2]). Но и это можно приписать урожаям и более или менее удачной реализации их. Наконец, поднялись ценности металлургических и механических предприятий. Положение последних улучшилось, благодаря возросшему спросу со стороны домостроительства и железных дорог, как строящихся, так и действующих. И здесь проявилось влияние урожаев; на повышении последних ценностей отразился, кроме того, и элемент спекулятивный: „ожидаемое увеличение заказов", как это признал и г. Коковцов...

Обзор движения различных ценностей показывает, таким образом, что своим повышением в 1909—1910 г.г. они обязаны

[1]) Развитие кредита под городские недвижимости встречало препятствие и в законе 1902 г., в силу которого акционерные земельные банки могут выдавать ссуды под эти имущества лишь в размере $^1/_3$ всех практикуемых ими долгосрочных ссуд. Так как в этих банках земельные ссуды за 1899—1909 г.г. слабо развивались, то и ссуды под городские недвижимости не только не возросли, но все сокращались, упав с 438,1 милл. руб. на 1 января 1903 г. до 305 милл. руб. на 1 января 1909 г.; к 1 января 1910 г. они опять немного поднялись: до 308,9. В 1912 г. было утверждено постановление о выдаче акцион. земельн. банками ссуд городам и земствам без ипотечного обеспечения путем особых облигаций. Выдачи однако были поставлены под контроль правительства. В то же время городские кредитные общества увеличили ссуды этого рода с 714,8 милл. руб. на 1 января 1903 г. до 825,3 в начале 1907 г. и 913,2 милл. руб. на 1 января 1910 г. Задолженность городской недвижимости за 1909—15 г.г. можно видеть из таблицы на стр. 326.

[2]) 1909 г. оказался очень благоприятным для акционерных обществ страхования от огня. Валовой сбор премий возрос за этот год до 118 милл. руб. против 91,9 милл. руб. за 1905 и 66,4 милл. руб. за 1900 г. Из 14 обществ лишь 4 получили небольшой убыток; вся сумма прибыли достигла 1,9 милл. руб. против 0,8 милл. руб. за 1908 г., а за 1907 и 1906 г. г. ими было получено убытку 0,5 и 2,3 милл. руб. Благоприятен был 1909 г. и для 8 обществ страхования жизни: прирост застрахованных капиталов, сбор премий, проценты на премии и резервы превзошли значительно таковые за предыдущие пять лет. Возросло против 1908 г. и число полисов и прибыль. Более поздние данные показывают все прогрессирующий рост валового сбора премий в обществах страхования от огня, достигшего в 1913 г в 13 обществах 166 милл руб.; в 1914 г он обнаружил слабое повышение всего на 1,5% против 4—11% в предыдущие пять лет. Результат страхования от огня на свой счет всех 15 обществ был в 1912 и в 1913 г.г. благоприятный: прибыль 1,5 милл. и 1,3 милл. руб., в 1914 г. убыток 0,7 милл. руб... В 8 русских обществах страхования жизни мы видим в 1913 году и в предыдущие годы увеличение числа полисов, прирост страхового портфеля, суммы застрахованной ренты, резервов премий; в 1914 г. сокращение числа полисов, страховая же сумма, сумма застрахованной ренты и резервы премий возросли, но незначительно. Война отразилась и на страховых обществах.

прежде всего урожаям последних двух лет. Им следует приписать увеличение доходности различных предприятий. Благодаря урожаям получилось у нас обилие денег и значительное, по сравнению с 1904—1908 г.г., понижение денежных ставок, что вызвало поднятие капитализационного уровня капитальных и дивидендных бумаг. Но рядом с этими факторами действовала и спекуляция. Толчок к повышению наших фондов дала спекуляция на западно-европейских биржах в 1909 г.; эта спекуляция продолжала там развиваться и в 1910 г., чему содействовало и все еще слабое оживление промышленности: избыточные капиталы устремлялись на биржу. Спекуляция сыграла еще большую роль у нас: это видно из того, что повышались не только бумаги доходных предприятий, но убыточных и безнадежных. Вздутые неимоверно курсы ряда ценностей были к концу года значительно понижены (Ленские золотопромышленные и пр.). За короткий срок: 26 июня, 8 октября и 4 ноября 1910 г. мы имели три сильных сотрясения биржи, три резких скачка вниз курсов; биржу охватывала в это время сильная паника.

Широкая публика, обжегшись летом, принимала в последние месяцы 1910 г. лишь очень слабое участие в биржевой игре. Спекулятивный спрос поддерживался обилием средств, приливавших в различные банки, сберегательные кассы [1]) и пр. Эти средства, не находя производительного приложения в промышленности, обращались на непроизводительное потребление на бирже; и различные меры, принятые для удешевления кредита, пошли опять-таки прежде всего на пользу спекуляции. Это обычное явление в странах со слабой промышленностью и избыточным денежным капиталом, как это давно указал Маркс на примере Франции. И такое „соотношение между свободно образующимися в стране денежными средствами и спросом на них со стороны промышленности", какое наблюдается теперь у нас, является не преимуществом настоящего положения перед тако-

[1]) Сберегательные кассы являлись, как известно, крупными покупателями наших государств. и гарантиров. бумаг. Сбережения народа шли преимущественно на покупку государств. ренты и бумаг Дворянского и Крестьянского банков, что видно из следующей таблички:

Состав фонда сберегат. касс был:

На 1 января:	1913 г. Сумма в милл. р.	1913 г. В % % ко всему фонду.	1915 г. Сумма в милл. р.	1915 г. В % % ко всему фонду.
Государств. займы	682,9	37,9	830,7	40,6
Жел.-дорожн. займы	385,3	21,5	393,7	19,3
Закл. листы Дворян. и Крест. банков	713,5	39,7	782,0	38,3
Закл. листы частн. земельн. банков	16,9	0,9	369,0	1,8

вым средины 90-х годов, как это рисуется г. Коковцову, а наоборот существенным недостатком, писали мы в начале 1911 г.

В 1895—96 г.г. приливавший иностранный капитал шел в новые предприятия и содействовал оживлению промышленности. Но эти средства не исчезали из страны, как это может показаться из рассуждений Коковцова; они оставались в ней, они появлялись „на рынке большею частью временно" лишь в свободном состоянии, так как скоро превращались в долгосрочные затраты на дальнейшее развитие производительных сил страны, и это было плюсом для нашей экономической жизни. Накопленные в 900 г.г. собственные средства, — которые являлись результатом „нашего товарообмена", — хотя и могут быть „по праву признаны действительно свободными средствами", но в промышленность туго шли. Они продолжали оставаться главным образом в сфере обращения, продолжали действовать как денежный и торговый капиталы, они орудовали на бирже, а это и развитие производительных сил страны не одно и то же; первое и последнее стоят нередко в явном противоречии друг с другом, и это особенно у нас.

На иностранных биржах доверие к нашим бумагам в конце первой декады нынешнего столетия несколько возросло, увеличи-

---

Движение вкладов в наших сберегательных кассах за 1906—1917 г.г. видно из следующих данных:

Годы на 1 января.	Остатки вкладов: денежных	процент. бум.
	(милл. рубл.).	
1907	1.035,0	237,4
1908	1.149,2	254,3
1909	1.227,6	269,5
1910	1.282,9	279,3
1911	1.396,9	286.9
1912	1.503,0	299,7
1913	1.594,9	318,3
1914	1.685.4	348,6
1915	1 834,7	400,8
1916	2.447.9	664,4
1917	3.769.0	1.334,0
на 1/x 1917	4.916,0	1.989,0

Как известно, Государственный Контроль не простирается на государственные кредитные установления и Особую канцелярию Министерства Финансов по кредитной части. Кредитные операции этой канцелярии по производству займов, особенно заграничных, были покрыты мраком. Годовые отчеты Государственного Банка, Крестьянского, Дворянского банков и сберегательных касс подлежали согласно нашей „конституции" рассмотрению второго департамента Государственного Совета, а этот департамент состоял из лиц, назначенных государем из членов совета лишь по назначению. Что же удивительного, что Крестьянский Банк выпускал бумаги и на противоуставные цели, что сберегательные кассы вопреки уставу покупали закладные листы частных земельных банков и другие негарантированные государственные бумаги и терпели на этом убытки, и что Государственный банк превратил нарушение устава в норму.

лось число допущенных к котировке на них русских бумаг, поднялись промышленные ценности в Париже, банковые в Берлине, но прилив капиталов из-заграницы в нашу промышленность был слаб...

5.

В 1911 году, — под влиянием о с е н н е г о кризиса в Марокко, у нас и неурожай, — ценности понизились, но в 1912 году началось повышение, которое продолжалось до сентября, когда повсюду на мировом рынке произошел поворот (Балканская война). Наступило резкое понижение курсов и у нас (закрытие Дарданелл). В первой половине 1913 года наблюдается опять некоторое улучшение курсов на мировом рынке, но в июне — вторая балканская война и снова резкое понижение. И вторая половина 1913 года показывает на Западе явный перелом на бирже в связи с наступившей промышленной депрессией.

Наша биржа, после некоторого оживления, в августе 1913 г. поползла опять вниз, несмотря на урожай и благоприятное положение промышленности. Помимо состояния главных западных бирж на нее повлияло также требование денежных средств на реализацию урожая; недостаток в средствах чувствовался у нас тем более, что прежде накопленные завязли в различных синдикатских операциях, а новые слабо притекали. Стеснение на денежном рынке, как мы уже видели, выразилось в поднятии учетного процента с конца 1912 г. до 6, который остался и весь 1912 год. Частный дисконт был еще выше: в сентябре этого года он для первоклассного материала поднялся до $6^3/_4$—7%. Банки стали сжимать кредит, поднимать онкольные ставки ($7^1/_2$—8%). Это, вместе с сильными колебаниями курсов и явным наклоном их к понижению, отпугнуло широкую публику от биржи. Обороты ее сильно сократились.

После пяти месяцев тяжелого состояния биржа в январе 1914 года снова испытала улучшение; повышение наблюдалось у дивидендных бумаг, в то время как с фондами было тихо. Но в феврале опять начинается угнетенное состояние. Потеря французами больших денег на американских бумагах, финансовые проекты Кайо (подоходный налог) действуют на парижскую биржу. И это сейчас же отдается в Петербурге. Мы видели выше размеры обращения наших бумаг — и особенно спекулятивных — на заграничных биржах. Понятна и зависимость наших бирж от них, и особенно от парижекой. „Париж пришел", „каким придет Париж" — таковы были обычные фразы биржевиков...

Всякий раз, когда за последние годы до войны наступала у нас паника на бирже, раздавались голоса о необходимости вмешательства банков для спасения положения. С осени

1912 года до весны 1913 года синдикат банкиров и был призван играть роль биржевого „красного креста". Точно так же и в июне 1913 года соответствующее совещание опять высказалось за самую широкую интервенцию наших банков. Для всякого, кто мало, мальски был знаком с отношением наших банков к бирже, с ролью представителей наших банков в совете фондового отдела ее, с той ролью, которую они играли в выпуске на рынке разных сомнительных бумаг, с той ролью, которую играл банковский синдикат в биржевом ажиотаже, кто хоть немного был знаком с отношением некоторых банков к „бланкистам", с той ролью, которую играли виднейшие биржевые дельцы в банках, кто, наконец, знал отношение наших банков к предприятиям наиболее спекулятивных наших бумаг, тот, конечно, не мог не поражаться странностью обращения именно к банкам для оздоровления биржи, к банкам, которые своим сокращением кредита больше всего содействовали понижению курсов, как раньше своим расширением онкольных операций содействовали больше всего повышению их.

Совершенно было ясно, что интервенция синдиката банков, „красный крест" для повышения бумаг, преследовал прежде всего и главным образом свои цели, цели биржевых акул и высокопоставленных игроков. Банкам важно было к концу 1912 года поднять расценки бумаг, иначе отчеты их имели бы неважный вид. С другой стороны, эти банковские интервенции, поднимая искусственно бумаги для того, чтобы через некоторое время продать их по повышенным ценам, вели позже к еще большему падению их, за что расплачивалась публика. „Кулисса", — рассказывало тогда „Финансовое Обозрение", — „громко жаловалась в 1912 году, что разорилась на комбинациях, придуманных именно банками для сбыта с рук залежавшегося товара и новых бумаг, представлявших макулатуру".

Участие Государственного банка в интервенции лишь облегчало махинации частных банков, давая им средства на игру. Промышленность, переживавшая оживление, нуждалась в средствах, а все свободные средства государственного и частных банков тратились на покупку различных безнадежных бумаг. Индустриальный кредит был сжат потому, что руководители банков и биржи — „различного рода аферисты, скомпрометированные дельцы, обанкротившиеся купцы, содержатели танцклассов", как их еще очень слабо охарактеризовало тогда „Финансовое Обозрение", — оно могло бы тогда прибавить: и различные титулованные и чиновные мошенники — нуждались в этих денежных средствах для своих спекулятивных махинаций.

6.

Накануне войны.

Наша биржа за последнее время — писали мы в июне 1914 года [1]) — привлекла всеобщее внимание. Чем вызван этот усиленный интерес к ней? Пертурбации на ней бывали и раньше: биржа видела черные дни не только в 1913 году, но и в годы своего расцвета: в 1910, 1911 и 1912 годах; не впервые ей приходится переживать и понижательную вакханалию биржевых комбинаторов, и не впервые биржевые овцы, увлеченные игрой, становились у нас добычей биржевых волков.

Почему же на этот раз чувствуется такая нервность в биржевых сферах, почему промышленные и финансовые круги обнаруживают такую тревогу, и почему правительство так спешит навстречу нуждам биржи с разными мероприятиями, вплоть до реорганизации ее? Объясняется это не только размерами опустошения, произведенного весенней биржевой катастрофой, но и тем, что разразилась она в то время, когда казалось бы, с точки зрения оффициальных и вульгарных экономистов, никаких реальных оснований для биржевого кризиса не было. Обычные причины, с которыми привыкли связывать у нас биржевые сотрясения — острые международные осложнения, стеснения на денежном рынке, стихийные бедствия, как холера, расстроенные государственные финансы, неурожаи, промышленный кризис, — отсутствовали. Более того, промышленность находилась в оживлении, финансы в порядке, денежный рынок улучшился, виды на урожай хорошие; притом руководителями нашей финансовой экономической политики был объявлен „новый курс", который, по их уверению, должен был вывести страну на путь всеобщего благополучия. А между тем биржа, этот чувствительнейший барометр политических и экономических явлений, показывала в течение 3-х месяцев стремительное падение ценностей; дивидендные бумаги падали эпидемически, безотносительно к их внутренней стоимости и к процентным ставкам на денежном рынке; в общей свалке происходило обесценение и прочных высоко-доходных бумаг. И поставленные втупик отсутствием видимых обычных причин биржевого кризиса оффициальные и вульгарные экономисты объявили, что причинами падения ценностей являются „гипноз, навеянный понижательным движением", и „неудовлетворительность биржевого механизма" („Торг.-Пром. Газ."), „организованный поход профессиональных биржевых дельцов" („Фин. Обозр."), „мексиканские дела и естественная реакция против прежних расценок" (г. Барк) и т. д.

Неосновательность подобных объяснений бросается в глаза. Психологические мотивы — причины второго порядка и сами нуждаются в объяснении; деятельность клики понижателей потому и успешна, что налицо все условия для понижатель-

[1]) См. нашу статью: „Наши банки и биржа", „Соврем. Мир" VI, 1914 г. Мы приводим здесь отрывок из нее без изменений.

ного похода. Биржевой механизм страдает у нас крупными недостатками, но ведь это не со вчерашнего дня, и эти недостатки не помешали же ей переживать подъем. Говорить о „реакции против высоких цен", как это сделал министр финансов в Госуд. Совете в заседании от 9 июня сего года, это значит игнорировать тот факт, что такая реакция — и исправление курсов в соответствии с их реальной стоимостью — уже имела место и в конце 1912 г., и в течение 1913 г. и, что в своем нынешнем понижательном движении биржа уже перешла в громадном большинстве случаев нормальную границу [1]).

Министр финансов ссылался далее на „мексиканские дела", но и об их влиянии г. Барк мог бы с тем большим успехом промолчать, что возникал вопрос, почему между Петербургом и Парижем существует такая „сильная связь" и почему французы, разуверившись в экзотических ценностях, начали выбрасывать на рынок по пониженным ценам русские ценности, и почему на этот раз министерство финансов оказалось бессильным вместе с синдикатом наших банков помешать парижской понижательной политике, как это ему удалось в 1911 году, о чем так часто любят вспоминать его оффициальные органы

Туган-Барановский, Бернацкий, Новоторжский и др. видят в нынешнем биржевом кризисе предвестника торгово-промышленного, т.-е. первую фазу грядущего общего кризиса. Что промышленный капитал совершает циклообразное движение, что за фазисом подъема должен следовать фазис упадка, это — эмпирический закон. Но на одних таких общих положениях далеко не уедешь; для объяснения сложных конкретных явлений требуется детальный анализ фактов действительности. А эти факты показывают, что теория, исходящая из положения, что причина кризисов в недостатке свободных денежных капиталов, а подъем — в бездействии накопленного денежного капитала, явно противоречит действительности. Промышленный капитал на Западе развивал свое поступательное движение в трехлетие 1910—12 г.г., несмотря на неблагоприятные условия денежного рынка; и промышленная депрессия наступила там во второй половине 1913 г., несмотря на то, что на капитальном рынке в это время стало свободнее.

Далее, совершенно неверно и утверждение Туг.-Бар., что движение промышленного капитала у нас совпадает с таковым на Западе и определяется движением мирового капитала: ни в 1913, ни в текущем году — июнь 1914 г. — никакой депрессии у нас не замечается. Данные о главнейших отраслях промышленности и о состоянии внутреннего рынка — отчеты крупнейших металлургических и механических предприятий, данные о существующих заказах, о производстве и потреблении продуктов горной и горнозаводской промышленности, сведения из центрального текстильного района, статистика перевозок, показатели цен и пр. — не дают основания для утверждения о наступлении у нас кризиса в самом ближайшем будущем. И это тем более, что данные об урожае до сих пор были благоприятны.

[1]) По данным „Известий Общ. заводч. и фабрик. Московск. р." %-ное отношение дивидендов к средней курсовой стоимости бумаг достигло в апреле сего года для группы коммерческих банков 7,1; для цементных — 8,8; для металлургических — 6% (против 4% в прошлом году). Для отдельных бумаг это отношение гораздо выше. Если даже считать капитализацию из 6% нормальной, то и тогда придется признать, что уже в апреле расценки во многих случаях были ниже реальных стоимостей. А в мае, как известно, понижение продолжалось.

Итак, вопреки утверждениям Туган-Барановского, Новоторжского и др., нельзя ставить в связь нынешний биржевой кризис с несуществующим еще и ни в чем пока не проявившимся торгово-промышленным кризисом. Между тем на Западе, и в частности в Германии и Австрии, депрессия на бирже со второй половины 1913 г. стоит в теснейшей связи с наступившей там в то время промышленной депрессией.

Где же, спрашивается, причина нашего нынешнего биржевого кризиса, который безусловно следует считать чистым биржевым кризисом? Мы подчеркиваем биржевой кризис, так как он не связан ни с банковым, ни с денежным кризисом: недостатка в свободных денежных средствах ни у нас, ни на мировом рынке нет. Это видно из приводимой нами ниже таблицы движения оффициального учетного процента на главнейших биржах в текущем году:

	Лондон.	Берлин.	Париж.	Ленинград.
Январь	5—4—3	5 4½—4	4 -3½	6
Февраль . . .	3	4	3½	6
Март	3	4	3½	6—5½
Апрель	3	4	3½	5½
Май	3	4	3½	5½

Частный процент в трех финансовых центрах был ниже: он колебался в начале июня в Лондоне около 2½, и 2¾ в Париже и Берлине. Мы видим, таким образом, что биржевой кризис развился у нас как-раз тогда, когда денежный рынок улучшился. Более того, он разразился у нас в то время, когда в кассы наших крупных банков поступили громадные суммы от реализованных заграницей гарантированных ж.-д. займов. За февраль месяц вклады у 7 крупных петербургских банков возросли на 170,4 м. р.; за счет этих средств они сократили свою задолженность по займам на 105,9 м. р. и увеличили свою кассу на 37,7 м. р.; а все 12 банков увеличили свою кассу на 61,2 мил. р. На 1 мая переучет и перезалог 43 банков составили 138,6 мил. р. против 289,9 на то же число 1913 года.

Где же причина последнего биржевого кризиса и каково его действительное значение?—спрашивали мы в указанной статье.

На этот вопрос дала ответ в июле война. Однако, на депрессивное состояние нашей биржи в первой половине 1914 г. влияли не только внешние, но и внутренние факторы, не только состояние бирж на Западе, но и наша внутренняя политическая ситуация. Поворот на главных мировых биржах явно определился уже в 1913 году, где наряду с депрессией действовали все сильнее опасения за устойчивость международного положения [1]). Это находило опору в росте расходов на вооружение и во все большей подготовке всех стран своей финансовой боевой готовности. Внутри наша биржа реагировала, прежде всего, на близорукую экономическую политику правительства: проекты новых торговых ограничений и проч. „Паника есть непосредственный результат правительственной политики", — писали тогда „Русские Ведомости". Биржа теряла веру в устойчивость нашего внутреннего положения и в виду все возраставшей оппозиции промышленной буржуазии и революционности пролетарских масс против все более разлагавшегося царского режима. Наша биржа потому тогда и реагировала так сильно, что на нее действовали и внутренние, и внешние причины.

Что действие международного фактора — возможность в ближайшем будущем войны — тогда не исключалась, что наоборот некоторые придавали ему решающее значение, видно из следующего места речи представителя промышленной буржуазии в Государственном Совете фон-Дитмара—9 июня 1914 г.: „Наряду с причинами, которые были указаны, как-то: выбрасывание Парижем русских бумаг и особая спекуляция на понижение, тут были еще более важные причины, почему наша биржа так упала и почему это представляет бедствие огромной величины. Это потому, что как Россия, так и Европа, может быть, находятся накануне чрезвычайно больших событий. Ни для кого не секрет, что иностранные банки всемерно стягивают золотую наличность. Известно для чего это делается: никому не охота держать золото в кладовых, не приносящее процента, оно окупит себя в трагический момент, когда придется защищаться с оружием в руках"...

[1]) Некоторые экономисты были удивлены, что размер капиталов, связанных с биржевыми обязательствами, был накануне войны менее значительный, чем опасались Так, ценность заключенных сделок на срок на парижской бирже равнялась к моменту объявления войны около 600 милл. фр. (из них 380 в паркете), на Лондонской бирже она в то время была $2^1/_2$ миллиарда фр. Такой сравнительно небольшой оборот на парижской бирже очень просто объясняется ее тяжелым положением за последнее время до войны, что мы отмечали выше Между тем г.г. экономисты пустились в общие рассуждения об упадке биржи в силу появления финансовых синдикатов и пр. (См. „В. Ф." № 7 за 1917 г.). Они однако должны были бы вспомнить, что всего три года перед тем Марокканский конфликт застал Парижскую биржу с ценностью сделок на ней в 1.600 милл. р., а за прошедшее время никакого переворота в биржевом мире, как известно, не произошло.

ДЕНЕЖНЫЙ РЫНОК И КРЕДИТ В ВОЕННЫЙ ПЕРИОД.

Война, которую ждали, но всячески отдаляли, к которой Европа долго и усиленно готовилась, но все же боялась, разразилась внезапно. И то, что пережила Европа уже за короткий период со времени вручения Австро-Венгрией ультиматума Сербии до объявления Германией войны России, показывало, что человечество стоит перед катастрофой необычайной стихийной силы.

С первыми же известиями о начавшейся повсеместно лихорадочной военной мобилизации, телеграф сообщал о возрастающей с каждым часом тревоге финансового и торгового мира и развивающейся дезорганизации мирового хозяйства: о прогрессирующем нарушении товарного транспорта, телеграфного и почтового сообщения, о все увеличивающихся затруднениях на денежном рынке и в сфере денежного обращения, потребовавших уже ряда экстренных мер — моратория, сильного поднятия дисконта, прекращения выдач золотом и проч., — о все разрастающейся панике на главных и второстепенных фондовых биржах, вызвавшей повсюду эпидемическое падение цен как твердопроцентных, так и дивидендных бумаг, а с этим и необходимость частичного прекращения биржевых сделок в одних местах и совершенно закрытия бирж в других; и это во всех частях света. Вместе с тем началась повсюду эпидемия банкротств. Военные действия между крупными державами еще не начались, война еще была локализована на Балканах, переживался лишь мобилизационный период, а уже мировой денежный, биржевой и банковый кризис был налицо.

Отличительный характер этой войны, — писали мы в самом начале ее [1]), — главным образом в том, что она будет вестись в совершенно иной социальной обстановке, в сильно изменившихся и чрезвычайно усложнившихся экономических условиях. Ни наполеоновские войны, ни франко-прусская война, ни англо-бурская и ни русско-японская не могут дать представления о тех размерах опустошения, которые неизбежно связаны с этой войной. Она происходит в самом центре капиталистического хозяйства, которое за последние сорок лет эволюционировало в высшую форму,—форму „высокого капитализма", с очень сложной и рафинированной кредитной системой. Эта система. центр тяжести которой находится в узком золотом фундаменте, является очень чувствительной ко всякого рода экономическим и политическим потрясениям. И, естественно, опасение, что общеевропейская война, кризис громадной политической силы, настолько расстроит весь кредитный механизм, что уже это одно, независимо от действия других разрушительных факторов — сокращения производства и обмена, недостатка средств потребления, сильнейшего разрушения производительных сил и, прежде всего, рабочей силы,—может повести к неслыханным

[1]) „Война и финансовая мобилизация", „Соврем. Мир" № 8—9 за 1914 г

потрясениям и повести если не к крушению современного капитализма, то, во всяком случае, к расстройству его движения на продолжительное время.

А. Наши банки коммерческого кредита.

1.

Мы видели в главе о денежном обращении, что война застала наш денежный рынок далеко не в блестящем положении. Расчетный баланс был сильно пассивен. Вексельные курсы низки. Мы отметили уже, как Государственный банк, обладавший слабым эмиссионным правом при большом золотом запасе, который он должен был сохранить, имевший на текущем счету большие средства казны, которые он не только должен был быть готовым каждый момент отдать, но и дополнить еще и своими, имевший валюту заграницей, которую он, однако, не мог использовать, как этот банк, которому предъявили усиленные требования и частные кредитные учреждения, вышел из затруднения путем прекращения размена и увеличения эмиссии денег. Здесь мы рассмотрим его коммерческую деятельность, в связи с положением всей нашей банковой системы.

Во время общего денежного кризиса, особенно таких размеров, какие создала мировая война, банковый ликвидитет приобретает совершенно другое значение, чем в обычное время. В такие моменты — учит и опыт прошлого — даже наиболее подвижные активы очень значительно, а то и совсем, теряют свою ликвидность. Для улучшения своей ликвидности, для мобилизации своих средств банки в такие моменты обыкновенно прибегают к сокращению кредитов. Но это уменьшает лишь выдачу новых денег и отнюдь еще не увеличивает притока к ним средств. Всякое частное хозяйство старается и спешит в такое время мобилизовать свои средства. Вклады, поэтому, сильно сокращаются; приток их совсем прекращается. В то же время платежи по долгам задерживаются, а то и совсем прекращаются. Вводится, поэтому, мораторий на срок. Векселя отсрочиваются и превращаются большею частью в финансовые. Вексельный портфель, который является наиболее ликвидным активом, теряет этим значительную часть своей силы. Но еще раньше перестают быть ликвидными и биржевые ценности. Сбыт бумаг затруднен; есть продавцы, а не покупатели, несмотря на сильно упавшую их расценку. Банки остаются с громадными портфелями ценных бумаг, обесцененных и не могущих быть реализованными. В то же время происходит стягивание и прекращение кредитов со стороны иностранных корреспондентов, что еще более ослабляет ликвидность. В такие моменты для ликвидитета имеет значение только касса, что, в свою очередь, должно усилить требования банков к центральным национальным банкам.

Это мы и видели у нас. Банки, ликвидность которых была ослаблена предшествовавшим биржевым кризисом, связанные

большим портфелем ценных бумаг, лишенные возможности пользоваться дешевым заграничным кредитом, начали стягивать кредиты и прекратили ряд операций. В районах, близких к театру войны, пришлось совсем прекратить работу. Вместе с тем, прекратились все операции, связанные с экспортом на Запад. Это, конечно, отразилось на промышленности, сельском хозяйстве и торговле. Но уж таков закон, что во время кризисов денежный (банковый) капитал децимирует производительный; он это делает тем более, когда вопрос идет о самосохранении.

Понятно, далее, что положение банков ухудшилось и от того, что из них с возникновением войны начали выбираться вклады, хотя незначительно. Это имело место преимущественно в провинциальных отделениях, близких к границе. На Востоке и в центральных губерниях наблюдалось лишь повышение истребования текущих счетов, что и понятно при сокращении кредитов и нужде в наличных. Анализ подробных данных показывает, что вклады в коммерческих банках сократились за июль 1914 г. на 9 милл. руб., а текущие счета на 198 милл. руб.; но в то время, как и за последующие месяцы, вклады продолжали уменьшаться, текущие счета начали возрастать; и за все второе полугодие 1914 года первые сократились на 84 милл. руб., а вторые увеличились на 148 милл. руб. Хуже было положение Обществ Взаимного Кредита и особенно тех из них, дела которых пошатнулись еще раньше, вследствие участия в биржевых махинациях; вексельный мораторий и истребование вкладов вызывали у них тревожное настроение. За 1914 год вклады и текущие счета сократились у них на 84 милл, руб. Что же касается сберегательных касс, то у них денежные вклады сократились в июле на 41 милл., затем начался опять прирост, и за все второе полугодие 1914 г. прибавилось 131 милл. руб. [1]).

[1]) Приведем здесь очень характерную таблицу движения денежных вкладов в сберегательные кассы по роду вкладчиков за 1913—15 годы:

	Городские.			Сельские.			В е е г о.			Книжек.		
	В миллионах рублей.						Милл. рублей.			В тысячах.		
	1913	1914	1915	1913	1914	1915	1913	1914	1915	1913	1914	1915
Землевладение . . .	2,3	2,1	5,9	7,0	6,4	12,6	9,3	8,8	18,6	40	35	40
Землед. и сел. пром.	15,6	18,2	29,6	464,6	483,4	608,2	480,2	501,6	637,7	2547	2641	2926
Городск. промыслы	173,7	168,9	214,6	5,8	4,6	5,7	179,5	173,5	220,3	1121	1094	1114
Работа на ф-ках, заводах и рудн.	44,6	46,1	60,7	28,0	30,9	37,0	72,6	76,9	97,7	457	477	546
Услужение.	90,8	92,1	96,2	22,4	21,9	24,9	113,1	114,1	121,2	713	716	703
Торговля.	106,1	118,4	210,0	43,5	49,3	73,7	149,5	167,7	283,7	680	696	739
Духовное звание. .	21,5	21,0	24,7	37,9	38,1	38,3	59,5	59,2	63,0	202	203	204
Офицерские чины .	15,8	28,4	50,8	1,5	6,1	15,0	17,3	34,5	65,8	85	108	146
Нижние чины . . .	18,9	18,7	28,5	3,2	3,2	4,6	22,2	21,9	33,1	336	240	258
Служба гражданск.	47,3	53,8	78,3	8,7	10,6	14,5	60,0	64,3	92,8	298	310	351
Служба общ. и част.	177,6	198,9	261,8	69,0	71,3	87,0	246,6	270,1	351,7	1300	1362	1439
Прочие занятия . .	122,3	164,4	243,5	21,7	22,9	29,0	144,0	187,3	272,5	830	975	1106
Итого *) . .	836,6	931,3	1307,7	713,2	748,7	950,5	1549,8	1680,0	2258,2	8609	8857	9572

*) Итоговые данные здесь меньше остатков вкладов в таблице на стр. 340, но это потому, что здесь вошли не все вкладчики; например, на 1 января 1916 г. там 9985 выданных книжек, здесь 9572.

Понятно, что наши банки, чем менее мобильны были их собственные средства, чем меньше их была наличность и чем более предъявленные к ним требования, тем сильнее были их требования к Государственному Банку. И это проявилось тем более заметно, что Государственный Банк за последние годы все более и более становился банком для банков. С начала паники Госбанк широко пошел навстречу частным банкам: он ссужал их большими суммами под векселя и процентные бумаги, и это особенно в провинциальных отделениях, где наблюдалось истребование вкладов. Деятельность его в первые месяцы войны видна из следующих данных:

	Учет и ссуды.	Текущ. сч. Государ Казнач.	Учет краткосроч. облигац.
	в милл. руб.	в милл. руб.	в милл. руб.
На 16 июля 1914 г. .	777	514	—
„ 23 „ „ .	1012	531	—
„ 1 августа „ .	1202	518	—
„ 1 сентября „ .	1198	231	175

Переучет и перезалог банков, составлявшие на 1-е июля 1914 года 196 мил. руб., поднялись на 1 августа 1914 г. до 535 мил. руб. Это была высшая цифра; после идет снижение, и на 1 января 1915 г. — 363 мил. руб.

Помощь, оказанная Государственным банком кредитным учреждениям, как крупным, так и мелким, включая и кооперативные, оказала свое действие на рынок. Частный дисконт первоклассных векселей со второй половины октября обнаружил тенденцию к снижению; с начала с $7^1/_4$ до $7 - 6^7/_8\%$, в ноябре до $6^3/_4 - 6^1/_2$, а в декабре до $6^1/_4$; оффициальный был поднят 16 июля с $5^1/_2$ до 6, таким и остался.

Каковы были активные операции наших кредитных учреждений во второй половине 1914 года, видно из следующих общих данных. Остатки на 1 июля 1914 г. и 1/I 1915 г. по учетно-ссудным операциям показывают, что все учреждения краткосрочного кредита сократили эти операции на 276 милл., в том числе частные коммерческие банки на 136 милл., общества взаимного кредита на 120 милл. и городские общественные банки на 20 милл. руб.[1]). Более подробный анализ этих операций в коммерческих банках по месяцам и отдельным статьям показывает неуклонное падение учета с августа до конца года, между тем как до августа он все возрастал; ссуды понизились лишь за август, с сентября наблюдается возрастание их под товары, хотя и слабое (реализация урожая). К концу года возросли ссуды под ценные бумаги: возобновилась вольная биржа, в то же

[1]) О деятельности банкирских контор нет сравнительных данных, так как в 1904 г. были обследованы 274, в 1910 г. — 191, в 1913 г. — 158, и в 1916 г. — 90), при чем число банкирских контор было больше, чем подверглось обследованию, а именно в 1910 г. — 375 и в 1916 г — 291. Сравнимы данные на 1 июля 1914 г. и 1 июля 1916 г.: они относятся к одним и тем же заведениям.

время был реализован первый внутренний заем. Но все учетно-ссудные операции, как мы видели, все же к концу 1914 года ниже, чем в начале второй половины его. Количество ценных бумаг, принадлежащих банкам, возрастая неуклонно с января до декабря, за год увеличилось на 176 милл. На них они понесли убытки. Количество протестованных векселей росло по месяцам все время с июля до конца года, что приходилось главным образом на районы, близкие к театру военных действий. Указанное сокращение активных операции краткосрочных кредитных учреждений стояло, конечно, в связи с общим торгово-промышленным кризисом, возникшим с началом войны, о чем речь впереди. Сокращение обращения капитала отразилось и на оборотах наших расчетных палат: так, за 1913 год в 25 отделах они составили 21,4 миллиарда рублей, а в 1914 году в 44 отделах — 19 миллиардов рублей.

2.

Анализ сводных данных за последующие годы войны, как приведенных нами в таблице, стр. 353, так и более подробных по месяцам и по оборотам, которые мы опустили, показывает, что вклады и текущие счета в 1915 году возросли и в первое, и во второе полугодие, поднявшись за год на 847 мил. руб.; в 1916 году они, возрастая неуклонно ежемесячно, увеличились за год на 2,6 миллиарда рублей. И в 1915, и в 1916 г.г. рост депозитов наблюдался и осенью, и весною, в то время как обычно депозиты осенью, в связи с реализацией урожая, отливали. Это показывает, что рост их со второй половины 1915 года объясняется и все возраставшей инфляцией кредита. Если примем остатки по этим счетам на 1 января 1914 года за 100, то движение их за последующие годы выразится в следующих цифрах:

На 1 января.	1915	1916	1917
Текущие счета	122	188,5	350,5
Вклады срочные. . . .	99,9	84.2	99,4
Вклады бессрочные . .	77,7	123,0	137,8

	Касса и текущ. счета.	Ценные бум. принадл. им.	Учетно-ссудная операц.			Баланс.	Капиталы.	Вклады и текущие счета.
			Подвексел.	Под ценн. бумаги.	Под товары.			
	в миллионах рублей.							
На 1 июля 1914 г.	9,6	69,8	50,6	64,9	1,9	259,8	66,7	70,1
„ „ 1916 г.	20,6	65.8	37,7	64,1	3,0	273,1	66,9	99,1

Данные показывают, что росли главным образом текущие счета, составлявшие на 1/I 1917 г. 89,9% всех депозитов, в то время как срочные вклады составляли 8,9, а бессрочные лишь 1,2%. Сокращение срочных вкладов объясняется тем, что было выгоднее такие средства помещать в госуд. займы.

Увеличение вкладов и собственных капиталов вело к сокращению задолженности Государственному Банку учреждений не только крупного, но и мелкого кредита. Данные показывают, что залоги и переучеты в Государственном Банке коммерческих банков после увеличения их в первые месяцы войны и снижения в последующие месяцы лишь во второй половине 1915 года возросли, чтобы в 1916 году опять уменьшиться. Однако, кредитование частных кредитных учреждений в Государственном Банке возрастало и за время войны, что находилось в связи и с реализацией военных займов. Рост открытых счетов частным кредитным учреждениям за военное время можно видеть из таблицы на стр. 310. Здесь мы приведем данные о самих размерах кредитования кредитных учреждений в Государственном Банке:

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
	в миллионах рублей.			
По спец. тек. счет. под % % бум.	1037,7	766,9	2829,2	3654,9
По прочим видам кредита	3492,8	2762,1	2074,0	1304,5
Итого	4530,5	3529,0	4903,2	4959,4

На 1 января	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Остатки по спец. тек. сч под % бум.	103,0	95,7	448,4	300,4
„ по прочим вид. кредита	285,6	305,2	194,5	113,8
Итого	388,6	400,9	642,9	414,2

Рассмотрим активные операции. Учетно-ссудные операции всех кредитных учреждений (см. 313 стр.) находились в 1915 г. в стационарном состоянии, они возросли заметно во вторую половину 1916 г., что продолжалось и в 1917 г. Более подробные данные о коммерческих банках показывают, что учет возрос в 1915 году (см. 355 стр.), все же сокращение в обо-

	Годы на 1 января: 1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Государственный Банк.				
Активы:				
Учет и специальные текущие под векселя	595,7	618,8	382,2	231,5
Ссуды и специальные текущие счета под % бумаги	202,8	254,1	635,1	543,3
Ссуды товарные	160,4	110,1	102,5	44,7
Вся учетно ссудная операция	1072,0	1123,1	1235,8	897,1
% % бумаги, принадл. Банку	107,9	149.2	271.7	138,1
Счет казны	54.3	1078 2	3873,6	7792,0
Баланс	3040,5	4248,4	7773,7	12640,8
Пассивы.				
Суммы казны	951,2	602,2	794,1	1357,4
Вклады срочные и бессрочные	263,1	478,1	954,3	1379 1
Акционерные Коммерческие Банки:				
Активы.				
Число банков	47	41*	41*	44*
„ отдел и аг-в	743	762	782	880
Кассы	106,4	133,3	148,3	192,5
Текущие счета	96.1	194,0	228,7	328,7
Ценные бумаги принад. банкам	316,5	432,4	629,3	793,6
Учетная операция	1546,5	1511,4	1823,9	2999,6
Ссуды под залог цен. бумаг, товар. и товарн. докум.	84.2	73,9	80,6	341.7
On call	1531,0	1414.9	1637,4	2158,2
Из них процентн. бумаг	941,9	847,0	927,3	1230,2
Корреспонденты Лоро	1264,0	1274 7	1847,3	3002,8
Корреспонденты Ностро	122,7	228,9	349,9	485,4
Протестован. векселя	8,6	16,6	12,0	3,8
Пассивы.				
Капиталы (основной, запасный и проч)	836,5	818,5	842,6	993,6
Вклады и текущ. счета	2539,0	2774.6	3834.2	6747,6
Корреспонденты Лоро	726,5	1037.5	1473,5	1951.0
Корреспонденты Ностро	455,1	344,8	339,3	394,7
Переучет и перезалог	334,7	328 2	386,9	278.3
Баланс	6233,0	6070,7	7983,5	13051,3

*) Невакуированные банки не входят.

роте числа торговых векселей и развитие сделок на наличные сказалось. Частный денежный рынок был свободен, частный дисконт в 1915 году: $5^1/_2 — 6\%$. Он продолжал быть низким и в 1916 году: $5^7/_8 — 5^3/_4$, т.-е. ниже оффициального, оставшегося 6%. В 1916 г. мы видим увеличение суммы учета векселей, среди нее учета соло-векселей, вследствие кредитования также городских и земских управлений с правительственной гарантией. — Возрос, конечно, учет обязательств государственного казначейства, но этого мы здесь не касаемся. — Среди векселей наблюдалось за эти годы возрастание их купюр, что в 1915 и особенно в 1916 году следует приписать и падению ценности денег. Что касается протестованных векселей, возросших сильно во вторую половину 1914 года, то, сократившись в 1915 году, они в 1916 достигли довоенной нормы.

Анализ движения ссуд в коммерческих банках показывает, что, если взять их сумму на 1/1 1914 г. за 100, то на 1/1 1915 г. они опустились до 93,4; на 1/1 1916 г. они поднимаются до 107,4 и на 1/1 1917 достигают 156,9; и это, главным образом бессрочные. По месяцам данные показывают: сокращение ссуд во второе полугодие 1914 года, увеличение их в первой трети 1915 г. потом падение; с последней четверти 1915 г. — опять увеличение, продолжающееся в 1916 г. Напомним здесь, что в учреждениях мелкого кредита ссудная операция упала и в 1915 году; в 1916 году она поднялась. Падение ценности денег сказалось в увеличении ссудной операции в 1916 году во всех кредитных учреждениях. Оно сказалось между прочим и в увеличении оборотов расчетных палат: в 1915 году в 43 отделах они равнялись 21,4 миллиарда; в 1916 г. в 53 — 36,2 миллиарда руб.

Среди ссудных операций коммерческих банков наибольшее развитие за 1915 и 1916 г.г. получили товарные ссуды: если размер этих ссуд на 1 января 1914 г. принять за 100, то на 1915 г. они упали до 92,6; 1/1 1916 г. они поднимаются до 137,3 и на 1/1 1917 г. до 196; соответствующее движение ссуд под процентные бумаги: 100; 93,6; 101,1; 150,4. По абсолютным размерам ссуды под процентные бумаги превышали товарные в 1915 и 1916 г.г. почти в два с половиной раза, в 1914 г. втрое. Любопытно, что особенно заметно возросли в 1915 и 1916 г.г. ссудные операции провинциальных банков, сильнее, чем московских, и последние сильнее петроградских. Что касается онкольных счетов под процентные бумаги и товарные документы, то, снизившись во второй половине 1914 года, они обнаружили стационарное состояние в первой половине 1915 г., тенденцию к повышению во второй половине этого года и заметное возрастание во второй половине 1916 года, что стояло в связи с оживлением вновь биржевой деятельности; онколь под товарные документы начал возрастать с конца 1914 г., хотя и слабо; более сильно с конца 1915 года.

Особый интерес представляют корреспондентские счета. Они росли скорее всех других активных операций. По отношению к сумме их на 1/1 1914 г. в 1,3 миллиарда рублей, принятой

за 100, они на 1/1 1915 г. составили 1,5 миллиарда, или 113,7 на 1/1 1916 г. — 2,2 миллиарда — 167,1 и на 1/11917 г. — 3,7 миллиарда или 279,8. Обороты же их были:

Годы.	Миллиарды рублей.	
	Кредит.	Дебет.
1914	29,9	29,8
1915	23,6	23,2
1916	37,7	36,8

Эти обороты охватывают: финансирование промышленности, эмиссию ценностей, учет торговых обязательств, контокоррентные счета, участие в реализации займов и др.. За этими крупными суммами скрываются и крупные — более, чем сомнительного свойства — махинации.

3.

По закону наши банки не имели права участвовать в учреждении новых промышленных предприятий, в покупке акций существующих—для контроля над ними, в синдицировании предприятий, а они это делали и мы видели, начиная с 90 годов, как делали. Банки не имели права производить торговые операции за свой счет; они это всегда обходили. Во время войны это приняло лишь широкий скандальный характер. Имея в руках крупные средства, банки могли скупать необходимые товары, выдерживать их у себя и выпускать на рынок в минуты острой нужды по повышенным ценам. Это ими и практиковалось, что и сказалось в росте указанных нами выше специальных текущих счетов под товары и товарные документы, ссуд под залог товаров и товарных документов, и активов корреспондентов лоро по кредитам, обеспеченным товарами и товарными документами.

Известно, что в мирное время наши частные банки принимали крупное участие в финансировании экспорта зерновых продуктов за границу. Так, за 1911 — 1913 г.г. их средние ежегодные выдачи под хлеб составляли 885 милл. рублей; в 1914 году они выдали таких ссуд 665,8 милл. руб. и в 1915 г.— 549.6 милл. руб. Несомненно, что во время войны они свою хлебную деятельность направили внутрь. Относительно сахара проф. Гензель в свое время сообщал, что на 1 мая 1916 года запасы сахара в банках достигли 4,4, милл. пудов; материалы „Особого Совещания по продовольственному делу“ указывают, что в 1914/1915 г.г. банки закупили на заводах 21,4 милл. пудов или 26,3% всего закупленного сахара; из производства же 1915/1916 года в „ноябрее 1915 г. было запродано банкам

1,68 милл. пудов из 1,85 милл. пудов или 90,8%". То же наблюдалось и с мясом, маслом, кожей и проч. [1]).

Эта деятельность банков влияла, конечно, на вздорожание жизни и очень скоро получила довольно единодушную оценку в обществе и печати, к великому неудовольствию банковских воротил, выставлявших себя угнетенными невинностями. Правы эти господа были лишь в том, что не они, конечно, делали погоду, но они использовывали ее в своих интересах: когда наступило падение цен в начале войны, они сократили ссуды под хлеб; когда обнаружился поворот к повышению, они расширили их и скупали хлеб. Когда в первый год войны не оказалось подходящей обстановки для подогревания оконлом спекуляции бумагами, то банки перешли к спекуляции валютой, на которую был спрос. Они нашли очень выгодный источник дохода и в гарантийных письмах, т.-е. выдаче банками особых писем, гарантировавших выданные казной авансы различным поставщикам, и таким образом наживались и на промышленности, и на казне: последней приходилось платить дороже за товары. А когда к началу 1916 года и эта операция затихла, то расцвела вновь эмиссия частных бумаг, а с ней и комбинации с акционированием предприятий, слиянием их и увеличением денежных капиталов существующих акционерных компаний и проч. Мы имели случаи на это уже указать и в главе о денежном обращении, и — об акционерном деле.

Банки участвовали заметно и в размещении военных внутренних займов. Но отношение их к последним с каждым годом становилась холоднее; это была необходимость и скорее „патриотическая" ширма для других более близких сердцу банковских заправил темных дел. Совершенно понятно, что при полной неразборчивости в средствах, барыши банков и за время войны все росли; дивиденды, бывшие в среднем в 1913 г. 10,8% и упавшие в 1914 году до 5,9% (в этом году сказались и неудачные биржевые спекуляции первой половины года, и упадок бумажных ценностей, вследствие войны), в 1915 году поднимаются до 7,2 и в 1916 году достигают 12,2%, при чем петроградские, т.-е. задающие тон, банки показывают следующие дивиденды за эти годы: 11,7, 5,6, 8,6 и 13,4%.

Очень характерно распределение прибыли, что видно из таблицы на стр. 359 (в миллионах рублей и % отношении к общей сумме прибыли).

Данные показывают, что „высший состав", т.-е. небольшая кучка лиц получила в 1916 г. 11,4% всей прибыли и это не считая гонораров и других заработков на комбинациях, в то время как десятки тысяч квалифицированных средних и низших служащих получили всего 6,6% при сравнительно мизерных окладах. Ни в каких капиталистических предприятиях — и это

[1]) См. „Труды Комиссии по изучению дороговизны" Общества имени Чупрова, изд. 1915 г. и „Движение биржевых цен и т. д.". Управл. Дел „Особого Сов. по продов.", изд. 1916 г. и др.

Было отчислено:

	В 1915 году.		В 1916 году.	
	Милл. руб.	%	Милл. руб.	%
В дивиденд.	48,7	67,3	83,1	54,0
Высшему составу.	6,1	8,5	17,6	11,4
Служащим	3,1	4,6	10,2	6,6
В запасный и проч. капиталы .	7,0	9,6	16,6	10,8
На нужды войны.	0,48	0,6	0,35	0,2
Нераспределенная прибыль. . .	6,3	8,7	22,8	14,8
Всего прибыли . . .	72,5	100	154,1	100

повсюду — нет такой резкой грани между оплатой высшего и остального персонала, как в кредитных учреждениях. И как особый штрих в этих отчислениях: пожертвования на войну сократились в 1916 году и абсолютно, и относительно...

В виду таких „блестящих" дел наших коммерческих банков в 1916 году проф. А. Н. Зак, обозревая деятельность их за этот год, пришел к выводу, что „это было время наивысшего развития кредитного дела в России и органического внедрения банков во все стороны народно-хозяйственной жизни страны" („Сборник Нар. Хоз." за 1916 г. „вып. 2 изд. 1920 г.). Да, это был год „высшего развития" наших крупных банков, но здорового ли развития — это более, чем сомнительно. Это был год „органического внедрения во все стороны нашего хозяйства"... Да, но именно потому, что банки в этом году более, чем в каком-либо другом, проявили свои отрицательные стороны: никогда раньше „регулярная" работа в них не отходила так на задний план перед махинаторской — правлений, именно потому это „органическое внедрение" действовало на хозяйственный организм страны больше р а з л а г а ю щ е...

Б. Мелкий кредит.

1.

После революции 1905 г. очень много у нас стали говорить о развитии мелкого кредита в сельском хозяйстве. И действительно, наблюдалось значительное увеличение числа кооперативных кредитных учреждений — ссудо-сберегательных и кредитных товариществ — в деревне. На это указывал г. Коковцов в записке к росписи на 1910 г., об этом с пафосом писало летом 1910 г.

и ревизионистское „Возрождение“: „В 1898 г. кооперативных учреждений южная деревня почти не знала, теперь их тысячи. Правительственная власть создает чуть ли не батальоны агрономов и инспекторов мелкого кредита, которые и способствовали насаждению к 1 октября 1909 г. 3361 кредитных товариществ с 1,6 милл. членов — размах немалый“. Однако, чтобы судить о роли мелкого кредита в развитии нашего крестьянского земледелия, недостаточно было привести тогда голые цифры. Нужно было рассмотреть и операции учреждений нашего мелкого кредита, которые в то время отнюдь не давали поводов к восторгам. Общие данные о движении мелкого кредита видны из следующей таблицы:

Годы (к 1 января).	Кредитные товарищества.				Ссудо-сберегательные товарищества.			
	Число их.	Число членов (в тыс.).	Ссуды. (в милл. р.)	Вклады и займы. (в милл. р.)	Число их.	Число членов (в тыс.).	Ссуды. (в милл. р.)	Вклады и займы. (в милл. р.)
1904	306	98	3,0	2,9	773	350	39,2	28,7
1905	536	181	4,8	3,4	832	370	44,2	32,1
1906	773	304	8,3	5,8	769	375	43,7	31,9
1907	1199	501	13,5	8,5	885	426	54,9	42,8
1908	2012	839	21,3	14,7	1167	620	67,4	51,3
1909	2691	1269	32,2	21,2	1476	674	79,8	65,1
1910	3605	1767	45,7	39,4	1786	843	99,9	84,5
1911	4558	2379	70,5	62,8	2134	1068	129,4	114,9
1912	5950	3353	116,6	104,5	2593	1394	175,7	155,5
1913	7964	4870	181,5	113,5	3025	1740	212,7	170,2
1914	9536	6210	263,2	158,0	3479	2045	254,7	205,8
1915 [1]	10575	7119	304,9	193,1	3202	1930	204,2	150,6
1916 [2]	10859	7471	295,2	255,2	2851	1566	153,2	117,0

Начнем с сословных касс. В число их входили и общественные ссудо-сберегат. кассы по положению 1905 г. На 1 января 1908 г. их действовало 51 с оборот. капиталом в 440 тыс. руб.

[1]) Кроме кредитных и ссудо-сберегательных товариществ Ц. Польского и Курлянд. губ.

[2]) Кроме Ц. Польской и Курл. губ., не вошли Виленск., Гроднен. Минская и часть Волынской.

Годы (к 1 января).	Сословные учреждения.				Земские кассы.				
	Число их.	Оборотн. кап. (в милл. руб.) Всего.	в том числе вклады.	Ссуды.	Число их.	Ссуды: (в милл. руб.) учрежд. мелк. кредита.	прочие.	Вклады и займы.	Баланс.
1904	5045	51,9	22,3	46,7	—	—	—	—	—
1905	4566	51,6	25,4	47,1	—	—	—	—	—
1906	4315	53,6	27,2	49,5	—	—	—	—	—
1907	4476	57,5	29,4	53,5	—	—	—	—	—
1908	4909	63,2	32,2	58,7	15	0,1	0,4	0,3	0,7
1909	3919	58,9	30,1	55,1	35	0,6	1,5	1,2	2,6
1910	4531	67,0	33,5	61,7	55	1,9	2,9	3,8	6,3
1911	4809	74,8	39,1	68,5	62	5,7	4,6	9,6	14,4
1912	4981	87,2	47,3	80,0	104	11,1	9,6	19,2	27,0
1913	4832	98,1	55,7	90,0	148	19,8	17,2	30,9	45,9
1914	4724	109,4	64,5	100,5	196	23,9	28,8	39,4	66,3
1915	4367	115,4	69,2	103,5	232	38,4	26,0	62,2	86,7

и ссудами в 387 тыс. руб. Г. Коковцов указывает на то, что в 1907 г. их было открыто 65, в 1908 г.—111 и в 1909 г. не менее 250, и что в дальнейшем следует ждать большого их развития. Однако, тот же министр финансов еще в апреле 1909 г. указал циркуляром губернаторам, что вовсе нежелательно искусственное насаждение ими таких касс. Часть этих касс (около 300 к 1 января 1910 г.) возникла из старых сословных кредитн. учреждений, другая часть (около 200) была создана преимущественно для помощи хуторянам — большей частью в Казанской, Киевской, Нижегородской, Екатеринославской г. и Обл. Войска Донского—и требовала правительственной ссуды. Она им и была дана (около 300 тыс. руб.), но вместе с тем Управление по делам м. кредита указало, что ссуды будут таким кассам выдаваться только тогда, когда в данном районе нет товарищ. учреж. м. кред. Таким образом и оффициально была признана искусственность их

[1]) Таблица составлена по данным „Управления по делам мелкого кредита“. См. „Сборн. ст. экон. сведений по с.-х.“ I—IV годы, изд. 1907—1910 гг. VI—IX годы изд. 1913 и 1916 г.г., а также „Объяснит. записки М. Ф.“ к росписям на 1916 и 1917 г.г. За 1915 и 1916 г. нет сравнимых по империи данных.

возникновения и преимущество перед ними кооперативных учреждений. Деятельность этих губернаторских касс была ничтожна. Что же касается старых сословных учреждений, то на 1 января 1905 год балансе 4557 подробно обследованных касс равнялся $51^1/_2$ милл. руб. Из этой суммы 33 миллиона или 64% приходилось тогда на юг — юго-западн., малоросс., новоросс. губ., Донецкую обл. и Сев. Кавказ. Число этих учреждений здесь равнялось 42% общего числа их, причем на юг приходились и самые „крупные“ из них. Данные о средней задолженности и числе хозяйств, пользующихся ссудами в этих учреждениях, показывают, что к 1 января 1905 г. в них имелось 1,8 милл. отдельных лиц заемщиков и 2.802 сельских и волостных схода; долг этих последних равнялся в среднем 429 р., а первых не превышал в среднем 26 руб., сумма слишком ничтожная, чтобы она могла быть затрачена на производительные цели. Однако, большинство этих сословных учреждений существует лишь на бумаге. Из числившихся 5000 учреждений действовали в 1909 г. около 3000, а из последних правильно около 300. Из 40 милл. руб., выданных действующими кассами ссуд, 21% просрочено и большею частью пропали, но и остальные 32 милл. руб. из года в год переписываются При таких условиях говорить о каком-нибудь значении этих касс для сельского хозяйства не приходится.

Это мы писали в 1910 году. Данные позднейших лет показывают, что сословные учреждения, работавшие в значительной степени на средства, помещенные у них принудительно (сиротские суммы), проявляли жизнь постольку, поскольку преобразовывались в указанные ссудо-сберегательные кассы, на что правительство давало ссуды. К началу 1913 года почти $^1/_3$ общего их числа составляли эти кассы, и из 98 милл. руб. оборотных средств—в них было сконцентрировано около 40 милл. руб. Но, в общем, ссудная операция в этих учреждениях продолжала быть слабой и неудовлетворительной, хотя она возрастала и число просроченных ссуд сокращалось; сравнительное значение этих кредитных учреждений, несмотря на все же значительное количество участников в них, падало заметно в нашем мелком кредите.

Что же касается бессословных земских касс, то они, будучи недавнего происхождения, обнаружили за пятилетие до войны развитие, обслуживая целые уезды или даже губернии. Через их посредство земства снабжали средствами мелкие кооперативные кредитные учреждения; больше половины средств этих касс шли на такие краткосрочные ссуды. За время войны рост этих касс, однако, уменьшился; с развитием кооперативных союзов, которые совершали те же операции, что и земские кассы, кооперативы к последним охладели. В 1915 г. возникло 16 касс и в то же время 51 кооперативных союзов. Число последних на 1 июля 1916 г. было 84, и число объединенных союзами товариществ составляло до 17% общего числа кредитных товариществ. В 1916 г. губернские земские кассы, кредитовавшие

кооперативы, страдали от избытка свободных средств и отказывались от новых вкладов.

Действительный рост обнаружили, после появления в 1904 г. положения об учреждениях мелкого кредита, учреждения кооперативного типа.

2.

Ссудо-сберегательные товарищества существовали у нас давно, но в 80-х годах и до второй половины 90-х они переживали упадок: из 1459 разрешенных за 1866—1900 г.г. товариществ 717 закрылись или вовсе не открывались. С 1905 г. мы видим поворот: число этих касс и членов в них возрастает. Эти товарищества преобладали над кредитными в Прибалтийском крае, Царстве Польском и северо-западных губерниях: и по количеству своему, и по сумме оборотных средств. В других районах они уступали кредитным товариществам, являющимся продуктами новейшего времени.

С 1897 по 1903 г.г. было открыто у нас 382 кредитных товариществ, в 1904 г.—286 и затем они растут все сильнее, увеличиваясь за 1905—1910 г.г. в среднем на 600 товариществ в год. Несмотря, однако, на этот рост, операции и этих учреждений еще незначительны; очень часто отсутствует необходимый для ведения дела опытный персонал. Ссудные операции тогда влияния на развитие крестьянского земледелия иметь не могли. Оборотных средств мало: на 1 члена приходилось на 1 июля 1909 г. 35 руб. (в Германии в 1906 г. более 500 руб.). Размер ссуд, выдаваемых крестьянам, в среднем, равнялся за 1906—1909 г.г. 65—67 руб., в Германии он более 200 руб. „Ссуды в этих товариществах“, — признавал А. Дорошенко, официальный апологет нашего мелкого кредита, — „выдаются на потребительные цели, что спасает хозяйство от разорения, но не поднимает на высшую ступень. Ссуды на производительные нужды, во-первых, краткосрочны, тогда как опыт Запада доказал, что для развития земледелия нужны ссуды долгосрочные, а, во-вторых, слишком малы, чтобы заменить ростовщический кредит или принести действительную пользу“. Такие совершенно правильные выводы на счет деятельности наших кредитных кооперативов мы находим на стр. „Вестн. Фин.“ (№ 9, 1910 г.) в то время, когда на страницах „Возрождения“ с увлечением говорилось об их значении в деле развития крестьянского хозяйства.

Наши кооперативные учреждения мелкого кредита, из-за отсутствия долгосрочных средств — малого размера вкладов и основных капиталов, — не могли в то время выдавать долгосрочных ссуд, необходимых для приобретения сельско-хозяйственных орудий и вообще для мелиорационных целей; этого не могли отрицать даже министры финансов и внутренних дел (см. их „Записку об использовании сберегательных касс“. „В. Ф.“, № 26, 1910 г.). 6 милл. рублей, выданные Государственным банком в ссуды на основные капиталы кредитных учреждений, были суммой ничтожной для этих целей, и вот оба мини-

стра внесли законопроект о разрешении ассигновать средства на нужды мелкого кредита из сумм сберегательных касс, причем из 1,5 миллиарда руб. вкладов милостиво предложили ассигновать на первое время 20 милл. руб. и в течение пяти лет увеличить эту сумму до 50 милл. руб. Г. Дума и Г. Совет одобрили этот проект, согласившись с обоими министрами, что это соответствует „скорейшему преобразованию быта“ и „согласуется с признанным в настоящее время положением, что препятствием к экономическому подъему крестьян является не столько малоземелье, сколько несовершенство существующего владения и отсутствие средств для существенных улучшений хозяйства“. Объективный анализ, как известно, опровергал это положение и показывал, что при общих экономических условиях страны в то время препятствием к экономическому подъему являлись не только недостаток средств и несовершенство владения, но и малоземелье; но если даже согласиться с положением нашей бюрократии, то все же придется признать, что те 250—270 миллионов, которые имелись в распоряжении мелкого кредита при 140 милл. сельском населении и свыше 25 милл. крестьянских хозяйств не могли иметь значения для массового крестьянства [1]).

Каково было положение мелкого кредита после 1910 г.? Таблицы показывают развитие как кредитных, так и ссудо-сберегательных товариществ, и это не только в Европейской России, но и в Сибири, Туркестане и Закавказье. Конечно, оно было неравномерное: наиболее сильно были развиты кредитные кооперативы на юге, в промышленных и центральных районах; слабо—по оборотам—на севере и еще слабее, и количественно, в Сибири и Туркестане.

Правительство за последнее пятилетие до войны оказывало значительно возросшую помощь кредитной кооперации, содействуя ее росту и распространению. Накануне войны больше $^1/_5$ всех оборотных средств были государственные. За десятилетие 1904—1914 г.г. все учреждения мелкого кредита возросли с 6 тыс. до 19,2 тыс., число участников до 12 милл., а оборотные средства достигли 960 милл. р.; из этих учреждений 15 тыс. с 9 милл. участников и 774 милл. руб. оборотных средств приходилось на кредитную кооперацию. Материальное участие правительство на 1/VII 1914 г. составляло 167 милл. руб. За время

[1]) Подробный анализ положения мелкого кредита в 1910 г. показывал, что он развился более или менее в Ц. Польском и Прибалтийском крае Хуже обстояло дело в остальных районах, при чем из этих последних в лучшем положении находились западные губернии и юг, где денежное хозяйство развивалось и где земледелие прогрессировало насчет застоя и упадка других земледельческих районов. В общем же число хозяйств, обслуживаемых в Империи мелким кредитом, было незначительно. Различные исследователи определяли, что им пользовались у нас 12—15% всех крестьянских хозяйств. между тем как, по данным „Трудов местных комитетов о нуждах сельского хозяйства“, % домохозяев, прибегающих к краткосрочному кредиту, колебался в разных местах от 40 до 65%, что ниже действительности. Таким образом, ростовщический кредит и в своей старой форме имел еще широкое поле для своего разрушительного действия в деревне.

с 1 января 1909 г. по 1 июля 1914 г. оборотные средства кредитных кооперативов возросли с 65 до 84,5 руб. на одного члена, что, конечно, могло увеличить и размер ссуды, который, однако, и в 1913 г. почти в половине обществ был в среднем до 50 р.

За время войны в развитии учреждений мелкого кредита произошли изменения. В начале ее правительство оказало поддержку им, увеличив краткосрочные кредиты под залог хлеба и кустарных изделий; выдавались и новые долгосрочные ссуды. Но, вместе с приливом денег в деревню, с сокращением потребности в затратах на производительные цели в сельском хозяйстве,—вследствие отлива рабочего населения на фронт,—ссудные операции все падали: с 1-го июля 1914 г. по 1-е января 1915 г. они сократились на 73 милл. руб., и на 1-е января 1916 г. они были ниже предыдущего года. Сокращение спроса на ссуды и прилив вкладов сократили займы кооперативов; и, в частности, задолженность Государственному банку по краткосрочному кредиту со 132 милл. руб. на 1-е июля 1914 г. упала до 97 милл. руб. на 1-е января 1915 г. и 68,4 на 1-е июля 1916 г. [1]). Война сказалась и на характере посреднических операций, которыми занималась широко кредитная кооперация: по закупке сельско-хозяйственных машин, материалов для кустарей, по кооперативному сбыту хлеба и кустарных изделий и даже по аренде и покупке земли. Кредитная кооперация занялась, в связи с войной, поставками на армию. В 1913 году эти учреждения купили товаров на 22,8 милл. руб. и выручили от продажи их 4,4 милл. руб. прибыли; в 1915 г. закупки превысили 86,5 милл. руб., и „кооперативный сбыт“ дал 11,7 милл. руб. барыша; в 1916 г. дела были еще лучше. Мы видим, таким образом, что мелкий кредит за время войны проявил себя не в развитии производительности в деревне, а в торговой деятельности...

Для полноты картины нашей кредитной системы, укажем, что с января 1913 г. начала действовать касса городского и земского кредита, получившая от казны 20 милл. руб. рентой на образование капитала и имевшая своей задачей выдачу краткосрочных и долгосрочных ссуд городам и земствам и реализацию выпускаемых ими облигационных займов. На деле же этим учреждением, о котором много говорилось в оффициальной литературе, было по 1-е июля 1916 г. разрешено ссуды на 75 милл. руб., а выдано 60 милл. руб.; из разрешенных ссуд 50,6 милл. руб. были краткосрочные и 24 — долгосрочные; 40,2 милл. руб. падали

[1]) К 23 января 1917 г. правительственные ассигнования на потребности мелкого кредита достигли 400,3 милл. руб., из них 335,2 милл. краткосрочных кредитов, — в том числе 89,2 для выдач под залог хлеба, изделий ремесел и пр.—и 65,1 милл. р. в основные капиталы. Источниками последних были Госуд. банк в сумме 6,7 милл. р., сберег. кассы—55,9 и Управ. по делам мел. кред. 25 милл. р. Из ассигнований краткосрочных на кооперативные учреждений приходилось 354,8 милл., а в основ капиталы — на них 53,5 милл. р. Задолженность учреждений мелкого кредита в счет открытых им кредитов была к этому времени 78,7 милл., из них по краткосрочным 38,6 милл. р. („Вестник мелкого кредита“ № 5, 1917 г.)

на города и 35,5 — на земства. Спрос на долгосрочный кредит во время войны был слабым, вследствие падения $4^1/_2\%$ облигаций кассы, а затем и приостановки земствами и городами различных капитальных затрат.

В. Биржа в военное время.

Как было уже упомянуто, мировая война еще не началась, а уже биржи главнейших стран с целью воспрепятствования дальнейшему эпидемическому падению ценностей, связанному с паническим выбрасыванием их на рынок, закрылись целиком или частью. Так, уже 14-го июля биржа закрылась в Вене и Брюсселе, 15-го кулиса в Париже, 16-го биржи в Петербурге, Амстердаме, Антверпене, 17-го в Риме и др. 18-го в Лондоне и Нью-Йорке и т. д. Но биржа, как мы видели настолько необходимый орган капиталистического строя, что на место оффициальных бирж начали повсюду действовать частные и по мере того, как капитальный рынок успокаивался после критического состояния первых месяцев войны, — государство повсюду в большей или меньшей степени, раньше или позже, принимало меры к улажению расчетов по операциям с бумажными ценностями — по мере того, как денежный рынок приспособлялся все более к условиям военного времени, и оффициальные биржи начали постепенно открываться. Так, Нью-Норкская биржа была открыта 12 декабря 1914 г., но с установкой минимальных курсов; 1 апр 1915 г. они были отменены и сделки приняли нормальный характер. Лондонская биржа открылась 4 января н. ст. 1915 г., но с известными ограничениями; Парижский паркет был закрыт лишь 18 — 20 июля 1914 г., затем временно переехал в Бордо и в этом году операции его были еще слабы; действия биржи были ограничены сделками на наличные, имел силу и мораторий по обязательствам довоенных срочных сделок. Но в 1915 году — особенно после сентябрского декрета о ликвидации старых сделок на срок — биржа здесь все больше входит в колею. И если принять во внимание влияние парижской биржи на курсы наших бумаг, то естественно, что наши частные биржи и во время войны чутко прислушивались к тому, что говорил Париж. А вести оттуда указывали прежде всего на довольно значительное понижение к концу 1914 года нашей ренты, правда, в компании не только с турецкими, египетскими и сербскими займами, но и с французской и итальянской рентой. Неутешительно было и с дивидендными бумагами, которые испытали значительное понижение, и особенно банковские. Курсы средины 1915 г. подавляющего большинства наших бумаг там тоже ниже котировок 1914 года. К концу 1915 года курсы все же улучшились, но далеко не все: многие из них стояли ниже конца 1914 года. Приблизительно то же самое имело место и на наших частных биржах, что видно из сравнения курсов ряда бумаг, приведенных в нашей таблице (см. стр. 367). Поворот проявился определенно в 1916 году.

Биржа в Петрограде за время войны.

	Оффиц. 15 VII 1914 года.	Частн. конец VII 1915 года.	По котировке Особого Сов. Нет. Фон. Б. 31 XII 1915 г.	По котировке Особого Сов. Нет. Фон. Б. 31 XII 1916 г.	Оффиц. 30/I 1917 года.
4% гос. рента	$92^1/_4$	$78^1/_8$	78	80	$79^1/_2$
5% I вн. с. в. з.	535	524	615	1845	1.034
4% закл. л. Двор. б.	$88^5/_8$	75	73	$74^1/_2$	$74^3/_8$
4% свид. Крест. б.	$89^3/_8$	75	74	$74^1/_2$	$74^2/_5$
$4^1/_2\%$ закл. л. Бессар. Тавр. б.	$79^3/_4$	72	—	$76^1/_2$	$78^1/_2$
Виленск. Зем. б.	581	—	400	—	360
Моск. Каз. ж. д.	425	375	430	585	663
Юго-Вост. ж. д.	246	193	205	435	431,5
Виндавская ж. д.	2.615	2.150	2.150	2.460	2612,5
Русск. Внеш. торг. б.	334	288	325	623	652
Волжско-Кам. б.	840	760	840	1.350	1.400
Петрогр. Междунар. б.	382	308	325	623	631
Бакинск. нефт. пр.	580	558	640	1.000	1.015
Манташев.	195,5	139	132	194	225,5
Брянск. рельсопр.	126	130	144	268	325
Путиловск. зав.	$93^3/_4$	92	86	146	163
Сормовский „	123	130	165	298	359
Коломенский „	130	140	162	311	365
Никополь Мариуп.	202	168	—	295	$325^3/_4$
Тульск. медно-пр.	$345^1/_2$	527	590	788	800
Ленские зол.	368	445	427	673	827
Кавказ и Меркурий	—	—	150	752	1.000

Мы уже имели случай отметить, что на нашем денежном рынке постепенно развивалась со второй половины 1915 г. эмиссия частных бумаг, которые встречали все более теплый, подогреваемый банками, прием. Как обстояло дело в 1916 году на петроградских частных, иначе говоря нелегальных по форме, но de facto пользовавшихся полным правом гражданства, биржах, можно видеть из характеристики, данной им в „Отчете Русского для внешней торговли банка за 1916 год". (Доклад правления общему собранию акционеров в апреле 1917 г.).

„Под влиянием общего роста цен и ограниченности способов

помещения капитала, на частной бирже установилось очень определенное и крепкое настроение. Широкие круги капиталистов не могли не считаться с подъемом доходности и дивидендности целых отраслей промышленности и торговли. Сперва повышательному движению подверглись акции металлургических и машиностроительных предприятий, работающих исключительно на государственную оборону, но вскоре стерлась грань между отдельными категориями предприятий... Спрос оказался настолько сильным, что в последние месяцы минувшего года быстрое помещение на рынке получили акции доселе неизвестных публике торгово-промышленных предприятий. В биржевых оборотах принимали участие самые широкие круги населения, и настроение рынка стало напоминать наиболее яркие дни подъема биржи в 1911 году... Бесчисленные приказы на покупку огромного количества бумаг стекались в Петроград со всех концов страны, и столичные банки оказались настолько перегруженными работой, что не успевали исполнять всех поручений своих клиентов... Подобная биржевая конъюнктура весьма способствовала успеху многочисленных эмиссий дивидендных ценностей (т.-е. дополнительных акций существующих акционерных кампаний. *А. Ф.-Е.*). Наряду с этим эмиссия питалась еще и массовым акционированием уже существующих фирм" (подчеркнуто нами *А. Ф.-Е.*).

25 января 1917 г. фондовая биржа была открыта оффициально и у нас; как и везде, конечно „в интересах широкой публики", при чем были запрещены торговля иностранной валютой и сделки на срок. В нашей таблице (стр. 367) приведены котировки конца 1915 и 1916 г.г., сделанные особым совещанием фондового отдела с целью оценки бумаг в портфелях различных учреждений и в первую голову кредитных; они конечно отражали курсы частных бирж. В последнем столбце приведены курсы оффициальной биржи. Февральская революция ее вновь закрыла...

Курсы конца января 1917 г. ясно показывают переоценку всех дивидендных ценностей. Большинство из них выше максимальных курсов 1913 г. Исключение представляет государственная рента, закладные листы земельных банков и другие твердопроцентные бумаги. Они ниже середины 1914 года: низкий уровень их курсов определялся — наряду с другими причинами, — в значительной степени их низкой процентностью, которая таким образом коррегировалась... Однако общее сильное повышение курсов дивидендных бумаг в 1916 году и в начале 1917 года отнюдь не показывало подъема промышленного капитала, а только все большее внедрение инфляционного хозяйства...

Г. Общая характеристика денежного рынка в военное время.

1.

Исследователю нашего хозяйства за годы войны бросается в глаза рост денежного капитала как в учреждениях крупного, так и мелкого кредита, что в связи с довольно развитой и

сложной системой кредитного дела у нас давало и дает повод экономистам говорить о высоком развитии капитализма у нас до октябрьской революции. Это побуждает нас возможно полнее осветить движение нашего денежного капитала в военное время.

Перед нами две таблицы (см. стр. 369 и 370): первая показывает увеличение вкладов и текущих счетов в коммерческих банках, отражающих накопление крупного капитала, — в обществах взаимного кредита и городских общественных банках, где осаждались средства преимущественно средних городских слоев, и, наконец, в сберегательных кассах, где скоплялись средства большею частью мелкой городской и сельской буржуазии. Вторая таблица дает картину денежного рынка по месяцам в процентах по отношению к среднему месячному состоянию его в 1913 г.: здесь рядом с итоговыми пасивами мы имеем и активные операции коммерческих банков, обществ взаимного кредита и городских общественных банков; наряду с движением депозитов показаны и рост обращения бумажных денег, и движение курса рубля по отношению к фунту стерлингов.—Следует при этом иметь в виду, что сам фунт не был стабилен, а изменялся по отношению к доллару: так, на 1/1 1916 г. он был 4,74, а на 1/1 1917 г. 4,76 при паритете 4,866. Напомним и приведенные нами отд. IX в главе 10 основания, почему движение курса рубля на лондонской бирже отнюдь не могло служить показателем движения ценности рубля внутри страны.—В общем обе таблицы дают картину движения денежного капитала. Однако, было бы крупнейшей ошибкой по этому росту денежного капитала и росту активных операций судить о росте производительного капитала, о росте производительных сил страны. Мы в этом убедимся и в следующей главе. Здесь напомним сказанное нами уже и раньше, что и в мирное время при устойчивых деньгах накопление денежного капитала и накопление промышленного не одно и то же. Даже оффициальные экономисты, указывавшие на рост средств в сберегательных кассах, в кредитных кооперативах или коммерческих банках, при перечислении источников этого роста — крупные затраты правительства на войну, „подъем народного благосостояния, вследствие прекращения продажи питей" — не могли не упомянуть и „неизбежное в военное время сокращение внутреннего экономического оборота страны и стеснение хозяйственной жизни" (Объяснительная записка к росписи на 1917 год).

I. Вклады и текущие счета.

На 1 января.	Частн. комм. банк.	Госуд. банк.	Общ. вз. кредита	Гор. общ. банки.	Сберег. кассы.	ИТОГО.
1914 г.	2.568	263	595	186	1.685	5.297
1915 г.	2.917	478	511	216	1.835	5.957
1916 г.	3.968	954	557	257	2.447	8.183
1917 г.	6.763	1.379	963	377	3.769	13.251

II. Денежный рынок в 1914—1917 г.г. сравнительно с 1913 г. принятым за 100,0 [1])

	Учет и ссуды.	Баланс.	Вклады и текущие счета.	Кредитные билеты.	Курс рубля в Лондоне.
Мес. средн. 1913 г.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914 г. Январь	105,5	107,3	106,0	107,8	100,0
„ Февраль	107,0	106,9	107,4	105,2	100,0
„ Март	107,4	108,5	113,3	105,2	100,0
„ Апрель	108,3	110,0	117,5	107,1	100,0
„ Май	107,9	108,7	118,7	105,8	100,0
„ Июнь	108,7	110,3	119,1	105,8	100,0
„ Июль	109,3	109,5	117,8	105,8	100,0
„ Август	110,2	111,5	111,3	150,6	80,0
„ Сентябрь	105,2	105,7	108,4	165,6	82,0
„ Октябрь	100,5	101,6	106,1	175,3	88,8
„ Ноябрь	103,2	106,5	112,9	181,2	85,1
„ Декабрь	102,6	108,5	113,8	185,1	85,1
1915 г. Январь	102,3	110,1	115,4	203,2	87,9
„ Февраль	103,3	111,3	119,5	203,2	88,1
„ Март	104,2	112,6	123,8	209,7	87,7
„ Апрель	103,9	115,0	126,8	221,1	86,0
„ Май	105,3	115,1	131,2	224,0	81,3
„ Июнь	102,8	120,3	130,9	231,8	81,3
„ Июль	103,0	122,5	134,9	248,1	69,9
„ Август	100,0	119,6	135,8	261,7	69,9
„ Сентябрь	98,3	118,7	131,3	280,5	73,0
„ Октябрь	100,0	121,7	132,2	322,7	73,0
„ Ноябрь	101,2	124,7	138,6	333,1	67,7
„ Декабрь	102,0	128,6	137,9	343,5	63,6
1916 г. Январь	103,2	131,1	142,6	364,9	63,6
„ Февраль	107,8	135,5	151,9	370,8	65,1
„ Март	109,3	140,5	160,7	383,1	65,1
„ Апрель	108,1	148,1	167,8	394,8	63,8
„ Май	111,2	153,8	174,1	403,2	63,8
„ Июнь	116,3	168,4	178,8	414,3	63,5
„ Июль	121,9	163,7	188,6	430,5	63,5
„ Август	125,9	170,8	198,3	446,8	65,2
„ Сентябрь	126,0	179,0	209,5	462,3	65,2
„ Октябрь	141,8	189,1	225,4	492,9	65,2
„ Ноябрь	139,8	199,9	236,2	524,7	62,5
„ Декабрь	145,9	208,4	245,6	544,2	62,5
1917 г. Январь	147,6	211,8	248,3	590,9	57,3
„ Февраль	153,9	219,1	257,3	613,0	56,3
„ Март	156,4	221,8	266,5	646,1	56,6
„ Апрель	158,4	227,6	275,9	713,0	55,8
„ Май	163,9	237,1	282,8	744,2	52,6
„ Июнь	165,4	240,2	288,9	791,6	46,1
„ Июль	173,1	248,9	295,9	882,5	42,4
„ Август	174,3	253,3	300,1	941,8	36,7
„ Сентябрь	181,7	257,0	304,5	1.035,1	31,5

[1]) Составлено по балансам Гос. Банка, акционерных комерческих банков и их главнейших отделений, обществ взаимного кредита и городских общественных банков. Взято из „Свод. баланса акционерн. бачков комм. кредита" за май, 1917 г. изд. Комит. Съезда предст. акц. комм. банков Петроград, 1917 г.

Картина накопления денежных средств принимает иной вид, если принять во внимание не только обесценение денег, но и падение покупательной силы их, иначе говоря повышение цен товаров, которые росли и в силу падения ценности рубля от избыточного выпуска денег, и от повышения ценностей товаров, вследствие недостаточного производства их. Так, по „Своду товарных цен" Мин. Торг. и Пром. среднее по всем товарам, если принять 1890 — 99 г.г. за 100, было в 1913 г. — 137.3, 1914 г. — 146.1 и в 1915 г. — 236.7; общий индекс оптовых цен Всерос. Союза городов, в котором за 100 принят 1913/14 г., был в декабре 1915 г. — 178, а в январе 1916 г. — 187; этот же индекс „взвешенный" Кохном (см стр. 202) 172.7 и 175.6. Если мы примем уровень цен на 1/1 1916 г. равным среднему за эти два месяца, то 8.2 миллиарда вкладов и текущих счетов на это число будут иметь покупательную силу 4.5 или 4.7 миллиардов рубл. довоенн. времени, т.-е. будут ниже покуп. силы вкладов и текущих счетов, числившихся на 1/1 1914 г., на 0.8 или 0.6 миллиарда [1]).

В виду того, что рост депозитов за время войны ослеплял многих не только у нас, но и заграницей, что по поводу самого образования депозитов существует до сих пор сильнейшая разноголосица в иностранной литературе, и что на счет связи депозитов с инфляцией и дефляцией денег царит еще большая путаница — это конечно нашло отражение и в нашей литературе, — мы остановимся здесь на этих вопросах, имеющих не только большой теоретический, но и практический интерес, подробнее, при чем вопрос об отношении депозитов к дефляции денег мы оставим в стороне, как выходящий за пределы рассматриваемого нами периода. По нашему мнению, наиболее правильными являются взгляды, высказанные на счет депозитов английским „Economist'ом в 1916 году, т.-е в самый разгар войны [2]); мы их и приведем.

„И у нас и заграницей — писал „The Economist"—часто указывалось, что рост депозитов может только означать, что несмотря на войну мир увеличивает свое богатство с удивительным

[1]) В книге W. Mitchell: International Price Comparisons (History of prices during the war) изд. Depart. of commerce и War industries Board, Washington 1919 приводится также индекс оптовых цен 23 товаров в России, сравнимых с таковыми же в С. Штатах за 1914—1916 г.г. Подробную таблицу мы дадим во II томе книги. Здесь укажем, что при среднем за 1913 г. = 100, показано за 1914 г. — 102; 1915 — 126 и 1916 — 162; при среднем за VII, 1913 — VI, 1914 г. = 100 — за декабрь 1915 — 146 и январь 1916 — 115. Сделав соответствующие вычисления, мы будем иметь на 1 января 1914 г вкладов и текущих счетов с покупательной силой внутри страны большей таковых на 1 января 1914 г. на 323 мил. р., а на 1 янв 1917 г. — с бо́льшей покупательной силой на 2 миллиарда, если взять индекс к декабрь 1916 г. в 181. В таком случае вклады и текущие счета возросли бы к 1 января 1917 г. по своей покупат. силе в 1,38 раз при номинальном увеличении в 2,5 раза против таковых на 1 января 1914 г.

[2]) „The Economist 21/x—1916. Banking Number: „Banking credits and inflation".

и дающем удовлетворение успехом. На деле следует тщательно отличать различные процессы образования депозитов". Они создаются:

1) Прибавлением к капиталу (stock) страны золота, которое вносится в банки, увеличивая в балансе с одной стороны кассу, с другой депозиты.

2) Прибавлением к капиталу—имеющих законный ход бумажных средств обращения (legal tender paper currency), которые вносятся с таким же результатом.

3) Прибавлением к банковским учетам, ссудам и авансам, что создает депозиты. (На это напирают, вслед за Маклеодом, англичане Мак Кенна, Hawtrey и др.; немцы же, проф. Шумпетер и особенно банкиры à la Hahn, видя только этот источник депозитов, доводят теорию кредита до абсурда *А. Ф.-Е.*).

4) Прибавлением к банковским инвестициям (investments). Если банки подписываются на правительственный заем — военный заем, казначейские векселя, боны казначейства или на какие угодно формы его — они переносят кассу (наличные) в Английский банк на правительство. Они держат эти бумаги вместо к а с с ы, и их депозиты вначале неизменны. Правительство же из имеющихся у него на счету в Английском банке денег уплачивает своим поставщикам, или кому причитается, а эти вносят полученные суммы в свои банки, увеличивая д е п о з и т ы этих банков и к а с с у их на счету у Английского банка (частные банки обычно держат свои наличные большею частью в этом банке. *А. Ф.-Е.*). Таким образом банки увеличили свои депозиты на сумму ценностей (неважно здесь, что может быть и не на всю: не все вносится в депозит. *А. Ф.-Е*), на которые они подписались. (К инвестициям можно отнести и обязательства казначейства, которые числились по ст. учета. *А. Ф.-Е.*).

Перейдем теперь к и н ф л я ц и и. „Ясно", пишет тот же орган, „что увеличение банковых депозитов, созданное подпиской банков на правительственные займы, является прибавкой покупательной силы в руках публики без соответствующего увеличения объема товаров, которые публика желает купить и потому с вероятием ведет к тому, что обычно означает инфляцию, т.-е. п о в ы ш е н и е цен, так как банковские депозиты это—потенциальные деньги". (Мы подчеркнули повышение цен, так как „The Economist" здесь инфляцию отожествляет сознательно с повышением товарных цен, а не с падением только ценности денег, хотя и имеет в виду и последнее. *А. Ф.-Е.*).

„С целью остановить поднятие цен желательно, чтобы банки не делали денег... Если инвесторы (т.-е. публика. *А. Ф.-Е.*) подписываются на заем, они передают свои банковские балансы правительству, которое ими и расплачивается". Получающие деньги от правительства вносят их в банки. как было указано выше, но объем депозитов последних от этого не увеличивается. „Что мы желаем — это больше реальных сбережений и реальных инвестиций в правительственные бумаги".

Инфляции, т.-е. здесь повышению цен, содействуется также, когда Английский банк дает авансы и таким образом увеличивает „кассу у Английского банка" (т.-е. наличные на счету у него), что составляет часть базиса, на котором другие банки воздвигают свою фабрику кредита... „Такое использование силы Английского банка создавать кредит, который общество считает за наличные, за кассу, должно производиться как можно бережнее и на возможно более краткий срок"—пишет „The Economist". Все это ясно и толково.

Состояние депозитов и денежных средств обращения в С. Королевстве накануне войны, в последний год войны и после нее видно из следующей таблицы в (милл. ф. ст.):

	Конец года.					
	1913 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Депозиты Англ. банка . . .	71	172	199	189	122	133
„ других банков . .	1.032	1.988	2.356	2.492	2.527	2.362
Банкнот. обращ. Англ. б. . .	30	70	91	133	127	125
„ „ Шотл . . .	8	25	28	29	25	23
„ „ Ирланд. . .	8	31	29	25	19	17
Обращ. казнач. билетов . . .	—	323	356	368	336	301

Депозиты все возрастали в годы войны. Решительный поворот наблюдается в 1922 году. Все денежные средства обращения в 1913 году, считая и золото в обращении, составляли 169 милл., в 1921 году — высший инфляционный год — они достигли 555 мил. ф. ст. [1])

Отношения депозитов к инфляции касается и другой английский орган „Manch. Guardian Commercial Weekly" в своем Banking Review от 2/VIII 1923. „Банковский счет" — говорится в нем — „это недифференцированная форма сбережения, ценность которого падает с каждым падением покупательной силы денег. Неизбежно поэтому, что в периоды сильной инфляции люди вместо сбережения в форме увеличения их банковских балансов будут предпочитать сводить свои депозиты до минимума

[1]) „The Economist", Banking Number от 19 мая 1923 г., статья: „The Bank accounts of the United Kingdom". Читателю, интересующемуся отношением депозитов к дефляции денег, укажем на статью: „The monetary puzzle"—„Денежная путаница" в том же номере.

с целью приобрести реальное имущество, ценность которого будет расти с падением ценности денег". Это, как известно, и наблюдалось на известной ступени инфляции. „Но есть другой и более важный пункт... Теперь хорошо известен факт, что не только депозиты имеют тенденцию не возрастать пропорционально размеру инфляции, но что и цены растут гораздо скорее, чем размер инфляции, вследствие предвосхищения грядущей еще большей инфляции. Результат тот, что реальная сила кредитования у коммерческих банков падает в пропорции гораздо более быстрой, чем рост цен. Продолжение инфляции имеет тенденцию делать рост депозитов меньшим, чем пропорциональный, так как оно вызывает рост цен больший, чем пропорциональный..."

Реальный размер депозитов в данных внутренней покупательной силы (июль 1914 г. равен 100, или декабрь 1914 года равен 100; для С. Королевства и С. Штатов данные июльские, для Франции и Германии—декабрские; для Голландии за 100 взят декабрь 1913.) виден из следующей таблицы:

	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Голландия	166	227	233	—
С. Королевство	93	68	115	142
С. Штаты С. А.	87	77	132	138
Франция	50	55	72	70
Германия	74	79	57	18

Данные показывают, что „период, когда реальная ценность депозитов была самая низкая в Англии и С. Штатах, был также периодом, когда номинальная ценность их была наивысшая; во Франции рост депозитов в абсолютных цифрах в 1921 и 1922 г.г. не был в состоянии помешать падению их реальной ценности; то же самое относится еще в большей степени к Германии" [1])...

Если перейдем к активам: коммерческим ссудам (current account advances—лучший показатель задолженности коммерческого мира банкам; у С. Штатов в цифру включены и учеты), то увидим следующую картину реального их движения (месяцы, как и в таблице о депозитах; цифры разных стран тоже, конечно, не прямо сравнимы).

[1]) Данные С. Королевства относятся к Лондонским clearing banks (исключая Английского банка); — С. Штатов относятся ко всем банкам, о которых имеются данные в годовом отчете Контролера по денежному обращению (без федеральных резервных банков). Французские—касаются четырех крупнейших кредитных банков, Германские—берлинских крупных банков. Статистический базис в них не один и тот же: определение депозитов не везде одинаковое.

	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Голландия	126	188	207	—
С. Королевство	68	80	116	120
С. Штаты	82	77	128	121
Франция	38	45	46	38
Германия	31	33	29	7

Сделанного нами экскурса — мы сознательно избрали эти годы — достаточно, надеемся, для уяснения себе состояния счетов и наших банков во время войны до февральской революции, и после нее *до* национализации их. Инфляционное хозяйство Германии за 1922 — 1923 г.г. сходно с нашим последующего периода; закон, что количество переходит в качество, ярко проявился в инфляционном хозяйстве, обнаруживавшем все новые явления по мере роста эмиссии денег. Но рассмотрение явлений созревшего инфляционного хозяйства выходит за пределы настоящего тома...

ОБЩИЙ ОБЗОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ 1914—1917 г.г.

Вспыхнувшая война вызвала с самого начала не только мировой денежный и кредитный кризис, но превратила депрессию в торговле и промышленности, установившуюся в развитых капиталистических странах с конца 1913 года, в кризис. Общий мировой промышленный кризис охватил как воюющие страны: Англию, Францию, Германию и др., так и нейтральные: С.-А. С. Штаты, Италию, Швейцарию и др. Этот кризис—перепроизводственного характера—проявился особенно ярко в мировой хлопчато-бумажной индустрии, в производствах, связанных со строительством, в отраслях, изготовляющих предметы роскоши и др. При этом в странах, работающих на мировой рынок предметы личного или производительного потребления,—кризис, вместе с нарушением международного товарного обмена, проявился особенно сильно в отраслях, работающих на вывоз: так, например, в Англии в хлопчато-бумажной, в Германии в электрической, химической и машинной индустриях; в странах агрикультурно-индустриальных, вывозящих и сырье, кризис появился и в производствах последнего: в С. Штатах, например, в хлопководстве. Наконец, в странах, потребляющих чужое сырье и средства пропитания, рядом с избытком товаров в одних отраслях обнаружился скоро кризис сырьевой (угля, например, в Италии) и продовольственный (в Германии).

Перепроизводственный промышленный кризис продолжался, однако, недолго. К концу 1914 года он повсюду на Западе в общем сходит на нет; и по мере того, как выясняется длительность войны, мы видим, как с одной стороны в нейтральных странах промышленность переходит в начале 1915 года в оживление и немного позже в подъем, между тем как в воюющих странах промышленность, приспособившись к условиям военного времени, при кажущемся благополучии, а на деле ложном просперитете (Scheinkonjunktur или sham prosperity), уже к концу 1915 года начинает ощущать в одних странах больше, в других меньше кризис недостаточного производства. Этот кризис в 1917 году, когда в войну вошли и С. Штаты, охватывал все больше все мировое хозяйство, и война заканчивается при явном кризисе недостаточного производства товаров рядом с растущей денежной инфляцией и перепроизводством фиктивного капитала [1]).

[1]) Лучше было бы употреблять хотя бы английский термин distress, так как под кризисом обычно понимают кратковременное явление: хронический кризис выражение неудачное. Это тем более относится к периоду конца мировой войны и послевоенного времени, когда на фоне длительного мирового distress'а мы имели колебательные движения вверх и вниз: так, улучшение в 1919/20 г. и сильнейший кризис в 1920/21 году, с другой стороны в отдельной стране, как С.-А. Штаты, промышленный капитал с конца 1921 года начал новый цикл движения, и это при продолжавшейся мировой депрессии.

А. Промышленность и торговля.

1.

В России вместе с войной наступил торгово-промышленный кризис непосредственно после продолжавшегося и в 1914 г. периода просперитета. Война, конечно, ударила у нас—однако слабее, чем ожидалось—прежде всего по хлебной торговле и по ряду отраслей, связанных с вывозом сельско-хозяйственных продуктов пострадали: льноводство,—в 1914 году был, впрочем, очень плохой сбор льна,—маслоделие, птицеводство, лесная промышленность. Но война сказалась с самого начала и на ряде индустриальных отраслей. По примеру 1904 г. министерством торговли и промышленности было произведено к началу октября 1914 г. обследование влияния войны на промышленность, подчиненную фабричной инспекции. Анкета охватила 7921 предприятие с 1.467 тыс. рабочих. И оказалось, что за период с 20 июля по 1 октября, т.-е. за почти $2^1/_2$ мес. из этих предприятий сократили производство 1.221 с 54 тыс. рабочих; остановили производство 504 с 16,6 тыс.; увеличили же производство 125 предприятий с 88,4 тыс. рабоч. Война, таким образом, отразилась неблагоприятно на 21% всех обследованных предприятий, насчитывавших 40% всех рабочих в них. Сокращение производства лишило работы 115,9 тыс. человек, остановка—46,6, в общем 162,5 тыс. раб., что составляло около 11% обследованных. Кроме того сокращение производства вызвало уменьшение работы почти у 30% этих рабочих (См. доклад XII Отд. Р. Т. Общ. И. В. Чернышева; „Записки Общ." за декабрь 1914 г.). Можно поэтому считать, как это признает и объяснительная записка министерства финансов к росписи на 1915 г., что число рабочих в предприятиях, подведомственных фабричной инспекции в Империи, исключая Царство Польское, сократилось на 10,8%. Следует однако иметь в виду, что в анкету не вошла горно-заводская промышленность: в Донецком бассейне в августе число рабочих сократилось на 27%, а за все второе полугодие на 11% против первого 1914 г.; сократились работы и в нефтяной промышленности.

Подробный разбор данных анкеты, сделанный И. Чернышевым в указанном докладе, показывает, что пострадали основательно отрасли, занятые обработкой минеральных веществ: работы лишились 22% занятых в этой группе лиц. В группе механической обработки дерева лишились работы 23% рабочих

в ней. Это стояло конечно в связи с приостановкой и сокращением строительства. В группе по обработке металлов число рабочих сократилось на 10%, хлопка — 5%, питательных продуктов на 13% — в химической около 25% всех занятых в ней рабочих. Данные показывают, что только в одной группе — по обработке животных продуктов — увеличение числа рабочих от расширения производства было больше уменьшения их от сокращения его. Остановка производства имела место преимущественно в мелких предприятиях; сокращение больше всего в средних. Сокращения были значительны: 47% из таких предприятий сократили производство более чем на половину, 43% от 31 до 50% и 36% от 1 до 30%; расширяли производство чаще всего крупные.

Однако эти данные относятся к первым месяцам войны, к концу же года и у нас перепроизводственный кризис заметно ослабел; он прекратился в ряде основных отраслей, но остался у нас, как и везде, в отраслях, выбитых войной совершенно из колеи: например, в отраслях, связанных со строительством. Это и показывают отчеты фабричной инспекции за весь 1914 год. Если выключить Варшавский фабричный округ—театр военных действий, в котором в начале 1914 года числилось 4.189 промышленных предприятий с 353,4 тыс. рабочих,— то окажется, что под надзором фабричной инспекции состояло в Империи:

Годы.	Число заведений.	+ или — против предыдущ. года в %.	Число рабочих.	+ или — против предыдущ. года в %.
1911 г.	12.586	—	1.723.765	—
1912 г.	13.179	+ 4,7	1.813.635	+ 5,2
1913 г.	13.683	+ 3,8	1.966.144	+ 8,4
1914 г.	14.046	+ 2,7	1.960.860	— 0,3

Увеличение числа предприятий объясняется отчасти распространением надзора на ряд губерний Кавказа (Харьковский фабричный округ), что дало плюс 110 предприятий и плюс 4,5 тыс. рабочих. Число же рабочих больше всего сократилось в Петроградском фабр. округе—на 3,6%. Возросло за год количество рабочих в металло-обрабатывающей: плюс 19 тыс. рабоч. или 5,8%. Отчеты показывают, что большинство механических и машиностроительных заводов, сокративших за первые месяцы войны производство, приспособившись к условиям военного времени, усилили свою работу. В хлопчато-бумажной промышленности количество рабочих сократилось на 10 тысяч. В первое полугодие она работала нормально, война сначала сократила производство, но уже в ноябре замечается поворот в сторону увеличения. И это в связи с казенными заказами. Вяло работали предприятия, вырабатывавшие тонкие сорта пряжи и ткани и ситце-печатные. По данным статистического отдела Общества заводчиков и фабрикантов, обследовавшего хлопчато-бумажную промышленность в 1914 г. в Московском районе, она дала сокращение: отправки тканей со станций Московского узла была на 4,1% меньше 1913 года, а за пределы Московского района на 5,2% меньше. Сильно сократился вывоз в восточный, юго-восточный, западный и северо-западный районы (на 14%); увеличился вывоз на север, в Сибирь, на юг, и в Средн. Азию. Причины сокращения вывоза: „военные действия, расстройство транспорта, производства и резко изменившиеся условия кредита"... Оправилась скоро льняная промышленность (число рабочих даже возросло в ней), далее, шерстообрабатывающая, кожевенная и резиновая индустрии в связи с усиленными требованиями на военные надобности. Оживилась мукомольная, благодаря большому спросу на муку для армии. Далее,—свекло-сахарная промышленность в связи с хорошим урожаем свеклы и потерей сахарных заводов в Польше. Кризис продолжался: в шелковой индустрии, в керамической, цементной, стекольной и в лесной промышленности; сократила добычу и нефтяная.

Но если перепроизводственный кризис в большинстве отраслей к концу 1914 г. прошел, то все же приспособление промышленности к военным надобностям ни в конце 1914 г., ни в первой половине 1915 года, не шло так гладко, как это рисуется оффициальными источниками. Частная инициатива отнюдь не встречала поощрения со стороны косного и близорукого военного ведомства. Приспособления, требовавшие расширения оборудования и проч., шли медленно и носили частичный характер.

2.

Весенние поражения 1915 года, вскрывшие все недостатки нашего военного снаряжения, поставили вопрос о широкой военной мобилизации промышленности ребром. Общественное лидерство, как мы увидим в своем месте, взяла на себя на этот раз радикальная часть нашей промышленной буржуазии. Условия были неблагоприятны: оборудование машинами наших фабрик и заводов и в мирное время выполнялось большею частью ввозом из-заграницы, ощущался недостаток квалифицированных рабочих, взятых на войну, чувствовался недостаток топлива, и проч. Однако, несмотря на все эти и другие препятствия, задача военной мобилизации промышленности, как

указывает правильно и проф. Гриневецкий, близко стоявший к военной промышленности центрального района, была выполнена общественными силами успешно. Но к этому приходится прибавить, что унаследованные нами экономические условия и политическая атмосфера были таковы, что направление общественной энергии и творчества только на военное дело не могло ослабить возраставшие регрессивные процессы в нашем хозяйстве. Было достигнуто увеличение производства станков для обработки металлов, снарядного производства, точных инструментов, было увеличено химическое производство, и именно взрывчатых веществ, было развито повозочное дело. Но, как это признает и проф. Гриневецкий и указывается различными исследователями, в то же самое время производство необходимого подвижного железнодорожного состава тормозилось, вследствие „нелепой политики мин. путей сообщения". [1]) Производство сельско-хозяйственных машин и орудий земледелия, которые были столь важны, особенно при отливе миллионов рабочих из деревни и затруднении ввоза машин и орудий из-за границы, — откуда доставка до войны все возрастала, превышая увеличенное внутреннее производство, — „было совершенно дезорганизовано изъятием массы рабочих рук, вынужденным переходом части заводов на снарядные, повозочные и иные заказы, а позже прекращением или крайним затруднением снабжения металлом и топливом". Бестолково большей частью происходила и эвакуация промышленных предприятий из угрожаемых мест, так что „центр получил невыгодную перегрузку, тогда как восток был использован решительно недостаточно, а Сибирь совершенно нетронута"... (Гриневецкий).

---

[1]) Каков был паровозный парк во время войны, видно из того, что он имел 20% молодых паровозов (меньше десяти лет службы), 27% средних и больше 50% старых (больше 25 лет службы). Недостаток подвижного состава, сказавшийся с начала войны, вынудил мин. пут. сообщения сделать заказы в Америке; однако оттуда, по данным, стоящим вразрез с сообщаемыми проф. Гриневецким, не было „получено до 1917 г. 400 паровозов", ибо из 375 заказанных, которые должны были прибыть осенью 1917 года, было доставлено всего 69. Наши же заводы, выпустившие в 1912 году 300 паровозов (самый низкий выпуск с 1900 года; максимальный был в 1906 году — 1270), выпустили в 1913 г. 600, в 1914 г. 742, в 1915—870, в 1916—593, и за первые 8 месяцев 1917 г. 272 против 407 за то же время 1916 года. Число товарных вагонов, выпущенных в 1912 году, равнялось десяти тысячам, в 1913 г. оно поднимается до 19 тыс., в 1914 и 15 г.г. по 30 тыс. и в 1916 г.— спускается опять до 20 тысяч... Процент больных паровозов колебался в 1916 году от 15,3 до 17,6%, а вагонов от 3,3 до 5,4%. До войны соответствующие цифры были: 12 – 14% и 2,4 — 4%. На 1/III — 1917 года мы имели 20% больных паровозов и 6,1% вагонов. После этого процент тех и других все растет и к 1 сентября 1917 года он: 24,8 и 7,9%. „Между тем мастерские железных дорог, вследствие своей слабости и недостаточности для целей ремонта, а также устарелого оборудования, и в мирное время не справлялись с делом ремонта... В течение 1916 года и в первые два месяца 1917 г. они испытывали недостаток в материалах (главным образом металлах) и запасных частях" (С. Тюменев: „Положение ж.-д. транспорта в 1916 и 1917 г.г.," еженед. „Промышл. и торг. № 40—41, 1917 г.).

Военная мобилизация промышленности „шла успешно", но как это увидим и далее, ценою сокращения производства средств личного потребления мирного населения, ценою развития кризиса, недостаточного производства средств производства для потребностей мирного хозяйства. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться и к оффициальным источникам: к объяснительным запискам к росписям, являющимся, как мы уже заметили, сводками соответствующих статей, печатавшихся в периодических изданиях Мин. Фин., и работ других ведомств. Данные этих „сборников", охватывающие весь 1915 и 1916 г.г. до осени, показывают следующее.

На мануфактурном рынке до половины мая 1915 г. предложение соответствовало слабому спросу, но выяснившийся хороший урожай поднял последний, между тем предложение как хлопчато-бумажных товаров, так и льняной и шерстяной пряжи было мало и запасы быстро истощались. „Начиная с зимы 1915 года на этом рынке ощущается недостаток товаров. Выработка их на частный рынок вообще сократилась и продолжает сокращаться. В то время как выработка шерстяных изделий, а из бумажных—муслина и сатина—сократилась (в первой половине 1916) на 50 — 60% против 1913 г., производство ситцев понизилось лишь на 15%". Сократилось сильнее всего производство дорогих сортов. Льняная мануфактура работала на 80% на армию, причем „все вообще производство ее сократилось, вследствие уменьшения площади посева льна. То же необходимо отметить и в отношении суконного и вообще шерстяного рынка, а именно: сокращение производства при усилившемся спросе на фабрикаты со стороны военного ведомства". Все это, конечно, поднимало цены.

На кожевенном рынке чувствуется в 1915 году особенно напряженное состояние. Обеспечение армии обувью опустошило запасы кожевенного сырья. „На рынок для частной торговли выбрасывались крайне ограниченные количества фабрикатов и полуфабрикатов, которые немедленно раскупались". В 1916 г. положение торговли кожевенным товаром стало еще хуже: „на частный рынок работали те немногие мелкие заводы и разрозненные кустари, которые не были привлечены к работе на армию"; цены на сырье на 65%, на полуфабрикаты на 80 — 105% и фабрикаты на 150—170% выше 1914 года.

И металлический рынок в 1915 г. „испытывает нужду в товаре". Лишь спрос на кровельное железо, балки, гвозди ослабел с падением строительства. Но в 1916 году недостает и их. „Главными товарами, поддерживающими металлический рынок, являются изделия неходового сорта, оставшиеся от прежних запасов. Например, чугунные колонки, котлы, части машин старой конструкции. Кустари и мелкие ремесленники испытывают нужду в стальных инструментах".

Наконец, торговля галантерейными товарами и москательными, из которых первые производились главным образом в Польше, а вторые привозились из-за границы, „замерла" уже

в 1915 году, незначительное предложение московского производства не могло оживить ее, и в 1916 году цены поднялись на эти товары на 500% против 1913 г.

В полном соответствии с этими данными о внутренней торговле находятся сведения о ходе главнейших ярмарок за эти годы: Ирбитская в 1915 году прошла слабо: привоз по ценности на 41%, а продажа на 31% ниже 1914 года, и это при повышенных ценах; в 1916 году — привоз по количеству почти на 60% меньше 1915 года, но цены возросли настолько, что по ценности привоз выше 1915 года. Чувствуется особенный недостаток мануфактуры и кожевенных товаров. Крещенская ярмарка в Киеве прошла в 1915 году тихо, Контрактовая „биржевая не имела успеха", по своей же розничной продаже была ниже средней; лишь сахарный рынок улучшился. В 1916 г. Контрактовая ярмарка „характеризовалась плохим настроением, вызванным малолюдством съезда и ограниченностью сделок", розничная же была „незначительна по своим оборотам". В Харькове Крещенская ярмарка в 1916 году прошла оживленно, благодаря подвозу шерсти и кож из Туркестана и Бухары, но Троицкая, вследствие слабого подвоза шерсти, „прошла крайне вяло". Успенская ярмарка была „бездеятельна"; мукомолы в качестве продавцов отсутствовали, мотивируя это убыточностью твердых цен. И, наконец, наиболее важная Нижегородская ярмарка: в 1913 г. на ней участвовали 2920 фирм, в 1914 г.—2653, война сказалась, но сравнительно еще слабо; в 1915 г.—2082 и в 1916 г.—1496; при этом оптовых фирм в 1915 году было 505, а в 1916 — 334. Грузов, поступивших водным путем, было по количеству в 1915 г. на 22,7% и в 1916 на 35,8% меньше 1914 года („Записка на 1917 г."). По данным же записки на 1916 г. на ярмарку было привезено уже в 1915 году товаров „на 50—70% меньше обычного, а торговых заведений было зарегистрировано 1308 против 2025 в 1914 году, т.-е. на $^1/_3$ меньше". В 1916 г. „крупные фабриканты, а равно и солидные торговые фирмы отсутствовали. Покупатели на ярмарке также в большинстве случаев оказались новыми, так как многие провинциальные фирмы ликвидировали свои дела". Ярмарка прошла в этом году „оживленно при недостатке товаров и при неимоверно высоких ценах". Наблюдалось „обилие денег, благодаря чему большинство сделок прошло за наличный расчет".

3.

Обратимся к производству. Общее положение фабрично-заводской промышленности, подчиненной фабричной инспекции, в Империи, за исключением Варшавского фабричного округа и Курляндской губ., было в 1915 и 1916 г.г. таково:

Годы.	Число заведений.	+ или — против предыдущ. года в %.	Число рабочих.	+ или — против предыдущ. года в %.
1913 г.	13.485	+ 3,8	1.946.888	+ 8,5
1914 г.	13.858	+ 2,8	1.942.977	— 0,2
1915 г.	12.649	— 8,7	1.922.572	— 1,1
1916 г.	12.492	— 1,2	2.093.862	+ 8,9

Мы видим из таблицы уменьшение как числа заведений, так и рабочих в 1915 году. Мин. фин. указывает на увеличение при этом интенсивности производства в связи с военной мобилизацией промышленности и спроса внутреннего рынка, вследствие сокращения ввоза. Однако, оно же признает, что производительность не могла быть всегда использована из-за отсутствия достаточного сырья, полуфабрикатов, топлива и проч. В 1915 году усиленно работали крупные фабрики по обработке хлопка, но мелкие, преимущественно ручные ткацкие, закрывались из-за недостатка пряжи; хорошо работали, как мы уже видели, льняные, шерстяные, джутовые и пеньковые фабрики, благодаря военным заказам. Далее—металлическая, кожевенная, химическая и резиновая отрасли. Но плохо—спичечная (недостаток сырья), древообделочная (сокращение строительства), писчебумажная (недостаток сырья, топлива), обработка минеральных веществ, стеклянная, цементная и керамическая промышленности.

Данные мин. торговли по отчетам фабричных инспекторов за 1916 год (опубликованные в 1917 году) показывают уменьшение числа предприятий в 1916 году при увеличении числа рабочих на 171 тыс. Однако, большая часть прироста падает на женщин: 131 тыс., в том числе подростки и малолетние 27,6 тыс.; число же мужчин увеличилось на 33 тыс., из них подростки и дети на 21,4 тыс. Мужчины в конце 1915 года составляли 65% всех рабочих, в конце 1916 г.—66%. Подробный обзор данных показывает, что обработка хлопка сократила число рабочих в 1916 году против предыдущего года, шелковая индустрия, улучшившаяся было в 1915 г. и в начале 1916 г., благодаря стремлению заменить шерсть шелком, позже опять упала; бумажная и обработка минеральных веществ тоже сократились. Увеличилась опять-таки металлообрабатывающая промышленность на 129,4 тыс. раб. или на 30%; возросло и число предприятий на 357 или 18% против предыдущего года. В химической отрасли число предприятий тоже возросло, но это только в 1916 году; возросло в ней за этот год и число рабочих; на 22,5 тыс. или на 30%. В группе производств питательных продуктов количество предприятий сократилось, но число рабочих возросло (хорошо

работали на войну консервные фабрики). Таким образом и в 1916 г. продолжались те же процессы, что и в 1915: усиление производства в предприятиях на оборону, сокращение на частный рынок [1]).

4.

Посмотрим поближе, хотя и кратко, как обстояло дело в т я ж е л о й индустрии. По этому поводу мы в „Известиях Центр. Военно-Промышл. Комитета" от 7/I 1916 г. читаем: „На потребительских рынках в течение всего 1915 г. спрос превышал предложение и ощущалась острая нужда в топливе. Сравнительно лучше были снабжены топливом железные дороги и предприятия, работающие на оборону. Но вполне обеспеченными топливом и эти предприятия себя не могут считать. Непривелигированные потребители, как сахарные заводы и предприятия, работающие на частный рынок, испытывали громадные затруднения с углем и были вынуждены перейти к другим видам топлива или приостановить производство". Что же касается железа, то „чувствовалась острая нужда в железе не только для частного спроса, но и для таких важных с государственной точки зрения отраслей промышленности, как нефтяная и сельско-хозяйственное машиностроение". Произведенной Бюро Воен. Пром. К-та по распределению металлов анкетой годовая потребность страны в железе была определена в 1915 г. в 241,3 милл. пудов; из этого количества приходилось „на частный рынок 48 милл. пуд. и на промышленное потребление 15,8, между тем в 1914 году потребность страны составляла 305 милл. пуд., при чем рыночных сортов требовалось 186 милл. пуд".

В более обстоятельной работе о положении железной промышленности за военное время Г. Мерцалова мы прежде всего находим, что в отношении производства предметов военного снаряжения были действительно достигнуты в 1915/16 году крупные успехи и на юге, и на Урале. „На ряду с усиленным производством металла на нужды обороны происходило преобразование самих металлургических предприятий из чисто металлургических в смешанные металлурго-механические. Они брали на себя обработку металла, штампование стаканов для снарядов, выделку самих снарядов и пр., при чем для этого были выполнены громадные работы". Так, на 12 южных заводах производство 3", 6" и 48" стаканов превышало в 1916 году 1 милл. в месяц. Но — говорится далее — „недостаточное за все время войны снабжение промышленности сырьем и топливом, а также разными другими материалами, необходимыми как для производства, так и для ремонта, например, доменных и мартеновских печей, недостаток рабочих и ухудшение их качественного состава, расстройство железнодорожного и гужевого транспорта, все эти и другие причины обусловили значительное сокращение в 1915/16 г. выплавки чугуна по сравнению с нормой последнего довоенного года".

Подробную таблицу о движении нашей железной промышленности в 900-х годах — как в довоенное, так и в военное время — мы дадим во втором томе книги, где подробно рассмотрим различные отрасли нашей фабричной заводской промышленности. Здесь достаточно отметить, что в России, без Польши, было в 1913 году выплавлено чугуна 257,4 милл. пуд., рекордная цифра, в 1914 г. — 249,3; в 1915 г. — 225,3; в 1916 г. 231,9 и в первое полугодие 1917 г.—98,9 против 111,8 за то же полугодие 1916 г.; полупродуктов железных и стальных: в 1913 — 263,9; в 1914 г.—272,4 — рекордная цифра; в 1915 году—251,3; в 1916 г.—260,9 мил. пуд., в первое полугодие 1917 г.—102,8 против 127 мил. пуд. того же полугодия 1916 г., и готового продукта было произведено в соответствующие сроки: — 219,5; 222,7 — рекордная цифра; 199,4, 205,9 и 79,2 против 98,7 мил. п. Из этих данных мы видим, что в 1916 году производство как чугуна, так и полуфабрикатов и фабрикатов возросло против 1915 г., но все же оно было н и ж е производства 1914 и 1913 г.г.

Интерес представляют изменения, происшедшие в производстве готовых железных и стальных продуктов в связи с войной. Строительное железо (балки, швеллера и кровельное железо) сократилось с 41,3 мил. пуд. в 1913 году до 15,7 в 1916 г.; железо для железнодорожных потребностей упало с 41 мил. пуд. до 27,5 мил. пуд.; железо фабрично-заводского спроса возросло с 47 до 48,6 мил. пуд.; сортовое железо сократилось с 69,2 до 67,3 мил. пуд.; цементная сталь (идущая на военные нужды), возросла с 2,7 до 24,9 мил. пуд. Следует, однако, отметить, что эти данные не указывают еще назначения продуктов: так, большая часть железа и стали группы фабрично-заводского спроса — проволока, листовое и универсальное железо — шла на военные надобности; точно так же и сортовое железо.

Очень мало вскрывает назначение продуктов и таблица движения заказов в обществе „Продамета", очень характерная для мирного, но не для военного времени. Так, в 1913 году заказы от ч а с т н о г о рынка, т.-е. от торговых фирм, машиностроительных заводов, городов и др. на различные сорта колебались от 69 до 85%, с начала же войны до конца 1914 года они упали

[1]) Для иллюстрации приспособления все же некоторых отраслей, и особенно — пострадавших с возникновением войны, остановимся здесь несколько на стекольной промышленности, производство которой достигло в 1914 году 70 милл. и занимало 75 тыс. рабочих. С начала войны она испытала сокращение в связи с сокращением строительства; пострадало сильно бутылочное производство в связи с запрещением продажи вина. Самое тяжелое время было 1915 г. Так, данные о 19 заводах показывают сокращение производства в 1914 году против 1913 года на 17%, а в 1915 — на 37%; и это по ценности. В 1916 году эта промышленность уже несколько приспособилась к военным условиям: уменьшилось производство столового и прессованного стекла, — уже в 1915 году на 50%, — но увеличилось производство лампочек для освещения, химической и аптекарской посуды; последней в 1916 году было произведено в полтора раза больше, чем в 1913 году; бутылочные заводы перешли на производство фляг для армии и проч. Все же в 1914 году действовали 252 завода, а в 1916 году не более 150 (44 остались на территории, занятой неприятелем).

до 43—33%, а с первого января 1915 г., по утверждению Мерцалова, частные заказы больше к исполнению не принимались. Заказов в „Продамету“ [1]) поступило (в милл. пудов):

Наименования предметов.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Листовое железо . . .	27,25	15,47	14,68	14,74	8,53
Балки и швеллера . .	15,41	13,22	11,56	3,39	2,65
Сортовое железо . . .	57,60	53,54	59,33	50,34	33,06
Бандажи и оси	5,81	3,91	—	—	—
Рельсы вес. 15 ф. и >	41,60	28,41	20,44	11,13	3,91
Всего . . .	147,68	114,56	105,01	79,60	48,16

„В 1916 году“,—указывает Мерцалов,— „частный рынок и сельское хозяйство остались почти без железа и получали его отчасти из остатков на складах перекупщиков, платя бешеные деньги, отчасти из других источников. Снабжавшие частного потребителя (к этой категории принадлежали и сельское хозяйство, и благоустройство городов и др.) торговцы и складчики были вынуждены прибегать к нелегальным путям для приобретения железа. Железо начало поступать через целый ряд спекулятивного посредничества, обремененное десятикратными накладными расходами“. В 1915 и 1916 г.г. по определениям некоторых 50—75% железа поступало на частный рынок такими путями и по ценам втрое и более высоким, чем платила казна.

У нас таким образом создался рядом с казенным аппаратом, частный, приспособленный к военным условиям, который по своему существу мог быть только дорогим аппаратом. Это не было самобытным явлением. То же самое наблюдалось, наприм., в военное время в Германии: к такому нелегальному аппарату прибегали там муниципалитеты для добывания продовольствия. Усложнение процесса товарного обращения, при сокращении самой массы товаров и казенном регулировании распределения, создавало параллельные аппараты для купли и продажи товаров, что вздувало цены. Это явление получило особенное развитие в инфляционном хозяйстве после войны, что очень хорошо осветил Лянсбург [2]).

[1]) Таблица взята нами из сборника „Народное хозяйство за 1916 г.“ выпуск VII изд. 1922.

[2]) Известно, что в капиталистическом хозяйстве аппарат обращения и распределения обходится очень дорого. Оно, вообще, расточительное производство, как это правильно подчеркнул в своей в общем слабой книге: „The Triumph of Nationalisation“ (1920) Leo Chiozza Money. В связи с кризисом 1921 года, отразившемся на фермерстве Соед. Штатов, там была создана комиссия: „Joint Commitee of agricultural inquiry“, которая установила, что с каждого доллара, получаемого за продукт, 20 центов идут производителю сырья, 17—фабриканту, 14—оптовому и розничному продавцу, остальные же 49 центов—на издержки по пересылке и распространению. В Соед. Штатах 70% всех самодеятельных лиц заняты вспомогательными услугами по распределению продуктов. Однако, эти „непроизводительные затраты“ (следует заметить, что транспорт в капиталистическом хозяйстве производителен, т. к. создает ценность и прибавочную, но пересылка сырья с места производства в фабричные центры и обратная доставка его в эти же места в виде фабрикатов, конечно, непроизводительная затрата) ведут к удешевлению массового производства. И нынешнее производство, несмотря на свою расточительность, в состоянии поэтому не только прокормить эту армию „паразитов“, но и „обогащать хозяйство как целое“; при том выше всех других предшествующих ему в истории формаций, работавших на непосредственного потребителя, что правильно утверждала классическая политическая экономия, а с нею и Маркс. Иное дело в инфляционном, да еще военном хозяйстве. „Здесь“ — говорит Лянсбург об инфляционном послевоенном хозяйстве Германии — „аппарат посреднической деятельности, который со временем вырос в самостоятельный орган хозяйства и стал в известной степени самостоятельной целью, не может больше выполнять своих услуг полностью, если, вследствие падающего потребления широких масс, отпадает возможность доставлять большие массы товаров в конечные пункты каналов, а с этим рассеянием потребления отпадает и концентрация производства“. Тогда распределительный аппарат действует уже не удешевляюще, как в нормальных условиях, но удорожающе на товары. „Железные дороги, различные сооружения промежуточной торговли, вспомогательные отрасли всех родов, борясь за свое существование, продолжают обслуживать уменьшившееся производство и отягощают теперь каждую единицу производства товара большими издержками, чем раньше; накладные расходы на нее растут, и если к этому присоединяются новые потребности высшего или низшего свойства (автомобили, аэропланы с одной стороны, различные дешевые суррогаты с другой), то для этих целей возникает еще новый аппарат и ослабленное хозяйство имеет тогда два аппарата. Если же при этом государство вступает на путь планомерного хозяйничанья в главнейших отраслях производства, и организует хозяйство и пути сбыта, то оно создает не только третий, но еще и четвертый аппарат. Ибо сейчас же образуется частная противоположная организация, которая стремится устранить препятствия, создаваемые бюрократическим управлением хозяйством. Тогда возникает невыносимая чрезмерность посреднических членов между производством и потреблением“ (см. „Die Bank“ № 11, 1923: „Der Apparat“). Нет нужды доказывать, что это мы наблюдали и у нас в известной степени уже в 1916 г., в широком масштабе в период после февральской революции.

Вопроса о государственном регулировании у нас во время войны мы коснемся во II томе книги в отделах о товарном обращении и движении цен. Здесь приведем для иллюстрации ряд примеров этого регулирования в различных отраслях.

Во вмешательстве государства в отпуск чугуна — свидетельствует Г. Мерцалов — с самого начала не было порядка. Удостоверения на право получения чугуна выдавались различными учреждениями и в результате их получалось „сотни и тысячи, не стоявшие ни в каком соответствии с действительной потребностью и разобраться в них не было возможности“. Во второй половине 1915 года были учреждены заводские совещания приемщиков-заказчиков, — из представителей ведомств, — но эти совещания

создавались районными уполномоченными Особого совещания по обороне — таких было на юге 4 — и понятно, что никакого единого руководства металлургией при этом быть не могло. Бюро Центрального Воен.-Пром. К-та по выяснению потребности заводов, работающих на оборону, в металлах и соответственному их распределению не имело власти; после ряда хлопот был создан уполномоченный по делам металлургии и при нем комитет с представителями общественных организаций. „Однако взаимоотношения комитета с заводскими совещаниями и другими учреждениями, распоряжавшимися на заводах, не было точно установлены и не было достигнуто единения. Потребность в металлах и изделиях не была точно определена. Программу прокатки, как и раньше, утверждали совещания приемщиков и заводские совещания, контроль за деятельностью рельсо-балочных станов был возложен на агентов путейского ведомства; распоряжения о прокатке тех или иных сортов железа и стали исходили из разных правительственных учреждений, минуя комитет; срочные требования фронта поступали непосредственно на заводы; программа прокатки постоянно изменялась, намеченный план работы разрушался".

Чтобы добиться толку, в августе 1915 года, вместо уполномоченного, был создан главный уполномоченный с большой компетенцией. В результате было достигнуто больше порядка в распределении металла между ведомствами, но вопрос о снабжении частного рынка так и остался неразрешенным...

Если обратимся к каменно-угольной промышленности, то общие данные, которыми мы здесь ограничимся, показывают, что, при исключении Царства Польского, добыча, составлявшая в Империи в 1913 г. 1773 м. п., и в 1914 г. 1951 м. п., сокращается в 1915 г. до 1919 м. п., но в 1916 г. достигает рекордной цифры 2096 м. п., (которая все же ниже 2199 м. п. 1913 г., считая и Домбровский бассейн).

Увеличение добычи шло благодаря увеличению количества рабочих, хотя состав их понизился качественно. Каков был в этой промышленности рабочий состав в военное время, мы видели уже выше. Средняя производительность рабочего поэтому упала, что объясняется и недостатком технических средств. Качество угля ухудшилось, на что жаловались железные дороги. Несмотря на улучшение положения с вывозом угля из Донецк. б. в 1916 г., потребность в нем была значительно больше вывоза: вспомним сильное сокращение ввоза угля из-за границы. Во все потребит. районы было вывезено в этом году 350 м. п., а требовалось по проф. Киршу 445 м. п. Данные показывают, что второе полугодие 1916 г. испытало сокращение вывоза—155 м. п. против 195 в 1-е полугодие—во все 8 районов России. И сокращение снабжения было особенно резко в петроградском, киевском и ростовском районах.

„Неравномерностью в распределении донецкого топлива между привилегированными и непривилегированными потребителями"—пишет инженер С. Бернштейн-Коган—„с одной стороны, а в пределах группы непривилегированных между отдельными районами с другой объясняется тот факт, что сам по себе неслишком значительный дефицит — 60 м. п. — сопровождался в сущности состоянием перманентного топливного кризиса. Нельзя не отметить неблагоприятного влияния на каменно-угольную промышленность известной неопределенности и запутанности, которые были свойственны политике ведавшего топливоснабжением органа Особого Совещания по обороне. Если с одной стороны им принимались энергичные меры к увеличению числа рабочих, к снабжению копей нужными им материалами, установлению благоприятных для каменно-угольной промышленности цен, то с другой стороны установленная названным совещанием чрезвычайно сложная система распределения топлива между потребителями и постоянные реквизиции топлива для железных дорог безусловно были фактором, отрицательно влиявшим на каменно-угольную промышленность [1]).

Относительно нефтяной промышленности укажем вкратце, что вследствие прекращения экспорта и повышения внутреннего спроса на топливо явился регресс в нефте-обрабатывающей промышленности. Так, данные по бакинским и грозненским нефтеперегонным заводам показывают сокращение, — правда, уже с 1913 года, но усиленное войной, — выработки осветительных и смазочных масел и увеличение производства мазута. Что касается добычи сырой нефти, то с 1914 года наблюдается неуклонное сокращение буровых работ в старо-бакинском районе. В 1916 г. сокращение бурения имело место во всех нефтедобывающих районах. Это должно было сказаться на добыче ближайших лет, что уже в 1916 году проявилось в виде сокращения тартальной добычи нефти в бакинском и старо-грозненском районах. И если общая добыча нефти в 1916 году — 602,1 мил. п. выше 1915 года с 568 м. п., 1914 г.— 550,3 м. п. и даже 1913 г. с 569,3 м. п. и является рекордной за последние 12 лет, то это было все же временным явлением, и причина лежала в увеличении добычи на новых площадях в Сураханах и в ново-грозненском районе.

Расширение основного капитала, более того, возмещение изнашиваемого, встречало препятствие в недостатке и дороговизне материалов: вместо необходимых 10 мил. пуд. металла

---

[1]) Реквизиция явилась спутницей установленной в 1915 году разрешительной системы перевозок донецкого угля при свободе закулок потребителями. Эти реквизиции или „преимущественные заказы", как они назывались, практиковались усиленно уже летом 1915 года. За апрель-август 1916 года было реквизировано 131 м. п., и так как реквизиции были больше всего для железных дорог (111 мил. пуд. из указанного количества) и происходили на различных копях (в августе 1916 г. на 350), то понятны жалобы жел. дорог что уголь был плохим. См. сборник „Народн. хозяйство за 1916 г." вып. 3 изд. Ин. Эк. Иссл. Петроград, 1920 г.

было получено в 1916 г. 5—6 милл. пуд. Условия транспорта особенно давали себя знать: вздорожали цемент, лес, а „вследствие запрещения вывоза продуктов с Северного Кавказа, обычно питавшего Баку, обострился и продовольственный кризис на бакинских промыслах; временами запасы совершенно иссякали". Положение нефтяной промышленности в первые месяцы 1917 г. продолжало быть таким же; производство немного возросло против первых двух месяцев 1916 г. и в тех же районах. За весь же 1917 г. добыча нефти упала до 522,6 милл. пуд.

Б. Сельское хозяйство.

5.

Наш общий обзор хозяйственной жизни был бы неполным, если бы мы не коснулись здесь, хотя бы вкратце, продовольственного вопроса и связанного с ним положения сельского хозяйства, о котором у нас подробно будет речь во II тома.

Сначала несколько слов о сахарной промышленности, стоящей близко к сельскому хозяйству. Производство в ней за время войны все ухудшалось. Прежде всего отпали 55 заводов Ц. Польского, далее в 1915 году прекратили работы семь заводов в юго-западном крае. Площадь посева свекловицы сократилась. Уже в мае 1915 года имело место частичное установление цен: на рафинад и в некоторых потребительских районах. В октябре 1915 года переходят к твердым ценам для правительственных закупок; это ведет к раздвоению рынка и борьбе цен: твердых и вольного рынка; поражение терпят первые. В январе 1916 года учреждается в Киеве Ц. Бюро по закупке сахара, но так как частные сделки не были устранены, то урегулирование рынка не удалось. Поэтому в марте твердые цены распространяются на все сделки путем разрешительной системы для перевозок сахара по водным путям и железным дорогам из производящих губерний, а так как это обходили, то разрешение распространили на отпуск из заводов. Однако сокращение правительственных запасов сахара внушает все больше опасений, и вот Особым Совещанием вырабатываются в конце мая 1916 года нормы потребления сахара в столицах, городах и по губерниям, и осенью того же года мы имеем уже карточную систему в 30 губерниях Европейской России.

Перейдем к хлебным продуктам. Как известно, до войны не менее $^1/_5$ всех хлебов и $^1/_3$ пшеницы поступали на рынок, при чем товарность помещичьего хлеба была, конечно, выше крестьянского: в производственных районах помещики выпускали пшеницу на рынок в размере 81,1% производства, крестьяне — 51,1%;

ржи: 42 и 21,5%; овса и ячменя: 65,8 и 28,8% (Н. Кондратьев, В. Ден, и др.). Но производство крестьянское превалировало и из поступавшего на рынок хлеба только $^1/_5$ принадлежала владельцам. Война отразилась на сельском хозяйстве, во-первых, тем, что с самого начала уменьшила товарность крестьянского хлеба, продававшегося до войны усиленно из-за нужды в деньгах, которая теперь ослабела; во-вторых, уменьшились заметно посевы во владельческих хозяйствах. Сильнейший отлив населения на фронт, недостаток в сельско-хозяйственных машинах и удобрении, усиленный убой скота, реквизиции лошадей — за первые 2 года войны около 1.9 милл. голов — все это сказалось в 1916 году и на крестьянском хозяйстве. Так, по данным Ц. Статист. К-та, в 71 губ. и областях Империи посевы под продовольственные хлеба в 1915 году сократились на 2,3%, — овес на 2,8% и картофель на 6% против 1914 года; это падает на владельческие посевы, сократившиеся наполовину; в 1916 году сократили посевы и крестьяне, а частно-владельцы довели их до $^1/_4$ довоенного времени. Что касается сбора хлебов в этих губерниях и областях, то в 1915 году он был выше не только 1914 г., но среднего 1910 — 1914 г.г., как в отношении всех зерновых продуктов, так и картофеля. В 1916 году сбор, вследствие сокращения посевов и худшего урожая, был значительно ниже среднего: всех продовольственных хлебов, кормовых и картофеля было получено с территории без оккупированной ее части на 17.3% (в 1917 г. на 18.2%) меньше, чем средний сбор со всей территории за 1909—13 г.г., при этом продовольственные хлеба сократились на 18.0, картофель на 47.1 и кормовые на 19.1%; соответствующие цифры в 1917: г. 22.1, 42.5 и 22.7% (Н. Кондратьев). Если же исключить при сравнении сбора 1916 г. и довоенного оккупированные губернии и те, о которых не было полных данных, то окажется, что весь сбор был на 13,3% меньше среднего 1909 — 1913 г.г., при чем продовольственных хлебов на 10%, картофеля на 12,3% и кормовых на 16,6% (Б. Книпович). Однако, само сокращение сбора хлебов в 1916 г., особенно если принять во внимание значительные запасы от прошлых лет [1]), не могло бы внушать

[1]) Управление делами Особого Совещания определило „фактический избыток" главных хлебов (и овса) в 1915 г. для Империи „по крайней мере в 850 милл. пуд., в том числе 600 милл. продовольственных". И так как от урожая 1914 г. осталось 300 милл., то „следовательно общие избытки хлеба в стране в 1915 — 16 с.-х. году могут быть выражены величиной более миллиарда пудов" (Известия Особ. Совещания по прод. делу № 23 — 24 за 1916 г.; подчеркнуто там). По вычислениям того же Управления избытки хлебов (ржи, пшеницы и ячменя) за покрытием всех годовых потребностей армии и городского и сельского населения должны были составить для страны в 1916 — 17 г. около 450 милл. пуд., да и от прошлых лет „по самым скромным рассчетам" осталось до 500 милл. пуд. („Известия" etc. № 28 от 1916 г.) Подсчет сделал в своей книге: „Рынок хлебов" etc. изд. 1922 г., и проф. Н. Кондратьев. Он определил избытки всех хлебов (и кормовых) в 1914—15 г. в 0.6 милрда пуд., в 1915—16 г. в 0.9 милрд. картофеля 0.27 и 0.35 милрда. В 1916—17 все хлеба дали дефицит в 88.7 милл. пуд., при чем дефицит падает на кормовые 111.8 милл. и крупяные 10.6 милл., остальные дали избытки. Картофель же дал тоже дефицит в 103 милл. пуд. — остальные дали избытки.

опасения, если бы и здесь не проявились плоды государственного регулирования нашего слабого вообще транспорта и хлебного дела.

Уже в начале 1915 года, когда выяснилось, что заготовки правительственными уполномоченными хлеба для армии по вольным ценам протекают далеко не гладко, правительство приступило к мерам запрещения вывоза хлебов из отдельных губерний, установления твердых цен на них и реквизиции в случае отказа от добровольной продажи, при чем это было предоставлено командующим войсками. Этим сразу был нанесен удар хлебному рынку. Созданное в августе 1915 года „Особое совещание по продовольствию", несмотря на хороший урожай, становится очень скоро на путь общеимперского введения твердых цен: начав осенью с овса, оно в декабре распространяет эту меру на крупяные продукты, на рожь и ржаную муку; а затем и на все хлеба для надобностей правительства, оставив для частного рынка в силе вольные цены. Такими распоряжениями дезорганизация рынка могла быть лишь усилена. Вольный рынок влиял на твердые цены, которые должны были изменяться постоянно уже в силу все увеличивавшегося обесценения рубля. Дальнейшим шагом было распространение твердых цен на все сделки.

В мукомольном деле расстройство начало чувствоваться весною 1916 года. Обследование, произведенное тогда, показало, что в 19 мукомольных губерниях Европейской России из 700 мельниц, т.-е. 47% всех мельниц I — V разрядов в этих губерниях— во всей России было 2789 таких мельниц — работали полным ходом 382 мельницы или 55,4%; сократили производство 206 (29,4%) и приостановились 106 или 15,1%. Общее сокращение производства достигло 28%. С целью урегулирования дела было создано в конце июня 1916 г. при Особом совещании центральное бюро по мукомолью, в начале октября—еще и особая мукомольная комиссия, но работали они фактически до назначения министром Риттиха, который начал распоряжаться единолично.

Данные, собранные Управлением делами Особого совещания, показывают, что в декабре 1916 года по 27 губерниям в 938 мельн. I—V разр.—59% всех таких мельниц в этих губерниях—перемол пшеницы составлял 43% обычного месячного перемола для пшеницы и 22% для ржи, при чем он колебался по районам.

Все эти вычисления, конечно, далеки от точности, но несомненно показывают, что сокращение с.-х. производства в 1916 году само по себе не было еще катастрофическим. Это относится не только к земледелию, но и к скотоводству которое, конечно, упало количественно и качественно. Так, в 1915 году на убой пошло 10 миля. голов вместо обычного до войны годового убоя в 7 милл. Усиленный убой вызывался уже тем, что вследствие усиления хищнической постановки у нас скотопромышленного дела, чему война с ее повышенными ценами благоприятствовала, обычный средний убойный вес сократился с 13–15 пуд. до 10—12 с туш (Я. Полферов).

Запасы пшеницы на мельницах составляли около 40% обычного перемола. На слабое производство местами влияло неравномерное распределение запасов по районам: так в юго-западном районе запасы были почти исчерпаны и работали на текущем поступлении, в Нижегородской губ. запасы и поступления были большие, но мукомолы воздерживались от их расходования; в Ярославской же работали запасами, а поступления были ничтожны. Данные показывают, что в 50% случаев сокращение работы на мельницах было вызвано недостатком зерна и топлива. При этом затруднения заключались главным образом в невозможности своевременно доставить на мельницы и закупленные материалы. С установлением начиная с лета 1916 г. новой сортификации муки, твердых цен на нее на все сделки и правил для частных закупок — писал проф. А. Рафалович — свободному рынку был положен конец.

Установление с сентября 1916 г. твердых цен на все сделки с зерновыми продуктами и ниже вольных, сопровождавшееся довольно колебательной политикой в проведении их, сократило подвоз, и так как ноябрьские заготовки начали внушать правительству все большую тревогу, то министр земледелия А. Риттих самоуверенно перешел к принудительной разверстке. Результат не замедлил сказаться: в феврале 1917 г. продовольственный кризис принял катастрофический характер. И если это не произошло еще в конце 1916 года, то потому, что „помимо грузов по плану просачивалось некоторое количество и вне плана", при том были некоторые запасы от местных сборов урожая.

Что продовольственная катастрофа не была неожиданной, видно из того, что, за две с половиной недели до революции орган нашей крупной промышленности писал: „В настоящее время начинается самая тревожная полоса в тревожном и без того продовольственном кризисе. Неудачное начало, положенное в основание разверстки, парализует поступление хлебов; бездействие торгового оборота, отсутствие местных органов, боязнь всякого народно-хозяйственного организованного начала в народных глубинах устраняют возможность планомерной работы по извлечению хлебов; наконец, неисполнение планов, неподвоз хлебов в районы, нуждающиеся в привозном хлебе, грозит привести к катастрофе, так как местные запасы вероятно почти съедены. А между тем неисполнение планов представляется более чем вероятным. Бесталанная деятельность высших продовольственных органов, не сумевших опереться ни на торговый класс, ни на общественные организации, нарушила в конце концов поступление хлебов. Угрожающее состояние железных дорог внушает дальнейшие опасения: даже то немногое, что удастся извлечь для народного потребления, может лежать на станциях, ожидая отправки. Необходимы меры исключитель-

ные". И в конце статьи выставляется замаскированно лозунг того времени: ответственное министерство. „И с этим надо спешить"... (Промышленность и Торговля" от 11 февраля 1917 года).

В начале марта мы имели республику. Стихийный ход вещей—к творческой планомерной деятельности была не подготовлена и новая, лишенная твердости, власть — толкал на дальнейшие шаги по унаследованному пути: в марте вводится государственная хлебная монополия. Но и она не устранила кризиса. Установление твердых цен на сельско-хозяйственные продукты при все падающих деньгах естественно требовало установления таких же цен и на индустриальные продукты массового крестьянского потребления. На этот путь стала уже советская власть, взяв курс на национализацию промышленности. Однако, в виду сильнейшего падения государственных заготовок в 1917/18 и 1918/19 г.г., и нынешняя власть перешла в 1919 г. к принудительной разверстке хлеба для армии и потребляющих районов. Это увеличило заготовки, но разверстки и неурожай 1920 г. поставили и советскую власть перед необходимостью изменить путь. Сначала пришлось перейти к продналогу, затем к денежному налогу и, наконец, повернуть „лицом к деревне"; на очереди теперь ослабление налогового пресса, урегулирование землепользования и землеустройства. Таков „диалектический" кругооборот.

Некоторые общие выводы.

Произведенный нами общий обзор хозяйственной жизни страны показывает, что за время войны развивалось состояние недостаточного производства как в индустрии, так и в сельском хозяйстве, как в производствах средств производства, так и средств потребления. В предприятиях по изготовлению предметов военного снаряжения и в связанных с ними отраслях по добыче топлива и сырья производство, хотя и возросло в 1916 г., но, принимая во внимание все возраставший военный спрос, и здесь наблюдалось недостаточное производство, пополнявшееся ввозом снаряжения из-за границы. В индустриальных же предприятиях, работавших на частный рынок, в 1916 г. продолжалось дальнейшее сокращение производства, и недостаток товаров с ходом войны принимал все более острый характер. Что же касается сельского хозяйства и связанных с ним отраслей, то они обнаружили в 1916 году определенное сокращение производства, отражавшееся не только на снабжении мирного населения, но и армии. Меры государственного вмешательства в производство, транспорт, обмен и распределение сырья, топлива и готовых продуктов как в индустрии, так и в сельском хозяйстве, путем регулирования цен и планирования хозяйства страны, в конечном итоге лишь усилили расстройство промышленной и торговой

жизни, лишь обострили бедствия—distress—общего недостаточного производства.

Анализ показывает, что военное хозяйство, развивая одни отрасли на счет других, и при том непроизводительное производство на счет производительного с общественной точки зрения, этим усиливало еще более диспропорциональность отдельных отраслей, свойственную капиталистическому хозяйству. Это вело в конце концов к расстройству хозяйственного механизма и к обеднению всей системы, чему никакими принудительными мерами, запрещениями и разрешениями бюрократического аппарата помешать нельзя было тем более, что государственное контролирование и регулирование противоречат внутренней природе капиталистического строя. Эта неравномерность, непропорциональность производства различных отраслей усиливается тем, что военное хозяйство, разрастаясь, развивает неизбежно инфляционное хозяйство. Сущность же последнего заключается, как мы видели, в том, что оно и в мирное время, делая деньги, орудие обмена, игрушкой безграничной спекуляции, развивает лишь ложный просперитет, благополучие одних отраслей за счет других, при чем этот счет оказывается отрицательным для баланса хозяйства,—в том, что и оно, подобно военному, лишь нарушает функции нормального организма, вызывая в качестве противовеса со стороны государства меры принудительного хозяйства со всеми отрицательными их сторонами.

В своем докладе на 34-м съезде американских экономистов в декабре 1921 г. Edwin Seligmann говорил: „Непроизводительное потребление войны заступило место нормального избытка (surplus) производительного потребления мирного времени в таких ужасных размерах, что серьезно урезывало общественный капитал и общественный доход, и в такой степени, что почти угрожало строю цивилизации. В финансовых терминах это означало такую инфляцию, такое чрезмерное повышение цен с их обычным спутником — неразменными бумажными деньгами, что они превзошли даже опустошения денежных средств обращения (currency) времен американской революции и французских ассигнат".

Общий анализ, таким образом, приводит к выводу, что в то время как денежное обращение и денежный капитал—фиктивный, и особенно в форме займов,—проявили у нас с ходом войны все прогрессирующее увеличение, производительный капитал испытывал несомненное сокращение. Этому не противоречат вычисления Госплана, что валовая продукция на территории, соответствующей С. С. С. Р., возросла в 1915 и 1916 г.г. против 1913 и 1914 г.г., как это видно из таблицы на стр. 228. Следует помнить,—мы уже отметили, — что эта часть Империи увеличивала свое производство на счет занятых неприятелем и близким к театру военных действий местностей, что части, отошедшие от России, не считая Финляндии, охватывали в довоенное время около 17,6% валовой фабрично-заводской ее продукции, а они то больше всего пострадали. Важно помнить и то, что на увели-

чение валовой продукции на оставшейся территории в 1915 и 1916 г.г. влияло увеличение производства орудий разрушения, в то время как производство предметов широкого личного потребления и необходимых для этого средств производства — сокращалось. Важно иметь в виду то, что этот рост валовой продукции происходил на счет сокращения постоянного капитала: были повышенный — против нормы — износ основного капитала и истощение запасов сырья. Налицо несомненно было недостаточное производство товаров при избыточном производстве денег и фиктивного капитала. Этот противоречивый, ненормальный с точки зрения самого капиталистического хозяйства, процесс получил свое выражение на поверхности в повышении цен товаров или, что то же, в падении покупательной силы денег. И в результате мы видели, что и внешне все возраставшее увеличение денежного капитала—рост сбережений—внутренне представляло в лучшем случае падающее, но скорее — сокращенное накопление реального — по отношению к товарам — денежного капитала. Страна беднела [1])...

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА.

[1]) По вычислениям Гарвея Фиска война стоила миру около 81 миллиарда довоенных долларов (международные военные займы — 12,8 миллиардов — исключены). Из этой суммы „чистых расходов" 5,4 миллиарда падает на Россию (сюда не вошло около 2,3 миллиарда займов, полученных ею у союзников за время войны). Валовой военный расход на душу населения составил у нас 44,01 доллара, валовой военный расход в % к национальному имуществу составил 13,11, средний годовой военный расход в % к национальному доходу—24,10, и потеря людьми на войне в % к довоенному населению—0,98. („Междусоюзнические долги". Фин. изд. 1925 г.). Заметим заодно, что за время войны до февральской революции Россия должна была отдать в той или иной форме заграница около 68 милл. фунт. стерлингов, что составляет 42,5 довоенного золотого фонда Государственного банка, не считая его золота заграницей. (См. The Economist, May 30, 1925 г.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 3
Введение к „Современному Хозяйству России" . . . 9

I.

Отдел первый. **ТЕОРИЯ РЫНКОВ.** 1. Некоторые замечания о положении вопроса у нас. 2. Теория личного потребления народников: В. В. (Воронцов), Николай — он и др. 3. Теория производительного потребления (Рикардо, Сей, Милль и др.). 4. Теория Маркса. 5. Русские критики этой теории: Туган-Барановский, Булгаков и др.; наша антикритика. 6—7. Теория Розы Люксембург (критика ее критики) 15

Отдел второй. **ТЕОРИЯ КРИЗИСОВ.** 1. Общая характеристика существующих теорий. 2. Марксова критика теории Сея-Рикардо; Афталион и др. Теория диспропорциональности Туган-Барановского. 3. Теория недостаточности капитала. Шпитгоф, Туган-Барановский, Поле, Кассель и др. 4. Взаимоотношение отраслей производства средств производства и предметов личного потребления. В. Ильин. 5. Периодичность кризисов и ее причины. 6. Роль денежного капитала в развитии общего кризиса; различие движений денежного и индустриального капиталов. 7. Критика теории сбережений и исчерпания капитала. Митчелль, Фрайди и др. 8. Основные черты теории кризисов Маркса 39

II.

Отдел третий. **ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОДЪЕМ 1893—1899 г.г. А. Общий обзор.** 1. Развитие банкового и акционерного дела у нас; железнодорожное строительство, судостроение и др. 2. Сводные данные о развитии фабрично-заводской промышленности. 3. Рабочее движение (стачки за 1895—1900 г.г.). **Б. Обзор отдельных отраслей крупной промышленности за период подъема.** 4. Развитие отраслей производства средств производства: железной, каменноугольной и др. 5. Производства предметов массового личного потребления: хлопчатобумажное, сахарное, винокуренное и др. — Мукомольное дело 67

Отдел четвертый. **ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРИЗИС 1900—1902 г.г.** 1. Ревизионизм и наступление мирового кризиса в 1900 г. 2. Роль коммерческого и банковского кредита в возникновении общего кризиса, грюндерство и спекуляция. 3. Развитие у нас общего торгово-промышленного кризиса. Фаза „краха". 4. Биржа. Курсы типичных ценных бумаг за 1893—1902 гг. Состояние акционерного дела. 5. Движение товарных цен. Положение главных отраслей крупной индустрии. Нефтяная промышленность. 6. Кризис строительного дела. Хлопчатобумажная индустрия. 7. Внутренняя и внешняя торговля. 8. Положение рабочего класса (безработица, стачки и пр.). Некоторые выводы 85

III.

Стр.

Отдел пятый. **МЕЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ОТХОЖИЕ ПРОМЫСЛЫ 1890—1917 г.г. А. Кустарная промышленность.** 1. Общая характеристика нашей кустарной промышленности. Ее эволюция. 2. Положение кустарной промышленности в центрально-промышл. районе. Положение ее в северо-восточном районе и на Урале. 4. Земледельческие губернии. Юго-западный край и Сибирь. Фр. Энгельс по поводу нашей крестьянской домашней промышленности и кустарной. **Б. Городская мелкая промышленность.** 5. Ремесленные заведения в городах. Сводные данные о мелкой промышленности (городской и сельской) и отношение ее к крупной промышленности. Влияние войны и революции на мелкую промышленность. **В. Отхожие промыслы и перераспределение рабочих сил.** 6. Передвижение населения по территории страны. Тяга в город и фабрично-заводские центры. 7. Значение местных и отхожих промыслов для населения Европ. России и отдельных ее районов. Земледельческие промыслы. 8. Влияние войны и революции на распределение рабочих сил населения . . 114

IV.

Отдел шестой. **РЕГРЕССИВНЫЙ ПРОЦЕСС В НАШЕМ ХОЗЯЙСТВЕ. Деревня до революции 1905 г.** 1. Действие докапиталистических факторов. Влияние урожаев на нашу капиталистич. промышленность. 2. Развитие аграрного кризиса. 3. Мелкая аренда земли и ее различные формы у нас. 4. Влияние купеческого капитала на деревню. Влияние хлебных цен. Урожайность. Пауперизация деревни 143

Отдел седьмой. **ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.** (Экономические итоги). 1. Роль ссудно-денежного капитала в нашем сельском хозяйстве. Движение поземельной собственности. Состояние помещичьего хозяйства. 2. Влияние промышленного капитала на хозяйство страны. 3. Влияние торгового капитала. 4. Взаимодействие двух процессов — капиталистического и докапиталистического — в нашей экономической жизни 156

V.

Отдел восьмой. **НАША ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА (1889—1917 г.г.). А. Бюджетное право.** 1. До революции 1905 г. 2. После нее. **Б. Государственные росписи и податная система.** 3. Курс Вышнеградского—Витте. Косвенные налоги. Таможенные пошлины. 4. Движение обыкновенного государственного бюджета и косвенного обложения за 1892—1902 г.г. Чрезвычайный бюджет и его рессурсы за этот период. Свободная наличность. 5. Государств. бюджет в 1903—1905 г.г. 6. Движение государств. бюджета после революции 1905 г. до 1914 г. 7. Государственные доходы и национальный доход. Отражение на финансовой политике двойного процесса нашей экономической жизни. 8. Казенное железнодор. хозяйство. Казенное предпринимательство. **В. Военный бюджет.** 9. Анализ государственных росписей за 1914—1916 гг. **Г. Государственная задолженность.** 10. Роль государственных внешних

Стр.

и внутренних займов в хозяйстве страны. 11. Движение государственного долга за 1889—1909 гг. 12. Влияние русско-японской войны и революции 1905 г. на наш государств. кредит. Наши жел.-дор. займы и казенное жел.-дор. хозяйство. 13. Займы правительства в годы контр-революции (1906—1908 г.г.). 14. Состояние нашей государств. задолженности в пятилетие просперитета до войны (1909—1913 г.г.). Движение наших займов на внутреннем и внешнем рынках, краткосрочных и долгосрочных во время войны (1914 — 1917 г.г.). **Д. Источники финансирования войны.** 16. Роль национального дохода и национального богатства в питании мировой войны. Влияние последней на производительный капитал и производство страны. 17. Роль денег и денежного капитала в финансировании войны 170

VI.

Отдел девятый. **НАШЕ ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ. А. Теория денег.** 1. Кредитные и бумажные деньги. Наши инфляционисты. **Б. Денежная реформа Витте.** 2—3. Сущность реформы. Краткий очерк истории ее введения. Государственный банк. **В. Практика нашего денежного обращения.** 4—9. Подробный разбор правительственной политики в сфере денежного обращения за 1903—1914 г.г. **Г. Военный период.** 10. Роль Государств. банка как эмиссионного учреждения во время войны. Наши вексельные курсы и ценность рубля. Некоторые теоретические замечания. **Д. Наша золотопромышленность.** 11. Добыча золота за 1904—1917 г.г. **Е. Золотой фонд.** 12. Назначение золотого фонда. Наша золотая наличность за границей. **Ж. Мировая война и денежные системы.** 13. Падение ценности бумажных денег. Роль золота в международном обмене. Развитие у нас инфляционного хозяйства и судьба рубля 232

VII.

Отдел десятый. **ДВИЖЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА В СВЯЗИ С ОБЩИМ ОБЗОРОМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ за 1903—1916 г.г. А. Война с Японией и революция.** 1. Ликвидация кризиса 1900—1902 г.г., период „покоя". 2—3. Денежный кризис в 1904 г. в связи с войной. 4—5. Рецидив торгово-промышленного кризиса. 6. Денежный рынок в 1905 г. Влияние революции. 7. Денежный рынок в 1906 г. 8. Акционерное дело. Сберегат. кассы. Общая характеристика кризиса 1904—1906 г.г. **Б. После революции 1905 г. до мировой войны.** 1. Денежный рынок в 1907—1910 гг. 2. Общее состояние торговли и промышленности. Движение промышленного капитала в 1909—1910 г.г. Влияние неурожая 1911 г. 3. Общее состояние сельского хозяйства в конце первой декады XX в. и текстильная промышленность в 1911/1912 и 1912/1913 г.г. 4. Сводные данные о фабрично-заводской промышленности за 1909 — 1913 г.г. Некоторые замечания о характере движения нашего промышл. капитала 275

Стр.

Наша банковая система коммерческого кредита. 1. Деятельность Государств. банка, как банка коммерческого кредита. 2 Частные акционерные банки; их развитие. Сводные данные об активных и пассивных операциях всех наших кредитных учреждений. Общества взаимного кредита. **Отношение денежного капитала к промышленному.** 3. Общие теоретические замечания. 4. Роль иностранного капитала в наших кредитных учреждениях. Анализ главнейших активов наших акц. коммерческих банков за 1909—1913 г.г. и характеристика их работы . . . 308

Акционерное дело. Движение учредительства в 1907—1916 г.г. . 323

Долгосрочный кредит. Деятельность Дворянского и Крестьянского банков, акционерных и взаимных общ. кредит. учреждений за 1908—1915 г.г; задолженность сельского землевладения и городской недвижимости за этот период 327

Некоторые итоги. Развитие фондового капитализма у нас . . 328

Наша биржа. 1. Роль биржи в капиталист. хозяйстве. 2. Общая характеристика нашей биржи. 3—5. Анализ движения курсов ценных бумаг за 1903—1914 г.г. 6. **Биржа накануне мировой войны** 329

Денежный рынок и кредит в военный период. 1. Общие замечания. **А. Наши банки коммерческого кредита.** 1—2. Государствен. банк и частные кредитные учреждения в 1914—1916 г.г. 3. Характеристика деятельности наших частных банков во время войны. **Б. Мелкий кредит.** 1—2. Кредитные и ссудо-сберегательные товарищества; сословные учреждения и земские кассы. Деятельность их за 1904—1916 г.г. Касса город. и земск. кредитов **В. Биржа в военное время. Г. Общая характеристика денежного рынка во время войны.** 1. Сводные годовые данные о депозитах в различных кредитных учреждениях в 1914—1916 г.г. Движение нашего денежного рынка в 1914—1917 г.г. по месяцам. 2. Депозиты и инфляция (теоретический экскурс) 349

Общий обзор экономической жизни 1914 — 1917 г.г. Состояние мирового хозяйства. **А. Промышленность и торговля в России.** 1. Торгово-промышленный кризис 2-й половины 1914 г. Сводные данные о фабрично-заводской промышленности в 1911—1914 г.г. 2. Военная мобилизация промышленности и внутренний рынок в 1915—1916 г.г. 3. Сводные данные о фабрично-заводской промышленности в 1914—1916 г.г. 4. Краткий очерк состояния тяжелой индустрии в 1914—1917 г.г. Железная промышленность и ее государственное регулирование. Каменно-угольная и нефтяная отрасли промышленности и их регулирование. **Б. Сельское хозяйство.** 5. Краткий очерк состояния сахарного рынка и его госуд. регулирование. Сбор хлебов в 1915—1916 г.г. и их запасы. Мукомольное дело Продовольственная катастрофа 376

Некоторые общие выводы 394